УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ

О ЗНАЧЕНІИ ОПЫТА

ПРИ ПОЗНАНІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Казанскаго

Приватъ-доцента Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Одесса.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ (в. ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА).

Почтовая улица, домъ Фельдмана, № 43-й.

1891.

1 B

ПРОВ. 1957

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *И. С. Некрасовъ.*

330
46

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . VII—X.

Цѣль и задачи настоящаго труда. Способъ изложенія.

Глава I. Познаніе, пріобрѣтаемое человѣкомъ посредствомъ чувствъ (αἴσθησις), по Аристотелю . . . . . 1—246.

1. *Общее опредѣленіе чувственнаго познанія у Аристотеля.* Анализъ нѣкоторыхъ фразъ изъ первой половины 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики—указаніе первенства, по мнѣнію Аристотеля, чувственныхъ знаній сравнительно со всѣми другими знаніями. Анализъ 5-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ»—особенно подробнаго и связнаго изложенія самимъ Аристотелемъ сущности чувственнаго познанія. Два положенія, къ которымъ можно свести все содержаніе 5-ой главы. Иллюстрація второго положенія—анализъ §-овъ 4—7 2-ой главы III-ей книги того-же сочиненія «о душѣ». Иллюстрація перваго положенія — анализъ 8-го §-фа этой-же 2-ой главы Болѣе опредѣленное разъясненіе примѣненія Аристотелемъ къ чувственному познанію термина-страдательное состояніе. Указаніе, что, по Аристотелю, въ чувственномъ познаніи принимаютъ участіе какъ тѣло, такъ и душа чувствующаго существа—анализъ нѣкоторыхъ фразъ изъ 1-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» и мѣста изъ 1-ой же главы, трактата «о состояніи во время сна и во время бодрствованія». Ученіе Аристотеля объ участіи въ чувственномъ познаніи тѣла—анализъ §-овъ 10—12 и начала 15-го §-фа 4-ой главы I-ой книги сочиненія «о душѣ» и мѣста изъ 2-ой главы VII-ой книги «Физики» (устраненіе съ точки зрѣнія этого ученія и какъ-бы противорѣчій, находящихся повидимому въ 4-ой и началѣ 7-ой главъ III-ей книги сочиненія «о душѣ»). Участіе души въ чувственномъ познаніи по Аристотелю—анализъ двухъ первыхъ §-овъ 8-ой главы III-ей книги и двухъ первыхъ же §-овъ 12-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ». Дальнѣйшіе, вполнѣ естественные выводы Аристотеля изъ этихъ послѣднихъ его ученій—анализъ остающихся §-овъ 12-ой главы II-ой книги и 9-го §-фа 2-ой главы III-ей книги сочиненія «о душѣ». Повтореніе предыдущаго—общая схема пониманія общей сущности чувственнаго познанія Аристотелемъ.

2. *Отдѣльные виды чувственнаго познанія — главнымъ образомъ ощущенія, по ученію Аристотеля* (стр. 78). Анализъ 6-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ»—указаніе, что собственно чувственно познаваемымъ Аристотель считаетъ главнымъ образомъ вырабатываемое отдѣльными чувствами, то, что можно назвать внѣшними ощущеніями. Ученіе Аристотеля объ образованіи различныхъ внѣшнихъ ощущеній, преимущественно съ точки зрѣнія участія внѣшняго опыта, внѣшнихъ чувственныхъ предметовъ. Ученіе Аристотеля объ образованіи зрительныхъ ощущеній—анализъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ 7-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ» и изъ 2-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Образованіе слуховыхъ ощущеній по Аристотелю—анализъ 8-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ». Образованіе обонятельныхъ ощущеній по Аристотелю—анализъ главнымъ образомъ 5-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Образованіе вкусовыхъ ощущеній по ученію Аристотеля—анализъ 10-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ» и нѣкоторыхъ мѣстъ изъ 4-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Ученіе Аристотеля объ образованіи осязательныхъ ощущеній —анализъ главнымъ образомъ 11-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ». Мѣсто изъ той-же 11-ой главы, разъясняющее отождествленіе Аристотелемъ иногда чувствующей души съ нѣкоторымъ «центромъ», «серединою». Общее заключеніе относительно всего этого ученія Аристотеля.

3. *Ученіе Аристотеля о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія* (*κοινὸν αἰσθητήριον*) (стр. 171). Замѣчанія относительно неудобства формулировки настоящаго ученія Аристотеля, какъ ученія именно «о внутренней способности чувственнаго познанія». Вторая половина 1-ой главы III-ей книги сочиненія «о душѣ», собственно содержащая въ себѣ ученіе Аристотеля объ «общихъ» чувственныхъ свойствахъ. Начало 2-ой главы той-же книги того-же сочиненія, заключающее ученіе Аристотеля о признаніи чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои. Конецъ 2-ой главы (начиная съ 10-го §-фа) и одинъ §-фъ 7-ой главы этой-же книги этого-же сочиненія Аристотеля, трактующіе о различеніи чувствующимъ существомъ своихъ отдѣльныхъ ощущеній. Сведеніе всѣхъ этихъ мѣстъ и указаніе, что, помимо названныхъ спеціальныхъ темъ, Аристотель учитъ здѣсь еще и о нѣкоторомъ единствѣ отдѣльныхъ чувствъ — анализъ мѣстъ изъ 1-ой главы сочиненія Аристотеля «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», изъ 1-ой главы сочиненія «о памяти и воспоминаніи» и изъ 7-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Подтвержденіе неудобства обыкновенной формулировки настоящаго ученія. Откуда же вышла эта формулировка?—высказываніе Аристотелемъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ положенія о нѣкоторомъ уча-

стіи въ чувственныхъ познаніяхъ сердца. Заключеніе какъ относительно настоящаго ученія, такъ и вообще относительно всѣхъ частныхъ ученій, входящихъ у Аристотеля въ ученіе о чувственномъ познаніи, съ точки зрѣнія участія по этимъ ученіямъ опыта.

Глава II. Познаніе, являющееся результатомъ дѣятельности способности *φαντασία*, **по ученію Аристотеля** . . . . . 247—321.

Анализъ нѣкоторыхъ фразъ изъ первой половины 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики—указаніе, что между собственно чувственными и разумными знаніями Аристотель признаетъ промежуточныя знанія, которыя и слѣдуетъ считать знаніями, соотвѣтствующими дѣятельности способности *φαντασία*-образами, представленіями. Разсмотрѣніе 3-ей главы III-ей книги сочиненія Аристотеля «о душѣ», спеціально трактующей объ образахъ или представленіяхъ. Результаты этой 3-ей главы: дѣйствительная промежуточность, по Аристотелю, образовъ или представленій какъ знаній, и болѣе близкое сопоставленіе Аристотелемъ образовъ или представленій всеже съ чувственными знаніями. Болѣе детальное развитіе самимъ Аристотелемъ обоихъ этихъ положеній—анализъ почти всей 1-ой главы его трактата «о памяти и воспоминаніи» и конца 1-ой и почти всей 3-ей главы трактата «о сновидѣніяхъ» Аналогія знаній, являющихся результатомъ дѣятельности способности *φαντασία*, съ собственно чувственными знаніями по Аристотелю, и заключеніе отсюда съ точки зрѣнія участія въ образованіи этихъ знаній внѣшняго опыта.

Глава III. Разумное познаніе по Аристотелю. . . . . 322—406.

1. *Общее опредѣленіе природы самаго органа разумнаго познанія —νοῦς'а у Аристотеля.* Желаніе Аристотеля какъ будто отдѣлить разумъ отъ другихъ психическихъ способностей, и въ частности отъ чувственной. Предварительныя, еще не совсѣмъ опредѣленныя указанія на это у самого Аристотеля — анализъ нѣкоторыхъ фразъ изъ 1-ой и 4-ой главъ I-ой книги и изъ 2-ой главы II-ой книги сочиненія «о душѣ». Спеціальное изслѣдованіе Аристотелемъ природы разума — разборъ 4-ой главы III-ей книги того-же сочиненія «о душѣ». Первая часть этой главы—сравненіе Аристотелемъ разумной способности съ чувственною и, какъ результатъ этого сравненія, рѣшительное отдѣленіе разумной способности отъ чувственной. Вторая часть 4-ой главы—продолженіе указанныхъ выше отдѣленія и сравненія. Третья часть 4-ой главы сочиненія «о душѣ»—нѣкоторое рѣшеніе Аристотелемъ вопроса о томъ, какимъ образомъ можетъ сохраняться самомышленіе разума при познаніи имъ и матеріальныхъ предметовъ. Анализъ мѣста изъ 3-ей главы II-ой книги сочиненія Аристотеля «о происхожденіи животныхъ».

2. *Νοῦς ποιητικός и νοῦς παθητικός по ученію Аристотеля* (стр. 359). Повтореніе предыдущаго—предварительныя указанія на то, какъ можно смотрѣть на прибавленіе Аристотелемъ къ общему

опредѣленію природы разума еще ученія о дѣятельномъ и страдательномъ разумахъ. Разборъ 5-ой главы III-ей книги сочиненія «о душѣ», самаго текста Аристотелевскаго ученія о дѣятельномъ и страдательномъ разумахъ. Подтвержденіе, на основаніи этого разбора, дѣйствительной возможности приведеннаго взгляда.

3. *Ученіе Аристотеля о самомъ процессѣ образованія разумныхъ познаній* (стр. 368). Объясненіе термина—«процессъ образованія разумныхъ познаній». Анализъ 6-ой главы III-ей книги сочиненія «о душѣ»—указаніе, что въ этой главѣ Аристотель какъ-бы открываетъ свои болѣе конкретныя ученія, касающіяся разумнаго познанія. Анализъ второй половины 7-ой главы (начиная съ 5-го §-фа) и второй половины 8-ой главы III-ей книги сочиненія «о душѣ»—подготовленіе Аристотелемъ картины процесса образованія разумныхъ знаній. Самая картина этого процесса — разсмотрѣніе второй половины 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики. Выводы, которые можно получить изъ этого разсмотрѣнія. Итоги Аристотелевскаго ученія вообще о разумномъ познаніи—подлинныя воззрѣнія Аристотеля на роль, участіе опыта и въ разумныхъ познаніяхъ.

Глава IV. Общее заключеніе относительно собственно познавательныхъ ученій Аристотеля. . . . . . 407—415.

Сопоставленіе познавательныхъ ученій Аристотеля съ его общими философскими, изложенными по преимуществѣ въ Метафизикѣ, взглядами (анализъ мѣста изъ 9-ой главы XIII-ой книги Метафизики и мѣста изъ 11-ой главы 1-ой книги Второй Аналитики), и указаніе, что, благодаря этому сопоставленію, разъясняются недоумѣнія по поводу познавательныхъ Аристотелевскихъ ученій. Собственно познавательныя ученія Аристотеля, какъ подготовляющія или иллюстрирующія тѣ-же его общіе философскіе взгляды.

Указатель приведенныхъ въ подлинникѣ и подвергнутыхъ болѣе спеціальному разбору мѣстъ изъ различныхъ сочиненій Аристотеля. 416—417.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Такъ какъ Аристотель и Платонъ, по вліянію и значенію, далеко выдаются впереди между греческими философами», говоритъ Ланге въ своей «Исторіи матеріализма» [1]), «то легко возникаетъ желаніе поставить ихъ въ рѣзкую противоположность другъ съ другомъ, какъ будто бы они были представителями двухъ главныхъ направленій философіи: априористическаго умозрѣнія и раціональной эмпиріи». Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ вѣрностью этого положенія, — и до сихъ поръ раздаются голоса, и, нужно замѣтить, голоса очень сильные, которые выставляютъ Аристотеля рѣшительнымъ эмпирикомъ, или, если и не эмпирикомъ въ современномъ смыслѣ этого слова, то провозвѣстникомъ, предтечею современнаго эмпиризма. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? можно ли вполнѣ и безусловно согласиться съ этими голосами?

Посильному рѣшенію поставленнаго вопроса посвящено настоящее изслѣдованіе. Но какъ было приступить къ рѣшенію этого вопроса, съ какóй стороны, съ какóй точки зрѣнія можно было надѣяться наиболѣе удобно разрѣшить его? Мнѣ казалось, что наиболѣе удобно было въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на психологическую, или, лучше сказать, на теоретико-познавательную сторонý дѣла. Если мы разсмотримъ, казалось мнѣ, какýю роль, по мнѣнію Аристотеля, играетъ опытъ въ образованіи нашихъ познаній, то этимъ мы уяснимъ себѣ въ наиболѣе рельефныхъ чертахъ воззрѣнія Аристотеля на опытъ и, такимъ образомъ, уяснимъ себѣ и эмпиризмъ Аристотеля. Этими дальнѣйшими соображеніями опредѣлилось болѣе

---

[1]) Ланге. «Исторія матеріализма», русскій переводъ Н. Страхова. т. I стр. 63.

подробное содержаніе настоящаго сочиненія, ими объясняется и заглавіе—«ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи». Конечно, здѣсь нельзя было обойти и общихъ философскихъ, собственно метафизическихъ, изложенныхъ главнымъ образомъ въ Метафизикѣ Аристотеля, Аристотелевскихъ взглядовъ, ибо эти общіе философскіе взгляды, какъ у всякаго философа, разумѣется, и у Аристотеля даютъ тонъ всѣмъ остальнымъ его ученіямъ; отсюда уже во всемъ сочиненіи приходится имѣть въ виду эти общіе философскіе взгляды, а въ концѣ даже прямо приходится сопоставить ихъ съ излагаемыми ученіями, и въ этомъ сопоставленіи найти окончательное разъясненіе излагаемыхъ ученій; — тѣмъ не менѣе, центръ тяжести въ настоящемъ сочиненіи лежитъ всетаки не въ этихъ общихъ философскихъ взглядахъ, онъ лежитъ въ изложеніи собственно психологическихъ, познавательныхъ ученій Аристотеля.

И мнѣ кажется, что подобная работа, помимо спеціальнаго интереса, въ настоящее время можетъ имѣть еще интересъ и общій. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на современное движеніе философствующей мысли вообще, на современную философскую литературу напр. въ Германіи, то мы безъ сомнѣнія согласимся, что современная философствующая мысль въ высшей степени занята критическими задачами, что современная философія все болѣе и болѣе стремится къ выработкѣ ясныхъ, простыхъ и твердыхъ принциповъ того, что можно назвать теоріею познанія. И это стремленіе конечно весьма замѣтно и въ нашей отечественной русской философской литературѣ. Но если такъ, то при такомъ положеніи дѣла попытка еще разъ просмотрѣть философскія ученія Аристотеля съ этой по преимуществу теоретико-познавательной точки зрѣнія, еще разъ отвѣтить на вопросъ о томъ, былъ ли Аристотель эмпирикомъ, если имѣть въ виду главнымъ образомъ его теорію познанія, въ настоящее время будетъ, какъ мнѣ кажется, какъ разъ своевременною. При такомъ строительномъ, созидающемъ направленіи безъ сомнѣнія интересно кинуть взглядъ назадъ, посмотрѣть, какъ думали по тѣмъ-же вопросамъ величайшіе умы, величайшіе авторитеты прошлаго,— а Аристотель, конечно, былъ однимъ изъ такихъ авторитетовъ.

Переходя затѣмъ къ самому способу, къ самымъ пріемамъ моего изложенія, укажу, что моею цѣлью было изложить

названныя ученія Аристотеля въ возможно ясной, систематичной и послѣдовательной формѣ, — и главное, дать такое изложеніе, которое гарантировало бы, такъ сказать, полную подлинность излагаемыхъ ученій, ихъ дѣйствительно несомнѣнную принадлежность самому Аристотелю. Съ этой точки зрѣнія я прежде всего, не имѣя возможности спеціально заняться разборомъ подлинности различныхъ сочиненій Аристотеля (сколько-нибудь обстоятельный такой разборъ, конечно, потребовалъ бы самостоятельнаго, и также весьма обширнаго сочиненія), старался брать мысли Аристотеля только изъ такихъ сочиненій, которыя уже завѣдомы подлинны, относительно которыхъ уже ни у кого нѣтъ сомнѣній, что, такъ или иначе, но они принадлежатъ самому Аристотелю. Такимъ образомъ я совершенно не пользовался напр. также приписываемымъ Аристотелю трактатомъ, трактатомъ «о движеніи животныхъ», хотя въ немъ и заключался довольно интересный для меня матеріалъ, — не пользовался потому, что какъ разъ относительно подлинности этого сочиненія еще и до сихъ поръ не исчезли сомнѣнія. Сочиненіями же Аристотеля завѣдомо подлинными, и притомъ имѣя въ виду общую цѣль настоящаго изслѣдованія, я считалъ: прежде всего главное психологическое сочиненіе Аристотеля, его сочиненіе «о душѣ», а затѣмъ изъ болѣе мелкихъ его психологическихъ же трактатовъ—трактатъ «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», «о памяти и о воспоминаніи», «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», и «о сновидѣніяхъ». Этими сочиненіями, равно какъ и послѣднею главою 2-ой книги Второй Аналитики, я по преимуществу пользовался, — въ дополненіе же къ нимъ я бралъ еще мѣста и ссылался на психологическій же трактатъ «о молодости и старости» и «о жизни и смерти», на сочиненія «о происхожденіи животныхъ» и «о частяхъ животныхъ», на «Физику» и «Метафизику», точно также какъ и вообще на Вторую Аналитику. Далѣе, этою же, только что высказанною цѣлью, преслѣдуемою мною въ моемъ изложеніи, объясняется и то, что вездѣ я старался, такъ сказать, говорить словами самого же Аристотеля: повсюду я не излагалъ подлинныя мнѣнія Аристотеля своими словами, но главнымъ образомъ старался выдвигать самого Аристотеля; весьма большое количество главъ изъ сочиненія «о душѣ» напр. я прямо представилъ какъ-

бы въ переводѣ. Между прочимъ послѣднее обстоятельство, замѣчу кстати, уже помимо всего, должно имѣть существенное значеніе, по крайней мѣрѣ въ нашей отечественной, русской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе мелкіе психологическіе трактаты Аристотеля совсѣмъ не существуютъ въ русскомъ переводѣ,—сочиненіе же «о душѣ» хотя и существуетъ въ переводѣ Снегирева, но нельзя не указать, что переводъ этотъ оставляетъ желать послѣ себя весьма многаго; главное — въ немъ совершенно нѣтъ никакихъ дополнительныхъ разъясняющихъ замѣчаній. Такимъ образомъ уже одно желаніе восполнить по мѣрѣ силъ этотъ недостатокъ, дать между прочимъ болѣе обстоятельный переводъ мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, касающихся его познавательныхъ ученій, и въ частности дать болѣе обстоятельный переводъ существенныхъ мѣстъ хотя бы изъ того-же сочиненія «о душѣ», оправдывало, какъ мнѣ казалось, этотъ мой способъ изложенія, позволяло принять именно его.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести искреннюю и глубокую благодарность Новороссійскому Университету за напечатаніе настоящаго сочиненія, и прошу читателя, говоря словами Waitz'a [1]), «чтобы онъ не судилъ поспѣшно о томъ, что написано по долгомъ соображеніи: пусть знаетъ читатель, что мнѣ въ высшей степени пріятно будетъ всякое возраженіе, высказанное по тщательномъ обсужденіи дѣла, хотя бы въ концѣ концовъ я всетаки не согласился съ этимъ возраженіемъ».

---

[1]) Ср. что говоритъ между прочимъ Waitz въ введеніи къ изданію Organon'a Аристотеля—т. I, Praefatio стр. X.

ГЛАВА I.

Познаніе, пріобрѣтаемое человѣкомъ посредствомъ чувствъ (αἴσθησις), по Аристотелю [1]).

1. Общее опредѣленіе чувственнаго познанія у Аристотеля.

Въ одномъ изъ самыхъ важныхъ для своей теоріи познанія мѣстъ, именно въ послѣдней, 19-ой главѣ 2-ой книги своей Второй Аналитики, Аристотель ставитъ вопросы,—что такое начала доказательства (ἀρχαὶ τῆς ἀποδείξεως), основанія, на которыя опирается доказательство, какъ пріобрѣтаются человѣкомъ эти начала? Аристотель, стало быть, подвергаетъ здѣсь изслѣдованію вообще происхожденіе нашего знанія, ибо, само собою разумѣется, разъяснивши природу этихъ началъ, на-

---

[1]) Изъ сочиненій, которыя трактуютъ объ этомъ-же предметѣ и которыя я имѣлъ въ виду при составленіи настоящей главы, укажу на слѣдующія: Общіе курсы по исторіи древней греческой философіи—*Hegel'я* (въ изданіи Michelet'a, 2-te Auflage II. Berlin 1842), *Brandis'a* (2-ter Theil, 2-te Abtheil. 1-te u. 2-te Hälfte. Berlin 1853—57), *Zeller'a* (3-te Auflage, 2-ter Theil, 2-te Abtheilung. Lpz. 1879). Далѣе, изъ отдѣльныхъ сочиненій: *Waddington-Kastus* «De la psychologie d'Aristote». Paris 1848; *Jürgen Bona Meyer* «Aristoteles' Thierkunde». Brl. 1855; *G. H. Lewes*. «Aristoteles-ein Abschnitt aus einer Geschichte der Wissenschaften» aus dem Engl. übers. von J. V. Carus. Lpz. 1865; *A. Gratacap*. «Quae fuerit Aristotelis de sensibus doctrina?» Monspellii 1866; *Fr. Brentano*. «Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom *Νοῦς ποιητικός*». Mainz 1867; *Fr. Ferd. Kampe*. «Die

иболѣе существеннаго элемента въ знаніи съ точки зрѣнія Аристотеля, мы тѣмъ самымъ разъяснимъ и природу, происхожденіе вообще нашего знанія. Указавъ, что было бы одинаково трудно какъ признать полную прирожденность этихъ началъ, такъ и ихъ полную пріобрѣтаемость (послѣднее, очевидно, въ томъ смыслѣ, что у человѣка первоначально нѣтъ даже никакой способности, при дѣйствіи которой могли бы проявляться эти начала, что духъ человѣка въ отношеніи къ этимъ началамъ представляетъ полнѣйшую tabula rasa), Аристотель продолжаетъ: «итакъ ясно, что невозможно—ни имѣть эти начала отъ самаго рожденія, ни существовать вполнѣ незнающимъ, вполнѣ неимѣющимъ никакой способности для образованія ихъ. Отсюда необходимо имѣть нѣкоторую способ-

---

Erkenntnisslehre des Aristoteles». Lpz. 1870; *Θ. Зеленогорскій.* «Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона». Спб. 1871; *H. Schell.* «Die Einheit des Seelenlebens aus den Principien der Aristotelischen Philosophie entwickelt» Frb. im Breisgau 1874; *G. Teichmüller.* «Studien zur Geschichte der Begriffe». Brl. 1874; *Cl. Baeumker.* «Des Aristoteles Lehre von den äussern und innern Sinnesvermögen». Paderborn 1877; *J. Neuhaeuser.* «Aristoteles' Lehre von dem sinnlichen Erkenntnissvermögen und seinen Organen». Lpz. 1878; *B. Ritter.* «Die Grundprincipien der aristotelischen Seelenlehre». Jena 1880; *J. Dembowski.* «Quaestiones Aristotelicae duae—I) De *κοινοῦ αἰσθητηρίου* natura et notione. II) De natura et notione *τοῦ θυμοῦ* quatenus est pars *ὀρέξεως*». Regimonti 1881; *A. Ed. Chaignet.* «Essai sur la psychologie d'Aristote». Paris 1883; *G. Grote.* «Aristotle», edited by A. Bain and G. C. Robertson. 3-d Edition. London. 1883 (тоже и у *Bain'a* въ его «The senses and the Intellect»; я пользовался французскимъ переводомъ этого сочиненія Cazelles'я); *H. Siebeck.* «Geschichte der Psychologie» I—ter Theil, 2-te Abtheilung—«Die Psychologie von Aristoteles bis zu Thomas von Aquino». Gotha. 1884; *V. Knauer.* «Grundlinien zur Aristotelisch-Thomistischen Psychologie». Wien. 1885. Затѣмъ, что касается до самаго текста Аристотеля, то, какъ въ этой главѣ, такъ и во всемъ вообще сочиненіи, я цитирую по Берлинскому изданію сочиненій Аристотеля Bekker'a, но имѣю въ виду также и другія изданія и затѣмъ переводы Аристотелевскихъ сочиненій, равно какъ и отдѣльныя статьи въ различныхъ, по преимуществу филологическихъ, журналахъ и изданіяхъ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля. Всѣ эти изданія, переводы, и всѣ эти статьи здѣсь перечислять я не буду,—я буду указывать ихъ ниже, по мѣрѣ того какъ въ нихъ будетъ встрѣчаться надобность.

ность, которая, такъ или иначе, образовывала бы эти начала, отъ которой, такъ или иначе, эти начала вели бы свое происхожденіе. И кажется, что такая способность присуща всѣмъ животнымъ, ибо всѣ животныя имѣютъ нѣкоторую прирожденную критическую, различающую способность, которую называютъ αἴσθησις, способностью чувства» [1]). И далѣе: «познавательныя способности, такимъ образомъ, не существуютъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга, несвязанно другъ съ другомъ,—съ другой стороны онѣ и не обусловливаются какими-либо очень высокими, болѣе высшими, чѣмъ онѣ сами, способностями; познавательныя способности, такъ или иначе, ведутъ свое начало отъ αἴσθησις, отъ способности чувства» [2]). Такъ учитъ Аристотель о происхожденіи нашего знанія въ общемъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту, въ высшей степени важную для теоріи познанія Аристотеля, главу Второй Аналитики во всѣхъ ея подробностяхъ, какъ бы мы ни разъясняли и ни понимали другія выраженія, другія части этой главы (въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи намъ еще не разъ придется пользоваться ею, и не разъ придется толковать и разъяснять различныя ея выраженія), одно для насъ въ настоящемъ случаѣ совершенно несомнѣнно,—это то, что основаніе всѣхъ видовъ, всѣхъ порядковъ знанія составляютъ по Аристотелю чувственныя знанія, что знанія вообще, такъ или иначе, по Аристотелю ведутъ свое начало отъ чувственныхъ знаній. Этимъ обстоятельствомъ вполнѣ ясно опредѣляется порядокъ нашего изслѣдованія. Если самъ Аристотель первою ступенью познаній вообще считаетъ чувственныя познанія, познанія, пріобрѣтаемыя благодаря дѣятельности чувствъ, то очевидно, и при изслѣдованіи значенія опыта въ образованіи познаній по Аристотелю начать придется съ изслѣдованія чувственныхъ познаній.

Итакъ, что такое чувственныя познанія по Аристотелю, и какова, по его мнѣнію, роль опыта при образованіи этихъ

---

[1]) Anal. post. II. 19. 99 b. 30 и сл. *φανερὸν τοίνυν ὅτι οὔτ' ἔχειν οἷόν τε, οὔτ' ἀγνοοῦσι καὶ μηδεμίαν ἕξιν ἐγγίνεσθαι. ἀνάγκη ἄρα ἔχειν μέν τινα δύναμιν,..... φαίνεται δὲ τοῦτό γε πᾶσιν ὑπάρχον τοῖς ζῴοις. ἔχει γὰρ δύναμιν σύμφυτον κριτικήν, ἣν καλοῦσιν αἴσθησιν.*

[2]) Ibidem, 100 a. 10—11 *οὔτε δὴ ἐνυπάρχουσιν ἀφωρισμέναι αἱ ἕξεις, οὔτ' ἀπ' ἄλλων ἕξεων γίνονται γνωστικωτέρων, ἀλλ' ἀπὸ αἰσθήσεως.*

познаній въ человѣкѣ? Общее опредѣленіе чувственнаго познанія находится у Аристотеля главнымъ образомъ въ 5-ой и 12-ой главахъ II-ой книги его сочиненія «О душѣ», затѣмъ сюда-же относятся и нѣкоторые параграфы 2-ой, 4-ой, 7-ой и 8-ой главъ III-ей книги, нѣкоторые параграфы 4-ой главы I-ой книги того-же сочиненія, далѣе отдѣльныя мѣста изъ болѣе мелкихъ психологическихъ сочиненій Аристотеля (parva naturalia), и наконецъ, мѣсто изъ 2-ой главы VII-ой книги его «Физики». На подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и главнымъ образомъ 5-ой главы II-ой книги намъ и нужно будетъ обратить вниманіе прежде всего.

Аристотель начинаетъ 5-ую главу II-ой книги названнаго сочиненія съ того, что отождествляетъ процессъ чувственнаго познанія съ состояніемъ нѣкотораго движенія, съ нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ въ чувствующемъ организмѣ. «Чувственное познаніе», говоритъ онъ, «есть состояніе движенія, страдательное состояніе: — кажется оно есть нѣчто какъ бы вродѣ измѣненія» (очевидно въ чувствующемъ организмѣ); «причемъ нѣкоторые прибавляютъ еще», замѣчаетъ Аристотель, «что испытывать страдательное состояніе можетъ только подобное отъ подобнаго» [1]). Однако такія опредѣленія еще не много даютъ: они слишкомъ общи. Прежде всего, продолжаетъ Аристотель, при такомъ опредѣленіи процесса

---

[1]) De anima II, 5. 416 b. 33 и сл. *ἡ δ'αἴσθησις ἐν τῷ κινεῖσθαί τε καὶ πάσχειν συμβαίνει,..... δοκεῖ γὰρ ἀλλοίωσίς τις εἶναι. φασὶ δέ τινες καὶ τὸ ὅμοιον ὑπὸ τοῦ ὁμοίου πάσχειν.* Съ этимъ можно сравнить еще De an. II, 4. 415 b. 24. *ἡ αἴσθησις ἀλλοίωσίς τις εἶναι δοκεῖ* и тамъ же II, 11. 423 b. 31. *τὸ αἰσθάνεσθαι πάσχειν τι ἐστίν.* По поводу того нѣсколько страннаго обстоятельства, что во всѣхъ этихъ приведенныхъ выраженіяхъ (за исключеніемъ только одного послѣдняго) Аристотель употребляетъ терминъ *αἴσθησις*, и очевидно употребляетъ его для обозначенія *процесса* чувственнаго познанія, тогда какъ въ Аналитикѣ, какъ мы видѣли, онъ употреблялъ тотъ же терминъ для обозначенія *способности* чувственнаго познанія, слѣдуетъ замѣтить, что по отношенію къ *αἴσθησις* терминологія Аристотеля не совсѣмъ тверда. Аристотель въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій употребляетъ слово *αἴσθησις* то въ значеніи способности чувственнаго познанія, то въ значеніи процесса чувственнаго познанія, то наконецъ еще въ значеніи *результата* чувственнаго познанія, самаго содержанія чувственнаго познанія. На это разнообразіе смысловъ термина *αἴσθησις* указывали многіе из-

чувственнаго познанія, просто какъ нѣкотораго страдательнаго состоянія въ чувствующемъ организмѣ, является недоумѣніе, почему чувства не познаютъ, не ощущаютъ самихъ себя и почему безъ внѣшнихъ предметовъ не бываетъ никакихъ чувственныхъ познаній, никакихъ ощущеній, хотя въ самыхъ этихъ чувствахъ находятся тотъ же огонь, та же земля и тѣ же другія стихіи, которыя обыкновенно познаются, ощущаются чувствами [1]). Это недоумѣніе Аристотель разрѣшаетъ тѣмъ, что вводитъ въ опредѣленіе процесса чувственнаго познанія и самаго чувственнаго познанія свои, играющія столь большую роль во всей его философской системѣ, понятія—возможности (δύναμις) и осуществленія, реализаціи этой возможности (ἐνέργεια и ἐντελέχεια), т. е. понятія болѣе страдательнаго и болѣе дѣятельнаго, энергичнаго начала. «Итакъ ясно», отвѣчаетъ Аристотель на это недоумѣніе, «что чувствующая способность, или чувствующій организмъ самъ по себѣ (τὸ αἰσθητικόν) не есть что либо, находящееся въ состояніи осуществленія, реализаціи, не есть что либо, находящееся въ полной дѣятельности, а только нѣчто, находящееся въ возможности,—простая способность, которая для того, чтобы начать функціонировать, требуетъ присутствія и дѣйствія на себя нѣкотораго болѣе

слѣдователи психологическихъ ученій Аристотеля и въ частности его ученія о чувственномъ познаніи (см. напримѣръ Gratacap. Quae fuerit Aristotelis de sensibus doctrina. стр. 32; и особенно Neuhäuser. Aristoteles' Lehre von dem sinnlichen Erkenntnissvermögen und seinen Organen. стр. 78—79). Но эта нетвердость терминологіи Аристотеля конечно нисколько не мѣшаетъ общему пониманію: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (какъ и въ настоящихъ, данныхъ случаяхъ) всегда на основаніи контекста можно видѣть, какой именно смыслъ придаетъ тутъ Аристотель нашему термину. Далѣе, что касается до того обстоятельства,—кого именно разумѣетъ здѣсь Аристотель подъ этими «нѣкоторыми» (φασὶ δέ τινες), то отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ точно было бы трудно: прямыхъ и опредѣленныхъ указаній у самого Аристотеля на этотъ счетъ мы не имѣемъ. Возможно конечно (какъ это между прочимъ указываетъ Wallace «Ἀριστοτέλης περὶ ψυχῆς». Cambridge. 1882. стр. 236—именно во введеніи къ объясненію настоящей 5-ой главы II-ой книги), что упоминаемое здѣсь мнѣніе было, такъ сказать, популярною, весьма распространенною въ школахъ того времени теоріею.

[1]) Ibidem, 417 a, 2—6.

дѣятельнаго начала» [1]). Отождествлять просто процессъ чувственнаго познанія и самое чувственное познаніе по Аристотелю съ состояніемъ движенія и съ состояніемъ страдательнымъ, такимъ образомъ, невозможно,—необходимо выдѣлять при этомъ еще съ одной стороны болѣе страдательное и съ другой стороны болѣе дѣятельное начало. Это болѣе страдательное начало, согласно вышеприведеннымъ подлиннымъ словамъ Аристотеля, представляетъ собою чувство, самъ чувствующій организмъ: слѣдовательно, быть болѣе дѣятельнымъ началомъ выпадетъ на долю внѣшнихъ предметовъ. И вотъ почему чувства не могутъ ощущать, чувственно познавать самихъ себя, элементовъ, входящихъ въ нихъ же,—это потому, что эти элементы будутъ въ самихъ же чувствахъ, они не будутъ по отношенію къ чувствамъ внѣшни.

Итакъ, если чувственное познаніе по Аристотелю и есть нѣкоторое страдательное состояніе, то нужно во всякомъ случаѣ различать при этомъ начало болѣе страдательное и болѣе дѣятельное, нужно во что бы то ни стало примѣнить къ чувственному познанію, къ процессу чувственнаго познанія, эти понятія *δύναμις* и *ἐνέργεια* или *ἐντελέχεια*. Но понятія *δύναμις* и *ἐνέργεια*, какъ мы только что указали, не заключаютъ въ себѣ у Аристотеля понятій только болѣе дѣятельнаго и болѣе страдательнаго начала: ими обозначаются еще,—и обозначаются даже главнымъ, наиболѣе существеннымъ образомъ,—состояніе вообще возможности и состояніе активности, осуществленія, реализаціи этой возможности. Эти послѣднія значенія терминовъ *δύναμις* и *ἐνέργεια* также необходимо слѣдуетъ имѣть въ виду при разъясненіи сущности чувственнаго познанія по Аристотелю. Эту необходимость Аристотель подтверждаетъ обыкновеннымъ, такъ сказать, популярнымъ способомъ выраженія. «Вѣдь слово ощущать, чувственно познавать», говоритъ онъ, «обыкновенно употребляется въ двухъ смыслахъ: существо, обладающее способностью видѣть и слышать, мы называемъ видящимъ и слышащимъ и тогда, когда оно напр. спитъ, и тогда, когда оно дѣйствительно видитъ и слышитъ».

---

[1]) Ibidem, 417 a. 6—7. *Δῆλον οὖν ὅτι αἰσθητικὸν οὐκ ἔστιν ἐνεργείᾳ, ἀλλὰ δυνάμει μόνον.*

Но если такъ, то этотъ двоякій смыслъ можетъ быть примѣненъ и къ ощущенію, и къ самому чувственному познанію:— «и о самомъ чувственномъ познаніи можно сказать, что съ одной стороны оно есть возможность чувственнаго познанія, съ другой же стороны оно есть осуществленіе, реализація этой возможности». И тоже самое и относительно ощущаемаго, чувственно познаваемаго объекта: «и чувственно познаваемый объектъ можетъ быть названъ чувственно познаваемымъ въ возможности и въ дѣйствительности» [1]). Стало быть, и обыкновенный популярный способъ выраженія какъ бы указываетъ по Аристотелю на умѣстность примѣненія этихъ понятій *δύναμις* и *ἐνέργεια* къ объясненію чувственнаго познанія: популярный способъ выраженія прямо какъ бы наталкиваетъ изслѣдователя на эти понятія при объясненіи чувственнаго познанія.

Такимъ образомъ, понятія *πάσχειν*, *κινεῖσθαι*—страдательное состояніе, состояніе движенія, далѣе понятіе *ἐνεργεῖν*—дѣятельное, активное состояніе, другими словами понятія *πάσχειν* и *κινεῖσθαι* въ необходимой связи съ различными смыслами понятій *δύναμις* и *ἐνέργεια* или *ἐντελέχεια*, — вотъ что должно по Аристотелю дѣйствительно дать ключъ къ объясненію сущности чувственнаго познанія, вотъ что должно пролить

---

[1]) Ibidem, 417 a. 9—14. *Ἐπειδὴ δὲ τὸ αἰσθάνεσθαι λέγομεν διχῶς (τό τε γὰρ δυνάμει ἀκοῦον καὶ ὁρῶν ἀκούειν καὶ ὁρᾶν λέγομεν, κἂν τύχῃ καθεῦδον, καὶ τὸ ἤδη ἐνεργοῦν), διχῶς ἂν λέγοιτο καὶ ἡ αἴσθησις, ἡ μὲν ὡς δυνάμει, ἡ δὲ ὡς ἐνεργείᾳ. ὁμοίως δὲ καὶ τὸ αἰσθητόν, τό τε δυνάμει ὂν καὶ τὸ ἐνεργείᾳ.* Что касается до перемѣны въ послѣдней фразѣ—*τὸ αἰσθητόν* (у Bekker'a собственно читается *ὁμοίως δὲ καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι*), то эта перемѣна, сдѣланная Torstrik'омъ на основаніи указаній Александра Афродизскаго (см. изданіе Torstrik'a сочиненія «De anima» Brl. 1862 стр. 140), можетъ считаться въ настоящее время, какъ кажется, вполнѣ принятою. По крайней мѣрѣ новѣйшія изданія De anima совершенно принимаютъ ее (ср. Wallace въ цитированномъ выше изданіи стр. 86 и 238). Также и Trendelenburg, хотя и оставляетъ въ текстѣ *τὸ αἰσθάνεσθαι*, однако въ комментаріяхъ къ этому мѣсту даетъ объясненія, которыя заставляютъ думать, что въ существѣ дѣла и онъ склоненъ скорѣе принять *τὸ αἰσθητόν* (Trendelenburg «Aristotelis de anima libri tres». Editio altera. Brl. 1877. стр. 297). Затѣмъ, по поводу этой же перемѣны *αἰσθάνεσθαι* на *αἰσθητόν* ср. еще F. Brentano. Die Psychologie des Aristoteles. стр. 140—141.

дѣйствительный свѣтъ на это объясненіе, свѣтъ, при которомъ и можно будетъ, быть можетъ, допустить, что чувственное познаніе близко къ состоянію нѣкотораго движенія, къ нѣкоторому страдательному состоянію. Отсюда совершенно естественно, что въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи Аристотель старается анализировать всѣ эти понятія, на сколько такой анализъ необходимъ для правильнаго пониманія сущности чувственнаго познанія. «Прежде всего», говоритъ Аристотель, «обратимъ наше вниманіе на понятія — страдательное состояніе, состояніе движенія, и состояніе дѣятельности, активности, съ общей точки зрѣнія», т. е. допуская анализъ, но анализъ поверхностный, не особенно глубокій. «Съ общей точки зрѣнія всѣ эти понятія могутъ совпадать, могутъ означать одно и тоже, ибо само состояніе движенія» (собственно, казалось бы страдательное состояніе) «значитъ то же, что и состояніе дѣятельности» (активное состояніе), «хотя дѣятельности, правда, не совершенной [1])». Но что-же выходитъ изъ этого? «Но какъ бы то ни было», продолжаетъ Аристотель, «все таки все, что испытываетъ страдательное состояніе и состояніе движенія,

---

[1]) Ibidem, 417 a. 14—16. *Πρῶτον μὲν οὖν ὡς τοῦ αὐτοῦ ὄντος τοῦ πάσχειν καὶ τοῦ κινεῖσθαι καὶ τοῦ ἐνεργεῖν λέγωμεν· καὶ γάρ ἔστιν ἡ κίνησις ἐνέργειά τις, ἀτελὴς μέντοι.* Движеніе съ одной стороны является результатомъ какого-либо дѣятеля, который производитъ его, даетъ толчекъ ему,—съ другой стороны, разъ этотъ толчекъ данъ, движеніе уже можетъ продолжаться самостоятельно. Такимъ образомъ движеніе дѣйствительно занимаетъ какъ бы нѣкоторое среднее положеніе между понятіями пассивнаго и активнаго состоянія, служитъ какъ бы нѣкоторымъ соединительнымъ звеномъ между этими двумя понятіями: если взглянуть на него съ одной стороны, подъ однимъ угломъ, — оно будетъ пассивнымъ, страдательнымъ состояніемъ, если же взглянуть подъ другимъ,—оно будетъ активнымъ. Такъ, какъ кажется, слѣдуетъ понимать это, на первый взглядъ нѣсколько неясное, мѣсто Аристотеля (ср. комментаріи къ этому мѣсту Trendelenburg'a стр. 297—298 и Wallace'a стр. 238). Затѣмъ, что касается до того, что Аристотель все-таки называетъ движеніе несовершенною дѣятельностью, несовершеннымъ активнымъ состояніемъ, то это конечно находится въ самой тѣсной связи съ только что указаннымъ: если движеніе есть только переходъ отъ страдательнаго состоянія къ дѣятельному, включаетъ въ себя до нѣкоторой степени и понятіе страдательнаго состоянія, то оно конечно уже не можетъ быть полною, вполнѣ совершенною дѣятельностью. И что это такъ,

испытываетъ эти состоянія отъ начала дѣятельнаго, находящагося въ дѣятельности». Отсюда выходитъ, что хотя бы въ самомъ актѣ движенія дѣятельное и страдательное состоянія, дѣятельное и страдательное начала совпадали, не различались, тѣмъ не менѣе до этого акта дѣятельное и страдательное начала должны различаться. По терминологіи Аристотеля это различіе выражается слѣдующимъ образомъ: «Страдательное состояніе», говоритъ Аристотель, «въ этомъ случаѣ (при движеніи) производится какъ подобнымъ, такъ и несходнымъ, — ибо въ страдательное состояніе, до начала акта страдательнаго состоянія, приходитъ несходное» (несходное, разумѣется,— относительно дѣятеля, движущаго начала), «но придя въ это состояніе, послѣ начала акта, оно становится подобнымъ» [1]).

Такъ учитъ Аристотель объ этихъ понятіяхъ — страдательнаго состоянія, состоянія движенія, и состоянія дѣятельности, активности, съ общей точки зрѣнія, ἁπλῶς какъ говоритъ онъ [2]), допуская анализъ, но анализъ, какъ мы говоримъ, не-

---

это доказывается еще, такъ сказать, чисто внѣшними соображеніями. Дѣло въ томъ, что въ текстѣ у Аристотеля послѣ этой фразы *καὶ γὰρ ἔστιν ἡ κίνησις ἐνέργειά τις, ἀτελὴς μέντοι* стоитъ *καθάπερ ἐν ἑτέροις εἴρηται.* Аристотель, стало быть, дѣлаетъ тутъ ссылку на свои другія сочиненія, и комментаторы De anima, Trendelenburg и Wallace (ср. также Bonitz. Ind. Aristotel. 391 a. 38—39) указываютъ на мѣста изъ «Физики» Аристотеля,—именно они указываютъ Phys. III, 2. 201 b. 31 и VIII, 5. 257 b. 8. Но что говорятъ эти мѣста? Эти мѣста въ сущности говорятъ тоже самое, что и мы говоримъ. Напр., во 2-мъ изъ этихъ мѣстъ, Phys. VIII, 5. 257 b. 8, Аристотель говоритъ: «движеніе, какъ дѣятельность, какъ дѣятельное состояніе *движимаго*, есть дѣятельность несовершенная (*ἔστι δ' ἡ κίνησις ἐντελέχεια κινητοῦ ἀτελής*)». Но это конечно какъ разъ тоже, что и мы говоримъ: ибо по Аристотелю, стало быть, несовершенство дѣятельнаго состоянія въ движеніи обусловливается тѣмъ, что оно есть движеніе движимаго, что оно требуетъ для своего осуществленія нѣкотораго движителя,—однимъ словомъ, что оно включаетъ въ себя, въ свое понятіе, кромѣ понятія дѣятельнаго состоянія, еще и понятіе страдательнаго, пассивнаго состоянія.

[1]) Ibidem, 417 a. 17—21. *Πάντα δὲ πάσχει καὶ κινεῖται ὑπὸ τοῦ ποιητικοῦ καὶ ἐνεργείᾳ ὄντος. διὸ ἔστι μὲν ὡς ὑπὸ τοῦ ὁμοίου πάσχει, ἔστι δὲ ὡς ὑπὸ τοῦ ἀνομοίου..... πάσχει μὲν γὰρ τὸ ἀνόμοιον, πεπονθὸς δ' ὅμοιόν ἐστιν.*

[2]) Ibidem, 417 a. 22 *νῦν γὰρ ἁπλῶς λέγομεν περὶ αὐτῶν.*

глубокій. Затѣмъ далѣе, Аристотель переходитъ и къ болѣе тщательному анализу всѣхъ этихъ понятій, причемъ въ этомъ анализѣ онъ занимается главнымъ образомъ указаніемъ различныхъ смысловъ въ терминахъ *δύναμις* и *ἐνέργεια* или *ἐντελέχεια* съ одной стороны, и въ терминѣ *πάσχειν*,—съ другой. «Возьмемъ», говоритъ онъ, «термины *δύναμις* и *ἐνέργεια* или *ἐντελέχεια*». Терминъ *δύναμις*—возможности или способности съ одной стороны означаетъ собою по Аристотелю, такъ сказать, общую, родовую возможность, способность, принадлежащую цѣлому извѣстному роду существъ, проявлять какую-либо дѣятельность, съ другой-же стороны онъ означаетъ и частное примѣненіе этой общей родовой способности, возможность пользоваться этой общею родовою способностью въ частныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ. Аристотель иллюстрируетъ этотъ двоякій смыслъ термина — возможности или способности слѣдующимъ образомъ: «Какое либо знающее существо», говоритъ Аристотель, «бываетъ знающимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ знающимъ человѣка, т. е. въ томъ смыслѣ, что человѣкъ вообще принадлежитъ къ существамъ знающимъ и обладающимъ знаніемъ; съ другой стороны, называютъ знающимъ и того, кто въ какомъ-либо отдѣльномъ, частномъ случаѣ обладаетъ какимъ-либо спеціальнымъ, частнымъ знаніемъ, напр., когда кто-либо знаетъ грамматику. Каждый изъ нихъ находится въ состояніи возможности или способности по отношенію къ знанію, но оба они находятся въ этомъ состояніи не одинаковымъ образомъ: одинъ находится въ состояніи возможности или способности потому, что принадлежитъ къ извѣстному опредѣленному роду, представляетъ собою часть извѣстной матеріи, другой-же потому, — что, когда пожелаетъ, онъ выкажетъ, примѣнитъ свое» (на самомъ дѣлѣ уже существующее) «знаніе, если, разумѣется, не встрѣтится никакого внѣшняго препятствія. Наоборотъ», продолжаетъ Аристотель, «человѣкъ, дѣйствительно примѣняющій, дѣйствительно выказывающій свое знаніе, будетъ находиться по отношенію къ знанію въ состояніи осуществленія, реализаціи своей возможности, въ состояніи энтелехіи,—онъ, напр., дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, будетъ знать это А. Оба же первые, по сравненію съ этимъ послѣднимъ, въ томъ, что касается знанія, не будутъ выходить изъ состоянія возможности,

но все же разница между ними, если сопоставить, сравнить ихъ съ этимъ послѣднимъ, будетъ довольно существенна. Одинъ изъ нихъ» (первый), «чтобы сдѣлаться этимъ послѣднимъ, чтобы сдѣлаться дѣйствительно знающимъ, дѣйствительно примѣняющимъ свое знаніе, долженъ былъ, такъ сказать, видоизмѣниться черезъ обученіе и много разъ переходить изъ одного состоянія въ другое, изъ состоянія противоположнаго въ противоположное» (изъ состоянія незнанія въ состояніе знанія),— «другой-же, вслѣдствіе того, что онъ въ сущности уже обладаетъ какимъ-либо предметомъ, напримѣръ, чувствующею способностью, или какимъ-либо спеціальнымъ знаніемъ—грамматикою, но не пользуется этимъ обладаніемъ въ данное время на дѣлѣ, переходитъ въ это пользованіе, переходитъ въ состояніе осуществленія, реализаціи этихъ своихъ способностей, инымъ образомъ» (не черезъ видоизмѣненіе, не черезъ переходъ изъ противоположнаго въ противоположное состояніе) [1]).

---

[1]) Ibidem, 417 a. 21—b. 1. *Διαιρετέον δὲ καὶ περὶ δυνάμεως καὶ ἐντελεχείας....ἔστι μὲν γὰρ οὕτως ἐπιστῆμόν τι ὡς ἂν εἴποιμεν ἄνθρωπον ἐπιστήμονα, ὅτι ὁ ἄνθρωπος τῶν ἐπιστημόνων καὶ ἐχόντων ἐπιστήμην· ἔστι δ'ὡς ἤδη λέγομεν ἐπιστήμονα τὸν ἔχοντα τὴν γραμματικήν. ἑκάτερος δὲ τούτων οὐ τὸν αὐτὸν τρόπον δυνατός ἐστιν, ἀλλ'ὁ μὲν ὅτι τὸ γένος τοιοῦτον καὶ ἡ ὕλη, ὁ δ'ὅτι βουληθεὶς δυνατὸς θεωρεῖν, ἂν μή τι κωλύσῃ τῶν ἔξωθεν· ὁ δ'ἤδη θεωρῶν ἐντελεχείᾳ ὢν καὶ κυρίως ἐπιστάμενος τόδε τὸ Α. ἀμφότεροι μὲν οὖν οἱ πρῶτοι κατὰ δύναμιν ἐπιστήμονες, ἀλλ'ὁ μὲν διὰ μαθήσεως ἀλλοιωθεὶς καὶ πολλάκις ἐξ ἐναντίας μεταβαλὼν ἕξεως, ὁ δ'ἐκ τοῦ ἔχειν τὴν αἴσθησιν ἢ τὴν γραμματικὴν, μὴ ἐνεργεῖν δ'εἰς τὸ ἐνεργεῖν ἄλλον τρόπον.* Послѣдняя фраза въ этомъ отрывкѣ представляетъ собою въ высшей степени трудное для непосредственнаго пониманія мѣсто: вполнѣ точно перевести ее, очевидно, нельзя, и потому приходится прибѣгать къ различнымъ дополненіямъ и добавленіямъ. Я въ своемъ переводѣ пользовался главнымъ образомъ объясненіемъ Torstrik'a, см. Torstrik. De anima стр. 141—142. По поводу этихъ объясненій Torstrik'a слѣдуетъ замѣтить только, (какъ между прочимъ и замѣчаетъ Wallace въ своемъ изданіи De anima, стр. 239), что напрасно Torstrik вмѣстѣ съ Ѳемистіемъ въ словахъ *ἐκ τοῦ ἔχειν τὴν αἴσθησιν ἢ γραμματικὴν* выраженіе *τὴν αἴσθησιν* предлагаетъ замѣнить выраженіемъ *τὴν ἀριθμητικήν*. Дѣйствительно, слово *αἴσθησις* является здѣсь какъ будто до нѣкоторой степени неожиданно, — но и *ἀριθμητική* не даетъ болѣе точнаго и болѣе опредѣленнаго смысла. Въ виду этого и лучше будетъ, какъ кажется, оставить текстъ, какъ онъ есть, и не вводить новыхъ выраженій.

Слѣдовательно, при болѣе тщательномъ анализѣ этихъ существенныхъ въ настоящемъ случаѣ понятій оказывается по Аристотелю, что терминъ *δύναμις*—возможности или способности долженъ имѣть два смысла, два значенія: одинъ смыслъ болѣе широкій и другой болѣе частный. Соотвѣтственно этимъ двумъ смысламъ термина *δύναμις* и самый переходъ *δύναμις* въ *ἐνέργεια*—возможности въ осуществленіе, въ реализацію, другими словами, самое понятіе страдательнаго состоянія—*πάσχειν* также должно имѣть два значенія, два смысла. «И понятіе страдательнаго состоянія», говоритъ Аристотель, «также не есть что-либо простое, употребляющееся въ одномъ только значеніи. Понятіе страдательнаго состоянія съ одной стороны, одинъ разъ, означаетъ собою уничтоженіе чего-либо чѣмъ-либо противоположнымъ, съ другой стороны, въ другой разъ, оно есть скорѣе сохраненіе существующаго въ возможности существующимъ въ дѣйствительности и подобнымъ; отношеніе въ послѣднемъ случаѣ и будетъ собственно, въ строгомъ смыслѣ, отношеніемъ возможности, способности къ осуществленію, къ реализаціи возможности, способности. Когда», продолжаетъ Аристотель, возвращаясь къ выставленному имъ ранѣе примѣру, «какое-либо существо, обладающее знаніемъ, приводитъ это знаніе въ дѣйствіе, то это не есть собственно видоизмѣненіе, не есть собственно страдательное состояніе,—ибо хотя тутъ и есть, повидимому, нѣкоторое видоизмѣненіе, нѣкоторое, такъ сказать, прибавленіе къ природѣ такого существа, но это прибавленіе есть возвращеніе этой природы къ себѣ же самой, оно есть только болѣе полное развитіе этой природы,—или же такое состояніе есть видоизмѣненіе совершенно особаго рода. Такимъ-то образомъ», заключаетъ далѣе эти свои разсужденія Аристотель, «о существѣ, уже обладающемъ въ возможности знаніемъ, уже обладающемъ общею способностью знанія, когда такое существо учится, пріобрѣтаетъ знанія отъ учителя, отъ обнаруживающаго свои знанія въ данное время на самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ говорить, что оно находится въ страдательномъ состояніи,—или же во всякомъ случаѣ нужно признать, какъ было указано выше, два вида видоизмѣненія, два вида страдательнаго состоянія: одинъ, который представляетъ собою переходъ къ отрицательному состоянію, къ отрицанію, къ уничтоженію своего прежняго состоянія,—и дру-

гой, который будетъ въ полномъ смыслѣ слова положительнымъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ переходъ къ тому же свойственному самой природѣ состоянію, только къ болѣе совершенному развитію той-же природы» [1]).

Вотъ, собственно, результаты болѣе подробнаго, болѣе тщательнаго анализа Аристотелемъ этихъ нужныхъ ему въ данномъ случаѣ понятій. Такимъ образомъ, если взглянуть на страдательное состояніе, на состояніе движенія просто, съ общей точки зрѣнія, то тутъ все будетъ слито, тутъ мы не различимъ какъ слѣдуетъ ни активности, ни пассивности, ни страдательнаго, ни дѣятельнаго, болѣе энергичнаго начала, —если же взглянуть на эти понятія болѣе тщательно, болѣе глубоко, то все это будетъ найдено. И мало того сказать просто, что будетъ найдено, напр., страдательное начало: но мы откроемъ еще, что это страдательное начало представляется въ двухъ видахъ, въ двухъ формахъ,—въ одной, болѣе общей, и въ другой, болѣе частной, причемъ каждая изъ этихъ двухъ формъ, если имѣть въ виду дѣйствительно дѣятельное, въ полномъ смыслѣ

---

[1]) Ibidem, 417 b. 2—17. *Οὐκ ἔστι δ'ἁπλοῦν οὐδὲ τὸ πάσχειν, ἀλλὰ τὸ μὲν φθορά τις ὑπὸ τοῦ ἐναντίου, τὸ δὲ σωτηρία μᾶλλον τοῦ δυνάμει ὄντος ὑπὸ τοῦ ἐντελεχείᾳ ὄντος καὶ ὁμοίου, οὕτως ὡς δύναμις ἕχει πρὸς ἐντελέχειαν· θεωροῦν γὰρ γίνεται τὸ ἔχον τὴν ἐπιστήμην, ὅπερ ἢ οὐκ ἔστιν ἀλλοιοῦσθαι (εἰς αὐτὸ γὰρ ἡ ἐπίδοσις καὶ εἰς ἐντελέχειαν) ἢ ἕτερον γένος ἀλλοιώσεως..... τὸ δ'ἐκ δυνάμει ὄντος μανθάνον καὶ λαμβάνον ἐπιστήμην ὑπὸ τοῦ ἐντελεχείᾳ ὄντος καὶ διδασκαλικοῦ ἤτοι οὐδὲ πάσχειν φατέον, ὥσπερ εἴρηται, ἢ δύο τρόπους εἶναι ἀλλοιώσεως, τήν τε ἐπὶ τὰς στερητικὰς διαθέσεις μεταβολὴν καὶ τὴν ἐπὶ τὰς ἕξεις καὶ τὴν φύσιν.* Слово *αὐτὸ* во фразѣ *εἰς αὐτὸ γὰρ ἡ ἐπίδοσις καὶ εἰς ἐντελέχειαν* я, какъ видно, согласно Trendelenburg'овской поправкѣ, читаю именно какъ *αὐτό*, вмѣсто Bekker'овскаго *αὐτό*, ибо, въ самомъ дѣлѣ, безъ этой поправки, при чтеніи *αὐτό*, въ высшей степени трудно было бы понять и передать эту довольно неясную фразу (ср. замѣчанія къ этому мѣсту Trendelenburg'а въ его изданіи De anima стр. 299). Затѣмъ, при переводѣ послѣдней фразы *τήν τε ἐπὶ τὰς στερητικὰς διαθέσεις μεταβολὴν καὶ τὴν ἐπὶ τὰς ἕξεις καὶ τὴν φύσιν* пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторымъ дополненіямъ, къ вставкѣ выраженій, соотвѣтствующихъ которымъ въ греческомъ текстѣ собственно нѣтъ; но тѣмъ не менѣе, я думаю, что сущность смысла передана мною вѣрно (ср. объясненія этой фразы Trendelenburg'а въ его изданіи стр. 299, Wallace'а стр. 239, и обыкновенно приводимое въ этомъ случаѣ мѣсто изъ Категорій Аристотеля, касающееся различія по Аристотелю между *ἕξις* и *διάθεσις* Cat. c. 8. 8 b. 26—9 a. 13).

слова дѣятельное состояніе, будетъ страдать, испытывать страдательное состояніе совершенно особеннымъ, отличнымъ отъ другой, образомъ. Однако, вѣдь всѣ эти разсужденія, всѣ эти разъясненія были предприняты Аристотелемъ для особенной, спеціальной цѣли, для разъясненія сущности процесса чувственнаго познанія и вообще чувственнаго познанія,—какая же связь у нихъ съ чувственнымъ познаніемъ? Установленію этой связи, другими словами, примѣненію этихъ общихъ разсужденій къ тому частному случаю, которымъ они были вызваны, и посвящаетъ Аристотель свое дальнѣйшее изложеніе.

«Первая перемѣна въ чувствующемъ организмѣ», говоритъ далѣе Аристотель, «производится родителемъ чувствующаго существа, тѣмъ, кто производитъ чувствующее существо на свѣтъ,—когда же чувствующее существо произошло на свѣтъ, родилось, оно уже обладаетъ и какъ бы способностью знанія вообще, и способностью чувственнаго знанія. И относительно осуществленія, реализаціи этой способности чувственнаго знанія», продолжаетъ Аристотель, «слѣдуетъ говорить совершенно такъ же, какъ говорится» (напр. говорилось въ предшествующемъ примѣрѣ) «относительно дѣйствительнаго примѣненія, дѣйствительнаго приложенія знанія вообще: разница здѣсь, въ осуществленіи чувственнаго знанія, сравнительно съ тѣмъ примѣромъ, заключается только въ томъ, что для реализаціи чувственной способности необходимо требуется присутствіе на лицо внѣшнихъ агентовъ, внѣшнихъ предметовъ,—видимаго и слышимаго, совершенно также какъ и другихъ, вообще чувствуемыхъ, ощущаемыхъ предметовъ. Такое различіе обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что всякое дѣйствительное, активное чувственное знаніе есть собственно знаніе индивидуальнаго, единичнаго предмета, знаніе же, о которомъ говорилось выше» (знаніе вообще, главнымъ образомъ разумное знаніе), «есть знаніе общаго,—а общее какимъ-то образомъ уже присуще самой душѣ, уже находится въ самой душѣ. Поэтому-то», прибавляетъ еще Аристотель, «мыслительное состояніе, мышленіе находится въ полной власти мыслящаго существа, мыслить мыслящее существо можетъ, когда захочетъ, — чувственное же познаніе не находится во власти чувствующаго существа, но для того, чтобы чувственное знаніе имѣло мѣсто, необходимо присутствіе на лицо чув-

ственнаго объекта» [1]). Стало быть, и въ чувствующемъ организмѣ, въ чувствующемъ существѣ, по отношенію къ чувственному познанію могутъ быть также различены обѣ эти способности, оба эти страдательныя начала: способность болѣе широкая и способность болѣе частная. Первая способность, пер-

---

[1]) Ibidem, 417 b. 17—26. *Τοῦ δ'αἰσθητικοῦ ἡ μὲν πρώτη μεταβολὴ γίνεται ὑπὸ τοῦ γεννῶντος, ὅταν δὲ γεννηθῇ, ἔχει ἤδη ὥσπερ ἐπιστήμην καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι. καὶ τὸ κατ'ἐνέργειαν δὲ ὁμοίως λέγεται τῷ θεωρεῖν· διαφέρει δὲ, ὅτι τοῦ μὲν τὰ ποιητικὰ τῆς ἐνεργείας ἔξωθεν, τὸ ὁρατὸν καὶ τὸ ἀκουστόν, ὁμοίως δὲ καὶ τὰ λοιπὰ τῶν αἰσθητῶν. αἴτιον δ'ὅτι τῶν καθ'ἕκαστον ἡ κατ'ἐνέργειαν αἴσθησις, ἡ δ'ἐπιστήμη τῶν καθόλου· ταῦτα δ'ἐν αὐτῇ πώς ἐστι τῇ ψυχῇ. διὸ νοῆσαι μὲν ἐπ 'αὐτῷ, ὁπόταν βούληται, αἰσθάνεσθαι δ'οὐκ ἐπ' αὐτῷ· ἀναγκαῖον γὰρ ὑπάρχειν τὸ αἰσθητόν.* Это мѣсто опять таки представляетъ для своего пониманія много неяснаго и туманнаго. Изъ существующихъ объясненій къ нему нѣтъ ни одного, какъ мнѣ кажется, которое бы его объясняло вполнѣ удовлетворительно со всѣхъ сторонъ (ср. объясненія къ этому мѣсту Trendelenburg'a въ его изданіи, стр. 300, Wallace'a стр. 239 и переводъ стр. 91, и статью Zahlfleisch'a—«Anmerkungen zur Seelenlehre des Aristoteles mit besonderer Berücksichtigung des Trendelenburg'schen Commentars hiezu» въ Zehnter Jahresbericht des k. k. Staats-Gymnasiums in Ried 1880—81. стр. 6). Такъ, Trendelenburg вполнѣ удачно объясняетъ общій смыслъ мѣста, но совершенно неудачно дополняетъ подлежащее къ *γεννηθῇ* во фразѣ *ὅταν δὲ γεννηθῇ* словомъ *τίς*, и совершенно неудачно же относитъ *αὐτῷ* въ фразѣ *διὸ νοῆσαι μὲν ἐπ' αὐτῷ, αἰσθάνεσθαι δ'οὐκ ἐπ'αὐτῷ* вообще къ человѣку (на эти неудачныя объясненія Trendelenburg'a между прочимъ указываетъ Zahlfleisch въ вышеупомянутой статьѣ). Съ другой стороны, Zahlfleisch, исправивши Trendelenburg'a, самъ, въ своемъ общемъ объясненіи, остается довольно туманенъ. Но все же изъ существующихъ объясненій объясненіе Trendelenburg'a будетъ, какъ мнѣ кажется, самымъ удовлетворительнымъ. Самое трудное во всемъ этомъ отрывкѣ, такъ сказать, подводный камень всего этого отрывка, представляетъ собою совершенно неожиданное введеніе Аристотелемъ разумнаго знанія и сравненіе этого разумнаго знанія съ знаніемъ чувственнымъ, —и Trendelenburg очень удачно объясняетъ эту неожиданность указаніемъ на то, что здѣсь Аристотель возвращается къ своему прежнему примѣру. Дѣйствительно, вполнѣ естественно, что въ своемъ прежнемъ примѣрѣ дѣйствительнаго примѣненія знанія вообще, Аристотель разумѣлъ главнымъ образомъ разумное знаніе: и отсюда понятно, что, возвратившись къ этому прежнему примѣру, Аристотель легко могъ перейти затѣмъ и къ специфическимъ чертамъ разумнаго знанія, къ отличію разумнаго знанія отъ знанія чувственнаго.

вое страдательное начало, общая способность чувственнаго познанія влагается въ чувствующее существо еще до его рожденія, она ведетъ свое происхожденіе отъ родителя, отъ производителя чувствующаго существа,—для того-же, чтобы вторая способность получила свое осуществленіе, свою реализацію, другими словами, для того, чтобы всякое чувствующее существо въ какое-либо данное время дѣйствительно познало бы что-либо своими чувствами, для этого требуются внѣшніе агенты, внѣшніе предметы. И конечно, если мы, имѣя въ виду чувственное познаніе, сравнимъ какое-либо только что родившееся чувствующее существо съ этимъ же существомъ, когда оно будетъ зрѣлымъ, когда оно будетъ пользоваться вполнѣ всѣми своими способностями чувственнаго познанія, то мы найдемъ, что это чувствующее существо, въ послѣднемъ случаѣ, перешло изъ противоположнаго въ противоположное состояніе, перешло къ отрицанію своего прежняго состоянія; если же мы будемъ слѣдить за тѣмъ же чувствующимъ существомъ, какъ оно постепенно пріобрѣтаетъ чувственныя познанія, какъ оно постепенно, шагъ за шагомъ, примѣняетъ свою общую способность чувственнаго познанія, то тутъ собственно отрицанія, разрушенія противоположнаго противоположнымъ мы не замѣтимъ, тутъ, по Аристотелю, скорѣе будетъ только болѣе совершенное развитіе той же природы чувствующаго существа,—при наблюденіи постепеннаго примѣненія чувствующимъ существомъ своихъ способностей чувственнаго познанія нужно будетъ прійти къ выводу по Аристотелю, что природа чувственнаго существа какъ будто совершенно не измѣняется, остается въ существѣ тою-же.

Теперь эти предварительныя общія разсужденія нашли себѣ примѣненіе, теперь, стало быть, Аристотелю было возможно сдѣлать общее резюме относительно процесса и сущности чувственнаго познанія, показать, въ какомъ именно ограниченномъ смыслѣ можно понимать чувственное познаніе, какъ состояніе движенія, видоизмѣненія, какъ нѣкоторое страдательное состояніе,—и вотъ Аристотель продолжаетъ: «Но говорить обо всѣхъ этихъ различіяхъ чувственнаго познанія отъ познанія разумнаго будетъ удобный случай и въ другой разъ. Теперь же пусть будетъ установлено только, что когда говорятъ о способности, о возможности, то употребляютъ этотъ

терминъ не въ простомъ, не въ одномъ только значеніи, но одинъ разъ мы употребляемъ этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоримъ напримѣръ, что мальчикъ, дитя можетъ сдѣлаться полководцемъ,—въ другой разъ въ томъ смыслѣ, когда говоримъ, что взрослый человѣкъ можетъ сдѣлаться полководцемъ; совершенно такое-же различеніе приложимо и къ чувствующему организму, къ чувствующему существу. Но такъ какъ», указываетъ далѣе Аристотель, «эти различія смысловъ, въ терминѣ возможности или способности не имѣютъ особыхъ обозначеній, а между тѣмъ мы уже установили ихъ, то по необходимости приходится пользоваться терминами страдательнаго состоянія, видоизмѣненія, какъ терминами общепринятыми и наиболѣе подходящими. Но всеже чувствующій организмъ, чувствующая способность, какъ и было указано, есть въ возможности то, что чувственный ощущаемый предметъ есть въ дѣйствительности. Въ это страдательное состояніе» (слѣд. до начала акта чувственнаго познанія) «чувствующая способность приходитъ несходною» (очевидно, относительно чувственнаго, ощущаемаго предмета) «но, придя въ это состояніе», (послѣ начала акта), «она становится уже подобною чувственному предмету, такою же, какъ онъ» [1]). Вотъ съ какими только ограниченіями Аристотель согласенъ допустить примѣненіе терминовъ—страдательное состояніе, состояніе движенія, видоизмѣненія, къ объясненію чувственнаго познанія. Очевидно, такимъ образомъ, что эти термины могутъ быть допущены, по мнѣнію Аристотеля, при разъясненіи сущности чувственнаго познанія не столько потому, чтобы ими разъяснялось здѣсь что-либо существенное, сколько потому, что другихъ, болѣе подходящихъ терминовъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Данные термины, правда, указываютъ до нѣкоторой степени

---

[1]) Ibidem, 417 b. 28—418 a. 6. *Ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων διασαφῆσαι καιρὸς γένοιτ' ἂν καὶ εἰσαῦθις. νῦν δὲ διωρίσθω τοσοῦτον, ὅτι οὐχ ἁπλοῦ ὄντος τοῦ δυνάμει λεγομένου, ἀλλὰ τοῦ μὲν ὥσπερ ἂν εἴποιμεν τὸν παῖδα δύνασθαι στρατηγεῖν, τοῦ δὲ ὡς τὸν ἐν ἡλικίᾳ ὄντα, οὕτως ἔχει τὸ αἰσθητικόν. ἐπεὶ δ' ἀνώνυμος αὐτῶν ἡ διαφορά, διώρισται δὲ περὶ αὐτῶν ὅτι ἕτερα καὶ πῶς ἕτερα, χρῆσθαι ἀναγκαῖον τῷ πάσχειν καὶ ἀλλοιοῦσθαι ὡς κυρίοις ὀνόμασιν· τὸ δ' αἰσθητικὸν δυνάμει ἐστὶν οἷον τὸ αἰσθητὸν ἤδη ἐντελεχείᾳ, καθάπερ εἴρηται. πάσχει μὲν οὖν οὐχ ὅμοιον ὄν, πεπονθὸς δ' ὡμοίωται καὶ ἔστιν οἷον ἐκεῖνο.*

Библиотека

на то, что происходитъ при процессѣ чувственнаго познанія, но только до нѣкоторой степени,—и если бы Аристотель нашелъ другіе, которыми бы болѣе точно схватывалась сущность чувственнаго познанія, то онъ, разумѣется, не преминулъ бы воспользоваться ими и оставилъ бы настоящіе термины въ сторонѣ. Существенное же въ чувственномъ познаніи будетъ, по мнѣнію Аристотеля, то, что чувствующій организмъ, чувствующая способность уже въ возможности содержитъ въ себѣ чувственно познаваемое, самый чувственный предметъ. И на основаніи указанія такой близкой связи между чувствующею способностью и чувственнымъ предметомъ Аристотель дѣлаетъ между прочимъ разъясненіе относительно прибавки, сдѣланной имъ вначалѣ, при его первомъ опредѣленіи чувственнаго познанія,—такое именно значеніе имѣетъ послѣдняя фраза въ настоящемъ резюме. Если мы припомнимъ, вначалѣ, при своемъ первомъ опредѣленіи чувственнаго познанія вообще, какъ состоянія нѣкотораго движенія, какъ нѣкотораго страдательнаго состоянія, Аристотель прибавилъ еще, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, страдательное состояніе можетъ испытывать только подобное отъ подобнаго,—въ настоящей послѣдней фразѣ онъ показываетъ, насколько это мнѣніе вѣрно, насколько оно можетъ быть принято примѣнительно къ чувственному познанію. Примѣнительно къ чувственному познанію такое мнѣніе, по Аристотелю, и невѣрно и вѣрно: оно невѣрно, если мы будемъ говорить о чувственномъ познаніи до начала самаго акта познанія,—и оно вѣрно, если мы будемъ разсматривать чувственное познаніе въ самомъ актѣ.

Такъ учитъ и такъ опредѣляетъ Аристотель чувственное познаніе въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ, если не самомъ существенномъ въ данномъ случаѣ, при общемъ опредѣленіи чувственнаго познанія, мѣстѣ своихъ сочиненій,—въ 5-ой главѣ II-ой книги своего трактата о душѣ. Эта глава можетъ считаться наиболѣе существенною въ настоящемъ случаѣ потому, что нигдѣ еще Аристотель не говоритъ такъ подробно и, главное, такъ связно, о сущности чувственнаго познанія. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ касается этого же вопроса, онъ касается его болѣе или менѣе мимоходомъ и по поводамъ въ существѣ дѣла довольно случайнымъ для самого вопроса: здѣсь же, повидимому, все его вниманіе было

главнымъ образомъ направлено на то, чтобы по возможности исключительно заняться вопросомъ именно объ общей сущности чувственнаго познанія. Теперь обратимся къ другимъ, указаннымъ выше, мѣстамъ, мѣстамъ, такъ сказать, менѣе исключительно трактующимъ о занимающемъ насъ въ настоящее время вопросѣ, и начнемъ съ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ параграфовъ 2-ой главы III-ей книги того-же сочиненія Аристотеля о душѣ.

Если-бы мы захотѣли свести къ немногимъ, наиболѣе общимъ положеніямъ все, что намъ извѣстно до сихъ поръ изъ ученія Аристотеля объ общей сущности чувственнаго познанія, все, что изложилъ Аристотель въ 5-ой главѣ II-ой книги своего трактата о душѣ, то, какъ мнѣ кажется, такими положеніями были бы слѣдующія два. Во-первыхъ, Аристотель, очевидно, различаетъ между двумя элементами, какъ вообще въ познаніи, такъ и въ чувственномъ познаніи: Аристотель, говоря современнымъ языкомъ, имѣетъ совершенно ясное представленіе о субъектѣ и объ объектѣ въ чувственномъ познаніи. При этомъ, Аристотель точно также готовъ согласиться, что наиболѣе существеннымъ дѣятелемъ въ чувственномъ познаніи является именно объектъ,— недаромъ, какъ мы видѣли, онъ, хотя и колеблется, хотя и готовъ отказаться отъ своего перваго отождествленія, но всеже въ концѣ концовъ отождествляетъ чувственное познаніе съ нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ, съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ субъектѣ, въ чувствующемъ организмѣ. Все дѣло, стало быть, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить болѣе точнымъ, болѣе обстоятельнымъ образомъ, какова́ же дѣятельность при чувственномъ познаніи объекта, и съ другой стороны, ка́къ отвѣчаетъ на эту дѣятельность субъектъ, чувствующая способность или организмъ. На эти вопросы Аристотель пока даетъ отвѣты только въ формѣ общихъ указаній, и въ этихъ указаніяхъ и заключается второе положеніе. Такимъ образомъ, второе положеніе разсмотрѣнной нами главы психологическаго сочиненія Аристотеля содержитъ въ себѣ указаніе, что до акта чувственнаго познанія субъектъ, чувственно познающій организмъ уже содержитъ въ себѣ въ возможности объектъ, чувственно познаваемое, во время же самаго акта, дѣятельности какъ объекта, такъ и субъекта совершенно совпадаютъ, не различаются. Вотъ болѣе подробную иллюстра-

цію этого-то втораго положенія, преимущественно второй части втораго положенія, это смѣшеніе объекта съ субъектомъ въ самомъ актѣ чувственнаго познанія, это совпаденіе ихъ дѣятельностей, и представляетъ собою то мѣсто, къ разсмотрѣнію котораго мы хотимъ перейти въ настоящее время,—параграфы 4—7 2-ой главы III-ей книги трактата о душѣ. Эти параграфы, отсюда, не содержатъ въ себѣ чего либо новаго, какого-либо новаго развитія мыслей Аристотеля по занимающему насъ въ настоящее время вопросу, они содержатъ въ себѣ только болѣе яркое, болѣе краснорѣчивое повтореніе уже извѣстнаго намъ, уже намѣченнаго въ 5-ой главѣ,—вотъ, между прочимъ, почему мы и желаемъ непосредственно послѣ разсмотрѣнія 5-ой главы перейти какъ разъ къ нимъ. Другія изъ указанныхъ выше мѣстъ покажутъ намъ, какъ Аристотель идетъ въ разъясненіи сущности чувственнаго познанія, такъ сказать, въ глубину, эти-же параграфы, это мѣсто, только болѣе удачно, болѣе рельефно повторятъ и подтвердятъ уже извѣстное намъ[1]).

«Дѣятельность объекта, чувственно познаваемаго предмета», говоритъ Аристотель въ указанныхъ параграфахъ 2-ой

---

[1]) Прекрасное разъясненіе этого мѣста, этихъ вышеуказанныхъ параграфовъ представляетъ разъясненіе Hegel'я, находящееся въ его курсѣ (см. лекціи Hegel'я по исторіи философіи, изданныя Michelet'омъ, II, стр. 338—339). Въ предыдущемъ, въ своемъ разъясненіи общей сущности чувственнаго познанія по Аристотелю на основаніи 5-ой главы II-ой книги De anima, Hegel, какъ мнѣ кажется, нѣсколько уклонился отъ истины, и это случилось главнымъ образомъ благодаря не совсѣмъ вѣрному пониманію *γεννῶντος* во фразѣ *τοῦ δ' αἰσθητικοῦ ἡ μὲν πρώτη μεταβολὴ γίνεται ὑπὸ τοῦ γεννῶντος* (De anima, II, 5. 417 b. 16—17 — Hegel понимаетъ это *γεννῶντος* не въ смыслѣ производителя или родителя чувствующаго существа, а относитъ его къ внѣшнему, чувственно познаваемому предмету),— здѣсь-же его замѣчанія заключаютъ въ себѣ много вѣрнаго. Правда, Kampe въ своей Erkenntnisstheorie des Arist. стр. 80. пр. 4. по поводу этихъ самыхъ страницъ Hegel'я дѣлаетъ упрекъ въ неточномъ пониманіи выраженія Аристотеля *τὸ δ' εἶναι οὐ τὸ αὐτὸ* или *ἕτερον*, но этотъ упрекъ относится, собственно, не къ Hegel'ю, а къ примѣчанію, высказанному Michelet'омъ,—по поводу же разъясненія самого Hegel'я, и Kampe не говоритъ ничего. Затѣмъ хорошее изложеніе сущности мыслей Аристотеля въ настоящихъ параграфахъ даетъ еще Siebeck въ своей исторіи психологіи (Siebeck. Gesch. der Psych. I, 2 стр. 22). Эти два разъясненія и послужили для меня главнымъ руководствомъ въ моемъ собственномъ изложеніи и переводѣ настоящаго мѣста.

главы III-ей книги сочиненія De anima, «и дѣятельность чувствующей способности есть таже самая, одна,— но общая природа этихъ дѣятельностей, ихъ, такъ сказать, общій способъ существованія не тождественны. Я говорю», продолжаетъ Аристотель, объясняя это свое утвержденіе, «напримѣръ, о дѣйствительномъ шумѣ, о шумѣ, происходящемъ въ дѣйствительности, и о дѣйствительномъ слухѣ, слухѣ, находящемся въ дѣятельности,—вѣдь возможно же, что существо, обладающее слухомъ, въ какое-либо время не слышитъ, а предметъ, способный шумѣть, звучать, не всегда же на самомъ дѣлѣ звучитъ. Но когда существо, способное слышать, дѣйствительно слышитъ, а предметъ, способный звучать, дѣйствительно звучитъ, тогда дѣйствительный слухъ, слухъ, находящійся въ осуществленіи своей дѣятельности, становится въ тоже самое время и дѣйствительнымъ звукомъ,— обѣ эти дѣятельности дѣлаются тождественными, совпадаютъ, причемъ однако всеже объ одной изъ этихъ дѣятельностей можно сказать, что она есть собственно слышаніе, о другой же, что она есть звучаніе[1])». Другими словами,

---

[1]) De anima III, 2. 425b. 25—426a. 1. *Ἡ δὲ τοῦ αἰσθητοῦ ἐνέργεια καὶ τῆς αἰσθήσεως ἡ αὐτὴ μέν ἐστι καὶ μία, τὸ δ'εἶναι οὐ ταὐτὸν αὐταῖς· λέγω δ'οἷον ψόφος ὁ κατ' ἐνέργειαν καὶ ἀκοὴ ἡ κατ' ἐνέργειαν· ἔστι γὰρ ἀκοὴν ἔχοντα μὴ ἀκούειν, καὶ τὸ ἔχον ψόφον οὐκ ἀεὶ ψοφεῖ. ὅταν δ'ἐνεργῇ τὸ δυνάμενον ἀκούειν καὶ ψοφῇ τὸ δυνάμενον ψοφεῖν, τότε ἡ κατ' ἐνέργειαν ἀκοὴ ἅμα γίνεται καὶ ὁ κατ' ἐνέργειαν ψόφος, ὧν εἴπειεν ἄν τις τὸ μὲν εἶναι ἀκουσιν τὸ δὲ ψόφησιν.* Въ этомъ отрывкѣ обыкновенно обращаютъ очень большое вниманіе на первую фразу, на фразу *ἡ δὲ τοῦ αἰσθητοῦ ἐνέργεια καὶ τῆς αἰσθήσεως ἡ αὐτὴ μέν ἐστι καὶ μία, τὸ δ'εἶναι οὐ ταὐτὸν αὐταῖς*,— выраженіе *τὸ δ'εἶναι οὐ ταὐτὸν αὐταῖς* считается обыкновенно довольно темнымъ и потому требующимъ особенныхъ разъясненій (ср. напр. Torstrik. изд. De anima стр. 167; Wallace'a изданіе стр. 256, который привлекаетъ сюда еще и аналогичное выраженіе изъ 12-ой главы II-ой книги De anima; далѣе, Kampe Erkenntnissth. des Arist. стр. 80 прим. 4; Siebeck Gesch. der Psych. I, 2—Siebeck посвятилъ разъясненію выраженія *τὸ δ'εἶναι οὐ ταὐτὸν αὐταῖς* даже цѣлое примѣчаніе въ концѣ своей книги; и т. д.). Однако, я полагаю, что едва ли эта фраза такъ темна, что для ея разъясненія требовались бы какія либо особыя соображенія. Мнѣ кажется,— и это я старался показать въ самомъ текстѣ, въ переводѣ и затѣмъ въ разъясненіи,— понять и объяснить эту фразу, и въ частности выраженіе *τὸ δ'εἶναι οὐ ταὐτὸν αὐταῖς*, можно совершенно непосредственно, оставаясь въ границахъ только настоящаго отрывка.

различіе между объектомъ и субъектомъ, между тѣмъ, что исходитъ отъ субъекта, и тѣмъ, что принадлежитъ объекту, конечно существуетъ: это различіе доказывается уже просто взглядомъ на объектъ и субъектъ до начала акта чувственнаго познанія. Тѣмъ не менѣе, какъ только актъ чувственнаго познанія начнется, сейчасъ-же дѣятельности субъекта и объекта, дѣятельности чувствующей способности, чувствующаго организма и внѣшняго, чувственно познаваемаго предмета сливаются, дѣлаются тождественными, хотя, само собой разумѣется, при анализѣ, при болѣе обстоятельномъ разсмотрѣніи, эти дѣятельности, эти области различить можно, — не даромъ, напр., при чувственномъ познаніи, при ощущеніи шума, звука, мы различаемъ слышаніе и звучаніе. Однако, приходитъ теперь Аристотелю въ голову, для кого́ же собственно существуютъ— сначала это полнѣйшее совпаденіе, затѣмъ различіе, кто̀ именно различаетъ, напр., слышаніе и звучаніе? На этотъ вопросъ Аристотель отвѣчаетъ въ дальнѣйшемъ, что различаетъ субъектъ. «Если движеніе, дѣятельное и страдательное состояніе», указываетъ далѣе Аристотель, «вообще бываютъ въ томъ, что подлежитъ дѣйствію» (и слѣд. страдаетъ), «то необходимо, чтобы и дѣйствительный звукъ, и дѣйствительный слухъ находились-бы въ слухѣ въ возможности» (т. е. въ субъектѣ, въ чувствующей способности или чувствующемъ организмѣ), «ибо дѣятельность дѣятельнаго и движущаго начала обыкновенно проявляется въ страдающемъ, и это, между прочимъ, и составляетъ причину, почему вовсе не необходимо, чтобы самъ движитель, произведя движеніе, двигался бы. Такимъ образомъ, осуществленіе дѣятельности звучащаго предмета есть звукъ или звучаніе,— осуществленіе-же дѣятельности слышащаго существа есть слухъ или слышаніе» (состоянія, различимыя и понятныя только для субъекта, только съ точки зрѣнія субъекта), «такъ какъ и слухъ и звукъ могутъ употребляться въ двухъ смыслахъ, въ двухъ значеніяхъ. И совершенно тоже самое отношеніе имѣетъ мѣсто и въ другихъ чувственныхъ способностяхъ и въ другихъ чувственныхъ, чувственно познаваемыхъ предметахъ. Какъ дѣйствіе и страданіе происходитъ въ страдающемъ, а не въ дѣйствующемъ, совершенно также и осуществленіе дѣятельности чувственнаго предмета и затѣмъ дѣятельности чувствующаго существа, чувствующей способности про-

является въ чувствующемъ существѣ»[1]). Стало быть, дѣйствительно, и совпаденіе и различіе,—все это происходитъ въ субъектѣ, въ чувствующемъ существѣ, все это имѣетъ значеніе только съ точки зрѣнія субъекта. Но какъ бы то ни было, все-

---

[1]) Ibidem, 426a. 2—11. *Εἰ δ' ἔστιν ἡ κίνησις καὶ ἡ ποίησις καὶ τὸ πάθος ἐν τῷ ποιουμένῳ, ἀνάγκη καὶ τὸν ψόφον καὶ τὴν ἀκοὴν τὴν κατ' ἐνέργειαν ἐν τῇ κατὰ δύναμιν εἶναι· ἡ γὰρ τοῦ ποιητικοῦ καὶ κινητικοῦ ἐνέργεια ἐν τῷ πάσχοντι ἐγγίνεται. διὸ οὐκ ἀνάγκη τὸ κινοῦν κινεῖσθαι. ἡ μὲν οὖν τοῦ ψοφητικοῦ ἐνέργειά ἐστι ψόφος ἢ ψόφησις, ἡ δὲ τοῦ ἀκουστικοῦ ἀκοὴ ἢ ἄκουσις· διττὸν γὰρ ἡ ἀκοή, καὶ διττὸν ὁ ψόφος. ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων αἰσθήσεων καὶ αἰσθητῶν. ὥσπερ γὰρ ἡ ποίησις καὶ ἡ πάθησις ἐν τῷ πάσχοντι, ἀλλ' οὐκ ἐν τῷ ποιοῦντι, οὕτω καὶ ἡ τοῦ αἰσθητοῦ ἐνέργεια καὶ ἡ τοῦ αἰσθητικοῦ ἐν τῷ αἰσθητικῷ.* Въ настоящемъ отрывкѣ есть также своя затруднительная фраза, именно фраза *διὸ οὐκ ἀνάγκη τὸ κινοῦν κινεῖσθαι.* Какое значеніе имѣетъ эта фраза по отношенію къ чувствующей способности и къ чувственному внѣшнему предмету, какъ попала она сюда?—вотъ вопросы, разрѣшить которые по отношенію къ настоящему отрывку преимущественно стараются комментаторы (ср. главнымъ образомъ изданіе De anima Trendelenburg'a, стр. 356 — 357, и затѣмъ вышеупомянутую статью Zahlfleisch'a стр. 19—20). Но и здѣсь, какъ я думаю, вовсе нѣтъ особенной нужды въ какихъ-либо особыхъ соображеніяхъ. Весьма вѣрно замѣчаетъ Филопонъ (приведено у Trendelenburg'a), что эту фразу Аристотель вставилъ *ὡς ἐν παρόδῳ* какъ-бы мимоходомъ, и я съ своей стороны полагаю, что и вообще всѣ эти разсужденія относительно необходимости дѣйствію и страданію быть именно въ страдающемъ элементѣ приведены Аристотелемъ также *ἐν παρόδῳ*. Дѣйствительно, если вѣрно то, что во всемъ этомъ отрывкѣ Аристотель хотѣлъ указать на важность субъекта при чувственномъ познаніи, хотѣлъ указать, что это совпаденіе, далѣе различіе субъективнаго и объективнаго элементовъ въ чувственномъ познаніи происходятъ именно для субъекта, то вполнѣ естественно ему было въ подтвержденіе этой своей мысли привести нѣсколько общихъ соображеній. Эти-же общія соображенія онъ взялъ изъ III-ей книги своей Физики, ибо всѣ настоящія разсужденія, и въ частности данная фраза, представляютъ собою, только краткое повтореніе того, что уже говорится въ III-ей книгѣ Физики (на это указываютъ всѣ комментаторы,— кромѣ упомянутыхъ ср. еще Wallace въ его изданіи стр. 256 и комментаріи Симплиція, изданные Hayduck'омъ изд. Берлинской Академіи т. XI, стр. 192). Такимъ образомъ очевидно, что всѣ эти разсужденія, и въ частности данная фраза, имѣютъ чисто общее значеніе, высказаны совершенно *ἐν παρόδῳ*, и отсюда, искать въ нихъ и въ нашей фразѣ какого-либо особаго смысла примѣнительно къ частному содержанію всего отдѣла настоящей главы, вовсе нѣтъ надобности.

таки съ общей точки зрѣнія въ самомъ содержаніи чувственнаго познанія можно различить область, такъ сказать, субъекта и область объекта,—можно различить настолько, что, какъ мы видимъ, для обѣихъ этихъ областей существуютъ даже особенныя, спеціальныя наименованія, хотя, правда, такія особенныя наименованія существуютъ не по отношенію ко всѣмъ чувствамъ; въ самомъ же актѣ чувственнаго познанія обѣ эти области, дѣятельности, исходящія изъ обѣихъ этихъ областей, совершенно совпадаютъ, становятся совершенно тождественными, — вмѣстѣ съ возникновеніемъ и исчезновеніемъ звука возникаетъ и уничтожается слухъ, и тоже самое и относительно другихъ чувствъ. Эти послѣднія мысли Аристотель излагаетъ въ слѣдующихъ фразахъ, фразахъ, которыя могутъ служить какъ бы заключеніемъ ко всему этому мѣсту. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ», говоритъ далѣе Аристотель, «и то и другое» (и дѣятельность субъекта, и дѣятельность объекта) «имѣютъ особыя наименованія, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто по отношенію къ чувству слуха, въ слухѣ съ одной стороны есть звучаніе, съ другой—слышаніе,—въ другихъ-же случаяхъ и то и другое остаются безъ наименованія: такъ, осуществленіе дѣятельности чувственной способности зрѣнія называется видѣніемъ, осуществленіе же дѣятельности внѣшняго предмета, собственно дѣйствіе цвѣта, не имѣетъ особаго названія; точно также и осуществленіе дѣятельности существа вкушающаго называется вкусомъ, дѣйствіе же предмета, возбуждающаго вкусъ, остается безъ имени. Но такъ какъ дѣятельность какъ чувственнаго предмета, такъ и чувствующаго существа» (въ самомъ актѣ чувственнаго познанія) «будетъ только одна, совершенно таже самая, то необходимо, чтобы такъ называемые слухъ и звукъ и исчезали бы, и возникали вмѣстѣ, одновременно, совершенно такъ же, какъ и вкусъ и то, что производитъ вкусъ; тоже самое должно имѣть мѣсто и по отношенію ко всѣмъ другимъ чувствамъ» (т. е. необходимо, чтобы въ самомъ актѣ чувственнаго познанія обѣ дѣятельности, какъ субъективная, такъ и объективная, совершенно сливались-бы) [1].

[1]) Ibidem, 426a. 12—19. *Ἀλλ' ἐπ' ἐνίων μὲν ὠνόμασται, οἷον ἡ ψόφησις καὶ ἄκουσις, ἐπὶ δ' ἐνίων ἀνώνυμον θάτερον· ὅρασις γὰρ λέγεται ἡ τῆς ὄψεως ἐνέργεια, ἡ δὲ τοῦ χρώματος ἀνώνυμος, καὶ γεῦσις ἡ τοῦ γευστικοῦ, ἡ δὲ τοῦ χυμοῦ ἀνώ,*

Такова эта иллюстрація уже извѣстнаго намъ изъ 5-ой главы II-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ, такова эта иллюстрація втораго положенія 5-ой главы, второй части его, того утвержденія Аристотеля, что въ самомъ актѣ чувственнаго познанія оба существеннѣйшіе элементы чувственнаго познанія, элементъ субъективный и элементъ объективный, совершенно сливаются, совпадаютъ. Теперь, чтобы совсѣмъ покончить съ этимъ отдѣломъ 2-ой главы III-ей книги, разсмотримъ еще добавленіе, которое дѣлаетъ ко всему этому мѣсту Аристотель, разсмотримъ еще 8-ой параграфъ той же 2-ой главы. Это добавленіе, этотъ параграфъ заключаетъ въ себѣ съ одной стороны какъ бы непосредственный выводъ изъ предыдущихъ параграфовъ, съ другой же стороны онъ также представляетъ иллюстрацію, но только иллюстрацію не столько втораго положенія 5-ой главы II-ой книги, и не второй части его, сколько иллюстрацію перваго положенія. Дѣло въ томъ, что если на основаніи ученія, изложеннаго въ предыдущихъ параграфахъ 2-ой главы, стало ясно, что въ самомъ актѣ чувственнаго познанія субъективная и объективная области совершенно смѣшиваются и что самое смѣшеніе это происходитъ именно для субъекта, то невольно приходятъ въ голову вопросы,—да существуютъ ли на самомъ дѣлѣ объекты, внѣшніе, чувственно познаваемые предметы, не есть ли чувственное познаніе нѣчто въ полномъ смыслѣ слова субъективное, ограничивающееся субъектомъ, можно-ли, въ отношеніи къ чувственному познанію, признать существованіе объектовъ и помимо субъектовъ, по крайней мѣрѣ объектовъ съ тѣми чувственными качествами и вообще въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются субъекту во время самаго акта чувственнаго познанія? Эти вопросы ставитъ себѣ Аристотель въ 8-омъ параграфѣ настоящей 2-ой главы, и разрѣшаетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что чувственные объекты, чувственные предметы, и притомъ со всѣми ихъ, такъ сказать, чувственными качествами, несомнѣнно существуютъ. Въ этомъ случаѣ Аристотелю опять таки помогаетъ его ученіе о возможности и дѣйствительности, ученіе,

---

νυμος. Ἐπεὶ δὲ μία μέν ἐστιν ἐνέργεια ἡ τοῦ αἰσθητοῦ καὶ ἡ τοῦ αἰσθητικοῦ, τὸ δ' εἶναι ἕτερον, ἀνάγκη ἅμα φθείρεσθαι καὶ σώζεσθαι τὴν οὕτω λεγομένην ἀκοὴν καὶ ψόφον, καὶ χυμὸν δὴ καὶ γεῦσιν καὶ τὰ ἄλλα ὁμοίως

которое онъ такъ энергично старается примѣнить вообще къ объясненію общей сущности чувственнаго познанія. Итакъ вѣрно, говорилъ Аристотель еще въ 7-мъ параграфѣ, что дѣйствительный слухъ и дѣйствительный звукъ,—вообще субъективные и объективные элементы, дѣйствительно проявляющіеся въ актѣ чувственнаго познанія, находящіеся въ актѣ чувственнаго познанія въ дѣйствительномъ осуществленіи своей дѣятельности, должны появляться и исчезать вмѣстѣ, составлять какъ бы нѣчто единое, «но когда говорятъ объ этихъ же элементахъ съ точки зрѣнія возможности», продолжаетъ онъ теперь, «то вовсе не необходимо, чтобы они были такъ же тѣсно связаны. Неправильно говорили прежніе естествоиспытатели, физики, когда они думали, что не можетъ быть ничего ни бѣлаго, ни чернаго безъ способности зрѣнія, ни имѣющаго какой-либо вкусъ безъ способности вкуса. Съ одной стороны они въ своемъ утвержденіи были правы, но съ другой не правы: ибо такъ какъ понятія чувствующей способности и чувственнаго предмета могутъ употребляться въ двухъ смыслахъ,—съ одной стороны, имѣя въ виду возможность, съ другой же—дѣйствительность, то по отношенію къ послѣднему смыслу, къ дѣйствительности, мнѣніе этихъ прежнихъ естествоиспытателей было справедливо,—по отношенію же къ первому смыслу оно было несправедливо; прежніе физики говорили просто о томъ, что на самомъ дѣлѣ вовсе не просто» (что допускаетъ два различныхъ смысла) [1]). Слѣдо-

[1]) Ibidem, 426 a. 19—26 *τὰ δὲ κατὰ δύναμιν λεγόμενα οὐκ ἀνάγκη. ἀλλ'οἱ πρότερον φυσιολόγοι τοῦτο οὐ καλῶς ἔλεγον, οὐθὲν οἰόμενοι οὔτε λευκὸν οὔτε μέλαν εἶναι ἄνευ ὄψεως, οὐδὲ χυμὸν ἄνευ γεύσεως. τῇ μὲν γὰρ ἔλεγον ὀρθῶς, τῇ δ'οὐκ ὀρθῶς· διχῶς γὰρ λεγομένης τῆς αἰσθήσεως καὶ τοῦ αἰσθητοῦ, τῶν μὲν κατὰ δύναμιν τῶν δὲ κατ'ἐνέργειαν, ἐπὶ τούτων μὲν συμβαίνει τὸ λεχθέν, ἐπὶ δὲ τῶν ἑτέρων οὐ συμβαίνει. ἀλλ'ἐκεῖνοι ἁπλῶς ἔλεγον περὶ τῶν λεγομένων οὐχ ἁπλῶς.* Относительно того, кого именно Аристотель разумѣетъ здѣсь подъ этими прежними естествоиспытателями, физиками — *οἱ πρότερον φυσιολόγοι*, ср. довольно обширное разсужденіе Trendelenburg'a въ его изданіи, 2-ое изд. стр. 357—359. Trendelenburg думаетъ, что Аристотель имѣлъ въ виду здѣсь главнымъ образомъ Гераклита, Демокрита, Эмпедокла и пожалуй Анаксагора. Затѣмъ, по поводу вообще ученія Аристотеля, заключающагося въ настоящемъ отрывкѣ, Trendelenburg (въ указанномъ же мѣстѣ) и Wallace (въ своемъ изданіи стр. 256) приводятъ еще мѣсто изъ Кате-

вательно, вполнѣ несомнѣнно по Аристотелю, что объекты чувственнаго познанія, внѣшніе, чувственные предметы, хотя становятся извѣстными именно субъекту и въ самомъ актѣ чувственнаго познанія, тѣмъ не менѣе существуютъ и помимо субъекта и совершенно внѣ чувственнаго познанія. И мало того сказать просто, что они существуютъ, но они существуютъ еще совершенно съ тѣми же качественными различіями и вообще совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ познаетъ ихъ субъектъ во время самаго чувственнаго познанія. Аристотель, правда, указываетъ, что они существуютъ въ такомъ видѣ только въ возможности, но какъ бы то ни было, онъ всетаки признаетъ такое ихъ существованіе,—и такимъ то образомъ все это ученіе, весь этотъ 8-ой параграфъ и представляетъ собою вполнѣ яркую, вполнѣ краснорѣчивую иллюстрацію, вполнѣ опредѣленное подтвержденіе перваго положенія 5-ой главы II-ой книги сочиненія о душѣ. Если вообще изъ этой 5-ой главы можно было сдѣлать выводъ, что Аристотель различаетъ между субъектомъ и объектомъ въ чувственномъ познаніи, то всеже съ полною опредѣленностью Аристотель нигдѣ тамъ не высказывалъ этого положенія,—здѣсь же онъ высказалъ его на столько ясно и опредѣленно, что всякія сомнѣнія по этому поводу совершенно устраняются [1]).

горій Аристотеля,—Categ. c. 7. 7 b., особенно 35 — 38, — гдѣ Аристотель указываетъ, что термины соотносительные (*τὰ πρός τι*) обыкновенно бываютъ и сосуществующими, но дѣлаетъ исключеніе для *ἐπιστήμη* и *ἐπιστητόν*, для *αἴσθησις* и *αἰσθητόν*. *Αἰσθητόν*, говоритъ здѣсь Аристотель, есть нѣчто, такъ сказать, болѣе первое, болѣе раннее, чѣмъ *αἴσθησις*, ибо съ устраненіемъ *αἰσθητόν* вмѣстѣ устраняется и *αἴσθησις*, *αἴσθησις* же, съ своей стороны, своимъ устраненіемъ вовсе не устраняетъ *αἰσθητόν*. Это мѣсто изъ Категорій, конечно, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ настоящимъ отрывкомъ.

[1]) Не могу не указать, что все это ученіе Аристотеля, заключающееся въ этихъ, разобранныхъ нами, параграфахъ 2-ой главы III-ей книги его сочиненія о душѣ, и въ частности мысли, изложенныя имъ въ послѣднемъ, 8-омъ параграфѣ, представляются мнѣ въ высшей степени замѣчательными и вообще содержащими въ себѣ вполнѣ здравую теорію познанія примѣнительно къ чувственному познанію. Въ самомъ дѣлѣ, на той дорогѣ, по которой шелъ Аристотель, ему очень легко было уклониться въ сторону, очень легко было свести все чувственное познаніе только къ субъекту,—и тѣмъ не менѣе Аристотель до самаго конца сохранилъ совершенно ясное представленіе о томъ существенномъ значеніи, какое имѣютъ при чувственномъ

На этомъ мы окончательно покончимъ съ этимъ отдѣломъ 2-ой главы III-ей книги De anima, и затѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію другихъ мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, мѣстъ, которыя уже не будутъ только повторять, иллюстрировать извѣстное намъ, но которыя дадутъ и кое-что новое, которыя, какъ мы говорили, до нѣкоторой степени введутъ насъ въ глубину развитія мыслей Аристотеля о сущности чувственнаго познанія. Первый вопросъ, на который мы обратимъ наше вниманіе въ этомъ случаѣ, будетъ вопросъ о болѣе точномъ, болѣе опредѣленномъ примѣненіи, съ точки зрѣнія Аристотеля, къ чувственному познанію терминовъ—страдательное состоя-

---

познаніи объекты, внѣшніе, чувственно познаваемые предметы. Такимъ образомъ, чувственное познаніе, по Аристотелю, является нѣкоторымъ результатомъ дѣятельности какъ субъекта, такъ и объекта, причемъ результатъ этотъ, самое чувственное познаніе, становится извѣстнымъ, обнаруживается именно для субъекта,—вотъ эти-то общія мысли при разъясненіи сущности чувственнаго познанія и представляются мнѣ замѣчательными. Какъ, далѣе, Аристотель въ частностяхъ примѣняетъ эти общія мысли,—это конечно другой вопросъ, и это мы будемъ имѣть случай прослѣдить и оцѣнить въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи; теперь же во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить глубокой справедливости настоящихъ общихъ положеній. Только одно возраженіе можно бы было въ настоящемъ случаѣ сдѣлать Аристотелю, но и это возраженіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ какъ бы предвидитъ и самъ устраняетъ. Именно, конечно нельзя согласиться съ Аристотелемъ, что объекты, внѣшніе, чувственные предметы существуютъ и помимо чувственнаго познанія съ тѣми же чувственными качествами и вообще совершенно въ томъ же видѣ, какъ и при самомъ чувственномъ познаніи: бѣлое, очевидно, бѣло не само по себѣ, а только для того, кто его познаетъ бѣлымъ, помимо же познающаго бѣлое придется охарактеризовать какъ-нибудь иначе. Такое возраженіе можно было бы сдѣлать Аристотелю съ точки зрѣнія современной теоріи познанія, но и тутъ Аристотель очень предусмотрительно замѣчаетъ, что хотя объекты, внѣшніе, чувственно познаваемые предметы и существуютъ внѣ чувственнаго познанія такими же, какъ и въ самомъ чувственномъ познаніи, но они существуютъ такими же только въ возможности,—а существованіе въ возможности, по возврѣніямъ Аристотеля, конечно, не то, что существованіе въ дѣйствительности. Итакъ, и это единственное возраженіе должно считаться устраненнымъ, и при томъ устраненнымъ самимъ-же Аристотелемъ, ибо противъ существованія въ возможности чувственныхъ предметовъ именно съ ихъ чувственными различіями и съ современной точки зрѣнія, строго говоря, возражать нечего.

ніе, далѣе—движеніе, видоизмѣненіе,—особенно термина—страдательное состояніе. Въ томъ, что мы изложили до сихъ поръ изъ сочиненій Аристотеля, мы постоянно встрѣчались съ отождествленіемъ Аристотелемъ чувственнаго познанія съ нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ, но всеже если бы мы задали себѣ вопросы, въ какомъ именно видѣ происходитъ это страданіе, кто же, какія именно части чувствующаго существа страдаютъ,—отвѣтить на эти вопросы вполнѣ точнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ образомъ только на основаніи уже извѣстнаго намъ, уже изложеннаго, представило бы не малое затрудненіе. И это затрудненіе тѣмъ болѣе имѣло бы мѣсто, что хотя Аристотель, какъ мы говоримъ, и отождествляетъ очень часто чувственное познаніе съ нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ, но съ другой стороны, въ концѣ той-же уже разсмотрѣнной нами 5-ой главы II-ой книги своего сочиненія о душѣ, онъ, если мы припомнимъ, какъ будто готовъ даже отказаться отъ этого отождествленія: въ концѣ 5-ой главы II-ой книги, повидимому, онъ еще стоитъ за терминъ — страдательное состояніе по отношенію къ чувственному познанію только потому, что въ греческомъ языкѣ не нашлось другаго, сколько нибудь болѣе подходящаго термина; если же бы такой болѣе подходящій терминъ нашелся, Аристотель, какъ кажется, нисколько и не задумался бы вложить въ объясненіе чувственнаго познанія характеристичныя черты какихъ-либо другихъ понятій. Такъ какъ же быть со всѣми этими затрудненіями, нельзя-ли какъ-нибудь уничтожить эту неясность, нельзя-ли внести во все это ученіе Аристотеля о тождествѣ чувственнаго познанія съ нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ, далѣе съ движеніемъ, видоизмѣненіемъ, внести возможную стройность и, такъ сказать, гармоничность?—вотъ вопросы, по возможности тщательнымъ и обстоятельнымъ разрѣшеніемъ которыхъ мы и займемся въ нашемъ, непосредственно слѣдующемъ изложеніи. На помощь намъ въ этомъ случаѣ придутъ другія, еще не разобранныя нами мѣста изъ сочиненій Аристотеля, именно нѣкоторыя мѣста изъ болѣе мелкихъ психологическихъ сочиненій Аристотеля (parva naturalia), нѣкоторые параграфы изъ 4-ой главы I-ой книги трактата о душѣ и нѣкоторые параграфы 4-ой и 7-ой главы III-ей книги того-же сочиненія, и затѣмъ мѣсто изъ 2-ой главы VII-ой книги Физики Аристотеля, — однимъ словомъ всѣ еще

не разсмотрѣнныя нами мѣста, за исключеніемъ только 12-ой главы II-ой книги и нѣкоторыхъ параграфовъ 8-ой главы III-ей книги сочиненія Аристотеля о душѣ.

Прежде всего постараемся установить наиболѣе точно, наиболѣе опредѣленно,—кто именно познаетъ, кто получаетъ чувственное познаніе по Аристотелю? До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Аристотель разрѣшалъ этотъ вопросъ очень общимъ, даже въ высшей степени общимъ, образомъ: вездѣ оказывалось, что познаетъ, получаетъ чувственное познаніе чувствующая способность, или, говоря вообще, чувствующее существо, чувствующій организмъ. Однако, вѣдь въ чувствующемъ существѣ, какъ и во всякомъ одушевленномъ существѣ, Аристотель, какъ извѣстно, различаетъ душу и тѣло,—такъ какую-же роль при чувственномъ познаніи играютъ обѣ эти части чувствующаго существа, участвуютъ-ли онѣ въ чувственномъ познаніи, такъ сказать, совершенно равноправнымъ образомъ, или, быть можетъ, преимущественное участіе выпадаетъ только на долю какой-нибудь одной изъ нихъ? Существуетъ сравнительно много указаній у Аристотеля, что чувственное познаніе принадлежитъ какъ душѣ, такъ и тѣлу, что и душа и тѣло участвуютъ въ чувственномъ познаніи съ совершенно равными правами. Такъ, въ самомъ началѣ своего болѣе мелкаго психологическаго трактата, именно трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», перваго трактата, съ котораго начинаются менѣе важныя психологическія сочиненія Аристотеля, Аристотель, указывая, о чемъ именно онъ будетъ трактовать въ этихъ менѣе важныхъ психологическихъ сочиненіяхъ, говоритъ, что онъ будетъ трактовать, между прочимъ, о чувствительности, о памяти, о волѣ и т. д.,—вообще о наиболѣе важныхъ психическихъ способностяхъ, принадлежащихъ какъ душѣ, такъ и тѣлу. «Ясно», говоритъ здѣсь Аристотель, «что наиболѣе важныя психическія способности, психическіе факты, будутъ ли они принадлежать всѣмъ животнымъ, или будутъ представлять собою спеціальное достояніе только нѣкоторыхъ, принадлежатъ у этихъ животныхъ какъ душѣ, такъ и тѣлу,—таковы, напримѣръ: способность чувственнаго познанія, память, стремленія, влеченіе, и вообще воля, желаніе, сюда же можно отнести еще и удовольствіе со страданіемъ; почти всѣмъ животнымъ при-

сущи всѣ эти способности» [1]), и далѣе Аристотель заявляетъ, что между прочимъ какъ разъ объ этихъ способностяхъ онъ и будетъ трактовать въ послѣдующихъ трактатахъ. Несомнѣнно отсюда, что чувственно познаетъ, получаетъ чувственное познаніе въ совершенно одинаковой степени какъ душа, такъ и тѣло. Ту-же мысль и, такъ сказать, совершенно въ такой-же обстановкѣ, но только еще болѣе точно, еще болѣе опредѣленно высказываетъ Аристотель и далѣе,—въ той-же самой 1-ой главѣ того-же трактата о чувственной способности и чувственныхъ предметахъ. Указавши еще разъ далѣе, что названныя выше способности (чувственная способность, память, воля и т. д.) общи и душѣ и тѣлу, Аристотель прибавляетъ: «И эта общность какъ душѣ, такъ и тѣлу перечисленныхъ способностей совершенно очевидна изъ того обстоятельства, что эти способности проявляются или одновременно съ чувствующею способностью, или имѣютъ чувствующую способность своею причиною; нѣкоторыя изъ этихъ способностей суть или только преходящія видоизмѣненія чувствующей способности, или ея болѣе прочныя обнаруженія, или являются поддержкою и сохраненіемъ чувствующей способности, или же наоборотъ ея разрушеніемъ и отрицаніемъ. А что чувственное познаніе», утверждаетъ здѣсь Аристотель, «бываетъ для души, но черезъ тѣло, — это ясно и по разсужденіи, и безъ разсужденія, на первый взглядъ» [2]). Это, очевидно, еще болѣе опредѣленная, еще болѣе точная формулировка той-же самой мысли объ общемъ участіи въ чувственномъ познаніи какъ души, такъ и тѣла. Затѣмъ тоже самое, но пожалуй еще болѣе подробно, Аристотель развиваетъ и въ другомъ своемъ менѣе важномъ психологическомъ сочиненіи, въ трактатѣ «о состояніи во время сна и во время

---

[1]) De sensu et sens. 1. 436 a. 6—11. *Φαίνεται δὲ τὰ μέγιστα, καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τῶν ζῴων, κοινὰ τῆς ψυχῆς ὄντα καὶ τοῦ σώματος, οἷον αἴσθησις καὶ μνήμη καὶ θυμὸς καὶ ἐπιθυμία καὶ ὅλως ὄρεξις, καὶ πρὸς τούτοις ἡδονή τε καὶ λύπη· καὶ γὰρ ταῦτα σχεδὸν ὑπάρχει πᾶσι τοῖς ζῴοις.*

[2]) Ibidem, 436 b. 1—8. *Ὅτι δὲ τὰ λεχθέντα κοινὰ τῆς τε ψυχῆς ἐστι καὶ τοῦ σώματος, οὐκ ἄδηλον. πάντα γὰρ τὰ μὲν μετ' αἰσθήσεως συμβαίνει, τὰ δὲ δι' αἰσθήσεως· ἔνια δὲ τὰ μὲν πάθη ταύτης ὄντα τυγχάνει, τὰ δ' ἕξεις, τὰ δὲ φυλακαὶ καὶ σωτηρίαι, τὰ δὲ φθοραὶ καὶ στερήσεις. ἡ δ' αἴσθησις ὅτι διὰ σώματος γίνεται τῇ ψυχῇ, δῆλον καὶ διὰ τοῦ λόγου καὶ τοῦ λόγου χωρίς.*

бодрствованія». Въ 1-ой главѣ этого трактата Аристотель, указавъ, что какъ сонъ, такъ и бодрствованіе находятся въ самой тѣсной связи съ одною и тою-же способностью, со способностью чувствительности, чувственнаго познанія, опять таки переходитъ затѣмъ къ разсужденіямъ относительно этой-же способности чувственнаго познанія,—и при этомъ онъ и повторяетъ тѣ-же самыя положенія объ общности чувственнаго познанія и душѣ и тѣлу. «Такъ какъ ощущать, чувственно познавать», говоритъ тутъ Аристотель, «не свойственно только душѣ, и не свойственно только тѣлу,—ибо въ какомъ предметѣ бываетъ возможность къ осуществленію какой-либо дѣятельности, въ томъ-же предметѣ бываетъ и самое осуществленіе этой дѣятельности: а чувственное познаніе, какъ осуществленіе дѣятельности чувствующаго существа, есть именно нѣкоторое движеніе, получаемое душею черезъ тѣло,—то ясно, что состояніе чувственнаго познанія не есть нѣчто, свойственное только душѣ, но съ другой стороны ясно и то, что неодушевленное тѣло ощущать, чувственно познавать не можетъ» [1]).

---

[1]) De somno et vigil. 1. 454 a. 7—11. *Ἐπεὶ δ' οὔτε τῆς ψυχῆς ἴδιον τὸ αἰσθάνεσθαι οὔτε τὸ σώματος (οὗ γὰρ ἡ δύναμις, τούτου καὶ ἡ ἐνέργεια· ἡ δὲ λεγομένη αἴσθησις, ὡς ἐνέργεια, κίνησίς τις διὰ τοῦ σώματος τῆς ψυχῆς ἐστί), φανερὸν ὡς οὔτε τῆς ψυχῆς τὸ πάθος ἴδιον, οὔτ' ἄψυχον σῶμα δυνατὸν αἰσθάνεσθαι.* Нѣсколько затруднительною для непосредственнаго перевода и пониманія представляется въ настоящемъ періодѣ послѣдняя фраза,—фраза *φανερὸν ὡς οὔτε τῆς ψυχῆς τὸ πάθος ἴδιον, οὔτ' ἄψυχον σῶμα δυνατὸν αἰσθάνεσθαι*, и въ частности выраженіе *τὸ πάθος*. Куда, къ чему отнести это *τὸ πάθος*? Леоникъ, латинскій переводчикъ настоящаго сочиненія Аристотеля, переводъ котораго помѣщенъ въ Берлинскомъ изданіи сочиненій Аристотеля Bekker'a, очевидно, имѣя въ виду общій смыслъ всей настоящей главы, относитъ это *τὸ πάθος* къ главному предмету всего сочиненія и всей главы, къ состоянію во время бодрствованія,—и отсюда послѣднюю фразу настоящаго періода онъ переводитъ: manifestum est affectionem hanc, dico ipsum vigilare, nec propriam animae esse neque item corporis, cum corpus inanime sentire non possit (Берлин. изд. соч. Аристотеля Bekker'a т. III. стр. 234). Однако, такой переводъ будетъ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удаченъ: во 1-хъ, при этомъ переводѣ приходится дѣлать нѣкоторую вставку (ибо греческихъ словъ, соотвѣтствующихъ выраженію dico ipsum vigilare, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, Bekker'овскомъ текстѣ нѣтъ), и во 2-хъ,—что самое главное,—приходится искажать Bekker'овскій текстъ. Въ самомъ дѣлѣ,

Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, конечно, даны болѣе подробныя разъясненія этого-же положенія объ общемъ участіи въ чувственномъ познаніи какъ души, такъ и тѣла, ибо здѣсь это положеніе поставлено въ связь съ нѣкоторыми общими соображеніями. До сихъ поръ Аристотель высказывалъ это общее участіе довольно голословно, и при томъ не вполнѣ опредѣленно, —здѣсь же онъ беретъ чувственное познаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, и именно въ такомъ широкомъ смыслѣ онъ и объясняетъ его изъ совершенно равноправнаго участія какъ души, такъ и тѣла, и объясняетъ на основаніи общаго соображенія. Не только дѣйствительное, активное чувственное познаніе, говоритъ здѣсь Аристотель, должно принадлежать и душѣ и тѣлу, но и чувственное познаніе въ возможности (стало быть чувственное познаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ), ибо и возможность къ осуществленію какой-либо дѣятельности и самое осуществленіе этой дѣятельности должны находиться въ однихъ и тѣхъ-же предметахъ, въ однихъ и тѣхъ-же существахъ. Но относительно осуществленія возможности чувственнаго познанія, дѣйствительнаго чувственнаго познанія, продолжаетъ Аристотель, не подлежитъ сомнѣнію, что оно осуществляется въ душѣ, но черезъ тѣло, что душа и тѣло совершенно равноправно участвуютъ въ этомъ осуществленіи, — стало быть тоже самое и по отношенію къ чувственному познанію въ возможности. Такимъ-то образомъ Аристотель и допускаетъ въ настоящемъ мѣстѣ для чувственнаго познанія въ самомъ широкомъ смыслѣ участіе какъ души, такъ и тѣла, и допускаетъ на основаніи общаго соображенія, на основаніи того соображенія, что и возможность и дѣйствительность должны находиться въ однихъ и тѣхъ-же существахъ.

Итакъ, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и душа и тѣло,—обѣ части одушевленнаго суще-

---

какимъ образомъ можно перевести греческія слова *οὔτ' ἄψυχον σῶμα δυνατὸν αἰσθάνεσθαι* латинскими cum corpus inanime sentire non possit?—не будетъ ли это очевиднымъ искаженіемъ настоящаго, Bekker'овскаго текста? Въ виду этихъ затрудненій я, съ своей стороны, думаю, что общій смыслъ всего сочиненія и этой 1-ой главы нужно будетъ оставить здѣсь въ сторонѣ,—и тогда, конечно, *τὸ πάθος* нужно будетъ отнести къ *τὸ αἰσθάνεσθαι*, какъ это я и сдѣлалъ въ своемъ переводѣ, въ текстѣ.

ства, участвуютъ въ чувственномъ познаніи совершенно равноправно [1]). Но какая же часть всетаки собственно страдаетъ при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи, къ какой же части по преимуществу могутъ быть отнесены при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи эти, до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясные, термины — нѣкотораго страдательнаго состоянія, затѣмъ—видоизмѣненія, движенія? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, возвратимся снова къ важнѣйшему психологическому сочиненію Аристотеля, къ его сочиненію о душѣ, и разсмотримъ параграфы 10—12 и затѣмъ начало 15-го параграфа 4-ой главы первой книги этого сочиненія. Собственный

[1]) По поводу этого совершенно равноправнаго участія какъ души, такъ и тѣла въ чувственномъ познаніи можно было бы, пожалуй, привести еще мѣсто изъ сочиненій Аристотеля, именно мѣсто изъ 1-ой главы I-ой книги его трактата о душѣ. Въ 1-ой главѣ I-ой книги этого трактата мы между прочимъ читаемъ (De an. I, 1. 403 a. 3—7): *Ἀπορίαν δ' ἔχει καὶ τὰ πάθη τῆς ψυχῆς, πότερόν ἐστι πάντα κοινὰ καὶ τοῦ ἔχοντος ἢ ἐστί τι καὶ τῆς ψυχῆς ἴδιον αὐτῆς· τοῦτο γὰρ λαβεῖν μὲν ἀναγκαῖον, οὐ ῥᾴδιον δέ. φαίνεται δὲ τῶν πλείστων οὐθὲν ἄνευ σώματος πάσχειν οὐδὲ ποιεῖν, οἷον ὀργίζεσθαι, θαρρεῖν, ἐπιθυμεῖν, ὅλως αἰσθάνεσθαι.* Однако это мѣсто не можетъ быть поставлено въ параллель со всѣми, разсмотрѣнными нами выше, мѣстами. Во всѣхъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, мѣстахъ, трактующихъ объ общемъ участіи въ чувственномъ познаніи какъ души, такъ и тѣла, Аристотель выражался очень опредѣленно, вездѣ мы встрѣчали выраженія *δῆλον*, *φανερόν* и т. д.,— здѣсь же у насъ только выраженіе *φαίνεται*; здѣсь, стало быть, Аристотель высказываетъ не утвержденіе этого общаго участія, а только предположеніе. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи этой-же 1-ой главы, только нѣсколькими строками ниже, Аристотель говоритъ и довольно опредѣленно, что нѣкоторыя состоянія души имѣютъ свой источникъ какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ, но это—главнымъ образомъ по отношенію къ страстнымъ, эмоціональнымъ состояніямъ, вродѣ состоянія гнѣва. Но такія страстныя состоянія, конечно, не совсѣмъ то, что чувственныя познанія; о собственныхъ же чувственныхъ познаніяхъ далѣе онъ вовсе и не упоминаетъ, даже самаго термина—чувственное познаніе мы не встрѣчаемъ во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи 1-ой главы. Въ виду этихъ обстоятельствъ, особенно въ виду перваго,—отсутствія полной опредѣленности въ выраженіяхъ у Аристотеля, я и не привелъ настоящаго мѣста въ текстѣ и не подвергъ его такому же, сравнительно подробному разсмотрѣнію, какъ я сдѣлалъ это по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ, мѣстамъ изъ parva naturalia. Но конечно слѣдуетъ указать, что и это мѣсто можетъ имѣть нѣкоторое значеніе въ настоящемъ случаѣ, особенно, если сопоставить его съ тѣми мѣстами, какъ нѣкоторое дополненіе къ нимъ.

предметъ изслѣдованія Аристотеля въ этой 4-ой главѣ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, составляетъ разрѣшеніе вопроса, можетъ ли душа считаться гармоніею, но далѣе Аристотель переходитъ и къ изслѣдованію того, насколько можно вообще приписывать движеніе душѣ,—и вотъ на параграфахъ, заключающихъ въ себѣ это послѣднее изслѣдованіе, мы и остановимся. У Аристотеля эти параграфы представляютъ собою только переходъ къ изслѣдованію дальнѣйшаго вопроса, вопроса о томъ, можетъ ли душа считаться еще движущеюся гармоніею, движущимся числомъ,—но для насъ въ настоящее время все это не представляетъ особаго интереса: мы разсмотримъ эти параграфы, этотъ переходъ совершенно безотносительно. «Довольно разумно, довольно удачно», говоритъ Аристотель въ настоящихъ параграфахъ 4-ой главы I-ой книги De anima, «сталъ бы кто-либо сомнѣваться относительно движенія души, если-бы обратилъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Мы говоримъ—душа печалится, душа радуется, душа чувствуетъ мужество, страхъ, еще же и гнѣвается, получаетъ чувственное познаніе, размышляетъ. Всѣ эти состоянія кажутся движеніями, и отсюда можно бы было подумать, что и сама душа находится въ движеніи. Однако такое заключеніе вовсе не имѣетъ за собою никакой необходимости. Возможно, въ самомъ дѣлѣ, что и состояніе печали, и состояніе радости, и состояніе размышленія по преимуществу подходятъ къ состояніямъ движенія, и что сущность каждаго изъ этихъ состояній состоитъ именно въ движеніи, — возможно затѣмъ, что такія движенія производятся душею, совершенно такъ, какъ, напр., гнѣвъ или страхъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что сердце находится въ такомъ или иномъ движеніи, или еще размышленіе есть такой-же или какой-либо иной видъ движенія (ибо вѣдь нѣкоторыя изъ этихъ состояній обусловливаются мѣстными перемѣщеніями, движеніями съ мѣста на мѣсто, другія же —качественными, собственно видоизмѣненіями); все это возможно,—и тѣмъ не менѣе, говорить, что душа гнѣвается, было бы совершенно тоже, какъ если бы кто сталъ утверждать, что душа ткетъ или строитъ домъ. Можетъ быть, лучше бы было не говорить, что душа чувствуетъ состраданіе, или учится, или размышляетъ, но говорить, что человѣкъ испытываетъ всѣ эти состоянія при посредствѣ души. И это не нужно по-

нимать въ томъ смыслѣ, что движеніе какъ будто бы происходитъ въ самой душѣ, но иногда оно только доходитъ до нея, иногда же отправляется отъ нея, — такъ напр., чувственное познаніе характеризуется тѣмъ, что движенія исходятъ отъ такихъ-то и такихъ-то чувственныхъ предметовъ» (и очевидно доходитъ до души), «припоминаніе же, наоборотъ, отправляется отъ души и направляется—или къ движеніямъ, происходящимъ въ данное время въ чувственныхъ» (очевидно, периферическихъ) «органахъ, или же къ успокоившимся движеніямъ въ тѣхъ-же органахъ» [1]). Далѣе Аристотель высказы-

---

[1]) De anima I, 4. 408 a. 34—b. 18. *Εὐλογώτερον δ'ἀπορήσειεν ἄν τις περὶ αὐτῆς ὡς κινουμένης, εἰς τὰ τοιαῦτα ἀποβλέψας. φαμὲν γὰρ τὴν ψυχὴν λυπεῖσθαι χαίρειν, θαρρεῖν φοβεῖσθαι, ἔτι δὲ ὀργίζεσθαί τε καὶ αἰσθάνεσθαι καὶ διανοεῖσθαι· ταῦτα δὲ πάντα κινήσεις εἶναι δοκοῦσιν. ὅθεν οἰηθείη τις ἂν αὐτὴν κινεῖσθαι· τὸ δ'οὐκ ἔστιν ἀναγκαῖον· εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα τὸ λυπεῖσθαι ἢ χαίρειν ἢ διανοεῖσθαι κινήσεις εἰσί, καὶ ἕκαστον κινεῖσθαι τούτων, τὸ δὲ κινεῖσθαί ἐστιν ὑπὸ τῆς ψυχῆς, οἷον τὸ ὀργίζεσθαι ἢ φοβεῖσθαι τῷ τὴν καρδίαν ὧδὶ κινεῖσθαι, τὸ δὲ διανοεῖσθαι ἢ τοιοῦτον ἴσως ἢ ἑτερόν τι· τούτων δὲ συμβαίνει τὰ μὲν κατὰ φορὰν τινῶν κινουμένων, τὰ δὲ κατ' ἀλλοίωσιν..... τὸ δὲ λέγειν ὀργίζεσθαι τὴν ψυχὴν ὅμοιον κἂν εἴ τις λέγοι τὴν ψυχὴν ὑφαίνειν ἢ οἰκοδομεῖν· βέλτιον γὰρ ἴσως μὴ λέγειν τὴν ψυχὴν ἐλεεῖν ἢ μανθάνειν ἢ διανοεῖσθαι, ἀλλὰ τὸν ἄνθρωπον τῇ ψυχῇ. τοῦτο δὲ μὴ ὡς ἐν ἐκείνῃ τῆς κινήσεως οὔσης, ἀλλ'ὅτε μὲν μέχρι ἐκείνης, ὅτε δ'ἀπ'ἐκείνης, οἷον ἡ μὲν αἴσθησις ἀπὸ τωνδί, ἡ δ'ἀνάμνησις ἀπ' ἐκείνης ἐπὶ τὰς ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις κινήσεις ἢ μονάς.* Весь этотъ отрывокъ, весь этотъ отдѣлъ настоящей 4-ой главы I-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ вообще представляется довольно труднымъ для пониманія и перевода,—главнымъ образомъ съ общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія установленія, такъ сказать, самой конструкціи, а затѣмъ и съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, встрѣчающихся въ немъ. Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ относительно общаго, относительно конструкціи. Какую связь съ дальнѣйшимъ имѣютъ слова *εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα τὸ λυπεῖσθαι* и т. д.? Wallace, въ своемъ изданіи De anima, и въ частности въ своихъ примѣчаніяхъ къ настоящей главѣ (см. Wallace. *Ἀριστοτέλης περὶ ψυχῆς.* стр. 219) указываетъ, что честь установленія конструкціи въ настоящемъ отрывкѣ принадлежитъ Филопону: именно Филопонъ, говоритъ Wallace, высказалъ, что эти слова *εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα τὸ λυπεῖσθαι* и т. д. должны быть поставлены въ связь съ дальнѣйшими *τὸ δὲ λέγειν ὀργίζεσθαι τὴν ψυχήν* и т. д. Періодъ, начинающійся словами *εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα τὸ λυπεῖσθαι* будетъ по Филопону, указываетъ Wallace, protasis'омъ; періодъ же *τὸ δὲ λέγειν ὀργίζεσθαι τὴν ψυχήν* и т. д. apodosis'омъ какъ разъ къ этому protasis'у.

ваетъ еще нѣсколько мыслей о возможности приписывать движеніе уму,—и наконецъ, въ началѣ 15-го параграфа настоящей главы, дѣлаетъ общее заключеніе ко всему этому отрывку. «Итакъ на основаніи всего вышесказаннаго», говоритъ въ этомъ

Дѣйствительно, при такомъ разъясненіи, недоумѣніе, которое необходимо возникаетъ при первомъ знакомствѣ съ общею конструкціею настоящаго отрывка, исчезаетъ, и общая связь становится совершенно ясною. Затѣмъ, что касается до отдѣльныхъ несовсѣмъ ясныхъ выраженій въ настоящемъ отрывкѣ, то тутъ можно было бы привести замѣчанія Bonitz'a. Bonitz въ своихъ Aristotelische Studien обращаетъ между прочимъ весьма большое вниманіе на нашъ отрывокъ (Bonitz. Aristotel. Stud. II и III. Wien. 1863. стр. 21—24; замѣчанія Bonitz'a приведены еще in extenso у Trendelenburg'a, во 2-омъ изданіи его комментарій къ трактату Аристотеля о душѣ стр. 222, и у того же Wallace'a, стр. 219),—онъ предлагаетъ даже нѣсколько своихъ чтеній, нѣсколько исправленій Bekker'овскаго текста въ настоящемъ отрывкѣ. Однако, въ виду того, что всѣ эти замѣчанія Bonitz'a, въ существѣ дѣла, касаются частностей, я, въ настоящемъ случаѣ, оставлю ихъ въ сторонѣ. Въ настоящемъ случаѣ безъ разъясненія нельзя оставить только одно изъ отдѣльныхъ выраженій нашего отрывка, именно выраженіе *μονάς* въ послѣдней фразѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, «что припоминаніе отправляется отъ души и направляется къ движеніямъ, происходящимъ въ данное время въ чувственныхъ органахъ, или же къ *μονάς*»,—какое значеніе имѣетъ здѣсь это *μονάς*? Въ своемъ переводѣ, въ текстѣ, я передалъ это *μονάς* черезъ «успокоившіяся движенія», и при такомъ переводѣ я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ разъясненія настоящаго выраженія Freudenthal'я. Freudenthal въ своей брошюрѣ «о значеніи слова *φαντασία* у Аристотеля (Ueber den Begriff des Wortes *Φαντασία* bei Aristoteles. Göttingen. 1863)», брошюрѣ, съ которой намъ особенно придется имѣть дѣло ниже, при изложеніи ученія Аристотеля о знаніи, соотвѣтствующемъ *φαντασία*, между прочимъ очень подробно разбираетъ настоящую фразу и настоящее выраженіе (см. вышеуказанную брошюру, стр. 6—8). Онъ разсматриваетъ всѣ существовавшія до него объясненія этого выраженія *μονάς*, *μοναί* (объясненія Филопона, Симплиція, Trendelenburg'a, Brandis'a), и самъ, на основаніи между прочимъ объясненій Ѳемистія и Аргиропила, приходитъ къ заключенію, что эти *μοναί* суть ничто иное, какъ нѣкоторые Rückstände, какъ говоритъ онъ, нѣкоторые остатки или нѣкоторые слѣды въ чувственныхъ органахъ отъ дѣйствительно бывшихъ ощущеній, чувственныхъ познаній. Но это и есть «успокоившіяся движенія». Freudenthal, правда, какъ кажется, склоненъ уже не дѣлать никакой разницы между *μονάς* и *τὰς ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις κινήσεις*, склоненъ совершенно отождествлять ихъ, тогда какъ я наоборотъ стараюсь

заключеніи Аристотель, «невозможно допустить, чтобы душа сама находилась въ движеніи» [1]).

Вотъ собственно мѣсто изъ сочиненій Аристотеля, которое, какъ мы говоримъ, имѣетъ существенное значеніе для занимающаго насъ въ настоящее время вопроса, которое поможетъ намъ разрѣшить, какая именно часть чувствующаго существа, строго говоря, страдаетъ при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этого мѣста? Мнѣ кажется, что выводъ этотъ будетъ слѣдующій. Движенія въ грубомъ, такъ сказать, вульгарномъ смыслѣ никоимъ образомъ нельзя допустить въ душѣ по Аристотелю при активномъ чувственномъ познаніи. Если Аристотель и согласенъ признать, что движеніе до нѣкоторой степени свойственно и душѣ при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи, то только въ смыслѣ высшаго контроля надъ движеніемъ,—въ томъ смыслѣ, что въ чувствующемъ существѣ, помимо души, во время дѣйствительнаго чувственнаго познанія происходятъ движенія, и эти движенія, такъ или иначе, отражаются на душѣ, регулируются душею. Но если въ душѣ во время активнаго чувственнаго познанія нельзя допустить по ученію Аристотеля движенія въ грубомъ, вульгарномъ смыслѣ, то это значитъ, конечно, что въ ней нельзя допустить и грубаго видоизмѣненія подъ вліяніемъ чувственно познаваемыхъ предметовъ; другими словами, это значитъ, что собственно страдаетъ при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи не душа. Но если не душа, то кто-же? Очевидно, другая часть чувствующаго существа, тѣло; тѣло и движится подъ вліяніемъ чувственныхъ предметовъ, и видоизмѣняется, и страдаетъ. И что это такъ,—это совершенно ясно доказывается мѣстомъ изъ 2-ой главы VII-ой книги Физики Аристотеля. Въ этой главѣ Аристотель занимается

по возможности оттѣнить различные смыслы этихъ двухъ выраженій,—но все же поводъ къ настоящему переводу далъ мнѣ именно Freudenthal. Съ точки зрѣнія настоящаго перевода, стало быть, душа при припоминаніи, или, такъ сказать, направляется къ дѣйствительнымъ движеніямъ, къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ, чувственнымъ познаніямъ, или же будитъ уже бывшія, но въ данное время успѣвшія успокоиться движенія, ощущенія.

[1]) Ibidem, 408 b. 30. *Ὅτι μὲν οὖν οὐκ οἷόν τε κινεῖσθαι τὴν ψυχήν, φανερὸν ἐκ τούτων.*

разрѣшеніемъ довольно общаго вопроса относительно движенія, именно, онъ занимается разрѣшеніемъ вопроса,— слѣдуетъ ли, чтобы движимое и движитель во время акта движенія непремѣнно находились вмѣстѣ, соприкасались другъ съ другомъ, или возможно и ихъ, такъ сказать, бо́льшее или мéньшее разъединеніе? Аристотель отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, онъ утверждаетъ, что никакого разъединенія между движимымъ и движителемъ въ актѣ движенія быть не можетъ; затѣмъ при этомъ онъ касается, между прочимъ, и природы второго изъ своихъ родовъ движенія вообще, видоизмѣненія, и въ частности одного изъ видовъ видоизмѣненія,—чувственнаго познанія, и, опредѣляя чувственное познаніе, онъ и высказываетъ довольно ясное, какъ мнѣ кажется, подтвержденіе нашему выводу. Совершенно очевидно для Аристотеля въ настоящемъ мѣстѣ Физики, что при актѣ движенія въ пространствѣ, при актѣ перемѣщенія какого-либо предмета съ мѣста на мѣсто, никакого промежутка между движимымъ и движителемъ быть не можетъ, что движимое и движитель должны соприкасаться, находиться вмѣстѣ,—но тоже самое и по отношенію ко второму роду движенія вообще, къ видоизмѣненію: по отношенію къ видоизмѣненію отсутствіе промежутка между движимымъ и движителемъ, необходимость соприкосновенія движимаго и движителя могутъ быть доказаны простымъ наблюденіемъ отдѣльныхъ случаевъ видоизмѣненія. Ибо что такое видоизмѣненія? «Видоизмѣненія», говоритъ Аристотель, «суть состоянія, касающіяся качества, подлежащаго видоизмѣненію. Вѣдь мы», продолжаетъ Аристотель, «о какомъ-либо предметѣ, когда онъ согрѣвается, или дѣлается сладкимъ, или расширяется, или высыхаетъ, или бѣлѣетъ, говоримъ, что этотъ предметъ видоизмѣняется; при этомъ мы совершенно одинаково примѣняемъ этотъ терминъ—видоизмѣненіе какъ къ одушевленнымъ предметамъ, такъ и къ предметамъ неодушевленнымъ, затѣмъ и въ одушевленныхъ предметахъ мы одинаково употребляемъ этотъ терминъ какъ по отношенію къ частямъ, лишеннымъ чувствительности, такъ и по отношенію къ самымъ чувствамъ. И чувства», утверждаетъ Аристотель, «также видоизмѣняются въ нѣкоторой степени. Дѣйствительное, активное чувственное познаніе есть движеніе, происходящее въ тѣлѣ, когда чувствующая способность, чувство получаетъ какое-либо внѣшнее впе-

чатлѣніе»[1]). Далѣе изъ простого разсмотрѣнія всѣхъ этихъ частныхъ видовъ видоизмѣненія оказывается по Аристотелю, что дѣйствительно и при видоизмѣненіи движимое и движитель должны находиться вмѣстѣ. Это мѣсто Физики, это опредѣленіе чувственнаго познанія Аристотелемъ интересно въ настоящемъ случаѣ потому, что здѣсь Аристотель идетъ не отъ чувственнаго познанія къ видоизмѣненію, не просто отождествляетъ

---

[1]) Phys. VII, 2. 244 b. 5—12. *Ταῦτα γὰρ ἐστι πάθη τῆς ὑποκειμένης ποιότητος· ἢ γὰρ θερμαινόμενον ἢ γλυκαινόμενον ἢ πικνούμενον ἢ ξηραινόμενον ἢ λευκαινόμενον ἀλλοιοῦσθαί φαμεν, ὁμοίως τὸ ἄψυχον καὶ τὸ ἔμψυχον λέγοντες καὶ πάλιν τῶν ἐμψύχων τά τε μὴ αἰσθητικὰ τῶν μερῶν καὶ αὐτὰς τὰς αἰσθήσεις. ἀλλοιοῦνται γάρ πως καὶ αἱ αἰσθήσεις· ἡ γὰρ αἴσθησις ἢ κατ' ἐνέργειαν κίνησίς ἐστι διὰ σώματος, πασχούσης τι τῆς αἰσθήσεως.* Для того чтобы вполнѣ уяснить это мѣсто, слѣдуетъ сравнить его съ слѣдующей, 3-ею главою той-же самой VII-ой книги Физики. Въ настоящемъ мѣстѣ представляется до нѣкоторой степени страннымъ, почему Аристотель, опредѣляя природу видоизмѣненія, перечисляя различные виды видоизмѣненія, тотчасъ же переходитъ къ чувственнымъ предметамъ, далѣе къ самымъ чувствамъ, — вообще, почему онъ ставитъ въ такую тѣсную связь вообще видоизмѣненіе съ чувствительностью. Изъ слѣдующей, 3-ей главы все это совершенно уясняется. Дѣло въ томъ, что, какъ указываетъ Аристотель въ 3-ей главѣ (замѣтимъ, что вся эта 3-я глава посвящена у Аристотеля болѣе спеціальному, болѣе, такъ сказать, исключительному разсмотрѣнію именно природы видоизмѣненія), терминъ — видоизмѣненіе въ прямомъ, строгомъ смыслѣ можетъ быть приложенъ какъ разъ только къ ощущаемымъ, чувственно познаваемымъ предметамъ и качествамъ или же къ самымъ чувствамъ, чувственнымъ способностямъ (ср. напр. начало 3-ей главы и особенно конецъ—248b. 6—9. *φανερὸν οὖν ἐκ τῶν εἰρημένων ὅτι τὸ ἀλλοιοῦσθαι καὶ ἡ ἀλλοίωσις ἔν τε τοῖς αἰσθητοῖς γίνεται καὶ ἐν τῷ αἰσθητικῷ μέρει τῆς ψυχῆς, ἐν ἄλλῳ δ' οὐδενὶ πλὴν κατὰ συμβεβηκός.* Подъ *τὸ αἰσθητικὸν μέρος* Аристотель, конечно, разумѣетъ здѣсь не исключительно душу, а вообще способность чувствительности, чувственнаго познанія, способность, принадлежащую, строго говоря, какъ душѣ, такъ и тѣлу). Но если такъ, то въ такомъ случаѣ ходъ изложенія Аристотеля въ нашемъ мѣстѣ является вполнѣ естественнымъ. Если вообще Аристотель отводитъ такую большую роль при видоизмѣненіи чувствительности, то совершенно понятно, что и при краткомъ опредѣленіи природы видоизмѣненія, при краткомъ перечисленіи видовъ видоизмѣненія, онъ долженъ былъ свое главное вниманіе обратить на тѣ-же чувственные предметы, на ту-же способность чувства. Вотъ почему Аристотель въ нашемъ мѣстѣ и переходитъ тотчасъ же къ чувственнымъ предметамъ, и вотъ почему совершенно логично онъ даетъ затѣмъ опредѣленіе чувственнаго познанія съ точки зрѣнія видоизмѣненія.

чувственное познаніе съ видоизмѣненіемъ, а наоборотъ исходитъ изъ природы видоизмѣненія, опредѣляетъ чувственное познаніе какъ одинъ изъ частныхъ, отдѣльныхъ видовъ видоизмѣненія. Но если такъ, то при такомъ опредѣленіи чувственнаго познанія Аристотель, очевидно, долженъ былъ установить самымъ точнымъ образомъ, какъ же обнаруживается видоизмѣненіе при чувственномъ познаніи, въ какомъ именно видѣ происходитъ во время чувственнаго познанія видоизмѣненіе въ различныхъ частяхъ чувствующаго существа. Аристотель и говоритъ здѣсь, что при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи видоизмѣненіе обнаруживается движеніемъ въ тѣлѣ чувствующаго существа, но о какомъ либо движеніи, происходящемъ при этомъ въ душѣ, онъ не упоминаетъ ни словомъ. Стало быть, и при такомъ точномъ опредѣленіи чувственнаго познанія оказывается по Аристотелю, что душа при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи если и видоизмѣняется, то никакъ не въ грубомъ, не въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, душа при активномъ, дѣйствительномъ чувственномъ познаніи собственно не страдаетъ по мнѣнію Аристотеля, въ ней не происходятъ какія-либо движенія,—и отсюда все это мѣсто 2-ой главы VII-ой книги Физики дѣйствительно является яснымъ подтвержденіемъ нашему выводу.

Итакъ, если говорить о грубомъ страданіи, о грубомъ видоизмѣненіи, о движеніи при чувственномъ познаніи, то всѣ эти термины придется примѣнить по Аристотелю не къ душѣ, а къ тѣлу. Съ этой точки зрѣнія совершенно и окончательно устраняется вышеуказанное недоумѣніе, недоумѣніе, возникающее при чтеніи 5-ой главы II-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ. Въ 5-ой главѣ II-ой книги этого сочиненія Аристотель, какъ мы знаемъ, все время находился въ нѣкоторомъ колебаніи: съ одной стороны, вначалѣ, онъ, повидимому, готовъ былъ отождествить чувственное познаніе со страдательнымъ состояніемъ, — съ другой-же стороны, къ концу, онъ мало по малу какъ будто совсѣмъ отказался отъ этого отождествленія: во всякомъ случаѣ, въ концѣ этой 5-ой главы у него выходило, что существенное въ чувственномъ познаніи вовсе не въ этомъ тождествѣ чувственнаго познанія со страдательнымъ состояніемъ, а въ томъ обстоятельствѣ, что субъектъ, чувственно познающее существо даже и до самаго акта познанія уже содер-

житъ въ себѣ въ возможности объектъ, чувственно познаваемое. Если примѣнить къ этому колебанію настоящую точку зрѣнія, ту точку зрѣнія, что въ чувственномъ познаніи совершенно равноправно участвуютъ обѣ части чувствующаго существа, но участвуютъ не одинаково, такъ сказать, не по одному и тому-же порядку, то это колебаніе вполнѣ найдетъ себѣ оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду тѣло, которое дѣйствительно страдаетъ по Аристотелю при чувственномъ познаніи, страдаетъ въ самомъ грубомъ, вульгарномъ смыслѣ этого слова, можно было сказать, что чувственное познаніе есть ничто иное, какъ нѣкоторое страдательное состояніе; если же оставить тѣло и обратиться къ душѣ, то тутъ можно пожалуй и отказаться отъ такого утвержденія, можно пожалуй прійти къ заключенію, что наиболѣе важное въ чувственномъ познаніи есть тождество чувствующаго существа въ возможности съ чувственно познаваемымъ въ дѣйствительности. Колебаніе настоящей 5-ой главы будетъ, такимъ образомъ, поставлено въ совершенно естественныя, понятныя границы. И слѣдуетъ замѣтить, что это колебаніе Аристотеля въ 5-ой главѣ II-ой книги трактата о душѣ не единственное: совершенно въ такомъ-же родѣ, но только въ еще болѣе точныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ, встрѣчаются колебанія и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Аристотеля. Всѣ такія мѣста на первый взглядъ должны показаться противорѣчіями общему ученію Аристотеля, а между тѣмъ, если мы примѣнимъ къ нимъ ту-же, настоящую точку зрѣнія, то и они станутъ совершенно понятными. Такъ, въ 4-ой главѣ III-ей книги сочиненія о душѣ Аристотель, между прочимъ, сравниваетъ разумное познаніе съ чувственнымъ, мышленіе съ ощущеніемъ, и при этомъ сравненіи у него совершенно опредѣленно выступаетъ то-же самое колебаніе. «Если мышленіе», говоритъ Аристотель въ началѣ главы, во 2-мъ параграфѣ, «есть нѣчто подобное ощущенію, находится въ тѣхъ же условіяхъ какъ и ощущеніе, чувственное познаніе, то оно есть или нѣкоторое страдательное состояніе, вызываемое мыслимымъ предметомъ, или что либо совершенно въ такомъ же родѣ»[1]). Казалось бы, болѣе точно выражаться нельзя: по на-

[1]) De anima. III, 4. 429a. 13—15. *Εἰ δή ἐστι τό νοεῖν ὥσπερ τὸ αἰσθάνεσθαι, ἢ πάσχειν τι ἂν εἴη ὑπὸ τοῦ νοητοῦ ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον.*

стоящей фразѣ выходитъ какъ будто совершенно установленнымъ вообще у Аристотеля, что ощущеніе, чувственное познаніе должно считаться нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ. Однако, всего только нѣсколькими строками ниже, всего только въ 5-омъ параграфѣ той-же 4-й главы, мы встрѣчаемъ уже совершенно другія выраженія. «Что непричастность страданію чувствующаго, чувственно познающаго существа и существа разумно познающаго, мыслящаго, не одинакова,— это ясно»[1]), говоритъ Аристотель въ этомъ 5-омъ параграфѣ. Замѣтимъ, что здѣсь Аристотель совершенно опредѣленно употребляетъ терминъ—непричастность страданію по отношенію къ чувствующему существу. Если въ 5-ой главѣ II-ой книги онъ какъ будто и отказывался отъ отождествленія чувственнаго познанія съ страдательнымъ состояніемъ, то непричастнымъ страданію чувствующее существо тамъ онъ всетаки не называлъ. Не являются ли настоящія фразы 4-ой главы III-ей книги отсюда тѣмъ-же самымъ колебаніемъ, но только колебаніемъ, выраженнымъ еще болѣе опредѣленно? И тѣмъ не менѣе, съ установленной нами точки зрѣнія, и это колебаніе, и эти, казалось бы, противорѣчія могутъ быть вполнѣ разъяснены. Очевидно, что въ первой фразѣ (да это отчасти видно и изъ самаго контекста, изъ самой, такъ сказать, дальнѣйшей обстановки первой фразы) Аристотель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ участіе тѣла при чувственномъ познаніи,—во второй же фразѣ его вниманіе по преимуществу занимало участіе души. Дѣйствительно, тѣло и душа до такой степени нераздѣльно участвуютъ по Аристотелю въ чувственномъ познаніи, что даже и для самого Аристотеля очень трудно раздѣлить ихъ участіе, очень трудно, говоря о чувственномъ познаніи, сосредоточить свою мысль только на участіи какой-либо одной изъ этихъ частей чувствующаго существа; а между тѣмъ для яснаго изложенія такое сосредоточеніе было бы совершенно необходимо,— и отсюда-то и выходитъ это колебаніе, эти видимыя противорѣчія. Такъ можно понять и объяснить съ настоящей, установленной нами точки зрѣнія эти видимыя противорѣчія 4-ой главы

---

[1]) Ibidem, 429a. 29—31. *Ὅτι δ' οὐχ ὁμοία ἡ ἀπάθεια τοῦ αἰσθητικοῦ καὶ τοῦ νοητικοῦ, φανερόν*

III-ей книги сочиненія о душѣ. Затѣмъ тоже самое и по отношенію къ другому мѣсту, въ которомъ выражается колебаніе Аристотеля,—по отношенію къ 7-ой главѣ той-же III-ей книги того-же трактата. Въ самомъ началѣ 7-ой главы Аристотель снова говоритъ о непричастности страданію и видоизмѣненію чувствующаго существа, но здѣсь онъ, очевидно, уже имѣетъ въ виду душу; это доказывается всѣми непосредственно послѣдующими фразами, самою связью, въ которой находится это утвержденіе Аристотеля. «Кажется», говоритъ Аристотель въ самомъ началѣ этой 7-ой главы, «что ощущаемый, чувственно познаваемый предметъ производитъ изъ существа, чувствующаго въ возможности, существо, чувствующее въ дѣйствительности; ибо чувствующее существо не страдаетъ и не видоизмѣняется. Поэтому-то чувственное познаніе и есть нѣсколько иной, нѣсколько особый видъ движенія; ибо движеніе было» (очевидно было въ какомъ либо изъ болѣе раннихъ трактатовъ Аристотеля, т. е. въ какомъ либо изъ болѣе раннихъ трактатовъ Аристотеля было установлено такое опредѣленіе движенія) «осуществленіемъ дѣятельности несовершеннаго, вообще же осуществленіе дѣятельности, вообще же *ἐνέργεια* есть нѣчто отличное отъ этого, какъ реализація, осуществленіе дѣятельности вполнѣ совершеннаго»[1]). Что значитъ прежде всего, что

[1]) De anima. III, 7. 431a. 4—7. *Φαίνεται δὲ τὸ μὲν αἰσθητὸν ἐκ δυνάμει ὄντος τοῦ αἰσθητικοῦ ἐνεργείᾳ ποιοῦν· οὐ γὰρ πάσχει οὐδ' ἀλλοιοῦται. διὸ ἄλλο εἶδος τοῦτο κινήσεως· ἡ γὰρ κίνησις τοῦ ἀτελοῦς ἐνέργεια ἦν, ἡ δ' ἁπλῶς ἐνέργεια ἑτέρα ἡ τοῦ τετελεσμένου.* Что касается до того, гдѣ именно, въ какомъ изъ своихъ болѣе раннихъ трактатовъ Аристотель установилъ опредѣленіе движенія какъ осуществленіе дѣятельности несовершеннаго, то тутъ различные комментаторы De anima указываютъ по различному. Такъ Trendelenburg (Комментаріи Trendelenburg'a къ De anima. 2-е изд. стр. 423) и затѣмъ нѣмецкій переводчикъ De anima, Kirchmann (Kirchmann. «Aristoteles' drei Bücher über die Seele, übersetzt und erläutert». Berlin. 1871. стр. 176—177) указываютъ на мѣсто изъ 6-й главы VIII-ой книги Метафизики (Metaphys. VIII, 6. 1048b. 29—36. Kirchmann не совсѣмъ точно цитируетъ, но онъ несомнѣнно имѣетъ въ виду это мѣсто Метафизики),—другой же комментаторъ, Zahlfleisch, въ своей, уже знакомой намъ статьѣ (Zahlfleisch. Anmerkung. zur Seelenlehr. des Arist. mit besonder. Berücksichtig. des Trendelenburg'schen Comment. hiezu стр. 27) ссылается на примѣры, выставленные Аристотелемъ въ 1-ой главѣ III-ей книги Физики (Phys. III, 1, passim. Съ этою ссылкою

Аристотель начинаетъ здѣсь съ указанія совершенно особеннаго вліянія ощущаемаго, чувственно познаваемаго предмета на чувственно познающее существо, съ указанія, что чувственно познаваемый предметъ производитъ изъ чувствующаго существа въ возможности чувствующее существо въ дѣйствительности? Далѣе, что значитъ здѣсь отождествленіе чувственнаго познанія съ нѣкоторымъ совершенно особымъ видомъ движенія, тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ мѣстахъ, гдѣ говорилось объ участіи тѣла въ чувственномъ познаніи, указывалось просто движеніе, просто κίνησις, и ни о какомъ особомъ видѣ движенія

Zahlfleisch'a можно сравнить еще указанія Симплиція, который тоже указываетъ по поводу настоящаго мѣста вообще на Физику Аристотеля,—Комментаріи Симплиція, изданные Hayduck'омъ, изд. Берлинской Академіи т. XI стр. 264). Но это разногласіе, въ существѣ дѣла, не имѣетъ особаго значенія, ибо оба эти мѣста, съ той точки зрѣнія, съ которой на нихъ ссылаются въ настоящемъ случаѣ, трактуютъ совершенно о томъ-же. Дѣло въ томъ, что въ обоихъ этихъ мѣстахъ Аристотель говоритъ просто о движеніи, о движеніи въ обыкновенномъ, такъ сказать, вульгарномъ смыслѣ этого слова, и въ этомъ смыслѣ онъ и называетъ движеніе осуществленіемъ дѣятельности, ἐνέργεια, но только осуществленіемъ дѣятельности несовершеннаго. Простое, обыкновенное движеніе, говоритъ здѣсь Аристотель, непремѣнно должно зависѣть отъ какого либо движителя, оно, стало быть, не можетъ имѣть цѣли въ самомъ себѣ; цѣль для такого движенія заключается собственно въ движителѣ, и для самаго такого движенія является отсюда чѣмъ-то посторонимъ. Это, продолжаетъ Аристотель, приводя конкретный примѣръ, совершенно тоже, какъ напр. при постройкѣ дома. Постройка дома есть также конечно движеніе, но движеніе въ простомъ, обыкновенномъ смыслѣ этого слова: именно вслѣдствіе этого цѣль при постройкѣ дома и не обнаруживается сама собою, она есть нѣчто постороннее для самой постройки и находится въ головѣ строителя, архитектора. Совершенно иное дѣло, если взять осуществленіе дѣятельности, ἐνέργεια вообще, помимо движенія въ простомъ, обыкновенномъ смыслѣ. Ἐνέργεια вообще можетъ имѣть цѣль въ самой себѣ, для осуществленія дѣятельности вообще, отсюда, не требуется какого-либо посторонняго начала, ἐνέργεια вообще, такъ сказать, сама себя движитъ (такими ἐνέργειαι, по данному мѣсту Метафизики, будутъ—чувственное познаніе, затѣмъ особенно разумное познаніе); поэтому, если такую ἐνέργεια, если такое осуществленіе дѣятельности вообще и нужно сопоставлять, по Аристотелю, съ движеніемъ, то во всякомъ случаѣ не съ обыкновеннымъ, простымъ движеніемъ. Если простое, обыкновенное движеніе было осуществленіемъ дѣятельности несовершеннаго, несовершеннымъ осуществленіемъ дѣятельности,

не было и помину? Всѣ эти выраженія Аристотеля въ настоящемъ мѣстѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно несомнѣнно указываютъ на то обстоятельство, что здѣсь главнымъ образомъ Аристотель имѣлъ въ виду душу. А если онъ имѣлъ въ виду душу, то съ установленной нами точки зрѣнія нисколько не удивительно, что онъ говоритъ о непричастности страданію и видоизмѣненію чувствующаго существа, что онъ утверждаетъ, будто чувствующее существо собственно не страдаетъ и не видоизмѣняется.

Такимъ образомъ и эти послѣднія, разобранныя нами, мѣста изъ сочиненій Аристотеля, которыя, казалось бы, должны противорѣчить общему ученію Аристотеля о чувственномъ познаніи, только еще болѣе утверждаютъ насъ въ томъ положеніи, что собственно страдаетъ, собственно видоизмѣняется, страдаетъ и видоизмѣняется въ грубомъ смыслѣ этого слова—не душа, а тѣло. Но что же дѣлаетъ при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ

то ἐνέργεια вообще будетъ движеніемъ особаго рода, движеніемъ вполнѣ совершеннаго, вполнѣ совершеннымъ движеніемъ. Вотъ собственно о чемъ трактуютъ оба, указанныя выше, мѣста Аристотеля. Оба эти мѣста, очевидно, разъясняютъ болѣе подробно, болѣе обстоятельно то, что говорится въ нашемъ, настоящемъ мѣстѣ, въ 7-ой главѣ III-ей книги De anima, — и отсюда Аристотель, указавши въ нашемъ мѣстѣ, что «движеніе *было* осуществленіемъ дѣятельности несовершеннаго», могъ имѣть въ виду какое-либо изъ этихъ мѣстъ. Всѣ эти разсужденія Аристотеля слѣдуетъ еще сравнить съ мѣстомъ изъ 5-ой главы II-ой книги De anima, мѣстомъ, которое уже было разсмотрѣно нами выше (ср. стр. 8—9 нашего текста и примѣчаніе). Если мы припомнимъ, въ томъ мѣстѣ 5-ой главы Аристотель также говорилъ о простомъ, обыкновенномъ движеніи, и у него также оказывалось, что простое движеніе есть несовершенная ἐνέργεια, ἀτελὴς ἐνέργεια, — и оказывалось на томъ основаніи, что въ простомъ движеніи участвуетъ до нѣкоторой степени страдательный элементъ, что простое движеніе для своего осуществленія требуетъ нѣкотораго движителя. Но вѣдь это собственно и значитъ, что простое, обыкновенное движеніе не можетъ имѣть цѣли въ самомъ себѣ, въ самомъ движеніи, — и такимъ-то образомъ это мѣсто изъ 5-ой главы и всѣ указанныя нами въ настоящее время мѣста изъ Аристотеля и являются какъ бы дополненіями другъ къ другу. Затѣмъ по поводу настоящаго вопроса ср. еще C. Baeumker. Des Aristoteles Lehre von der äussern und innern Sinnesvermögen. стр. 12—13 (Baeumker также сопоставляетъ всѣ указанныя нами мѣста) и G. Teichmüller. Stud. zur Gesch. der Begriffe, примѣчаніе къ стр. 421.

познаніи душа, въ чемъ выражается ея участіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ намъ дальнѣйшія изъ неразсмотрѣнныхъ еще нами вышеуказанныхъ мѣстъ, именно нѣкоторые параграфы 8-ой главы III-ей книги и нѣкоторые параграфы 12-ой главы II-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ. Особенно интересна для насъ будетъ 8-ая глава, параграфы 1—2 ея, — и съ разсмотрѣнія этихъ параграфовъ мы и начнемъ.

«Теперь», такъ начинаетъ Аристотель 8-ую главу III-ей книги трактата о душѣ, «если мы объединимъ все сказанное нами ранѣе о душѣ, то мы снова повторимъ, что душа нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ все, что существуетъ. Ибо вѣдь существующее бываетъ или чувственно познаваемымъ, или разумно познаваемымъ, а разумное познаніе нѣкоторымъ образомъ тождественно съ разумно познаваемымъ, чувственное же познаніе тождественно съ чувственно познаваемымъ. Въ чемъ именно состоитъ это тождество,—это слѣдуетъ разсмотрѣть» [1]). Уже изъ этихъ первыхъ строкъ становится совершенно яснымъ интересъ этихъ параграфовъ въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель, какъ мы видимъ, собирается тутъ именно говорить объ участіи души въ чувственномъ познаніи. Хотя онъ не ограничивается здѣсь только чувственнымъ познаніемъ, онъ касается также и познанія разумнаго, но это конечно не важно: важно то, что во всякомъ случаѣ Аристотель уже и въ этихъ первыхъ строкахъ совершенно ясно заявляетъ желаніе говорить между прочимъ объ участіи души въ чувственномъ познаніи. Но пойдемъ далѣе. «Итакъ, разумное и чувственное знанія», продолжаетъ Аристотель, «раздѣляются по познаваемымъ предметамъ: разумное и чувственное знанія въ возможности относятся къ познаваемымъ предметамъ въ возможности,— разумное же и чувственное знанія въ дѣйствительности—къ познаваемымъ предметамъ въ дѣйствительности. Чувственно же познающая способность души и способность разумно познающая и суть ничто иное, какъ эти, вообще познаваемые предметы, — съ одной стороны

---

[1]) De anima III, 8. 431b. 20—23. *Νῦν δὲ περὶ ψυχῆς τὰ λεχθέντα συγκεφαλαιώσαντες, εἴπωμεν πάλιν ὅτι ἡ ψυχὴ τὰ ὄντα πώς ἐστι πάντα. ἢ γὰρ αἰσθητὰ τὰ ὄντα ἢ νοητά, ἔστι δ' ἡ ἐπιστήμη μὲν τὰ ἐπιστητά πως, ἡ δ' αἴσθησις τὰ αἰσθητά· πῶς δὲ τοῦτο, δεῖ ζητεῖν.*

разумно познаваемое, съ другой же чувственно познаваемое. И въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы или сами эти познаваемые предметы, или формы ихъ были въ душѣ. Но сами они, конечно, въ душѣ быть не могутъ, ибо вѣдь не камень, напр., находится въ душѣ, но только форма его. Такимъ образомъ душа при познаніи является чѣмъ-то вродѣ руки: какъ рука есть инструментъ изъ инструментовъ, какъ рукою мы схватываемъ всѣ другіе инструменты, совершенно также и умъ, разумъ есть форма формъ, форма, содержащая въ себѣ всѣ остальныя формы, а чувственно познающая способность души есть форма чувственно познаваемыхъ предметовъ» [1]). Таковы эти, важные для насъ по занимающему насъ въ настоящее время вопросу, два первыхъ параграфа 8-ой главы III-ей книги сочиненія Аристотеля о душѣ. Къ какому же заключенію можемъ мы придти на основаніи этихъ параграфовъ? Заключеніе, какъ мнѣ кажется, будетъ слѣдующее. Уже во всемъ предыдущемъ,

---

[1]) Ibidem, 431 b. 24—432 a. 3. *Τίμνεται οὖν ἡ ἐπιστήμη καὶ ἡ αἴσθησις εἰς τὰ πράγματα, ἡ μὲν δυνάμει εἰς τὰ δυνάμει, ἡ δ'ἐντελεχείᾳ εἰς τὰ ἐντελεχείᾳ. τῆς δὲ ψυχῆς τὸ αἰσθητικὸν καὶ τὸ ἐπιστημονικὸν δυνάμει ταῦτά ἐστι, τὸ μὲν ἐπιστητὸν τὸ δὲ αἰσθητόν. ἀνάγκη δ' ἢ αὐτὰ ἢ τὰ εἴδη εἶναι. αὐτὰ μὲν γὰρ δὴ οὔ· οὐ γὰρ ὁ λίθος ἐν τῇ ψυχῇ, ἀλλὰ τὸ εἶδος· ὥστε ἡ ψυχὴ ὥςπερ ἡ χεὶρ ἐστιν· καὶ γὰρ ἡ χεὶρ ὄργανόν ἐστι ὀργάνων, καὶ ὁ νοῦς εἶδος εἰδῶν καὶ ἡ αἴσθησις εἶδος αἰσθητῶν.* Слово *ταῦτα* во фразѣ *τῆς δὲ ψυχῆς τὸ αἰσθητικὸν καὶ τὸ ἐπιστημονικὸν δυνάμει ταῦτά ἐστι* я, вмѣстѣ со всѣми новѣйшими комментаторами, читаю именно какъ *ταῦτα*, тогда какъ у Bekker'a читается *ταὐτόν*. (Ср. примѣчанія къ этой фразѣ Trendelenburg'a въ его комментаріяхъ, стр. 438; Torstrik'a, стр. 219; Wallace'a, стр. 283; и Zahlfleisch'a въ его статьѣ стр. 31; — особенно примѣчанія Trendelenburg'a). Дѣйствительно, какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Trendelenburg, слово *ταὐτόν* здѣсь было бы совершенно неумѣстно. Если оставить *ταὐτόν*, то выйдетъ тождество чувственно познающей способности со способностью разумно познающей, между тѣмъ какъ во всемъ настоящемъ отрывкѣ Аристотель довольно ревностно защищаетъ именно различіе этихъ способностей; онъ и начинаетъ настоящій отрывокъ съ установленія этого различія, съ указанія, что вообще знаніе дѣлится на чувственное и разумное. *Ταῦτα* же даетъ вполнѣ хорошій смыслъ: при *ταῦτα* выйдетъ тождество въ возможности вообще познающаго существа съ познаваемымъ, чувственно познающаго существа съ чувственно познаваемымъ и разумно познающаго съ разумно познаваемымъ, — мысль, вполнѣ подходящая ко всему настоящему отрывку.

въ частности, въ непосредственно предыдущемъ, при изложеніи ученія Аристотеля объ участіи тѣла при активномъ чувственномъ познаніи, мы видѣли, что существенное, по мнѣнію Аристотеля, въ чувственномъ познаніи заключается въ нѣкоторомъ тождествѣ чувственно познающаго существа съ чувственно познаваемымъ, въ томъ обстоятельствѣ, что чувственно познающее существо въ возможности уже содержитъ въ себѣ чувственно познаваемое. Далѣе, изъ того-же непосредственно предыдущаго, изъ того-же ученія Аристотеля объ участіи тѣла при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи, можно было какъ-бы предвидѣть, что участіе души при активномъ чувственномъ познаніи и будетъ главнымъ образомъ сосредоточиваться около этого тождества. Настоящіе параграфы вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, не ясно ли, что въ этихъ параграфахъ, совершенно очевидно трактующихъ какъ разъ объ участіи души въ чувственномъ познаніи, существенная, основная мысль заключается именно въ утвержденіи существованія чувственно познаваемаго въ возможности въ чувственно познающемъ существѣ, — все же остальное представляетъ только варіаціи на эту-же тему, только разъясненія этого-же положенія? Стало быть, дѣйствительно—это вполнѣ доказывается настоящими параграфами—душа до акта активнаго чувственнаго познанія уже содержитъ въ себѣ въ возможности чувственно познаваемое, и при самомъ актѣ только переводитъ эту возможность въ дѣйствительность; въ этомъ переводѣ и состоитъ ея дѣятельность, участіе при активномъ чувственномъ познаніи. Но какъ же совершаетъ этотъ переводъ душа, какъ обнаруживается это ея участіе болѣе подробно? Самые чувственно познаваемые предметы, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Аристотель, въ душѣ, хотя бы и въ возможности только, конечно существовать не могутъ; но могутъ существовать въ душѣ въ возможности специфическія качества чувственно познаваемаго, то, что и дѣлаетъ чувственно познаваемое чувственно познаваемымъ. По терминологіи Аристотеля эти специфическія качества называются формами, душа отсюда въ возможности заключаетъ въ себѣ формы всѣхъ чувственно познаваемыхъ предметовъ, душа есть форма всего чувственно познаваемаго, — и вотъ въ этомъ-то обнаруженіи формъ чувственно познаваемаго и заключается болѣе подроб-

но участіе души при активномъ, дѣйствительномъ чувственномъ познаніи. Другими словами, при активномъ чувственномъ познаніи чувственное познаніе не остается только грубымъ страданіемъ, видоизмѣненіемъ, грубымъ движеніемъ (какими оно непремѣнно осталось бы, если бы въ такомъ чувственномъ познаніи участвовало только тѣло), но, помимо этого грубаго движенія, или, лучше сказать, какъ нѣкоторый результатъ этого движенія, оно становится еще и, такъ сказать, самимъ собою, становится самымъ чувственнымъ познаніемъ. Но не нужно забывать при этомъ, что эти формы, эти специфическія качества чувственно познаваемаго находятся въ душѣ по Аристотелю только въ возможности. Выраженіе—въ возможности значитъ въ настоящемъ случаѣ, что хотя, по ученію Аристотеля, собственно только душа дѣлаетъ чувственное познаніе таковымъ, самымъ чувственнымъ познаніемъ, но всеже для такого обнаруженія чувственнаго познанія требуются и нѣсколько иныя условія, требуется непремѣнное участіе тѣла. Тѣло и душа, говорили мы выше, совершенно нераздѣльно участвуютъ по Аристотелю въ чувственномъ познаніи; это и значитъ, что хотя, такъ сказать, окончательную печать при образованіи дѣйствительнаго чувственнаго познанія должна положить именно душа, что хотя именно благодаря душѣ происходитъ окончательное обнаруженіе дѣйствительнаго чувственнаго познанія, чувственнаго познанія, какъ такового, тѣмъ не менѣе, для того чтобы можно было положить такую печать, предварительно непремѣнно должно было заявить свое участіе тѣло. Предварительно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ, тѣло должно было испытать нѣкоторое страдательное состояніе въ грубомъ смыслѣ этого слова, въ немъ должны были произойти грубыя видоизмѣненія, грубыя движенія.

Вотъ заключеніе, къ которому можно прійти относительно участія души при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи на основаніи этихъ двухъ первыхъ параграфовъ 8-ой главы III-ей книги трактата Аристотеля о душѣ. Затѣмъ тоже, но съ нѣсколько другой стороны, высказываетъ Аристотель и въ началѣ 12-ой главы II-ой книги того-же трактата, также въ двухъ первыхъ параграфахъ. Именно, въ 8-ой главѣ III-ей книги Аристотель разсматривалъ участіе души при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи, исходя изъ самой души, об-

ращая главное и преимущественное вниманіе на самую душу, —но что выйдетъ, если при разсмотрѣніи участія души въ чувственномъ познаніи начать не съ самой души, а съ внѣшнихъ, чувственно познаваемыхъ предметовъ? Внѣшніе, чувственно познаваемые предметы, какъ мы видѣли, предварительно должны были при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи оказать нѣкоторое вліяніе на тѣло чувствующаго существа, они должны были вызвать въ тѣлѣ чувствующаго существа нѣкоторыя грубыя видоизмѣненія, движенія; только уже затѣмъ эти движенія тѣла должны были повести и къ участію души, только уже въ дальнѣйшемъ, въ видѣ результата этихъ тѣлесныхъ движеній, душа обнаруживала формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, дѣлала чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ. Отсюда, если обратить главное вниманіе при разсмотрѣніи участія души въ чувственномъ познаніи на внѣшніе, чувственно познаваемые предметы, то какъ будто выйдетъ, что эти чувственно познаваемые предметы собственно и оставляютъ въ душѣ, въ чувствующемъ существѣ свои формы, свои специфическія качества; душа чувствующаго существа при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи только служитъ пріемницею формъ чувственно познаваемаго. Такъ выйдетъ,—и такъ дѣйствительно и учитъ Аристотель въ началѣ 12-ой главы II-ой книги своего главнаго психологическаго трактата. «Вообще относительно всякаго чувственнаго познанія», говоритъ Аристотель въ первыхъ двухъ параграфахъ этой 12-ой главы, «слѣдуетъ принять, что способность чувственнаго познанія есть то, что способно принимать въ себя формы чувственно познаваемыхъ предметовъ безъ ихъ матеріи, совершенно такъ, какъ воскъ принимаетъ въ себя отпечатокъ печати безъ желѣза или золота, изъ которыхъ печать сдѣлана; воскъ принимаетъ въ себя золотой или мѣдный отпечатокъ, но не постольку, поскольку этотъ отпечатокъ есть золото или мѣдь. Совершенно также и способность чувственнаго познанія каждаго предмета испытываетъ страдательное состояніе отъ предмета, имѣющаго цвѣтъ, или вкусъ, или звукъ, но испытываетъ не постольку, поскольку каждый такой предметъ можетъ быть названъ такимъ именно отдѣльнымъ, индивидуальнымъ предметомъ» (стало быть не постольку, поскольку на немъ отразилась преимущественно матерія),

«а постольку, поскольку онъ принадлежитъ къ такому или иному классу вещей» (поскольку онъ представляетъ нѣчто общее, нѣкоторое общее качество), «съ точки зрѣнія нѣкотораго общаго понятія, заключающагося въ немъ. Первое же чувствилище, первоначальная и, такъ сказать, наиболѣе важная, существенная способность чувственнаго познанія», продолжаетъ Аристотель, «и есть то, въ чемъ заключается такая способность» (т. е. такая способность принимать въ себя формы чувственно познаваемыхъ предметовъ безъ матеріи). «Такимъ образомъ, эта первоначальная чувственная способность и чувственно познаваемые предметы—въ сущности одно и тоже, но только способъ, видъ ихъ существованій различны: ибо если чувственно познаваемое можно назвать нѣкоторою величиною» (очевидно пространственною величиною), «то ни эта первоначальная и существенная способность чувственнаго познанія, ни самое чувственное познаніе не могутъ быть названы величинами; но по отношенію и къ тому и къ другому можно сказать, что оно есть какъ-бы нѣкоторое понятіе и возможность чувственно познаваемаго» [1]). Прежде всего, въ

---

[1]) De anima, II, 12. 424 a. 17—27. *Καθόλου δὲ περὶ πάσης αἰσθήσεως δεῖ λαβεῖν ὅτι ἡ μὲν αἴσθησίς ἐστι τὸ δεκτικὸν τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν ἄνευ τῆς ὕλης, οἷον ὁ κηρὸς τοῦ δακτυλίου ἄνευ τοῦ σιδήρου καὶ τοῦ χρυσοῦ δέχεται τὸ σημεῖον, λαμβάνει δὲ τὸ χρυσοῦν ἢ τὸ χαλκοῦν σημεῖον, ἀλλ' οὐχ ᾗ χρυσὸς ἢ χαλκός. ὁμοίως δὲ καὶ ἡ αἴσθησις ἑκάστου ὑπὸ τοῦ ἔχοντος χρῶμα ἢ χυμὸν ἢ ψόφον πάσχει, ἀλλ' οὐχ ᾗ ἕκαστον ἐκείνων λέγεται, ἀλλ' ᾗ τοιονδί, καὶ κατὰ τὸν λόγον. αἰσθητήριον δὲ πρῶτον ἐν ᾧ ἡ τοιαύτη δύναμις. ἔστι μὲν οὖν ταὐτόν, τὸ δ' εἶναι ἕτερον· μέγεθος μὲν γὰρ ἄν τι εἴη τὸ αἰσθανόμενον· οὐ μὴν τό γε αἰσθητικῷ εἶναι, οὐδ' ἡ αἴσθησις μέγεθός ἐστιν, ἀλλὰ λόγος τις καὶ δύναμις ἐκείνου.* Изъ отдѣльныхъ, до нѣкоторой степени затруднительныхъ выраженій въ настоящемъ отрывкѣ обыкновенно обращаютъ главное вниманіе на слово *αἰσθητήριον* во фразѣ *αἰσθητήριον δὲ πρῶτον ἐν ᾧ ἡ τοιαύτη δύναμις*, и затѣмъ на непосредственно слѣдующее выраженіе *ἔστι μὲν οὖν ταὐτόν, τὸ δ' εἶναι ἕτερον* (ср. комментаріи ко всему этому отрывку Wallace'a въ его изданіи De anima, стр. 249; Trendelenburg'a, стр. 337—340; и возраженіе Zahlfleisch'a на комментаріи Trendelenburg'a въ указанной выше статьѣ, стр. 14). Прежде всего, какое значеніе имѣетъ тутъ *αἰσθητήριον*? относится ли это *αἰσθητήριον* къ одному изъ мѣстныхъ, периферическихъ чувственныхъ органовъ, или же подъ *αἰσθητήριον* въ данномъ случаѣ разумѣется общая чувственная способность, способность чувственнаго познанія вообще,

настоящемъ мѣстѣ, въ этихъ двухъ первыхъ параграфахъ 12-ой главы II-ой книги De anima, Аристотель опять таки толкуетъ о томъ-же тождествѣ въ возможности чувственно познающаго существа съ чувственно познаваемымъ: это показываетъ намъ, особенно если мы сравнимъ настоящее мѣсто съ предыдущимъ, съ мѣстомъ изъ 8-ой главы III-ей книги,

---

сама чувствующая душа? Trendelenburg, повидимому, склоняется ко второму изъ этихъ толкованій,—Wallace же стоитъ за первое. Но если принять первое толкованіе, то въ такомъ случаѣ и слѣдующее слово *πρῶτον* придется признать не за прилагательное, а за нарѣчіе. Такъ и дѣлаетъ Wallace,—отсюда всю настоящую фразу онъ переводитъ слѣдующимъ образомъ: «чувственный же органъ получается тогда въ первый разъ, когда какая-либо часть чувствующаго существа обнаруживаетъ эту способность схватывать общее въ чувственно познаваемыхъ предметахъ» (кромѣ указанныхъ выше комментарій ср. еще переводъ Wallace'a въ его изданіи стр. 125). Конечно, и такое пониманіе возможно, но всеже мнѣ лично, первое пониманіе, первое толкованіе кажется болѣе вѣроятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я между прочимъ и указываю въ текстѣ, во всемъ этомъ отрывкѣ Аристотель также толкуетъ о томъ-же тождествѣ въ возможности чувственно познающаго существа съ чувственно познаваемымъ (ибо какое, дѣйствительно, другое значеніе можетъ имѣть напр. послѣдняя фраза, фраза *οὐ μὴν τό γε αἰσθητικῷ εἶναι, οὐδ' ἡ αἴσθησις μέγεθός ἐστιν, ἀλλὰ λόγος τις καὶ δύναμις ἐκείνου*, въ частности выраженіе *δύναμις ἐκείνου*?),—это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, и служитъ совершенно яснымъ доказательствомъ, что во всемъ настоящемъ отрывкѣ онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ душу, участіе души при чувственномъ познаніи. Но если Аристотель въ настоящемъ отрывкѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вообще участіе души при чувственномъ познаніи, то отсюда ему совершенно естественно было и назвать здѣсь эту душу,—гораздо естественнѣе было для него указать въ настоящемъ отрывкѣ на самую душу, на общій, такъ сказать, центръ чувственнаго познанія, чѣмъ приводить части общей способности чувственнаго познанія, мѣстные, периферическіе чувственные органы. Другими словами, въ виду общаго значенія настоящаго отрывка, для меня представляется совершенно несомнѣннымъ, что въ данномъ случаѣ подъ *αἰσθητήριον* слѣдуетъ разумѣть именно общую способность чувственнаго познанія, самую чувствующую душу. Затѣмъ, пониманіе непосредственно слѣдующаго, также неяснаго выраженія—*ἔστι μὲν οὖν ταὐτόν, τὸ δ' εἶναι ἕτερον* находится въ самой тѣсной связи съ пониманіемъ *αἰσθητήριον*. Слово *ταὐτόν* въ этомъ выраженіи можетъ означать или тождество *αἰσθητήριον* и *δύναμις*, т. е. тождество мѣстнаго, периферическаго чувственнаго органа съ общею способностью чувственнаго познанія, или же тожде-

что и здѣсь, главнымъ образомъ, Аристотель имѣетъ въ виду душу. Съ этой точки зрѣнія, и подъ этимъ «первымъ чувствилищемъ», и подъ этою «первоначальною, наиболѣе важною способностью чувственнаго познанія» слѣдуетъ разумѣть здѣсь, какъ мнѣ кажется, именно душу. Далѣе, въ предыдущемъ, въ 8-ой главѣ III-ей книги, Аристотель не обращалъ никакого вниманія

ство *δύναμις* и *αἰσθητόν*, тождество общей способности чувственнаго познанія, самой чувствующей души и чувственно познаваемаго; и уже съ перваго взгляда, послѣ самаго поверхностнаго прочтенія настоящаго отрывка, можно прійти къ заключенію, что если мы примемъ первое, Wallace'овское толкованіе относительно *αἰσθητήριον*, то нужно принять и первое тождество,—если же мы поймемъ *αἰσθητήριον* въ смыслѣ втораго, нашего толкованія, то придется принять и второе тождество. Такъ и выходитъ у Wallace'а: весь дальнѣйшій періодъ, начиная съ этихъ словъ *ἔστι μὲν οὖν ταὐτόν*, Wallace переводитъ именно въ смыслѣ нѣкотораго сравненія мѣстнаго, периферическаго чувственнаго органа съ общею способностью чувственнаго познанія. Но несовсѣмъ понятно у Trendelenburg'а: Trendelenburg, какъ мы видѣли, повидимому, склоненъ былъ принять второе, наше толкованіе слова *αἰσθητήριον*,—между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, онъ, какъ кажется, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, но всеже скорѣе готовъ признать первое тождество, тождество *αἰσθητήριον* и *δύναμις*. Впрочемъ все объясненіе Trendelenburg'а въ настоящемъ случаѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Zahlfleisch, уже слишкомъ тонко, zu haarspalterisch, какъ говоритъ Zahlfleisch. Какъ бы то ни было, мнѣ лично кажется совершенно очевидною эта связь настоящаго выраженія съ такимъ или инымъ пониманіемъ слова *αἰσθητήριον*,—и отсюда разъ уже мы согласились, что Аристотель долженъ былъ разумѣть подъ *αἰσθητήριον* именно общую способность чувственнаго познанія, чувствующую душу, то и здѣсь это тождество мы должны понимать какъ разъ какъ тождество общей чувственной способности, самой чувствующей души съ чувственно познаваемымъ, съ внѣшними, чувственными предметами. Внѣшніе, чувственно познаваемые предметы, говоритъ здѣсь Аристотель, должны имѣть пространственную величину, но ни сама эта общая чувственная способность, ни самое чувственное познаніе такой величины не имѣютъ: тождество, стало быть, будетъ тутъ не абсолютное, а только относительное, оно будетъ выражаться въ томъ, что въ общей чувственной способности, такъ или иначе, будутъ находиться формы специфическія качества чувственно познаваемаго, всѣхъ чувственныхъ предметовъ. Это—относительно отдѣльныхъ, не совсѣмъ ясныхъ выраженій въ настоящемъ отрывкѣ.—Что же касается до общаго смысла настоящаго отрывка, то слѣдуетъ указать, что настоящее мѣсто явилось однимъ изъ самыхъ главныхъ матеріаловъ для изслѣдователей сущности чувственнаго познанія

на внѣшніе, чувственно познаваемые предметы, его мысль преимущественно и исключительно была занята только участіемъ души въ активномъ чувственномъ познаніи; отсюда у него и выходило, что сама чувственно познающая душа есть форма чувственно познаваемыхъ предметовъ, т. е. что сама чувственно познающая душа переводитъ въ собственное чувствен-

---

по Аристотелю и вообще для занимавшихся психологіею Аристотеля. Всѣ, даже не только спеціально занимавшіеся изслѣдованіемъ сущности чувственнаго познанія по Аристотелю, но и вообще до нѣкоторой степени касавшіеся разрѣшенія этого вопроса Аристотелемъ,—всѣ непремѣнно ссылались на настоящее мѣсто, и пользовались имъ. Но къ сожалѣнію не всѣ пользовались нашимъ мѣстомъ какъ слѣдуетъ. Весьма многіе брали его, такъ сказать, слишкомъ исключительно, совершенно не сопоставляли его съ другими ученіями Аристотеля, или если и сопоставляли, то съ мѣстами, повидимому, аналогичными, но на самомъ дѣлѣ трактующими совсѣмъ о другомъ, —и отсюда на основаніи нашего мѣста они приходили нерѣдко къ выводамъ до нѣкоторой степени страннымъ и противорѣчащимъ другимъ, казалось бы, уже основнымъ положеніямъ Аристотеля. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, укажу хотя-бы на одного изъ самыхъ позднѣйшихъ изслѣдователей психологіи Аристотеля, на B. Ritter'a. Ritter въ своей диссертаціи, вышедшей всего только въ 1880 году (Die Grundprincipien der Aristotelischen Seelenlehre. Jena), проводитъ мысль, что вся психологія Аристотеля есть результатъ трехъ, въ сущности совершенно исключающихъ другъ друга, философскихъ направленій, именно направленія матеріализма, до нѣкоторой степени спиритуализма и дуализма. Для подтвержденія этой мысли Ritter'у нужно было доказать между прочимъ, что Аристотель былъ и матеріалистомъ,—и вотъ онъ разбираетъ и наше мѣсто, причемъ сопоставляетъ его съ, повидимому, совершенно аналогичнымъ же мѣстомъ изъ трактата Аристотеля «О памяти» (De mem. 1. 450 a. 25 и слѣд., болѣе подробно мы разсмотримъ это мѣсто ниже, когда будемъ говорить о знаніи, соотвѣтствующемъ *φαντασία* по Аристотелю;—относительно же разсмотрѣнія настоящаго мѣста, мѣста изъ 12-ой главы II-ой книги De anima, см. у Ritter'a въ его диссертаціи стр. 20—21), и такимъ образомъ у него, между прочимъ какъ разъ и на основаніи нашего мѣста, выходитъ, что Аристотель проповѣдывалъ матеріализмъ, — выводъ, по отношенію къ Аристотелю и по сравненію съ другими основными положеніями Аристотеля, по меньшей мѣрѣ странный. Но такъ и должно было выйти, если остановиться только на нашемъ мѣстѣ, или если и сопоставлять его съ другими мѣстами изъ Аристотеля, то съ мѣстами, которыя на первый взглядъ покажутся почти буквально тождественными. Но совершенно иначе будетъ обстоять дѣло, если

ное познаніе грубыя видоизмѣненія, движенія, полученныя тѣломъ отъ внѣшнихъ предметовъ, сама душа дѣлаетъ чувственное познаніе чувственнымъ познаніемъ. Въ настоящемъ же мѣстѣ Аристотель по преимуществу занятъ внѣшними, чувственно познаваемыми предметами, онъ какъ разъ отправляется отъ нихъ; при такомъ порядкѣ разсмотрѣнія онъ и утверждаетъ, что не сама душа обнаруживаетъ формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, не сама душа дѣлаетъ чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ, а чувственно познаваемые предметы только оставляютъ въ душѣ эти формы, душа только принимаетъ въ себя эти спицифическія качества. Но, въ существѣ дѣла, не тоже ли это самое? Вѣдь безъ внѣшнихъ, чувственно познаваемыхъ предметовъ, какъ мы видѣли это и при разсмотрѣніи предыдущаго, при разсмотрѣніи мѣста изъ 8-ой главы III-ей книги, никакого чувственнаго познанія быть не можетъ, вѣдь для того, чтобы душа могла обнаружить формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, предварительно непремѣнно требовались грубыя тѣлесныя движенія, грубыя видоизмѣненія тѣла, движенія и видоизмѣненія, производимыя именно внѣшними предметами,—такъ неужели же, имѣя въ виду эту сторону дѣла, нельзя сказать, что именно внѣшніе, чувственно познаваемые предметы производятъ появленіе формъ, своихъ специфическихъ качествъ въ душѣ, оставляютъ послѣ себя свои формы? Сказать это конечно можно,—и такимъ-то образомъ эти два первыхъ параграфа 12-ой главы II-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ, и содержатъ въ себѣ, строго говоря, тоже самое относительно участія души при актив-

---

взять ученіе Аристотеля о сущности чувственнаго познанія шире, если постараться сопоставить наше мѣсто не съ такими только мѣстами, которыя покажутся съ перваго взгляда тождественными, а и съ другими также. Выйдетъ,—какъ это я и старался показать въ текстѣ,—что настоящее мѣсто вовсе не говоритъ въ пользу матеріализма Аристотеля. Настоящее мѣсто утверждаетъ тоже присутствіе въ душѣ чувствующаго существа формъ, специфическихъ качествъ чувственно познаваемаго, какъ это утверждаютъ и другія мѣста, въ частности, какъ это видно изъ текста, два первыхъ параграфа 8-ой главы III-ей книги того-же трактата Аристотеля о душѣ, но оно утверждаетъ только это присутствіе въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ.

номъ познаніи, что и два первыхъ параграфа 8-ой главы III-ей книги того-же сочиненія, но только, какъ мы указали выше, съ нѣсколько иной стороны.

Итакъ, вотъ что дѣлаетъ душа, вотъ въ чемъ выражается участіе души при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи. Этимъ послѣднимъ ученіемъ Аристотеля собственно заканчивается все наиболѣе существенное, наиболѣе важное въ его общемъ ученіи о чувственномъ познаніи: въ настоящее время мы, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени проникли въ глубину развитія мыслей Аристотеля о сущности чувственнаго познанія, въ достаточной степени внесли во все это ученіе Аристотеля о сущности чувственнаго познанія стройность и гармоничность, въ которыхъ, какъ мы видѣли, замѣчался недостатокъ послѣ разсмотрѣнія одной только 5-ой главы II-ой книги его главнаго психологическаго сочиненія. 5-ая глава II-ой книги De anima, какъ мы теперь видимъ, безспорно является у Аристотеля наиболѣе существеннымъ мѣстомъ въ его общемъ ученіи о чувственномъ познаніи, но всеже ограничиться при разсмотрѣніи этого ученія одною только данною главою совершенно невозможно: 5-ая глава II-ой книги выражена слишкомъ общо,—отсюда, уже помимо того, что вообще въ сочиненіяхъ Аристотеля существуетъ очень много мѣстъ, трактующихъ также о чувственномъ познаніи съ общей точки зрѣнія, для правильнаго и яснаго пониманія самой-же этой 5-ой главы совершенно необходимо требуется разсмотрѣніе этихъ другихъ мѣстъ. И замѣчательно, какъ всѣ эти мѣста, строго говоря, дополняютъ и развиваютъ, какъ мы говорили дѣйствительно углубляютъ тоже ученіе Аристотеля, которое было въ сущности намѣчено уже и въ этой 5-ой главѣ: все ученіе Аристотеля объ общей сущности чувственнаго познанія, если взять это ученіе во всей его, такъ сказать, широтѣ, на самомъ дѣлѣ представляется въ высшей степени стройнымъ и систематичнымъ. Теперь, чтобы намъ окончательно покончить съ этимъ настоящимъ отдѣломъ нашей I-ой главы, съ общимъ опредѣленіемъ чувственнаго познанія у Аристотеля, намъ остается еще сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. Эти замѣчанія, въ существѣ дѣла, будутъ только простыми, вполнѣ естественными выводами изъ этого наиболѣе существеннаго и важнаго, изъ

того, что уже добыто, установлено нами въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ разсмотрѣны и остальныя, оставшіяся еще не разсмотрѣнными нами мѣста изъ сочиненій Аристотеля, касающіяся также ученія Аристотеля о чувственномъ познаніи съ общей точки зрѣнія (главнымъ образомъ это будутъ остальные параграфы, за исключеніемъ первыхъ двухъ, той-же 12-ой главы II-ой книги сочиненія о душѣ); и такимъ образомъ, и съ чисто внѣшней стороны изложеніе наше дойдетъ до своего предѣла.

Если чувственное познаніе обусловливается по Аристотелю совершенно равноправнымъ и, главное, совершенно нераздѣльнымъ участіемъ какъ души, такъ и тѣла, если для того чтобы въ душѣ при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи могли обнаружиться формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, предварительно непремѣнно требуются нѣкоторыя тѣлесныя движенія, видоизмѣненія, то совершенно естественно, что Аристотель называетъ еще дѣйствительное чувственное познаніе нѣкоторымъ отношеніемъ, нѣкоторою пропорціею. Отношеніе, пропорція имѣетъ въ виду конечно грубыя движенія, грубыя видоизмѣненія,—но это нисколько и не удивительно, ибо безъ грубыхъ тѣлесныхъ движеній, видоизмѣненій душа по Аристотелю при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи функціонировать никоимъ образомъ не можетъ. Такимъ-то образомъ Аристотель и указываетъ въ слѣдующемъ 3-емъ параграфѣ 12-ой главы II-ой книги De anima, что для правильнаго чувственнаго познанія необходимо требуются и правильныя, совершенно опредѣленныя вліянія на чувствующее существо чувственныхъ предметовъ, другими словами, что только опредѣленныя тѣлесныя движенія, видоизмѣненія могутъ дать въ концѣ концовъ правильное чувственное познаніе. «Изъ всего предыдущаго» (т. е. изъ всего этого ученія объ участіи души въ чувственномъ познаніи), говоритъ Аристотель въ 3-емъ параграфѣ этой 12-ой главы, «ясно, и по какой именно причинѣ слишкомъ сильныя, чрезмѣрныя возбужденія отъ чувственныхъ предметовъ разстраиваютъ чувственные органы. Ибо если движеніе» (очевидно движеніе, исходящее отъ чувственнаго предмета и переходящее въ чувствующее существо) «будетъ слишкомъ сильно

для чувственнаго органа, то уничтожается соотношеніе—а въ этомъ соотношеніи собственно и состоитъ ощущеніе, чувственное познаніе—совершенно такъ, какъ уничтожается созвучіе звуковъ и тонъ, когда слишкомъ сильно ударяютъ по струнамъ» [1]). Т. е. если въ тѣлѣ чувствующаго существа, въ мѣстномъ периферическомъ органѣ произойдутъ подъ вліяніемъ чувственныхъ предметовъ слишкомъ интензивныя, чрезмѣрныя движенія, то никакого чувственнаго познанія по Аристотелю и не будетъ. Чувственное знаніе, съ точки зрѣнія настоящаго параграфа, является для Аристотеля нѣкоторымъ соотношеніемъ, именно соотношеніемъ въ тѣлѣ, въ периферическомъ органѣ чувствующаго существа,—отсюда, когда такого соотношенія на лицо не будетъ, то въ периферическомъ органѣ произойдетъ разстройство и чувствующее существо никакого чувственнаго познанія не получитъ. Эту-же мысль мы встрѣчаемъ еще во многихъ мѣстахъ сочиненія Аристотеля о душѣ [2]), но особенно подробно и особенно обстоятельно онъ развиваетъ ее въ уже знакомой намъ 2-ой главѣ III-ей книги, именно въ 9-омъ параграфѣ этой 2-ой главы, параграфѣ, непосредственно слѣдующемъ за уже разобранными нами (см. наше изложеніе стр. 20—27). Внѣшняя связь этого параграфа съ тѣми предыдущими будетъ слѣдующая. Въ предыдущихъ параграфахъ Аристотель установилъ нѣкоторое тождество, нѣкоторое сродство при дѣйствительномъ чувственномъ познаніи субъекта и объекта, установилъ, что въ самомъ актѣ дѣйствительнаго чувственнаго познанія дѣятельности какъ субъекта, чувственно познающаго существа, такъ и объекта, чувственно познаваемаго, совершенно смѣшиваются, сливаются. Исходя изъ этого тождества, онъ и разсуждаетъ теперь, что съ этой точки зрѣнія можно на природу субъекта до нѣкоторой степени переносить природу объекта, можно напр., говоря о слухѣ,

---

[1]) Ibidem, 424 a. 28—32. *Φανερὸν δ'ἐκ τούτων καὶ διὰ τί ποτε τῶν αἰσθητῶν αἱ ὑπερβολαὶ φθείρουσι τὰ αἰσθητήρια· ἐὰν γὰρ ᾖ ἰσχυροτέρα τοῦ αἰσθητηρίου ἡ κίνησις, λύεται ὁ λόγος· τοῦτο δ'ἦν ἡ αἴσθησις, ὥσπερ καὶ ἡ συμφωνία καὶ ὁ τόνος κρουομένων σφόδρα τῶν χορδῶν.*

[2]) Ср. напр. II, 11. 424 a. 14—15; III, 4. 429 a. 30—b. 2; III, 13. 435 b. 7—9.

имѣть въ виду голосъ, такъ какъ именно голосъ познается, ощущается слухомъ. Но голосъ есть нѣкотораго рода созвучіе, стало быть отношеніе; слѣд. и слухъ также есть отношеніе,—и далѣе онъ уже и развиваетъ подробно, обстоятельно настоящую мысль. Самъ Аристотель, такъ сказать, подлинно, выражается въ этомъ параграфѣ слѣдующимъ образомъ: «Если какой-либо голосъ» (звукъ), говоритъ Аристотель, «есть созвучіе, а голосъ и слухъ съ одной стороны представляются какъ бы чѣмъ-то однимъ, но съ другой стороны не представляются однимъ и не представляются тѣмъ-же,—созвучіе же есть отношеніе,—то необходимо, чтобы и слухъ былъ нѣкоторымъ отношеніемъ. И по этой-то причинѣ всякое излишество въ звукахъ, будетъ ли оно высокимъ или низкимъ, разстраиваетъ чувство слуха; совершенно также и всякое излишество во вкусовыхъ впечатлѣніяхъ разстраиваетъ чувство вкуса, слишкомъ блестящее или слишкомъ темное въ цвѣтахъ разстраиваетъ чувство зрѣнія, и тоже самое и въ обоняніи при сильномъ запахѣ, будетъ ли этотъ запахъ сладкимъ или горькимъ,—все это потому, что чувственное познаніе есть нѣкотораго рода отношеніе. И по этой же самой причинѣ бываетъ пріятно, когда напр. вкусовыя вещества входятъ въ это отношеніе чистыми и несмѣшанными, какъ это бываетъ при остромъ на вкусъ, сладкомъ или соленомъ,— всѣ такія вкусовыя впечатлѣнія пріятны. Вообще же скорѣе нѣчто смѣшанное есть созвучіе, отношеніе, чѣмъ напримѣръ просто высокое или низкое при чувствѣ слуха, или просто теплое или холодное при чувствѣ осязанія; но во всякомъ случаѣ чувственное познаніе есть отношеніе, и всякія излишества, чрезмѣрности» (очевидно при чувственномъ познаніи) «производятъ страданія и разстройства»[1]). Подробность и обстоятельность настоящаго мѣста, этого 9-го параграфа 2-ой главы III-ей книги, прежде всего доказываются тѣмъ обстоятельствомъ, что

---

[1]) De anima. III, 2. 426a. 27—b. 7. *Εἰ δὴ συμφωνία φωνή τίς ἐστιν, η δὲ φωνὴ καὶ ἡ ἀκοὴ ἔστιν ὡς ἓν ἐστι καὶ ἔστιν ὡς οὐχ ἓν τὸ αὐτό, λόγος δ'ἡ συμφωνία, ἀνάγκη καὶ τὴν ἀκοὴν λόγον τινὰ εἶναι. καὶ διὰ τοῦτο καὶ φθείρει ἕκαστον ὑπερβάλλον, καὶ τὸ ὀξὺ καὶ τὸ βαρύ, τὴν ἀκοήν· ὁμοίως δὲ καὶ ἐν χυμοῖς τὴν γεῦσιν, καὶ ἐν χρώμασι τὴν ὄψιν τὸ σφόδρα λαμπρὸν ἢ ζοφερόν, καὶ ἐν ὀσφρήσει*

здѣсь Аристотель не просто говоритъ о чувственномъ познаніи, о тѣлесныхъ чувственныхъ органахъ, но и перечисляетъ различные частные, отдѣльные виды чувственнаго познанія: такъ или иначе, но всѣ частные виды чувственнаго познанія, всѣ отдѣльныя чувства перечислены тутъ Аристототелемъ. Затѣмъ, главнымъ образомъ, обстоятельность настоящаго мѣста выражается въ способѣ изложенія здѣсь Аристотеля. Въ предыдущемъ мѣстѣ, совершенно также, какъ и въ мѣстахъ, указанныхъ въ предшествовавшемъ примѣчаніи, Аристотель выражался только отрицательно, вездѣ онъ говорилъ только о томъ, что чрезмѣрныя, слишкомъ интензивныя вліянія чувственныхъ предметовъ, чрезмѣрныя движенія, получаемыя чувствующимъ существомъ подъ вліяніемъ чувственныхъ предметовъ, разстраиваютъ тѣлесные, чувственные органы, не производятъ чувственнаго познанія, — здѣсь же онъ выражается и положительно. Здѣсь онъ указываетъ, что какъ разъ извѣстная пропорціональность во вліяніяхъ внѣшнихъ, чувственныхъ пред-

---

ἡ ἰσχυρὰ ὀσμὴ καὶ γλυκεῖα καὶ πικρά, ὡς λόγου τινὸς ὄντος τῆς αἴσθήσεως. διὸ καὶ ἡδέα μὲν, ὅταν εἰλικρινῇ καὶ ἀμιγῆ ἄγηται εἰς τὸν λόγον οἷον τὸ ὀξὺ ἢ γλυκὺ ἢ ἁλμυρόν· ἡδέα γὰρ τότε. ὅλως δὲ μᾶλλον τὸ μικτὸν συμφωνία ἢ τὸ ὀξὺ ἢ βαρύ, ἁφῇ δὲ τὸ θερμαντὸν ἢ ψυκτόν· ἡ δ'αἴσθησις ὁ λόγος· ὑπερβάλλοντα δὲ λυπεῖ ἢ φθείρει. Весь этотъ параграфъ представляется въ высшей степени темнымъ и неяснымъ съ чисто внѣшней стороны, со стороны греческаго текста; по всей вѣроятности онъ подвергся многимъ искаженіямъ и вообще большой порчѣ. Въ виду этого обстоятельства онъ доставилъ много хлопотъ комментаторамъ (см. комментаріи къ настоящему параграфу Trendelenburg'a, стр. 359—360; Torstrik'a, стр. 167—169; и Wallace'a, стр. 257, ср. еще и переводъ Wallace'a, стр. 139). Прежде всего затруднительною представляется первая фраза и въ частности два первыхъ слова. Согласно исправленію Trendelenburg'a (который опирается въ этомъ случаѣ на Симплиція и Филопона) я читаю эти слова именно какъ *εἰ δὴ*, — тогда какъ у Bekker'a тутъ стоитъ цѣлыхъ три слова *εἰ δ' ἡ*. Однако Bekker'овское чтеніе дѣйствительно не совсѣмъ удобно, ибо при немъ гораздо труднѣе подобрать къ настоящей фразѣ сколько нибудь подходящій смыслъ. Дѣло въ томъ, что если мы оставимъ чтеніе *εἰ δ'ἡ συμφωνία*, это *συμφωνία* и нужно будетъ принять за подлежащее, между тѣмъ, по всему общему смыслу настоящаго параграфа, для *συμφωνία* гораздо естественнѣе быть сказуемымъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что исправленіе Trendelenburg'a имѣетъ за себя всѣ основанія. Но только не совсѣмъ понятно, почему Trendelenburg не остановился на этомъ

метовъ, извѣстная пропорціональность въ тѣлесныхъ движеніяхъ чувствующаго существа, вызываемыхъ внѣшними, чувственными предметами, произведутъ и правильное, пріятное, вообще нормальное чувственное познаніе. Такое добавленіе въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ безъ сомнѣнія вноситъ болѣе цѣльности, болѣе обстоятельности въ настоящую мысль Аристотеля.

Далѣе, изъ того-же совершенно нераздѣльнаго участія и души и тѣла въ чувственномъ познаніи становится вполнѣ яснымъ по Аристотелю, почему, съ одной стороны, не всѣ живыя существа чувствуютъ, получаютъ чувственное познаніе, и съ другой стороны, почему слѣдуетъ признать, что внѣшніе, чувственные предметы, которые въ извѣстныхъ живыхъ существахъ произведутъ какъ разъ чувственное познаніе, въ другихъ, по преимуществу неодушевленныхъ, существахъ, строго говоря, въ большинствѣ случаевъ не произведутъ даже никакихъ видоизмѣненій; впрочемъ послѣднюю мысль далѣе Ари-

---

исправленіи, почему далѣе онъ говоритъ, что еще удобнѣе было бы читать первую фразу—*εἰ δ'ἡ φωνὴ συμφονία τίς ἐστιν*. Trendelenburg'у кажется, что и при его первомъ исправленіи всетаки трудно признать *φωνή* за подлежащее, мѣшаетъ, какъ онъ думаетъ, неопредѣленное мѣстоименіе *τίς*,—но вѣдь это недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя перевести это *φωνή τις* такъ, какъ между прочимъ перевелъ я въ текстѣ, какъ «какой-либо голосъ, звукъ»? — при такомъ переводѣ, какъ мнѣ кажется, никакого неудобства для *φωνή τις* быть подлежащимъ не будетъ. Затѣмъ другое затрудненіе съ чисто внѣшней стороны, которое также нельзя обойти въ настоящемъ отрывкѣ, представляетъ собою фраза *ὅλως δὲ μᾶλλον τὸ μικτὸν συμφωνία ἢ τὸ ὀξὺ ἢ βαρύ, ἁφῇ δὲ τὸ θερμαντὸν ἢ ψυκτόν*. Въ чтеніи и въ интерпункціи этой фразы я опять таки слѣдую за Trendelenburg'омъ (который, въ свою очередь, опять таки опирается на Симплиція и Филопона). Bekker читаетъ въ настоящей фразѣ вмѣсто дат. *ἁφῇ* имен. *ἁφή*, затѣмъ передъ этимъ *ἁφή* ставитъ не запятую, а точку,— при такомъ чтеніи и при такой интерпункціи смыслъ настоящей фразы выходитъ совершенно непонятенъ. Если же мы, по примѣру Trendelenburg'а, примемъ *ἁφῇ* какъ разъ въ смыслѣ дательнаго падежа, затѣмъ примемъ запятую передъ *ἁφῇ*, а въ pendant къ этому дополнимъ предыдущее выраженіе, выраженіе *ἢ τὸ ὀξὺ ἢ βαρύ* вполнѣ естественнымъ дат. падежомъ *ἀκοῇ* (который у самаго Аристотеля могъ и не быть, такъ какъ онъ совершенно легко подразумѣвается), то въ такомъ случаѣ всѣ эти внѣшнія затрудненія исчезнутъ и смыслъ станетъ совершенно ясенъ.

стотель нѣсколько ограничиваетъ,—далѣе онъ указываетъ, что чувственно познаваемое, даже и въ неодушевленныхъ существахъ, способно произвести нѣкоторое матеріальное страданіе, видоизмѣненіе, но только уже самаго чувственнаго познанія въ такихъ неодушевленныхъ существахъ чувственно познаваемое никоимъ образомъ не произведетъ. «Почему», спрашиваетъ Аристотель въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи той-же 12-ой главы II-ой книги De anima, «растенія не получаютъ чувственныхъ познаній, хотя они обладаютъ нѣкоторою душею и испытываютъ нѣкоторое страдательное состояніе подъ вліяніемъ предметовъ, способныхъ вызвать вообще осязаніе,— ибо вѣдь растенія чувствительны и къ холоду и къ теплу? Причина этого», отвѣчаетъ Аристотель на этотъ вопросъ, «заключается къ томъ обстоятельствѣ, что растенія не имѣютъ середины, не имѣютъ центра» (т. е. не имѣютъ собственно чувствующей души) «и не имѣютъ также того начала, которое могло бы принимать формы чувственно познаваемыхъ предметовъ; но если растенія и испытываютъ страдательное состояніе, то они испытываютъ страдательное состояніе вмѣстѣ съ матеріею» (только съ точки зрѣнія матеріи, вліянія на тѣло) [1]). Другими сло-

[1]) Ibidem, 424a. 33—b. 2. *Καὶ διὰ τί ποτε τὰ φυτὰ οὐκ αἰσθάνεται, ἔχοντά τι μόριον ψυχικὸν καὶ πάσχοντά τι ὑπὸ τῶν ἁπτῶν· καὶ γὰρ ψύχεται καὶ θερμαίνεται· αἴτιον γὰρ τὸ μὴ ἔχειν μεσότητα, μηδὲ τοιαύτην ἀρχὴν οἵαν τὰ εἴδη δέχεσθαι τῶν αἰσθητῶν, ἀλλὰ πάσχειν μετὰ τῆς ὕλης.* Не совсѣмъ понятное въ этомъ періодѣ выраженіе *μεσότητα, μεσότης* я перевелъ просто какъ «середина», какъ «центръ», относя такимъ образомъ это *μεσότης* просто къ собственно чувствующей душѣ. Для настоящаго случая такого перевода будетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно достаточно, но съ общей точки зрѣнія конечно было бы интересно узнать, въ какомъ именно смыслѣ Аристотель называетъ чувствующую душу центромъ, серединою. Съ этимъ ученіемъ Аристотеля, въ его подробности, мы встрѣтимся ниже, во 2-омъ отдѣлѣ нашей настоящей I-ой главы. Далѣе, выраженіе—*μετὰ τῆς ὕλης, τὰ φυτὰ πάσχει μετὰ τῆς ὕλης* я перевелъ «растенія испытываютъ страдательное состояніе вмѣстѣ съ матеріею, только матеріально, съ точки зрѣнія матеріи, вліянія на тѣло». Wallace переводитъ настоящее выраженіе, повидимому, очень точно, очень близко къ подлиннику, онъ переводитъ — «растенія испытываютъ страдательное состояніе вмѣстѣ съ тѣломъ, т. е. въ тоже самое время, когда они принимаютъ форму чего-либо, они одновременно принимаютъ и матерію этого принимаемаго» (см. переводъ Wallace'a въ его изданіи De anima, стр. 127). Такой переводъ можетъ по-

вами, чувственное познаніе обусловливается, правда, участіемъ тѣла, матеріи чувствующаго существа, но оно обусловливается также и, совершенно нераздѣльнымъ съ этимъ тѣлеснымъ участіемъ, участіемъ души чувствующаго существа. Тѣлесныя движенія, видоизмѣненія какого-либо существа только тогда дадутъ въ результатѣ чувственное познаніе, когда непосредственно за этими тѣлесными движеніями и именно какъ нѣкоторая реакція на нихъ, послѣдуетъ душевная дѣятельность, дѣятельность, какъ разъ состоящая въ обнаруженіи формъ, специфическихъ качествъ чувственно познаваемаго. Но какъ быть, когда въ какомъ-либо существѣ такой души не будетъ, такого начала, способнаго обнаружить формы чувственно познаваемыхъ предметовъ, не имѣется? Очевидно, такія существа никогда не будутъ въ состояніи имѣть чувственныя познанія,—и вотъ почему и растенія слѣдуетъ признать по Аристотелю совершенно

казаться очень точнымъ, очень близкимъ къ подлиннику, но всеже онъ будетъ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Дѣло въ томъ, что онъ противорѣчитъ тому, что говоритъ Аристотель, и притомъ противорѣчитъ тому, что говоритъ Аристотель тутъ-же, въ самомъ настоящемъ періодѣ. Только нѣсколькими строками выше Аристотель совершенно точно и опредѣленно высказалъ, что «растенія не имѣютъ также того начала, которое могло бы принимать формы чувственныхъ предметовъ» (*μηδὲ τοιαύτην ἀρχὴν οἵαν τὰ εἴδη δέχεσθαι τῶν αἰσθητῶν*),—какъ же согласить съ этимъ утвержденіемъ настоящій переводъ Wallace'a, какимъ образомъ теперь растенія будутъ принимать и формы? Въ виду этого затрудненія я и думаю, что здѣсь Аристотель хотѣлъ главнымъ образомъ выставить на видъ, такъ сказать, матеріальное, тѣлесное страданіе растеній, хотѣлъ указать, что, когда растенія вообще испытываютъ страдательное состояніе, они испытываютъ тоже, что испытываютъ при чувственномъ познаніи тѣла чувствующихъ существъ, т. е. растенія испытываютъ по Аристотелю только грубое, матеріальное тѣлесное страданіе, испытываютъ только видоизмѣненія въ тѣлѣ. Съ точки зрѣнія такого объясненія становится между прочимъ совершенно понятнымъ, почему Аристотель выше могъ указать, что растенія чувствительны и къ теплу и къ холоду. Что растенія чувствительны къ теплу и къ холоду, — это не значитъ конечно, чтобы они имѣли и ощущенія, и чувственныя познанія тепла и холода, какъ это имѣютъ собственно чувствующія существа; но это значитъ только, что подъ вліяніемъ тепла и холода въ растеніяхъ, по ученію Аристотеля, происходятъ грубыя, быть можетъ даже и видимыя, тѣлесныя, матеріальныя видоизмѣненія.

лишенными способности чувственнаго познанія. По отношенію къ процессу чувственнаго познанія растенія по Аристотелю могли бы совершить первую часть процесса, часть, касающуюся участія тѣла, но они совершенно не могли бы выполнить второй, на столько же существенной части, касающейся участія души,—и не могли бы выполнить по той простой причинѣ, что самой такой души у нихъ нѣтъ. Если у растеній и есть нѣкотораго рода душа, то функціи этой души совершенно не сходятся съ функціями собственно чувственно познающей души. «Далѣе», продолжаетъ Аристотель, «кто-либо могъ бы задать себѣ вопросъ, испытываетъ ли что-либо, какое-либо страдательное состояніе, какое-либо видоизмѣненіе подъ вліяніемъ запаха существо, лишенное обоняния, или подъ вліяніемъ цвѣта существо, лишенное зрѣнія, — и тоже самое и по отношенію къ другимъ, подобнымъ же случаямъ. Если обоняемое есть именно запахъ», говоритъ по поводу этого возможнаго вопроса Аристотель, «то если запахъ что-либо и дѣлаетъ, если онъ и производитъ какое-либо впечатлѣніе на чувствующее существо, то онъ именно производитъ впечатлѣніе на чувство обоняния. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ существъ, лишенныхъ обоняния, ни одно не будетъ въ состояніи испытывать какое-либо страдательное состояніе, какое-либо видоизмѣненіе подъ вліяніемъ запаха; и тоже самое и по отношенію къ другимъ чувствамъ. Да и изъ существъ, могущихъ чувственно познавать, обладающихъ чувственнымъ познаніемъ», прибавляетъ къ этому Аристотель, «каждое изъ этихъ существъ получаетъ чувственное познаніе только постольку, поскольку оно является чувствующимъ» (т. е. постольку, поскольку въ каждомъ частномъ случаѣ, при каждомъ частномъ познаніи оно обладаетъ и особеннымъ, приспособленнымъ для этого частнаго познанія, чувственнымъ органомъ) [1]. Т. е. при чувственномъ

---

[1]) Ibidem, 424b. 3—9. *Ἀπορήσειε δ' ἄν τις εἰ πάθοι ἄν τι ὑπ' ὀσμῆς τὸ ἀδύνατον ὀσφρανθῆναι, ἢ ὑπὸ χρώματος τὸ μὴ δυνάμενον ἰδεῖν· ὁμοίως δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· εἰ δὲ τὸ ὀσφραντὸν ὀσμή, εἴ τι ποιεῖ, τὴν ὄσφρησιν ἡ ὀσμὴ ποιεῖ. ὥστε τῶν ἀδυνάτων ὀσφρανθῆναι οὐθὲν οἷόν τε πάσχειν ὑπ' ὀδμῆς· ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· οὐδὲ τῶν δυνατῶν, ἀλλ' ᾗ αἰσθητικὸν ἕκαστον.* Что касается до нѣсколько отличной отъ Bekker'овской интерпункціи одной фразы въ этомъ отрывкѣ,

познаніи душа и тѣло опять таки участвуютъ по Аристотелю до такой степени нераздѣльно, что когда нѣтъ чувствующей души, нѣтъ этой способности обнаруживать формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, дѣлать чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ, то пожалуй можно сказать, что нѣтъ и тѣлесныхъ движеній, что въ этомъ случаѣ и матерія, и тѣло чувствующаго существа не испытываютъ никакого страдательнаго состоянія, никакого видоизмѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь матеріальныя, тѣлесныя движенія при чувственномъ познаніи направлены именно на то, чтобы совершенно непосредственно вызвать реакцію души,—отсюда, когда въ какихъ-либо существахъ такой реакціи нѣтъ и быть не можетъ, то помимо того, что уже никакого чувственнаго познанія въ такихъ существахъ не будетъ, до нѣкоторой степени можно прійти къ заключенію, что и самаго страдательнаго состоянія, самаго матеріальнаго, тѣлеснаго видоизмѣненія въ этихъ существахъ нѣтъ. Можно прійти къ такому заключенію, но только до нѣкоторой степени,—и далѣе самъ Аристотель ограничиваетъ это свое заключеніе. Относительно матеріальныхъ, тѣлесныхъ движеній подъ вліяніемъ чувственно познаваемаго, утверждаетъ въ дальнѣйшемъ Аристотель, всетаки нужно будетъ признать, что они, даже и въ неодушевленныхъ существахъ, могутъ имѣть мѣсто, но только они, разумѣется, никогда не поведутъ въ этихъ существахъ къ обнаруженію формъ, специфическихъ качествъ чувственно познаваемаго, другими словами, они никогда и ни въ какомъ случаѣ не дадутъ этимъ

именно фразы *εἰ δὲ τὸ ὀσφραντὸν ὀσμή, εἴ τι ποιεῖ, τὴν ὄσφρησιν ποιεῖ* (у Bekker'а запятая стоитъ послѣ *ὄσφρησιν*, такъ что вся фраза имѣетъ такой видъ — *εἰ δὲ τὸ ὀσφραντὸν ὀσμή, εἴ τι ποιεῖ τὴν ὄσφρησιν, ἡ ὀσμὴ ποιεῖ*), то въ этой интерпункціи я слѣдую примѣру всѣхъ новѣйшихъ издателей и комментаторовъ De anima (см. текстъ настоящей фразы у Torstrik'а, въ его изданіи стр. 73; у Trendelenburg'а, стр. 66, ср. также и примѣчаніе Trendelenburg'а къ настоящей фразѣ, стр. 340; и наконецъ у Wallace'а, въ его изданіи стр. 126). Конечно, для общаго смысла эта перемѣна интерпункціи не имѣетъ особаго значенія: общій смыслъ и при той и при другой интерпункціи останется тѣмъ-же; но всеже съ чисто грамматической стороны, со стороны ясности самаго греческаго текста, новѣйшая интерпункція будетъ, какъ кажется, дѣйствительно удобнѣе.

неодушевленнымъ существамъ самаго чувственнаго познанія. Воздухъ, напр., по Аристотелю, въ лучшемъ случаѣ будетъ пахучимъ подъ вліяніемъ какого-либо предмета, имѣющаго запахъ, т. е. получитъ кое-какія матеріальныя измѣненія и, въ сущности, сдѣлается ощущаемымъ, чувственно познаваемымъ предметомъ, но, разумѣется, самъ вдыхать, ощущать, чувственно познавать запахъ воздухъ никогда не будетъ въ состояніи. «Все, о чемъ мы говорили до сихъ поръ», продолжаетъ Аристотель далѣе, «можетъ быть разъяснено» (собственно дополнено) «еще и слѣдующими соображеніями. Вѣдь ни свѣтъ и тьма, ни звукъ, ни запахъ не производятъ никакого дѣйствія на тѣла сами собою, но они производятъ дѣйствіе только на тѣ вещества, въ которыхъ находятся тѣла,—совершенно такъ, какъ напримѣръ воздухъ вмѣстѣ съ громомъ разбиваютъ, разсѣкаютъ дерево. Но осязаемыя качества и качества, возбуждающія вкусъ», указываетъ далѣе Аристотель, «производятъ вліяніе на тѣла непосредственно, сами собою; ибо если бы это было не такъ, то отъ чего́ же, отъ какихъ же предметовъ страдали бы и видоизмѣнялись собственно неодушевленныя тѣла?» т. е. если бы это было не такъ, то нужно бы было признать, что неодушевленныя тѣла вообще не могутъ испытывать никакихъ страдательныхъ состояній, никакихъ видоизмѣненій, такъ какъ видоизмѣненія, происходящія вообще въ неодушевленныхъ существахъ, конечно, ближе всего подходятъ къ осязаемымъ видоизмѣненіямъ въ существахъ чувствующихъ. «Но нельзя ли въ такомъ случаѣ признать», выводитъ Аристотель отсюда, «что и тѣ качества» (и качества, дѣйствующія на зрѣніе, и звукъ, и запахъ) «будутъ дѣйствовать такимъ же образомъ? Другими словами, не будетъ ли истиною то, что дѣйствительно не всякое тѣло способно испытывать страдательное состояніе, видоизмѣненіе подъ вліяніемъ запаха и звука,—тѣ-же тѣла, которыя способны испытывать такое страдательное состояніе, видоизмѣненіе, неопредѣленны и неустойчивы, какъ напримѣръ воздухъ; ибо вѣдь воздухъ подъ вліяніемъ запаха дѣлается пахучимъ, какъ будто онъ подвергся нѣкоторому страданію, нѣкоторому видоизмѣненію». Очевидно, что изъ этого сравненія чувственныхъ качествъ, дѣйствующихъ, такъ сказать, посредственно, и чувственныхъ качествъ, дѣйствующихъ непосредственно, Аристотель выводитъ теперь, что, въ суще-

ствѣ дѣла, и эти посредственныя качества дѣйствуютъ также непосредственно. Въ самомъ дѣлѣ, запахъ, говоритъ Аристотель, не можетъ дѣйствовать непосредственно на тѣла, но только на тѣ вещества, въ которыхъ тѣла находятся,— но на эти-то вещества запахъ дѣйствуетъ; стало быть развѣ не вѣрно, что запахъ дѣйствуетъ и непосредственно; но только тѣ вещества, на которыя онъ дѣйствуетъ непосредственно, какъ напр. воздухъ, будутъ неопредѣленны и неустойчивы? Но что же выходитъ изъ этого? Это сравненіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, приводитъ въ концѣ концовъ Аристотеля къ нѣкоторому ограниченію его болѣе ранняго утвержденія, къ указанію, что хотя, казалось бы, чувственныя качества направлены только на то, чтобы производить чувственныя познанія, что хотя, казалось бы, въ тѣхъ существахъ, въ которыхъ чувственнаго познанія быть не можетъ, не произойдетъ и никакихъ видоизмѣненій подъ вліяніемъ чувственныхъ качествъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, на самомъ дѣлѣ чувственно познаваемое, даже и въ неодушевленныхъ существахъ, вызоветъ нѣкоторыя видоизмѣненія, но только оно не вызоветъ самаго чувственнаго познанія. Именно, вѣрно, такимъ образомъ, по Аристотелю, что и посредственныя чувственныя качества въ сущности дѣйствуютъ непосредственно, вѣрно, что напр. запахъ совершенно непосредственно оказываетъ вліяніе на воздухъ,—но что же происходитъ съ воздухомъ при этомъ вліяніи? Воздухъ, отвѣчалъ, какъ мы видѣли, на этотъ вопросъ Аристотель, дѣлается пахучимъ подъ вліяніемъ запаха, какъ будто онъ подвергается страданію, видоизмѣненію. Но что значитъ, спрашиваетъ теперь вновь Аристотель, подвергаться страданію, видоизмѣненію, не значитъ ли это собственно ощущать, чувственно познавать? — «что значитъ обонять», выражается подлинно Аристотель, «какъ не подвергаться нѣкоторому страданію, видоизмѣненію?» Аристотель, стало быть, все еще не хочетъ допустить, чтобы подъ вліяніемъ напр. запаха въ воздухѣ могли произойти только простыя, такъ сказать, матеріальныя видоизмѣненія, ему все еще приходитъ въ голову, нельзя ли какъ-нибудь и эти видоизмѣненія привести опять таки къ чувственному же познанію, нельзя ли опять таки допустить, что и воздухъ подъ вліяніемъ запаха всетаки ощущаетъ, чувственно познаетъ. Всѣ эти колебанія, всѣ эти сомнѣнія Аристотель наконецъ окончательно раз-

рѣшаетъ послѣднею фразою. «Но вѣдь обонять», говоритъ Аристотель въ этой послѣдней фразѣ, «значитъ ощущать, чувственно познавать,—воздухъ же, испытавъ это страдательное состояніе, скорѣе только дѣлается ощущаемымъ, чувственно познаваемымъ», т. е. въ концѣ концовъ несомнѣнно, что воздухъ подъ вліяніемъ запаха ни въ какомъ случаѣ не получитъ чувственнаго, обонятельнаго ощущенія, чувственнаго познанія. Но не получая такого чувственнаго познанія, воздухъ тѣмъ не менѣе, по словамъ того-же Аристотеля, становится пахучимъ, скорѣе дѣлается ощущаемымъ,—другими словами нѣкоторыя измѣненія подъ вліяніемъ запаха въ немъ произойдутъ и эти измѣненія конечно будутъ только матеріальными [1]).

---

[1]) Ibidem, 424 b. 9—18. *Ἅμα δὲ δῆλον καὶ οὕτως. σῦτε γὰρ φῶς καὶ σκότος οὔτε ψόφος οὔτε ὀσμὴ οὐδὲν ποιεῖ τὰ σώματα, ἀλλ' ἐν οἷς ἐστίν, οἷον ἀὴρ ὁ μετὰ βροντῆς διίστησι τὸ ξύλον. ἀλλὰ τὰ ἁπτὰ καὶ οἱ χυμοὶ ποιοῦσιν· εἰ γὰρ μή, ὑπὸ τίνος ἂν πάσχοι τὰ ἄψυχα καὶ ἀλλοιοῖτο; ἀρ' οὖν κἀκεῖνα ποιήσει; ἢ οὐ πᾶν σῶμα παθητικὸν ὑπ' ὀσμῆς καὶ ψόφου· καὶ τὰ πάσχοντα ἀόριστα, καὶ οὐ μένει, οἷον ἀήρ. ὄζει γὰρ ὥσπερ παθών τι. τί οὖν ἐστὶ τὸ ὀσμᾶσθαι παρὰ τὸ πάσχειν τι; ἢ τὸ μὲν ὀσμᾶσθαι αἰσθάνεσθαι, ὁ δ' ἀὴρ παθὼν ταχέως αἰσθητὸς γίνεται.* Этотъ послѣдній отрывокъ настоящей 12-ой главы заключаетъ въ себѣ много туманнаго и несовсѣмъ яснаго какъ съ чисто внѣшней стороны, со стороны пониманія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, такъ, главнымъ образомъ, и со стороны внутренней, со стороны общаго смысла, самой связи его со всѣмъ непосредственно предыдущимъ. Разсмотримъ сначала нѣкоторыя не совсѣмъ ясныя отдѣльныя выраженія. Что значитъ, прежде всего, фраза *οἷον ἀὴρ ὁ μετὰ βροντῆς διίστησι τὸ ξύλον*? Мнѣ кажется, фраза эта есть ничто иное, какъ простая иллюстрація того, что говоритъ Аристотель въ данномъ мѣстѣ. Въ данномъ мѣстѣ Аристотель какъ разъ указываетъ, что нѣкоторыя чувственныя качества могутъ дѣйствовать на тѣла только посредственно, — и вотъ, какъ разъясненіе такого вообще посредственнаго дѣйствія, онъ и приводитъ общій, подходящій, какъ ему кажется, случай, случай дерева, разбиваемаго также не однимъ только дѣятелемъ, не громомъ, а громомъ при посредствѣ воздуха. По поводу этой иллюстраціи Аристотеля слѣдуетъ замѣтить (какъ между прочимъ и замѣчаетъ Kirchmann при своемъ переводѣ настоящаго отрывка, и въ частности настоящаго мѣста, — Kirchmann, Aristoteles' drei Bücher üb. die Seele. стр. 129), что Аристотель, очевидно, не зналъ еще силы электричества: оттого-то у него и вышло, что между прочимъ громъ разбиваетъ дерево. Затѣмъ, другія неясныя выраженія въ настоящемъ отрывкѣ представляютъ собою употребленія частицы *ἤ*—во фразѣ *ἢ οὐ πᾶν σῶμα παθητικὸν ὑπ' ὀσμῆς καὶ ψόφου*, и въ послѣдней фразѣ *ἢ τὸ μὲν ὀσμᾶσθαι αἰσθά-*

Таковы эти дополнительныя замѣчанія, таковы эти выводы, и въ настоящее время, послѣ самаго разсмотрѣнія этихъ замѣчаній, мы видимъ, что они дѣйствительно будутъ только дополнительными, видимъ, что они дѣйствительно будутъ только выводами изъ уже установленнаго, добытаго нами. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда можетъ пожалуй показаться, что эти замѣчанія даютъ и кое-что новое, но такъ можетъ по-

---

νεσθαι, ὁ δ' ἀὴρ παθὼν ταχέως αἰσθητὸς γίνεται. Употребленія этой частицы въ настоящихъ фразахъ могутъ быть хорошо разъяснены на основаніи того, что говоритъ Bonitz въ своемъ Index Aristotelicus—Bonitz. Ind. Arist. 313a 17—21 (ссылка на Bonitz'a по настоящему поводу сдѣлана между прочимъ Zahlfleisch'емъ въ его статьѣ, стр. 14). Bonitz говоритъ въ указанномъ мѣстѣ: etiam non praecedente interrogatione enunciatio per ἤ exorsa saepe moderate ac dubitanter affirmantis est quasi «haud scio an», и далѣе—eaque enunciatio etiam adhibetur ad afferendam vel objectionem, quam scriptor sibi ipse facit. Дѣйствительно, если мы примѣнимъ эти разсужденія Bonitz'a къ нашимъ фразамъ, то въ такомъ случаѣ мы вполнѣ поймемъ, что̀ именно хотѣлъ сказать здѣсь этими частицами Аристотель, и, такимъ, образомъ, самый частный смыслъ обѣихъ этихъ фразъ и самыхъ этихъ частицъ ἤ будетъ совершенно ясенъ. Далѣе, что касается до общаго смысла настоящаго отрывка, до самой связи его съ непосредственно предыдущимъ, то'мое пониманіе этой связи, какъ мнѣ кажется, совершенно ясно изъ самаго перевода въ текстѣ. Настоящее толкованіе до нѣкоторой степени не сходится съ объясненіями новѣйшихъ комментаторовъ De anima (ср. напр., что говоритъ Trendelenburg по этому поводу въ своихъ комментаріяхъ—стр. 340—341), но всеже мнѣ кажется, что понять и объяснить нашъ отрывокъ иначе, чѣмъ какъ это сдѣлано въ текстѣ, было-бы трудно. Въ самомъ дѣлѣ, такъ сказать, узелъ всего настоящаго отрывка несомнѣнно находится въ послѣдней фразѣ, во фразѣ ἤ τὸ μὲν ὀσμᾶσθαι αἰσθάνεσθαι, ὁ δ' ἀὴρ παθὼν ταχέως αἰσθητὸς γίνεται, — стало быть на эту фразу и нужно обратить главное вниманіе, чтобы уяснить общую связь настоящаго отдѣла со всѣмъ предыдущимъ. Но какъ слѣдуетъ понимать эту послѣднюю фразу? Trendelenburg приводитъ въ этомъ случаѣ объясненіе Филопона, и у Филопона выходитъ, что воздухъ не ощущаетъ здѣсь по Аристотелю вслѣдствіе того обстоятельства, что хотя онъ и принимаетъ въ себя форму ощущаемаго (обоняемаго) безъ матеріи, но въ немъ нѣтъ вполнѣ подходящей—чувствующей души; ибо такая душа, прибавляетъ Филопонъ, присуща не всѣмъ существамъ, принимающимъ формы чувственныхъ предметовъ безъ ихъ матеріи. Однако такое объясненіе, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, будетъ совершенно неудовлетворительно. Изъ всего предыдущаго, въ частности изъ двухъ первыхъ параграфовъ 8-ой главы III-ей книги De anima и изъ двухъ первыхъ параграфовъ 12-ой главы II-ой

казаться только на первый взглядъ,—при болѣе же тщательномъ разсмотрѣніи ихъ и знакомствѣ съ ними можно вполнѣ убѣдиться, что это въ концѣ концовъ — все тоже, уже извѣстное намъ, ученіе Аристотеля о сущности чувственнаго познанія, но только выраженное въ нѣсколько иной формѣ. Эти дополнительныя замѣчанія, стало быть, еще болѣе утверждаютъ насъ

книги того-же сочиненія, мы уже въ достаточной степени убѣдились, что чувствующая душа при чувственномъ познаніи именно и участвуетъ тѣмъ, что принимаетъ, обнаруживаетъ формы, специфическія качества чувственно познаваемаго,—какъ-же можно сказать, что въ какомъ-либо существѣ происходитъ приниианіе формъ чувственно познаваемаго, но нѣтъ чувствующей души? Кромѣ того, Trendelenburg и Филопонъ, стало быть, допускаютъ, что воздухъ подъ вліяніемъ запаха принимаетъ въ себя форму обоняемаго, а это допустить, какъ мы уже знаемъ, также совершенно невозможно. Уже въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній мы видѣли, что даже и относительно растеній Аристотель не соглашался, чтобы они вообще принимали формы чувственно познаваемыхъ предметовъ, — тѣмъ болѣе нельзя думать, чтобы онъ согласился на такое приниианіе формъ существами неодушевленными, воздухомъ. Да и что значитъ принимать формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, не значитъ-ли это, что какое-либо существо принявши, обнаруживши такія формы, сдѣлаетъ чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ, другими словами, станетъ ощущать, чувственно познавать?—тогда какъ о воздухѣ именно говорится тутъ, что онъ вовсе не ощущаетъ, а только ощущается. Итакъ, это объясненіе Trendelenburg'a и Филопона совершенно не можетъ быть принято. Но какой-же смыслъ все-таки имѣетъ наша послѣдняя фраза? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Никоимъ образомъ нельзя допустить, говоримъ мы, чтобы воздухъ подъ вліяніемъ запаха принималъ форму, специфическое качество обоняемаго, однако все-таки нѣкоторыя измѣненія въ немъ происходятъ,— не даромъ самъ-же Аристотель говоритъ, что воздухъ, благодаря запаху, дѣлается пахучимъ, скорѣе дѣлается ощущаемымъ. Какія-же это будутъ измѣненія? Если это будутъ—не измѣненія со стороны формы, то стало быть это будутъ измѣненія—со стороны матеріи, другими словами матеріальныя, тѣлесныя измѣненія. Такимъ-то образомъ мы и подойдемъ къ нашему объясненію настоящаго отрывка, и слѣдуетъ прибавить, что хотя это объясненіе, быть можетъ, и не бросается сразу въ глаза, тѣмъ не менѣе обойтись безъ него, объяснить настоящій отрывокъ какъ-нибудь иначе, дѣйствительно было-бы трудно. Затѣмъ, разъ мы поймемъ послѣднюю фразу, разъ мы примемъ извѣстное объясненіе относительно послѣдней фразы, все остальное будетъ уже понятно.

въ совершенно полной систематичности и стройности общаго ученія Аристотеля о чувственномъ познаніи. На этомъ мы можемъ окончательно покончить со всѣмъ этимъ Аристотелевскимъ общимъ опредѣленіемъ чувственнаго познанія. И если бы въ настоящее время мы захотѣли представить себѣ самую общую схему того, какъ понималъ чувственное познаніе Аристотель, если бы мы захотѣли самымъ краткимъ образомъ перечислить тѣ общія положенія, которыми исчерпывалась сущность чувственнаго познанія для самого Аристотеля, то такая схема, такія положенія были бы, какъ мнѣ кажется, слѣдующими. Прежде всего Аристотель совершенно опредѣленно и совершенно точно различаетъ между субъектомъ и объектомъ въ чувственномъ познаніи, онъ различаетъ между этими двумя элементами на столько опредѣленно, что, даже и до самаго акта чувственнаго познанія, готовъ допустить существованіе объекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является при чувственномъ познаніи: чувственно познаваемые предметы и помимо чувственнаго познанія существуютъ, по ученію Аристотеля, совершенно съ тѣми-же качествами, совершенно въ томъ-же видѣ, въ какомъ они существуютъ въ самомъ такомъ познаніи, хотя они существуютъ, правда, въ этомъ-же видѣ только въ возможности. Далѣе, какъ скоро начнется самый актъ чувственнаго познанія, учитъ Аристотель, обѣ эти дѣятельности—какъ дѣятельность субъективная, такъ и дѣятельность объективная совершенно смѣшиваются, сливаются, становятся въ сущности только одною и тою-же дѣятельностью. Но тутъ возникаетъ вопросъ, — какъ же возможно это смѣшеніе, это сліяніе, какъ представить себѣ тождество этихъ двухъ дѣятельностей, такъ сказать, конкретно? На этотъ вопросъ Аристотель прежде всего отвѣчаетъ примѣненіемъ къ общему опредѣленію чувственнаго познанія одного изъ основныхъ своихъ философскихъ ученій, ученія о возможности и дѣйствительности, именно онъ учитъ, что чувствующее существо, чувствующій организмъ еще до акта чувственнаго познанія уже содержитъ въ себѣ въ возможности все чувственно познаваемое, совершенно также, какъ ранѣе онъ училъ, что чувственно познаваемые предметы и помимо чувственнаго познанія, въ возможности существуютъ такими-же, какими ихъ познаетъ чувствующее существо. Выраженіе «въ возможности» въ настоящемъ случаѣ конечно не мо-

жетъ не указывать на самую близкую связь между субъектонъ и объектомъ, благодаря этому выраженію «въ возможности» можно вполнѣ придти къ заключенію, что въ существѣ дѣла и субъектъ и объектъ, и чувственно познающее существо и чувственно познаваемые предметы, если смотрѣть на нихъ какъ разъ съ точки зрѣнія чувственнаго познанія, имѣютъ совершенно одинаковую цѣль, именно они имѣютъ въ виду въ концѣ концовъ слиться въ нѣчто единое, произвести одно и тоже явленіе, самое это чувственное познаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и въ субъектѣ и въ объектѣ эта «возможность» направлена на тоже самое, на дѣйствительное, активное чувственное познаніе; вотъ стало быть пунктъ, гдѣ прежде всего объясняется по Аристотелю настоящее смѣшеніе, сліяніе, настоящее тождество. Однако этого еще мало: нагляднаго представленія о томъ, какъ происходитъ это тождество дѣятельностей какъ субъективной, такъ и объективной при чувственномъ познаніи мы всетаки еще не имѣемъ. Чтобы получить такое наглядное представленіе, слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя подробности, слѣдуетъ дѣйствительно углубиться въ мысли Аристотеля. Аристотель разсуждаетъ здѣсь слѣдующимъ образомъ. Это смѣшеніе субъективной и объективной дѣятельностей, самое это чувственное познаніе, хотя несомнѣнно и не можетъ обойтись безъ участія объекта, тѣмъ не менѣе обнаруживается именно въ субъектѣ, является для субъекта,—стало быть, на субъектъ намъ и нужно обратить въ настоящемъ случаѣ наше вниманіе. Субъектъ же, чувствующее существо состоитъ изъ двухъ частей—изъ души и тѣла, и обѣ эти части участвуютъ въ чувственномъ познаніи совершенно равноправно. Именно, собственно объекты, внѣшніе, чувственные предметы непосредственное вліяніе оказываютъ на тѣло чувствующаго существа, на тѣлесные периферическіе органы, они производятъ въ этихъ тѣлесныхъ органахъ нѣкоторыя грубыя движенія, грубыя видоизмѣненія, но эти движенія, эти видоизмѣненія тотчасъ-же, даже можно сказать одновременно, отражаются на душѣ. Душа тотчасъ же, одновременно выказываетъ свое участіе въ чувственномъ познаніи, она тотчасъ же, въ видѣ нѣкоторой реакціи на эти грубыя тѣлесныя движенія, видоизмѣненія, обнаруживаетъ формы, специфическія качества чувственно познаваемаго, дѣлаетъ эти грубыя тѣлесныя движенія самыми чувственными познаніями.

При такомъ порядкѣ, при такомъ ходѣ образованія чувственнаго познанія вполнѣ понятно и естественно, что Аристотель толкуетъ о совершенномъ смѣшеніи, слитіи субъекта и объекта въ актѣ чувственнаго познанія. Дѣйствительно, если и можно говорить о томъ, что въ чувственномъ познаніи участвуютъ какъ объектъ, такъ и субъектъ, что чувственное познаніе является результатомъ обоюдной дѣятельности этихъ двухъ элементовъ, то это можно говорить въ сущности только до самаго акта такого познанія,— въ самомъ-же актѣ мы имѣемъ только одинъ несомнѣнный фактъ, одно явленіе, одну дѣятельность — чувственное познаніе, и никакихъ факторовъ, дѣятелей этого чувственнаго познанія собственно различить мы не можемъ. Съ другой стороны изъ этого-же хода образованія чувственнаго познанія понятно также, почему Аристотель прежде всего могъ объяснить настоящее смѣшеніе, тождество именно примѣненіемъ ученія о возможности и дѣйствительности къ чувственному познанію, именно указаніемъ, что въ чувствующемъ существѣ въ возможности уже и до акта чувственнаго познанія содержится все чувственно познаваемое, и съ другой стороны, что и внѣшніе, чувственно познаваемые предметы въ возможности существуютъ такими-же, какими ихъ познаетъ чувствующее существо. Что значитъ, что въ чувствующемъ существѣ уже и до акта чувственнаго познанія въ возможности содержится все чувственно познаваемое? Это значитъ, что въ чувствующемъ существѣ, точнѣе въ душѣ чувствующаго существа, уже и до акта чувственнаго познанія находится нѣчто, что способно произвести, дать чувственное познаніе, и для того, чтобы это нѣчто дѣйствительно дало-бы чувственное познаніе, — для этого требуются только нѣкоторыя условія, условія, какъ разъ заключающіяся во вліяніи на чувствующее существо, на тѣло чувствующаго существа внѣшнихъ чувственныхъ предметовъ. Затѣмъ, что значитъ, что внѣшніе, чувственно познаваемые предметы въ возможности существуютъ такими-же, какими ихъ познаетъ чувствующее существо? Это значитъ, что внѣшніе, чувственно познаваемые предметы вполнѣ, такъ сказать, готовы быть дѣйствительно чувственно познаваемыми, но для того, чтобы эта готовность перешла въ дѣйствительность, — для этого также требуются особыя условія, условія, заключающіяся именно въ участіи чувствующаго существа,

точнѣе души его. Субъектъ, чувствующее существо, точнѣе душа чувствующаго существа, и объекты, внѣшніе, чувственные предметы, точнѣе вліяніе внѣшнихъ чувственныхъ предметовъ на тѣло чувствующаго существа, съ точки зрѣнія этой «возможности» являются какъ-бы дополненіями другъ другу, и результатомъ такихъ дополненій является дѣйствительное, активное чувственное познаніе. Такъ разъясняетъ Аристотель болѣе конкретно, болѣе наглядно это смѣшеніе, это тождество дѣятельностей субъективной и объективной въ самомъ актѣ чувственнаго познанія. Затѣмъ, такъ какъ чувственное познаніе всетаки начало свое ведетъ отъ внѣшнихъ предметовъ, такъ какъ именно внѣшніе чувственные предметы являются самыми первыми дѣятелями въ произведеніи дѣйствительнаго чувственнаго познанія, то нисколько не удивительно, что въ параллель всѣмъ этимъ разсужденіямъ Аристотель опредѣляетъ еще чувственное познаніе какъ нѣкоторое страдательное состояніе, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе въ чувствующемъ существѣ, и хотя и колеблется, но всеже стоитъ за это послѣднее опредѣленіе. Собственно, строго говоря, такое опредѣленіе для всего процесса чувственнаго познанія не годится съ точки зрѣнія самого-же Аристотеля, съ точки зрѣнія его собственнаго, изложеннаго выше ученія, скорѣе оно годилось бы только для части этого процесса, для характеристики непосредственнаго вліянія внѣшнихъ чувственныхъ предметовъ на тѣло чувствующаго существа, но, разумѣется, съ общей точки зрѣнія и имѣя въ виду главнымъ образомъ участіе объектовъ, внѣшнихъ, чувственныхъ предметовъ, Аристотель могъ привести и его. Во всякомъ случаѣ это опредѣленіе вовсе не является какимъ-либо особымъ, совершенно непримиримымъ и совершенно несоединимымъ съ изложеннымъ выше ученіемъ, — общее ученіе Аристотеля о сущности чувственнаго познанія, въ существѣ дѣла, остается однимъ и тѣмъ-же.

Вотъ самая общая схема пониманія чувственнаго познанія Аристотелемъ, вотъ по возможности наиболѣе краткое перечисленіе тѣхъ положеній, которыми непосредственно для Аристотеля исчерпывалась общая сущность чувственнаго познанія [1]). Теперь возвратимся къ самому началу нашего на-

[1]) По поводу настоящаго изложенія этого ученія Аристотеля объ общей сущности чувственнаго познанія замѣчу, что главною цѣлью этого из-

стоящаго, перваго отдѣла, и посмотримъ, что мы говорили тамъ. Мы начали настоящій отдѣлъ постановкою двухъ вопросовъ,—именно мы поставили себѣ цѣлью разъяснить и установить: что такое чувственныя познанія по Аристотелю, и какова, по его мнѣнію, роль опыта при образованіи этихъ познаній въ человѣкѣ? На первый вопросъ въ настоящее вре-

---

ложенія было желаніе внести во все это ученіе Аристотеля возможно болѣе порядка, стройности, гармоничности, изложить мысли Аристотеля по этому предмету въ возможно ясной формѣ. Этимъ обстоятельствомъ, какъ мнѣ кажется, совершенно точно опредѣляется какъ отличіе настоящаго изложенія отъ всего написаннаго по этому-же поводу другими изслѣдователями, такъ съ другой стороны и его зависимость отъ этого написаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, вообще психологическія ученія Аристотеля и въ частности его общее ученіе о чувственномъ познаніи очень часто излагаютъ слишкомъ исключительно: обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на отдѣльныя мѣста, и другія мѣста стараются объяснить только съ точки зрѣнія этихъ мѣстъ,—въ результатѣ выходитъ отсутствіе полной ясности. Съ однимъ изъ подобныхъ примѣровъ мы уже встрѣтились въ одномъ изъ предшествовавшихъ примѣчаній, —именно при разъясненіи начала 12-ой главы II-ой книги De anima я указалъ подобныя разсужденія B. Ritter'a. Но разсужденія Ritter'a были еще очень грубы, онъ прямо объявилъ возникшія у него затрудненія противорѣчіями въ ученіи Аристотеля; у другихъ изслѣдователей нѣтъ такихъ грубостей, но въ существѣ дѣла, очень часто замѣчается тоже отсутствіе полной ясности и по той-же причинѣ. Возьмемъ напр. двухъ, можетъ быть, наиболѣе сдѣлавшихъ для разъясненія теоріи познанія Аристотеля, ученыхъ,—F. Kampe и F. Brentano. Не смотря на глубокую ученость обоихъ этихъ изслѣдователей, не смотря на безспорно самое основательное знаніе ими вообще ученій Аристотеля, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, какъ мнѣ кажется, что въ ихъ изложеніяхъ, по крайней мѣрѣ что касается настоящаго вопроса, вопроса объ общей сущности чувственнаго познанія по Аристотелю, полной, такъ сказать, окончательной ясности нѣтъ; и это отсутствіе такой окончательной ясности обусловливается въ концѣ концовъ тою-же исключительностью. Kampe желаетъ свести все чувственное познаніе только къ объекту, желаетъ показать, что, какъ ни какъ, но именно только внѣшніе, чувственные предметы производятъ чувственное познаніе; наоборотъ главное вниманіе Brentano обращено на субъектъ; Brentano чуть не говоритъ, что собственно субъектъ и творитъ чувственное познаніе. Но обѣ эти точки зрѣнія, какъ бы осторожно онѣ не проводились, какъ мы видѣли, въ своей исключительности совершенно не сходятся съ духомъ Аристотелевскаго ученія, — и отсюда отъ изложеній, исключительно направляе-

мя мы несомнѣнно отвѣтили,—стало быть, теперь намъ нужно отвѣтить на второй вопросъ. Но какъ могли бы мы отвѣтить при настоящихъ обстоятельствахъ на этотъ второй вопросъ? Не трудно согласиться, что въ настоящее время отвѣтъ на этотъ второй вопросъ могъ бы быть данъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что чувственное познаніе исходитъ отъ внѣшнихъ, чувственныхъ предметовъ, что, слѣдовательно, первыми дѣятелями въ чувственномъ познаніи являются именно внѣшніе, чувственные предметы, — это, конечно, показываетъ, что опытъ вообще имѣетъ значеніе при образованіи чувственныхъ познаній. Но вѣдь этого мало: важно, что опытъ вообще имѣетъ значеніе при образованіи чувственныхъ познаній, но гораздо важнѣе было бы узнать, какъ выражается это значеніе, какъ происходятъ напр. подъ вліяніемъ чувственныхъ предметовъ грубыя тѣлесныя движенія, видоизмѣненія въ чувствующемъ су-

---

мыхъ какою-либо одною изъ этихъ точекъ зрѣнія, ожидать полной ясности, конечно, было бы трудно. Такимъ образомъ, это желаніе изложить мысли Аристотеля какъ можно яснѣе и послѣдовательнѣе и заставило меня не идти за какимъ-либо другимъ изложеніемъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ, а наоборотъ заставило придать настоящему изложенію нѣсколько иной, отличный отъ другихъ, порядокъ, — въ этомъ желаніи и находится объясненіе отличія настоящаго изложенія отъ другихъ. Но съ другой стороны этимъ-же желаніемъ ясности обусловливается, и зависимость настоящаго изложенія отъ другихъ изложеній. Дѣйствительно, ради ясности было бы трудно идти шагъ за шагомъ за какимъ-либо однимъ изложеніемъ, но ради той-же ясности совершенно необходимо имѣть въ виду нѣсколько предыдущихъ изложеній. Если мы возьмемъ одно изложеніе, то можетъ случиться, что мы не удовлетворимся со стороны ясности; если же мы возьмемъ нѣсколько изложеній и сопоставимъ ихъ, то эти изложенія явятся отличными дополненіями другъ къ другу. Съ этой точки зрѣнія я и полагаю, что и настоящее изложеніе есть только нѣкоторое отраженіе предыдущихъ изложеній, другими словами, я утверждаю полнѣйшую зависимость настоящаго изложенія отъ предыдущихъ. Указывать эту зависимость во всѣхъ частныхъ случаяхъ было бы трудно (хотя въ болѣе важныхъ случаяхъ я указывалъ это), ибо не всегда эта зависимость бываетъ ощутительна, въ нѣкоторыхъ случаяхъ заимствуется не вся мысль, а только какой-либо оттѣнокъ мысли,—оттѣнить, указать что́ очень трудно,—тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что, безъ предыдущихъ, настоящее изложеніе явиться бы не могло, и имъ оно и обязано.

ществѣ, движенія въ тѣлесныхъ периферическихъ органахъ чувствующаго существа. Узнать это, разъяснить эти вопросы было бы конечно въ высшей степени важно и интересно, но, разумѣется, при нашихъ настоящихъ знаніяхъ сдѣлать это мы еще не въ состояніи. Однако, какъ же бы помочь этому обстоятельству? Очевидно, что лучшее разъясненіе въ настоящемъ случаѣ дало бы разсмотрѣніе отдѣльныхъ видовъ чувственнаго познанія по Аристотелю; вполнѣ можно ожидать, что, разбирая отдѣльные виды чувственнаго познанія, излагая образованіе этихъ отдѣльныхъ видовъ, Аристотель обратитъ бо́льшее вниманіе и на эти заинтересовавшіе насъ въ настоящемъ случаѣ вопросы. Такимъ-то образомъ, самая наша общая задача указываетъ намъ нашъ дальнѣйшій путь, самая наша общая задача указываетъ намъ, что отъ общаго опредѣленія чувственнаго познанія у Аристотеля мы должны перейти къ его ученію объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія.

2. *Отдѣльные виды чувственнаго познанія — главнымъ образомъ ощущенія, по ученію Аристотеля.*

Какіе могутъ быть отдѣльные виды чувственнаго познанія по Аристотелю, что вообще познается при чувственномъ познаніи, по ученію Аристотеля? Разъясненіемъ этихъ вопросовъ Аристотель занимается въ 6-ой главѣ II-ой книги своего главнаго психологическаго сочиненія,—отсюда и намъ въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе именно на эту главу.

«Когда имѣютъ дѣло», говоритъ Аристотель въ этой 6-ой главѣ, «съ каждымъ, съ какимъ-бы то ни было чувственнымъ познаніемъ, то прежде всего слѣдуетъ говорить о чувственно познаваемомъ, о самихъ чувственно познаваемыхъ предметахъ. Чувственно же познаваемое вообще можетъ имѣть троякое обозначеніе, можетъ относиться къ тремъ вещамъ, изъ которыхъ — относительно двухъ мы говоримъ, что онѣ познаются сами по себѣ, непосредственно, въ третьемъ же случаѣ чувственно познаваемое познается случайно. Изъ двухъ же первыхъ родовъ одинъ представляетъ достояніе каждой отдѣльной чувственной способности, познается какою-либо отдѣльною чувственною способностью, — другой же

общъ всѣмъ, познается одинаково всѣми» [1]). Вотъ первая, самая общая классификація по Аристотелю того, что собственно познается, получается при чувственномъ познаніи. Однако эта классификація еще далеко не удовлетворительна. Отдѣльные виды чувственно познаваемаго перечислены, но совершенно не указано, что̀ именно представляютъ изъ себя эти отдѣльные виды, — и отсюда Аристотель продолжаетъ: «Подъ чувственно же познаваемымъ какою-либо отдѣльною способностью я разумѣю то, что невозможно познать, получить при посредствѣ какой-либо другой способности, и относительно чего невозможно никакое заблужденіе, никакой обманъ, таковы напр.: для чувства зрѣнія—цвѣтъ, для слуха—звукъ, для способности вкуса—вкусъ; способность же осязанія имѣетъ дѣло съ весьма большимъ количествомъ такихъ различныхъ качествъ. Каждая отдѣльная чувственная способность различаетъ всѣ эти» (свойственныя ей) «качества и не ошибается относительно того, что данное качество есть цвѣтъ или данное качество есть звукъ, — она можетъ ошибиться только, какóй предметъ окрашенъ извѣстнымъ цвѣтомъ или гдѣ онъ находится, или еще — что̀ именно звучитъ и гдѣ находится это звучащее. Итакъ», заключаетъ Аристотель это свое опредѣленіе перваго вида чувственно познаваемаго, «такія-то качества и называются свойственными каждой отдѣльной чувственной способности; наоборотъ, общія всѣмъ чувственнымъ способностямъ будутъ — движеніе, покой, число, фигура, величина. Ибо послѣднія качества какъ разъ

---

[1]) De anima II, 6. 418 a. 7—10. *Λεκτέον δὲ καθ'ἑκάστην αἴσθησιν περὶ τῶν αἰσθητῶν πρῶτον. λέγεται δὲ τὸ αἰσθητὸν τριχῶς, ὧν δύο μὲν καθ'αὐτά φαμεν αἰσθάνεσθαι, τὸ δὲ ἓν κατὰ συμβεβηκός. τῶν δὲ δύο τὸ μὲν ἴδιόν ἐστιν ἑκάστης αἰσθήσεως, τὸ δὲ κοινὸν πασῶν.* Слово *αἴσθησιν* вначалѣ (*λεκτέον δὲ καθ'ἑκάστην αἴσθησιν*) я перевожу именно какъ «чувственное познаніе», тогда какъ обыкновенно подъ этимъ словомъ понимаютъ «чувствующую способность» (ср. напр. примѣчанія Trendelenburg'a ко всему этому мѣсту въ его комментаріяхъ, стр. 301; переводъ Wallace'a въ его изданіи, стр. 93; переводъ Kirchmann'a, стр. 88; и т. д.). Конечно, на основаніи контекста было бы трудно рѣшить точно, какой именно смыслъ желаетъ тутъ придать этому термину Аристотель, но всеже—«чувственное познаніе», какъ кажется, здѣсь будетъ умѣстнѣе. Именно при такомъ переводѣ, общій смыслъ становится яснѣе.

не принадлежатъ какой-либо отдѣльной чувственной способности, не познаются никакою отдѣльною чувственною способностью, но общи всѣмъ; вѣдь напр. какое-либо движеніе возможно познать и чувствомъ осязанія и чувствомъ зрѣнія. Чувственно же познаваемое случайно», переходитъ Аристотель наконецъ къ опредѣленію третьяго вида вообще чувственно познаваемаго, «говорится тогда, когда напр. что-либо бѣлое, какой-либо бѣлый предметъ оказывается сыномъ Діара. То, что это будетъ сынъ Діара, познается случайно,—оно познается только настолько, насколько данному бѣлому предмету случайно присущъ этотъ познаваемый аттрибутъ» (быть сыномъ Діара); «поэтому то чувственная способность въ сущности и не подвергается никакому дѣйствію со стороны чувственно познаваемаго предмета, когда онъ является такимъ именно» (третьимъ) «видомъ чувственно познаваемаго» [1]). Т. е. какъ будто бы, повидимому, мы можемъ сказать, что познаемъ посредствомъ чувственнаго познанія и отдѣльныхъ лицъ, и отдѣльныя вещи, но это только—какъ будто бы, только повиди-

[1]) Ibidem, 418 a. 11—23. *Λέγω δ' ἴδιον μὲν ὃ μὴ ἐνδέχεται ἑτέρᾳ αἰσθήσει αἰσθάνεσθαι, καὶ περὶ ὃ μὴ ἐνδέχεται ἀπατηθῆναι, οἷον ὄψις χρώματος καὶ ἀκοὴ ψόφου καὶ γεῦσις χυμοῦ. ἡ δ' ἁφὴ πλείους μὲν ἔχει διαφοράς· ἀλλ' ἑκάστη γε κρίνει περὶ τούτων, καὶ οὐκ ἀπατᾶται ὅτι χρῶμα οὐδ' ὅτι ψόφος, ἀλλὰ τί τὸ κεχρωσμένον ἢ ποῦ, ἢ τί τὸ ψοφοῦν ἢ ποῦ. τὰ μὲν οὖν τοιαῦτα λέγεται ἴδια ἑκάστου, κοινὰ δὲ κίνησις, ἠρεμία, ἀριθμός, σχῆμα, μέγεθος· τὰ γὰρ τοιαῦτα οὐδεμιᾶς ἐστὶν ἴδια, ἀλλὰ κοινὰ πάσαις· καὶ γὰρ ἁφῇ κίνησίς τίς ἐστιν αἰσθητὴ καὶ ὄψει. κατὰ συμβεβηκὸς δὲ λέγεται αἰσθητόν, οἷον εἰ τὸ λευκὸν εἴη Διάρους υἱός· κατὰ συμβεβηκὸς γὰρ τούτου αἰσθάνεται, ὅτι τῷ λευκῷ συμβέβηκε τούτου οὗ αἰσθάνεται. διὸ καὶ οὐδὲν πάσχει ἢ τοιοῦτον ὑπὸ τοῦ αἰσθητοῦ.* Совершенно вѣрно замѣчаетъ Torstrik по поводу выраженія *ἑκάστου* во фразѣ *τὰ μὲν οὖν τοιαῦτα λέγεται ἴδια ἑκάστου*, что это выраженіе *ἑκάστου* слѣдовало бы замѣнить словомъ *ἑκάστης*, или, по примѣру Θемистія, выраженіемъ *ἑκάστης αἰσθήσεως* (ср. изданіе Torstrik'a De anima стр. 143). Дѣйствительно, при такой замѣнѣ безспорно выигралъ бы самый текстъ съ внѣшней стороны, выиграла бы, такъ сказать, внѣшняя ясность текста. При настоящемъ чтеніи выраженіе *ἑκάστου* приходится дополнять словомъ *αἰσθητηρίου*,—это конечно возможно, но не такъ удобно. Затѣмъ фразу *καὶ γὰρ ἁφῇ κίνησίς τίς ἐστιν αἰσθητὴ καὶ ὄψει* (которая именно такъ читается у Bekker'a) Wallace читаетъ—*καὶ γὰρ ἁφῇ τε κίνησίς ἐστιν αἰσθητὴ καὶ ὄψει* (изд. Wallace'a стр. 92). Но такая перемѣна едва-ли является необходимою. Она конечно была бы совершенно нужна, если бы ею достигалось улучше-

мому. На самомъ дѣлѣ чувствами мы познаемъ только отдѣльныя чувственныя качества, вродѣ бѣлизны, и еще качества, общія нѣсколькимъ или всѣмъ чувствамъ; и когда мы идемъ дальше этихъ качествъ, когда мы приписываемъ еще эти качества какимъ-либо отдѣльнымъ лицамъ или отдѣльнымъ вещамъ, то, хотя и кажется, что мы поступаемъ такъ, не имѣя въ виду ничего кромѣ тѣхъ-же чувствъ, но на самомъ дѣлѣ чувства, какъ таковыя, вовсе не даютъ намъ на то права. Хотя на первый взглядъ и представляется, что воспріятія отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ предметовъ являются результатами только чувственной дѣятельности, но въ сущности, строго говоря, чувства тутъ по Аристотелю не причемъ, тутъ участвуютъ другія познавательныя способности,—и отсюда-то Аристотель и могъ назвать этотъ третій видъ вообще чувственно познаваемаго случайнымъ, и могъ утверждать, что чувственныя способности, какъ таковыя, при этомъ третьемъ видѣ не получаютъ никакого дѣйствія, никакого вліянія со стороны своего познаваемаго, со стороны своихъ объектовъ. Не трудно видѣть такимъ образомъ, что хотя Аристотель и привелъ здѣсь этотъ третій видъ вообще чувственно познаваемаго, но самъ онъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Аристотель, указавши въ настоящемъ перечисленіи и этотъ третій видъ, какъ будто сдѣлалъ нѣкоторую уступку. Повидимому, въ то время существовало вообще мнѣніе, что и этотъ третій видъ, и воспріятія отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ предметовъ также должны быть отнесены къ области чувственнаго познанія,—и вотъ и Аристотель съ своей стороны какъ будто соглашается съ этимъ мнѣніемъ, какъ будто допускаетъ, что чувственное познаніе познаетъ и отдѣльныхъ лицъ, и отдѣльные предметы. Но все это, конечно, только какъ нѣкоторая уступка,—для самого же

ніе смысла; но смыслъ и при томъ и при другомъ чтеніи остается однимъ и тѣмъ-же, и въ существѣ дѣла совершенно яснымъ. Это — замѣчанія, касающіяся внѣшней стороны настоящаго отрывка. Что же касается до общаго смысла всего этого мѣста, то съ разъясненіями, приведенными въ текстѣ, ср. примѣчанія Trendelenburg'a въ его комментаріяхъ (стр. 302—303) и толкованія этого же мѣста Дембовскаго (Dembowski. Quaestiones Arist. duae стр. 10—12).

Аристотеля все это случайное чувственно познаваемое, безъ сомнѣнія, должно бы было быть совсѣмъ исключено изъ области чувственнаго познанія. Какимъ же теперь сравнительнымъ значеніемъ пользуются, по мнѣнію Аристотеля, два остальные вида чувственно познаваемаго? «Изъ чувственно же познаваемаго непосредственно», отвѣчаетъ Аристотель въ дальнѣйшемъ на этотъ вопросъ, «собственно, въ строгомъ смыслѣ чувственно познаваемымъ будутъ только объекты отдѣльныхъ чувственныхъ способностей, тѣ объекты, то чувственно познаваемое, къ познанію котораго приноровлена природа каждой отдѣльной чувственной способности» [1]).

Таково это мѣсто изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, гдѣ онъ приводитъ нѣкоторую классификацію отдѣльныхъ видовъ чувственнаго познанія, гдѣ онъ указываетъ, что́ вообще познается при чувственномъ познаніи, и изъ этого мѣста, какъ мнѣ кажется, совершенно ясно, что для самого Аристотеля собственно, въ строгомъ смыслѣ чувственно познаваемымъ должно считаться только познаваемое отдѣльными чувствами. Хотя повидимому, по словамъ самого Аристотеля, могутъ существовать и другіе виды чувственно познаваемаго, хотя, стало быть, чувственное познаніе вообще можетъ быть охарактеризовано и нѣсколько инымъ образомъ, не только какъ получаемое отдѣльными чувствами,—тѣмъ не менѣе, по словамъ того-же Аристотеля, главнымъ и собственнымъ образомъ чувственное познаніе имѣетъ дѣло только съ вырабатываемымъ при посредствѣ такъ называемыхъ отдѣльныхъ чувствъ, чувственныхъ способностей, т. е. съ тѣмъ, что мы въ настоящее время назвали бы ощущеніями. Этотъ выводъ, къ которому можно прійти на основаніи этого, разсмотрѣннаго нами, мѣста, для насъ въ настоящее время въ высшей степени важенъ. Мы предприняли разсмотрѣніе отдѣльныхъ видовъ чувственнаго познанія по Аристотелю не столько ради самыхъ этихъ видовъ, сколько ради довольно побочной цѣли, ради болѣе подробнаго уясненія значенія опыта по мнѣнію Аристотеля при чувственномъ познаніи. Съ этой точки зрѣнія для насъ не

---

[1]) Ibidem, 418 a. 24—25. *Τῶν δὲ καθ' αὑτὰ αἰσθητῶν τὰ ἴδια κυρίως ἐστὶν αἰσθητά, καὶ πρὸς ἃ ἡ οὐσία πέφυκεν ἑκάστης αἰσθήσεως.*

столько интересны были самые отдѣльные виды чувственнаго познанія, сколько интересно было найти такое чувственное познаніе, которое могло бы пойти вообще за чувственное познаніе, въ которомъ сосредоточивались бы наиболѣе существенныя и наиболѣе специфическія свойства чувственнаго познанія. Но теперь самъ Аристотель говоритъ намъ, что такимъ чувственнымъ познаніемъ будутъ какъ разъ ощущенія, познанія, вырабатываемыя при помощи отдѣльныхъ чувствъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи совершенно естественно намъ остановиться именно на разсмотрѣніи этихъ познаній, получаемыхъ отдѣльными чувствами, — это вполнѣ требуется нашею настоящею задачею. При этомъ, въ виду той-же самой задачи, главное вниманіе намъ нужно будетъ обратить какъ разъ на эту опытную сторону дѣла, т. е. мы постараемся возможно точно установить, какую роль при образованіи этихъ ощущеній играетъ внѣшній опытъ, какъ именно вліяютъ при образованіи ощущеній внѣшніе, чувственные предметы, какимъ образомъ эти внѣшніе, чувственные предметы производятъ въ тѣлѣ чувствующаго существа, въ тѣлесныхъ периферическихъ органахъ грубыя движенія, видоизмѣненія.

Итакъ, обратимся же къ разсмотрѣнію образованія познаній, получаемыхъ отдѣльными чувствами по Аристотелю, другими словами обратимся къ разсмотрѣнію образованія съ точки зрѣнія Аристотеля ощущеній. Самъ Аристотель, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ непосредственно слѣдующей за 6-ою, 7-ой главы II-ой книги De anima, начинаетъ разсмотрѣніе этихъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній съ разсмотрѣнія ощущеній зрѣнія, — въ этомъ случаѣ за нимъ послѣдуемъ и мы. И такъ какъ Аристотель, кромѣ этой 7-ой главы II-ой книги своего главнаго психологическаго трактата, трактуетъ объ ощущеніяхъ зрѣнія еще и въ одномъ изъ своихъ болѣе мелкихъ психологическихъ сочиненій, именно во 2-ой и 3-ей главахъ своего трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», то и мы, помимо того, что разберемъ нѣкоторыя мѣста изъ этой 7-ой главы II-ой книги сочиненія о душѣ, будемъ имѣть въ виду также и названныя главы указаннаго, болѣе мелкаго психологическаго трактата Аристотеля.

«То, что составляетъ объектъ, предметъ зрѣнія»,—такъ начинаетъ Аристотель 7-ую главу II-ой книги De anima—, «это есть видимое. Видимое же съ одной стороны есть цвѣтъ, съ другой же стороны то, что хотя можно описать словомъ, но нельзя назвать какимъ-либо однимъ терминомъ; что такое это послѣднее,—это будетъ ясно по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ. Итакъ, видимое», продолжаетъ Аристотель, «есть цвѣтъ. Цвѣтъ же находится на поверхности видимаго само по себѣ, причемъ подъ этимъ выраженіемъ — видимое само по себѣ слѣдуетъ разумѣть не то, что̀ видимо только на словахъ» (къ чему можно только приложить терминъ—видимый), «но видимое само по себѣ въ себѣ самомъ заключаетъ причину своей видимости». Т. е. Аристотель хочетъ сказать этою послѣднею фразою, что видимыми вообще мы можемъ называть и такія вещи, которыя, хотя и видимы, но причина ихъ видимости заключается не въ нихъ; строго говоря, эти вещи видимы потому, что на нихъ дѣйствуютъ, въ нихъ находятся другія вещи. Не то по отношенію къ цвѣту: хотя всякій цвѣтъ самъ по себѣ еще не составляетъ какой-либо конкретной вещи, хотя онъ находится только на поверхности какой-либо конкретной вещи, тѣмъ не менѣе онъ видимъ самъ по себѣ,—видимость цвѣта обусловливается главнымъ образомъ только цвѣтомъ. Но какъ же теперь дѣйствуетъ цвѣтъ, какъ именно онъ становится видимымъ? «Всякій же цвѣтъ», указываетъ Аристотель далѣе, «есть то, что приводитъ въ движеніе дѣйствительно прозрачное» (прозрачное, находящееся въ осуществленіи своей дѣятельности), «и въ этомъ и состоитъ природа цвѣта. Поэтому-то и нельзя видѣть безъ свѣта, но цвѣтъ каждаго предмета, каждой вещи видимъ только при свѣтѣ» [1]).

---

[1]) De anima II, 7. 418 a. 26—b. 3. *Οὗ μὲν οὖν ἐστὶν ἡ ὄψις, τοῦτ' ἐστὶν ὁρατόν. ὁρατὸν δ' ἔστιν χρῶμά τε, καὶ ὃ λόγῳ μὲν ἔστιν εἰπεῖν, ἀνώνυμον δὲ τυγχάνει ὄν· δῆλον δὲ ἔσται ὃ λέγομεν προελθοῦσι μάλιστα. τὸ γὰρ ὁρατόν ἐστι χρῶμα. τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ ἐπὶ τοῦ καθ' αὑτὸ ὁρατοῦ· καθ' αὑτὸ δὲ οὐ τῷ λόγῳ, ἀλλ' ὅτι ἐν ἑαυτῷ ἔχει τὸ αἴτιον τοῦ εἶναι ὁρατόν. πᾶν δὲ χρῶμα κινητικόν ἐστι τοῦ κατ' ἐνέργειαν διαφανοῦς, καὶ τοῦτ' ἔστιν αὐτοῦ ἡ φύσις. διόπερ οὐχ ὁρατὸν ἄνευ φωτός, ἀλλὰ πᾶν τὸ ἑκάστου χρῶμα ἐν φωτὶ ὁρατόν.*

Вотъ 1-й параграфъ 7-ой главы II-ой книги о душѣ, и уже въ этомъ 1-омъ параграфѣ въ общихъ чертахъ намѣчается теорія зрѣнія Аристотеля. Очевидно, что преимущественно видимымъ Аристотель считаетъ цвѣта, и онъ придаетъ этотъ аттрибутъ преимущественной видимости цвѣтамъ потому, что за ними не лежитъ, такъ сказать, ничего, что бы дѣлало ихъ видимыми. Цвѣта видимы, и эта видимость исходитъ изъ нихъ самихъ, тогда какъ другія вещи, которыя также называютъ видимыми, непремѣнно предполагаютъ за собою нѣкоторую иную причину своей видимости. Однако, если за цвѣтами не лежитъ ничего, если процессъ зрѣнія въ главномъ и собственномъ смыслѣ начинается именно съ цвѣтовъ, то предъ ними лежитъ нѣчто, — и съ этой точки зрѣнія Аристотель и могъ сказать, что цвѣта приводятъ въ движеніе нѣкоторую прозрачную среду и что безъ свѣта нельзя видѣть цвѣта. Это второе утвержденіе Аристотеля конечно уже касается самаго образованія ощущенія зрѣнія въ субъектѣ, въ чувственно познающемъ существѣ, и потому для насъ въ настоящее время оно имѣетъ особенный интересъ. Но пока, хотя Аристотель и намѣтилъ въ общихъ чертахъ, что происходитъ при этомъ, хотя онъ и указалъ, что для образованія въ субъектѣ, въ чувствующемъ существѣ ощущенія зрѣнія необходимо требуется нѣчто прозрачное, свѣтъ, который и приводится въ этомъ случаѣ въ движеніе цвѣтомъ, тѣмъ не менѣе въ подробности всего этого процесса онъ не развилъ, — мы даже еще не знаемъ, что́ такое собственно это прозрачное, что́ такое свѣтъ. Отсюда совершенно естественно, что въ своемъ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи Аристотель занимается разъясненіемъ какъ разъ своего пониманія свѣта.

«Существуетъ», говоритъ Аристотель въ слѣдующемъ 2-омъ параграфѣ той-же 7-ой главы, «нѣчто прозрачное. Прозрачнымъ же я называю то, что видимо, но видимо, говоря вообще, не само по себѣ, а благодаря чему-либо постороннему» (Вотъ, между прочимъ, объясненіе Аристотелевскаго пониманія цвѣта, какъ того, что «видимо само по себѣ»). «Такимъ же прозрачнымъ можетъ быть и воздухъ, и вода, и многія изъ твердыхъ тѣлъ. Вода же и воздухъ представляютъ собою прозрачное не постольку, поскольку они являются водою и воздухомъ, а потому, что и тому и другому бываетъ

присуще начало, тождественное съ находящимся вверху, въ вѣчномъ тѣлѣ. Свѣтъ, такимъ образомъ, есть осуществленіе дѣятельности, *ἐνέργεια* такого прозрачнаго тѣла, именно постольку, поскольку оно является прозрачнымъ,—тамъ-же, гдѣ это прозрачное существуетъ только въ возможности, тамъ бываетъ тьма. Свѣтъ отсюда есть какъ бы цвѣтъ прозрачнаго, когда оно бываетъ дѣйствительно прозрачнымъ подъ вліяніемъ огня или чего-либо похожаго на тѣло, находящееся вверху, ибо въ этомъ верхнемъ тѣлѣ есть нѣчто, совершенно тождественное съ огнемъ. Итакъ, что̀ такое прозрачное и что̀ такое свѣтъ, — сказано», резюмируетъ Аристотель эти свои разъясненія, «и сказано, что свѣтъ не есть ни огонь, ни вообще тѣло, ни истеченіе изъ какого-либо тѣла, — ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ также былъ бы нѣкотораго рода тѣломъ—; свѣтъ есть присутствіе огня или чего-либо подобнаго огню въ прозрачномъ,—невозможно же, чтобы два тѣла существовали вмѣстѣ въ одномъ и томъ-же пространствѣ» (т. е. свѣтъ нельзя признать тѣломъ по Аристотелю уже по одной той причинѣ, что въ такомъ случаѣ оказалось бы существованіе двухъ тѣлъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, а допустить такое заключеніе Аристотель не согласенъ на основаніи своего общаго ученія). «Кажется, что свѣтъ есть нѣчто, противоположное тьмѣ: въ самомъ дѣлѣ, тьма есть какъ бы удаленіе такого положительнаго качества изъ прозрачнаго» (какъ бы отрицаніе прозрачнаго именно какъ прозрачнаго), «—такъ что ясно, что присутствіе такого положительнаго качества есть какъ разъ свѣтъ» [1]).

---

[1]) Ibidem, 418 b. 4—20. *Ἔστι δή τι διαφανές. διαφανὲς δὲ λέγω ὃ ἔστι μὲν ὁρατόν, οὐ καθ' αὑτὸ δὲ ὁρατὸν ὡς ἁπλῶς εἰπεῖν, ἀλλὰ δι' ἀλλότριον. τοιοῦτον δέ ἐστιν ἀὴρ καὶ ὕδωρ καὶ πολλὰ τῶν στερεῶν· οὐ γὰρ ᾗ ὕδωρ οὐδ' ᾗ ἀήρ, διαφανές, ἀλλ' ὅτι ἔστι φύσις ἐννυπάρχουσα ἡ αὐτὴ ἐν τούτοις ἀμφοτέροις καὶ ἐν τῷ ἀϊδίῳ τῷ ἄνω σώματι. φῶς δέ ἐστιν ἡ τούτου ἐνέργεια τοῦ διαφανοῦς ᾗ διαφανές. δυνάμει δὲ ἐν ᾧ τοῦτ' ἐστί, καὶ τὸ σκότος. τὸ δὲ φῶς οἷον χρῶμά ἐστι τοῦ διαφανοῦς, ὅταν ᾖ ἐντελεχείᾳ διαφανὲς ὑπὸ πυρὸς ἢ τοιούτου οἷον τὸ ἄνω σῶμα· καὶ γὰρ τούτῳ τι ὑπάρχει ἓν καὶ ταὐτόν. τί μὲν οὖν τὸ διαφανὲς καὶ τί τὸ φῶς, εἴρηται, ὅτι οὔτε πῦρ οὐθ' ὅλως σῶμα οὐδ' ἀπορροὴ σώματος οὐδενός (εἴη γὰρ ἂν σῶμα τι καὶ οὕτως), ἀλλὰ πυρὸς ἢ τοιούτου τινὸς παρουσία ἐν τῷ διαφανεῖ· οὐδὲ γὰρ δύο σώματα ἅμα δυνατὸν ἐν τῷ αὐτῷ εἶναι. δοκεῖ δὲ τὸ φῶς ἐναντίον εἶναι τῷ σκότει· ἔστι δὲ τὸ σκότος στέρησις τῆς τοιαύτης ἕξεως ἐκ διαφανοῦς, ὥστε δῆλον ὅτι καὶ ἡ τούτου*

Таково ученіе Аристотеля о свѣтѣ, и къ этому ученію онъ прибавляетъ еще опроверженіе мнѣнія Эмпедокла о свѣтѣ, мнѣнія, по которому сущность свѣта состоитъ въ движеніи. Но на этомъ опроверженіи мы останавливаться не будемъ, такъ какъ къ собственнымъ взглядамъ Аристотеля оно не прибавляетъ ничего особенно существеннаго. Вотъ, стало быть, то, что, какъ мы указывали выше, лежитъ передъ цвѣтомъ, лежитъ, такъ сказать, на пути слѣдованія цвѣта къ

παρουσία τὸ φῶς ἐστίν. Слово *χρῶμα*, которое у Bekker'а стоитъ во второй фразѣ, именно во второй половинѣ второй фразы, послѣ *ἀλλότριον* (эта вторая половина читается у Bekker'а такъ—*ἀλλὰ δι' ἀλλότριον χρῶμα*) я, согласно указаніямъ Siebeck'а (см. замѣчанія Siebeck'а по поводу настоящаго мѣста въ Philologus XL, стр. 347, эти-же замѣчанія перепечатаны въ «Untersuchungen zur Philosophie der Griechen» Siebeck'а. 2-te Auflage. Freiburg i. B. 1888. стр. 152—153; ср. также и разсужденія Siebeck'а по тому-же поводу въ его Geschichte der Psych. I-ter Theil. 2-te Abtheil. стр. 26), выпускаю. Дѣйствительно, какъ хорошо разъясняетъ Siebeck, выпустить это *χρῶμα* совершенно необходимо, ибо благодаря такому выпущенію выигрываетъ не только смыслъ настоящей фразы, настоящаго отрывка, но также и смыслъ предыдущаго. Уже въ предыдущемъ отрывкѣ было не совсѣмъ понятно, почему Аристотель такъ выдвигаетъ значеніе цвѣта, какъ «видимаго само по себѣ»; между тѣмъ, если мы выпустимъ теперь это *χρῶμα*, то всякая неясность исчезнетъ: цвѣтъ будетъ дѣйствительно видимымъ «само по себѣ», такъ какъ для того, чтобы видѣть цвѣтъ, не требуется ничего посторонняго, за цвѣтомъ, какъ видимымъ, не лежитъ ничего, — прозрачное же, чтобы быть видимымъ, по воззрѣніямъ Аристотеля, на самомъ дѣлѣ требуетъ постороннаго. Но это постороннее будетъ не цвѣтомъ (какъ оно было бы, если бы мы оставили чтеніе Bekker'а), а оно будетъ (какъ это совершенно ясно изъ всего послѣдующаго) огнемъ, или чѣмъ либо похожимъ на огонь. Но въ данномъ мѣстѣ еще нѣтъ указанія на огонь, или на тѣло, подобное огню,—отсюда и ясно, что въ данномъ мѣстѣ Аристотель долженъ былъ употребить просто—*ἀλλότριον*, въ смыслѣ вообще постороннаго. Затѣмъ, въ слѣдующей, 3-ей фразѣ Bekker'овское чтеніе—*ἀλλ' ὅτι ἐστὶ φύσις ἐνυπάρχουσα ἡ αὐτή* Torstrik и за нимъ Wallace предлагаютъ замѣнить чтеніемъ—*ἀλλ' ὅτι ἐστί τις φύσις ὑπάρχουσα ἡ αὐτή* (ср. изданіе Torstrik'а De anima стр. 52 и комментаріи стр. 143; и изданіе Wallace'а стр. 94); Torstrik даже указываетъ нѣкоторыя основанія для такой замѣны, онъ говоритъ, что такая замѣна совершенно необходима, если сопоставить настоящее выраженіе съ мѣстомъ изъ 3-ей главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» (De sens. et sens. 3. 439 a. 23). Ко-

своей видимости. Свѣтъ, такимъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ по Аристотелю тѣломъ. Свѣтъ, по мнѣнію Аристотеля, строго говоря, есть ничто иное, какъ нѣкоторое качество, точнѣе нѣкоторое свойство, обнаруживающееся въ нѣкоторыхъ тѣлахъ подъ вліяніемъ огня или нѣкотораго вѣчнаго тѣла, находящагося на верху, на небѣ, и похожаго на огонь,—эѳира. Именно, нѣкоторыя тѣла, по ученію Аристотеля, главнымъ образомъ воздухъ и вода, обнаруживаютъ вліяніе на себя огня или вышеуказаннаго вѣчнаго тѣла какъ разъ тѣмъ, что становятся прозрачными; вотъ эта-

---

нечно, такая замѣна возможна, но всеже признать ее несомнѣнно нужною, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, вовсе нѣтъ надобности. Въ самомъ дѣлѣ, единственнымъ побудительнымъ обстоятельствомъ здѣсь могъ бы быть смыслъ, уясненіе смысла, — но, строго говоря, и при томъ и при другомъ чтеніи смыслъ въ сущности остается тѣмъ-же. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ совершенно возможно оставить Bekker'овское чтеніе,—перемѣнить же Bekker'овское чтеніе нужно будетъ ниже, во фразѣ *τὸ δὲ φῶς οἷον χρῶμά ἐστι τοῦ διαφανοῦς, ὅταν ᾖ ἐντελεχείᾳ διαφανές* и т. д. У Bekker'а послѣ *ὅταν* слово *ᾖ* читается не съ легкимъ придыханіемъ, а съ густымъ,—выходитъ *ἧ*, и это выраженіе въ данномъ мѣстѣ конечно совершенно неумѣстно. Въ виду этой неумѣстности всѣ издатели De anima (и Trendelenburg, и Torstrik и Wallace,—Trendelenburg готовъ тутъ видѣть даже просто типографскую ошибку) совершенно согласно исправляютъ *ἧ* на *ᾗ*. Таковы разъясненія, которыхъ требуетъ, какъ мнѣ кажется, внѣшняя сторона настоящаго отрывка, самый текстъ его. Что же касается до выраженій въ настоящемъ отрывкѣ, хотя совершенно понятныхъ съ внѣшней, грамматической стороны, но не понятныхъ съ точки зрѣнія своего дальнѣйшаго, общаго значенія, то безъ разъясненія нельзя оставить здѣсь только одно выраженіе, именно выраженіе *τὸ ἀΐδιον τὸ ἄνω σῶμα*. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, это «вѣчное тѣло, тѣло, находящееся» притомъ «наверху», что разумѣетъ Аристотель подъ этимъ тѣломъ? Trendelenburg и Wallace, въ своихъ разъясненіяхъ этого выраженія (ср. комментаріи Trendelenburg'а въ его изданіи стр. 305, и Wallace'а стр. 240), ссылаясь на нѣкоторыя мѣста изъ Метеорологіи Аристотеля и затѣмъ изъ его сочиненія О небѣ, указываютъ, что, когда Аристотель говоритъ о верхѣ, онъ имѣетъ въ виду небо,—подъ вѣчнымъ же тѣломъ онъ разумѣетъ то свѣтящееся, блестящее, дѣйствительно похожее на огонь, тѣло, изъ котораго составлены звѣзды. Отсюда это вѣчное, находящееся вверху, тѣло, очевидно, по воззрѣніямъ Аристотеля, есть ничто иное, какъ его эѳиръ,—и вотъ почему въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, въ текстѣ, я просто отождествляю это тѣло съ эѳиромъ.

то прозрачность, и только постольку, поскольку она является просто прозрачностью, и ничѣмъ болѣе, и есть свѣтъ, совершенно такъ-же, какъ отсутствіе этой прозрачности, удаленіе ея будетъ тьмою. Слѣдовательно, цвѣтъ по Аристотелю, для того чтобы сдѣлаться дѣйствительно цвѣтомъ, для того, чтобы субъектъ, чувственно познающее существо въ самомъ дѣлѣ познало бы его какъ цвѣтъ, предварительно долженъ прійти въ нѣкоторое соприкосновеніе съ этою прозрачною средою, долженъ оказать нѣкоторое вліяніе на эту прозрачную среду, —только при такомъ условіи онъ и станетъ на самомъ дѣлѣ видимымъ. Но въ чемъ же состоитъ это соприкосновеніе, какъ же обнаруживается это дѣйствіе, вліяніе цвѣта на свѣтъ?— такіе вопросы совершенно естественно возникаютъ теперь, и разрѣшеніе ихъ съ нашей настоящей точки зрѣнія было бы весьма важнымъ. Аристотель и разрѣшаетъ ихъ далѣе, но въ тоже время онъ какъ-бы припоминаетъ, что вѣдь, такъ сказать, право быть видимымъ онъ призналъ не только за цвѣтами, что, такъ или иначе, но вначалѣ онъ всеже допустилъ и другой родъ видимаго вообще, родъ, которому онъ, правда, затруднился дать особое наименованіе, но существованіе котораго онъ всетаки указалъ. Такимъ образомъ, въ своемъ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи, въ той-же 7-ой главѣ Аристотель, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ поставленныхъ выше вопросовъ, до нѣкоторой степени (хотя, нужно прибавить, весьма кратко) занимается и разъясненіемъ этого втораго рода видимаго. При этомъ, и то и другое,—и это разрѣшеніе, и это разъясненіе въ достаточной степени переплетаются у Аристотеля; онъ совершенно легко переходитъ отъ одного къ другому.

«Способное принять цвѣтъ», говоритъ Аристотель далѣе, «само безцвѣтно, совершенно такъ-же, какъ и способное принять звукъ само беззвучно. Безцвѣтно же и прозрачное и невидимое, или едва видимое, какимъ вообще кажется тьма, темное. Таково же и прозрачное,—но не тогда, когда оно бываетъ дѣйствительно прозрачнымъ, прозрачнымъ въ энтелехіи, въ осуществленіи своей дѣятельности, но тогда, когда оно бываетъ прозрачнымъ въ возможности: ибо вѣдь одна и таже природа является одинъ разъ тьмою, другой разъ свѣтомъ». Это— очевидно повтореніе предыдущаго, повтореніе тѣхъ-же самыхъ мыслей, которыя болѣе подробно были развиты выше. Но вотъ

разъясненіе, точнѣе, упоминаніе и о второмъ родѣ видимаго:— «Не все же видимое», продолжаетъ Аристотель, «видимо при содѣйствіи свѣта, но такъ видимъ только собственный цвѣтъ каждаго отдѣльнаго предмета. Нѣкоторыя же вещи при свѣтѣ невидимы, — во тьмѣ же производятъ зрительное ощущеніе: таковы кажущіяся огненными и блестящими — назвать ихъ однимъ именемъ невозможно—, какъ напр. грибы, рога, головы, чешуя и глаза рыбъ; но при этомъ ни у одной изъ этихъ вещей собственный ихъ цвѣтъ не видимъ» (не видимъ, конечно, при этихъ-же условіяхъ, т. е. во тьмѣ). «По какой-же причинѣ всѣ эти вещи видимы такимъ именно образомъ,—объ этомъ можетъ быть иная рѣчь, теперь же на столько-то ясно, что то, что видимо при свѣтѣ, при содѣйствіи свѣта есть цвѣтъ». Этою фразою Аристотель уже переходитъ къ разрѣшенію поставленныхъ выше вопросовъ, къ уясненію непосредственнаго вліянія цвѣта на свѣтъ. «Поэтому-то», указываетъ Аристотель въ непосредственно дальнѣйшемъ, «цвѣтъ и не можетъ быть видимъ безъ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, сущность цвѣта состояла, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ приводилъ въ движеніе нѣкоторую дѣйствительно прозрачную среду,—а такая дѣйствительно прозрачная среда, такая энтелехія прозрачнаго и есть свѣтъ. И очевидное доказательство, что таковъ именно процессъ, когда видятъ цвѣта» (т. е. очевидное доказательство, что для зрѣнія какого-либо цвѣта необходимо требуется эта прозрачная среда) «заключается въ слѣдующемъ: если бы кто-либо положилъ предметъ, обладающій какимъ-либо цвѣтомъ, на самое чувство зрѣнія» (очевидно на глазъ), «то онъ не увидѣлъ бы этого предмета, не увидѣлъ цвѣта. Стало быть цвѣтъ приводитъ въ движеніе прозрачную среду, напр. воздухъ, а черезъ это-то движеніе, движеніе непрерывное, сообщается движеніе и органу чувства» (самому зрительному органу). «И нехорошо, неправильно полагаетъ Демокритъ, что если бы этотъ промежутокъ» (промежутокъ между видимымъ предметомъ и органомъ зрѣнія) «былъ пустотою, то можно бы было видѣть съ полною точностью даже и муравья на небѣ. Это невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, зрѣніе обусловливается нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ чувствующаго существа: но невозможно, чтобы это страдательное состояніе производилось самымъ видимымъ цвѣ-

томъ, — слѣд., остается, чтобы оно производилось средою, такъ что необходимо, чтобы была нѣкоторая среда. И если бы эта среда была пустою, то нетолько нельзя было бы видѣть что-либо съ точностью, но вообще ничего невозможно было бы видѣть. Итакъ», какъ бы заканчиваетъ эти свои разсужденія Аристотель, «по какой причинѣ цвѣтъ необходимо долженъ быть видимъ при свѣтѣ, въ настоящее время сказано. Огонь же видимъ и при томъ, и при другомъ условіи, и въ тьмѣ, и при свѣтѣ, — и это вполнѣ обусловливается необходимостью, такъ какъ именно благодаря огню прозрачное становится прозрачнымъ» [1]). Эта послѣдняя фраза на

[1]) Ibidem, 418 b. 26 — 419 a. 23. *Ἔστι δὲ χρώματος μὲν δεκτικὸν τὸ ἀχρουν, ψόφου δὲ τὸ ἄψοφον. ἄχρουν δ' ἐστὶ τὸ διαφανὲς καί τὸ ἀόρατον ἢ τὸ μόλις ὁρώμενον, οἷον δοκεῖ τὸ σκοτεινόν. τοιοῦτον δὲ τὸ διαφανὲς μέν, ἀλλ' οὐχ ὅταν ᾖ ἐντελεχείᾳ διαφανές, ἀλλ' ὅταν δυνάμει· ἡ γὰρ αὐτὴ φύσις ὅτε μὲν σκότος ὅτε δὲ φῶς ἐστίν. οὐ πάντα δὲ ὁρατὰ ἐν φωτί ἐστιν, ἀλλὰ μόνον ἑκάστου τὸ οἰκεῖον χρῶμα· ἔνια γὰρ ἐν μὲν τῷ φωτὶ οὐχ ὁρᾶται, ἐν δὲ τῷ σκότει ποιεῖ αἴσθησιν, οἷον τὰ πυρώδη φαινόμενα καὶ λάμποντα (ἀνώνυμα δ' ἐστὶ ταῦτα ἐνὶ ὀνόματι), οἷον μύκης, κέρας, κεφαλαὶ ἰχθύων καὶ λεπίδες καὶ ὀφθαλμοί· ἀλλ' οὐδενὸς ὁρᾶται τούτων τὸ οἰκεῖον χρῶμα. δι' ἣν μὲν οὖν αἰτίαν ταῦτα ὁρᾶται, ἄλλος λόγος· νῦν δ' ἐπὶ τοσοῦτον φανερόν ἐστιν, ὅτι τὸ μὲν ἐν φωτὶ ὁρώμενον χρῶμα. διὸ καὶ οὐχ ὁρᾶται ἄνευ φωτός· τοῦτο γὰρ ἦν αὐτὸ τὸ χρώματι εἶναι τὸ κινητικῷ εἶναι τοῦ κατ' ἐνέργειαν διαφανοῦς· ἡ δ' ἐντελέχεια τοῦ διαφανοῦς φῶς ἐστίν. σημεῖον δὲ τούτου φανερόν· ἐὰν γάρ τις θῇ τὸ ἔχον χρῶμα ἐπ' αὐτὴν τὴν ὄψιν, οὐκ ὄψεται· ἀλλὰ τὸ μὲν χρῶμα κινεῖ τὸ διαφανές, οἷον τὸν ἀέρα, ὑπὸ τούτου δὲ συνεχοῦς ὄντος κινεῖται τὸ αἰσθητήριον. οὐ γὰρ καλῶς τοῦτο λέγει Δημόκριτος οἰόμενος, εἰ γένοιτο κενὸν τὸ μεταξύ, ὁρᾶσθαι ἂν ἀκριβῶς καὶ εἰ μύρμηξ ἐν τῷ οὐρανῷ εἴη· τοῦτο γὰρ ἀδύνατόν ἐστιν. πάσχοντος γάρ τι τοῦ αἰσθητικοῦ γίνεται τὸ ὁρᾶν· ὑπ' αὐτοῦ μὲν οὖν τοῦ ὁρωμένου χρώματος ἀδύνατον, λείπεται δὲ ὑπὸ τοῦ μεταξύ, ὥστ' ἀναγκαῖόν τι εἶναι μεταξύ· κενοῦ δὲ γενομένου οὐχ ὅτι ἀκριβῶς, ἀλλ' ὅλως οὐδὲν ὀφθήσεται. δι' ἣν μὲν οὖν αἰτίαν τὸ χρῶμα ἀναγκαῖον ἐν φωτὶ ὁρᾶσθαι, εἴρηται. πῦρ δὲ ἐν ἀμφοῖν ὁρᾶται, καὶ ἐν σκότει καὶ ἐν φωτί, καὶ τοῦτο ἐξ ἀνάγκης· τὸ γὰρ διαφανὲς ὑπὸ τούτου γίνεται διαφανές.* По поводу выраженій *τὸ ἀόρατον* и *τὸ μόλις ὁρώμενον* во второй фразѣ, Trendelenburg въ своихъ комментаріяхъ (см. изд. Trendelenburg'a De anima стр. 306 — 307), ссылаясь на почти всѣхъ болѣе ранних комментаторовъ De anima, на Александра Афродисскаго, Ѳемистія, Симплиція и отчасти на Филопона, указываетъ, что этими двумя выраженіями Аристотель хотѣлъ выставить, такъ сказать, абсолютную тьму, тьму, какъ она дается самымъ понятіемъ тьмы, и тьму конкретную, тьму въ дѣйствительности. Абсолютная тьма, понятіе тьмы по Аристотелю, говоритъ Trendelenburg, конечно есть нѣчто, въ полномъ смыслѣ слова

первый взглядъ представляется простымъ повтореніемъ предыдущаго, того, о чемъ уже нѣсколько разъ было говорено выше, и говорено болѣе подробно,—однако, если сопоставить ее со вторымъ отдѣломъ настоящаго отрывка, съ тѣмъ отдѣломъ, гдѣ говорилось о второмъ родѣ видимаго, и если обратить вниманіе на то обстоятельство, что во всемъ настоящемъ отрывкѣ, какъ мы и указывали выше, Аристотель очень легко мѣняетъ непосредственныя темы своихъ разсужденій, то за нею можно признать и другое, болѣе существенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, не является ли эта послѣдняя фраза нѣкоторымъ дополненіемъ къ тому второму отдѣлу? Въ томъ второмъ отдѣлѣ Аристотель указалъ различные виды, входящіе во второй родъ видимаго, замѣтилъ, что всѣ эти виды видимы и во тьмѣ, и прибавилъ, что однако цвѣтъ такихъ предметовъ не видимъ во тьмѣ, причину чего онъ пока не объяснилъ,—быть можетъ ради объясненія этой-то причины и прибавлена эта послѣдняя фраза Аристотелемъ. Дѣйствительно, Аристотель какъ-бы указываетъ здѣсь, что для того, чтобы видѣть цвѣтъ, конечно, требуется

невидимое, нѣчто, въ полномъ смыслѣ слова *ἀόρατον*, — но не то по отношенію къ обыкновенной тьмѣ, къ тьмѣ, съ которой приходится имѣть дѣло въ дѣйствительности. Въ обыкновенной тьмѣ всегда есть нѣкоторое, хотя бы самое ничтожное, присутствіе свѣта, — и вотъ почему, по Trendelenburg'у, Аристотель и ставитъ послѣ *τὸ ἀόρατον* еще *τὸ μόλις ὁρώμενον*; этимъ вторымъ выраженіемъ Аристотель какъ бы смягчаетъ слишкомъ большую исключительность перваго. Далѣе, выраженіе *αὐτὸ τό* во фразѣ *τοῦτο γὰρ ἦν αὐτὸ τὸ χρώματι εἶναι τὸ κινητικῷ εἶναι τοῦ κατ' ἐνέργειαν διαφανοῦς* я, по примѣру Trendelenburg'а и Wallace'а (см. текстъ у Trendelenburg'а стр. 50 и коммент. стр. 307; и текстъ у Wallace'а стр. 96), читаю именно какъ *αὐτὸ τό*, тогда какъ у Bekker'а читается *αὐτῷ τό*. Дѣйствительно, такое исправленіе будетъ, пожалуй, удобнѣе, хотя, строго говоря, и Bekker'овское чтеніе вполнѣ возможно, совершенно также какъ возможны еще и исправленія, предлагаемыя Zahlfleisch'емъ (см. статью Zahlfleisch'а стр. 7), — именно *αὐτὸ τῷ* и просто *αὐτῷ χρώματι*. Всѣ эти чтенія встрѣчаются въ различныхъ рукописяхъ и всѣ они, въ сущности, даютъ довольно тождественный смыслъ. Затѣмъ, въ этомъ отрывкѣ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на выраженіе *ἄλλος λόγος* во фразѣ *δι' ἣν μὲν οὖν αἰτίαν ταῦτα ὁρᾶται, ἄλλος λόγος*. Куда, къ чему слѣдуетъ отнести это *ἄλλος λόγος*? Bonitz, въ своемъ Index Aristotelicus, 99 a. 12 (эта ссылка на Bonitz'а сдѣлана между прочимъ Trendelenburg'омъ въ его изданіи стр. 307, и Wallace'омъ стр. 241) указываетъ, что, употребивъ выраженіе *ἄλλος λόγος*, Аристотель въ

и огонь, но кромѣ огня требуется и прозрачное, среда, на которую непосредственно могъ бы дѣйствовать огонь, — во тьмѣ же, конечно, не можетъ быть ничего прозрачнаго, ибо сама тьма есть отрицаніе всякой прозрачности, всего прозрачнаго, какъ такого. Но вѣдь все это и служитъ какъ будто какъ разъ отвѣтомъ на то, почему тѣ, свѣтящіеся во тьмѣ, предметы не даютъ возможности видѣть при этомъ ихъ цвѣтъ,—и такимъ-то образомъ на эту послѣднюю фразу, если сопоставить ее съ тѣмъ отдѣломъ и если разсмотрѣть ее тщательнѣе, и можно смотрѣть, какъ на нѣкоторое дополненіе къ тому второму отдѣлу.

Такова теорія образованія ощущеній зрѣнія по Аристотелю, насколько эта теорія выясняется изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, изъ его сочиненія о душѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, изъ этого послѣдняго отрывка мы вполнѣ узнали характеръ вліянія цвѣта на свѣтъ при ощущеніяхъ зрѣнія, мы узнали, что при ощущеніяхъ зрѣнія цвѣтъ приводитъ въ движеніе прозрачную среду, свѣтъ; и это

настоящемъ случаѣ имѣлъ въ виду начало 2-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», именно то мѣсто, гдѣ Аристотель объясняетъ, почему въ темнотѣ и при закрытыхъ глазахъ какъ бы бываютъ видны огонь и искры (фактъ, на основаніи котораго другіе изслѣдователи, по Аристотелю, пришли къ заключенію, что природа глаза, самаго зрительнаго органа огненная, что глазъ состоитъ изъ огня). Однако, это мѣсто, хотя въ немъ опять таки встрѣчаются упоминанія о тѣхъ-же свѣтящихся во тьмѣ предметахъ, вовсе не заключаетъ въ себѣ объясненія причинъ этого факта: это мѣсто, строго говоря, есть только параллельное мѣстамъ изъ настоящаго отрывка, изъ настоящей главы. Въ виду этого обстоятельства, въ виду отсутствія въ этомъ, указанномъ Bonitz'емъ, мѣстѣ разъясненія причинъ самаго факта блистанія, сіянія во тьмѣ этихъ предметовъ, я съ своей стороны и думаю, что вовсе уже нельзя съ полною рѣшительностью утверждать, будто это ἄλλος λόγος имѣетъ въ виду какъ разъ начало 2-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Быть можетъ, дѣло рѣшается гораздо проще, быть можетъ, къ объясненію этого ἄλλος λόγος возможно просто привлечь послѣднюю фразу настоящаго же отрывка. Какъ это возможно, какимъ образомъ на послѣднюю фразу настоящаго отрывка можно смотрѣть, какъ на дополненіе всего того мѣста, гдѣ Аристотель говоритъ о второмъ родѣ видимаго, о свѣтящихся во тьмѣ предметахъ,—это я стараюсь разъяснить въ текстѣ.

движеніе прозрачной среды, становясь непрерывнымъ, передается и самому чувствующему существу, самому зрительному органу чувствующаго существа. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали точно также изъ этого-же отрывка кое-что и о второмъ родѣ Аристотелевскаго видимаго. Правда, процессъ, которымъ достигается зрѣніе втораго рода видимаго, этихъ предметовъ, видимыхъ только во тьмѣ и безъ цвѣта, и въ настоящее время во всей своей цѣлости остался невыясненнымъ, — но это съ точки зрѣнія самого-же Аристотеля не особенно важно. Для самого Аристотеля, какъ мы знаемъ, собственнымъ и преимущественнымъ родомъ видимаго вообще будутъ цвѣта,—отсюда, если въ этомъ второмъ родѣ видимаго осталось что-либо, не совсѣмъ приведенное въ ясность, то это, конечно, не существенно. Теперь, чтобы намъ уже окончательно покончить съ ощущеніями зрѣнія по Аристотелю, разсмотримъ еще одно мѣсто изъ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Собственно разбирать во всѣхъ подробностяхъ главы 2-ую и 3-ю этого трактата, содержащія въ себѣ, какъ мы уже видѣли выше, также ученіе Аристотеля объ ощущеніяхъ зрѣнія, мы не станемъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко, да и для нашей настоящей цѣли это вовсе не нужно. Насколько эти двѣ главы содержатъ въ себѣ тоже ученіе объ образованіи ощущеній зрѣнія, какое заключается и въ разсмотрѣнной нами 7-ой главѣ II-ой книги De anima, настолько онѣ совпадаютъ съ этою 7-ою главою,—въ тѣхъ-же случаяхъ, гдѣ онѣ трактуютъ о другомъ, это другое не представляетъ для насъ особаго интереса[1]). Тѣмъ не менѣе и при нашей на-

[1]) Такъ, съ перваго взгляда могла бы показаться весьма интересною еще первая половина 3-ей главы настоящаго трактата, ибо тутъ Аристотель, повидимому, также и очень подробно толкуетъ о природѣ цвѣта и о природѣ прозрачнаго, свѣта. Однако, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи этой половины 3-ей главы нельзя не прійти къ заключенію, что здѣсь Аристотель толкуетъ о природѣ цвѣта и прозрачнаго скорѣе съ ихъ, такъ сказать, объективной стороны, не имѣя главнымъ образомъ въ виду участіе этихъ предметовъ въ образованіи ощущенія зрѣнія,— такая же сторона цвѣта и прозрачнаго въ настоящее время для насъ, конечно, не такъ существенна. А что именно такое значеніе слѣдуетъ приписать этой первой половинѣ 3-ей главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ»,—

стоящей задачѣ нельзя оставить безъ болѣе или менѣе подробнаго анализа одного мѣста изъ 2-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ»,— этимъ-то мѣстомъ мы и займемся въ нашемъ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ изложеніи процесса образованія ощущеній зрѣнія по Аристотелю, какъ этотъ процессъ выяснялся изъ 7-ой главы II-ой книги De anima, мы остановились на томъ пунктѣ, гдѣ движеніе, сообщенное цвѣтомъ прозрачной средѣ, воздуху, передавалось самому зрительному органу. Теперь совершенно естественно возникаютъ вопросы: не опредѣляетъ ли Аристотель это движеніе, сообщаемое зрительному органу какъ-либо ближе, не указываетъ ли онъ, въ какомъ родѣ можетъ быть это движеніе? Эти вопросы Аристотель и разрѣшаетъ въ томъ мѣстѣ, которое мы хотимъ анализировать. Въ своемъ предыдущемъ изложеніи 2-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» Аристотель все старался показать, что органъ зрѣнія необходимо должно поставить въ нѣкоторое отношеніе къ водѣ, что вода, такъ или иначе, должна входить въ составъ чувства зрѣнія,—и вотъ теперь онъ продолжаетъ. «Итакъ, что чувство зрѣнія должно вообще состоять изъ воды,— это несомнѣнно; однако зрительное чувство является видящимъ не постольку, поскольку эта вода есть вода, а поскольку она прозрачна, и это качество общо у воды еще и съ воздухомъ. Но вода лучше сохраняется и вообще плотнѣе, чѣмъ воздухъ,— вотъ почему и хрусталикъ и самый глазъ и состоятъ изъ воды. И это-же выясняется и изъ самыхъ фактовъ. Ибо то, что вытекаетъ, когда эти части бываютъ разрушены, очевидно есть вода, и даже и у совершенныхъ зародышей» (у животныхъ въ ихъ зародышевомъ состояніи) «ихъ зрительные органы отличаются холодностью и блескомъ. И

это указываютъ многіе изслѣдователи: ср. напр. то, что говоритъ Baeumker по этому поводу въ своемъ Des Arist. Lehre von den äussern und innern Sinnesverm. стр. 23—25; ср. также и прекрасное изложеніе и вообще прекрасный анализъ указаннаго мѣста, сдѣланные J. Ziaja (J. Ziaja «Aristoteles, de sensu, c. 1, 2, 3 bis p. 439 B. 18, übersetzt und mit Anmerkungen versehen». Стр. 13—15 примѣч.; этотъ переводъ помѣщенъ въ Programm des König-Wilhelms-Gymnasiums. Breslau 1887).

бѣлая часть, бѣлокъ глаза у животныхъ, обладающихъ кровью, есть нѣчто жирное и лоснящееся,—и это затѣмъ, чтобы влажное оставалось такимъ, каково оно есть, и не замерзало. И вотъ почему глазъ есть часть тѣла, наименѣе подверженная замерзанію, ибо никто еще не испытывалъ замерзанія въ части своего тѣла, находящейся за вѣками. У животныхъ же, лишенныхъ крови» (по всей вѣроятности, напр., у насѣкомыхъ), «глаза снабжены нѣкоторою твердою кожею, и это составляетъ прикрытіе для ихъ глазъ» [1]). Уже изъ этого отрывка совершенно ясно, къ чему ведетъ тутъ Аристотель. Всѣ эти разсужденія очевидно направлены къ тому, чтобы показать необходимость быть чувству зрѣнія, зрительному органу главнымъ образомъ, въ своихъ существенныхъ частяхъ изъ воды. Но зачѣмъ понадобился Аристотелю такой составъ зрительнаго органа? Такой составъ зрительнаго

---

[1]) De sensu et sens. 2. 438a. 12—25. *Τὸ μὲν οὖν τὴν ὄψιν εἶναι ὕδατος ἀληθὲς μέν, οὐ μέντοι συμβαίνει τὸ ὁρᾶν ᾗ ὕδωρ ἀλλ' ᾗ διαφανές· ὃ καὶ ἐπὶ τοῦ ἀέρος κοινόν ἐστιν. ἀλλ' εὐφυλακτότερον καὶ εὐπιλητότερον τὸ ὕδωρ τοῦ ἀέρος· διόπερ ἡ κόρη καὶ τὸ ὄμμα ὕδατός ἐστιν. τοῦτο δὲ καὶ ἐπ' αὐτῶν τῶν ἔργων δῆλον· φαίνεται γὰρ ὕδωρ τὸ ἐκρέον διαφθειρομένων, καὶ ἔν γε τοῖς πάμπαν ἐμβρύοις τῇ ψυχρότητι ὑπερβάλλον καὶ τῇ λαμπρότητι. καὶ τὸ λευκὸν τοῦ ὄμματος ἐν τοῖς ἔχουσιν αἷμα πῖον καὶ λιπαρόν· ὅπερ διὰ τοῦτ' ἐστί, πρὸς τὸ διαμένειν τὸ ὑγρὸν ἄπηκτον. καὶ διὰ τοῦτο τοῦ σώματος ἀρριγότατον ὁ ὀφθαλμός ἐστιν· οὐδεὶς γάρ πω τὸ ἐντὸς τῶν βλεφάρων ἐρρίγωσεν. τῶν δ' ἀναίμων σκληρόδερμοι οἱ ὀφθαλμοί εἰσι, καὶ τοῦτο ποιεῖ τὴν σκέπην.* Что касается до предложеннаго въ текстѣ перевода греческаго термина *κόρη* русскимъ—«хрусталикъ», то, переводя такимъ образомъ, я слѣдовалъ переводу и разъясненіямъ Ziaja (см. указанный выше переводъ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» Ziaja стр. 8—9), который, въ свою очередь, руководствовался разъясненіями Baeumker'a (C. Baeumker. Des Arist. Lehre von den aüss. und innern Sinnesverm. стр. 26 и примѣч. 4). Дѣйствительно, какъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ Baeumker, греческое *κόρη* вовсе не могло соотвѣтствовать тому, что въ настоящее время называется «зрачкомъ»,—терминъ, которымъ обыкновенно переводятъ *κόρη*. Вѣдь терминъ «зрачекъ» прилагается въ настоящее время собственно къ отверстію въ глазѣ, къ дырѣ, — какимъ-же образомъ, спрашиваетъ Baeumker, можетъ дыра быть органомъ (ибо вѣдь *κόρη* очень часто имѣло у грековъ несомнѣнно значеніе самаго зрительнаго органа)? Въ виду этого затруднительнаго обстоятельства Baeumker и думаетъ, что съ современной точки зрѣнія греческое *κόρη* слѣдуетъ считать не «зрач-

органа необходимъ по Аристотелю потому, что именно вода изъ всѣхъ тѣлъ наиболѣе способна сдѣлаться прозрачною, наиболѣе способна обнаружить въ себѣ прозрачность. Вотъ, стало быть, какого рода движенія происходятъ въ зрительномъ органѣ при ощущеніяхъ зрѣнія: Аристотель, очевидно, стремится и эти, казалось бы, субъективныя движенія свести также къ объективнымъ, онъ стремится какъ-бы продолжить объектъ, такъ сказать, вдвинуть объектъ въ самый субъектъ. Но пойдемъ далѣе, разсмотримъ еще одно изъ дальнѣйшихъ мѣстъ той-же 2-ой главы. Указавъ, что совершенно невозможно допускать, какъ допускаютъ нѣкоторые (по всей вѣроятности тутъ разумѣются Платонъ въ Тимеѣ и Эмпедоклъ), будто зрѣніе обусловливается нѣкоторымъ выхожденіемъ свѣта изъ зрительнаго органа и далѣе соединеніемъ этого вышедшаго свѣта со свѣтомъ, находящимся вовнѣ, Аристотель продолжаетъ: «Итакъ, уже было сказано въ другомъ мѣстѣ» (конечно, въ уже знакомой намъ 7-ой главѣ II-ой книги De anima), «что безъ свѣта нельзя видѣть,—но будетъ ли въ промежуткѣ между видимымъ предметомъ и глазомъ свѣтъ ли, или просто воздухъ, во всякомъ случаѣ то, что производитъ зрѣніе, есть именно движеніе, происходящее въ этомъ промежуткѣ. И весьма вѣроятно было бы внутренней части глаза, зрительнаго органа, состоять изъ воды,—ибо вѣдь вода есть нѣчто прозрачное. Видѣть же, какъ внѣ зрительнаго органа, такъ и внутри его, нельзя безъ свѣта,—слѣд. эта внутренняя часть зрительнаго органа и должна быть прозрачна, и такъ какъ она не представляетъ собою воздуха, то необходимо ей быть водою. Ибо вѣдь душа, или собственный чувствующій органъ души находятся не на поверхности

комъ», но преломляющимъ свѣтъ аппаратомъ, находящимся внутри глаза,—а это и есть «хрусталикъ». Затѣмъ, перевести фразу *καὶ ἔν γε τοῖς πάμπαν ἐμβρύοις τῇ ψυχρότητι ὑπερβάλλον καὶ τῇ λαμπρότητι* вполнѣ точно было трудно,—пришлось сдѣлать вставку, такъ какъ самаго главнаго, подлежащаго въ греческомъ текстѣ нѣтъ. Однако, я думаю, что при моемъ переводѣ въ общемъ мысль Аристотеля передана вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ этомъ мѣстѣ главными предметами, о которыхъ идетъ рѣчь, являются вообще зрительные органы, глаза,—стало быть и тутъ, на мѣсто этого недостающаго подлежащаго, должны быть поставлены именно зрительные органы.

глаза, но очевидно внутри,— отсюда-то и необходимо, чтобы эта внутренность глаза была прозрачна и способна къ принятію свѣта. И это ясно и изъ самыхъ фактовъ, и на основаніи того, что случается: ибо тѣмъ, кому случалось на войнѣ получить ударъ въ високъ такъ, что каналы глаза были какъ-бы перерѣзаны, казалось, что наступалъ мракъ, какъ будто погасла лампа; это случалось потому, что дѣйствительно былъ отрѣзанъ какъ-бы свѣтильникъ,—прозрачное, такъ называемый хрусталикъ»[1]). И въ дополненіе къ этому Аристотель указываетъ далѣе, что дѣйствительно «часть глаза, способную видѣть, слѣдуетъ признать состоящею изъ воды», а относительно происхожденія глаза слѣдуетъ утверждать, что глазъ ведетъ свое происхожденіе отъ головного мозга,— «ибо именно мозгъ есть самая влажная и самая холодная изъ всѣхъ частей тѣла», т. е. именно мозгъ изъ всѣхъ частей тѣла по своимъ свойствамъ наиболѣе подходитъ къ тому, что требуется по Аристотелю отъ глаза, наиболѣе подходитъ къ этому водянистому тѣлу [2]). Эти разсужденія Аристотеля еще болѣе утверждаютъ насъ въ справедливости тѣхъ выводовъ, которые можно было сдѣлать уже и послѣ перваго отрывка настоящаго мѣста. Уже и на основаніи перваго отрывка можно было видѣть, что Аристотель старается, какъ мы говорили, какъ-бы вдвинуть объектъ въ самый субъектъ, старается объяснить грубыя,

---

[1]) Ibidem, 438 b. 2—16. *Περὶ μὲν οὖν τοῦ ἄνευ φωτὸς μὴ ὁρᾶν εἴρηται ἐν ἄλλοις· ἀλλ' εἴτε φῶς εἴτ' ἀήρ ἐστι τὸ μεταξὺ τοῦ ὁρωμένου καὶ τοῦ ὄμματος, ἡ διὰ τούτου κίνησίς ἐστιν ἡ ποιοῦσα τὸ ὁρᾶν. καὶ εὐλόγως τὸ ἐντὸς ἐστιν ὕδατος. διαφανὲς γὰρ τὸ ὕδωρ. ὁρᾶται δὲ ὥσπερ καὶ ἔξω οὐκ ἄνευ φωτός, οὕτω καὶ ἐντός· διαφανὲς ἄρα δεῖ εἶναι. καὶ ἀνάγκη ὕδωρ εἶναι, ἐπειδὴ οὐκ ἀήρ. οὐ γὰρ ἐπὶ τοῦ ἐσχάτου ὄμματος ἡ ψυχὴ ἢ τῆς ψυχῆς τὸ αἰσθητήριόν ἐστιν, ἀλλὰ δῆλον ὅτι ἐντός· διόπερ ἀνάγκη διαφανὲς εἶναι καὶ δεκτικὸν φωτὸς τὸ ἐντὸς τοῦ ὄμματος. καὶ τοῦτο καὶ ἐπὶ τῶν συμβαινόντων δῆλον· ἤδη γάρ τισι πληγεῖσιν ἐν πολέμῳ παρὰ τὸν κρόταφον οὕτως ὥστ' ἐκτμηθῆναι τοὺς πόρους τοῦ ὄμματος, ἔδοξε γενέσθαι σκότος ὥσπερ λύχνου ἀποσβεσθέντος, διὰ τὸ οἷον λαμπτῆρά τινα ἀποτμηθῆναι τὸ διαφανές, τὴν καλουμένην κόρην.*

[2]) Ibidem, 438 b. 19—20. *Τοῦ μὲν ὄμματος τὸ ὁρατικὸν ὕδατος ὑποληπτέον* и 438 b. 27—30. *Καὶ ἡ τοῦ ὄμματος γένεσις τὸν αὐτὸν ἔχει τρόπον· ἀπὸ τοῦ ἐγκεφάλου γὰρ συνέστηκεν· οὗτος γὰρ ὑγρότατος καὶ ψυχρότατος τῶν ἐν τῷ σώματι μορίων ἐστίν.*

тѣлесныя движенія, происходящія собственно въ субъектѣ, въ тѣлѣ чувствующаго существа, такъ, какъ будто-бы это были просто тѣ-же объективныя движенія,—въ настоящее время, послѣ этихъ послѣднихъ разсужденій Аристотеля, эти заключенія пріобрѣтаютъ, такъ сказать, полнѣйшую несомнѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время совершенно ясно, что съ точки зрѣнія Аристотеля, для того, чтобы въ субъектѣ могло возникнуть ощущеніе зрѣнія, для того, чтобы душа чувствующаго существа могла бы обнаружить въ себѣ форму, специфическія качества зрительнаго ощущенія, сдѣлать зрительное ощущеніе самымъ зрительнымъ ощущеніемъ,— всѣ движенія, происходящія въ тѣлѣ чувствующаго существа, требующіяся для этого, должны имѣть совершенно объективный характеръ, какъ будто бы они происходили не въ субъектѣ, а внѣ его. Именно, весь промежутокъ, начиная отъ цвѣта, собственно видимаго предмета, и до внутренности глаза, долженъ представлять изъ себя нѣчто прозрачное, такъ какъ именно только прозрачное по Аристотелю по самой природѣ своей приспособлено къ тому, чтобы получать движенія отъ видимаго, цвѣта, какъ цвѣта. Вся разница между объективною областью въ строгомъ смыслѣ слова и областью субъективною заключается тутъ только въ томъ, что въ объективной области (собственно въ разстояніи между цвѣтомъ и глазомъ) эту прозрачную среду даетъ воздухъ,—въ области же субъективной (въ самомъ зрительномъ органѣ, въ глазѣ) ее даетъ вода, но эта разница, въ виду того, что центръ тяжести лежитъ здѣсь не въ воздухѣ или въ водѣ, а именно въ прозрачномъ, конечно никакого существеннаго значенія не имѣетъ.

Таковы движенія, происходящія по Аристотелю въ зрительномъ органѣ, въ глазѣ, если постараться взглянуть на эти движенія ближе, если постараться дать себѣ болѣе точный отчетъ объ этихъ движеніяхъ. На этомъ мы можемъ уже дѣйствительно окончательно покончить съ Аристотелевскою теоріею образованія зрительныхъ ощущеній, и можемъ обратиться къ разсмотрѣнію образованія второго рода ощущеній по Аристотелю, ощущеній слуховыхъ. О слуховыхъ ощущеніяхъ Аристотель изъ всѣхъ своихъ сочиненій преимущественно трактуетъ только въ слѣдующей, 8-ой главѣ той-же самой II-ой книги De anima, — стало быть, и намъ въ настоящемъ случаѣ, для

того, чтобы получить представленіе объ образованіи этихъ ощущеній, придется выбрать нѣкоторыя мѣста только изъ этой 8-ой главы и проанализировать ихъ.

Теорія образованія слуховыхъ ощущеній по Аристотелю для насъ въ настоящее время, когда мы уже разсмотрѣли ученіе Аристотеля объ образованіи зрительныхъ ощущеній, не представитъ какихъ-либо затрудненій: собственно процессъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ совершенно аналогиченъ. Какъ тамъ, для того, чтобы чувствующее существо могло получить зрительное ощущеніе, долженъ былъ существовать нѣкоторый преимущественный объектъ зрѣнія — цвѣтъ, который приводилъ въ движеніе нѣкоторую среду (т. е. разстояніе между собою и самымъ зрительнымъ органомъ), и далѣе это движеніе совершенно непосредственно передавалось и зрительному органу (ибо и зрительный органъ былъ вполнѣ приспособленъ къ принятію этого движенія: строго говоря, по своимъ существеннымъ свойствамъ онъ совершенно не отличался отъ этой среды), —тоже самое существуетъ и здѣсь. И здѣсь прежде всего есть нѣкоторый преимущественный объектъ слуха—звукъ; затѣмъ есть среда, принимающая движенія звука и передающая ихъ слуховому органу (здѣсь только эта среда будетъ уже не свойствомъ тѣлъ, а самыми тѣлами: она будетъ воздухомъ и въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, немногочисленныхъ случаяхъ водою); наконецъ, и здѣсь есть также еще и слуховой органъ, органъ, по своему устройству также являющійся только какъ-бы продолженіемъ той-же среды.

«На слухъ», говоритъ Аристотель въ самомъ началѣ 8-ой главы II-ой книги своего сочиненія о душѣ, «можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: съ одной стороны звукъ есть нѣкоторое дѣйствіе» (дѣйствительное осуществленіе дѣятельности звука), «съ другой-же стороны онъ есть звукъ въ возможности». Эту необходимость прежде всего различать въ звукѣ эти два состоянія Аристотель разъясняетъ далѣе указаніемъ, что дѣйствительно не всѣ вообще предметы обладаютъ этою возможностью и затѣмъ этимъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ дѣятельности слуха. «Ибо», говоритъ Аристотель далѣе, «вѣдь о нѣкоторыхъ предметахъ мы говоримъ, что они не обладаютъ звукомъ, какъ напр. губка, шерсть,—о другихъ-же говоримъ, что они обладаютъ, напр. плотныя и гладкія тѣла, и мы гово-

римъ такъ, потому что эти послѣднія тѣла какъ разъ обладаютъ возможностью производить звукъ, т. е. въ промежуткѣ между самимъ звучащимъ предметомъ и органомъ слуха они обладаютъ возможностью производить дѣйствительный звукъ». Но что такое самый этотъ дѣйствительный звукъ, какія условія требуются для того, чтобы могъ произойти этотъ звукъ? «Дѣйствительный же звукъ», продолжаетъ Аристотель, «всегда производится дѣйствіемъ какого-либо предмета на другой и въ какой либо средѣ: ибо именно ударъ есть то, что производитъ дѣйствительный звукъ. Потому-то и невозможно, чтобы звукъ произошелъ внутри одного какого-либо тѣла, — ибо вѣдь различныя вещи—ударяющее и ударяемое —, такъ что звучащее всегда звучитъ при посредствѣ чего-либо другого. А ударъ не бываетъ безъ нѣкотораго движенія. И какъ мы сказали», возвращается Аристотель опять къ тому, что онъ говорилъ въ самомъ началѣ, «звукъ не является результатомъ удара какихъ угодно тѣлъ, ибо никакого звука не произведетъ напр. шерсть, если ее ударить. Мѣдь же и гладкія и впалыя, вогнутыя тѣла произведутъ звукъ,—и мѣдь произведетъ именно потому, что она гладка, вогнутыя же тѣла, вслѣдствіе отраженія, произведутъ большое количество ударовъ вслѣдъ за первымъ, такъ какъ среда, приведенная въ нихъ въ движеніе этимъ первымъ ударомъ, не будетъ въ состояніи найти изъ нихъ выходъ», т. е. эти вогнутыя тѣла, благодаря своей вогнутости, непремѣнно произведутъ не одинъ, а нѣсколько звуковъ. «Далѣе, звукъ», указываетъ еще Аристотель, «можетъ быть слышимъ въ воздухѣ и въ водѣ, но въ водѣ въ меньшей степени. Но ни воздухъ, ни вода не являются главнѣйшими и первыми условіями звука, — для звука долженъ произойти ударъ плотныхъ тѣлъ другъ о друга и о воздухъ. Это же случается, когда воздухъ, получивъ ударъ, какъ-бы сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ и не разсѣивается. Отсюда, когда ударъ производится быстро и сильно,— звукъ произойдетъ; ибо въ этомъ случаѣ движеніе ударяющаго должно предотвратить разсѣяніе воздуха, совершенно также, какъ если бы кто ударилъ, бросилъ кучу или рядъ песку такъ, чтобы они пришли въ быстрое движеніе» [1]).

[1]) De anima II, 8. 419 b. 5—25. *Ἔστι δὲ διττὸς ὁ ψόφος· ὁ μὲν γὰρ ἐνέργειά τις, ὁ δὲ δύναμις· τὰ μὲν γὰρ οὐ φαμεν ἔχειν ψόφον, οἷον σπόγγον, ἔρια,*

Всѣ эти разсужденія Аристотеля очевидно направлены къ тому, чтобы ближе и точнѣе опредѣлить, такъ сказать, первый элементъ въ процессѣ образованія слуховыхъ ощущеній, указать вообще самый слышимый предметъ, тотъ предметъ, который собственно и производитъ въ субъектѣ, въ чувствующемъ существѣ слуховое ощущеніе, — звукъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время ясно, что первымъ и самымъ необходимымъ условіемъ для полученія звука, какъ звука, звука, какъ слухового ощущенія, будетъ по Аристотелю ударъ. Именно, нѣкоторыя тѣла — главнымъ образомъ это должны быть, говоритъ Аристотель, плотныя и гладкія тѣла—должны удариться другъ о друга, результатомъ этого удара будетъ нѣкоторое движеніе той среды, въ которой будутъ находиться эти тѣла,— и вотъ это-то движеніе въ концѣ концовъ и явится звукомъ. Какого-же рода, можно спросить теперь, будетъ эта среда? Аристотель, правда, замѣтилъ, что этою средою должны быть главнымъ образомъ воздухъ, и затѣмъ вода, но болѣе подробнаго опредѣленія этой среды онъ не далъ, наиболѣе существенныя свойства ея онъ не указалъ. Такимъ-то болѣе по-

---

τὰ δ' ἔχειν, οἷον χαλκὸν καὶ ὅσα στερεὰ καὶ λεῖα, ὅτι δύναται ψοφῆσαι. τοῦτο δ'ἐστὶν αὐτοῦ μεταξὺ καὶ τῆς ἀκοῆς ἐμποιῆσαι ψόφον ἐνεργείᾳ. γίνεται δ'ὁ κατ' ἐνέργειαν ψόφος ἀεί τινος πρός τι καὶ ἔν τινι· πληγὴ γάρ ἐστιν ἡ ποιοῦσα. διὸ καὶ ἀδύνατον ἑνὸς ὄντος γενέσθαι ψόφον· ἕτερον γὰρ τὸ τύπτον καὶ τὸ τυπτόμενον· ὥστε τὸ ψοφοῦν πρός τι ψοφεῖ. πληγὴ δ'οὐ γίνεται ἄνευ φορᾶς, ὥσπερ δ' εἴπομεν, οὐ τῶν τυχόντων πληγὴ ὁ ψόφος· οὐθένα γὰρ ποιεῖ ψόφον ἔρια ἂν πληγῇ, ἀλλὰ χαλκὸς καὶ ὅσα λεῖα καὶ κοῖλα, ὁ μὲν χαλκὸς, ὅτι λεῖος· τὰ δὲ κοῖλα τῇ ἀνακλάσει πολλὰς ποιεῖ πληγὰς μετὰ τὴν πρώτην, ἀδυνατοῦντος ἐξελθεῖν τοῦ κινηθέντος. ἔτι ἀκούεται ἐν ἀέρι καὶ ὕδατι, ἀλλ' ἧττον. οὐκ ἔστι δὲ φόφου κύριος ὁ ἀὴρ οὐδέ τὸ ὕδωρ· ἀλλὰ δεῖ στερεῶν πληγὴν γενέσθαι πρὸς ἄλληλα καὶ πρὸς τὸν ἀέρα. τοῦτο δὲ γίνεται ὅταν ὑπομένῃ πληγεὶς ὁ ἀὴρ καὶ μὴ διαχυθῇ. διὸ ἐὰν ταχέως καὶ σφοδρῶς πληγῇ ψοφεῖ· δεῖ γὰρ φθάσαι τὴν κίνησιν τοῦ ῥαπίζοντος τὴν θρύψιν τοῦ ἀέρος, ὥσπερ ἂν εἰ σωρὸν ἢ ὁρμαθὸν ψάμμου τύπτοι τις φερόμενον ταχύ. Послѣдняя фраза, точнѣе послѣднія слова послѣдней фразы, именно сравненіе, начинающееся словами *ὥσπερ ἂν εἰ σωρὸν ἢ ὁρμαθὸν ψάμμου* и т д., на первый взглядъ можетъ показаться не совсѣмъ яснымъ, однако, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи, эта неясность должна исчезнуть. Аристотель хочетъ указать здѣсь, что происходитъ съ воздухомъ при сильномъ и быстромъ ударѣ какихъ-либо двухъ тѣлъ, находящихся въ воздухѣ, и затѣмъ хочетъ показать также, какимъ образомъ состояніе воздуха, обусловливающееся такимъ ударомъ, является

дробнымъ опредѣленіемъ этой среды Аристотель и занимается далѣе, въ тѣхъ мѣстахъ настоящей, 8-ой главы, на которыя мы обратимъ наше вниманіе. И такъ какъ, какъ мы и указывали выше, и при слуховыхъ ощущеніяхъ слуховой органъ собственно по своему устройству является по Аристотелю какъ-бы продолженіемъ той-же самой среды, то, дѣлая опредѣленіе этой среды, Аристотель, вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно незамѣтно, переходитъ и къ интереснымъ для насъ въ настоящемъ случаѣ замѣчаніямъ относительно существенныхъ съ точки зрѣнія полученія слуховыхъ ощущеній чертъ самаго слухового органа.

«Пустота», говоритъ Аристотель далѣе, «справедливо считается главнымъ условіемъ слышанія. Ибо кажется, что воздухъ есть нѣчто пустое, а воздухъ и есть то, что производитъ слышаніе, именно когда онъ, становясь сплошнымъ и непрерывнымъ тѣломъ, приводится въ движеніе. Но вслѣдствіе того, что воздухъ легко разсѣивается, слышаніе и не можетъ произойти иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда ударяемое бываетъ гладкимъ. Именно тогда, вмѣстѣ съ этимъ ударяемымъ,

---

наиболѣе удобнымъ для произведенія звука. Воздухъ, говоритъ Аристотель, есть вещество, особенно способное разсѣиваться въ, такъ сказать, спокойномъ состояніи; отсюда, когда наоборотъ этого спокойнаго состоянія не будетъ, когда въ воздухѣ наоборотъ произойдетъ быстрый и сильный ударъ какого-либо тѣла о другое, воздухъ необходимо долженъ будетъ сжаться, и это сжатіе и произведетъ звукъ. Это, продолжаетъ Аристотель, совершенно тоже, что происходитъ съ кучею или рядомъ песку, когда кто-либо ударяетъ, бросаетъ ихъ быстро. Песокъ также легко разсѣивается, но если бросить кучу или рядъ песку быстро, то эти куча и рядъ такими и останутся: такой песокъ будетъ продолжать свое дальнѣйшее движеніе именно въ формѣ кучи или ряда, ни одна изъ его частицъ при этомъ дальнѣйшемъ движеніи не пропадетъ и не нарушитъ первоначальной формы. Тоже самое происходитъ, по Аристотелю, и съ воздухомъ: разница здѣсь будетъ только въ томъ, что такое состояніе воздуха, являющееся результатомъ сильнаго и быстраго удара двухъ тѣлъ, произведетъ затѣмъ и звукъ,—движеніе же кучи или ряда песку не должно будетъ непремѣнно сопровождаться звукомъ; сравненіе, стало быть, ограничивается только внѣшнею стороною дѣла. Вотъ все что, какъ мнѣ кажется, хотѣлъ сказать настоящимъ сравненіемъ Аристотель (ср. примѣчанія къ этому мѣсту Trendelenburg'a, стр. 311, въ его изданіи, и особенно Wallace'a, стр. 242).

воздухъ и становится единымъ, сплошнымъ, благодаря поверхности этого ударяемаго, ибо поверхность гладкаго есть нѣчто единое, сплошное. Итакъ», какъ бы резюмируетъ Аристотель настоящія положенія и въ тоже время переходитъ къ развитію новыхъ, «звучащее тѣло есть такое тѣло, которое приводитъ въ движеніе воздухъ какъ-бы единый, находящійся въ сплошномъ, непрерывномъ состояніи до самаго органа слуха, — органъ же слуха, въ свою очередь, тѣсно соединенъ съ воздухомъ. Вслѣдствіе того, что звучащее тѣло находится въ воздухѣ, то обстоятельство, что движится внѣшняя среда, приводитъ въ движеніе и внутреннее», т. е. во внутреннемъ, въ самомъ органѣ слуха находится также воздухъ, и этотъ-то внутренній воздухъ и приводится въ движеніе внѣшнимъ воздухомъ. «И вотъ почему», продолжаетъ Аристотель, «живое существо не слышитъ всѣми частями своего тѣла» (всѣми органами), «и не повсюду» (не по всѣмъ органамъ) «проходитъ воздухъ, — это потому, что вообще часть» (органъ) «живого существа, способная двигаться» (которая какъ-бы можетъ, какъ-бы будетъ, выражается подлинно Аристотель, приводить себя въ движеніе), «и часть одушевленная вовсе не должны имѣть повсюду» (во всѣхъ случаяхъ) «воздухъ. Воздухъ самъ по себѣ, такимъ образомъ, беззвученъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ легко разсѣивается,—когда же онъ встрѣтитъ сопротивленіе своему разсѣянію, то движеніе такого воздуха и будетъ звукомъ. Воздухъ же, находящійся въ ушахъ, заключенъ тамъ такъ, что остается чуждымъ всякимъ постороннимъ движеніямъ» (т. е. остается чуждымъ всякимъ постороннимъ движеніямъ, кромѣ движеній, исходящихъ отъ звука), «—и это затѣмъ, чтобы онъ совершенно точно могъ различить различные роды» (очевидно звукового) «движенія. Поэтому-то мы слышимъ и въ водѣ: вода не доходитъ до самаго этого, находящагося въ ушахъ, воздуха, да не входитъ и въ ухо по причинѣ его извилинъ. Когда же послѣднее случается» (когда вода дѣйствительно входитъ въ ухо), «слышанія не бываетъ; не бываетъ слышанія и въ томъ случаѣ, когда страдаетъ оболочка уха, совершенно также, какъ не бываетъ видѣнія, когда страдаетъ оболочка глаза». Другими словами, вода въ данномъ случаѣ есть нѣчто постороннее главному содержимому въ слуховомъ органѣ, — воздуху, она произведетъ уже въ полномъ

смыслѣ слова постороннія движенія въ слуховомъ органѣ; поэтому-то, если ввести воду въ слуховой органъ, въ ухо, то никакого слышанія и не произойдетъ. «Но признакомъ того, существуетъ ли слухъ или нѣтъ», прибавляетъ еще Аристотели, «можетъ служить постоянный отзвукъ въ ухѣ, подобно тому, какъ это замѣчается въ рогѣ; ибо воздухъ, заключающійся въ ушахъ, постоянно находится въ особенномъ, свойственномъ ему, движеніи. Но звукъ есть нѣчто чуждое и не свойственное самому слуховому органу» (воздуху, заключающемуся въ слуховомъ органѣ, въ ушахъ), «— вотъ почему и говорятъ, что мы слышимъ чѣмъ-то пустымъ и способнымъ давать отзвукъ; это говорятъ потому, что слышимъ мы собственно слуховымъ органомъ, опредѣленнымъ количествомъ заключающагося въ слуховомъ органѣ воздуха». Т. е., хотя, на основаніи предыдущаго, движенія внѣшняго воздуха, исходящія отъ звука, и передаются внутреннему воздуху, воздуху, находящемуся въ слуховомъ органѣ, въ ушахъ, но они именно только передаются; собственно же слышимъ мы, ощущаемъ какъ звукъ—не движенія этого внѣшняго воздуха, а движенія воздуха внутренняго, находящагося въ нашемъ собственномъ слуховомъ органѣ, въ нашихъ ушахъ. Природа этого внутренняго воздуха совершенно таже самая, совершенно аналогична съ природою внѣшняго воздуха, по составу этого внутренняго воздуха можно сказать, что онъ является какъ-бы простымъ продолженіемъ того внѣшняго воздуха,— и тѣмъ не менѣе, между обоими этими воздухами нужно всетаки, по Аристотелю, провести черту. Если говорить собственно о слышаніи, о послѣднемъ звенѣ въ томъ матеріальномъ, тѣлесномъ процессѣ, результатомъ котораго въ душѣ слышащаго существа является обнаруженіе формы слышимаго, признаніе слышимаго именно какъ слышимаго, какъ такого, то нужно будетъ указать, говоритъ Аристотель, что этимъ послѣднимъ звеномъ будутъ движенія не внѣшняго воздуха, стало быть, строго говоря, не звука, а движенія воздуха внутренняго, воздуха, составляющаго какъ-бы часть самого чувствующаго, слышащаго существа [1]).

[1]) Ibidem, 419 b. 33—420 a. 19. *Τὸ δὲ κενὸν ὀρθῶς λέγεται κύριον τοῦ ἀκούειν. δοκεῖ γὰρ εἶναι κενὸν ὁ ἀήρ, οὗτος δ' ἐστὶν ὃ ποιῶν ἀκούειν, ὅταν κινηθῇ συνεχὴς καὶ εἷς. ἀλλὰ διὰ τὸ ψαθυρὸς εἶναι οὐ γεγωνεῖ, ἂν μὴ λεῖον ᾖ τὸ πληγέν.*

Вотъ эти слѣдующія мѣста изъ той-же 8-ой главы II-ой книги De anima, трактующія также о процессѣ образованія слуховыхъ ощущеній по Аристотелю, и изъ настоящаго перевода и разъясненій, какъ мнѣ кажется, становится совершенно яснымъ, что во всемъ этомъ отрывкѣ дѣйствительно содержится болѣе подробное ученіе Аристотеля о характерѣ среды, принимающей звуковыя движенія и передающей ихъ слуховому органу, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержится и болѣе подробное

τότε δὲ εἷς γίνεται ἅμα διὰ τὸ ἐπίπεδον· ἓν γὰρ τὸ τοῦ λείου ἐπίπεδον. ψοφητικὸν μὲν οὖν τὸ κινητικὸν ἑνὸς ἀέρος συνεχείᾳ μέχρις ἀκοῆς, ἀκοὴ δὲ συμφυὴς ἀέρι. διὰ δὲ τὸ ἓν ἀέρι εἶναι, κινουμένου τοῦ ἔξω τὸ εἴσω κινεῖ. διόπερ οὐ πάντῃ τὸ ζῷον ἀκούει, οὐδὲ πάντῃ διέρχεται ὁ ἀήρ· οὐ γὰρ πάντῃ ἔχει ἀέρα τὸ κινησόμενον μέρος καὶ ἔμψυχον. αὐτὸ μὲν δὴ ἄψοφον ὁ ἀὴρ διὰ τὸ εὔθρυπτον· ὅταν δὲ κωλυθῇ θρύπτεσθαι, ἡ τούτου κίνησις ψόφος. ὁ δ' ἐν τοῖς ὠσὶν ἐγκατῳκοδόμηται πρὸς τὸ ἀκίνητος εἶναι, ὅπως ἀκριβῶς αἰσθάνηται πάσας τὰς διαφορὰς τῆς κινήσεως. διὰ ταῦτα δὲ καὶ ἐν ὕδατι ἀκούομεν, ὅτι οὐκ εἰσέρχεται πρὸς αὐτὸν τὸν συμφυῆ ἀέρα· ἀλλ' οὐδ' εἰς τὸ οὖς διὰ τὰς ἕλικας. ὅταν δὲ τοῦτο συμβῇ, οὐκ ἀκούει· οὐδ' ἂν ἡ μήνιγξ κάμῃ, ὥσπερ τὸ ἐπὶ τῇ κόρῃ δέρμα ὅταν κάμῃ. ἀλλὰ καὶ σημεῖον τοῦ ἀκούειν ἢ μὴ τὸ ἠχεῖν αἰεὶ τὸ οὖς ὥσπερ τὸ κέρας· ἀεὶ γὰρ οἰκείαν τινὰ κίνησιν ὁ ἀὴρ κινεῖται ὁ ἐν τοῖς ὠσίν· ἀλλ' ὁ ψόφος ἀλλότριος καὶ οὐκ ἴδιος. καὶ διὰ τοῦτό φασιν ἀκούειν τῷ κενῷ καὶ ἠχοῦντι, ὅτι ἀκούομεν τῷ ἔχοντι ὡρισμένον τὸν ἀέρα. Настоящій отрывокъ, какъ это можно видѣть уже и съ перваго взгляда — при самомъ бѣгломъ и поверхностномъ чтеніи его, представляетъ весьма много трудностей для непосредственнаго пониманія и перевода, такъ какъ въ немъ встрѣчается много неясностей и встрѣчаются даже, повидимому, прямыя противорѣчія Особенно много хлопотъ комментаторамъ и толкователямъ доставила фраза *ὁ δ' ἐν τοῖς ὠσὶν ἐγκατῳκοδόμηται πρὸς τὸ ἀκίνητος εἶναι* и т. д. въ сопоставленіи съ предпослѣднимъ періодомъ, періодомъ — *ἀλλὰ καὶ σημεῖον τοῦ ἀκούειν ἢ μὴ τὸ ἠχεῖν αἰεὶ τὸ οὖς ὥσπερ τὸ κέρας· ἀεὶ γὰρ οἰκείαν τινὰ κίνησιν ὁ ἀὴρ κινεῖται ὁ ἐν τοῖς ὠσίν*, и въ частности, въ сопоставленіи съ послѣднею половиною этого періода, начинающеюся словами *ἀεὶ γὰρ οἰκείαν τινὰ κίνησιν.* Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить первую фразу съ этою послѣднею половиною, какъ согласить, что одинъ разъ воздухъ въ ушахъ долженъ быть совершенно недвижимымъ, — въ другой-же разъ тотъ-же самый воздухъ долженъ находиться въ постоянномъ движеніи? Для устраненія этого противорѣчія предлагалось много различныхъ объясненій и соображеній (ср. объясненія къ настоящимъ фразамъ Trendelenburg'a въ его изданіи, стр. 316; Zahlfleisch'a въ его статьѣ, стр. 8; Wallace'a, стр. 244; Torstrik'a, стр. 150—151; ср. также и разсужденія Lewes'a по поводу настоящихъ фразъ въ его «Aristoteles. Ein Abschnitt aus einer Geschichte der Wissenschaften»,

ученіе Аристотеля объ устройствѣ слухового органа. Итакъ, преимущественною и, такъ сказать, главною средою, принимающею прежде всего звуковыя движенія, будетъ, по Аристотелю, воздухъ. Аристотель, правда, указываетъ, что въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ такою средою можетъ быть и вода, но онъ совершенно не разъясняетъ, какимъ именно образомъ вода могла бы принимать и далѣе передавать звуковыя движенія; у него вода скорѣе является только тѣломъ,

---

нѣм. переводъ J. V. Carus'a, стр. 255); предлагалось даже (именно Torstrik'омъ) послѣднюю половину предпослѣдняго періода (вмѣстѣ съ другими частями этого періода) совсѣмъ выкинуть, считать простою глоссою, вставкою, не принадлежащею самому Аристотелю. Въ переводѣ и разъясненіяхъ, предложенныхъ въ текстѣ, я попытался устранить настоящее противорѣчіе тѣмъ, что до нѣкоторой степени ограничилъ смыслъ слова ἀκίνητος въ первой фразѣ. Терминъ ἀκίνητος въ этой первой фразѣ я перевелъ не просто какъ «недвижимый», а какъ—«чуждый постороннимъ движеніямъ», именно «чуждый постороннимъ движеніямъ, кромѣ движеній, исходящихъ отъ звука». Такой переводъ и такія разъясненія—весьма близкія, слѣдуетъ замѣтить, къ разъясненіямъ Lewes'a и Wallace'a (ср. указанныя мѣста у этихъ комментаторовъ) —будутъ удобны въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, при нихъ устраняется указанное выше противорѣчіе (ибо, само собою разумѣется, если воздухъ, находящійся въ ушахъ, остается недвижимымъ только въ томъ смыслѣ, что онъ чуждъ постороннимъ движеніямъ, кромѣ движеній звука то собственныя, свойственныя ему, движенія имѣть онъ всетаки можетъ); и во 2-хъ, — что̀ можетъ быть самое главное,—при этомъ переводѣ и при этихъ разъясненіяхъ остается, такъ сказать, совершенно нерушимымъ общій смыслъ всего настоящаго отрывка. Дѣйствительно, во всемъ настоящемъ отрывкѣ Аристотель занимается разъясненіемъ того, какъ именно, по его мнѣнію, передаются звуковыя движенія, и онъ указываетъ, что движенія, исходящія отъ звука, сначала передаются внѣшнему воздуху, воздуху, находящемуся внѣ слухового органа, и только уже затѣмъ внѣшній воздухъ сообщаетъ ихъ воздуху внутреннему, самому слуховому органу, причемъ этотъ внутренній воздухъ, именно благодаря тому, что самъ постоянно движится, очень чувствителенъ къ этимъ сообщаемымъ ему движеніямъ и легко, такъ сказать, схватываетъ ихъ,—все это и въ такомъ именно видѣ подтверждается и настоящею первою фразою при настоящемъ переводѣ и разъясненіяхъ. Съ другой стороны предложенный переводъ, не будетъ, какъ мнѣ кажется, и особенною натяжкою по отношенію къ самому смыслу термина ἀκίνητος. Въ самомъ дѣлѣ, у Аристотеля такъ часто приходится не просто переводить слова, а только догадываться о ихъ смыслѣ по всей фразѣ и даже по всему контексту, по цѣло-

наименѣе препятствующимъ вообще передачѣ звуковыхъ движеній,—сама же вода какого-либо активнаго участія въ передачѣ такихъ движеній не принимаетъ. Въ виду отсутствія такого разъясненія у Аристотеля, хотя и можно упомянуть, что Аристотель считаетъ средою при образованіи слуховыхъ ощущеній между прочимъ и воду,—тѣмъ не менѣе слѣдуетъ указать, что въ концѣ концовъ преимущественною и дѣйствитель-

---

му ряду фразъ, что и въ данномъ случаѣ можно вполнѣ допустить эту, казалось бы на первый взглядъ, нѣкоторую неточность. Такъ, какъ мнѣ кажется, можно обойти это первое противорѣчіе, это первое затрудненіе при непосредственномъ пониманіи и переводѣ настоящаго отрывка. Затѣмъ, другое затрудненіе въ этомъ отрывкѣ, которое точно также никоимъ образомъ невозможно оставить безъ вниманія (хотя, замѣтимъ, комментаторы сравнительно почти совсѣмъ не занимались имъ) представляютъ слова въ концѣ, именно слова *ἀλλ' ὁ ψόφος ἀλλότριος καὶ οὐκ ἴδιος* и далѣе *καὶ διὰ τοῦτό φασιν ἀκούειν τῷ κενῷ καὶ ἠχοῦντι, ὅτι ἀκούομεν τῷ ἔχοντι ὡρισμένον τὸν ἀέρα.* Эти слова заставляютъ задуматься—какъ въ самомъ дѣлѣ перевести ихъ? какъ передать ихъ такъ, чтобы съ одной стороны переводъ подходилъ къ греческому тексту, не насиловалъ бы его, — съ другой-же стороны этотъ переводъ не нарушалъ бы и общаго смысла отрывка, не стоялъ бы ни въ какомъ противорѣчіи съ мыслями, изложенными во всемъ отрывкѣ? Въ своемъ переводѣ и разъясненіяхъ этихъ словъ я старался провести ту мысль, что здѣсь Аристотель главнымъ образомъ различаетъ между внѣшнимъ и внутреннимъ воздухомъ при слуховыхъ ощущеніяхъ, и указываетъ, что хотя воздухъ внѣшній и передаетъ свои движенія, исходящія отъ звука, воздуху внутреннему, находящемуся въ ушахъ, но всеже слышимъ мы только внутреннимъ, только, такъ сказать, ушнымъ воздухомъ,— между движеніями воздуха внѣшняго и внутренняго слѣдуетъ провести нѣкоторую (хотя бы на самомъ дѣлѣ только внѣшнюю) черту. Такой переводъ, правда, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ Bekker'овской интерпункціи (при нашемъ переводѣ мы скорѣе ожидали бы полуточіе послѣ *οὐκ ἴδιος* и точку вначалѣ—передъ *ἀλλ' ὁ ψόφος*), но это конечно не особенно важно. Интерпункція—вещь не особенно существенная,—а между тѣмъ предложенный переводъ имѣетъ ту выгоду, что при немъ не приходится дѣлать какихъ-либо особыхъ вставокъ и дополненій къ греческому тексту, и кромѣ того при немъ же эти послѣднія слова какъ-бы оказываются совершенно на мѣстѣ; весь отрывокъ, вмѣстѣ съ этими словами, является вполнѣ послѣдовательнымъ цѣлымъ. Разъясненіемъ этихъ двухъ, наиболѣе важныхъ и въ тоже время наиболѣе запутанныхъ затрудненій всего нашего отрывка мы и ограничимся въ настоящемъ случаѣ, въ настоящемъ примѣчаніи.

но главною средою въ этомъ случаѣ будетъ все-таки какъ разъ воздухъ по мнѣнію Аристотеля; именно воздухъ играетъ наболѣе существенную роль въ образованіи слуховыхъ ощущеній по ученію Аристотеля. Затѣмъ, хотя Аристотель, стало быть, приводитъ здѣсь въ качествѣ среды уже не только свойство тѣла (какъ это было, какъ мы видѣли, въ его ученіи объ образованіи зрительныхъ ощущеній), а самое тѣло, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что и тутъ главное вниманіе онъ обращаетъ опять таки на нѣкоторое свойство: воздухъ является проводникомъ и передатчикомъ звуковыхъ движеній не просто какъ воздухъ, не просто какъ тѣло, а постольку, поскольку онъ является пустымъ, поскольку въ немъ замѣчается пустота. Не совсѣмъ понятно, что́ это за свойство воздуха—пустота; однако, имѣя въ виду весь отрывокъ, можно уяснить себѣ, что́ хотѣлъ сказать здѣсь Аристотель. Дѣло идетъ здѣсь конечно не о какой-либо абсолютной пустотѣ, а просто о свойствѣ воздуха легко разсѣиваться; съ точки зрѣнія этого послѣдняго свойства Аристотель и называетъ воздухъ пустымъ. Но тѣло, способное легко разсѣиваться, легко распространяться, именно потому самому, что оно такъ легко разсѣивается, способно и легко сжиматься; и это-то послѣднее обстоятельство и является самымъ существеннымъ условіемъ по Аристотелю для передачи воздухомъ движеній звука. Собственно процессъ тутъ будетъ по Аристотелю слѣдующій: когда два какихъ-либо (главнымъ образомъ гладкихъ) тѣла ударятъ другъ о друга, и притомъ ударятъ сильно и быстро, то воздухъ, въ которомъ находятся эти тѣла, непремѣнно сожмется, затѣмъ отскочитъ отъ ударяемаго тѣла, и такимъ образомъ начнетъ двигаться,—это-то движеніе воздуха и есть первое матеріальное движеніе, обусловливающее ощущеніе слуха, первое матеріальное движеніе, результатомъ котораго въ концѣ концовъ явится обнаруженіе въ душѣ чувствующаго существа формы звука, звука какъ звука, звука, какъ слухового ощущенія. Далѣе идетъ слѣдующее матеріальное движеніе, движеніе уже въ тѣлѣ, въ органѣ чувствующаго существа: сжавшійся и отскочившій по предыдущему воздухъ теперь доходитъ до внутренняго по терминологіи Аристотеля воздуха, до воздуха, находящагося въ самомъ слуховомъ органѣ чувствующаго существа—въ ушахъ, и сообщаетъ свое движеніе

этому внутреннему воздуху. Этотъ внутренній воздухъ самъ по себѣ находится въ постоянномъ движеніи, онъ, стало быть, очень чувствителенъ къ движеніямъ,—и такимъ-то образомъ онъ и можетъ легко поддаваться вліянію этихъ движеній внѣшняго воздуха, исходящихъ отъ звука. Аристотель очень сильно оттѣняетъ различіе движеній этого внѣшняго воздуха отъ движеній внутренняго, онъ очень сильно напираетъ на то, что слышимъ мы, ощущаемъ какъ слуховое ощущеніе только движенія внутренняго воздуха, движенія воздуха, находящагося въ слуховомъ органѣ, въ ушахъ. Это различіе конечно и существуетъ; тѣмъ не менѣе, по словамъ самого-же Аристотеля, оно всетаки остается чисто внѣшнимъ. Внутренній воздухъ, воздухъ, находящійся въ ушахъ, самый органъ слуха, по словамъ самого-же Аристотеля, по своему составу ничѣмъ не отличается отъ воздуха внѣшняго, собственно передающаго звуковыя движенія, природа и того и другого воздуха, а также и движенія, происходящія въ нихъ подъ вліяніемъ звука, совершенно аналогичны,—и вотъ почему въ нашихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ изложенію теоріи образованія слуховыхъ ощущеній по Аристотелю мы и замѣтили, что и здѣсь, и въ слуховыхъ ощущеніяхъ слуховой органъ является какъ-бы продолженіемъ той-же самой звуковой среды.

Теперь, если мы будемъ руководствоваться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи главнымъ психологическимъ сочиненіемъ Аристотеля, то намъ придется, послѣ этого разсмотрѣнія образованія слуховыхъ ощущеній, обратиться къ разсмотрѣнію съ нашей точки зрѣнія Аристотелевскаго ученія объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, ибо въ слѣдующей, 9-ой главѣ II-ой книги своего сочиненія De anima Аристотель трактуетъ какъ разъ объ обонятельныхъ ощущеніяхъ. Такъ мы и сдѣлаемъ, но только замѣтимъ, что въ этой 9-ой главѣ Аристотелевское ученіе объ обонятельныхъ ощущеніяхъ весьма кратко и неполно. Гораздо болѣе полнымъ и гораздо болѣе обстоятельнымъ, хотя въ существѣ дѣла, совершенно тождественнымъ, является изложеніе Аристотелемъ того-же предмета въ 5-ой главѣ его трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», главѣ, которая, по мыслямъ самого Аристотеля, казалось, должна бы была служить только дополненіемъ къ вышеуказанной главѣ изъ De anima. Однако, на самомъ

дѣлѣ глава изъ De anima является дополненіемъ главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ»,—и въ виду этого обстоятельства и мы въ нашемъ непосредственно слѣдующемъ изложеніи нѣсколько измѣнимъ принятый нами до сихъ поръ порядокъ. До сихъ поръ мы излагали Аристотелевскую теорію образованія ощущеній главнымъ образомъ по главному психологическому сочиненію Аристотеля, и только въ видѣ дополненія приводили мѣста изъ сочиненія «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» (если, разумѣется, такія дополненія можно было найти въ этомъ сочиненіи),—въ нашемъ-же непосредственно слѣдующемъ изложеніи, въ изложеніи съ нашей точки зрѣнія Аристотелевскаго ученія объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, мы, наоборотъ, въ основаніе положимъ какъ разъ указанную выше 5-ую главу трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», и 9-ой главы II-ой книги De anima будемъ касаться только, такъ сказать, дополнительнымъ образомъ.

Объ обонятельныхъ ощущеніяхъ вообще Аристотель учитъ съ гораздо мѣньшею опредѣленностью, чѣмъ онъ училъ напр. объ ощущеніяхъ зрительныхъ и ощущеніяхъ слуховыхъ. По всей вѣроятности это случилось потому, что, какъ замѣчаетъ и самъ онъ въ началѣ 9-ой главы II-ой книги De anima, обонятельныя ощущенія, по крайней мѣрѣ у человѣка, далеко не отличаются особенною точностью: многія животныя, по мнѣнію Аристотеля, обоняютъ гораздо лучше человѣка. Но если таковъ былъ взглядъ Аристотеля, то это и можетъ объяснить отсутствіе опредѣленности въ самой его теоріи обонятельныхъ ощущеній: лучшій матеріалъ для такой теоріи долженъ былъ бы представить самъ человѣкъ, наблюденія человѣка надъ самимъ собою,—а если человѣкъ такого матеріала представить не можетъ, если его собственныя наблюденія всегда несовершенны, то отсюда и самая теорія какъ-бы по необходимости будетъ страдать неточностью. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что полной опредѣленности въ теоріи обонятельныхъ ощущеній у Аристотеля нѣтъ; и ему, чтобы нѣсколько поправить дѣло, постоянно приходится въ этомъ случаѣ переходить къ другимъ, именно вкусовымъ ощущеніямъ,—теорію того, что можно назвать обоняніемъ, ему постоянно приходится объяснять теоріею вкуса. Съ этими пере-

ходами и сопоставленіями Аристотеля намъ придется встрѣчаться на каждомъ шагу, и даже уже въ самомъ началѣ, въ самыхъ первыхъ строкахъ указанной выше 5-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», мы встрѣчаемъ какъ разъ такое-же сопоставленіе.

«И относительно запаховъ», говоритъ Аристотель въ началѣ этой 5-ой главы, «слѣдуетъ разсуждать совершенно такимъ-же образомъ» (т. е. такимъ-же, какимъ онъ разсуждалъ въ предыдущей, 4-ой главѣ о вкусахъ); «ибо то, что сухое производитъ во влажной средѣ,—это-же въ другой средѣ производитъ вкусовое сухое, сухое, получившее вкусъ, и производитъ оно это-же въ воздухѣ и въ водѣ одинаково». Эта первая фраза на первый взглядъ представляется не совсѣмъ ясною, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно понять, что хотѣлъ тутъ сказать Аристотель. Очевидно это—какъ разъ сопоставленіе обонятельныхъ ощущеній съ вкусовыми Аристотелемъ, и при этомъ указаніе, что собственно процессъ, которымъ получаются обонятельныя ощущенія, совершенно тождественъ съ процессомъ, имѣющимъ мѣсто при ощущеніяхъ вкусовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сухое, говоритъ Аристотель, во влажной средѣ производитъ то-же, что въ другой средѣ, въ воздухѣ и въ водѣ, производитъ вкусовое сухое, — это значитъ, что во влажной средѣ сухое дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ, и совершенно такимъ-же образомъ въ воздухѣ и водѣ дѣйствуетъ вкусовое сухое. Но только результатомъ дѣйствія сухого во влажной средѣ будетъ въ концѣ концовъ вкусъ, ощущеніе вкуса, какъ это совершенно ясно устанавливается въ предыдущей, 4-ой главѣ,—результатомъ же дѣйствія вкусового сухого въ воздухѣ и водѣ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, будетъ запахъ, обонятельное ощущеніе. Разница здѣсь, стало быть, заключается только въ результатахъ,—самый же процессъ, самый, такъ сказать, ходъ дѣйствія и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковъ. Вотъ что хотѣлъ сказать Аристотель настоящею первою фразою. «Обоимъ этимъ тѣламъ» (и воздуху и водѣ), продолжаетъ Аристотель, «и въ настоящемъ случаѣ мы можемъ придать одинъ общій аттрибутъ —прозрачности, однако всетаки обоняемое будетъ обоняемымъ не постольку, поскольку оно будетъ прозрачнымъ, но постольку, поскольку оно способно какъ-бы вымывать или уносить эту вку-

совую сухость». Т. е. Аристотель, указавъ, что средою, въ которой собственно распространяется обоняемое, будетъ воздухъ или вода, что, стало быть, собственно, такъ сказать, ближайшимъ обоняемымъ явится или воздухъ или вода, припоминаетъ при этомъ, что въ другихъ своихъ болѣе раннихъ ученіяхъ, напр. въ ученіи о зрѣніи, о зрительныхъ ощущеніяхъ, онъ назвалъ эти воздухъ и воду прозрачными. Аристотель и теперь согласенъ оставить за этими тѣлами этотъ аттрибутъ, но онъ все-таки указываетъ, что эта прозрачность при обонятельныхъ ощущеніяхъ никакой роли не играетъ, — при обонятельныхъ ощущеніяхъ значеніе имѣетъ другое свойство воздуха и воды, способность вымывать или какъ-бы уносить вмѣстѣ съ собою вкусовую сухость «Обоняніе же», говоритъ Аристотель далѣе, «можетъ происходить не только въ воздухѣ, но и въ водѣ. Это ясно на примѣрѣ рыбъ и черепокожныхъ животныхъ. Ибо эти животныя кажутся обладающими обоняніемъ, хотя воздуха въ водѣ и не бываетъ,—воздухъ, если бы онъ и случился въ водѣ, всплылъ бы на поверхность,—да съ другой стороны эти животныя и не способны вдыхать воздухъ. Итакъ», какъ-бы даетъ болѣе полное опредѣленіе обоняемаго, запаха Аристотель, «если бы кто допустилъ, что воздухъ и вода — оба эти тѣла влажны, то природа вкусового сухого во влажномъ и была бы запахомъ, а тѣло, которое было бы такимъ» (обладающимъ какъ разъ этимъ качествомъ, запахомъ) «было бы обоняемымъ» [1]), и далѣе Аристотель на нѣсколькихъ конкрет-

[1]) De sensu et sens. 5. 442 b. 26—443 a. 8. *Τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον δεῖ νοῆσαι καὶ περὶ τὰς ὀσμάς· ὅπερ γὰρ ποιεῖ ἐν τῷ ὑγρῷ τὸ ξηρόν, τοῦτο ποιεῖ ἐν ἄλλῳ γένει τὸ ἔγχυμον ξηρόν, ἐν ἀέρι καὶ ὕδατι ὁμοίως. κοινὸν δὲ κατὰ τούτων νῦν μὲν λέγομεν τὸ διαφανές, ἔστι δ' ὀσφραντὸν οὐχ ᾗ διαφανές, ἀλλ' ᾗ πλυντικὸν ἢ ὑπτικὸν ἐγχύμου ξηρότητος· οὐ γὰρ μόνον ἐν ἀέρι ἀλλὰ καὶ ἐν ὕδατι τὸ τῆς ὀσφρήσεώς ἐστιν. δῆλον δ' ἐπὶ τῶν ἰχθύων καὶ τῶν ὀστρακοδέρμων· φαίνονται γὰρ ὀσφραινόμενα οὔτε ἀέρος ὄντος ἐν τῷ ὕδατι (ἐπιπολάζει γὰρ ὁ ἀήρ, ὅταν ἐγγένηται) οὔτ' αὐτὰ ἀναπνέοντα. εἰ οὖν τις θείη καὶ τὸν ἀέρα καὶ τὸ ὕδωρ ἄμφω ὑγρά, εἴη ἂν ἡ ἐν ὑγρῷ τοῦ ἐγχύμου ξηροῦ φύσις ὀσμή, καὶ ὀσφραντὸν τὸ τοιοῦτον.* Слово *ξηρόν* во фразѣ *τοῦτο ποιεῖ ἐν ἄλλῳ γένει τὸ ἔγχυμον ξηρόν* Bekker читаетъ не какъ *ξηρόν*, а какъ *ὑγρόν*, онъ читаетъ *τὸ ἔγχυμον ὑγρόν*,—я же, съ своей стороны, между прочимъ на основаніи указаній Neuhaeuser'a, читаю это слово именно какъ *ξηρόν* (см. Neuhaeuser. Aristoteles' Lehre von dem sinnlich. Erkenntnissverm. und sein. Organ. стр. 25). Neuhaeuser co-

ныхъ примѣрахъ указываетъ, что дѣйствительно, по его мнѣнію, какому-либо тѣлу, для того, чтобы оно могло сдѣлаться обоняемымъ, произвести обонятельное ощущеніе, непремѣнно нужно быть и вкусовымъ, — такимъ, которое произвело или могло бы производить и вкусъ. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, Аристотель нѣсколько уклоняется въ сторону, онъ приводитъ нѣсколько иное объясненіе запаха, предложенное нѣкоторыми болѣе ранними, чѣмъ онъ, изслѣдователями, и вообще существовавшее ранѣе,—объясненіе, по которому запахъ есть ничто иное, какъ ἡ καπνώδης ἀναθυμίασις—дымообразное, похожее на дымъ испареніе. Съ этимъ объясненіемъ онъ не согласенъ, онъ отвергаетъ его,—и послѣ этого отверженія [1]) онъ дѣлаетъ слѣдующее общее заключеніе ко всему настоящему отдѣлу.

вершенно вѣрно замѣчаетъ, что на основаніи всего послѣдующаго здѣсь гораздо естественнѣе читать именно τὸ ἔγχυμον ξηρόν. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ послѣдующемъ и во всемъ настоящемъ отрывкѣ говорится именно о вкусовой сухости, и говорится, что эта вкусовая сухость и есть обоняемое, —какимъ же образомъ въ самомъ началѣ отрывка Аристотель могъ сказать, что обоняніе производитъ не «вкусовое сухое», а «вкусовое влажное?» Итакъ, какъ мнѣ кажется, весь настоящій отрывокъ, да даже и весь настоящій отдѣлъ 5-ой главы нашего настоящаго трактата непремѣнно требуетъ предложенной выше поправки, — непремѣнно требуетъ—не чтенія ὑγρόν, а чтенія ξηρόν.

[1]) По поводу этого отверженія замѣтимъ кстати, что въ одной изъ предыдущихъ главъ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», именно, въ концѣ уже знакомой намъ 2-ой главы (выдержки изъ всего этого мѣста мы приводили при нашемъ изложеніи теоріи зрительныхъ ощущеній по Аристотелю), Аристотель говоритъ нѣсколько иное: онъ говоритъ, что «запахъ именно есть нѣкотораго рода дымообразное испареніе—ἡ δ' ὀσμὴ καπνώδης τίς ἐστιν ἀναθυμίασις» (De sens. et sens. 2. 438 b. 24), и онъ приводитъ это положеніе не съ тѣмъ, чтобы его опровергнуть, а какъ разъ какъ собственное мнѣніе. Это обстоятельство между прочимъ подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ (напр. Baeumker'у, въ его Des Arist. Lehre von den äuss. und inn. Sinnsverm. стр. 31) упрекнуть Аристотеля какъ-бы въ противорѣчіи. Однако, какъ разъясняютъ Neuhaeuser (Aristoteles' Lehre von dem sinnlich. Erkenntnissverm. und sein. Org. стр. 26) и особенно Ziaja (въ указанномъ выше переводѣ стр. 10—11 и примѣчаніи къ §-у 10-му), никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ. Отождествлять вообще обоняемое, запахъ только съ дымообразнымъ испареніемъ, выходитъ у Ziaja, было бы, съ точки зрѣнія Аристотеля, невѣрно, но допускать нѣ-

«Итакъ, не можетъ быть неясно, совершенно ясно», говоритъ въ этомъ заключеніи Аристотель, «что влажное, находящееся въ воздухѣ и въ водѣ,—ибо вѣдь и воздухъ по самой природѣ своей влаженъ—, можетъ принимать и вообще испытывать нѣчто отъ вкусовой сухости. И ясно же что эта какъ-бы вымываемая, уносимая сухость дѣйствуетъ совершенно одинаковымъ образомъ какъ во влажныхъ тѣлахъ» (очевидно главнымъ образомъ въ водѣ) «такъ и въ воздухѣ». И далѣе: «еще же слѣдуетъ допустить и нѣкоторое соотвѣтствіе у запаховъ со вкусами. Это соотвѣтствіе дѣйствительно замѣчается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: ибо дѣйствительно существуютъ запахи и острые и сладкіе, и ѣдкіе и кислые, и жирные» (все—эпитеты, заимствованные, очевидно, отъ вкусовыхъ ощущеній); «и можно даже сказать, что у горькихъ вкусовъ есть нѣкоторое соотвѣтствіе съ гнилыми, дурными запахами,—поэтому-то какъ тѣ, горькіе вкусы» (вещества, обладающія горькимъ вкусомъ) «неудобны для проглатыванія, такъ эти» (гнилые, дурные запахи) «неудобны для вдыханія, для обоянія. Такимъ-то образомъ и ясно, что чѣмъ именно вкусъ является въ водѣ, тѣмъ именно запахъ является въ воздухѣ и въ водѣ. И поэтому холодное и замораживаніе какъ съ одной стороны портитъ, притупляетъ вкусъ» (заставляетъ вещество, обладающее извѣстнымъ вкусомъ, терять этотъ свой вкусъ) «такъ съ другой стороны уничтожаетъ и запахи,—именно холодъ и морозъ

которое сравненіе запаха съ такимъ испареніемъ, съ точки зрѣнія того-же Аристотеля, вполнѣ возможно, — а только такое сравненіе и заключается въ концѣ указанной 2-ой главы. Въ самомъ дѣлѣ, прибавимъ мы еще отъ себя, уже во всемъ непосредственно предыдущемъ мы видѣли, что обоняемое, запахъ, по Аристотелю, есть ничто иное, какъ вкусовая сухость, и что въ самомъ процессѣ обоянія эти сухія части какъ-бы вымываются, уносятся влажною средою, воздухомъ или водою,—и изъ непосредственно дальнѣйшаго, изъ конца настоящаго отдѣла, мы еще увидимъ, что эти сухія, вымываемыя или уносимыя, части непремѣнно должны быть еще теплыми. Все это—черты, очевидно, сближающія обоняемое, запахъ съ дымообразнымъ испареніемъ,—и такимъ-то образомъ и можно допустить, что во 2-ой главѣ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» Аристотель могъ употребить настоящее сравненіе. Но только слѣдуетъ помнить, что это—не болѣе, какъ сравненіе; отождествлять же вообще запахъ съ «дымообразнымъ испареніемъ», объяснять запахъ только какъ дымообразное испареніе Аристотель конечно не былъ согласенъ.

уничтожаютъ то теплое, что движитъ и вообще дѣйствуетъ въ обоихъ этихъ случаяхъ» [1]).

Таковы эти первыя разсужденія Аристотели, относящіяся къ обонятельнымъ ощущеніямъ, и хотя и эти первыя разсужденія, какъ и все вообще, касающееся обонятельныхъ ощущеній,—о чемъ мы и говорили выше—, также не отличаются полною опредѣленностью, тѣмъ не менѣе и на основаніи ихъ всетаки можно прійти къ нѣкоторымъ результатамъ относительно Аристотелевской теоріи образованія обонятельныхъ ощущеній. Именно, изъ этихъ разсужденій Аристотеля мы узнаемъ прежде всего, что главнымъ дѣйствующимъ элементомъ при обоняніи вообще будетъ по мнѣнію Аристотеля обоняемое, совершенно такъ же, какъ главнымъ дѣйствующимъ элементомъ при зрѣніи было видимое, а главнымъ дѣйствующимъ элементомъ при слухѣ былъ звукъ. Это обоняемое, чтобы сдѣлаться дѣйствительно обоняемымъ, чтобы дѣйствительно произвести въ субъектѣ, въ чувствующемъ существѣ, ощущеніе обонянія, должно быть сухимъ по ученію Аристотеля, и притомъ не просто сухимъ, а вкусовымъ сухимъ какъ говоритъ Аристотель, сухимъ, которое еще производило и вообще можетъ производить и ощущеніе вкуса. На послѣднемъ обстоятельствѣ Аристотель весьма сильно настаиваетъ: чувство обонянія онъ считаетъ совершенно аналогичнымъ съ чувствомъ вкуса, процессъ, которымъ образуются съ одной стороны вкусы и съ другой запахи, по его мнѣнію, совершенно тождественъ,—такъ что выходитъ, что просто сухое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстной средѣ, произведетъ вкусъ, и это-же сухое, пріобрѣтшее теперь вкусъ,

---

[1]) Ibidem, 443 b. 3—16. *Ὅτι μὲν οὖν ἐνδέχεται ἀπολαύειν τὸ ὑγρὸν καὶ τὸ ἐν τῷ πνεύματι καὶ τὸ ἐν τῷ ὕδατι καὶ πάσχειν τι ὑπὸ τῆς ἐγχύμου ξηρότητος, οὐκ ἄδηλον· καὶ γὰρ ὁ ἀὴρ ὑγρὸν τὴν φύσιν ἐστίν. ὅτι δ' ὁμοίως ἐν τοῖς ὑγροῖς ποιεῖ καὶ ἐν τῷ ἀέρι οἷον ἀποπλυνόμενον τὸ ξηρόν, φανερόν. ἔτι δεῖ ἀνάλογον εἶναι τὰς ὀσμὰς τοῖς χυμοῖς. ἀλλὰ μὴν τοῦτο γε ἔπ' ἐνίων συμβέβηκεν· καὶ γὰρ δριμεῖαι καὶ γλυκεῖαί εἰσιν ὀσμαὶ καὶ αὐστηραὶ καὶ στρυφναὶ καὶ λιπαραί, καὶ τοῖς πικροῖς τὰς σαπρὰς ἄν τις ἀνάλογον εἴποι. διὸ ὥσπερ ἐκεῖνα δυσκατάποτα, τὰ σαπρὰ δυσανάπνευστά ἐστιν. δῆλον ἄρα ὅτι ὅπερ ἐν τῷ ὕδατι ὁ χυμός, τοῦτ' ἐν τῷ ἀέρι καὶ ὕδατι ἡ ὀσμή. καὶ διὰ τοῦτο τὸ ψυχρὸν καὶ ἡ πῆξις καὶ τοὺς χυμοὺς ἀμβλύνει καὶ τὰς ὀσμὰς ἀφανίζει· τὸ γὰρ θερμὸν τὸ κινοῦν καὶ δημιουργοῦν ἀφανίζουσιν ἡ ψύξις καὶ ἡ πῆξις.*

ставшее вкусовымъ, если оно будетъ дѣйствовать совершенно такимъ-же, какимъ оно дѣйствовало ранѣе, образомъ, въ дальнѣйшемъ произведетъ запахъ. Кромѣ того, изъ тѣхъ-же первыхъ разсужденій Аристотеля, именно изъ конца ихъ, мы узнаемъ также и третье условіе обоняемаго какъ обоняемаго: мы узнаемъ также, что обоняемое, для того, чтобы быть дѣйствительно обоняемымъ, кромѣ того, что должно было быть сухимъ и вкусовымъ, еще непремѣнно должно быть и теплымъ. Итакъ, вотъ три условія обоняемаго, главнаго дѣйствующаго элемента при обонятельныхъ ощущеніяхъ, того элемента, благодаря которому въ концѣ концовъ въ душѣ чувствующаго существа и обнаруживается форма обоняемаго, самое обоняніе,—и эти три условія, самое это опредѣленіе обоняемаго мы получаемъ какъ разъ изъ этихъ нашихъ первыхъ разсужденій. Затѣмъ далѣе, изъ изложенія Аристотелевской теоріи образованія предыдущихъ ощущеній, именно изъ изложенія Аристотелевской теоріи образованія ощущеній зрительныхъ и ощущеній слуховыхъ, мы уже какъ-бы привыкли ожидать, что когда у Аристотеля дѣло идетъ вообще объ ощущеніяхъ, то онъ непремѣнно толкуетъ о средѣ, той средѣ, на которую непосредственно и дѣйствуетъ главный элементъ, самый объектъ ощущенія, въ которой этотъ объектъ и производитъ первыя движенія, видоизмѣненія. Такой среды мы совершенно естественно ожидаемъ и при обонятельныхъ ощущеніяхъ,—и дѣйствительно мы встрѣчаемъ указанія на такую среду, и встрѣчаемъ въ этихъ-же самыхъ первыхъ разсужденіяхъ. Средою при обонятельныхъ ощущеніяхъ, какъ это видно изъ тѣхъ-же первыхъ разсужденій, будетъ вода или воздухъ—вообще нѣчто влажное; ибо и воздухъ, прибавляетъ Аристотель, также есть нѣчто влажное. Представляется не совсѣмъ понятнымъ, зачѣмъ понадобилась Аристотелю въ настоящемъ случаѣ влажность, однако Аристотель тотчасъ-же разъясняетъ это недоумѣніе. Сущность самаго процесса при обоняніи, при обонятельныхъ ощущеніяхъ, говоритъ Аристотель, состоитъ въ томъ, что это сухое вкусовое, и въ то-же время теплое, какъ-бы вымывается, уносится,—а вымывать или уносить конечно лучше всего можетъ влажное. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, и какóго рода движенія, видоизмѣненія производитъ въ средѣ обоняемое, объектъ обоняніи: эти движенія, видоизмѣненія бу-

дутъ такого рода, что лучше всего могутъ быть сравнены съ вымываніемъ и уносомъ. Съ конкретной точки зрѣнія, при требованіи полной опредѣленности, такого опредѣленія будетъ конечно далеко не достаточно,—однако слѣдуетъ признать, что Аристотель, говоря о вымываніи, уносѣ воздухомъ обоняемаго, допускаетъ въ воздухѣ нѣкоторое матеріальное видоизмѣненіе и, посредствомъ сравненія этого видоизмѣненія съ указанными явленіями, всетаки старается до нѣкоторой степени уяснить это видоизмѣненіе. Такимъ образомъ, если мы сопоставимъ все то, что мы получаемъ изъ этихъ первыхъ разсужденій Аристотеля объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, то хотя, конечно, мы и должны будемъ согласиться, что полной опредѣленности и полной точности тутъ нѣтъ, однако всеже мы дѣйствительно должны будемъ въ тоже время допустить, что собственно для Аристотелевской теоріи обонятельныхъ ощущеній и эти разсужденія даютъ много. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ тутъ по отношенію къ обонятельнымъ ощущеніямъ собственныя разъясненія Аристотеля по двумъ существеннымъ въ его ученіи вообще объ ощущеніяхъ пунктамъ: разъясненія по вопросу о природѣ обоняемаго, собственнаго объекта, главнаго дѣйствующаго элемента при обонятельныхъ ощущеніяхъ, и затѣмъ разъясненія по вопросу о средѣ, на которую непосредственно дѣйствуетъ этотъ объектъ, когда производитъ обонятельное ощущеніе. Правда, эти разъясненія Аристотеля —мы можемъ повторить это еще разъ — всетаки страдаютъ отсутствіемъ полной ясности и полной опредѣленности, они всетаки оставляютъ желать послѣ себя многаго: — это такъ, но это не недостатокъ настоящихъ разсужденій. И въ другихъ мѣстахъ, и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля, гдѣ только онъ говоритъ объ обонятельныхъ ощущеніяхъ по этимъ двумъ пунктамъ,—нигдѣ мы не встрѣтимъ бо́льшей ясности и бо́льшей опредѣленности.

Теперь, чтобы наше изложеніе Аристотелевскаго ученія объ обонятельныхъ ощущеніяхъ вполнѣ подвести подъ ту схему, по которой мы излагали его ученіе о предыдущихъ ощущеніяхъ, объ ощущеніяхъ зрительныхъ и ощущеніяхъ слуховыхъ, намъ слѣдуетъ обратить наше вниманіе еще на третій пунктъ, намъ слѣдуетъ еще постараться установить, какимъ образомъ, по Аристотелю, эта влажная среда—воздухъ

и вода, получающая движенія, видоизмѣненія отъ собственно обоняемаго, какимъ образомъ она передаетъ движенія, видоизмѣненія далѣе, самому обонятельному органу. Къ сожалѣнію, по этой сторонѣ дѣла у самого Аристотеля мы можемъ узнать еще менѣе, чѣмъ по тѣмъ двумъ первымъ пунктамъ. По тѣмъ двумъ первымъ пунктамъ Аристотель, хотя и говорилъ не вполнѣ опредѣленно, но онъ всетаки говорилъ кое-что, — по этому третьему пункту онъ ничего не говоритъ, даже самаго вопроса о передачѣ движеній влажною средою обонятельному органу Аристотель себѣ не ставитъ. Въ виду такого обхода Аристотелемъ даже самаго вопроса, исчерпывающаго этотъ третій пунктъ, намъ, чтобы всетаки до нѣкоторой степени уяснить этотъ пунктъ, придется прибѣгнуть къ нѣкоторымъ косвеннымъ мѣрамъ. Получить прямо и непосредственно отъ самого Аристотеля отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ совершается передача движеній средою органу при обонятельныхъ ощущеніяхъ — невозможно, но, быть можетъ, возможно найти такія мѣста, которыя, хотя съ формальной стороны повидимому и не имѣютъ отношенія къ нашему пункту, но по существу могутъ уяснить его. Такія, такъ сказать, непрямыя указанія по настоящему третьему пункту можно найти у Аристотеля,—и ими мы и займемся еще.

Что касается до того, какимъ образомъ вода, какъ среда при обонятельныхъ ощущеніяхъ, передаетъ движенія, видоизмѣненія обонятельному органу, – отъ разъясненія самимъ Аристотелемъ этого вопроса мы окончательно должны будемъ отказаться. Хотя Аристотель нѣсколько разъ, и въ 9-ой главѣ II ой книги De anima, и въ 5 ой главѣ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», повторяетъ, что и вода непремѣнно должна считаться средою при обоняніи, что и животныя, живущія въ водѣ, также обоняютъ, — тѣмъ не менѣе отъ сколько нибудь обстоятельнаго указанія, какъ именно обоняютъ такія водяныя животныя, онъ совершенно отказывается. Несомнѣнно, какъ-бы говоритъ Аристотель, что обоняніе у водяныхъ животныхъ существуетъ; но въ чемъ тутъ дѣло, въ силу какихъ ближайшихъ причинъ происходитъ обоняніе у такихъ животныхъ,—это, по словамъ самого-же Аристотеля, совершенно неизвѣстно. Въ виду такого заявленія самого Аристотеля, и мы конечно, при разъясне-

ніи настоящаго третьяго пункта въ теоріи образованія обонятельныхъ ощущеній по Аристотелю, этотъ вопросъ о передачѣ движеній обонятельному органу собственно водою, какъ средою, должны будемъ совсѣмъ оставить. Но вѣдь средою при обонятельныхъ ощущеніяхъ можетъ быть еще и воздухъ, —и вотъ относительно воздуха, какъ среды при этихъ ощущеніяхъ, мнѣ и кажется, что у Аристотеля можно будетъ найти такое мѣсто, которое, хотя прямо и не содержитъ въ себѣ указанія на передачу движеній при обоняніи самимъ воздухомъ обонятельному органу, но изъ котораго, тѣмъ не менѣе, можно извлечь такое указаніе. Именно, это мѣсто находится въ дальнѣйшемъ изложеніи той-же самой 5-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», во второй половинѣ ея. Въ этой второй половинѣ Аристотель предлагаетъ нѣкоторую классификацію запаховъ. Запахи, говоритъ Аристотель, прежде всего можно дѣлить на пріятные и непріятные, и, принимая въ расчетъ родство запаховъ со вкусами, пріятные запахи, очевидно будутъ тѣ, которые соединены съ пріятными вкусами, которые какъ-бы даютъ знать животнымъ о хорошей, пріятной пищѣ, непріятные же, наоборотъ, предостерегаютъ животныхъ отъ принятія дурной, нездоровой пищи. Но существуютъ, продолжаетъ Аристотель, еще и пріятные запахи другого рода, запахи, не имѣющіе никакого отношенія къ пищѣ, напр. запахи, издаваемые цвѣтами, а также и вообще душистыми веществами. Положимъ, что такіе запахи ощущаются только весьма немногими живыми существами, они ощущаются главнымъ образомъ только человѣкомъ по Аристотелю,—но тѣмъ не менѣе они существуютъ, учитъ Аристотель, и Аристотель обращаетъ на нихъ весьма большое вниманіе. Между прочимъ, разсуждая объ этихъ запахахъ, Аристотель ставитъ такой вопросъ,—какой raison d'être этихъ запаховъ, ради чего собственно они существуютъ? Оказывается, что въ концѣ концовъ такіе запахи существуютъ ради здоровья того существа, которое пользуется ими, которое обоняетъ ихъ, стало быть, главнымъ образомъ ради здоровья человѣка,—и вотъ, при болѣе подробномъ развитіи этой мысли, Аристотель и дѣлаетъ указанія, которыя, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, могутъ дать кое-что интересное для насъ въ настоящее время. Но обратимся къ самому Аристотелю, приведемъ подлинныя слова самого Аристотеля.

Высказавъ, что эти запахи, пріятные сами по себѣ, безъ отношенія къ пищѣ, составляютъ достояніе главнымъ образомъ только человѣка, Аристотель продолжаетъ: «Причина того, что такой» (пріятный самъ по себѣ) «запахъ принадлежитъ только человѣку, обусловливается холодностью, господствующею около головного мозга человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ головной мозгъ по самой природѣ своей есть нѣчто холодное, и такъ какъ кровь, находящаяся въ жилахъ, каналахъ, окружающихъ его, хотя и жидка и чиста, но въ тоже время и весьма способна къ охлажденію,—ибо именно поэтому испареніе отъ пищи, охлаждаясь благодаря всѣмъ этимъ частямъ» (благодаря самому этому мѣсту около головного мозга) «иногда производитъ нѣкоторыя болѣзненныя теченія—, то такой видъ запаха» (пріятный самъ по себѣ запахъ) «существуетъ у людей какъ разъ ради помощи ихъ здоровью: никакой другой цѣли не можетъ быть у такого пріятнаго самого по себѣ запаха, кромѣ этой». И затѣмъ далѣе: «И по этой-то причинѣ» (т. е. по той причинѣ, что запахъ такимъ образомъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ головному мозгу) «запахъ и ощущается при посредствѣ вдыханія, — правда, не у всѣхъ живыхъ существъ, но у людей и у животныхъ, обладающихъ кровью, какъ напр. у четвероногихъ, и у тѣхъ, которыя вообще» (по устройству своего организма) «имѣютъ сравнительно большое отношеніе къ природѣ воздуха: ибо въ силу того обстоятельства, что запахи поднимаются такимъ образомъ» (посредствомъ вдыханія) «до головнаго мозга благодаря легкости теплоты, заключающейся въ нихъ, части, находящіяся около этого мѣста» (около головнаго мозга) «и становятся здоровѣе; а сила» (собственно существенное свойство запаха), прибавляетъ тутъ еще Аристотель, «по самой природѣ своей есть нѣчто теплое, теплота. Природа же», продолжаетъ Аристотель, «пользуется вдыханіемъ для двухъ цѣлей: главнымъ и существеннымъ образомъ она пользуется вдыханіемъ для помощи груди» (т. е. собственно для вдыханія), «дополнительнымъ же образомъ она пользуется имъ для обонянія; ибо именно при вдыханіи природа какъ-бы мимоходомъ производитъ извѣстное движеніе посредствомъ ноздрей. Спеціальнымъ же достояніемъ природы человѣка является родъ такого именно» (пріятнаго самого по себѣ) «запаха», возвращается Аристотель опять къ самому

началу и такимъ образомъ какъ-бы заканчиваетъ настоящія свои разсужденія, «потому, что изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ имѣетъ самый бо́льшій, въ томъ, что касается объема, и самый влажный головной мозгъ. Поэтому именно человѣкъ и есть, такъ сказать, какъ-бы единственное изъ живыхъ существъ, которое наслаждается и запахами отъ цвѣтовъ и запахами отъ подобныхъ же» (по всей вѣроятности вообще душистыхъ) «веществъ: теплота и движеніе, производимыя этими запахами, находятся у человѣка въ правильномъ соотношеніи съ излишкомъ влажности и холода, находящимся въ этомъ мѣстѣ» (въ головномъ мозгу) [1]).

Вотъ это мѣсто изъ дальнѣйшей, 2-ой половины 5-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Безъ сомнѣнія, нельзя не согласиться, что прямой и буквальный смыслъ этого мѣста заключается только въ разъясненіи Аристотелемъ того, ради како́й цѣли существуютъ запахи, пріятные сами по себѣ, каку́ю роль въ экономіи человѣческаго организма играютъ эти запахи, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, точно также, какъ мнѣ кажется, нельзя не допустить, что и по нашему настоящему, третьему пункту тутъ можно найти кое какія указанія. Въ самомъ дѣлѣ, на

---

[1]) Ibidem, 444 a. 8—b. 2. *Αἴτιον δὲ τοῦ ἴδιον εἶναι ἀνθρώπου τὴν τοιαύτην ὀσμὴν διὰ τὴν ψύξιν τὴν περὶ τὸν ἐγκέφαλον. ψυχροῦ γὰρ ὄντος τὴν φύσιν τοῦ ἐγκεφάλου, καὶ τοῦ αἵματος τοῦ περὶ αὐτὸν ἐν τοῖς φλεβίοις ὄντος λεπτοῦ μὲν καὶ καθαροῦ, εὐψύκτου δέ (διὸ καὶ ἡ τῆς τροφῆς ἀναθυμίασις ψυχομένη διὰ τὸν τόπον τὰ νοσηματικὰ ῥεύματα ποιεῖ), τοῖς ἀνθρώποις πρὸς βοήθειαν ὑγιείας γέγονε τὸ τοιοῦτον εἶδος τῆς ὀσμῆς· οὐδὲν γὰρ ἄλλο ἔργον ἐστὶν αὐτῆς ἢ τοῦτο. .... καὶ διὰ τοῦτο γίνεται διὰ τῆς ἀναπνοῆς, οὐ πᾶσιν ἀλλα τοῖς ἀνθρώποις καὶ τῶν ἐναίμων οἷον τοῖς τετράποσι καὶ ὅσα μετέχει μᾶλλον τῆς τοῦ ἀέρος φύσεως· ἀναφερομένων γὰρ τῶν ὀσμῶν πρὸς τὸν ἐγκέφαλον διὰ τὴν ἐν αὐταῖς τῆς θερμότητος κουφότητα, ὑγιεινοτέρως ἔχει τὰ περὶ τὸν τόπον τοῦτον· ἡ γὰρ τῆς ὀσμῆς δύναμις θερμὴ τὴν φύσιν ἐστίν. κατακέχρηται δ' ἡ φύσις τῇ ἀναπνοῇ ἐπὶ δύο, ὡς ἔργῳ μὲν ἐπὶ τὴν εἰς τὸν θώρακα βοήθειαν, ὡς παρέργῳ δ'ἐπὶ τὴν ὀσμήν· ἀναπνέοντος γὰρ ὥσπερ ἐκ παρόδου ποιεῖται διὰ τῶν μυκτήρων τὴν κίνησιν. ἴδιον δὲ τῆς τοῦ ἀνθρώπου φύσεώς ἐστι τὸ τῆς ὀσμῆς τῆς τοιαύτης γένος διὰ τὸ πλεῖστον ἐγκέφαλον καὶ ὑγρότατον ἔχειν τῶν ζῴων ὡς κατὰ μέγεθος· διὰ γὰρ τοῦτο καὶ μόνον ὡς εἰπεῖν αἰσθάνεται τῶν ζῴων ἄνθρωπος καὶ χαίρει ταῖς τῶν ἀνθῶν καὶ ταῖς τῶν τοιούτων ὀσμαῖς· σύμμετρος γὰρ αὐτῶν ἡ θερμότης καὶ ἡ κίνησις πρὸς τὴν ὑπερβολὴν τῆς ἐν τῷ τόπῳ ὑγρότητος καὶ ψυχρότητός ἐστιν.*

чемъ остановились мы при разсмотрѣніи предыдущихъ разсужденій Аристотеля? Мы остановились на томъ, что обоняемое, собственно вкусовое и въ тоже время теплое сухое, при самомъ процессѣ обоняніа, какъ-бы вымывается, уносится влажною средою—водою или воздухомъ, и эти вода или воздухъ, получивъ такимъ образомъ вкусовыя сухія и теплыя части, теперь сами становятся обоняемыми, пахучими.. Относительно воды, какъ среды при обоняніи, мы уже замѣтили, что рѣшить, что̀ дѣлаетъ эта вода въ дальнѣйшемъ по Аристотелю, мы не можемъ, относительно же воздуха, какъ разъ изъ настоящаго мѣста, хотя и не прямо, но всеже можно видѣть, что этотъ, ставшій пахучимъ, обоняемымъ, воздухъ въ дальнѣйшемъ вдыхается, принимается самимъ чувствующимъ, обоняющимъ существомъ. Аристотель даже прямо указываетъ въ настоящемъ мѣстѣ, что вдыханіе существуетъ между прочимъ именно ради помощи обоянію, ибо какъ разъ при вдыханіи, говоритъ Аристотель, хотя мимоходомъ, но происходитъ нѣкоторое движеніе въ ноздряхъ чувствующаго существа, т. е. какъ разъ при вдыханіи происходитъ то, что обыкновенно связывается съ обоняніемъ, такъ какъ и по обыкновенному, такъ сказать, общепринятому мнѣнію обоняютъ конечно главнымъ образомъ посредствомъ ноздрей. По поводу этого участія ноздрей, вообще обонятельнаго органа чувствующаго существа, при обоняніи, въ дополненіе къ настоящему мѣсту, можно привести еще одну фразу изъ той-же 5-ой главы тогоже настоящаго трактата. Эта фраэа находится еще дальше, уже къ самому концу этой 5-ой главы, и, хотя она не даетъ ничего особенно новаго, но она болѣе подробно разъясняетъ это участіе, она болѣе подробно указываетъ, что дѣйствительно при обоняніи по Аристотелю весьма существенную роль должно играть вдыханіе. «У животныхъ вдыхающихъ», говоритъ въ этой фразѣ Аристотель, «дыханіе поднимаетъ, отстраняетъ оболочку, лежащую сверху обонятельнаго органа, въ видѣ нѣкоторой покрышки,—и вотъ почему», прибавляетъ Аристотель, «животныя, не вдыхающія, строго говоря, и не обоняютъ» [1]). Эта фраза, такое указаніе Аристотеля дѣйстви-

[1]) Ibidem, 444 b. 21—23. *ἀλλὰ τοῖς μὲν ἀναπνέουσι τὸ πνεῦμα ἀφαιρεῖ τὸ ἐπικείμενον ὥσπερ πῶμά τι (διὸ οὐκ αἰσθάνεται μὴ ἀναπνέοντα)* Съ этою фразою можно сравнить еще фразу изъ 9-ой главы II-ой книги De anima—De an. II, 9. 421 b. 32—422 a. 3.

тельно, на самомъ дѣлѣ показываетъ, что безъ вдыханія обоняніе обойтись не можетъ, что даже самый обонятельный органъ у большинства обоняющихъ животныхъ и у человѣка ближайшимъ образомъ устроенъ собственно имѣя въ виду вдыханіе. Итакъ, во всякомъ случаѣ этотъ, ставшій пахучимъ, обоняемымъ, воздухъ въ дальнѣйшемъ вдыхается, принимается самимъ обоняющимъ существомъ. Затѣмъ далѣе, изъ настоящаго же мѣста видно, что, попавши въ чувствующее, обоняющее существо, этотъ пахучій, обоняемый воздухъ доходитъ до головного мозга и до области, окружающей головной мозгъ, и тамъ охлаждаетъ этотъ мозгъ и эту область. Въ настоящемъ мѣстѣ изъ этого вхожденія и изъ этого охолаживанія такого пахучаго, обоняемаго воздуха Аристотель выводитъ пользу обонянія какъ обонянія для обоняющаго существа, для здоровья такого существа, — это конечно такъ, но это для насъ въ настоящемъ случаѣ не особенно важно. Для насъ въ настоящемъ случаѣ интересно то обстоятельство, что, указывая это вхожденіе и это охолаживаніе пахучаго воздуха, Аристотель тѣмъ самымъ указываетъ также, какимъ образомъ совершается передача движеній средою при обоняніи обонятельному органу. Хотя и не прямо, но изъ настоящаго мѣста всетаки можно сдѣлать заключеніе, что въ обонятельный органъ, въ самое обоняющее существо попадаетъ тотъ же самый пахучій, обоняемый воздухъ, тѣже теплыя и сухія, уносимыя или вымываемыя воздухомъ, вкусовыя части, и дѣйствуютъ эти части, этотъ воздухъ тамъ, въ этомъ обоняющемъ существѣ, совершенно такъ же, какъ они дѣйствовали бы и вовнѣ обоняющаго существа. Такимъ образомъ, въ заключеніе къ этому изложенію теоріи образованія обонятельныхъ ощущеній по Аристотелю, нельзя не замѣтить, что и здѣсь, въ своемъ ученіи объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, Аристотель опять таки проводитъ ту-же самую тенденцію, которую онъ проводилъ и въ своихъ теоріяхъ образованія ощущеній зрительныхъ и ощущеній слуховыхъ. При изложеніи ученій Аристотеля объ образованіи ощущеній зрительныхъ и ощущеній слуховыхъ мы уже въ достаточной степени могли убѣдиться, что Аристотель не дѣлаетъ особенной разницы между субъектомъ—хотя субъектомъ съ его, такъ сказать, матеріальной, тѣлесной стороны—и средою этихъ ощущеній,—

тоже самое замѣчается и здѣсь. И здѣсь, и при обонятельныхъ ощущеніяхъ, Аристотель смотритъ на субъектъ, на тѣло чувственно познающаго, обоняющаго существа, на обонятельный органъ его, такъ, какъ будто бы этотъ обонятельный органъ былъ продолженіемъ той-же самой обонятельной среды; движенія, происходящія въ обонятельной средѣ, въ воздухѣ, стало быть, собственно въ объектѣ, и здѣсь, въ существѣ дѣла, совершенно тождественны, совершенно одинаковы съ движеніями, происходящими въ самомъ обонятельномъ органѣ. Самый обонятельный органъ и здѣсь, и при обонятельныхъ ощущеніяхъ, устроенъ такъ, что устройство его можно понять только, такъ сказать, съ объективной, и никакъ уже не съ субъективной стороны.

Затѣмъ намъ слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію съ нашей точки зрѣнія еще ученія Аристотеля о четвертомъ родѣ ощущеній, ощущеній вкусовыхъ, ощущеній, образованіе которыхъ, какъ мы видѣли, совершенно аналогично по Аристотелю съ образованіемъ предыдущихъ, обонятельныхъ ощущеній. Аристотель трактуетъ объ этихъ вкусовыхъ ощущеніяхъ въ своемъ главномъ психологическомъ сочиненіи въ непосредственно слѣдующей за 9-ою, 10-ой главѣ,—въ трактатѣ же «о чувствующей способности и чувственныхъ придметахъ» онъ посвящаетъ вкусовымъ ощущеніямъ главу, непосредственно предшествующую главѣ объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, главу 4-ую. Собственно съ внѣшней стороны, напр. по своему объему, и здѣсь глава изъ трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ» является полнѣе главы изъ главнаго психологическаго сочиненія, изъ De anima, но нельзя сказать этого по существу: по существу и то и другое сочиненіе даютъ весьма важныя указанія, и притомъ, что есть въ одномъ, того совершенно нѣтъ въ другомъ, такъ что эти два сочиненія въ полномъ смыслѣ слова являются дополненіями другъ друга. Въ виду этого обстоятельства, въ виду такой дѣйствительной необходимости и того и другого сочиненія для обстоятельнаго уясненія ученія Аристотеля объ этихъ вкусовыхъ ощущеніяхъ, и мы, въ нашемъ изложеніи, будемъ пользоваться обоими этими сочиненіями совершенно одинаково, мы будемъ вести наше изложеніе, придерживаясь не одного какого-либо изъ этихъ сочиненій, а придерживаясь обоихъ ихъ,

такъ сказать, въ равной степени, заимствуя нужныя намъ мѣста какъ изъ того, такъ и изъ другого сочиненія совершенно безразлично.

Первый вопросъ, на который приходится отвѣчать вообще при изложеніи ученій Аристотеля объ ощущеніяхъ,—а, стало быть, на который придется отвѣтить и въ настоящемъ случаѣ, въ изложеніи ученія Аристотеля собственно о вкусовыхъ ощущеніяхъ—, будетъ вопросъ объ объектѣ вкуса, о главномъ элементѣ, дѣйствующемъ при образованіи вкусовыхъ ощущеній, о самомъ предметѣ, вызывающемъ въ чувствующемъ существѣ вкусъ, вкусы. Первыя указанія по поводу этого вопроса Аристотель даетъ въ самомъ началѣ указанной выше 10-ой главы II-ой книги De anima. «Объектъ, предметъ вкуса», говоритъ вначалѣ этой главы Аристотель, «есть нѣчто осязаемое, и въ этомъ и заключается причина, почему предметъ вкуса» (вкусъ вообще) «не можетъ ощущаться при посредствѣ среды, состоящей изъ какого-либо посторонняго тѣла; совершенно такъ же, какъ такое ощущеніе не можетъ имѣть мѣста и при осязаніи. И тѣло, и предметъ, въ которомъ находится вкусъ», продолжаетъ Аристотель, «стало быть, самый вкусовой объектъ заключается во влажномъ, какъ въ своей матеріи,—а это» (влажное) «и есть нѣчто осязаемое. По этому-то», разъясняетъ настоящую мысль Аристотель еще болѣе, «если бы мы находились въ водѣ, то мы почувствовали бы, ощутили, когда кто-либо бросилъ бы въ эту воду что-нибудь сладкое, но такое чувствованіе, такое ощущеніе у насъ произошло бы не вслѣдствіе среды» (не вслѣдствіе передачи водою, какъ средою, сладкаго) «а вслѣдствіе смѣшенія этого сладкаго съ влажнымъ» (съ водою), «совершенно такъ, какъ это бываетъ при питьѣ». Т. е. Аристотель хочетъ очень твердо установить, что хотя вкусъ, объектъ вкуса и имѣетъ нѣкоторое, и весьма существенное отношеніе къ влажному, къ водѣ, но это влажное, эта вода отнюдь не является только средою при вкусовыхъ ощущеніяхъ,—это влажное, эта вода должны быть признаны по Аристотелю составными частями самаго предмета, самаго объекта вкуса. И съ этой точки зрѣнія, выходитъ у Аристотеля далѣе, объектъ вкуса отличается отъ объектовъ всѣхъ другихъ чувствъ, онъ отличается напр. отъ объекта зрѣнія, отъ цвѣта. «Цвѣтъ же», указываетъ Аристо-

тель далѣе, «бываетъ видимъ не такимъ образомъ, не посредствомъ смѣшенія и не посредствомъ какихъ-либо истеченій. Итакъ», повторяетъ и въ тоже время какъ бы резюмируетъ, устанавливаетъ болѣе точно свое опредѣленіе объекта вкуса Аристотель, «что можно бы было назвать средою—при вкусѣ ничего такого нѣтъ, но какъ видимымъ, предметомъ, объектомъ зрѣнія является цвѣтъ, такъ и у вкуса есть свой объектъ —собственно вкушаемое, пища. И ничто не можетъ произвести ощущенія вкуса безъ влажности, но то, что вкушается, что обладаетъ вкусомъ, должно имѣть или въ дѣйствительности, или въ возможности влажность, какъ напр. соленое: соленое и само по себѣ легко растворимо, и также способно соединяться со влажностью языка» [1]).

---

[1]) De anima II, 10. 422 a. 8—19. *Το δὲ γευστὸν ἐστιν ἁπτόν τι· καὶ τοῦτ' αἴτιον τοῦ μὴ εἶναι αἰσθητὸν διὰ τοῦ μεταξὺ ἀλλοτρίου ὄντος σώματος· οὐδὲ γὰρ ἡ ἀφή. καὶ τὸ σῶμα δὲ ἐν ᾧ ὁ χυμός, τὸ γευστόν, ἐν ὑγρῷ ὡς ὕλῃ τοῦτο δ' ἁπτόν τι. διὸ κἂν εἰ ἐν ὕδατι ἦμεν, ᾐσθανόμεθ' ἂν ἐμβληθέντος τοῦ γλυκέος, οὐκ ἦν δ' ἂν ἡ αἴσθησις ἡμῖν διὰ τοῦ μεταξύ, ἀλλὰ τῷ μιχθῆναι τῷ ὑγρῷ, καθάπερ ἐπὶ τοῦ ποτοῦ. τὸ δὲ χρῶμα οὐχ οὕτως ὁρᾶται τῷ μίγνυσθαι, οὐδὲ ταῖς ἀπορροίαις. ὡς μὲν οὖν τὸ μεταξὺ οὐθέν ἐστιν· ὡς δὲ χρῶμα τὸ ὁρατόν, οὕτω τὸ γευστὸν ὁ χυμός. οὐθὲν δὲ ποιεῖ χυμοῦ αἴσθησιν ἄνευ ὑγρότητος, ἀλλ' ἔχει ἐνεργείᾳ ἢ δυνάμει ὑγρότητα, οἷον τὸ ἁλμυρόν· εὔτηκτόν τε γὰρ αὐτό καὶ συντηκτικὸν γλώττης.* Bekker'овское чтеніе *διὸ κἂν εἰ ἐν ὕδατι εἶμεν, αἰσθανοίμεθ' ἂν ἐμβληθέντος τοῦ γλυκέος* и т. д. и, согласно указаніямъ почти всѣхъ новѣйшихъ издателей и комментаторовъ De anima (ср. у Trendelenburg'а въ его изданіи—текстъ стр. 59 и коммент. стр. 327; у Wallace'а въ текстѣ стр. 112; ср. также и замѣчанія Zahlfleisch'а въ его статьѣ стр. 10), исправляю на *διὸ κἂν εἰ ἐν ὕδατι ἦμεν, ᾐσθανόμεθ' ἄν* и т. д. Дѣйствительно, какъ между прочимъ хорошо разъясняетъ Trendelenburg (въ указанномъ мѣстѣ въ комментаріяхъ), по всѣмъ соображеніямъ такое исправленіе будетъ удобнѣе. Затѣмъ, для перевода въ настоящемъ отрывкѣ представляется нѣсколько затруднительнымъ слово *χυμός*. Какъ перевести это слово? Буквально оно значитъ сокъ (Trendelenburg переводитъ—humor, Wallace—flavour), однако такой буквальный переводъ кажется мнѣ не совсѣмъ удобнымъ, ибо и самъ Аристотель едва-ли бы согласился, чтобы предметомъ, объектомъ вкуса былъ только и исключительно сокъ. Въ виду этихъ соображеній я перевелъ это слово *χυμός*, такъ сказать, до нѣкоторой степени вольно: въ первомъ и третьемъ случаяхъ я переведъ его вообще какъ вкусъ, во второмъ-же какъ—пищу. Съ такимъ переводомъ ср. нѣмецкій переводъ Kirchmann'а стр. 110—111.

Вотъ первыя указанія Аристотеля по вопросу о природѣ предмета, объекта вкуса, главнаго дѣйствующаго элемента при вкусовыхъ ощущеніяхъ, и уже изъ этихъ первыхъ указаній мы вполнѣ получаемъ то, что мы могли бы ожидать въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотелевская теорія образованія вкусовыхъ ощущеній не должна явиться для насъ чѣмъ-либо совершенно новымъ: до нѣкоторой степени она намъ знакома,—именно изъ того мѣста 5-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», которое мы привели въ началѣ нашего изложенія Аристотелевской теоріи образованія ощущеній обонятельныхъ. Если мы припомнимъ, въ самомъ началѣ этого мѣста Аристотель говорилъ, что вкусы и запахи совершенно аналогичны другъ другу, «такъ какъ то, что сухое производитъ во влажной средѣ,—это-же въ другой средѣ производитъ вкусовое сухое, сухое, получившее вкусъ». Какъ мы видѣли, аналогичность вкусовъ и запаховъ для самого Аристотеля такимъ образомъ обусловливалась одинаковостью, тождественностью процесса, результатомъ котораго являлись вкусы и запахи, но во всякомъ случаѣ, во всемъ томъ мѣстѣ, и въ частности въ приведенной фразѣ, мы уже встрѣтились съ общимъ опредѣленіемъ Аристотелемъ объекта, предмета вкуса. Если мы сравнимъ теперь эти первыя указанія съ тѣмъ мѣстомъ и съ тою фразою, съ тѣмъ опредѣленіемъ Аристотеля, то мы увидимъ, что эти указанія до нѣкоторой степени совпадаютъ съ тѣмъ опредѣленіемъ,—и такимъ-то образомъ и можно сказать, что эти указанія вполнѣ даютъ то, что можно бы было ожидать въ настоящемъ случаѣ. Дѣйствительно, эти первыя указанія только вносятъ болѣе ясности и болѣе точности въ то опредѣленіе. Въ томъ опредѣленіи было не совсѣмъ понятно, какъ нужно понимать эту влажную среду, въ которой дѣйствуетъ сухое, производящее вкусъ, нужно ли понимать ее какъ обыкновенную Аристотелевскую среду при ощущеніяхъ, или какъ-нибудь иначе,—въ настоящихъ первыхъ указаніяхъ все это устанавливается совершенно точно. Оказывается, что эту среду не слѣдуетъ понимать какъ обыкновенную среду при ощущеніяхъ, но это влажное слѣдуетъ понимать какъ составную часть самаго объекта, предмета вкуса. Однако, хотя эти указанія, какъ мы говоримъ, и совпадаютъ съ тѣмъ опредѣленіемъ до нѣкоторой

степени, но они совпадаютъ именно только до нѣкоторой степени. Остается всетаки невыясненнымъ, какимъ же образомъ въ объектъ, въ предметъ вкуса входитъ еще сухое, какимъ образомъ это сухое соединяется съ влажнымъ, и только въ такомъ соединеніи и даетъ собственный объектъ вкуса. Для того, чтобы вполнѣ выяснить эти послѣдніе вопросы, намъ нужно будетъ обратиться уже къ другимъ разсужденіямъ Аристотеля, къ другимъ мѣстамъ изъ сочиненій Аристотеля,—именно намъ нужно будетъ обратиться къ первой половинѣ упоминутой выше 4-ой главы трактата Аристотеля «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ».

Въ этой первой половинѣ 4-ой главы Аристотель, исходя изъ того установленнаго имъ въ настоящее время положенія, что однимъ изъ главныхъ и существенныхъ элементовъ въ предметѣ, объектѣ вкуса, должно быть именно влажное, и затѣмъ исходя изъ того наблюденія, что влажное въ сущности есть ничто иное, какъ вода, что влажное вообще вполнѣ можно отождествить съ водою, занимается разрѣшеніемъ вопроса,—какимъ образомъ вода могла бы образовать различные объекты вкуса, какимъ образомъ изъ воды могло бы образоваться то, что въ концѣ концовъ съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія участія души въ этихъ ощущеніяхъ, можно было бы назвать различными вкусами. Для разрѣшенія этого вопроса Аристотель предлагаетъ три гипотезы. Во-первыхъ, говоритъ онъ, Эмпедоклъ по этому поводу учитъ, что въ водѣ, самой по себѣ, уже содержатся всѣ виды различныхъ вкусовъ, и что если эти вкусы не ощущаются въ водѣ тотчасъ-же, напр. непосредственно въ то время, когда мы беремъ воду въ ротъ, то это обусловливается слишкомъ малою интензивностью этихъ вкусовъ, слишкомъ большою слабостью ихъ въ такой простой водѣ. Затѣмъ другіе, продолжаетъ Аристотель, полагаютъ, что вода представляетъ собою нѣкоторую матерію, нѣкоторое общее, такъ сказать, зародышевое мѣсто, изъ котораго и получаются, и развиваются сами собою различные вкусы—одни изъ одной части, другіе изъ другой части воды. Т. е. по этому второму мнѣнію вода уже не содержитъ въ себѣ готовыхъ вкусовъ, но она содержитъ зародыши этихъ вкусовъ, зародыши, изъ которыхъ совершенно самопроизвольно, совершенно сами собою развиваются, получаются дѣйствительно различные

вкусы. Это, говоритъ Аристотель,—двѣ существующія гипотезы, два существующія мнѣнія по настоящему вопросу. Однако, ни съ одною изъ этихъ гипотезъ Аристотель не согласенъ, обѣ онъ отвергаетъ,—и самъ онъ предлагаетъ третью, на которой и останавливается. Въ виду того, что при развитіи этой третьей гипотезы у Аристотеля и находятся разъясненія по интересующимъ насъ въ настоящее время пунктамъ, по пунктамъ о томъ, какъ именно въ объектъ, предметъ вкуса входитъ еще сухое, и какъ это сухое соединяется съ влажнымъ, —мы займемся изложеніемъ Аристотеля этой третьей гипотезы нѣсколько подробнѣе, мы приведемъ это изложеніе въ подлинныхъ словахъ Аристотеля.

«Остается», говоритъ Аристотель въ первой половинѣ 4-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», именно тогда, когда онъ отвергнулъ двѣ приведенныя выше гипотезы, «допустить, что видоизмѣненія, различія во вкусахъ обусловливаются тѣмъ обстоятельствомъ, что вода что-то испытываетъ, получаетъ на себя нѣкоторое вліяніе. Но что вода», продолжаетъ Аристотель, «получаетъ то свойство, которое мы называемъ вкусомъ, не благодаря силѣ теплоты,—это ясно». Но откуда же это ясно? Эту ясность Аристотель доказываетъ далѣе слѣдующими соображеніями. «Такъ какъ», говоритъ онъ далѣе, «только одна вода» (по всей вѣроятности изъ всѣхъ жидкостей), «когда нагрѣвается, становится теплѣе, повидимому нисколько не сгущается, то очевидно, что тутъ должна быть другая причина: всѣ вообще объекты, предметы вкуса должны имѣть бо́льше густоты,—стало быть теплота и есть только одно, только дѣйствующее вмѣстѣ съ другими, условіе вкуса». Итакъ, эта третья гипотеза, какъ мы видимъ, состоитъ пока въ томъ, что вода, пожалуй, дѣйствительно способна дать вкусы, способна произвести то, что съ субъективной точки зрѣнія мы называемъ вкусами,—именно она способна дать вкусы, когда подвергается нѣкоторымъ вліяніямъ, нѣкоторымъ дѣйствіямъ на себя. Однако, эти вліянія совершенно не исчерпываются по Аристотелю вліяніями теплоты: теплота есть одно изъ дѣйствующихъ въ этомъ случаѣ средствъ, но только одно,—и для того, чтобы получились вкусы, для этого непремѣнно требуется еще совмѣстное дѣйствіе другихъ условій, кромѣ теплоты. Какія же это дру-

гія условія? Это—мы сейчасъ увидимъ. «Повидимому», продолжаетъ Аристотель, «вкусы, которые находятся въ плодахъ» (собственно въ оболочкахъ плодовъ по подлинному выраженію Аристотеля—но это и есть въ плодахъ), «будутъ тѣже, которые встрѣчаются и въ землѣ». Другими словами, вкусы, главнымъ образомъ, можно наблюдать въ плодахъ; но, повидимому, такіе плодовые вкусы нисколько не отличаются отъ вкусовъ земныхъ, встрѣчающихся въ землѣ, — и отсюда является совершенно естественнымъ объяснить прежде всего условія земныхъ вкусовъ: такое объясненіе въ тоже самое время дастъ и указаніе условій какъ мы ихъ назвали плодовыхъ вкусовъ. «Такимъ-то образомъ», разъясняетъ условія этихъ земныхъ вкусовъ Аристотель далѣе, «многіе изъ старыхъ, прежнихъ физіологовъ, натуралистовъ и говорятъ, что собственно вода является такою, по какой землѣ она проходитъ. И это по преимуществу очевидно на водахъ соленыхъ, потому что соли суть ничто иное, какъ нѣкоторый видъ земли. И воды, просачивающіяся черезъ пепелъ, когда онъ бываетъ горькимъ, производятъ горькій вкусъ. Такимъ-же образомъ существуетъ много источниковъ — и горькихъ, и острыхъ, и имѣющихъ всяческіе, самые различные вкусы». Стало быть, въ этихъ земныхъ вкусахъ вода производитъ различные вкусы, но производитъ подъ вліяніемъ дѣйствія на себя земли. Это обстоятельство между прочимъ можетъ объяснить по Аристотелю и происхожденіе различій въ обыкновенныхъ вкусахъ, вкусахъ плодовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, земная вода, вода подъ вліяніемъ земли, говоритъ Аристотель, производитъ различные вкусы,—но что значитъ это? Это значитъ, что вода подвергается нѣкоторому дѣйствію земли, и результатомъ этого дѣйствія и являются различные вкусы. Однако, въ силу какихъ же обстоятельствъ вода можетъ вообще подвергаться дѣйствію земли? По общимъ ученіямъ Аристотеля, все противоположное непремѣнно должно подвергаться дѣйствію, вліянію противоположнаго: этимъ дѣйствіемъ, вліяніемъ противоположнаго на противоположное и обусловливаются собственно, по Аристотелю, всѣ видоизмѣненія въ мірѣ. Вкусы же также должны быть отнесены къ видоизмѣненіямъ,—и отсюда тоже самое положеніе должно быть отнесено и къ образованію вкусовъ: вода, стало быть, подвергается дѣйствію земли при образованіи

вкусовъ именно потому, что въ землѣ есть нѣчто противоположное водѣ. Но что можетъ быть въ землѣ противоположное водѣ? Вода есть нѣчто влажное; стало быть то, что должно быть противоположно ей, и что должно находиться въ землѣ, должно быть сухимъ. Вотъ пунктъ, которымъ объясняется по Аристотелю происхожденіе различій и вообще происхожденіе вкусовъ обыкновенныхъ, напр. плодовыхъ. Происхожденіе всѣхъ вкусовъ объясняется по Аристотелю именно тѣмъ, что на воду, какъ на влажное, дѣйствуетъ противуположное ей, т. е. сухое, сухое со всѣми своими аттрибутами, между прочимъ и съ аттрибутомъ теплоты. Отсюда понятно, почему выше Аристотель утверждалъ, что одна теплота, одно вліяніе теплоты на воду не можетъ произвести вкусовъ: дѣйствительно, теплота, какъ свойство сухого, играетъ нѣкоторую роль при произведеніи вкусовъ, но она играетъ эту роль вмѣстѣ съ другими свойствами,—не сама теплота, а теплота, какъ качество сухого, важна при произведеніи вкусовъ. Всѣ эти мысли подлинно Аристотель выражаетъ въ дальнѣйшемъ слѣдующимъ образомъ: «Вполнѣ понятно», говоритъ онъ далѣе, «что въ растеніяхъ и обнаруживается по преимуществу родъ вкусовъ» (т. е. обнаруживаются по преимуществу различные вкусы). «Ибо влажное по самой природѣ своей приспособлено къ тому, чтобы испытывать нѣкоторое страдательное состояніе, нѣкоторое видоизмѣненіе, и испытываетъ оно это страдательное состояніе, это видоизмѣненіе, какъ и все остальное, отъ противоположнаго ему; а противоположное ему и есть сухое. Поэтому влажное можетъ испытывать нѣчто и отъ огня,—вѣдь природа огня суха». И далѣе: «Поскольку же огонь является только огнемъ и поскольку земля является только землею, имъ вовсе не свойственно ни дѣйствовать, ни страдать, ни производить вліяніе, ни получать вліяніе,—да и нисколько не свойственны эти состоянія и никакому другому тѣлу; поскольку же въ каждомъ тѣлѣ существуетъ нѣкоторая противоположность какому-либо другому, постольку всѣ тѣла и дѣйствуютъ и страдаютъ». И затѣмъ, обращаясь къ настоящему конкретному случаю, къ объясненію происхожденія вкусовъ во влажномъ, въ водѣ, подъ вліяніемъ сухого: «Такимъ-то образомъ, совершенно такъ, какъ распускающіе во влажномъ цвѣта ли или предметы, объекты вкуса, производятъ, что это влажное,

эта вода получаетъ такой именно» (какой былъ въ этихъ цвѣтахъ и въ этихъ объектахъ, предметахъ) «цвѣтъ и вкусъ,—совершенно также и природа поступаетъ съ сухимъ и земляным: она, какъ-бы пропуская влажное черезъ сухое и земляное, и какъ-бы сообщая ему нѣкоторое движеніе тѣмъ теплымъ, которое заключается въ сухомъ, этимъ самымъ дѣлаетъ это влажное чѣмъ-то опредѣленнымъ, извѣстнымъ» (т. е. дѣлаетъ это влажное опредѣленнымъ, извѣстнымъ объектомъ, предметомъ вкуса). «И предметъ, объектъ вкуса есть именно это видоизмѣненіе, состояніе, происходящее подъ вліяніемъ этого указаннаго сухого во влажномъ, видоизмѣненіе, имѣющее цѣлью какъ-бы перемѣнить чувство вкуса, перевести его изъ возможности въ дѣйствительность, въ осуществленіе его дѣятельности» [1]).

---

[1]) De sensu et sens. 5. 441 a. 20—b. 21. *Λείπεται δὴ τῷ πάσχειν τι τὸ ὕδωρ μεταβάλλειν. ὅτι μὲν τοίνυν οὐχ ὑπὸ τῆς τοῦ θερμοῦ δυνάμεως λαμβάνει ταύτην τὴν δύναμιν ἣν καλοῦμεν χυμόν, φανερόν·..... ἐπεὶ δὲ θερμαινόμενον οὐδὲν φαίνεται παχυνόμενον τὸ ὕδωρ αὐτὸ μόνον, δῆλον ὅτι ἑτέρα τις ἂν εἴη αἰτία· οἱ γὰρ χυμοὶ πάντες πάχος ἔχουσι μᾶλλον· τὸ δὲ θερμὸν συναίτιον. φαίνονται δ' οἱ χυμοὶ ὅσοιπερ καὶ ἐν τοῖς περικαρπίοις, οὗτοι ὑπάρχοντες καὶ ἐν τῇ γῇ. διὸ καὶ πολλοί φασι τῶν ἀρχαίων φυσιολόγων τοιοῦτον εἶναι τὸ ὕδωρ δι' οἵας ἂν γῆς πορεύηται. καὶ τοῦτο δῆλόν ἐστιν ἐπὶ τῶν ἁλμυρῶν ὑδάτων μάλιστα· οἱ γὰρ ἅλες γῆς τι εἶδός εἰσιν. καὶ τὰ διὰ τῆς τέφρας διηθούμενα πικρᾶς οὔσης πικρὸν ποιεῖ τὸν χυμόν. εἰσί τε κρῆναι πολλαὶ αἱ μὲν πικραί, αἱ δ' ὀξεῖαι, αἱ δὲ παντοδαπούς ἔχουσαι χυμοὺς ἄλλους. εὐλόγως δ' ἐν τοῖς φυομένοις τὸ τῶν χυμῶν γίνεται γένος μάλιστα. πάσχειν γὰρ πέφυκε τὸ ὕγρον, ὥσπερ καὶ τἆλλα, ὑπὸ τοῦ ἐναντίου· ἐναντίον δὲ τὸ ξηρόν. διὸ καὶ ὑπὸ τοῦ πυρὸς πάσχει τι· ξηρὰ γὰρ ἡ τοῦ πυρὸς φύσις..... ἥ μὲν οὖν πῦρ καὶ ἥ γῆ, οὐδὲν πέφυκε ποιεῖν ἢ πάσχειν, οὐδ' ἄλλο οὐδέν. ἥ δ' ὑπάρχει ἐναντιότης ἐν ἑκάστῳ, ταύτῃ πάντα καὶ ποιοῦσι καὶ πάσχουσιν. ὥσπερ οὖν οἱ ἐναποπλύνοντες ἐν τῷ ὑγρῷ τὰ χρώματα καὶ τοὺς χυμοὺς τοιοῦτον ἔχειν ποιοῦσι τὸ ὕδωρ, οὕτω καὶ ἡ φύσις τὸ ξηρὸν καὶ τὸ γεῶδες, καὶ διὰ τοῦ ξηροῦ καὶ γεώδους διηθοῦσα καὶ κινοῦσα τῷ θερμῷ ποιόν τι τὸ ὑγρὸν παρασκευάζει. καὶ ἔστι τοῦτο χυμὸς τὸ γιγνόμενον ὑπὸ τοῦ εἰρημένου ξηροῦ πάθος ἐν τῷ ὑγρῷ τῆς γεύσεως τῆς κατὰ δύναμιν ἀλλοιωτικὸν εἰς ἐνέργειαν.* Слово *γῇ* въ выраженіи *ἥ μὲν οὖν πῦρ καὶ ἥ γῆ* Bekker читаетъ какъ будто съ іотою подписною (такъ что у него какъ будто выходитъ—*γῇ*),—однако я думаю, что это просто типографская ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, дат. падежъ отъ *γῆ* здѣсь совершенно неумѣстенъ, здѣсь совершенно очевидно требуется им. падежъ,—и въ виду такихъ обстоятельствъ, какъ кажется, безъ всякихъ колебаній слѣдуетъ исправить Bekker'овское *γῇ* на *γῆ*. Затѣмъ, въ настоящемъ отрывкѣ, совер-

Таково это мѣсто изъ первой половины 4-ой главы трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ», такова эта принимаемая и защищаемая самимъ Аристотелемъ гипотеза относительно происхожденія различныхъ вкусовъ изъ воды, и изъ этого мѣста, изъ этой гипотезы становится, какъ мнѣ кажется, совершенно и окончательно ясною природа по Аристотелю предмета, объекта вкуса. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, на основаніи настоящаго мѣста, намъ совершенно уясняется, какимъ образомъ въ объектъ вкуса, кромѣ воды, влажнаго вообще, входитъ еще сухое, и какимъ образомъ это сухое, въ соединеніи съ этимъ влажнымъ, и составляетъ, по ученію Аристотеля, собственный объектъ вкуса. Все дѣло тутъ, какъ мы видимъ въ настоящее время, состоитъ въ томъ, что сухое какъ-бы фильтруется, пропускается влажнымъ, и результатомъ такого фильтрованія, такого пропуска, такого, можно сказать, соединенія, и является, какъ учитъ Аристотель, собственный объектъ, предметъ вкуса. Сухое, стало быть, необходимо входитъ, по Аристотелю, въ объектъ вкуса, оно входитъ туда со всѣми своими аттрибутами,—но оно входитъ не въ силу какихъ-либо своихъ аттрибутовъ, не въ силу напр. того, что оно между прочимъ заключаетъ теплоту, но въ силу того, что оно—просто сухое, что оно заключаетъ въ себѣ между прочимъ и теплоту, и другія свойства. Съ другой стороны, въ настоящее же время намъ совершенно и вполнѣ уясняется и эта аналогичность между запахами и вкусами, на которой Аристотель такъ настаивалъ, какъ мы видѣли, при своемъ изложеніи теоріи обонятельныхъ

шенно также, какъ и въ предыдущемъ, въ отрывкѣ изъ 10-ой главы II ой книги De anima, затрудненіе представляетъ переводъ слова *χυμός*. Я, съ своей стороны, и теперь могу повторить то мнѣніе, которое я высказалъ въ предыдущемъ примѣчаніи, именно мнѣніе, что и для самого Аристотеля *χυμός* едва-ли могло означать только и исключительно—сокъ. На основаніи такого мнѣнія и здѣсь мнѣ пришлось переводить это *χυμός* такимъ-же, до нѣкоторой степени вольнымъ образомъ, какъ я переводилъ его въ предыдущемъ мѣстѣ: гдѣ было возможно, я передалъ *χυμός* просто выраженіемъ—вкусъ; гдѣ же такой переводъ былъ не совсѣмъ удобенъ, гдѣ имъ вызывался нѣкоторый ущербъ ясности,—тамъ пришлось передать *χυμός* выраженіемъ—предметъ, объектъ вкуса.

ощущеній. На первый взглядъ, съ формальной стороны, эта аналогія можетъ показаться не совсѣмъ полною, ибо хотя и при обоняніи и при вкусѣ нѣкоторую роль, по ученію Аристотеля, играютъ и влажное и сухое, но, повидимому, эта роль приписывается Аристотелемъ имъ, и въ частности влажному, не совсѣмъ одинаковымъ образомъ. Влажное при обоняніи было средою по Аристотелю,—влажное же при вкусѣ, по тому-же Аристотелю, входило въ самый объектъ, предметъ вкуса: дѣйствительно выходитъ какъ будто неполнота аналогіи. Такъ можетъ показаться на первый взглядъ, и однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эта видимость должна будетъ исчезнуть, при ближайшемъ разсмотрѣніи неполноту аналогіи дѣйствительно можно признать только съ формальной стороны. Дѣло здѣсь въ томъ, что слѣдуетъ обращать вниманіе на весь процессъ, происходящій какъ при обоняніи, такъ и при вкусѣ. И при обоняніи и при вкусѣ дѣйствуютъ, по Аристотелю, и сухое, и влажное, но при обоняніи Аристотель, такъ сказать, растянулъ самый процессъ, выдѣлилъ эти дѣйствія сухого и влажнаго въ двѣ стадіи, —при вкусѣ же онъ слилъ ихъ въ нѣчто единое. Но вѣдь для существа дѣла такое растягиваніе процесса конечно не важно, въ существѣ дѣла весь процессъ и при обоняніи и при вкусѣ совершенно тождественъ,—и такимъ-то образомъ, въ концѣ концовъ, и слѣдуетъ согласиться, что Аристотель вполнѣ могъ допустить аналогичность запаховъ со вкусами.

Такъ уясняется, такъ устанавливается мнѣніе Аристотеля по первому вопросу, касающемуся вообще ощущеній, а стало быть, касающемуся и вкусовыхъ ощущеній,—по вопросу о природѣ объекта, предмета вкуса. Затѣмъ идутъ слѣдующіе вопросы, на которые также слѣдуетъ отвѣтить по принятому нами порядку при изложеніи Аристотелевской теоріи образованія вкусовыхъ ощущеній,—вопросы о средѣ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, а также и о самомъ органѣ вкуса, о передачѣ движеній средою самому органу вкуса. Отвѣтить на эти вопросы, уяснить мнѣніе самого Аристотеля по этимъ вопросамъ—въ высшей степени трудно. Прежде всего, Аристотель совершенно не говоритъ по этимъ вопросамъ сколько-нибудь опредѣленно, онъ выражаетъ свое мнѣніе по нимъ только намеками, такъ что приходится только догадываться, каковы были подлинные взгляды Аристотеля относительно вку-

совой среды и вкусового органа. Кромѣ того, въ этихъ намекахъ встрѣчается еще нѣкоторая сбивчивость. Такъ напр., у Аристотеля какъ будто выходитъ, что органомъ вкуса долженъ считаться языкъ, и въ тоже время выходитъ, что языкъ есть ничто иное, какъ вкусовая среда, — собственный же органъ вкуса слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, подальше [1]). Не трудно согласиться такимъ образомъ, что все это не говоритъ въ пользу легкости изложенія мнѣнія самого Аристотеля по этимъ вопросамъ; уясненіе мнѣнія самого Аристотеля по настоящимъ вопросамъ дѣйствительно является дѣломъ въ высшей степени труднымъ. Однако сдѣлаемъ все возможное въ этомъ отношеніи, попытаемся всетаки, хотя бы только приблизительно, установить, какъ могъ представлять себѣ Аристотель эту среду при вкусовыхъ ощущеніяхъ и самый вкусовой органъ, полученіе вкусовымъ органомъ дви-

---

[1]) Языкъ Аристотель отождествляетъ съ органомъ вкуса во многихъ мѣстахъ, во многихъ фразахъ настоящихъ, трактующихъ собственно о вкусѣ, главѣ, напр. такое отождествленіе можно встрѣтить въ 10-ой главѣ II-ой книги De anima,— что же касается до указанія, что языкъ есть ничто иное, какъ вкусовая среда, это сообщеніе находится уже въ слѣдующей, 11-ой главѣ II ой книги De anima, содержащей въ себѣ разсужденія Аристотеля собственно о пятомъ чувствѣ, о чувствѣ осязанія. Ср. напр. слѣдующую фразу изъ 11 ой главы II-ой книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля: *ὅλως δ' ἔοικεν ἡ σὰρξ καὶ ἡ γλῶττα, ὡς ὁ ἀὴρ καὶ τὸ ὕδωρ πρὸς τὴν ὄψιν καὶ τὴν ἀκοὴν καὶ τὴν ὄσφρησιν ἔχουσιν, οὕτως ἔχειν πρὸς τὸ αἰσθητήριον ὥσπερ ἐκείνων ἕκαστον* (De an. II, 11. 423 b. 17 — 19), т. е. «вообще же кажется, что мясо» (мускульная ткань) «и языкъ находятся въ такомъ-же отношеніи къ чувствующему органу» (стало быть, къ собственному органу осязанія и къ собственному органу вкуса), «въ какомъ состоятъ воздухъ и вода при чувствѣ зрѣнія, при чувствѣ слуха и при чувствѣ обонянія, именно въ какомъ состоятъ каждое изъ этихъ тѣлъ». Но въ какомъ отношеніи состоитъ при чувствѣ зрѣнія, слуха и обонянія воздухъ и вода къ собственнымъ чувствующимъ органамъ? Какъ мы хорошо знаемъ въ настоящее время, воздухъ и вода въ этихъ случаяхъ играютъ роль среды, какъ называетъ ее Аристотель, они передаютъ собственнымъ чувствующимъ органамъ движенія, сообщаемыя имъ объектами, предметами этихъ чувствъ. Отсюда изъ настоящей фразы 11-ой главы II-ой книги De anima и выходитъ у Аристотеля, что языкъ вообще при вкусѣ есть ничто иное, какъ вкусовая среда.

женій отъ среды. Въ этомъ случаѣ мы воспользуемся однимъ мѣстомъ изъ 10 ой главы II-ой книги сочиненія о душѣ, именно мѣстомъ къ концу ея, предпослѣднимъ параграфомъ этой 10-ой главы.

Указанное мѣсто гласитъ слѣдующее: «Такъ какъ объектъ, предметъ вкуса есть нѣчто влажное, то необходимо, чтобы и органъ, который воспринимаетъ этотъ объектъ, съ одной стороны не былъ бы влажнымъ въ дѣйствительности, — съ другой же стороны не былъ бы и лишенъ возможности сдѣлаться влажнымъ: ибо чувство вкуса испытываетъ нѣчто, получаетъ нѣкоторое видоизмѣненіе отъ объекта вкуса именно постольку, поскольку онъ является такимъ объектомъ, объектомъ вкуса». Т. е., чувство вкуса, въ узкомъ смыслѣ органъ вкуса, по ученію Аристотеля, необходимо долженъ подвергаться нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, нѣкоторымъ перемѣнамъ со стороны самаго объекта вкуса. Въ виду этого обстоятельства органъ вкуса, хотя и долженъ, по Аристотелю, состоять, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родствѣ съ объектомъ вкуса, но онъ никоимъ образомъ не долженъ быть тождественнымъ объекту вкуса. Если же, говоритъ Аристотель, органъ вкуса былъ бы въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ влажнымъ, то вышла бы полная тождественность, и никакого видоизмѣненія, никакой перемѣны не произошло бы; такимъ образомъ органъ вкуса и не долженъ быть на самомъ дѣлѣ влажнымъ, и въ тоже время не долженъ быть лишенъ возможности сдѣлаться влажнымъ,—только при такихъ условіяхъ вообще и возможно ощущеніе вкуса. «Такимъ-то образомъ», продолжаетъ Аристотель, «органъ вкуса, способный сдѣлаться влажнымъ, необходимо долженъ дѣлаться этимъ влажнымъ безъ вреда для своей природы, ничего не теряя изъ своихъ природныхъ свойствъ, но онъ всетаки по самой своей природѣ не долженъ быть влажнымъ». И это-же Аристотель доказываетъ еще нѣкоторыми наблюденіями, тѣмъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. «Это-же доказывается», указываетъ далѣе Аристотель, «тѣмъ фактомъ, что языкъ не можетъ ощущать ни тогда, когда онъ является какъ-бы слишкомъ высохшимъ, ни тогда, когда онъ слишкомъ влаженъ: въ послѣднемъ случаѣ является скорѣе ощущеніе, осязаніе этого перваго влажнаго» (т. е. въ послѣднемъ случаѣ языкъ ощущаетъ не какой-либо

вкусъ, но то влажное, что находится у чувствующаго субъекта во рту, — а это ощущеніе влажнаго относится уже къ осязанію), «совершенно такъ, какъ кто-либо, вкусивши что-либо слишкомъ сильное, имѣющее слишкомъ сильный вкусъ, затѣмъ станетъ пробовать другое» (другими словами, при слишкомъ большой влажности языка это осязаніе влажнаго уже какъ-бы отодвинетъ всѣ вкусовыя ощущенія, совершенно такимъ-же образомъ, какъ слишкомъ сильные, слишкомъ интензивные вкусы какъ-бы отодвигаютъ ощущенія другихъ вкусовъ); «и такъ же и больнымъ кажется все горькимъ,— именно потому, что они ощущаютъ, вкушаютъ языкомъ, наполненнымъ такою именно» (горькою) «влажностью» [1]).

Вотъ это мѣсто изъ конца 10-ой главы II-ой книги сочиненія Аристотеля о душѣ. Совершенно очевидно, что Аристотель какъ будто и говоритъ тутъ кое-что по интересующимъ насъ, но важнымъ для насъ въ настоящее время вопросамъ, но вполнѣ опредѣленныхъ, вполнѣ точныхъ указаній,

---

[1]) De anima II, 10. 422 a. 34—b. 10. *Ἐπεὶ δ' ὑγρὸν τὸ γευστόν, ἀνάγκη καὶ τὸ αἰσθητήριον αὐτοῦ μήτε ὑγρὸν εἶναι ἐντελεχείᾳ μήτε ἀδύνατον ὑγραίνεσθαι· πάσχει γάρ τι ἡ γεῦσις ὑπὸ τοῦ γευστοῦ, ἧ γευστόν. ἀναγκαῖον ἄρα ὑγρανθῆναι τὸ δυνάμενον μὲν ὑγραίνεσθαι σωζόμενον, μὴ ὑγρὸν δέ, τὸ γευστικὸν αἰσθητήριον. σημεῖον δὲ τὸ μήτε κατάξηρον οὖσαν τὴν γλῶτταν αἰσθάνεσθαι μήτε λίαν ὑγράν· αὕτη γὰρ ἀφὴ γίνεται τοῦ πρώτου ὑγροῦ, ὥσπερ ὅταν προγευματίσας τις ἰσχυροῦ χυμοῦ γεύηται ἑτέρου· καὶ οἷον τοῖς κάμνουσι πικρὰ πάντα φαίνεται διὰ τὸ τῇ γλώττῃ πλήρει τοιαύτης ὑγρότητος αἰσθάνεσθαι.* Нѣсколько затруднительное для непосредственнаго пониманія выраженіе *σωζόμενον* въ настоящемъ отрывкѣ я перевелъ: органъ вкуса долженъ дѣлаться влажнымъ «безъ вреда для своей природы, ничего не теряя изъ своихъ природныхъ свойствъ». На первый взглядъ такой переводъ можетъ показаться не совсѣмъ соотвѣтствующимъ буквальному смыслу термина *σώζεσθαι*, не совсѣмъ соотвѣтствующимъ тому, что обыкновенно означается этимъ терминомъ въ греческомъ языкѣ,— однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и имѣя въ виду смыслъ всей фразы, въ которой встрѣчается это выраженіе, да даже и всего настоящаго отрывка, нужно будетъ, какъ мнѣ кажется, согласиться, что этотъ переводъ умѣстенъ. По крайней мѣрѣ и комментаторы De anima, разсуждая по поводу этого выраженія, объясняя его, въ сущности говорятъ тоже самое, въ сущности какъ бы совершенно одобряютъ такой переводъ: ср. напр. что говоритъ по поводу настоящаго выраженія Trendelenburg въ своихъ комментаріяхъ—Комментаріи Trendelenburg'a въ его изданіи De anima, стр. 329.

положеній Аристотеля по этимъ вопросамъ тутъ, конечно, нѣтъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что это мѣсто, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, всетаки является наиболѣе пригоднымъ въ настоящемъ случаѣ: въ этомъ мѣстѣ Аристотель, хотя и не очень опредѣленно, но всетаки хотя что-нибудь сообщаетъ по настоящимъ вопросамъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ— по крайней мѣрѣ насколько это позволяетъ утверждать мнѣ мое личное знакомство съ сочиненіями Аристотеля — даже и этого чего-нибудь, и этого немногаго по отношенію къ интересующимъ насъ въ настоящее время вопросамъ уже положительно нѣтъ. Къ какимъ-же выводамъ можемъ мы прійти на основаніи этого мѣста? Мнѣ кажется, что выводы эти будутъ слѣдующіе. Прежде всего, Аристотель несомнѣнно говоритъ, что органъ вкуса ощущаетъ, получаетъ вкусовыя ощущенія только тогда, когда онъ бываетъ влажнымъ: хотя эта влажность, учитъ Аристотель, не должна быть чѣмъ-то, такъ сказать, постоянно присущимъ органу вкуса, хотя органъ вкуса и не долженъ быть постоянно влажнымъ, тѣмъ не менѣе въ моментъ ощущенія вкуса, по ученію Аристотеля, онъ необходимо долженъ увлажниться. Вотъ эта-то влажность органа вкуса въ моментъ полученія вкусового ощущенія и является, какъ мнѣ кажется, собственно средою при вкусовыхъ ощущеніяхъ по Аристотелю. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что эта влажность принадлежитъ самому органу, входитъ въ самый органъ, тогда какъ при другихъ, предыдущихъ ощущеніяхъ среда, повидимому, была чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ органу,—но припомнимъ ту тенденцію Аристотеля, съ которой мы уже нѣсколько разъ встрѣчались при изложеніи теоріи образованія другихъ ощущеній по Аристотелю, и мы согласимся, что это обстоятельство вовсе не должно дѣйствовать на насъ разубѣждающимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, и при зрительныхъ, и при слуховыхъ и при обонятельныхъ ощущеніяхъ — вездѣ среда, какъ мы видѣли, находилась въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ органомъ, вездѣ органъ, по своему устройству и по своимъ существеннымъ свойствамъ, являлся какъ-бы продолженіемъ той-же среды,—съ этой точки зрѣнія нисколько и неудивительно, если и здѣсь, и при вкусовыхъ ощущеніяхъ, среда какъ-бы входитъ въ самый органъ: здѣсь, стало быть, это родство среды и

органа только болѣе формулировано Аристотелемъ. Во всякомъ случаѣ важно, что собственно средою при вкусовыхъ ощущеніяхъ является нѣчто влажное, нѣкоторая влага, — а затѣмъ, откуда въ частности получается эта среда, это—уже не важно. И эта влажная среда (собственно мы могли бы назвать ее слюною) конечно дѣйствуетъ совершенно такимъ-же образомъ, какъ по предыдущему дѣйствовало влажное въ самомъ объектѣ, въ предметѣ вкуса: она также пропускаетъ черезъ себя, фильтруетъ объектъ вкуса—сухое, но соединившееся теперь съ влажнымъ. Аристотель, правда, не говоритъ этого подлинно, но это совершенно ясно изъ всего его ученія о вкусовыхъ ощущеніяхъ. Далѣе, собственно органомъ вкуса нужно будетъ признать на основаніи настоящаго мѣста языкъ. Что касается до того, какъ совершается передача движеній языку какъ органу вкуса указанною влажною средою, — на это и въ настоящемъ мѣстѣ нѣтъ никакихъ указаній, но можно думать, что и языкъ устроенъ въ этомъ отношеніи совершенно такъ, какъ устроены органы другихъ чувствъ: языкъ, по своему устройству, по всей вѣроятности является совершенно приноровленнымъ къ принятію движеній этой вкусовой влажной среды, и движенія этой вкусовой влажной среды происходятъ въ языкѣ такъ, какъ происходили бы и внѣ его; недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, языкъ по Аристотелю находится въ такомъ близкомъ родствѣ съ тѣмъ, что мы признали собственно вкусовою средою, и не даромъ по нѣкоторымъ мѣстамъ какъ будто выходитъ, какъ мы видѣли, у Аристотеля, что языкъ есть таже среда, есть только среда. Что языкъ есть только среда при вкусовыхъ ощущеніяхъ, это—собственно не подлинное мнѣніе Аристотеля, но только результатъ его тенденціи сближать какъ можно болѣе среду съ органомъ вообще при ощущеніяхъ; доказательствомъ такой неподлинности можетъ служить то обстоятельство, что о языкѣ, какъ о органѣ вкуса Аристотель въ настоящемъ мѣстѣ говоритъ очень опредѣленно, между тѣмъ о языкѣ, какъ о средѣ, онъ говорилъ, какъ мы видѣли, сравнительно менѣе точно, эта тождественность языка со средою являлась у него не въ видѣ прямого утвержденія, а только какъ нѣкоторый косвенный выводъ. Итакъ, вотъ мнѣніе Аристотеля по настоящимъ, интересующимъ насъ въ настоящее время вопросамъ, по вопросу о соб-

ственной средѣ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, и далѣе по вопросу о вкусовомъ органѣ, въ частности, о передачѣ движеній средою вкусовому органу,—и мнѣ кажется, что такое мнѣніе можно приписать Аристотелю какъ разъ на основаніи настоящаго, указаннаго мѣста, справедливость того, что Аристотель могъ думать по настоящимъ вопросамъ такимъ именно, какъ мы говоримъ, образомъ, можно утверждать какъ разъ и на основаніи настоящаго мѣста. Настоящее мѣсто, правда, какъ будто не даетъ права прямо сдѣлать указанные выводы, по крайней мѣрѣ указанные выводы во всѣхъ ихъ частностяхъ, во всемъ ихъ объемѣ, но вѣдь оно и не противорѣчитъ имъ. Между тѣмъ при такой формулировкѣ мыслей Аристотеля по указаннымъ вопросамъ мы несомнѣнно получаемъ двѣ выгоды: во 1-хъ, мы подводимъ и Аристотелевскую теорію образованія вкусовыхъ ощущеній подъ ту схему, по которой можно было разсматривать его теоріи образованія другихъ ощущеній, — изложеніе Аристотеля вообще ученія объ ощущеніяхъ, стало быть, выигрываетъ въ послѣдовательности; и во 2-хъ, при этой-же формулировкѣ становится еще яснѣе возможность утвержденія Аристотелемъ аналогичности запаховъ со вкусами, аналогичности процесса, которымъ получаются запахи, съ процессомъ, которымъ получаются вкусы, вкусовыя ощущенія. Дѣйствительно, въ настоящее время и при нашей формулировкѣ нельзя не видѣть, какъ много общаго по Аристотелю у того и другого процесса, такъ что нисколько не удивительно, что Аристотель такъ настаивалъ на этой общности. Въ самомъ дѣлѣ, если собственною средою при вкусовыхъ ощущеніяхъ будетъ по Аристотелю также влажное, и притомъ влажное, дѣйствующее совершенно такимъ-же образомъ, какимъ оно дѣйствовало и въ самомъ объектѣ, предметѣ вкуса, то такимъ мнѣніемъ Аристотеля конечно дается еще новое подтвержденіе возможности утвержденія указанной аналогичности; теперь даже и съ формальной стороны эта аналогичность будетъ еще полнѣе.

Наконецъ, намъ остается еще разсмотрѣть ученіе Аристотеля о пятомъ и послѣднемъ родѣ ощущеній, ощущеній осязательныхъ. Все, что говоритъ вообще Аристотель по поводу осязательныхъ ощущеній, находится главнымъ и почти исключительнымъ образомъ въ слѣдующей, 11-ой главѣ II-ой

книги его сочиненія о душѣ, — отсюда и намъ, при нашемъ разсмотрѣніи настоящихъ ощущеній по Аристотелю, придется обратить наше вниманіе только и исключительно на эту главу.

Содержаніе этой слѣдующей, 11-ой главы исчерпывается главнымъ образомъ постановкою и разрѣшеніемъ Аристотелемъ нѣкоторыхъ апорій, нѣкоторыхъ затрудненій, относящихся вообще къ осязательнымъ ощущеніямъ. Эти апоріи, эти затрудненія сводятся собственно къ тремъ пунктамъ, тремъ вопросамъ: во 1-хъ, къ вопросу о собственномъ предметѣ, объектѣ осязанія, во 2-хъ, къ вопросу объ органѣ осязанія, и наконецъ въ 3-хъ,—что находится въ самой тѣсной связи со вторымъ вопросомъ,—къ вопросу о средѣ при осязательныхъ ощущеніяхъ, о томъ, что можно считать средою при осязательныхъ ощущеніяхъ. Все это—вопросы, вообще интересные и для насъ въ настоящее время, по которымъ и мы вообще въ настоящее время излагаемъ ученія Аристотеля о различныхъ ощущеніяхъ,—въ виду этого обстоятельства, этотъ, собственно Аристотелевскій, порядокъ оставимъ и мы въ нашемъ непосредственно слѣдующемъ изложеніи. Аристотелевскую теорію осязательныхъ ощущеній мы изложимъ такимъ образомъ уже въ большинствѣ случаевъ вполнѣ придерживаясь самого Аристотеля, слѣдуя по бо́льшей части за самимъ Аристотелемъ, такъ сказать, и съ чисто внѣшней стороны.

«Объ осязаемомъ и осязаніи»,—такъ начинаетъ Аристотель эту 11-ую главу II-ой книги своего главнаго психологическаго сочиненія,—«должна быть та-же самая рѣчь», т. е. таже, совершенно аналогичная рѣчь, какая была и о другихъ чувствахъ, и о другихъ, собственно чувствуемыхъ предметахъ. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ Аристотель далѣе, «если осязаніе есть не одно чувство, но заключаетъ въ себѣ нѣсколько чувствъ, то тогда необходимо» (очевидно необходимо по аналогіи съ другими чувствами), «чтобы и самые ощущаемые, осязаемые предметы, объекты были бы многими». Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ, недоумѣніе,—дѣйствительно одно ли чувство осязанія, или оно собственно заключаетъ въ себѣ нѣсколько чувствъ; а затѣмъ, при формулировкѣ этого перваго вопроса, этого перваго недоумѣнія, Аристотель формулируетъ кстати и другія недоумѣнія по поводу тѣхъ-же ося-

зательныхъ ощущеній. «Является же вопросомъ», продолжаетъ Аристотель, «существуетъ-ли много чувствъ осязанія, или только одно; точно также какъ и—что именно должно считаться органомъ, способнымъ осязать осязаемое, должно ли считаться такимъ органомъ мясо, мускульная ткань, и то, что соотвѣтствуетъ мясу у другихъ животныхъ, или же нѣтъ, но мясо есть только среда, первый же, главный» (очевидно осязательный) «органъ есть нѣчто другое, находящееся внутри» [1]).

Это—начало настоящей 11-ой главы, и это-же, какъ это совершенно ясно,—и формулировка указанныхъ выше апорій, недоумѣній по поводу вообще осязательныхъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, что въ настоящемъ началѣ находится формулировка Аристотелемъ втораго и третьяго изъ указанныхъ выше сомнительныхъ для него вопросовъ, касающихся вообще осязанія,—это совершенно очевидно изъ самихъ-же приведенныхъ словъ Аристотеля; сомнѣнія могутъ быть только относительно связи недоумѣнія Аристотеля по поводу существованія нѣсколькихъ чувствъ осязанія съ указаннымъ выше его недо-

---

[1]) De anima II, 11. 422 b. 17—23. *Περὶ δὲ τοῦ ἁπτοῦ καὶ ἁφῆς ὁ αὐτὸς λόγος. εἰ γὰρ ἡ ἁφὴ μὴ μία ἐστὶν αἴσθησις ἀλλὰ πλείους, ἀναγκαῖον καὶ τὰ ἁπτὰ αἰσθητὰ πλείω εἶναι. ἔχει δ' ἀπορίαν πότερον πλείους εἰσὶν ἢ μία, καὶ τί τὸ αἰσθητήριον τὸ τοῦ ἁπτοῦ ἁπτικόν, πότερον ἡ σὰρξ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις τὸ ἀνάλογον, ἢ οὔ, ἀλλὰ τοῦτο μέν ἐστι τὸ μεταξύ, τὸ δὲ πρῶτον αἰσθητήριον ἄλλο τί ἐστιν ἐντός.* Вступительныя слова настоящаго отрывка, именно слова *περὶ δὲ τοῦ ἁπτοῦ καὶ ἁφῆς ὁ αὐτὸς λόγος* представляются Trendelenburg'у нѣсколько затруднительными для непосредственнаго пониманія, особенно въ связи со всѣмъ послѣдующимъ (см. замѣчанія Trendelenburg'а къ этимъ словамъ въ его изданіи, стр. 330). Однако я думаю — и это я старался показать при своемъ переводѣ, въ текстѣ—, никакого особеннаго затрудненія здѣсь быть не можетъ: если взглянуть на указанныя слова попроще, то они будутъ совершенно ясны для пониманія. Trendelenburg, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣрно понимаетъ тутъ слово *λόγος*: *λόγος* онъ переводитъ латинскимъ словомъ ratio, сущность всей указанной фразы онъ резюмируетъ—tactus eadem est ratio. Но зачѣмъ понимать *λόγος* какъ ratio, стало быть, какъ отношеніе? Не проще ли передать его просто — рѣчью? Вотъ при переводѣ *λόγος* терминомъ – рѣчь и должна исчезнуть, по моему мнѣнію, всякая неясность. Съ переводомъ, приведеннымъ въ текстѣ, и съ настоящими замѣчаніями ср. еще замѣчанія Zahlfleisch'а въ его статьѣ по поводу этихъ же словъ, стр. 11.

умѣніемъ относительно самаго объекта, предмета осязанія. Однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, эта связь несомнѣнно существуетъ; Аристотель, высказывая сомнѣніе въ томъ, существуетъ ли одно чувство осязанія или нѣсколько, въ концѣ концовъ сомнѣвается именно въ природѣ объекта, предмета осязанія. «Каждое же чувство», говоритъ Аристотель далѣе, какъ кажется, имѣетъ дѣло съ одною только противоположностью, какъ напр. чувство зрѣнія имѣетъ дѣло съ бѣлымъ и чернымъ, чувство слуха—съ высокимъ и низкимъ, чувство вкуса—съ горькимъ и сладкимъ; но въ осязаемомъ», прибавляетъ тотчасъ-же Аристотель, «существуетъ много противоположностей, въ осязаемомъ существуютъ противоположности —теплаго и холоднаго, сухого и влажнаго, твердаго и мягкаго, и много другихъ, подобныхъ же противоположностей. Нѣкоторое разрѣшеніе этой апоріи, этого затрудненія», продолжаетъ Аристотель, «заключается въ томъ обстоятельствѣ, что и въ другихъ чувствахъ существуетъ много противоположностей, какъ напр. въ голосѣ, въ звукѣ, не только бываетъ высота и низость, но также еще и сила и слабость звука, мягкость и шероховатость» (грубость) «и т. д. И въ томъ, что касается цвѣта, существуютъ также подобныя другія разницы. Но что̀ единое, лежащее въ основѣ всего осязаемаго, что̀ именно является такимъ-же для осязанія, какимъ является для слуха звукъ,—это уже совершенно не ясно». Т. е. по Аристотелю, правда, и въ области другихъ чувствъ существуетъ много противоположностей, противоположностей, которыя пожалуй трудно было бы свести къ какой-либо одной противоположности. Но хотя бы эти противоположности и трудно было свести къ одной противоположности, тѣмъ не менѣе, учитъ Аристотель, всетаки всѣмъ этимъ противоположностямъ въ другихъ чувствахъ можно дать одно общее названіе, можно подвести ихъ подъ одно опредѣленіе, какъ подводятся напр. подъ одно общее опредѣленіе звука или цвѣта всѣ возможныя противоположности въ области чувства зрѣнія или чувства слуха. Не то—по отношенію къ противоположностямъ, съ которыми имѣетъ дѣло осязаніе: противоположности, входящія въ область осязанія, повидимому уже никоимъ образомъ не могутъ быть сведены къ чему-нибудь единому, къ чему-нибудь, что схватывало и содержало бы ихъ въ себѣ; эти противопо

ложности всегда остаются какъ будто совершенно чуждыми, не имѣющими уже совершенно ничего общаго другъ съ другомъ [1]). Вотъ, стало быть, въ какомъ смыслѣ Аристотель утверждалъ выше, что пожалуй можетъ существовать и нѣсколько осязаній. Аристотель утверждалъ это именно потому, что для него самого не ясна природа осязаемаго какъ осязаемаго, что для

---

[1]) Ibidem, 422 b. 23—33. *Πᾶσά τε γὰρ αἴσθησις μιᾶς ἐναντιώσεως εἶναι δοκεῖ, οἷον ὄψις λευκοῦ καὶ μέλανος καὶ ἀκοὴ ὀξέος καὶ βαρέος καὶ γεῦσις πικροῦ καὶ γλυκέος· ἐν δὲ τῷ ἁπτῷ πολλαὶ ἔνεισιν ἐναντιώσεις, θερμὸν ψυχρόν, ξηρὸν ὑγρόν, σκληρὸν μαλακόν, καὶ τῶν ἄλλων ὅσα τοιαῦτα. ἔχει δέ τινα λύσιν πρός γε ταύτην τὴν ἀπορίαν, ὅτι καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων αἰσθήσεών εἰσιν ἐναντιώσεις πλείους, οἷον ἐν φωνῇ οὐ μόνον ὀξύτης καὶ βαρύτης, ἀλλὰ καὶ μέγεθος καὶ μικρότης καὶ λειότης καὶ τραχύτης φωνῆς καὶ τοιαῦθ' ἕτερα. εἰσὶ δὲ καὶ περὶ χρῶμα διαφοραὶ τοιαῦται ἕτεραι. ἀλλὰ τί τὸ ἓν τὸ ὑποκείμενον, ὥσπερ ἀκοῇ ψόφος, οὕτω τῇ ἁφῇ, οὐκ ἔστιν ἔνδηλον.* Совершенно такъ, какъ первыя вступительныя слова предшествующаго отрывка повергли въ нѣкоторое недоумѣніе относительно ихъ непосредственнаго пониманія Trendelenburg'a, совершенно такъ же первыя слова настоящаго отрывка заставляютъ недоумѣвать Zahlfleisch'a. Zahlfleisch обращаетъ свое главное вниманіе на частицу *γάρ* вначалѣ, и, соображая, что частица *γάρ*, какъ причинная частица, всегда разъясняетъ только непосредственно предшествующее, онъ спрашиваетъ — какимъ образомъ этотъ періодъ, начинающійся указанною частицею, словами *πᾶσά τε γάρ*, можетъ объяснять непосредственно предшествующее, можетъ объяснить установленіе собственнаго мѣста для органа осязанія (ибо въ непосредственно предшествующемъ, говоритъ Zahlfleisch, говорилось именно о такомъ мѣстѣ—*τὸ δὲ πρῶτον αἰσθητήριον ἄλλο τί ἐστιν ἐντός*). Чтобы установить эту возможность Zahlfleisch пускается далѣе въ весьма длинныя разсужденія (см. у Zahlfleisch'a въ его статьѣ, та-же 11-ая стр.). Однако мнѣ кажется, что и здѣсь нѣтъ никакой нужды во всѣхъ такихъ разсужденіяхъ, и здѣсь слѣдуетъ смотрѣть на дѣло проще. Почему, въ самомъ дѣлѣ, непремѣнно думать, что частица *γάρ* всегда разъясняетъ только непосредственно предшествующее, почему не относить ее вообще къ предшествующему? Если же отнести частицу *γάρ* и весь періодъ, начинающійся съ нея, вообще къ предшествующему, то выйдетъ, какъ это я и стараюсь показать въ текстѣ, что весь этотъ періодъ, начинающійся съ *γάρ*, служитъ разъясненіемъ всего предшествующаго періода, всего предшествующаго отрывка, въ частности же, того мѣста, гдѣ Аристотель говорилъ о возможности существованія нѣсколькихъ чувствъ,—и никакой нужды въ разсужденіяхъ Zahlfleisch'a дѣйствительно не будетъ. При такомъ пониманіи эту частицу *γάρ* придется передать только не русскою частицею—«ибо», а частицею—«же».

него самого отдѣльные частные осязаемые объекты являются какъ будто совершенно не имѣющими ничего общаго, совершенно несводимыми другъ къ другу. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно можетъ прійти въ голову мысль о существованіи нѣсколькихъ чувствъ осязанія, но эта мысль въ концѣ концовъ конечно будетъ обусловливаться именно неясностью природы самаго осязаемаго объекта въ общемъ. Могутъ существовать нѣсколько чувствъ осязанія—но почему? Потому, что нѣтъ одного осязаемаго объекта, потому, что вообще осязаемое какъ-бы расчленяется на нѣсколько отдѣльныхъ осязаемыхъ объектовъ, объектовъ, найти въ которыхъ общность, связь ихъ другъ съ другомъ, повидимому, невозможно. Итакъ, изъ этого продолженія начала 11-ой главы становится, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно совершенно ясною эта связь недоумѣнія Аристотеля по поводу существованія нѣсколькихъ чувствъ осязанія съ указаннымъ выше его недоумѣніемъ относительно самаго объекта, предмета осязанія; сомнѣвается тутъ Аристотель дѣйствительно собственно въ природѣ объекта осязанія, въ томъ, какъ дать одно общее, точное опредѣленіе осязаемому какъ осязаемому.

Какъ-же теперь разрѣшаетъ Аристотель эту первую апорію, это первое затрудненіе, какъ опредѣляетъ онъ въ концѣ концовъ осязаемое, объектъ, предметъ осязанія общимъ образомъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно будетъ нѣсколько уклониться отъ непосредственнаго изложенія самого Аристотеля, намъ нужно будетъ уйти отъ начала 11-ой главы и перейти ближе къ концу ея, нужно будетъ разсмотрѣть мѣсто, которое въ большинствѣ изданій De anima обозначается какъ 10-ый §-ъ этой 11-ой главы. Это мѣсто гласитъ слѣдующее: «Осязаются же» (являются собственно объектами, предметами осязанія) «различія» (различныя свойства) «тѣла какъ тѣла; я говорю», объясняетъ это свое положеніе Аристотель, «о тѣхъ различіяхъ, которыя собственно и разграничиваютъ стихіи, элементы» (собственно опредѣляютъ стихіи, элементы —огонь, землю, воздухъ и воду, какъ стихіи), «о тепломъ и холодномъ, о влажномъ и сухомъ, о чемъ мы говорили раньше въ сочиненіи, касающемся стихій» [1]). Слѣдовательно то

[1]) Ibidem, 423 b. 26—29. *Ἁπταὶ μὲν οὖν εἰσιν αἱ διαφοραὶ τοῦ σώματος ᾗ σῶμα· λέγω δὲ διαφορὰς αἳ τὰ στοιχεῖα διορίζουσι, θερμὸν ψυχρόν, ξηρὸν ὑγρόν,*

общее, чего Аристотель не могъ найти раньше и ради чего онъ даже готовъ былъ допустить нѣсколько чувствъ осязанія, онъ находитъ теперь въ свойствахъ тѣла какъ тѣла, другими словами, въ тѣхъ самыхъ общихъ тѣлесныхъ, матеріальныхъ качествахъ, которыми, именно благодаря такой ихъ общности, опредѣляются стихіи. Такъ разрѣшаетъ Аристотель это свое первое затрудненіе. Однако нельзя не замѣтить, что это разрѣшеніе въ сущности не разрѣшаетъ этого затрудненія, а только обходитъ его. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь всетаки остаются двѣ противоположности, которыя, строго говоря, вовсе не сводятся другъ къ другу, которыя, въ существѣ дѣла, вовсе не имѣютъ ничего общаго между собою. И тутъ нисколько не помогаетъ опредѣленіе Аристотеля осязаемаго какъ такого, что заключаетъ въ себѣ свойства тѣла какъ тѣла, самыя общія тѣлесныя свойства: это опредѣленіе какъ будто даетъ кое-что съ формальной стороны, но оно ничего не даетъ по существу. Остается всетаки вопросомъ: что́, въ самомъ дѣлѣ, общаго, напр., у теплаго съ сухимъ и у холоднаго съ влажнымъ, хотябы это и были все самыя общія первичныя матеріальныя, тѣлесныя свойства? почему ощущенія всѣхъ этихъ свойствъ должны вхо́дить въ область одного чувства—осязанія, стало быть, ощущаться совершенно одинаковымъ образомъ? Итакъ,

---

περὶ ὧν εἰρήκαμεν πρότερον ἐν τοῖς περὶ στοιχείων. Что касается то того, на какое изъ своихъ сочиненій ссылается тутъ Аристотель, называя его *τὰ περὶ στοιχείων*, то большинство комментаторовъ указываютъ, что по всей вѣроятности Аристотель имѣлъ тутъ въ виду свое сочиненіе—*περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς*, въ частности мѣсто изъ 2-ой главы II-ой книги этого сочиненія, именно De gen. et corrupt. II, 2. 329 b. 18 и слѣд. (см. комментаріи къ настоящей фразѣ у Trendelenburg'a въ его изданіи, стр. 336, и у Wallace'a стр. 248;—издатель второго̀ изданія Комментарій Trendelenburg'a, Chr. Belger, и Wallace, кромѣ того, приводитъ и подобныя же указанія Bonitz'a въ Index Aristotelicus и Heitz'a). Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что Trendelenburg высказываетъ эту вѣроятность съ весьма большою осторожностью. Какъ бы то ни было, но указанное мѣсто изъ De gen. et corrupt. по своему смыслу вполнѣ подходитъ къ настоящей фразѣ: Аристотель только прибавляетъ тамъ къ перечисленнымъ и здѣсь противоположностямъ еще другія противоположности, также входящія въ область осязанія; но всеже предпочтеніе повидимому онъ и тамъ отдаетъ указаннымъ здѣсь противоположностямъ,—именно ихъ онъ ставитъ на первый планъ, прежде всего.

это разрѣшеніе Аристотелемъ его первой апоріи, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, далеко не можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Теперь возвратимся опять къ порядку изложенія самого Аристотеля. Послѣ начала и послѣ продолженія начала, послѣ постановки и разъясненія этой постановки своихъ апорій, Аристотель въ настоящей 11-ой главѣ собственно занимается разрѣшеніемъ второй и третьей апоріи, второго и третьяго затрудненія, затрудненія относительно органа осязанія и, находящагося въ самой тѣсной связи съ этимъ затрудненіемъ, затрудненія относительно среды при осязательныхъ ощущеніяхъ, —вотъ разрѣшеніемъ этихъ-то апорій, этихъ-то затрудненій самимъ Аристотелемъ мы и займемся въ настоящее время. Прежде всего Аристотель пытается разрѣшить указанныя затрудненія разсмотрѣніемъ самаго факта осязанія, того, что́, повидимому, собственно и непосредственно происходитъ при осязаніи. «Существуетъ ли органъ осязанія внутри», говоритъ Аристотель въ своемъ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи 11-ой главы, тотчасъ-же послѣ начала, отъ котораго мы уклонились, «или нѣтъ, но органомъ осязанія непосредственно и является мясо, мускульная ткань, — для разрѣшенія этого вопроса нисколько не служитъ доказательствомъ тотъ фактъ, что ощущеніе осязанія совершается при непосредственномъ соприкосновеніи». Т. е. если обратить вниманіе на самый фактъ осязанія, на то, что собственно происходитъ при осязаніи, и если обратить вниманіе на то обстоятельство, что собственно при осязаніи, повидимому, происходитъ непосредственное соприкосновеніе двухъ предметовъ, осязаемаго и осязающаго, точнѣе, тѣла, мускульной ткани осязающаго, то можетъ показаться, что это тѣло, эта мускульная ткань осязающаго и есть въ сущности органъ осязанія. Однако это по Аристотелю не такъ, тутъ можетъ быть много недоумѣній, и сомнительность такого заключенія онъ тотчасъ-же доказываетъ слѣдующими соображеніями. «Ибо если-бы кто-либо и теперь, и въ настоящее время», продолжаетъ Аристотель, «взялъ, сдѣлалъ какъ-бы нѣкоторую перепонку и обернулъ эту перепонку кругомъ всей мускульной ткани» (всего тѣла), «то совершенно одинаковымъ-же образомъ эта перепонка, соприкоснувшись съ осязаемымъ, тотчасъ-же дала бы знать объ осязательномъ ощущеніи, хотя

ясно, что въ такой перепонкѣ не можетъ заключаться собственный органъ осязанія; и если-бы даже эта перепонка явилась чѣмъ-то сросшимся» (очевидно съ тѣломъ чувствующаго, осязающаго существа), «то и въ такомъ случаѣ только еще скорѣе прошло бы черезъ нее осязательное ощущеніе. Поэтому», указываетъ Аристотель далѣе, «такая часть тѣла» (такая перепонка), «какъ кажется, находилась-бы въ такихъ-же условіяхъ къ намъ, какъ если-бы кругомъ насъ» (кругомъ нашего тѣла) «приросъ воздухъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ намъ казалось бы, что мы ощущаемъ чѣмъ-то единымъ и звукъ, и цвѣтъ, и запахъ, и казалось бы, что одно и тоже нѣкоторое чувство есть и чувство зрѣнія, и чувство слуха, и чувство обонянія; но теперь», тотчасъ-же противопоставляетъ Аристотель, «такъ какъ можно разграничить то, благодаря чему совершаются движенія» (конечно при всѣхъ этихъ ощущеніяхъ), т. е. такъ какъ можно разграничить, опредѣлить совершенно раздѣльнымъ образомъ самую среду, въ которой собственно и совершаются движенія при указанныхъ ощущеніяхъ, а также можно разграничить и различные способы вліянія этой среды на различные органы, «то и ясно, что эти указанные органы» (что всѣ органы при указанныхъ ощущеніяхъ) «различны». Другими словами, въ другихъ ощущеніяхъ, кромѣ осязательныхъ, по Аристотелю совершенно ясно можно разграничить, раздѣлить среду, то, въ чемъ собственно и совершаются движенія при этихъ ощущеніяхъ, отъ частей чувствующаго существа, которымъ передаются эти движенія среды, отъ органовъ; эти два существенные элементы, при произведеніи другихъ ощущеній, дѣйствительно являются совершенно раздѣльными. Иначе обстояло бы дѣло, говоритъ Аристотель, если-бы среда при какихъ-либо ощущеніяхъ какъ-бы срослась съ чувствующимъ существомъ, если-бы, напр., воздухъ, который, какъ мы знаемъ, служитъ по Аристотелю средою при ощущеніяхъ зрительныхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ, сросся бы съ тѣломъ чувствующаго существа. Въ такомъ случаѣ, этотъ сросшійся воздухъ явился бы чѣмъ-то вродѣ совершенно внѣшней, только приросшей къ чувствующему существу, перепонки, всѣ чувства, всѣ ощущенія, при которыхъ воздухъ является средою, смѣшались бы, и, такимъ образомъ, совершенно невозможно было бы различить и различные

органы всѣхъ этихъ чувствъ. Во всякомъ случаѣ, сравнительная ясность всѣхъ другихъ ощущеній, кромѣ осязательныхъ, обусловливается въ нихъ по Аристотелю какъ разъ совершенно ясною раздѣльною средою и, вслѣдствіе этого, совершенно яснымъ-же дѣйствіемъ этой среды на части чувствующаго существа, на органы. Но въ осязательныхъ ощущеніяхъ, выходитъ у Аристотеля далѣе, этой-то раздѣльности среды и нѣтъ, —и отсюда вездѣ господствуетъ неясность. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи всего предыдущаго для Аристотеля представляется довольно вѣроятнымъ, что среда при осязательныхъ ощущеніяхъ не есть что-либо отдѣльное отъ чувствующаго существа, что она входитъ въ самое чувствующее существо,—и представляется вопросомъ только, гдѣ въ чувствующемъ существѣ искать ее. Въ виду этого разыскиванія Аристотель разсматриваетъ самое устройство чувства осязанія въ чувствующемъ существѣ, самые составные элементы, изъ которыхъ состоитъ чувство осязанія въ чувствующемъ существѣ, и въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, что средою при осязательныхъ ощущеніяхъ слѣдуетъ считать именно тѣло, самое мясо, мускульную ткань чувствующаго существа. Но въ такомъ случаѣ среда при осязательныхъ ощущеніяхъ и является какъ разъ неотдѣленною отъ чувствующаго существа, какъ разъ тою внѣшнею приросшею перепонкою,—и такимъ-то образомъ и остаются всѣ указанныя неясности; различныя осязательныя ощущенія, напр., являются дѣйствительно различными, непонятными въ этой своей различности. Всѣ эти дальнѣйшія мысли подлинно Аристотель выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ области же осязанія», говоритъ онъ, «это-то въ настоящее время и неясно» (т. е. неясно то, что, по вышеуказанному, было совершенно ясно въ другихъ ощущеніяхъ, кромѣ осязательныхъ). «Въ самомъ дѣлѣ», продолжаетъ онъ—и въ этомъ продолженіи заключается уже разыскиваніе имъ среды при осязательныхъ ощущеніяхъ и въ связи съ этимъ разсмотрѣніе самаго чувства осязанія, самыхъ составныхъ элементовъ этого чувства—, «невозможно, чтобы одушевленное тѣло состояло изъ воздуха или воды, такъ какъ должно быть въ немъ и нѣчто плотное, твердое. Остается такимъ образомъ одушевленному тѣлу быть смѣшаннымъ изъ земли и этихъ» (вышеупомянутыхъ) «элементовъ, быть совер-

шенно въ такомъ составѣ, въ какомъ бываетъ мясо, мускульная ткань, и то, что аналогично тѣлу,—такъ что необходимо, чтобы и то, что мы называемъ тѣломъ, было бы средою, какъ-бы приросшею къ существу, способному осязать, средою, черезъ которую и происходятъ различныя осязательныя ощущенія». Т. е. Аристотель, разыскивая среду при осязательныхъ ощущеніяхъ и предполагая ее соединенною съ самимъ чувствующимъ существомъ, выходитъ при этомъ изъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній. Что такое самое чувство осязанія въ чувствующемъ существѣ, изъ какихъ составныхъ элементовъ состоитъ оно?—спрашиваетъ Аристотель. Оказывается, что по своему составу собственно чувство осязанія въ чувствующемъ существѣ ближе всего должно подходить, даже прямо должно совпадать съ тѣмъ, что называется вообще мясомъ, мускульною тканью. Но на основаніи всего предыдущаго можно было ожидать, что мясо, мускульная ткань и будетъ какъ разъ средою при осязательныхъ ощущеніяхъ,—и такимъ образомъ Аристотель и заявляетъ, что то, что мы называемъ тѣломъ чувствующаго существа (мясомъ, мускульною тканью) — собственное, казалось бы, чувство осязаніе — есть только среда при осязательныхъ ощущеніяхъ. Затѣмъ далѣе, когда среда при осязательныхъ ощущеніяхъ очутилась отсюда въ самомъ чувствующемъ существѣ, являются всѣ указанныя неясности: различныя осязательныя ощущенія, какъ мы говорили, являются дѣйствительно различными, совершенно непонятными въ своемъ различіи,—и Аристотель иллюстрируетъ далѣе эти непонятныя различія осязательныхъ ощущеній нѣкоторымъ сведеніемъ съ чувствомъ осязанія еще чувства вкуса. «А что осязательныя ощущенія дѣйствительно бываютъ многочисленны и различны», говоритъ Аристотель далѣе, «—это доказываетъ осязаніе, находящееся въ языкѣ; ибо ощущаютъ одною и тою-же частью» (языкомъ) «и все осязаемое, и всѣ осязаемыя качества, и въ тоже время и объектъ, предметъ вкуса. Такимъ образомъ», указываетъ еще Аристотель, «если-бы и всякая другая мускульная ткань, и всякая другая часть мяса воспринимала бы вкусовыя ощущенія, то казалось бы, что одно и тоже чувство—чувство вкуса и чувство осязанія; теперь-же—ихъ слѣдуетъ считать двумя, вслѣдствіе того, что нельзя принять ихъ одно за другое». Другими словами, при

осязательныхъ ощущеніяхъ по Аристотелю происходитъ то, что происходило бы, если-бы вкусовыя ощущенія можно было получать не только черезъ языкъ (который также является тѣломъ чувствующаго существа, мускульною тканью,— стало быть, также является средою при осязательныхъ ощущеніяхъ и также осязаетъ), но еще и черезъ всѣ другія мускульныя ткани, черезъ всѣ другія части тѣла. Въ такомъ случаѣ чувство вкуса и чувство осязанія совершенно слились бы, сдѣлались бы однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, и тѣмъ не менѣе собственно вкусовыя и осязательныя ощущенія остались бы различными. Но они были бы непонятными въ своемъ различіи—непонятными потому, что не было бы отдѣльныхъ органовъ этихъ чувствъ, не было бы ни того, что собственно можно назвать чувствомъ вкуса, ни того, что можно назвать чувствомъ осязанія [1]).

Такъ пытается Аристотель разрѣшить эти указанныя выше апоріи, затрудненія разсмотрѣніемъ самаго факта осязанія, того, что, повидимому, собственно и непосредственно происходитъ при осязаніи. Хотя конечно нельзя не согласиться, что приведенныя разсужденія Аристотеля въ достаточной степени туманны и неясны, но съ другой стороны нельзя точно также не признать, что одинъ пунктъ просвѣчиваетъ здѣсь очень опредѣленно, — это именно указаніе Аристотеля, что то, что мы называемъ мясомъ, мускульною тканью, самымъ тѣломъ чувствующаго существа—это вовсе не слѣдуетъ считать чувствующимъ органомъ при осязаніи, а слѣдуетъ считать это

---

[1]) Ibidem, 422 b. 34—423 a. 21. *Πότερον δ' ἐστὶ τὸ αἰσθητήριον ἐντός, ἢ οὔ, ἀλλ' εὐθέως ἡ σάρξ; οὐδὲν δοκεῖ σημεῖον εἶναι τὸ γίνεσθαι τὴν αἴσθησιν ἅμα θιγγανομένων. καὶ γὰρ νῦν εἴ τις περὶ τὴν σάρκα περιτείνειεν οἷον ὑμένα ποιήσας, ὁμοίως τὴν αἴσθησιν εὐθέως ἀψάμενος ἐνσημαίνει· καίτοι δῆλον ὡς οὐκ ἔστιν ἐν τούτῳ τὸ αἰσθητήριον· εἰ δὲ καὶ συμφυὲς γένοιτο, ἧττον ἔτι δικνοῖτ' ἂν ἡ αἴσθησις. διὸ τὸ τοιοῦτο μόριον τοῦ σώματος ἔοικεν οὕτως ἔχειν ὥσπερ ἂν εἰ κύκλῳ ἡμῖν περιεπεφύκει ὁ ἀήρ· ἐδοκοῦμεν γὰρ ἂν ἐνί τινι αἰσθάνεσθαι καὶ ψόφου καὶ χρώματος καὶ ὀσμῆς, καὶ μία τις αἴσθησις εἶναι ὄψις ἀκοὴ ὄσφρησις. νῦν δὲ διὰ τὸ διωρίσθαι δι' οὗ γίνονται αἱ κινήσεις, φανερὰ τὰ εἰρημένα αἰσθητήρια ἕτερα ὄντα. ἐπὶ δὲ τῆς ἁφῆς τοῦτο νῦν ἄδηλον· ἐξ ἀέρος μὲν γὰρ ἢ ὕδατος ἀδύνατον συστῆναι τὸ ἔμψυχον σῶμα· δεῖ γάρ τι στερεὸν εἶναι. λείπεται δὴ μικτὸν ἐκ γῆς καὶ τούτων εἶναι, οἷον βούλεται ἡ σὰρξ καὶ τὸ ἀνάλογον· ὥστε ἀναγκαῖον καὶ τὸ σῶμα εἶναι μεταξὺ τοῦ ἁπτικοῦ προσπεφυκός, δι' οὗ γίνονται αἱ*

только средою при осязательныхъ ощущеніяхъ. Въ такомъ положеніи безъ сомнѣнія уже заключается до нѣкоторой степени отвѣтъ Аристотеля на указанныя апоріи, безъ сомнѣнія уже заключается нѣкоторое разрѣшеніе Аристотелемъ указанныхъ затрудненій. Однако этимъ Аристотель еще недовольствуется. Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи той-же 11-ой главы II-ой книги De anima онъ старается еще болѣе обосновать это положеніе, онъ старается обосновать это положеніе

αἰσθήσεις πλείους οὖσαι. δηλοῖ δ' ὅτι πλείους ἡ ἐπὶ τῆς γλώττης ἁφή· ἁπάντων γὰρ τῶν ἁπτῶν αἰσθάνεται κατὰ τὸ αὐτὸ μόριον καὶ χυμοῦ. εἰ μὲν οὖν καὶ ἡ ἄλλη σὰρξ ᾐσθάνετο τοῦ χυμοῦ, ἐδόκει ἂν ἡ αὐτὴ καὶ μία εἶναι αἴσθησις ἡ γεῦσις καὶ ἡ ἁφή· νῦν δὲ δύο διὰ τὸ μὴ ἀντιστρέφειν. Весь этотъ отрывокъ, весь этотъ отдѣлъ настоящей, 11-ой главы II-ой книги De anima заключаетъ въ себѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться уже изъ самаго перевода и объясненій въ текстѣ, весьма много трудностей для своего пониманія и объясненія. Не то, чтобы въ немъ существовали какія-либо затрудненія съ чисто внѣшней стороны, напр. со стороны текста, чтобы самый текстъ въ немъ не былъ бы установленъ,—съ этой стороны нельзя пожаловаться, самый текстъ, по крайней мѣрѣ у большинства издателей, является тождественнымъ, стало быть установленнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію. Точно также и отдѣльныя фразы, отдѣльныя выраженія, взятыя сами по себѣ, не представляютъ особыхъ затрудненій, такихъ затрудненій, которыя необходимо требовали бы какихъ-либо особыхъ объясненій. Затрудненія въ этомъ отрывкѣ заключаются въ дальнѣйшемъ, болѣе общемъ смыслѣ. Дѣйствительно, если прочитать настоящій отрывокъ, такъ сказать, ex abrupto, безъ всякихъ соотвѣтственныхъ разъясненій, то положительно станешь въ тупикъ относительно нѣкоторыхъ фразъ, —какимъ образомъ соединить нѣкоторыя фразы съ предыдущимъ, какую связь имѣютъ онѣ съ предыдущимъ и какъ вообще онѣ попали въ данное мѣсто? Въ виду такихъ затрудненій со стороны полученія дальнѣйшаго, болѣе общаго смысла въ настоящемъ отрывкѣ, совершенно естественно, что отрывокъ этотъ вызвалъ весьма много комментарій и разъясненій къ себѣ (особенно ср. весьма обширныя комментаріи Trendelenburg'a въ его изданіи, стр. 330—333; а также и замѣчанія Zahlfleisch'a въ его статьѣ, стр. 11—12). Что касается до перевода и разъясненій, предложенныхъ въ текстѣ, то, не входя въ подробности,—что завело бы меня уже слишкомъ далеко—, укажу только, что этотъ переводъ и эти разъясненія въ общемъ совпадаютъ съ указанными комментаріями Trendelenburg'a. Не могу, правда, сказать, чтобы я уже вполнѣ слѣдовалъ за Trendelenburg'омъ—въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ приходилось уклоняться отъ Trendelenburg'a и не соглашаться съ нимъ—, тѣмъ не менѣе всеже именно Trendelenburg служилъ для меня какъ-бы общимъ руководствомъ, именно къ комментаріямъ Trendelenburg'a подходятъ настоящій переводъ и настоящія разъясненія всего болѣе.

еще сравненіемъ чувства осязанія со всѣми другими чувствами, сравненіемъ процесса, происходящаго при осязательныхъ ощущеніяхъ, съ процессомъ, происходящимъ при всѣхъ другихъ ощущеніяхъ. Въ этомъ сравненіи, въ этомъ обоснованіи и заключается дальнѣйшее, болѣе существенное изложеніе самимъ Аристотелемъ его теоріи осязательныхъ ощущеній, но предварительно онъ посвящаетъ еще нѣсколько вниманія тому, о чемъ говорилъ только что, онъ приводитъ еще нѣсколько разсужденій, находящихся въ прямой непосредственной связи съ только что разсмотрѣннымъ нами отрывкомъ. Именно, на основаніи предыдущаго отрывка у Аристотеля выходило, что сомнительно вообще дѣлать какіе-либо выводы изъ факта непосредственнаго соприкосновенія осязающаго, чувствующаго существа съ осязаемымъ,—теперь же онъ берется за самый этотъ фактъ, онъ указываетъ, что и самый этотъ фактъ-то сомнителенъ, что, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ никакихъ соприкосновеній между осязаемымъ и осязающимъ происходить не можетъ. Однако, въ виду того, что эти, такъ сказать, дополнительныя разсужденія особеннаго интереса для насъ въ настоящее время представить не могутъ, заниматься ими въ ихъ подробности мы не будемъ,—ихъ мы оставимъ и перейдемъ прямо къ наиболѣе существенному, какъ мы говоримъ, въ изложеніи Аристотеля, къ этому сравненію нашихъ ощущеній съ другими, къ этому болѣе обстоятельному обоснованію Аристотелемъ уже добытаго имъ положенія.

Первая часть этого сравненія точно также не представляетъ для насъ чего-либо особенно интереснаго: она находится въ самой тѣсной связи съ только что указанными и оставленными нами дополнительными разсужденіями Аристотеля. Хотя и здѣсь Аристотель сравниваетъ осязательныя ощущенія съ другими ощущеніями, но онъ сравниваетъ ихъ съ точки зрѣнія того утвержденія, будто при осязаніи происходитъ непосредственное соприкосновеніе осязающаго съ осязаемымъ. Но, какъ мы намекнули и сію минуту, Аристотель не согласенъ допустить, чтобы такое соприкосновеніе могло происходить на самомъ дѣлѣ,—отсюда и здѣсь въ концѣ концовъ ему приходится прійти къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ что касается такого непосредственнаго соприкосновенія, никакой особенной разницы между осязательными и всѣми другими

ощущеніями быть не можетъ: съ этой внѣшней стороны и осязательныя ощущенія вовсе не отличаются отъ другихъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что это непосредственное соприкосновеніе здѣсь нужно понимать именно въ абсолютномъ, самомъ точномъ значеніи: только съ точки зрѣнія такого абсолютнаго значенія непосредственнаго соприкосновенія при осязательныхъ ощущеніяхъ быть не можетъ по Аристотелю, — если же говорить о непосредственномъ соприкосновеніи такъ, какъ обыкновенно говорятъ о немъ, не въ особенно точномъ смыслѣ—такое непосредственное соприкосновеніе бываетъ при осязательныхъ ощущеніяхъ, и самъ Аристотель далѣе какъ разъ говоритъ о такомъ (употребленномъ не особенно точно) непосредственномъ соприкосновеніи. Итакъ эта первая часть не особенно интересна для насъ. Но во второй части уже находится указанное обоснованіе Аристотеля,—въ виду этого вторую часть мы уже разсмотримъ обстоятельнѣе. «Но осязаемое», говоритъ Аристотель въ этой второй части, «отличается отъ видимыхъ и слышимыхъ предметовъ въ томъ отношеніи, что видимые и слышимые предметы мы ощущаемъ вслѣдствіе нѣкотораго дѣйствія на насъ среды, — осязаемые же предметы мы ощущаемъ не черезъ среду, но вмѣстѣ со средою, совершенно такъ, какъ бываетъ съ получившимъ ударъ черезъ щитъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ не щитъ, получивши ударъ, ударилъ человѣка, но пришлось получить ударъ обоимъ» (и щиту, и человѣку). Затѣмъ далѣе у Аристотеля идетъ фраза, которую мы уже приводили и разбирали выше, при изложеніи Аристотелевской теоріи образованія вкусовыхъ ощущеній (см. наше изложеніе этого-же 2-го отдѣла, стр. 136, примѣчаніе), именно фраза, заключающая въ себѣ указаніе, что мускульная ткань и языкъ стоятъ въ такихъ-же отношеніяхъ къ органу осязанія и органу вкуса, въ какихъ стоятъ воздухъ и вода при другихъ чувствахъ, — и наконецъ Аристотель, отчасти иллюстрируя эту фразу, даетъ общее заключеніе всему настоящему сравненію. «Когда самъ чувствующій органъ», указываетъ Аристотель въ этомъ заключеніи, «непосредственно соприкасается» (т. е. конечно непосредственно соприкасается въ обыкновенномъ смыслѣ съ своими чувственными объектами, предметами), «то ни тамъ» (ни въ другихъ ощущеніяхъ, кромѣ осязательныхъ и вкусовыхъ), «ни здѣсь»

(въ осязательныхъ и вкусовыхъ ощущеніяхъ) «не происходитъ самаго ощущенія, совершенно такъ, какъ кто-либо положилъ бы какое-либо бѣлое тѣло, какой-либо бѣлый предметъ на самую крайнюю поверхность глаза. Отсюда и ясно, что собственно способность, чувствующая осязаемое» (собственно осязательный органъ), «находится внутри. Только въ такомъ случаѣ и можетъ наблюдаться въ осязательныхъ ощущеніяхъ тоже, что наблюдается во всѣхъ другихъ ощущеніяхъ: въ самомъ дѣлѣ, если положить на самый чувствующій органъ его объекты, предметы» (конечно при всѣхъ другихъ ощущеніяхъ), «то ощущенія не произойдетъ, если-же положить осязаемыя вещи на мясо, на мускульную ткань, то ощущеніе произойдетъ,—такъ что мясо, мускульная ткань есть среда для существа, способнаго осязать» [1]).

Такова эта вторая часть настоящаго сравненія, такова эта часть, особенно важная, особенно интересная для насъ,

---

[1]) Ibidem, 423 b. 12—26. *Ἀλλὰ διαφέρει τὸ ἁπτὸν τῶν ὁρατῶν καὶ τῶν ψοφητικῶν, ὅτι ἐκείνων μὲν αἰσθανόμεθα τῷ τὸ μεταξὺ ποιεῖν τι ἡμᾶς, τῶν δὲ ἁπτῶν οὐχ ὑπὸ τοῦ μεταξύ ἀλλ' ἅμα τῷ μεταξύ, ὥσπερ ὁ δι' ἀσπίδος πληγείς· οὐ γὰρ ἡ ἀσπὶς πληγεῖσα ἔπάταξεν, ἀλλ' ἅμφω συνέβη πληγῆναι..... αὐτοῦ δὲ τοῦ αἰσθητηρίου ἁπτομένου οὔτ' ἐκεῖ οὔτ' ἐνταῦθα γένοιτ' ἂν αἴσθησις, οἷον εἴ τις σῶμα τὸ λευκὸν ἐπὶ τοῦ ὄμματος θείη τὸ ἔσχατον· ἢ καὶ δῆλον ὅτι ἐντὸς τὸ τοῦ ἁπτοῦ αἰσθητικόν. οὕτω γὰρ ἂν συμβαίνοι ὅπερ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων· ἐπιτιθεμένων γὰρ ἐπὶ τὸ αἰσθητήριον οὐκ αἰσθάνεται, ἐπὶ δὲ τὴν σάρκα ἐπιτιθεμένων αἰσθάνεται· ὥστε τὸ μεταξὺ τοῦ ἁπτικοῦ ἡ σάρξ.* Bekker'овское чтеніе выраженія *ἀλλ' ἅμφω συνέβη πληγῆναι* Torstrik и Wallace исправляютъ вставкою между *ἀλλ'* и *ἅμφω* еще слова *ἅμα*, такъ что у нихъ выходитъ—*ἀλλ' ἅμ' ἄμφω συνέβη πληγῆναι* (см. у Torstrik'a въ текстѣ его изданія, стр. 69; и у Wallace'a въ текстѣ, стр. 122). Такое исправленіе основывается на авторитетѣ одной рукописи, и оно конечно возможно, но съ другой стороны оно, какъ мнѣ кажется, вовсе не необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, и при томъ, и при другомъ чтеніи смыслъ въ сущности остается совершенно одинаковымъ, совершенно тождественнымъ, —въ виду этого и нѣтъ особенной надобности удаляться отъ Bekker'a. Затѣмъ, что касается до объясненія настоящаго отрывка съ общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дальнѣйшаго, болѣе общаго смысла, то если въ предыдущемъ примѣчаніи при такомъ-же объясненіи предыдущаго отрывка я заявилъ, что въ общемъ Trendelenburg служилъ для меня руководствомъ, —теперь, по крайней мѣрѣ по поводу первой части, первой половины настоящаго отрывка, мнѣ приходится констатировать полнѣйшее несогласіе съ Trendelenburg'омъ (ср. замѣчанія Trendelenburg'a въ этой первой части

какъ мы говорили, въ настоящее время. Такимъ образомъ совершенно ясно, что въ этой второй части дѣйствительно находится болѣе обстоятельное обоснованіе, болѣе обстоятельное подтвержденіе Аристотелемъ его вышеуказаннаго положенія, подтвержденіе, опирающееся теперь на сравненіи чувства осязанія съ другими чувствами. Если и въ предыдущемъ отрывкѣ Аристотель, повидимому, очень склонялся къ утвержденію, что мясо, мускульная ткань чувствующаго существа должна быть признана не органомъ, а только средою при осязательныхъ ощущеніяхъ, то всетаки онъ только склонялся, вполнѣ опредѣленныхъ и вполнѣ точныхъ выраженій у него по этому

въ его Комментаріяхъ, стр. 335). Дѣло здѣсь идетъ о томъ, какъ нужно понимать среду, о которой говоритъ въ этой первой части Аристотель,—и у Trendelenburg'a выходитъ, что, говоря о средѣ, Аристотель разумѣетъ воздухъ. Съ формальной стороны такое объясненіе конечно возможно, именно если сопоставить настоящую первую часть не съ послѣдующимъ, а съ предыдущимъ,—но только возможно-ли вообще такое сопоставленіе? Мнѣ кажется—и это я старался показать въ текстѣ, при самомъ переводѣ и разъясненіяхъ—, такое сопоставленіе совершенно невозможно: настоящая первая часть служитъ началомъ совершенно особаго ученія Аристотеля, она служитъ началомъ болѣе обстоятельнаго обоснованія Аристотелемъ его положенія о необходимости быть средою при осязательныхъ ощущеніяхъ именно мускульной ткани, мясу чувствующаго существа,—отсюда эту первую часть слѣдуетъ сопоставить съ послѣдующимъ и никоимъ образомъ не съ предыдущимъ. Да и къ какимъ результатамъ пришли бы мы, если-бы сдѣлали такое сопоставленіе? Результатами были бы — полная неясность и сбивчивость, какъ это въ сущности и выходитъ у Trendelenburg'a. Послѣ разъясненій Trendelenburg'a мы, строго говоря, не знаемъ—что́ же, въ концѣ концовъ, будетъ ли средою при осязательныхъ ощущеніяхъ воздухъ (что находилось бы уже въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ ученіемъ Аристотеля, заключающимся въ этой же 11-ой главѣ II-ой книги De anima), или же такою средою будетъ тѣло, мускульная ткань чувствующаго существа? Между тѣмъ, если мы сопоставимъ настоящую первую часть съ послѣдующимъ, то всѣ эти неясности исчезнутъ: выйдетъ, что Аристотель говоритъ здѣсь какъ о средѣ именно о мясѣ, о мускульной ткани чувствующаго, осязающаго существа,—воздуха же во всей этой части, да и во всемъ этомъ отрывкѣ онъ вовсе не имѣетъ въ виду. О воздухѣ Аристотель говорилъ выше, въ томъ отрывкѣ, который мы оставили, въ томъ отрывкѣ, гдѣ онъ сравнивалъ осязательныя ощущенія съ другими ощущеніями съ точки

поводу мы не встрѣчали тамъ,—здѣсь же какъ разъ находятся такія вполнѣ опредѣленныя и вполнѣ точныя выраженія. Правда, въ нашемъ предыдущемъ изложеніи, при нашемъ разборѣ и переводѣ той фразы, которую мы теперь пропустили (кромѣ указанной выше страницы и примѣчанія ср. еще стр. 140), мы замѣтили, что относительно языка какъ среды Аристотель выражается въ этой фразѣ не совсѣмъ опредѣленно, —это такъ, но это относится только къ данной фразѣ и затѣмъ главнымъ образомъ относится къ языку, какъ средѣ при вкусовыхъ ощущеніяхъ (если вообще можно думать, что въ данной фразѣ Аристотель имѣлъ въ виду и языкъ какъ среду при вкусовыхъ ощущеніяхъ [1]). Что же касается до языка и вообще до мяса, до мускульной ткани при осязательныхъ

зрѣнія непосредственнаго (въ абсолютномъ смыслѣ этого слова) соприкосновенія. Тамъ, какъ мы знаемъ, Аристотель утверждалъ, что въ этомъ отношеніи никакой разницы между осязательными и другими ощущеніями быть не можетъ, что и при осязательныхъ и при другихъ ощущеніяхъ абсолютнаго непосредственнаго соприкосновенія не бываетъ; и при этомъ-то утвержденіи онъ между прочимъ упомянулъ и о воздухѣ, упомянулъ о томъ, что у существъ, обитающихъ въ воздухѣ, всегда между осязающимъ и осязаемымъ будетъ находиться воздухъ. Итакъ, первую часть настоящаго отрывка совершенно невозможно сопоставлять съ предыдущимъ,—а отсюда и объясненіе Trendelenburg'а этой первой части нужно будетъ признать неудовлетворительнымъ. Укажу еще, что ошибку Trendelenburg'а констатируетъ и Zahlfleisch въ своей статьѣ (статья Zahlfleisch, стр. 13). Zahlfleisch замѣчаетъ между прочимъ, что это свое объясненіе первой части настоящаго отрывка Trendelenburg'у приходится нѣсколько ограничивать, видоизмѣнять, когда онъ переходитъ къ объясненію второй части. Дѣйствительно, вторая часть настоящаго отрывка уже совершенно ясна, и при этой ея ясности ее и трудно согласить съ первою частью въ объясненіи Trendelenburg'а.

[1]) Не могу не замѣтить, что какъ выше, при самомъ переводѣ и болѣе подробномъ разъясненіи пропущенной теперь фразы, такъ и въ настоящее время мнѣ все-таки представляется до нѣкоторой степени сомнительнымъ,—можно-ли дѣйствительно думать, что Аристотель въ этой фразѣ говоритъ о языкѣ какъ о средѣ именно при вкусовыхъ ощущеніяхъ. Очень часто указанную фразу переводятъ и объясняютъ такимъ именно образомъ (ср. напр. у Baeumker'а въ его Des Arist. Lehre von den äuss. und inn. Sinnesverm., стр. 43 и ссылку на настоящую фразу; ср. еще и у Kampe Die Erkenntnisstheor. des Arist., стр. 72),—и, пожалуй, нельзя не согласиться, что та-

ощущеніяхъ, то весь настоящій отрывокъ, если взять его во всемъ его объемѣ, не оставляетъ по этому поводу никакихъ сомнѣній: Аристотель очень точно и очень опредѣленно признаетъ мясо, мускульную ткань чувствующаго существа при осязательныхъ ощущеніяхъ именно только средою. Такъ разъясняетъ Аристотель эти свои вторую и третью апоріи, второе и третье затрудненіе. Можно было бы пожалуй думать, что Аристотель долженъ былъ еще высказать здѣсь что-либо болѣе опредѣленное относительно самаго осязательнаго органа, относительно того мѣста въ чувствующемъ существѣ, гдѣ именно нужно искать самый осязательный органъ чувствую-

---

кой переводъ и такое пониманіе имѣютъ основаніе: въ самомъ дѣлѣ, слово γλῶττα стоитъ здѣсь рядомъ съ словомъ σάρξ, и, стало быть, употреблено Аристотелемъ въ значеніи, совершенно равномъ слову σάρξ, какъ понятіе, совершенно равное по своему объему съ понятіемъ, обозначаемымъ терминомъ σάρξ. Однако, невольно приходитъ въ голову, не слѣдуетъ ли приписывать этому слову γλῶττα значеніе, не равное предыдущему термину σάρξ, а только подчиненное: вѣдь γλῶττα—языкъ есть не только языкъ, не только извѣстный дѣятель при вкусѣ, при вкусовыхъ ощущеніяхъ, но въ тоже время онъ есть и мясо, мускульная ткань, слѣд. дѣятель при ощущеніяхъ осязательныхъ. Если же мы поймемъ этотъ терминъ γλῶττα въ такомъ подчиненномъ значеніи, то выйдетъ, что Аристотель въ указанной фразѣ вовсе и не думаетъ о вкусовыхъ ощущеніяхъ, — въ указанной фразѣ, какъ и во всемъ настоящемъ отрывкѣ, Аристотель говоритъ только и исключительно о тѣхъ-же осязательныхъ ощущеніяхъ и, упоминая о языкѣ, упоминаетъ о немъ не какъ о факторѣ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, а какъ о факторѣ при тѣхъ-же осязательныхъ ощущеніяхъ. Такое сомнѣніе можетъ возникнуть по поводу пропущенной теперь фразы, и прибавлю, что это сомнѣніе, для меня лично, имѣетъ весьма существенное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если и въ данной фразѣ Аристотель не имѣетъ въ виду отождествить языкъ со средою при вкусовыхъ ощущеніяхъ, то не остается вообще мѣста въ сочиненіяхъ Аристотеля, гдѣ было бы такое отождествленіе, ибо и указанные изслѣдователи, приписывая это отождествленіе Аристотелю, ссылаются при этомъ только на данную фразу. Если же это такъ, то въ такомъ случаѣ дѣйствительно придется искать вкусовую среду гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (не въ языкѣ),—и такимъ образомъ указаніе относительно вкусовой среды, приведенное выше въ текстѣ, при изложеніи теоріи Аристотеля объ образованіи вкусовыхъ ощущеній, именно то указаніе, что собственно вкусовою средою слѣдуетъ считать влажное, находящееся около языка (слюну), быть можетъ, пріобрѣтетъ еще бо́льшую достовѣрность.

щаго существа,—но, строго говоря, Аристотель вовсе и не обѣщалъ такихъ болѣе опредѣленныхъ указаній. Уже изъ самаго начала, изъ самой формулировки Аристотелемъ его апорій, его затрудненій, было совершенно ясно, что Аристотель сомнѣвается относительно осязательнаго органа только постольку, поскольку можно отождествлять этотъ органъ съ мясомъ, съ мускульною тканью; разъ же установлено, что такого отождествленія сдѣлать нельзя,—отъ дальнѣйшихъ указаній относительно самаго осязательнаго органа Аристотель считаетъ себя какъ-бы свободнымъ.

На этомъ собственно заканчивается изложеніе самимъ Аристотелемъ его теоріи осязательныхъ ощущеній, на этомъ закончимъ и мы наше изложеніе этой теоріи. И если-бы теперь, въ заключеніе, мы захотѣли сравнить ученіе Аристотеля объ этихъ ощущеніяхъ съ его ученіемъ о другихъ, предыдущихъ ощущеніяхъ, то на первый взглядъ мы нашли бы тутъ нѣкоторое, и даже весьма большое несоотвѣтствіе; Аристотель въ своемъ ученіи объ осязательныхъ ощущеніяхъ какъ будто измѣняетъ самъ себѣ, какъ будто измѣняетъ своей послѣдовательности. Въ самомъ дѣлѣ, первые шаги и тамъ и здѣсь, и въ другихъ ощущеніяхъ и въ ощущеніяхъ осязательныхъ, сдѣланы Аристотелемъ довольно одинаково, но зато дальнѣйшихъ шаговъ въ теоріи осязательныхъ ощущеній совсѣмъ нѣтъ. Въ другихъ ощущеніяхъ, по крайней мѣрѣ насколько намъ удалось выяснить, Аристотель не только установилъ главные элементы, главные факторы вообще ощущенія — объектъ, предметъ ощущенія, среду и затѣмъ органъ ощущенія, но также старался опредѣлить и способы вліянія этихъ факторовъ другъ на друга, въ концѣ дѣйствительно получалась теорія образованія, самого процесса ощущенія, — между тѣмъ здѣсь, въ осязательныхъ ощущеніяхъ, и элементы эти, и факторы (за исключеніемъ только среды) не установлены вполнѣ точно, вполнѣ опредѣленно, и затѣмъ главнымъ образомъ самаго-то этого образованія, самаго этого процесса и нѣтъ. Единственное, что говоритъ Аристотель въ отношеніи къ осязательнымъ ощущеніямъ по поводу самаго процесса, самаго образованія осязательныхъ ощущеній заключается, какъ мы видѣли, только въ томъ, что при осязательныхъ ощущеніяхъ среда не дѣйствуетъ на чувствующее, осязающее существо, не пере-

даетъ ему движеній, а получаетъ движенія вмѣстѣ съ самимъ чувствующимъ существомъ, подобно тому, какъ получаетъ ударъ воинъ, на которомъ надѣтъ щитъ,—это конечно имѣетъ нѣкоторое значеніе, но одного этого еще очень мало. Аристотелю слѣдовало еще указать, какъ совершается передача движеній самой средѣ, какимъ именно образомъ обнаруживается вліяніе осязаемаго на среду,—но на это какихъ-либо опредѣленныхъ указаній у него положительно не встрѣчается. Итакъ, на первый взглядъ это несоотвѣтствіе ученія Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ съ его ученіемъ о другихъ ощущеніяхъ кажется совершенно несомнѣннымъ: Аристотелевскую теорію осязательныхъ ощущеній приходится какъ-бы выдѣлить изъ его общаго ученія объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ. Однако, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, можно-ли довѣрять такому первому впечатлѣнію? Нельзя-ли найти какіе-нибудь общіе пункты у Аристотелевскаго ученія объ осязательныхъ ощущеніяхъ съ его ученіемъ о другихъ ощущеніяхъ,—именно, признавая нѣкоторое несоотвѣтствіе въ Аристотелевской теоріи осязательныхъ ощущеній съ его теоріями другихъ ощущеній, нельзя-ли во 1-хъ объяснить причины этого несоотвѣтствія совершенно естественнымъ, совершенно подходящимъ вообще къ общему ученію Аристотеля объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ, образомъ, и во 2-хъ, нельзя-ли найти хотя бы только намеки, хотя бы только самыя общія указанія на то, что въ сущности и Аристотелевское ученіе объ осязательныхъ ощущеніяхъ можетъ быть подведено подъ его общую схему другихъ ощущеній, что въ сущности и на осязательныя ощущенія съ самой общей точки зрѣнія Аристотель смотрѣлъ совершенно также, какъ онъ смотрѣлъ на всѣ другія ощущенія? Мнѣ кажется, что все это возможно. Прежде всего, если искать причинъ указаннаго несоотвѣтствія, если искать причинъ неполноты ученія Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ сравнительно съ его ученіемъ о другихъ ощущеніяхъ, то причины такого несоотвѣтствія несомнѣнно заключаются въ томъ-же отсутствіи ясности въ представленіяхъ Аристотеля собственно о природѣ осязаемаго, о природѣ объекта, предмета осязанія. Въ самомъ дѣлѣ, когда Аристотель разсуждалъ о другихъ ощущеніяхъ, кромѣ осязательныхъ, онъ зналъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, природа главнаго элемента при всѣхъ этихъ другихъ

ощущеніяхъ была для него совершенно ясна; отсюда, если была совершенно ясна природа самаго главнаго элемента въ процессѣ, то и весь процессъ являлся сравнительно легко уловимымъ. Не то—по отношенію къ осязательнымъ ощущеніямъ. Здѣсь, какъ мы видѣли, Аристотель сомнѣвается именно въ природѣ самаго главнаго элемента въ процессѣ, для него въ сущности представляется совершенно неуловимымъ единство этой природы, представляется совершенно неяснымъ, что́ связываетъ различные осязательные объекты, что́ дѣлаетъ ихъ осязательными,—какъ же при такихъ условіяхъ могъ онъ говорить о дальнѣйшемъ дѣйствіи этого главнаго элемента, о собственномъ процессѣ образованія осязательныхъ ощущеній? Именно потому, что Аристотель, строго говоря, самъ не зналъ, что́ такое осязаемое, что́ такое осязаемое какъ цѣлостное, единое понятіе,—именно поэтому онъ и долженъ былъ уклониться отъ всякихъ разсужденій о процессѣ образованія осязательныхъ ощущеній. Такимъ образомъ эта неполнота въ ученіи Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ сравнительно съ его ученіемъ о другихъ ощущеніяхъ оказывается совершенно понятною, совершенно естественною: она не только не противорѣчитъ порядку, принятому имъ при изложеніи другихъ ощущеній, но сама обусловливается этимъ порядкомъ. Порядокъ, принятый вообще Аристотелемъ въ его ученіи объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ, состоялъ въ томъ, что о процессѣ образованія какихъ-либо ощущеній можно говорить только тогда, когда совершенно твердо, совершенно опредѣленно установлено понятіе самаго главнаго въ данномъ случаѣ элемента, самаго ощущаемаго, чувствуемаго въ данномъ случаѣ объекта, предмета; здѣсь-же, въ осязательныхъ ощущеніяхъ, этого-то установленія и нѣтъ,—стало быть, здѣсь не могло быть и никакой рѣчи о процессѣ. Но съ другой стороны, что Аристотель все-таки съ самой общей точки зрѣнія смотрѣлъ и на осязательныя ощущенія совершенно также, какъ онъ смотрѣлъ на другія ощущенія,—намеки на это, нѣкоторыя указанія, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, можно встрѣтить и у него. Возьмемъ напр. утвержденіе Аристотеля, высказываемое имъ когда онъ разыскиваетъ среду при осязательныхъ ощущеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ и самые составные элементы чувства осязанія, то утвержденіе, что «невозможно одушевлен-

ному тѣлу» (которое понимается здѣсь именно какъ осязающее, обладающее чувствомъ осязанія) «состоять изъ воздуха или воды, такъ какъ должно быть въ немъ нѣчто плотное, твердое»,—что значитъ это утвержденіе? Я думаю, это утвержденіе въ общемъ нельзя понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что и между чувствомъ осязанія и осязаемыми предметами съ общей точки зрѣнія Аристотель предполагаетъ такое-же родство какое онъ предполагалъ и между другими чувствами и чувствуемыми предметами, объектами, что собственно чувствующія части чувствующаго, осязающаго существа и при осязательныхъ ощущеніяхъ должны функіонировать по Аристотелю совершенно аналогично, совершенно соотвѣтственно осязаемымъ предметамъ, объектамъ. Конечно это—только намекъ, только весьма неточное указаніе, но мнѣ кажется, что и этого намека достаточно. И на основаніи этого намека во всякомъ случаѣ можно съ весьма большою вѣроятностью утверждать, что и въ своемъ ученіи объ осязательныхъ ощущеніяхъ Аристотель вовсе не думалъ уклоняться отъ своей общей схемы. Выполнить эту схему во всѣхъ частностяхъ, во всѣхъ подробностяхъ, ему помѣшали вышеприведенныя причины,—тѣмъ не менѣе общій взглядъ его и на другія, и на осязательныя ощущенія оставался совершенно тождественнымъ.

Теперь изъ этой-же 11-ой главы II-ой книги De anima разсмотримъ еще одно мѣсто. Мѣсто это собственно для ученія Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ—по крайней мѣрѣ для его ученія объ этихъ ощущеніяхъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе мы поставили себѣ, не даетъ ничего новаго, ничего существеннаго: собственное ученіе Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ, какъ мы и заявили выше, закончено. Но это мѣсто будетъ интересно въ другомъ отношеніи. Именно, если мы припомнимъ, еще въ 1-омъ отдѣлѣ нашей настоящей I-ой главы, еще при разборѣ одного отрывка, отрывка изъ 12-ой главы той-же II-ой книги того-же, настоящаго сочиненія Аристотеля, мы между прочимъ встрѣтились съ отождествленіемъ Аристотелемъ чувствующей души съ нѣкоторымъ «центромъ», съ нѣкоторой «серединою», съ обозначеніемъ Аристотелемъ чувствующей души именно этими терминами (ср. наше изложеніе 1-го отдѣла настоящей I-ой главы, стр. 63 и примѣч.), и мы между прочимъ высказали тамъ, что болѣе

подробное, болѣе обстоятельное съ точки зрѣнія Аристотеля разъясненіе возможности приложенія этихъ терминовъ къ чувствующей душѣ, къ самой способности чувственнаго познанія въ чувствующемъ существѣ было бы конечно весьма желательно. Однако до сихъ поръ удобнаго случая для такого разъясненія мы не встрѣчали, въ тѣхъ мѣстахъ изъ сочиненій Аристотеля, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, Аристотель вовсе нисколько не касался этого отождествленія. Между тѣмъ въ настоящемъ мѣстѣ, въ томъ мѣстѣ, которое мы хотимъ разсмотрѣть, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, находится нѣкоторое объясненіе указанному отождествленію, — и вотъ причина, почему этого мѣста и нельзя оставить безъ вниманія. Связь настоящаго мѣста со всѣмъ предыдущимъ будетъ слѣдующая. Тотчасъ послѣ указаннаго выше сравненія, послѣ окончательнаго разрѣшенія Аристотелемъ его второй и третьей апоріи, онъ переходитъ къ нѣкоторому разрѣшенію первой апоріи, онъ даетъ нѣкоторое общее опредѣленіе осязаемому какъ осязаемому; съ этимъ разъясненіемъ, съ этимъ опредѣленіемъ Аристотеля мы уже знакомы. Далѣе Аристотель высказываетъ нѣсколько общихъ мыслей относительно чувства осязанія вообще. Эти общія мысли въ сущности могутъ быть сведены къ тому положенію, что чувство осязанія, совершенно также, какъ и всякое вообще чувство, должно находиться въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своими чувствуемыми предметами—собственно чувство осязанія въ возможности есть то, чѣмъ являются осязаемые предметы въ дѣйствительности. Изъ этихъ общихъ мыслей, другими словами, изъ этого приведеннаго общаго положенія Аристотель дѣлаетъ затѣмъ нѣкоторые выводы,—и въ этихъ выводахъ уже и заключается наше, интересующее насъ въ настоящее время мѣсто. «Поэтому-то», (т. е. именно потому, что и въ чувствѣ осязанія само чувство осязанія въ возможности является тѣмъ-же, что въ дѣйствительности представляютъ собою осязаемые предметы), говоритъ Аристотель послѣ вышеуказанныхъ общихъ мыслей, «мы и не ощущаемъ теплаго и холоднаго, или твердаго и мягкаго, когдо они» (эти качества) «бываютъ такими въ одинаковой степени, но мы ощущаемъ увеличенія ихъ» (этихъ качествъ), «какъ будто бы чувство вообще было нѣкоторою серединою, чѣмъ-то посредствующимъ между чувствуемыми противопо-

ложностями. И вотъ причина, почему чувство судитъ о чувствуемомъ» (о чувствуемыхъ качествахъ). «Ибо вѣдь середина» (посредствующее) «есть нѣчто судящее: въ самомъ дѣлѣ по отношенію къ каждой изъ противоположностей» (изъ крайностей) «она становится различною» (становится сама какъ-бы другою противоположностью); «и какъ то, что должно ощущать бѣлое и черное, въ дѣйствительности не должно быть ни тѣмъ, ни другимъ» (ни бѣлымъ, ни чернымъ), «въ возможности же и тѣмъ и другимъ, — такъ же должно быть во всѣхъ другихъ чувствахъ, и также и въ чувствѣ осязанія чувство осязанія въ дѣйствительности не должно быть ни теплымъ, ни холоднымъ». Т. е. Аристотель хочетъ сказать здѣсь, что такъ какъ всякое чувство есть только въ возможности то, что оно будетъ ощущать, чувствовать впослѣдствіи, и такъ какъ впослѣдствіи оно будетъ ощущать какую-либо изъ противоположностей, то можно утверждать, что въ дѣйствительности всякое чувство есть состояніе нѣкотораго безразличія—нѣкоторая середина, нѣчто посредствующее между двумя противуположностями, одинаково противоположное каждой противоположности. Съ этой точки зрѣнія можно назвать всякое чувство по Аристотелю еще чѣмъ-то судящимъ по отношенію къ этимъ противоположностямъ, ибо именно судящее обыкновенно находится въ такомъ безразличномъ, одинаково противоположномъ состояніи по отношенію къ тому, что̀ оно судитъ. Что же касается до того, ка́къ вывести всякое чувство изъ такого безразличнаго состоянія, ка́къ сдѣлать, чтобы оно перестало быть такою серединою,—для этого, продолжаетъ Аристотель, требуется, такъ сказать, наклонить его въ какую-либо сторону, въ сторону какой-либо одной противоположности, требуется, чтобы въ самихъ чувствуемыхъ качествахъ, какъ чувствуемыхъ, произошло нѣкоторое усиленіе, нѣкоторая интензивность; только при такихъ условіяхъ всякое чувство перестанетъ быть безразличнымъ, перестанетъ быть серединою, но и на самомъ дѣлѣ, и въ дѣйствительности сдѣлается какою-либо противоположностью [1]). Вотъ все, что, какъ мнѣ кажется, хотѣлъ ска-

[1]) Ibidem, 424 a. 2—10. *Διὸ τοῦ ὁμοίως θερμοῦ καὶ ψυχροῦ ἢ σκληροῦ καὶ μαλακοῦ οὐκ αἰσθανόμεθα, ἀλλὰ τῶν ὑπερβολῶν, ὡς τῆς αἰσθήσεως οἷον μεσότητός τινος οὔσης τῆς ἐν τοῖς αἰσθητοῖς ἐναντιώσεως. καὶ διὰ τοῦτο κρίνει τὰ*

зать въ этомъ мѣстѣ Аристотель, и очевидно, что это мѣсто имѣетъ весьма существенное отношеніе къ тому отрывку изъ 12-ой главы II-ой главы De anima: это мѣсто въ сущности служитъ разъясненіемъ того отрывка. Сомнѣнія здѣсь, въ настоящемъ мѣстѣ, сравнительно съ тѣмъ отрывкомъ, могли бы возникнуть только въ томъ отношеніи, что тамъ, въ томъ отрывкѣ, Аристотель сравнивалъ съ серединою, называлъ сере-

---

αἰσθητά. τὸ γὰρ μέσον κριτικόν· γίνεται γὰρ πρὸς ἑκάτερον αὐτῶν θάτερον τῶν ἄκρων· καὶ δεῖ ὥσπερ τὸ μέλλον αἰσθήσεσθαι λευκοῦ καὶ μέλανος μηδέτερον αὐτῶν εἶναι ἐνεργείᾳ, δυνάμει δ' ἄμφω, οὕτω δὴ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων καὶ ἐπὶ τῆς ἁφῆς μήτε θερμὸν μήτε ψυχρόν. Слова *οὕτω δὴ καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων* (которыя такъ именно стоятъ у Bekker'a) Torstrik и затѣмъ Wallace заключаютъ въ скобки (ср. у Torstrik'a въ текстѣ его изданія, стр. 71; и у Wallace'a въ текстѣ, стр. 122). Однако, какъ мнѣ кажется, скобки эти здѣсь вовсе не необходимы; наоборотъ, я думаю, что здѣсь слѣдуетъ раскрыть скобки,—именно при такомъ раскрытіи настоящее сравненіе Аристотеля, сравненіе осязательныхъ ощущеній съ зрительными черезъ всѣ вообще ощущенія, будетъ яснѣе. Затѣмъ, въ этихъ-же словахъ Torstrik-же и Wallace измѣняютъ частицу *δή* на *δέ*. Но и это измѣненіе представляется мнѣ лишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно частица *δή* имѣетъ въ греческомъ языкѣ выводное, заключительное значеніе,—а это выводное, заключительное значеніе, повидимому, и имѣетъ здѣсь въ виду Аристотель. Это — замѣчанія, касающіяся собственно внѣшней стороны настоящаго отрывка, самаго текста его. Что же касается далѣе до другихъ неясностей этого мѣста, до отдѣльныхъ, не совсѣмъ понятныхъ выраженій по самому ихъ смыслу, то обыкновенно обращаютъ вниманіе на выраженіе *γίνεται γὰρ πρὸς ἑκάτερον αὐτῶν θάτερον τῶν ἄκρων*: смыслъ этого выраженія считается обыкновенно не совсѣмъ яснымъ. Въ своемъ переводѣ, въ текстѣ, я старался съ одной стороны передать это выраженіе какъ можно болѣе точно, какъ можно ближе къ греческимъ терминамъ,—съ другой-же стороны я старался, чтобы этотъ переводъ не противорѣчилъ бы и общимъ мыслямъ, находящимся во всемъ отрывкѣ. Этого можно было достигнуть, какъ мнѣ казалось, выставивши на видъ, что здѣсь Аристотель понимаетъ середину какъ безразличное состояніе, и въ тоже самое время, именно благодаря этому безразличію,—какъ состояніе одинаково противоположное каждой противоположности. При такомъ переводѣ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, дѣйствительно сохраняется и точность, и, кромѣ того, и общій смыслъ отрывка остается совершенно нерушимымъ. Съ этимъ переводомъ и разъясненіями по поводу его ср. замѣчанія Trendelenburg'a къ этому выраженію (Коммент. Trendelenburg'a стр. 337—Trendelenburg приводитъ тутъ между прочимъ разъясненія Филопона).

диною самую чувствующую душу, между тѣмъ здѣсь это сравненіе онъ прилагаетъ вообще къ чувству, способности чувства, —но если обратить вниманіе на то обстоятельство, что дѣло тутъ идетъ о послѣдней стадіи въ образованіи чувственнаго познанія, объ образованіи чувственнаго познанія именно какъ чувственнаго познанія, то эти сомнѣнія должны будутъ исчезнуть. Дѣйствительно, обнаруженіе самаго чувственнаго познанія, чувственнаго познанія какъ такого, какъ мы хорошо знаемъ изъ всего 1-го отдѣла настоящей I-ой главы, принадлежитъ по Аристотелю собственно душѣ: съ этой точки зрѣнія и не важно, приписываетъ-ли Аристотель, говоря объ этомъ обнаруженіи, это обнаруженіе собственно чувствующей душѣ, или же вообще чувству, вообще способности чувственнаго познанія,—во всякомъ случаѣ, онъ разумѣетъ тутъ конечно чувствующую душу. Съ другой стороны, съ чисто внѣшней точки зрѣнія, если мы допустимъ, что настоящее мѣсто служитъ разъясненіемъ того отрывка 12-ой главы, вполнѣ будетъ понятно, что Аристотель могъ употребить указанное отождествленіе какъ разъ въ этой 12-ой главѣ. Въ самомъ дѣлѣ, 12-ая глава непосредственно слѣдуетъ за настоящею, 11-ою, совершенно можно думать, что при составленіи 12-ой главы Аристотель еще имѣлъ въ головѣ всѣ мысли 11-ой главы,—отсюда и естественно ему было привести указанное отождествленіе какъ разъ въ этой 12-ой главѣ. Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Аристотель могъ легко выпустить изъ виду это сравненіе, — здѣсь-же, именно потому, что онъ только что говорилъ объ этомъ сравненіи, объ этой сторонѣ въ чувствѣ вообще, въ чувствующей душѣ, онъ и могъ совершенно легко вспомнить его.

Это мѣсто будетъ уже окончательно послѣднимъ, на которое мы обратимъ наше вниманіе въ настоящей, 11-ой главѣ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля: теперь уже все, что такъ или иначе (хотя бы только съ чисто внѣшней стороны) имѣетъ отношеніе къ осязательнымъ ощущеніямъ, мы оставимъ. И такъ какъ осязательныя ощущенія, какъ мы и говорили выше, будутъ послѣднимъ видомъ ощущеній вообще по Аристотелю, то, заканчивая такимъ образомъ изложеніе ученія Аристотеля объ осязательныхъ ощущеніяхъ, мы въ тоже самое время заканчиваемъ и вообще весь нашъ на-

стоящій 2-ой отдѣлъ, все наше разсмотрѣніе ученія Аристотеля объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія, объ ощущеніяхъ. Въ настоящее время, стало быть, остается подвести итоги этому разсмотрѣнію, сдѣлать выводы по поводу всего этого ученія. Какіе же это будутъ выводы? Настоящій отдѣлъ, изложеніе настоящаго ученія Аристотеля мы предприняли ради болѣе подробнаго уясненія значенія опыта при чувственныхъ познаніяхъ вообще по Аристотелю. Именно, намъ важно было установить здѣсь не то, имѣетъ-ли опытъ вообще значеніе при чувственномъ познаніи по ученію Аристотеля—это мы уже установили и въ предыдущемъ, 1-омъ отдѣлѣ, но намъ важно было прійти къ болѣе опредѣленнымъ результатамъ относительно, такъ сказать, формы участія опыта въ чувственномъ познаніи по Аристотелю, намъ важно было получить возможность охарактеризовать ученіе Аристотеля о значеніи опыта при чувственномъ познаніи болѣе опредѣленно. Такимъ образомъ и настоящіе наши выводы будутъ касаться этихъ подробностей, они будутъ состоять въ такой болѣе опредѣленной характеристикѣ. Съ этой точки зрѣнія мы должны указать, что все это ученіе Аристотеля, какъ оно выразилось въ подробностяхъ, такъ сказать, на практикѣ, представляется далеко неудовлетворительнымъ, оно оставляетъ послѣ себя много сомнѣній и недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, еще изъ 1-го отдѣла нашей, настоящей главы было совершенно ясно, что Аристотель различаетъ между субъектомъ и объектомъ въ чувственномъ познаніи, различаетъ между этими двумя наиболѣе существенными элементами вообще въ познаніи. Далѣе, изъ этого-же перваго отдѣла было ясно также, что непосредственно при чувственномъ познаніи объектъ дѣйствуетъ на тѣло чувствующаго существа, именно въ тѣлѣ чувствующаго существа онъ производитъ при чувственномъ познаніи грубыя матеріальныя движенія, видоизмѣненія. Но хотя-бы объектъ при чувственномъ познаніи непосредственно и дѣйствовалъ на тѣло чувствующаго существа, тѣмъ не менѣе всетаки въ этомъ дѣйствіи слѣдовало бы провести границу, нѣкоторую черту между собственно объектомъ и тѣломъ: вѣдь тѣло, хотя оно и получаетъ отъ объекта движенія, видоизмѣненія, всетаки относится не къ объекту, а къ субъекту. Между тѣмъ этой-то границы, этой-то черты у Аристотеля и нѣтъ.

Если мы обратимъ вниманіе на ту тенденцію, которая, какъ мы видѣли, такъ сказать, красною нитью проходитъ черезъ все это ученіе Аристотеля объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія, именно на ту тенденцію Аристотеля, которая стремится объяснять движенія собственно въ тѣлѣ чувствующаго существа, въ самихъ чувствующихъ органахъ такъ, какъ будто бы это были тѣже внѣшнія, въ полномъ смыслѣ слова объективныя движенія, то намъ невольно придетъ въ голову сравненіе, уже употребленное выше, намъ невольно придетъ въ голову, что Аристотель «какъ бы вдвигаетъ субъектъ въ объектъ». Правда, при изложеніи теоріи Аристотеля образованія слуховыхъ ощущеній мы имѣли случай замѣтить, что Аристотель какъ будто старается исправить эту свою ошибку, въ этой теоріи онъ очень сильно настаивалъ на томъ, что слышимъ мы собственно внутреннимъ, находящимся въ ушахъ, воздухомъ, а не воздухомъ внѣшнимъ,—это было, но это стараніе такъ и осталось стараніемъ, и ничего существеннаго изъ него не вышло; воздухъ, находящійся въ ушахъ, всетаки оставался воздухомъ, природа у него была таже самая, какъ и у воздуха внѣшняго, — отсюда и разница между этими двумя воздухами могла быть только чисто внѣшняя. Но это-то отсутствіе границы между собственно объектомъ и тѣломъ чувствующаго существа и обусловливаетъ неудовлетворительность всего этого ученія, оно-то и вызываетъ сомнѣнія и недоумѣнія. Является напр. вопросомъ—зачѣмъ-же Аристотель такъ тщательно и такъ опредѣленно различалъ между субъектомъ и объектомъ въ чувственномъ познаніи, и далѣе въ самомъ субъектѣ различалъ участіе при чувственномъ познаніи души и тѣла, когда на практикѣ, при самомъ разсмотрѣніи дѣйствительныхъ, отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, онъ совершенно не воспользовался этими различеніями? Ибо если нѣтъ границы между собственно объектомъ и тѣломъ чувствующаго существа—это значитъ, что Аристотель не воспользовался указанными различеніями: тѣло какъ-бы остается въ объектѣ, и связь между грубыми матеріальными движеніями, видоизмѣненіями, происходящими въ тѣлѣ чувствующаго существа при чувственномъ познаніи, и собственно субъектомъ, душею чувствующаго существа совершенно не ясна. Изъ предыдущаго отдѣла, изъ общаго опредѣленія Аристотеля чув-

ственнаго познанія, мы узнали, что при чувственномъ познаніи душа чувствующаго существа тотчасъ-же и одновременно реагируетъ на грубыя движенія, видоизмѣненія своего тѣла, дѣлаетъ чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ,—это приходится признавать и теперь, и между прочимъ у самого Аристотеля и въ настоящемъ ученіи какъ будто встрѣчаются намеки на это-же реагированіе, это реагированіе какъ будто подразумѣвается; тѣмъ не менѣе, ка́къ собственно можетъ происходить это реагированіе на самомъ дѣлѣ, кака́я непосредственная связь можетъ быть у чувствующаго тѣла съ чувствующею душею, — это совершенно не ясно. Итакъ, приходится констатировать, что это ученіе Аристотеля объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія, ученіе, которое именно должно было болѣе обстоятельно и болѣе подробно формулировать взгляды Аристотеля на участіе опыта при чувственномъ познаніи, оказывается какъ будто неудовлетворительнымъ, оно какъ будто находится въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ тѣмъ, что самъ-же Аристотель установилъ ранѣе, съ мыслями, высказанными имъ при общемъ опредѣленіи чувственнаго познанія. Однако, можно спросить теперь, имѣемъ ли мы право высказать такое заключеніе, такъ сказать, окончательно и положительно? Къ такому заключенію мы приходимъ собственно на основаніи частнаго ученія у Аристотеля о чувственномъ познаніи, на основаніи его ученія объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія, ощущеніяхъ, — но вѣдь кромѣ этого частнаго ученія у Аристотеля существуютъ еще частныя ученія, также входящія въ область вообще ученія о чувственномъ познаніи, существуетъ напр. ученіе, обыкновенно формулируемое какъ «ученіе о собственно центральной или внутренней способности чувственнаго познанія (*κοινὸν αἰσθητήριον*)». Это ученіе, какъ видно и изъ самой приведенной его формулировки, повидимому, имѣетъ дѣло болѣе съ самою чувствующею душою, съ собственнымъ субъектомъ при чувственномъ познаніи,—быть можетъ, отправляясь отъ такой точки зрѣнія, Аристотель и исправитъ настоящій пробѣлъ, быть можетъ, онъ формулируетъ свои взгляды на участіе опыта при чувственномъ познаніи болѣе правильно, болѣе соотвѣтственно съ своими предыдущими положеніями, быть можетъ, по разсмотрѣніи этого ученія, непо-

средственная связь по Аристотелю у чувствующей души съ чувствующимъ тѣломъ станетъ яснѣе. Во всякомъ случаѣ, въ видахъ обстоятельности нашего изложенія, намъ конечно никоимъ образомъ не слѣдуетъ оставлять указанное ученіе Аристотеля безъ вниманія. Такимъ образомъ, разсмотримъ еще это ученіе Аристотеля, которое обыкновенно формулируется, какъ мы говоримъ, какъ «ученіе о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія»: только тогда мы и будемъ въ состояніи высказать наше сужденіе, вполнѣ обстоятельно отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ училъ Аристотель о роли, объ участіи опыта при чувственномъ познаніи.

3. Ученіе Аристотеля о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія (κοινὸν αἰσθητήριον).

Выше мы указали, что то частное, входящее въ область вообще чувственнаго познанія, ученіе, которое мы хотимъ разсмотрѣть въ настоящее время, обыкновенно формулируется какъ ученіе «о собственно центральной или внутренней способности чувственнаго познанія». Однако, какъ замѣчаетъ между прочимъ Siebeck въ своей «Исторіи психологіи» [1]), такая формулировка, такое заглавіе не совсѣмъ точно. Самъ Аристотель, говоритъ Siebeck, нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не подалъ повода вообще въ чувственномъ познаніи различать между чѣмъ-то внѣшнимъ и внутреннимъ, различать между собственно внѣшними чувствами и чувствомъ внутреннимъ; для самого Аристотеля такое различіе было бы равносильно признанію, наравнѣ съ 5-ю внѣшними чувствами, еще какого-то шестаго чувства, чувства функціонирующаго нѣсколько иначе, чѣмъ какъ функціонируютъ тѣ внѣшнія чувства. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ Siebeck'омъ: особенно если мы будемъ настаивать на терминѣ «внутренняя способность чувственнаго познанія» по отношенію къ этому ученію,

---

[1]) Siebeck. Geschichte der Psych. I, 2, примѣчаніе 16-ое (въ концѣ книги, стр. 483); съ этими замѣчаніями Siebeck'а и съ тѣмъ, что говорится въ текстѣ, ср. еще и диссертацію Дембовскаго—Dembowski. Quaestiones Aristotelicae duae. Regimonti. 1881 (именно первый вопросъ—De *κοινοῦ αἰσθητηρίου* natura et notione).

—мы совершенно уклонимся отъ подлинныхъ взглядовъ Аристотеля. Все, что Аристотель хотѣлъ сказать въ настоящемъ случаѣ, заключалось въ томъ, что одновременно съ чувственными познаніями, являющимися результатами собственно дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, въ чувствующемъ существѣ замѣчаются еще чувственныя познанія, которыя, повидимому, уже не могутъ быть объяснены только дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ, внѣшнихъ чувствъ какъ таковыхъ, но для объясненія которыхъ приходится какъ будто допустить существованіе еще другого фактора. Тѣмъ не менѣе, эти послѣднія чувственныя познанія совершенно нераздѣльны съ чувственными познаніями, вызываемыми собственно внѣшними чувствами,—настолько нераздѣльны, что на первый взглядъ по Аристотелю даже трудно рѣшить, нужно-ли дѣйствительно для нихъ объясненія искать еще особаго фактора, и нельзя-ли объяснить ихъ только тѣми-же внѣшними чувствами. При такихъ взглядахъ Аристотеля конечно было бы неправильно настаивать на какомъ-то особенномъ отдѣленіи этихъ указанныхъ чувственныхъ познаній отъ обыкновенныхъ, признаваемыхъ самимъ Аристотелемъ по преимуществу за чувственныя познанія, отъ чувственныхъ познаній, рбусловливаемыхъ дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ, отъ ощущеній,—а между тѣмъ, разъ мы назовемъ факторъ, по преимуществу дѣйствующій при этихъ чувственныхъ познаніяхъ, внутреннею способностью, такое отдѣленіе необходимо произойдетъ. Итакъ, хотя, за неимѣніемъ лучшаго, приходится довольствоваться для настоящаго ученія и этимъ обыкновеннымъ заглавіемъ, этою обыкновенною формулировкою, но слѣдуетъ помнить, что всетаки это заглавіе не совсѣмъ точно, и никоимъ образомъ не слѣдуетъ вкладывать въ это заглавіе смысла, повидимому, прямо вытекающаго изъ него, но на самомъ дѣлѣ вовсе не согласнаго съ подлинными воззрѣніями Аристотеля.

Это—первое, предварительное замѣчаніе, относящееся къ тому ученію, которое мы хотимъ разсмотрѣть въ настоящее время. Затѣмъ, что касается самой сущности этого ученія, то, по принятому нами порядку, сначала мы укажемъ мѣста изъ сочиненій Аристотеля, которыя по нашему мнѣнію касаются настоящаго ученія, и далѣе разсмотримъ самыя эти мѣста: изъ такого именно разсмотрѣнія сущность нашего ученія ста-

нетъ намъ ясною, и станетъ ясною на основаніи подлинныхъ словъ самого Аристотеля. Мѣста эти будутъ слѣдующія: изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, изъ его сочиненія De anima—вторая половина 1-ой главы III-ей книги, изъ 2-ой главы той-же III-ей книги то, что осталось у насъ еще неразсмотрѣннымъ въ 1-омъ отдѣлѣ нашей настоящей I-ой главы, и одинъ параграфъ 7-ой главы той-же III-ей книги; изъ болѣе же мелкихъ психологическихъ сочиненій Аристотеля — мѣсто изъ трактата «о памяти», мѣсто изъ трактата «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», и наконецъ въ настоящемъ случаѣ придется еще имѣть въ виду 7-ую главу трактата «о чувствующей способности и чувственныхъ предметахъ». Анализъ всѣхъ этихъ мѣстъ, такъ или иначе, войдетъ въ наше непосредственно слѣдующее изложеніе.

Начнемъ съ разсмотрѣнія второй половины 1-ой главы III-ей книги De anima. Связь этой второй половины съ первою и вообще положеніе ея въ общей послѣдовательности мыслей Аристотеля въ этомъ главномъ его психологическомъ сочиненіи будутъ слѣдующія. Во всей этой 1-ой главѣ III-ей книги Аристотель главнымъ образомъ старается доказать, что пятью внѣшними, разсмотрѣнными имъ выше, чувствами въ общемъ исчерпываются чувственныя познанія, что для объясненія чувственныхъ познаній въ общемъ совершенно достаточно указанныхъ выше пяти внѣшнихъ чувствъ; ни въ какомъ другомъ чувствѣ, кромѣ этихъ пяти, для объясненія и пониманія чувственныхъ познаній нѣтъ надобности, да даже и вообразить себѣ такое какое-нибудь другое чувство было бы трудно. Непосредственному доказательству этого своего положенія Аристотель и посвящаетъ первую половину настоящей 1-ой главы. Затѣмъ далѣе Аристотель какъ-бы припоминаетъ, что еще въ 6-ой главѣ предыдущей II-ой книги того-же главнаго своего психологическаго сочиненія, при классификаціи того, что собственно познается при чувственномъ познаніи, онъ, кромѣ ощущеній, кромѣ чувственныхъ познаній, вырабатываемыхъ при посредствѣ какого-либо отдѣльнаго чувства —и только отдѣльнаго, указалъ между прочимъ и общія чувственныя познанія, чувственныя познанія, получаемыя не отдѣльнымъ какимъ-либо чувствомъ, а всѣми или по крайней мѣрѣ нѣсколькими чувствами, и онъ какъ-бы припоминаетъ точ-

но также, что говорить объ этихъ общихъ чувственныхъ познаніяхъ болѣе подробно до сихъ поръ удобнаго случая ему не представлялось. Этими-то общими чувственными познаніями Аристотель какъ будто и хочетъ воспользоваться теперь. Именно, онъ какъ будто желаетъ разсмотрѣть болѣе подробно эти общія чувственныя познанія, и въ тоже время желаетъ привлечь это разсмотрѣніе къ настоящему случаю, постараться извлечь изъ этого разсмотрѣнія нѣкоторыя доказательства для своего главнаго въ настоящемъ случаѣ положенія, для положенія о полной достаточности въ общемъ для объясненія и пониманія чувственныхъ познаній пяти чувствъ. Въ этомъ разсмотрѣніи и далѣе въ этихъ доказательствахъ и заключается вторая половина настоящей 1-ой главы. «Но невозможно», говоритъ здѣсь, въ этой второй половинѣ Аристотель, «чтобы существовало какое-либо особое, спеціальное чувство» (собственно особый, спеціальный органъ) «и для воспріятія общихъ свойствъ, которыя мы ощущаемъ, чувственно познаемъ при каждомъ отдѣльномъ чувственномъ познаніи» (при чувственномъ познаніи, вырабатываемомъ каждымъ отдѣльнымъ внѣшнимъ чувствомъ), «—для воспріятія такихъ общихъ свойствъ, каковы напр.—движеніе, покой, фигура, величина, число и единство; ибо всѣ эти свойства мы познаемъ черезъ движеніе,—какъ напр. черезъ движеніе мы познаемъ величину. Но если движеніемъ», продолжаетъ Аристотель, «мы познаемъ величину, то отсюда движеніемъ-же познаемъ и фигуру, ибо фигура есть нѣкоторая величина. Покой-же познается какъ отсутствіе движенія; число —какъ отсутствіе непрерывности движенія и какъ нѣчто именно свойственное особымъ, отдѣльнымъ чувствамъ,—ибо каждое отдѣльное чувственное познаніе» (каждое чувственное познаніе, вырабатываемое какимъ-либо отдѣльнымъ внѣшнимъ чувствомъ) «познается какъ нѣкоторое единство» (т. е. какъ число въ зародышѣ). Въ этомъ первомъ періодѣ, первомъ отрывкѣ Аристотель очевидно опредѣляетъ, такъ сказать, природу, самую сущность этихъ общихъ чувственныхъ познаній, этихъ общихъ свойствъ, и онъ опредѣляетъ эту сущность конечно болѣе подробно, чѣмъ какъ онъ говорилъ объ этомъ въ 6-ой главѣ II-ой книги того-же сочиненія о душѣ,—въ этомъ первомъ отрывкѣ въ концѣ концовъ эти общія свойства главнымъ образомъ, такъ или иначе, сводятся къ движенію. Но

послѣ прочтенія этого перваго періода остается нѣкоторое недоумѣніе, остается неяснымъ,—что́-же слѣдуетъ изъ такой природы, такой сущности этихъ общихъ свойствъ, какимъ образомъ такая природа ихъ, сводящаяся главнымъ образомъ къ движенію, можетъ обусловливать невозможность принятія для нихъ особаго чувства, особой чувственной способности? Это недоумѣніе, эти неясности Аристотель старается устранить въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи. «Такъ что ясно», говоритъ Аристотель далѣе, «что невозможно чувственному познанію какого-либо изъ этихъ свойствъ, напр. чувственному познанію движенія» (движеніе очевидно приведено здѣсь Аристотелемъ какъ специфическій примѣръ этихъ свойствъ, какъ свойство, лежащее, по только что указанному, въ основаніи всѣхъ другихъ общихъ свойствъ), «быть отдѣльнымъ, частнымъ чувственнымъ познаніемъ» (имѣть для своего произведенія отдѣльную чувственную способность, подобную пяти внѣшнимъ чувствамъ); «въ такомъ случаѣ» (т. е. если мы допустимъ такую отдѣльную чувственную способность, такое отдѣльное чувство для полученія этихъ общихъ свойствъ), «это будетъ тоже, какъ теперь мы ощущаемъ, чувственно познаемъ сладкое чувствомъ зрѣнія. Мы ощущаемъ это» (сладкое чувствомъ зрѣнія), «потому что имѣемъ отдѣльныя чувственныя познанія обоихъ» (и того и другого—и сладкое мы познаемъ отдѣльнымъ чувствомъ, отдѣльною чувственною способностью, и чувство зрѣнія также представляетъ отдѣльную чувственную способность), «—вслѣдствіе этого, и когда сладкое и зрѣніе совпадутъ» (сладкое, такъ сказать, встрѣтится при зрѣніи), «мы узнаемъ его». Т. е. Аристотель хочетъ сказать этою послѣднею фразою, что если мы допустимъ особое чувство для познанія этихъ общихъ свойствъ, то произойдетъ тоже самое, что происходитъ при чувственномъ познаніи сладкаго чувствомъ зрѣнія. Сладкое, собственно предметъ чувства вкуса, можно познать по Аристотелю иногда и чувствомъ зрѣнія, — и является вопросомъ, какимъ именно образомъ можно познать его этимъ чувствомъ. Сладкое, говоритъ Аристотель, познается чувствомъ зрѣнія благодаря нѣкоторому совпаденію: именно, первоначально сладкое конечно представляетъ собою собственный объектъ вкуса, познается чувствомъ вкуса, является совершенно отдѣльнымъ чувственнымъ познаніемъ, совершенно также, какъ и чувство

зрѣнія имѣетъ свой особый объектъ, свое отдѣльное чувственное познаніе, но далѣе, такъ какъ оба эти чувства постоянно функціонируютъ вмѣстѣ, то можно сдѣлать какъ-бы нѣкоторую подстановку, можно, собственно видя предметъ, обладающій сладкимъ, какъ-бы подумать, что видишь и самое сладкое,—легко узнать, какъ говоритъ Аристотель если нѣсколько перефразировать его подлинныя слова, благодаря совпаденію при зрѣніи сладкое. Такое предположеніе необходимо возникаетъ, по мнѣнію Аристотеля, при допущеніи особаго чувства для чувственнаго познанія этихъ общихъ свойствъ. Однако, это предположеніе въ настоящемъ случаѣ Аристотель не доводитъ до конца, онъ не показываетъ, почему́-же сама такая аналогія познанія сладкаго чувствомъ зрѣнія не приложима здѣсь, почему́ сама такая аналогія не можетъ имѣть мѣста при познаніи этихъ общихъ свойствъ,—вмѣсто этого Аристотель выставляетъ далѣе другое предположеніе. «Если же нѣтъ» (т. е. если отказаться отъ перваго предположенія, отъ предположенія познанія этихъ общихъ свойствъ по аналогіи познанія сладкаго чувствомъ зрѣнія), продолжаетъ Аристотель, «то ни какимъ другимъ образомъ мы не познаемъ, не чувствуемъ этихъ общихъ свойствъ» (конечно при допущеніи особаго чувства, особаго органа для ихъ познанія), «какъ познаемъ ихъ случайно, совершенно такъ, какъ мы чувственно познаемъ напр. сына Клеонова,—мы познаемъ чувственно его не такимъ, не потому, что онъ сынъ Клеона, а потому, что онъ бѣлъ: этому же бѣлому предмету случайно присуще быть сыномъ Клеона». Другими словами, если мы отвергнемъ первое предположеніе по Аристотелю, то при допущеніи особаго чувства для познанія общихъ свойствъ намъ не останется ничего другого, какъ принять, что эти общія свойства мы чувственно познаемъ случайно. Не совсѣмъ понятно это выраженіе Аристотеля—«случайно», но если мы припомнимъ болѣе подробное содержаніе 6-ой главы II-ой книги De anima (см. нашъ переводъ и разъясненія этой 6-ой главы въ самомъ началѣ нашего 2-го отдѣла этой-же I-ой главы, стр. 78 — 82), то намъ станетъ совершенно ясно, въ чемъ тутъ дѣло. Въ 6-ой главѣ II-ой книги Аристотель указалъ еще третій видъ чувственнаго познанія; кромѣ чувственныхъ познаній, вырабатываемыхъ отдѣльными, внѣшними чувствами, и чувственныхъ познаній общихъ, свойственныхъ

всѣмъ или по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ чувствамъ, онъ указалъ еще—какъ онъ назвалъ случайное чувственно познаваемое,—вотъ этотъ-то третій видъ онъ и хочетъ привлечь въ настоящемъ случаѣ. Но изъ того-же содержанія 6-ой главы II-ой книги ясно также, что, привлекая этотъ третій видъ чувственно познаваемаго въ настоящемъ случаѣ, Аристотель въ сущности совершенно устраняетъ изъ области чувственнаго познанія эти общія свойства. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ Аристотель разъяснилъ, что хотя это случайно чувственно познаваемое и можетъ быть до нѣкоторой степени причислено также къ чувственно познаваемому, но на самомъ дѣлѣ, строго говоря, оно уже выходитъ изъ области собственно чувственнаго познанія, —отсюда, привлекая это случайное чувственно познаваемое въ настоящемъ случаѣ, примѣняя этотъ терминъ — случайно чувственно познаваемаго къ общимъ свойствамъ, Аристотель тѣмъ самымъ дѣйствительно какъ будто устраняетъ изъ области чувственнаго познанія настоящія общія свойства. Впрочемъ самъ Аристотель въ настоящемъ мѣстѣ такого вывода не дѣлаетъ, на такое устраненіе онъ не указываетъ,—въ виду этого и мы приводимъ настоящее замѣчаніе только мимоходомъ. Таковы эти два предположенія, съ помощью которыхъ Аристотель думаетъ устранить указанныя выше неясности, думаетъ указать, какимъ образомъ самая природа этихъ общихъ свойствъ можетъ обусловливать невозможность принятія для нихъ особаго чувства. Но очевидно, и эти предположенія еще не много даютъ, и они не устраняютъ указанныхъ неясностей,—именно, эти предположенія Аристотель не доводитъ до конца, до сихъ поръ остается всетаки неяснымъ, почему-же самыя эти предположенія не могутъ быть допущены по отношенію къ познанію этихъ общихъ свойствъ, что́ въ самыхъ этихъ предположеніяхъ не подходитъ къ способу познанія общихъ свойствъ. Этимъ-то доведеніемъ до конца, этимъ, такъ сказать, окончательнымъ разрѣшеніемъ двухъ приведенныхъ предположеній Аристотель и занимается въ своемъ непосредственнно дальнѣйшемъ изложеніи; такимъ образомъ это непосредственно дальнѣйшее изложеніе должно представить какъбы общее заключеніе ко всему настоящему мѣсту. Аристотель начинаетъ съ разрѣшенія второго предположенія,—и онъ указываетъ, что съ самой фактической стороны, если разсмо-

трѣть самый фактъ познанія этихъ общихъ свойствъ, нельзя будетъ согласиться примѣнить къ нимъ терминъ — случайнаго чувственно познаваемаго, нельзя будетъ согласиться причислить познаніе этихъ общихъ свойствъ къ этому третьему виду вообще чувственно познаваемаго. Что-же касается до перваго предположенія, то здѣсь Аристотель прежде всего дѣлаетъ нѣкоторое сравненіе этого предположенія со вторымъ: онъ какъ-бы находитъ нѣкоторое родство у этого перваго предположенія со вторымъ, онъ какъ-бы указываетъ, что когда мы получаемъ познаніе такъ, какъ напр. получается познаніе о сладкомъ чувствомъ зрѣнія, то такое познаніе въ сущности не особенно отличается отъ того-же случайнаго чувственнаго познанія, его также до нѣкоторой степени можно назвать случайнымъ. Казалось бы, этимъ самымъ доказывается негодность перваго предположенія въ настоящемъ случаѣ,—ибо если первое предположеніе, подходитъ ко второму, способъ познанія въ первомъ предположеніи является до нѣкоторой степени тождественнымъ со вторымъ, то негодность второго предположенія въ настоящемъ случаѣ уже доказана, и доказана только что. Однако въ настоящемъ случаѣ такого заключенія Аристотель не дѣлаетъ, въ настоящемъ мѣстѣ, далѣе, онъ какъ будто уклоняется нѣсколько въ сторону: вмѣсто того, чтобы говорить просто о непригодности перваго предположенія въ настоящемъ случаѣ, при чувственномъ познаніи этихъ общихъ свойствъ, онъ начинаетъ разсуждать о томъ, ка́къ на самомъ дѣлѣ происходитъ чувственное познаніе собственнаго предмета какого-либо одного отдѣльнаго чувства другимъ чувствомъ. При этомъ оказывается, что такое познаніе, такъ сказать, чужого чувственнаго предмета, чужого объекта происходитъ опять таки никоимъ образомъ не благодаря самимъ отдѣльнымъ чувствамъ, хотя съ другой стороны для этого познанія точно также отнюдь не требуется какого-либо особаго шестого чувства: оказывается, что это чувственное познаніе предметовъ другихъ чувствъ обусловливается нѣкоторымъ общимъ фономъ всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ, нѣкоторою общею связью отдѣльныхъ чувствъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ концѣ концовъ результаты всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, всѣ ощущенія какъ-бы сливаются въ нѣчто единое. Благодаря этому единству, этому общему фону всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ,

говоритъ Аристотель, возможно познаніе какимъ-либо чувствомъ того, что собственно познается другимъ чувствомъ, и благодаря этому-же единству, именно благодаря являющемуся впослѣдствіи нѣкоторому какъ-бы излишнему довѣрію къ нему, возможны и ошибки при такомъ познаніи. Такъ разсуждаетъ Аристотель въ этомъ уклоненіи, и на первый взглядъ эти разсужденія дѣйствительно могутъ показаться какъ будто уклоненіемъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить, что и эти разсужденія вполнѣ подходятъ къ общему смыслу всего настоящаго изложенія, что строго говоря, Аристотель и въ этихъ разсужденіяхъ толкуетъ о той-же непригодности перваго предположенія въ настоящемъ случаѣ, при познаніи этихъ общихъ свойствъ; Аристотель только доказываетъ эту непригодность нѣсколько иначе. Въ самомъ дѣлѣ, что хочетъ сказать Аристотель настоящими разсужденіями? Настоящими разсужденіями онъ какъ будто хочетъ сказать, что даже если бы мы и допустили при познаніи этихъ общихъ свойствъ нѣкоторую аналогію съ чувственнымъ познаніемъ какимъ-либо чувствомъ собственно не свойственнаго ему, то и въ такомъ случаѣ не было бы никакой нужды въ особомъ чувствѣ для такого познанія. Отдѣльныя внѣшнія чувства, говоритъ Аристотель, чувственно познаютъ постороннее имъ, какъ-бы ощущаютъ то, что собственно ощущаютъ другія чувства, но для такихъ ихъ познаній вовсе не требуется какого-либо особаго чувства, особаго органа,—стало быть не потребуется особаго чувства и для чувственнаго познанія указанныхъ выше общихъ свойствъ. Непригодность перваго предположенія при познаніи этихъ общихъ свойствъ такимъ образомъ указана, но только она указана не просто на основаніи какого-либо несоотвѣтствія въ способѣ познанія ихъ со способомъ познанія какимъ-либо чувствомъ собственно свойственнаго другому чувству, но она указана съ точки зрѣнія самаго того положенія, ради котораго это предположеніе было выставлено. Даже если мы допустимъ это первое предположеніе при познаніи этихъ общихъ свойствъ—все равно не будетъ нужды въ особомъ чувствѣ для такого познанія: это значитъ, что теперь и самое это предположеніе теряетъ всю свою силу, что теперь оно остается совершенно непригоднымъ. Правда, у самого Аристотеля нѣтъ непосредственныхъ указа-

ній на такую связь настоящихъ разсужденій съ непосредственно предыдущимъ, — тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что такая связь вполнѣ естественна: объяснить совершенно понятнымъ образомъ настоящія разсужденія какъ-нибудь иначе было бы трудно. Итакъ, вотъ ходъ мыслей Аристотеля въ его непосредственно слѣдующемъ изложеніи этой же 1-ой главы, въ тѣхъ фразахъ, которыя выше мы назвали какъ-бы заключеніемъ ко всему настоящему мѣсту. Затѣмъ, подлинныя выраженія Аристотеля въ этомъ заключеніи будутъ слѣдующія: «Относительно же общихъ свойствъ», говоритъ Аристотель, «мы уже имѣемъ общее чувственное познаніе, а не познаемъ ихъ случайно» (это—очевидно, какъ мы говорили, фактическое доказательство непригодности второго предположенія); «слѣдовательно, эти общія свойства и не являются спеціальными, отдѣльными объектами, предметами чувственнаго познанія» (не требуютъ для своего познанія какого-либо спеціальнаго, отдѣльнаго чувства, органа); «ибо въ послѣднемъ случаѣ мы никоимъ образомъ не могли бы ощущать, чувственно познавать ихъ иначе, чѣмъ такъ, какъ мы видимъ, какъ было указано, сына Клеона». Далѣе обращаясь къ первому предположенію: «Спеціальные же, отдѣльные объекты другихъ чувствъ чувства познаютъ случайно» (здѣсь конечно заключается указанное выше сравненіе перваго предположенія со вторымъ), «но они познаютъ ихъ не постольку, поскольку они являются тѣми-же» (собственно отдѣльными) «чувствами, а поскольку они представляютъ нѣкоторое единое чувство» (какъ-бы сливаются въ чемъ-то единомъ), «—когда именно одновременно происходитъ чувственное познаніе относительно того-же самаго предмета» (т. е. когда именно какое-либо отдѣльное чувство имѣетъ какое-либо чувственное познаніе относительно какого-либо предмета, и въ тоже самое время другое отдѣльное чувство имѣетъ также чувственное познаніе и относительно того-же предмета, — это конечно уже послѣднія разсужденія Аристотеля, разсужденія относительно способа познанія чувствами собственно посторонняго, не свойственнаго имъ), «какъ напримѣръ, когда мы чувственно познаемъ желчь, что она горька и желта; вѣдь это не дѣло какого-либо одного изъ этихъ чувствъ» (не дѣло ни чувства вкуса, ни чувства зрѣнія) «сказать, что оба эти качества пред-

ставляютъ нѣкоторое единство» (признать, что и горечь и желтизна относятся къ тому-же самому предмету,—къ желчи); «вслѣдствіе этого и происходятъ ошибки,—и когда бываетъ что-либо желтое, думаютъ, что это желчь» [1]).

Вотъ собственно первая часть этой второй половины настоящей 1-ой главы III-ей книги De anima, — та часть, гдѣ Аристотель, какъ мы и указывали выше, болѣе подробно разсматриваетъ общія чувственныя познанія, упомянутыя имъ и

---

[1]) De anima III, 1. 425 a. 13—b. 3. *Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν κοινῶν οἷόν τ' εἶναι αἰσθητήριόν τι ἴδιον, ὧν ἑκάστῃ αἰσθήσει αἰσθανόμεθα κατὰ συμβεβηκός, οἷον κινήσεως, στάσεως, σχήματος, μεγέθους, ἀριθμοῦ ἑνός· ταῦτα γὰρ πάντα κινήσει αἰσθανόμεθα, οἷον μέγεθος κινήσει. ὥστε καὶ σχῆμα· μέγεθος γάρ τι τὸ σχῆμα. τὸ δ' ἠρεμοῦν τῷ μὴ κινεῖσθαι· ὁ δ' ἀριθμὸς τῇ ἀποφάσει τοῦ συνεχοῦς καὶ τοῖς ἰδίοις· ἑκάστη γὰρ ἓν αἰσθάνεται αἴσθησις. ὥστε δῆλον ὅτι ἀδύνατον ὁτουοῦν ἰδίαν αἴσθησιν εἶναι τούτων, οἷον κινήσεως· οὕτω γὰρ ἔσται ὥσπερ νῦν τῇ ὄψει τὸ γλυκὺ αἰσθανόμεθα. τοῦτο δ' ὅτι ἀμφοῖν ἔχοντες τυγχάνομεν αἴσθησιν, ᾗ καὶ ὅταν συμπέσωσιν ἀναγνωρίζομεν· εἰ δὲ μή, οὐδαμῶς ἂν ἀλλ' ἢ κατὰ συμβεβηκὸς ᾐσθανόμεθα, οἷον τὸν Κλέωνος υἱὸν οὐχ ὅτι Κλέωνος υἱός, ἀλλ' ὅτι λευκός· τούτῳ δὲ συμβέβηκεν υἱῷ Κλέωνος εἶναι. τῶν δὲ κοινῶν ἤδη ἔχομεν αἴσθησιν κοινήν, οὐ κατὰ συμβεβηκός· οὐκ ἄρ' ἐστὶν ἰδία· οὐδαμῶς γὰρ ἂν ᾐσθανόμεθα ἀλλ' ἢ οὕτως ὥσπερ εἴρηται τὸν Κλέωνος υἱὸν ἡμᾶς ὁρᾶν. τὰ δ' ἀλλήλων ἴδια κατὰ συμβεβηκὸς αἰσθάνονται αἱ αἰσθήσεις, οὐχ ᾗ αἱ αὐταί, ἀλλ' ᾗ μία, ὅταν ἅμα γένηται ἡ αἴσθησις ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ, οἷον χολὴν ὅτι πικρὰ καὶ ξανθή· οὐ γὰρ δὴ ἑτέρας γε τὸ εἰπεῖν ὅτι ἄμφω ἓν· διὸ καὶ ἀπατᾶται, καὶ ἐὰν ᾖ ξανθόν, χολὴν οἴεται εἶναι.* Настоящее мѣсто, настоящая первая часть этой второй половины 1-ой главы III-ей книги De anima обыкновенно выставляется въ высшей степени темною и неясною; на эту часть обыкновенно смотрятъ какъ на такую, въ которой особенно трудно возстановить подлинную связь мыслей самого Аристотеля. При такихъ взглядахъ нисколько не удивительно, что эта часть, все это мѣсто вызвало весьма много разъясненій и объясненій въ себѣ. Ср. напр. весьма обширныя разъясненія Trendelenburg'a въ его Комментаріяхъ, стр. 347—353; Torstrik'a въ его изданіи, стр. 162—165; Wallace'a, стр. 252—254; Zahlfleisch'a въ его статьѣ, стр. 16—17; далѣе, помимо издателей,—ср. еще разсужденія Kampe по поводу настоящаго мѣста въ Die Erkenntnisstheor. des Arist., стр. 104—105 примѣч. 5; Baeumker'a въ Des Arist. Lehre von den äuss. und inner. Sinnesverm., стр. 62—66; Neuhaeuser'a въ Aristoteles' Lehre von dem sinnlich. Erkenntnissverm. und sein. Organ. стр. 30—36; Brentano въ Die Psych. des Arist. стр. 96 прим. 55; Siebeck'a въ Gesch. der Psych. I, 2, примѣчаніе 13-ое въ концѣ книги, стр. 481; Dembowski въ Quaestiones Aristot. duae стр. 12—26. Всѣ эти комментаторы и ученые не довольствуются только тѣмъ, что стараются возстано-

ранѣе, еще въ 6-ой главѣ II-ой книги того-же сочиненія. Затѣмъ въ остальной части этой-же второй половины Аристотель—о чемъ мы также уже говорили—примѣняетъ это разсмотрѣніе къ своей главной въ настоящемъ случаѣ темѣ: изъ этого разсмотрѣнія онъ старается извлечь нѣкоторыя доказательства того-же положенія о полной достаточности въ общемъ для объясненія и пониманія чувственныхъ познаній пяти чувствъ, о полной цѣлесообразности существованія нѣсколькихъ, какъ

вить подлинную послѣдовательность мыслей Аристотеля въ настоящемъ отрывкѣ, опираясь на какой-либо одинъ, напр. Bekker'овскій текстъ, но они не оставляютъ безъ вниманія и самаго текста: почти каждый изъ нихъ предлагаетъ ту или другую конъектуру въ самомъ текстѣ, то или иное исправленіе въ самомъ текстѣ. Такимъ образомъ въ концѣ получается цѣлая масса мнѣній, толкованій,—масса, въ которой и разобраться даже на первый разъ трудно. При такомъ положеніи дѣла было бы конечно невозможно останавливаться на всѣхъ, представляющихъ какое-либо затрудненіе, выраженіяхъ настоящаго мѣста и приводить всѣ существующія разъясненія такихъ выраженій,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Въ настоящемъ случаѣ, въ настоящемъ примѣчаніи я поступлю инымъ образомъ. Въ настоящемъ примѣчаніи я ограничусь только разъясненіемъ сравнительно немногихъ выраженій настоящаго отрывка, разъясненіемъ только такихъ выраженій, которыя, такъ или иначе, стоятъ въ связи съ переводомъ и объясненіями, предложенными въ текстѣ, безъ разъясненія которыхъ самый переводъ, предложенный въ текстѣ, такъ сказать, потерялъ бы въ своей основательности; я, стало быть, въ настоящемъ примѣчаніи постараюсь только оправдать свой переводъ. При этомъ, мнѣ придется касаться конечно только тѣхъ мнѣній и толкованій, которыя, въ свою очередь, будутъ имѣть дѣло съ приводимыми выраженіями, и съ другой стороны, такъ какъ вообще въ настоящемъ мѣстѣ, какъ я указалъ только что, критика текста не отдѣлялась отъ другихъ разъясненій, отъ разъясненій, собственно уже не имѣющихъ дѣла съ текстомъ, то и мнѣ, въ этихъ моихъ замѣчаніяхъ, не придется отдѣлять этихъ двухъ сторонъ; не такъ, какъ въ другихъ, предыдущихъ примѣчаніяхъ,—мнѣ придется говорить и о текстѣ и дѣлать другія разъясненія, непосредственно не касающіяся текста, вмѣстѣ, хотя главнымъ образомъ мои разъясненія будутъ имѣть дѣло съ греческимъ текстомъ. Такимъ образомъ, прежде всего нельзя будетъ обойти выраженія *κατὰ συμβεβηκός* въ самой первой фразѣ. Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе, и какъ согласить его и вообще всю первую фразу, фразу *ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν κοινῶν οἷόν τ' εἶναι αἰσθητήριόν τι ἴδιον, ὧν ἑκάστῃ αἰσθήσει αἰσθανόμεθα κατὰ συμβεβηκός*, съ послѣдующею фразою, съ фразою *τῶν δὲ κοινῶν ἤδη ἔχομεν αἴσθη-*

разъ пяти чувствъ. Именно, исходя изъ такой установленной имъ въ настоящее время природы этихъ общихъ чувственныхъ познаній, исходя изъ такого способа познанія чувствующимъ существомъ этихъ общихъ свойствъ, Аристотель теперь указываетъ, что, быть можетъ, такой именно способъ познанія этихъ свойствъ и обусловливаетъ какъ разъ существованіе нѣсколькихъ—пяти чувствъ; можетъ быть, выходитъ у Аристотеля, именно ради чувственнаго познанія указанныхъ

σιν κοινήν, οὐ κατὰ συμβεβηκός? не заключается ли въ этихъ двухъ фразахъ нѣкотораго, и даже прямого противорѣчія? Лучшее объясненіе этого выраженія далъ, какъ мнѣ кажется, Trendelenburg (см. указанныя страницы въ Коммент. Trendelenburg'a, въ частности стр. 350). Именно Trendelenburg первый указалъ, что *κατὰ συμβεβηκός* въ первой фразѣ и *κατὰ συμβεβηκός*—во второй употреблены Аристотелемъ вовсе не въ одномъ и томъ-же смыслѣ: *κατὰ συμβεβηκός* во второй фразѣ употреблено Аристотелемъ, по Trendelenburg'у, въ техническомъ, спеціальномъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено имъ въ 6-ой главѣ II-ой книги De anima,—*κατὰ συμβεβηκός* же въ первой фразѣ имѣетъ смыслъ болѣе общій, не спеціальный. Дѣйствительно, если стать на такую точку зрѣнія, если принять такое объясненіе, то все будетъ понятно, и всякое противорѣчіе исчезнетъ. Съ точки зрѣнія этого-то объясненія я и перевелъ настоящую первую фразу—«но невозможно, чтобы существовало какое-либо особое, спеціальное чувство и для воспріятія общихъ свойствъ, которыя мы ощущаемъ, чувственно познаемъ *при* каждомъ чувственномъ познаніи». Въ этотъ предлогъ «при» я, такъ сказать, включилъ указанное выраженіе *κατὰ συμβεβηκός*, понимая, что этимъ выраженіемъ *κατὰ συμβεβηκός* въ настоящей фразѣ Аристотель хотѣлъ только отдѣлить, отличить съ внѣшней стороны чувственныя познанія общихъ свойствъ отъ собственныхъ чувственныхъ познаній, отъ ощущеній. Общія свойства также познаются отдѣльными чувствами, но способъ ихъ познанія, даже и съ чисто внѣшней стороны, все-таки отличается отъ чувственнаго познанія собственно свойственнаго отдѣльнымъ чувствамъ, отъ ощущеній,—только на это отличіе Аристотель и хотѣлъ указать, употребивъ въ настоящей первой фразѣ выраженіе *κατὰ συμβεβηκός*. Затѣмъ, слѣдующимъ выраженіемъ, котораго также нельзя будетъ обойти въ настоящемъ примѣчаніи, будетъ выраженіе *ἀναγνωρίζομεν* во фразѣ *ἢ καὶ ὅταν συμπέσωσιν ἀναγνωρίζομεν*. Дѣло здѣсь идетъ о томъ, какъ читать самое это слово *ἀναγνωρίζομεν*. У Bekker'a и затѣмъ у Trendelenburg'a читается такъ именно—*ἀναγνωρίζομεν*, у Torstrik'a-же и у Wallace'a (къ нимъ присоединяется и Zahlfleisch) читается *ἅμα γνωρίζομεν*. Вполнѣ можно согласиться, что второе чтеніе совершенно допустимо, имѣетъ вполнѣ хорошій смыслъ, но съ другой стороны

общихъ свойствъ чувствующее существо и не могло бы довольствоваться только однимъ какимъ либо чувствомъ, а должно имѣть ихъ цѣлыхъ пять. Полная цѣлесообразность и полная достаточность пяти чувствъ, стало быть, доказывается теперь у Аристотеля не съ точки зрѣнія того, что кто-либо нашелъ бы настоящее количество чувствъ недостаточнымъ, а съ точки зрѣнія того, что кому-либо это количество чувствъ показалось бы слишкомъ большимъ. «Кто-либо сталъ бы еще

точно также слѣдуетъ согласиться, что и первое чтеніе также можетъ быть допущено, оно также нисколько не противорѣчитъ общему смыслу. Если-же такъ, то въ такомъ случаѣ является вопросъ,—зачѣмъ мы будемъ уклоняться отъ Bekker'овскаго текста, зачѣмъ будемъ вводить исправленія, вообще нововведенія въ отношеніи къ Bekker'овскому тексту? Во всемъ предыдущемъ, вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось разъяснять подлинныя выраженія самого Аристотеля, я старался провести тотъ принципъ, что слѣдуетъ по возможности держаться одного Аристотелевскаго, главнымъ образомъ конечно Bekker'овскаго, текста,—и теперь я могу только снова сослаться на этотъ принципъ. Уклоняться отъ Bekker'а, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ только тамъ, гдѣ чрезъ такое уклоненіе достигается совершенно ясное, совершенно очевидное улучшеніе смысла, тамъ-же (какъ въ настоящемъ случаѣ) гдѣ такого очевиднаго улучшенія не замѣчается, нѣтъ никакой нужды измѣнять Bekker'у, такъ сказать, вводить пестроту въ самый нашъ оригиналъ, въ самый текстъ Аристотеля. Итакъ, въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я при своемъ переводѣ настоящей фразы остался при чтеніи Bekker'а и постарался перевести это спорное выраженіе такъ, какъ будто бы было несомнѣнно, что самъ Аристотель написалъ именно *ἀναγνωρίζομεν*. Далѣе, какъ разъ въ слѣдующей фразѣ пришлось, повидимому, до нѣкоторой степени уклониться отъ Bekker'а. Именно, у Bekker'а непосредственно послѣ того выраженія, о которомъ только что шла рѣчь, непосредственно послѣ выраженія *ἀναγνωρίζομεν*, стоитъ полуточіе,—между тѣмъ при переводѣ, предложенномъ въ нашемъ текстѣ, скорѣе можно бы было ожидать послѣ этого выраженія не полуточія, а точки: выходитъ дѣйствительно нѣкоторое уклоненіе. Однако, хотя это уклоненіе и приходится признать, тѣмъ не менѣе, помимо другихъ соображеній, явилось оно между прочимъ именно вслѣдствіе желанія сохранить Bekker'овскій текстъ, но только сохранить его въ болѣе существенномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я пожелалъ вполнѣ придерживаться интерпункціи Bekker'а, то въ такомъ случаѣ уже нельзя было бы перевести непосредственно послѣдующую фразу такъ, какъ она переведена въ нашемъ текстѣ,—пришлось бы ближе сопоставить ее съ непосредственно предшествующимъ. Пришлось бы перевести ее такъ, какъ между прочимъ пе-

недоумѣвать», говоритъ Аристотель далѣе, «ради чего́ мы имѣемъ нѣсколько чувственныхъ познаній» (чувственныя познанія, вырабатываемыя нѣсколькими чувствами), «а не одно только чувственное познаніе» (не одно только чувство). «Причина этого», замѣчаетъ по поводу этого недоумѣнія Аристотель, «быть можетъ лежитъ въ томъ, чтобы менѣе ускользали отъ нашего вниманія свойства сопутствующія и общія, каковы напр.—движеніе, величина, число; ибо если бы мы имѣли одно только чувство зрѣнія, и это чувство зрѣнія имѣло бы дѣло только съ бѣлымъ, познавало бы только бѣлое, всѣ эти свойства скорѣе бы скрывались отъ насъ и казались бы однимъ и тѣмъ-же, такъ какъ цвѣтъ и величина постоянно сопутствуютъ другъ другу. Въ настоящее же время», разъясняетъ это свое замѣчаніе Аристотель еще болѣе, «такъ какъ общія свойства являются и въ связи съ другимъ чувственно познаваемымъ» (кромѣ познаваемаго собственно зрѣніемъ,—общія свойства, по вышеуказанному, являются въ связи вообще съ чувственными познаніями, съ чувственными познаніями, соб-

---

реводитъ напр. Neuhaeuser (изъ указан. выше страницъ у Neuhaeuser'а см. стр. 34),—именно, нужно было бы сопоставить эту фразу самымъ тѣснымъ образомъ съ фразою *τοῦτο δ' ὅτι ἀμφοῖν ἔχοντες* и т. д. Однако, какъ замѣчаетъ и Neuhaeuser, при такомъ переводѣ оказываются лишними слова *τὸν Κλέωνος υἱὸν ἡμᾶς ὁρᾶν*,—слова, между тѣмъ стоящія въ Bekker'овскомъ текстѣ. Такимъ образомъ, желаніемъ сохранить Bekker'овскій текстъ въ болѣе существенномъ между прочимъ и обусловливался переводъ, предложенный выше, въ самомъ нашемъ текстѣ. Конечно тутъ были и другія соображенія, главнымъ образомъ предложенный переводъ и предложенныя объясненія, казалось, наиболѣе подойдутъ къ подлиннымъ мыслямъ Аристотеля, наиболѣе вѣрно передадутъ подлинныя въ этомъ мѣстѣ мысли Аристотеля,—тѣмъ не менѣе и это послѣднее желаніе также имѣло нѣкоторое вліяніе. Наконецъ намъ остается еще сказать относительно чтенія слова *αἱ αὐταί* во фразѣ *τὰ δ' ἀλλήλων ἴδια κατὰ συμβεβηκὸς αἰσθάνονται αἱ αἰσθήσεις, οὐχ ᾗ αἱ αὐταί, ἀλλ' ᾗ μία* и т. д. Опять таки у Bekker'а и у Trendelenburg'а читается такъ именно—*αἱ αὐταί*,—у Torstrik'а-же и у Wallace'а читается просто *αὐταί*; Torstrik даже прямо заявляетъ, что чтеніе *αἱ αὐταί* не имѣетъ никакого смысла (см. у Torstrik'а въ его Комментар. стр. 165). Однако, развѣ нельзя перевести это выраженіе *αἱ αὐταί* такъ, какъ между прочимъ мы перевели—что чувства познаютъ общія свойства не постольку, поскольку они являются «тѣми-же» (отдѣльными) чувствами? развѣ можно

ственно свойственными многимъ отдѣльнымъ чувствамъ), «то это и уясняетъ, что каждое изъ этихъ общихъ свойствъ есть нѣчто отличное, не тождественное съ какимъ-либо чувственнымъ познаніемъ, собственно свойственнымъ отдѣльному чувству». Т. е. самый фактъ существованія указанныхъ выше общихъ свойствъ, самый указанный способъ познанія этихъ свойствъ доказываетъ по Аристотелю необходимость нѣкоторой множественности чувствъ, доказываетъ, что чувствъ должно быть нѣсколько — пять, а не одно. Если бы у насъ было только одно чувство, напр. чувство зрѣнія, говоритъ Аристотель, то такое общее свойство, какъ напр. величина, совершенно не могло бы быть познано: мы не имѣли бы средствъ отличить величины отъ собственнаго объекта чувства зрѣнія, отъ цвѣта, и самая величина осталась бы непознанною. Однако фактъ тотъ, что общія свойства вродѣ величины мы познаемъ и познаемъ ихъ какъ нѣчто отличное отъ собственно познаваемаго отдѣльными чувствами, какъ нѣчто самостоятельное по отношенію къ этому познаваемому,—эти-то отличность и самостоятельность, которыхъ и вообразить безъ нѣсколькихъ чувствъ было бы совершенно невозможно, и должны служить

сказать, что такой переводъ не будетъ имѣть смысла? Да и не представляетъ-ли такой переводъ въ сущности того-же самаго, что говоритъ и Torstrik въ указанномъ замѣчаніи? Итакъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ чтеніи этихъ словъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, вполнѣ возможно остаться вѣрнымъ Bekker'у. Таковы разъясненія, безъ которыхъ, какъ мнѣ кажется, никоимъ образомъ нельзя обойтись съ точки зрѣнія самой основательности предложеннаго перевода. Этими только разъясненіями я и ограничусь въ настоящемъ примѣчаніи, оставляя все остальное, написанное вообще по поводу настоящаго мѣста. Съ точки зрѣнія самаго греческаго текста, быть можетъ, слѣдовало бы еще указать, что вмѣсто Bekker'овскаго чтенія *κινήσει* въ одной изъ первыхъ фразъ, именно во фразѣ *ταῦτα γὰρ πάντα κινήσει αἰσθανόμεθα*, чтенія, сообразно которому и сдѣланъ нашъ переводъ, Torstrik, слѣдуя Симплицію, предлагаетъ чтеніе *κοινῇ* (Коммент. Torstrik'а стр. 162), и слѣдовало бы оправдать это Bekker'овское чтеніе, — но именно потому, что большинство комментаторовъ держатся въ настоящемъ случаѣ все-таки Bekker'а и именно потому, что вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли читать *κινήσει* или *κοινῇ*, не является такимъ образомъ особенно спорнымъ, я и нахожу возможность оставить этотъ вопросъ безъ особаго разсмотрѣнія.

доказательствомъ необходимости множественности, существованія нѣсколькихъ—пяти чувствъ [1]).

Такъ разъясняетъ Аристотель въ настоящемъ мѣстѣ, въ настоящей 2-ой половинѣ 1-ой главы III-ей книги своего главнаго психологическаго сочиненія, болѣе подробно самую природу этихъ общихъ чувственныхъ свойствъ, самый способъ чувственнаго ихъ познанія, и такъ пользуется онъ этими разъясненіями для своей частной въ настоящемъ случаѣ темы, для

---

[1]) Ibidem, 425 b. 4—11. *Ζητήσειε δ' ἄν τις τίνος ἕνεκα πλείους ἔχομεν αἰσθήσεις, ἀλλ' οὐ μίαν μόνην. ἢ ὅπως ἧττον λανθάνῃ τὰ ἀκολουθοῦντα καὶ κοινά, οἷον κίνησις καὶ μέγεθος καὶ ἀριθμός· εἰ γὰρ ἦν ἡ ὄψις μόνη, καὶ αὐτὴ λευκοῦ, ἐλάνθανεν ἂν μᾶλλον· καὶ ἔδόκει ταὐτὸ εἶναι πάντα διὰ τὸ ἀκολουθεῖν ἀλλήλοις ἅμα χρῶμα καὶ μέγεθος. νῦν δ' ἐπεὶ καὶ ἐν ἑτέρῳ αἰσθητῷ τὰ κοινὰ ὑπάρχει, δῆλον ποιεῖ ὅτι ἄλλο τι ἕκαστον αὐτῶν.* По поводу общаго объясненія настоящихъ фразъ, предложеннаго въ текстѣ, слѣдуетъ замѣтить, что это общее объясненіе отличается отъ обыкновенныхъ общихъ объясненій тѣхъ-же фразъ (ср. напр. что говоритъ по поводу настоящаго мѣста хотя бы только Trendelenburg: Коммент. Trendelenburg'a стр. 353—354); на подобное-же объясненіе встрѣчаются только намеки, но болѣе подробнаго развитія этихъ намековъ нигдѣ не находится (такіе намеки можно пожалуй видѣть—у Brandis'a въ его Handbuch der Gesch. der Griech.—Röm. Philos. II, 2, 2-te Halfte, стр. 1118; у Zahlfleisch'a въ его статьѣ, стр. 17—18). Однако мнѣ кажется, что объясненіе, предложенное въ текстѣ, вполнѣ можетъ быть принято. Въ самомъ дѣлѣ, когда переводятъ и объясняютъ какого-либо классическаго писателя, то, безъ сомнѣнія, насколько важно установить, что̀ именно говоритъ въ томъ или другомъ мѣстѣ этотъ писатель, сущность его ученій въ отдѣльныхъ мѣстахъ, настолько-же важно не терять изъ виду и, такъ сказать, внѣшней обстановки отдѣльныхъ разбираемыхъ мѣстъ, самой связи этихъ отдѣльныхъ мѣстъ напр. съ предыдущимъ. При объясненіи, предложенномъ въ текстѣ, эта-то связь настоящаго мѣста, связь съ предыдущимъ и остается совершенно ясною, — между тѣмъ при другихъ, обыкновенныхъ объясненіяхъ нашего мѣста, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, такой полной ясности не замѣчается. Trendelenburg, напр., прямо заявляетъ въ началѣ объясненія нашего мѣста, что въ этомъ мѣстѣ Аристотель разбираетъ причины, почему указанныя выше общія свойства познаются не однимъ, а всѣми внѣшними чувствами,—и эту мысль онъ и кладетъ въ основаніи всего своего объясненія. Конечно можно объяснить наши фразы и такъ, можно сказать, что Аристотель разбираетъ здѣсь эти причины, ибо онъ, пожалуй, на самомъ дѣлѣ разбираетъ ихъ, — но какое отношеніе

доказательства полной цѣлесообразности существованія именно нѣсколькихъ — пяти чувствъ. Если мы ограничимся только внѣшнею стороною дѣла, если мы будемъ стараться установить только внѣшнюю послѣдовательность мыслей Аристотеля въ этой второй половинѣ,—ничего кромѣ этихъ разъясненій и кромѣ такого частнаго пользованія этими разъясненіями мы и не увидимъ; если-же мы обратимъ вниманіе на самую сущность настоящаго мѣста, если мы постараемся разсмотрѣть его по возможности безотносительно, не обращая особеннаго вниманія на его, такъ сказать, внѣшнюю обстановку, то мы найдемъ въ этомъ мѣстѣ нѣчто иное. Именно, мы найдемъ, что въ настоящемъ мѣстѣ Аристотель несомнѣнно предлагаетъ совершенно новое ученіе, касающееся чувственныхъ познаній, ученіе, о которомъ раньше ему еще не приходилось говорить и съ которымъ мы совершенно еще не знакомы: настоящее мѣсто, настоящая 2-ая половина 1-ой главы III-ей книги De anima въ сущности представляетъ совершенно новое ученіе Аристотеля о нѣкоторомъ единствѣ чувствъ, о томъ, что всѣ

съ внѣшней стороны, при только такомъ объясненіи, будутъ имѣть эти фразы къ предыдущему, во всей 1-ой половинѣ настоящей-же 1-ой главы? Итакъ, желаніе, при объясненіи нашего мѣста, возможно точно передать самую сущность мыслей Аристотеля, и въ тоже время сохранить и внѣшнюю послѣдовательность, связь съ предыдущимъ и побудило меня перевести такъ, какъ я перевелъ выше, въ текстѣ,—побудило меня провести въ моемъ переводѣ и объясненіяхъ мысль, что тутъ Аристотель доказываетъ цѣлесообразность существованія пяти чувствъ, но только доказываетъ не съ точки зрѣнія могущей показаться недостаточности пяти чувствъ, а съ точки зрѣнія кажущагося кому-либо ихъ излишка. Это—относительно общаго объясненія настоящихъ фразъ. Затѣмъ, что касается до нѣкоторыхъ исправленій собственно Bekker'овскаго текста нашего мѣста, предложенныхъ Torstrik'омъ (совершенное исключеніе изъ текста выраженія *καὶ αὐτὴ λευκοῦ* и перемѣна *ἅμα* на *ἀεί* въ предпослѣдней фразѣ—см. у Torstrik'а въ текстѣ его изданія, стр. 77, и въ Комментаріяхъ, стр. 165—166), то разбирать эти исправленія я не буду по тѣмъ-же причинамъ, по которымъ и въ предыдущемъ примѣчаніи при объясненіи предыдущаго отдѣла той-же I-ой главы III-ей книги De anima я не разбиралъ исправленій Bekker'овскаго текста, когда они предлагались и защищались главнымъ образомъ только Torstrik'омъ,—большинство комментаторовъ и ученыхъ, занимавшихся нашимъ мѣстомъ, держатся всетаки и тутъ Bekker'овскаго текста.

чувства въ концѣ концовъ сливаются въ чемъ-то единомъ, что результаты дѣятельности отдѣльныхъ чувствъ—ощущенія въ концѣ концовъ, такъ сказать, отражаются на нѣкоторомъ общемъ фонѣ. Изъ этого ученія въ настоящемъ случаѣ Аристотель дѣлаетъ нѣкоторые выводы, но эти выводы пока не имѣютъ для насъ особеннаго значенія, ибо самаго главнаго вывода, котораго мы ожидали бы здѣсь, въ настоящемъ мѣстѣ, какъ разъ и нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если все настоящее мѣсто главнымъ образомъ содержитъ въ себѣ разсужденія Аристотеля объ общихъ чувственныхъ свойствахъ, о самомъ способѣ чувственнаго познанія этихъ общихъ свойствъ, то, казалось бы, и самое указанное новое ученіе Аристотеля необходимо должно стоять въ связи съ этими разсужденіями,—между тѣмъ такой связи, какъ мы только что разъяснили, не замѣчается: это новое ученіе Аристотеля можно, правда, извлечь изъ настоящаго мѣста, но его можно извлечь, какъ мы говоримъ, по существу, по дальнѣйшемъ разсмотрѣніи и обсужденіи, а не по связи съ другими, хотя бы и главными разсужденіями всего этого мѣста. Однако, почему-же всетаки это новое ученіе попало именно сюда, почему объ этомъ единствѣ всѣхъ чувствъ Аристотель нашелъ возможнымъ говорить именно при своихъ разсужденіяхъ объ общихъ чувственныхъ свойствахъ, о способѣ чувственнаго познанія этихъ свойствъ? По всей вѣроятности—можно отвѣтить на этотъ вопросъ—Аристотель находилъ всетаки нѣкоторую связь между этими двумя ученіями, по всей вѣроятности самое чувственное познаніе этихъ общихъ свойствъ всетаки, и по его мнѣнію, до нѣкоторой степени обусловливалось формулированнымъ имъ единствомъ: эта связь въ данный моментъ, когда Аристотель составлялъ это мѣсто изъ De anima, могла быть не особенно ясна ему,—но она, тѣмъ не менѣе, уже какъ-бы носилась передъ нимъ, Аристотель уже предчувствовалъ ее. Такъ можно отвѣтить на этотъ вопросъ, но такой отвѣтъ, имѣя въ виду наше мѣсто, будетъ только вѣроятнымъ: никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ и точныхъ подтвержденій такому заключенію въ нашемъ мѣстѣ мы конечно не найдемъ. На этомъ мы пока остановимся и замѣтимъ только, что настоящее мѣсто, настоящая вторая половина 1-ой главы III-ей книги De anima совершенно несомнѣнно содержитъ въ себѣ вполнѣ новое ученіе Аристо-

теля о, какъ мы говорили, нѣкоторомъ единствѣ, нѣкоторой общей конечной связи всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію слѣдующаго изъ указанныхъ выше мѣстъ, обратимся къ разсмотрѣнію того, что осталось у насъ еще неразсмотрѣннымъ въ 1-омъ отдѣлѣ нашей настоящей I-ой главы изъ 2-ой главы той-же III-ей книги De anima. Эта 2-ая глава является собственно заключительною въ главномъ психологическомъ сочиненіи Аристотеля для его ученія вообще о чувственномъ познаніи: въ другихъ, слѣдующихъ главахъ Аристотель говоритъ уже о другихъ познаніяхъ, и если и касается чувственнаго познанія, то только мимоходомъ и по поводамъ болѣе или менѣе случайнымъ. Это-то, такъ сказать, заключительность настоящей главы по отношенію къ ученію Аристотеля о чувственномъ познаніи и обусловливаетъ собою внѣшній видъ ея, самую внѣшнюю послѣдовательность изложенія Аристотеля въ ней. Вся эта вторая глава въ сущности представляетъ собою разрѣшеніе Аристотелемъ нѣсколькихъ вопросовъ,—вопросовъ, правда, также относящихся къ чувственному познанію, но вопросовъ совершенно отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою какою-либо совершенно ясною внѣшнею связью: повидимому, всѣ эти вопросы какъ-бы остались у Аристотеля, — и вотъ теперь, въ заключеніи онъ только и думаетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь разрѣшить и ихъ. Благодаря этому-то внѣшнему виду изложенія Аристотеля въ настоящей главѣ, благодаря этому-то отсутствію внѣшней связи между ея отдѣльными частями и было возможно намъ въ нашемъ 1-омъ отдѣлѣ настоящей главы выдѣлить изъ этой главы всю середину ея и отнести эту середину къ общему опредѣленію чувственнаго познанія у Аристотеля: дѣйствительно, эта середина не имѣетъ особенной внѣшней связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, и скорѣе должна быть сопоставлена съ тѣми мѣстами, гдѣ Аристотель говорилъ вообще о чувственномъ познаніи, напр. съ 5-ой главою II-ой книги. Этимъ-же внѣшнимъ видомъ, этою отдѣльностью частей настоящей главы мы воспользуемся и въ настоящемъ случаѣ, при настоящемъ разсмотрѣніи. То, что осталось у насъ не разсмотрѣннымъ—начало и конецъ настоящей главы представляютъ также двѣ части, разсужденія Аристотеля по двумъ вопросамъ,—и хотя, какъ мы увидимъ да-

лѣе, болѣе внутренняя, болѣе глубокая связь между разрѣшеніемъ этихъ двухъ вопросовъ у Аристотеля несомнѣнно существуетъ, но всетаки ни въ какой совершенно ясной внѣшней связи эти два вопроса между собою не стоятъ. Но если ни въ какой ясной внѣшней связи эти два вопроса, эти двѣ оставшіяся части настоящей 2-ой главы между собою не состоятъ, то совершенно возможно разсматривать ихъ отдѣльно, совершенно возможно разсмотрѣть сначала оставшееся начало, а затѣмъ и конецъ настоящей главы. Такъ мы и поступимъ, и начнемъ съ разсмотрѣнія начала.

«Такъ какъ мы чувствуемъ», говоритъ Аристотель въ началѣ 2-ой главы III-ей книги De anima, «что видимъ и слышимъ, то необходимо, чтобы кто-либо чувствовалъ, что онъ видитъ, или чувствомъ зрѣнія, или какимъ-нибудь другимъ чувствомъ. Но одно и тоже», продолжаетъ Аристотель, «будетъ это чувство видѣнія и чувство, которое имѣетъ дѣло съ собственнымъ предлежащимъ цвѣтомъ» (съ собственнымъ объектомъ чувства зрѣнія). «Отсюда—или два у насъ будутъ чувства одного и того-же, или одно будетъ чувствовать само себя». Эти первыя фразы съ перваго взгляда представляются не совсѣмъ ясными, однако, по ближайшемъ разсмотрѣніи, можно понять, что хотѣлъ тутъ сказать Аристотель. Аристотель очевидно поднимаетъ здѣсь вопросъ о сознаніи чувствующимъ существомъ своихъ чувственныхъ познаній, своихъ ощущеній, очевидно обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что всякое чувствующее существо, помимо того, что просто ощущаетъ, просто чувственно познаетъ, еще относитъ эти ощущенія, эти чувственныя познанія къ себѣ, еще признаетъ ихъ своими. Чѣмъ-же, спрашиваетъ Аристотель, совершается это сознаніе, это признаніе? Это признаніе можетъ совершаться по Аристотелю или при посредствѣ того-же самаго внѣшняго ощущающаго чувства, или-же для такого признанія требуется какое-либо другое, новое чувство. Теперь, казалось бы, слѣдовало рѣшить эту альтернативу, но прежде такого рѣшенія Аристотель формулируетъ еще свой вопросъ нѣсколько инымъ образомъ. Слѣдуетъ замѣтить, продолжаетъ Аристотель, что это сознаніе, это признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній за свои—совершенно нераздѣльно, совершенно тождественно съ самыми эти-

ми ощущеніями, является простымъ продолженіемъ этихъ-же ощущеній, — и отсюда вопросъ получаетъ такой видъ: или у насъ будутъ два чувства, направленныя въ сущности на чувственное познаніе одного и того-же (это—конечно при второмъ предположеніи),—или же (при первомъ предположеніи) одно чувство будетъ, такъ сказать, чувственно познавать само себя. Вотъ собственно, что́ говоритъ въ этихъ первыхъ фразахъ Аристотель, и совершенно ясно, что въ этихъ фразахъ заключается только постановка вопроса,—никакого рѣшенія тутъ еще не предлагается. Какъ же рѣшаетъ этотъ поставленный вопросъ Аристотель? «Далѣе», говоритъ Аристотель въ непосредственно слѣдующемъ, «если чувство, воспринимающее самое видѣніе, было бы другимъ» (отличнымъ отъ собственно ощущающаго чувства, отъ чувства зрѣнія), «то или чувства пойдутъ въ безконечность» (или получится безконечный рядъ чувствъ), «или-же какое-нибудь изъ нихъ будетъ чувствовать, воспринимать само себя. А въ такомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать это» (слѣдутъ допустить такое воспріятіе чувствомъ самого себя) «по отношенію къ первой, собственно оригинальной способности чувственнаго познанія». Т. е. Аристотель разрѣшаетъ поставленный вопросъ въ томъ смыслѣ, что относитъ это сознаніе, это признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои къ нѣкоторой первой, собственно оригинальной способности чувственнаго познанія,—и является вопросъ: что-же это за первая, оригинальная чувственная способность, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ она къ собственно отдѣльнымъ чувствамъ, чувствамъ, вырабатывающимъ отдѣльныя ощущенія? Эта оригинальная чувственная способность, очевидно, до нѣкоторой степени тождественна съ отдѣльными внѣшними чувствами и до нѣкоторой-же степени отличается отъ нихъ, какъ-бы выходитъ изъ нихъ. Если бы Аристотель хотѣлъ вполнѣ отождествить эту оригинальную способность съ отдѣльными чувствами, то онъ не назвалъ бы ее «первою» (*πρώτη αἴσθησις*), а просто употребилъ бы здѣсь терминъ — «чувство зрѣнія» (*ὄψις*); но съ другой стороны, на основаніи всѣхъ предыдущихъ подлинныхъ выраженій Аристотеля, нельзя думать, чтобы Аристотель желалъ и очень отдѣлять эту «первую» способность отъ простыхъ внѣшнихъ чувствъ. Это—по всей вѣроятности тоже что въ предыдущемъ, только что разобранномъ

нами мѣстѣ, въ предыдущей второй половинѣ 1-ой главы той-же III-ей книги того-же сочиненія Аристотеля было нѣкоторымъ единымъ чувствомъ, нѣкоторымъ конечнымъ общимъ фономъ всѣхъ чувствъ. Такъ, можно думать, разрѣшаетъ Аристотель этотъ свой поставленный въ настоящее время вопросъ. Затѣмъ далѣе Аристотель выставляетъ и разрѣшаетъ еще одно недоумѣніе, также имѣющее, по его мнѣнію, отношеніе къ настоящему вопросу. «Представляетъ-же это разрѣшеніе», говоритъ Аристотель далѣе, «затрудненіе: если чувственно познавать чувствомъ зрѣнія значитъ видѣть, а видится цвѣтъ или то, что имѣетъ цвѣтъ» (что окрашено цвѣтомъ), «то, если кто-либо увидитъ самое это видящее—онъ, самая эта первая оригинальная чувственная способность также получитъ цвѣтъ». Т. е. Аристотеля смущаетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство. Если по вышеуказанному сознаніе, признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои совершенно нераздѣльно, совершенно тождественно съ самыми этими ощущеніями, есть ничто иное, какъ только продолженіе этихъ ощущеній, и если, съ другой стороны, самыя отдѣльныя ощущенія состоятъ въ томъ, чтобы ощущать, чувственно познавать отдѣльныя качества, напр. при ощущеніяхъ зрѣнія познавать цвѣта, то какъ-бы выходитъ, что и это сознаніе, это признаніе также должно получать эти отдѣльныя качества; какъ-бы выходитъ, что первая оригинальная чувственная способность, относя полученное отдѣльное чувственное познаніе, отдѣльное ощущеніе къ чувствующему существу, воспринимая самое это ощущеніе, въ тоже время должна воспринимать и самые объекты даннаго ощущенія. Но какъ-же она будетъ воспринимать эти объекты, какъ, напр., эта первая, оригинальная чувственная способность будетъ воспринимать самые цвѣта?—въ этомъ, кажется Аристотелю, заключается нѣкоторое затрудненіе. Это затрудненіе Аристотель разрѣшаетъ далѣе слѣдующимъ образомъ. «Ясно такимъ образомъ» (на самомъ фактѣ возникновенія настоящаго затрудненія), продолжаетъ Аристотель, «что чувствовать, чувственно познавать чувствомъ зрѣнія не есть что-либо единое, простое» (не состоитъ только въ томъ, чтобы получать отдѣльныя качества — цвѣта), «—ибо и въ самомъ дѣлѣ, когда мы собственно и не видимъ» (никакого предмета никакого цвѣта), «мы, тѣмъ не менѣе, различаемъ тьму и свѣтъ,

но только различаемъ другимъ способомъ» (сравнительно съ различеніемъ цвѣтовъ). «Съ другой стороны», прибавляетъ еще Аристотель, «и то, что видитъ, является какъ-бы окрашеннымъ: ибо каждый отдѣльный чувственный органъ» (каждое отдѣльное внѣшнее чувство) «способенъ принимать каждое ощущаемое, чувственно познаваемое безъ его матеріи» (безъ вещества, изъ котораго состоитъ оно), «—поэтому-то и по удаленіи собственно ощущаемыхъ, чувственно познаваемыхъ предметовъ остаются и ощущенія» (чувственныя познанія), «и образы ихъ въ чувствующихъ органахъ». Другими словами, во 1-хъ по Аристотелю, вовсе нельзя сказать, что каждое отдѣльное внѣшнее чувство только воспринимаетъ отдѣльныя качества, что напр. чувство зрѣнія только воспринимаетъ цвѣта,—отдѣльное внѣшнее чувство можетъ воспринимать и нѣчто иное, чувство зрѣнія напр. можетъ воспринимать и свѣтъ и тьму; и во 2-хъ, до нѣкоторой степени можно согласиться, что и въ отдѣльныхъ чувствахъ въ концѣ концовъ остаются отдѣльныя качества, что напр. въ чувствѣ зрѣнія, въ самомъ органѣ зрѣнія въ концѣ концовъ остается нѣчто какъ-бы вродѣ цвѣтовъ. Конечный результатъ чувственнаго познанія состоитъ въ томъ, что душа обнаруживаетъ форму чувственно познаваемаго, его специфическія качества, дѣлаетъ чувственное познаніе самымъ чувственнымъ познаніемъ,—объ этомъ и говоритъ Аристотель въ настоящемъ 2-омъ положеніи, это и значитъ, что до нѣкоторой степени напр. при зрительныхъ ощущеніяхъ въ концѣ концѣ концовъ остается нѣчто какъ-бы вродѣ цвѣтовъ. Эти два положенія Аристотель примѣняетъ къ разрѣшенію указаннаго послѣдняго затрудненія. Стало быть, съ одной стороны при этомъ сознаніи, при этомъ признаніи чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, отдѣльныхъ ощущеній за свои можно вовсе и не искать этихъ отдѣльныхъ качествъ, можно и не имѣть ихъ въ виду,—съ другой-же стороны они будутъ и находиться здѣсь. Въ концѣ каждаго отдѣльнаго чувственнаго познанія, каждаго ощущенія, отдѣльныя чувственныя качества, такъ или иначе, хотя бы въ другомъ видѣ—но всетаки остаются въ чувственныхъ органахъ, въ чувствующемъ существѣ,—слѣдовательно и эта первая, оригинальная чувственная способность, воспринимая самое ощущеніе, имѣя дѣло съ самымъ ощущеніемъ,

до нѣкоторой степени можетъ имѣть и на самомъ дѣлѣ будетъ имѣть дѣло и съ этими отдѣльными чувственными качествами [1]).

Вотъ собственно начало 2-ой главы III-ей книги De anima, и совершенно очевидно, что и въ этомъ началѣ мы также находимъ нѣчто новое, нѣкоторое новое ученіе Аристотеля относительно чувственныхъ познаній сравнительно съ его-же ученіемъ о чувственныхъ познаніяхъ, вырабатываемыхъ только отдѣльными чувствами, сравнительно съ его-же ученіемъ

---

[1]) De anima III, 2. 425 b. 12—25. *Ἐπεὶ δ' αἰσθανόμεθα ὅτι ὁρῶμεν καὶ ἀκούομεν, ἀνάγκη ἢ τῇ ὄψει αἰσθάνεσθαι ὅτι ὁρᾷ, ἢ ἑτέρᾳ. ἀλλ' ἡ αὐτὴ ἔσται τῆς ὄψεως καὶ τοῦ ὑποκειμένου χρώματος. ὥστε ἢ δύο τοῦ αὐτοῦ ἔσονται ἢ αὐτὴ αὑτῆς. ἔτι δ' εἰ καὶ ἑτέρα εἴη τῆς ὄψεως αἴσθησις, ἢ εἰς ἄπειρον εἶσιν ἢ αὐτή τις ἔσται αὑτῆς. ὥστ' ἐπὶ τῆς πρώτης τοῦτο ποιητέον. ἔχει δ' ἀπορίαν· εἰ γὰρ τὸ τῇ ὄψει αἰσθάνεσθαί ἐστιν ὁρᾶν, ὁρᾶται δὲ χρῶμα ἢ τὸ ἔχον, εἰ ὄψεταί τις τὸ ὁρῶν, καὶ χρῶμα ἕξει τὸ ὁρῶν πρῶτον. φανερὸν τοίνυν ὅτι οὐχ ἓν τὸ τῇ ὄψει αἰσθάνεσθαι· καὶ γὰρ ὅταν μὴ ὁρῶμεν, τῇ ὄψει κρίνομεν καὶ τὸ σκότος καὶ τὸ φῶς, ἀλλ' οὐχ ὡσαύτως. ἔτι δὲ καὶ τὸ ὁρῶν ἔστιν ὡς κεχρωμάτισται· τὸ γὰρ αἰσθητήριον δεκτικὸν τοῦ αἰσθητοῦ ἄνευ τῆς ὕλης ἕκαστον. διὸ καὶ ἀπελθόντων τῶν αἰσθητῶν ἔνεισιν αἱ αἰσθήσεις καὶ φαντασίαι ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις.* Этотъ отрывокъ, это начало настоящей 2-ой главы III-ей книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, совершенно также какъ и предыдущій отрывокъ—вся вторая половина предыдущей 1-ой главы, также имѣетъ къ себѣ цѣлую массу комментарій—объясненій и разъясненій. Укажу только на болѣе обширныя и вообще на болѣе обстоятельныя, по моему мнѣнію, разъясненія. Такими, какъ мнѣ кажется, будутъ: разъясненія Trendelenburg'a въ его Комментаріяхъ стр. 354—356; Wallace'a, стр. 255—256; Zahlfleisch'a, стр. 18—19; затѣмъ,—разъясненія Baeumker'a въ Des Arist. Lehre von den äuss. und inn. Sinnesverm., стр. 75—78; Neuhaeuser'a въ Aristoteles' Lehre von dem sinnlich. Erkenntnissverm. und seinen Organ., стр. 62—63; Brentano въ Die Psych. des Arist. стр. 85—86; Schell'я въ Die Einheit des Seelenlebens aus den Princ. der Aristot. Philos. entwickelt, особенно стр. 163—170; Siebeck'a въ Gesch. der Psych. I, 2, примѣч. 14 въ концѣ книги, стр. 482; Dembowski въ Quaest Arist. duae, стр. 26—35. Очевидно, что при такой массѣ и здѣсь придется быть сравнительно краткимъ: возможно и слѣдуетъ имѣть всѣ эти разъясненія въ виду, но никоимъ образомъ невозможно приводить и разбирать всѣ ихъ,—во всей ихъ совокупности. Такимъ образомъ и здѣсь, въ настоящемъ примѣчаніи, я ограничусь только немногими замѣчаніями, и ограничусь только такими разъясненіями, которыя будутъ оправдывать мой текстъ, которыя будутъ еще болѣе уяснять переводъ и объясненія, предложенныя выше, въ моемъ текстѣ. Но только настоящія разъясненія будутъ отличать-

объ ощущеніяхъ. Если на основаніи всего предыдущаго мѣста, на основаніи всей предыдущей 2-ой половины 1-ой главы той-же III-ей книги можно было прійти къ заключенію, что при объясненіи и пониманіи вообще чувственныхъ познаній Аристотель не находитъ возможнымъ удовольствоваться объясненіемъ только дѣятельности отдѣльныхъ чувствъ, объясненіемъ образованія только ощущеній, но что за отдѣльными чувствами, за отдѣльными ощущеніями онъ ставитъ нѣчто новое, нѣкоторое единство отдѣльныхъ внѣш-

---

ся отъ разъясненій предыдущаго отрывка въ томъ отношеніи, что тамъ главнымъ образомъ приходилось имѣть дѣло съ греческимъ текстомъ (ибо самый греческій текстъ въ предыдущемъ отрывкѣ, какъ мы видѣли, выставлялся какъ будто неустановленнымъ, спорнымъ),—здѣсь-же самый греческій текстъ можно оставить совершенно въ сторонѣ Въ большинствѣ случаевъ не предлагается никакихъ исправленій собственно Bekker'овскаго текста настоящаго отрывка,—стало быть, все дѣло только въ томъ, чтобы по возможности правильнѣе понять самыя мысли Аристотеля въ этомъ отрывкѣ. Итакъ, прежде всего остановлюсь на второй фразѣ, на фразѣ *ἀλλ' ἡ αὐτὴ ἔσται τῆς ὄψεως καὶ τοῦ ὑποκειμένου χρώματος*. Обыкновенно эту вторую фразу ставятъ въ самую тѣсную связь съ непосредственно предшествующимъ, съ выраженіемъ *ἢ ἑτέρᾳ* (ср. напр. переводъ Wallace'a въ его изданіи стр. 135, переводъ и объясненія Дембовскаго въ указ. выше мѣстѣ),—мнѣ-же кажется, что такой тѣсной связи здѣсь нѣтъ, что эта фраза сравнительно имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе. Но что́ достигается этимъ признаніемъ, чего́ мы достигнемъ, если признаемъ за настоящею фразою такую самостоятельность? Достигнемъ мы, какъ я думаю, бо́льшей ясности во всемъ нашемъ отрывкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вся, такъ сказать, третья часть настоящаго отрывка, часть, начинающаяся словами *ἔχει δ' ἀπορίαν*, представляетъ, безъ сомнѣнія, довольно большія затрудненія,—между тѣмъ, разъ мы признаемъ самостоятельность этой второй фразы, эти затрудненія будутъ до нѣкоторой степени устранены. Если Аристотель уже въ самомъ началѣ заявилъ нѣкоторую близость признанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои съ самыми этими ощущеніями, если Аристотель уже въ самомъ началѣ указалъ, что такое признаніе является только продолженіемъ отдѣльныхъ ощущеній, то совершенно естественно было ему выставить далѣе свое затрудненіе, естественно было ему смущаться—какимъ образомъ это признаніе будетъ имѣть дѣло съ отдѣльными чувственными качествами, съ объектами отдѣльныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, именно ради желанія возможно болѣе уяснить послѣдовательность мыслей Аристотеля во всемъ настоящемъ отрывкѣ, передать возможно яснѣе весь настоящій отрывокъ, я и уклонился до нѣкоторой степени отъ

нихъ чувствъ, нѣкоторый общій фонъ ихъ,—то тоже самое, такую же новизну мы замѣчаемъ и здѣсь. Недостаточно сказать, какъ-бы говоритъ Аристотель, что чувствующее существо при чувственныхъ познаніяхъ получаетъ только отдѣльныя, вырабатываемыя какими-либо отдѣльными внѣшними чувствами, чувственныя познанія, но оно относитъ еще эти отдѣльныя чувственныя познанія къ себѣ, дѣлаетъ ихъ своими, — это значитъ, что дѣйствительно по Ари-

---

обыкновеннаго перевода и объясненія этой второй фразы, и придалъ ей бо́льшую, чѣмъ какая обыкновенно придается, самостоятельность. Затѣмъ нельзя будетъ оставить безъ вниманія фразы *ὥστ' ἐπὶ τῆς πρώτης τοῦτο ποιητέον*,—въ частности выраженія *ἐπὶ τῆς πρώτης*. Ка́къ, прежде всего, слѣдуетъ дополнить слово *πρώτης*? Мнѣ кажется, что дополнить его слѣдуетъ терминомъ *αἴσθησις, αἰσθήσεως*, такъ что вся фраза въ своемъ полномъ видѣ должна бы была имѣть такой видъ—*ὥστ' ἐπὶ τῆς πρώτης αἰσθήσεως τοῦτο ποιητέον*. Далѣе, ка́къ слѣдуетъ понимать это *ἐπὶ τῆς πρώτης αἰσθήσεως*, въ како́мъ смыслѣ употребилъ здѣсь Аристотель выраженіе *ἡ πρώτη αἴσθησις*? Дѣло въ томъ, что на основаніи всѣхъ непосредственно предыдущихъ подлинныхъ выраженій Аристотеля, да пожалуй и на основаніи непосредственно послѣдующихъ—вообще на основаніи всего настоящаго отрывка совершенно нельзя думать, чтобы Аристотель желалъ какъ-либо особенно отдѣлять способность признанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои отъ простыхъ внѣшнихъ чувствъ, въ данномъ случаѣ отъ чувства зрѣнія,—отсюда первою мыслью, являющеюся по прочтеніи настоящей фразы, будетъ мысль, что и въ этой фразѣ Аристотель какъ разъ имѣетъ въ виду такое-же простое чувство, чувство зрѣнія, подъ *πρώτη αἴσθησις* онъ разумѣетъ просто чувство, органъ зрѣнія. Такъ и думаютъ нѣкоторые толкователи, ученые,—особенно настаиваетъ на такомъ объясненіи Дембовскій (см. все, указанное выше, мѣсто изъ его диссертаціи). Однако, какъ я замѣтилъ и выше, въ текстѣ, если бы Аристотель желалъ просто отождествить эту способность признанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои съ какимъ-либо внѣшнимъ чувствомъ, съ чувствомъ зрѣнія, то онъ такъ бы и сказалъ—«чувство зрѣнія», онъ выразился бы *ὥστ' ἐπὶ τῆς ὄψεως τοῦτο ποιητέον*, а не сталъ бы употреблять по меньшей мѣрѣ двусмысленнаго выраженія «*ἡ πρώτη (αἴσθησις)*». Ясно, стало быть, что и для самого Аристотеля эта тождественность была вовсе не очевидна: если Аристотель и не прочь былъ какъ будто отождествить настоящую способность съ отдѣльнымъ чувствомъ, съ чувствомъ зрѣнія, то съ другой стороны онъ какъ будто видѣлъ и нѣкоторую невозможность такого отождествленія, видѣлъ, что вполнѣ провести это отождествленіе будетъ невозможно. Но какъ-же

стотелю дѣло не исчерпывается разъясненіемъ образованія только ощущеній, что за ощущеніями дѣйствительно должно стоять еще нѣчто. И казалось-бы, это новое ученіе должно стоять въ самой тѣсной связи съ предыдущимъ, казалось-бы, что это признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои должно обусловливаться тѣмъ-же самымъ конечнымъ единствомъ всѣхъ чувствъ, тѣмъ-же самымъ общимъ фономъ ихъ, — ибо въ самомъ дѣлѣ, уже и a priori совершенно

всетаки слѣдуетъ понять, перевести настоящее выраженіе? какъ устроить такъ, чтобы эта способность, такъ сказать, завѣдующая признаніемъ чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои, не особенно отдѣлялась бы отъ самыхъ внѣшнихъ чувствъ, но и не совпадала бы вполнѣ съ ними? Для того, чтобы сохранить всѣ эти оттѣнки, я въ своемъ переводѣ этого спорнаго выраженія воспользовался переводомъ и объясненіемъ Wallace'a (кромѣ указанныхъ выше разъясненій Wallace'a, ср. еще его переводъ, стр. 135, и разъясненія вначалѣ сочиненія, во введеніи, стр. LXXXI—LXXXII), переводомъ, по которому наше выраженіе передано какъ—original, fundamental sense itself; я, такимъ образомъ, перевелъ настоящее выраженіе—«первая, собственно оригинальная способность чувственнаго познанія». При такомъ переводѣ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно сохраняется и близость этой способности признанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои съ самими внѣшними чувствами, и въ тоже время указывается и невозможность полнаго отождествленія этой способности съ этими чувствами. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ означать здѣсь эта «первая, собственно оригинальная способность чувственнаго познанія?» «Первая, оригинальная способность чувственнаго познанія» очевидно означаетъ здѣсь вообще способность чувственнаго познанія,—способность, конечно прежде всего и, такъ сказать, главнѣе всего обнаруживающуюся въ дѣятельности отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, въ образованіи ощущеній, но въ тоже время и способность, могущую проявлять нѣкоторые другіе факты, факты совершенно необъяснимые съ точки зрѣнія дѣятельности только внѣшнихъ чувствъ, образованія только ощущеній; эта «первая способность», какъ я и указалъ въ текстѣ, по всей вѣроятности должна быть близка къ тому, что говорилось въ предыдущемъ отрывкѣ, по 2-ой половинѣ предыдущей 1-ой главы той-же III-ей книги De anima, должна быть близка къ указанному конечному единству всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, къ конечному общему фону ихъ. И мнѣ кажется, что такой переводъ не будетъ особенно отличаться и отъ основныхъ мыслей Дембовскаго. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Дембовскій такъ настаиваетъ на томъ, что это признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои совершается при посредствѣ самыхъ-же отдѣль-

ясно, совершенно очевидно, что такое признаніе въ концѣ концовъ также ведетъ къ нѣкоторому единству, что такое признаніе также въ концѣ концовъ связываетъ отдѣльныя ощущенія въ нѣчто единое. Такъ казалось бы, и такое предположеніе мы и сдѣлали выше,—но имѣя въ виду только настоящее мѣсто, и здѣсь мы должны ограничиться только вѣроятностью: въ настоящемъ мѣстѣ, въ этомъ началѣ 2-ой главы III-ей книги также нѣтъ никакихъ, сколько нибудь прямыхъ указаній на связь настоящаго новаго ученія съ предыдущимъ, никакихъ подтвержденій тому, что дѣйствительно это общее конечное единство, этотъ общій конечный фонъ всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ и это признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои въ сущности весьма близки другъ другу. Въ виду такого положенія дѣла и здѣсь мы удержимся отъ дальнѣйшихъ разсужденій: пока мы только констатируемъ это ученіе, отмѣтимъ его какъ нѣкоторое новое вообще въ

ныхъ внѣшнихъ чувствъ, почему онъ такъ желаетъ отнести это спорное выраженіе *πρώτης, πρώτη* къ тому-же чувству зрѣнія? Настаиваетъ на всемъ этомъ Дембовскій не потому, чтобы онъ желалъ включить эту способность признанія чувствующимъ существомъ ощущеній за свои только въ отдѣльныя чувства, не потому, чтобы онъ желалъ объяснить эту способность только изъ дѣятельности отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, внѣшнихъ чувствъ какъ внѣшнихъ чувствъ, а потому, что онъ несогласенъ съ существующимъ мнѣніемъ, будто по Аристотелю такое признаніе обусловливается дѣятельностью внутренняго, совершенно особаго, какъ-бы шестого чувства, и это мнѣніе ему хочется опровергнуть (особенно рьянымъ защитникомъ такого мнѣнія является Neuhaeuser во всемъ указанномъ выше своемъ сочиненіи). Но тоже самое сохраняется и въ предложенномъ переводѣ: въ предложенномъ переводѣ, да и вообще во всемъ настоящемъ отдѣлѣ я точно также стараюсь провести мысль, что факты, для объясненія которыхъ обыкновенно считается нужнымъ допустить у Аристотеля существованіе внутренняго, совершенно особаго, какъ-бы шестого чувства (*καινὸν αἰσθητήριον*) на самомъ, дѣлѣ вполнѣ могутъ быть объяснены, такъ сказать, на почвѣ тѣхъ-же отдѣльныхъ чувствъ, только какъ нѣкоторое дополненіе къ нимъ. Такимъ образомъ мнѣ и кажется, что хотя переводъ и объясненія настоящаго спорнаго выраженія, предложенные въ текстѣ, и отличаются отъ перевода и объясненій Дембовскаго, но это отличіе будетъ отличіемъ не по существу,—это отличіе будетъ отличіемъ въ частностяхъ, въ существѣ-же дѣла основныя мысли Дембовскаго и при настоящемъ переводѣ остаются, такъ сказать, совершенно не-

ученіи Аристотеля о чувственныхъ познаніяхъ, — и затѣмъ разсмотримъ еще слѣдующее, важное для насъ въ настоящемъ случаѣ, мѣсто — конецъ той-же 2-ой главы.

Этотъ конецъ, какъ мы увидимъ, уже и съ внѣшней стороны представляетъ болѣе связи съ приведенными мѣстами: какъ обнаружится, въ немъ замѣчается довольно ясная внѣшняя связь со второю половиною 1-ой главы III-ей книги, съ тѣмъ новымъ ученіемъ, которое можно было извлечь оттуда. «Всякое отдѣльное ощущеніе, всякое отдѣльное чувственное познаніе»,— такъ начинаетъ Аристотель этотъ конецъ,— «есть чувственное познаніе предлежащаго чувственнаго предмета» (т. е. такого предмета, который какъ-бы предлежитъ какому-либо отдѣльному чувству, составляетъ собственный предметъ вообще познанія какого-либо отдѣльнаго чувства), «оно существуетъ» (обнаруживается) «въ чувствующемъ органѣ какъ органѣ» (въ отдѣльномъ чувствѣ какъ чувствѣ) «и оцѣниваетъ различія, заключающіяся въ этихъ предлежащихъ чувственныхъ предметахъ» (состоитъ въ нѣкоторой оцѣнкѣ собственныхъ для каждаго отдѣльнаго чувства чувственныхъ предметовъ), «какъ напр. зрѣніе» (зритель-

---

прикосновенными. Наконецъ остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу выраженія *τὸ ὁρῶν πρῶτον* во фразѣ *καὶ χρῶμα ἕξει τὸ ὁρῶν πρῶτον*. Тотъ-же Дембовскій относитъ это *τὸ ὁρῶν πρῶτον* къ тому-же чувству, органу зрѣнія, считаетъ это *τὸ ὁρῶν πρῶτον* просто глазомъ. Это и понятно,— если и предыдущее выраженіе *πρώτη αἴσθησις* Дембовскій считалъ относящимся къ чувству зрѣнія, то совершенно естественно ему и настоящему выраженію, включающему въ себѣ тоже опредѣленіе (*πρῶτος, πρῶτον*), придать такой-же, аналогичный съ тѣмъ выраженіемъ смыслъ. Однако, при нашемъ переводѣ и объясненіяхъ предыдущаго термина *πρώτη αἴσθησις* дѣло будетъ обстоять нѣсколько иначе: разъ мы какъ будто отдѣлили это *πρώτη αἴσθησις* отъ простыхъ внѣшнихъ чувствъ, намъ конечно слѣдуетъ постараться выдержать это отдѣленіе до конца, намъ слѣдуетъ постараться и здѣсь придать выраженію *τὸ πρῶτον ὁρῶν* значеніе болѣе подходящее къ выставленному нами значенію *πρώτη αἴσθησις*. Въ виду такихъ соображеній я и перевелъ это *πρῶτον ὁρῶν* не такъ, чтобы оно относилось къ глазу, а такъ, чтобы оно относилось къ той-же *πρώτη αἴσθησις*,—я перевелъ это *πρῶτον ὁρῶν* также—«первая оригинальная чувственная способность». При этомъ и самый глаголъ *ἕξει* пришлось передать не совсѣмъ такъ, какъ онъ обыкновенно переводится здѣсь: глаголъ *ἕξει* я перевелъ не—«будетъ имѣть», а—«получитъ» цвѣтъ.

ное чувственное познаніе) «оцѣниваетъ бѣлое и черное» (оцѣниваетъ различія между бѣлымъ и чернымъ), «—вкусъ» (вкусовое ощущеніе, вкусовое чувственное познаніе) «оцѣниваетъ сладкое и горькое. И тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію ко всѣмъ другимъ ощущеніямъ, чувственнымъ познаніямъ». Это—начало настоящаго мѣста, конца настоящей 2-ой главы, и это-же—очевидно нѣкоторое общее положеніе, нѣкоторое общее опредѣленіе вообще чувственнаго познанія,— опредѣленіе, которое можно, пожалуй, отнести и къ непосредственно предыдущему, поставить въ связь съ непосредственно предыдущимъ, съ серединою настоящей главы, какъ нѣкоторый выводъ изъ этой середины. Но далѣе идетъ уже и постановка собственнаго для настоящаго мѣста вопроса, указаніе — о чемъ собственно будетъ въ настоящемъ мѣстѣ говорить Аристотель. «Но такъ какъ», продолжаетъ Аристотель, «и о бѣломъ, и о сладкомъ, и о каждомъ изъ ощущаемыхъ предметовъ» (о каждомъ изъ отдѣльныхъ собственно ощущаемыхъ, чувствуемыхъ качествъ) «мы судимъ въ ихъ отношеніи къ каждому другому ощущаемому предмету» (мы, стало быть, замѣчаемъ отличія этихъ ощущаемыхъ качествъ другъ отъ друга), «то является вопросъ,— чѣмъ именно мы ощущаемъ, чувственно познаемъ, что эти предметы отличны другъ отъ друга» (чѣмъ именно мы познаемъ эти взаимныя отношенія чувствуемыхъ качествъ)? Въ этомъ вопросѣ очевидно уже заключается постановка новой темы, новаго предмета для обсужденія, и изъ этой постановки видно, что Аристотель собирается говорить здѣсь о различеніи чувствующимъ существомъ своихъ чувственныхъ познаній, ощущеній, о томъ, чѣмъ именно достигается въ чувствующемъ существѣ различеніе отдѣльныхъ ощущеній. Чѣмъ-же достигается это различеніе? «Необходимо», отвѣчаетъ на свой поставленный выше вопросъ Аристотель, «тутъ должно имѣть дѣло именно ощущеніе, чувственное-же познаніе» (т. е. необходимо, чтобы это различеніе происходило при посредствѣ того-же чувственнаго познанія), «ибо эти предметы — чувственные предметы» (т. е. эти предметы, самое различеніе ихъ должно входить въ область того-же чувственнаго познанія). Далѣе, какóго-же рода участіе чувственнаго познанія можетъ быть здѣсь по Аристотелю? можно-ли напр. сказать съ точки зрѣнія Аристотеля, что это различеніе происходитъ только при по-

средствѣ тѣла чувствующаго существа, при посредствѣ тѣхъже его отдѣльныхъ чувствъ, тѣлесныхъ чувственныхъ органовъ,—или для этого различенія требуется что-либо иное? «Такимъ образомъ и ясно», указываетъ Аристотель далѣе, «что тѣло вообще» (тѣло чувствующаго существа) «не есть послѣднее чувствилище, ибо въ такомъ случаѣ эта различающая способность необходимо различала бы» (должна бы была различать), «соприкасаясь съ самымъ этимъ чувствилищемъ, находясь въ самомъ этомъ чувствилищѣ». Т. е. по Аристотелю тѣло вообще, тѣлесные чувственные органы вообще не могутъ заключать въ себѣ этой способности различенія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это было такъ, если бы только въ тѣлѣ вообще, только въ тѣлесныхъ чувственныхъ органахъ вообще можно было найти эту различающую способность, то въ такомъ случаѣ само тѣло и было бы послѣднимъ чувствилищемъ, дальше тѣла чувствующаго существа въ объясненіи этого различенія идти было бы некуда: разъ какое-либо чувственное качество оказало бы вліяніе на тѣло чувствующаго существа,— это значило бы, что этимъ самымъ дано и различеніе этого чувственнаго качества отъ другихъ качествъ. Однако, какъ будто выходитъ у Аристотеля, фактически это не такъ, фактически однимъ только вліяніемъ какого-либо чувственнаго качества на тѣло чувствующаго существа вовсе не дается различенія этого чувственнаго качества отъ другихъ, не дается уже по одной той причинѣ, что тутъ, по вышеуказанному, замѣшано вообще участіе чувственнаго познанія, а чувственное познаніе вообще конечно совершенно не можетъ быть объяснено изъ участія только тѣла чувствующаго существа. Итакъ, тѣло чувствующаго существа вообще, тѣлесные чувственные органы, взятые въ общемъ, съ ихъ общей стороны, совершенно не могутъ заключать въ себѣ этой способности различенія,—но нельзя-ли объяснить эту способность различенія изъ дѣятельности отдѣльныхъ чувствъ, не вообще чувствъ, чувственныхъ органовъ, а изъ дѣятельности какого-либо отдѣльнаго внѣшняго чувства? Нельзя, отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ Аристотель, и нельзя потому, что отдѣльныя чувства именно и являются отдѣльными, въ нихъ самихъ нѣтъ общей конечной связи, нѣтъ общаго конечнаго единства,—между тѣмъ указаннымъ различеніемъ должно, такъ сказать, завѣдывать именно единое, именно только единое и можетъ различать от-

дѣльныя ощущенія, отличать одно чувственное качество отъ другихъ. «Невозможно-же», продолжаетъ Аристотель, «и для отдѣльныхъ чувствъ судить, что напр. сладкое есть нѣчто отличное отъ бѣлаго, но и то и другое» (и сладкое и бѣлое) «должны быть ясными» (ясно должны представляться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ) «чему-либо единому. Въ противномъ случаѣ» (т. е. если именно отдѣльныя чувства судили бы о своихъ отличіяхъ) «это было бы тоже, какъ если бы я ощутилъ, чувственно позналъ одно, а ты другое, и отсюда было бы ясно, что эти чувственно познанныя нами качества различны. Но единое должно рѣшить, сказать, что тутъ есть различіе, ибо на самомъ дѣлѣ сладкое отлично отъ бѣлаго. Именно одно и тоже высказываетъ это различіе. Такъ что—совершенно такъ, какъ оно» (единое) «высказываетъ это различіе, совершенно также оно» (единое-же) «и мыслитъ вообще и вообще ощущаетъ, чувственно познаетъ». Такимъ образомъ, вполнѣ ясно для Аристотеля, что въ отдѣльныхъ чувствахъ, въ дѣятельности какого-либо отдѣльнаго чувства совершенно невозможно найти какихъ-либо основаній для объясненія настоящаго различенія. Что такое это различеніе, въ чемъ заключается его сущность? какъ-бы спрашиваетъ Аристотель,—и отвѣчаетъ, что сущность этого различенія именно заключается въ нѣкоторомъ сведеніи различныхъ чувственныхъ качествъ, различныхъ ощущеній къ чему-то единому, что собственно различаетъ въ концѣ концовъ непремѣнно нѣчто единое, совершенно также, какъ единое-же (одинъ субъектъ) въ концѣ концовъ и мыслитъ вообще, и вообще чувственно познаетъ. Но какимъ-же образомъ въ такомъ случаѣ какое-либо отдѣльное чувство—вообще отдѣльныя чувства могли бы различать свои ощущенія, когда наоборотъ сущность отдѣльныхъ чувствъ, ихъ основная природа въ томъ и состоитъ, чтобы дѣйствовать совершенно отдѣльно другъ отъ друга, чтобы вырабатывать такіе психическіе факты (ощущенія), которые, сами по себѣ, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ и имѣть не могутъ? Отсюда-то, на основаніи разсмотрѣнія самаго понятія этого различенія, Аристотелю и становится вполнѣ очевидною невозможность приписать самимъ-же отдѣльнымъ чувствамъ, самому какому-либо отдѣльному чувству способность настоящаго различенія. Итакъ, ни въ тѣлѣ чувствующаго существа, въ тѣлесныхъ чувственныхъ орга-

нахъ, стало быть, ни вообще во внѣшнихъ чувствахъ, во внѣшнихъ чувствахъ, взятыхъ просто, съ ихъ общей стороны, ни, съ другой стороны, въ самыхъ отдѣльныхъ чувствахъ, въ какомъ-либо отдѣльномъ чувствѣ нельзя по Аристотелю найти никакихъ основаній для объясненія предложеннаго имъ новаго факта въ области чувственныхъ познаній, нельзя найти основаній для объясненія настоящаго различенія,—гдѣ-же всетаки находятся эти основанія, какъ всетаки можно какъ-либо объяснить настоящее различеніе? Прежде чѣмъ окончательно отвѣтить на этотъ вопросъ и прежде чѣмъ такимъ образомъ закончить настоящія свои разсужденія, Аристотель даетъ еще нѣкоторое другое опредѣленіе этого различенія,— онъ, стало быть, предварительно хочетъ наиболѣе полно и наиболѣе основательно установить съ своей точки зрѣнія самую природу настоящаго понятія. «Итакъ», говоритъ Аристотель далѣе, «что невозможно для отдѣльныхъ чувствъ судить объ отдѣльныхъ ощущеніяхъ» (различать самыя отдѣльныя ощущенія), «— это ясно; и ясно отсюда-же, что такое сужденіе невозможно и въ отдѣльное» (въ разное) «время. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно также какъ одно и тоже опредѣляетъ, что добро и зло различны, совершенно также когда оно опредѣляетъ о чемъ-либо одномъ, что оно отлично отъ другого, въ тоже самое время оно опредѣляетъ и относительно этого второго, что оно отлично отъ перваго, — *когда* стоитъ здѣсь не случайно; я говорю», разъясняетъ свою настоящую мысль, то, что хочетъ сказать здѣсь, Аристотель еще болѣе, «что здѣсь происходитъ вовсе не то, что происходитъ напр., когда я высказываю различіе между какими-либо предметами *теперь*, и не указываю, что это различіе существуетъ именно *теперь*. Но это единое высказываетъ различіе именно такимъ образомъ,—оно высказываетъ это различіе и *теперь*, и указываетъ на это *теперь*: самое различіе и время, въ которое высказывается это различіе, являются совершенно нераздѣльными, слитными. Такъ что — эта судящая, различающая способность есть нѣчто недѣлимое, и производитъ она свое дѣйствіе, различеніе въ недѣлимое-же время». Это—конечно новое опредѣленіе нашего понятія, новое опредѣленіе настоящаго различенія; если въ предыдущемъ Аристотель настаивалъ особенно на томъ, что это различеніе должно происходить благодаря чему-то единому, недѣлимому,

то теперь онъ прибавляетъ еще, что оно должно происходить и въ единое-же, недѣлимое время. Однако, тутъ можетъ встрѣтиться нѣкоторое сомнѣніе, недоумѣніе, могутъ возразить — какимъ-же образомъ эта способность, различающая отдѣльныя ощущенія, будетъ едина, недѣлима, и будетъ дѣйствовать, проявлять свою дѣятельность въ недѣлимое-же время, когда сами ощущенія, представляютъ собою нѣчто совершенно отдѣльное, когда движенія происходящія при отдѣльныхъ ощущеніяхъ, часто могутъ быть даже совершенно противоположны? Это сомнѣніе Аристотель устраняетъ тѣмъ, что указываетъ возможность для этой различающей способности быть единою по своей сущности, по своему понятію, и въ тоже время въ ея, такъ сказать, конкретномъ существованіи, по способу ея конкретнаго существованія онъ допускаетъ для этой различающей способности возможность и быть раздѣльною; или еще,—онъ указываетъ, что эта различающая способность можетъ быть единою въ возможности, въ дѣйствительности-же она будетъ раздѣльною. Эта различающая способность, по понятію, по идеѣ, есть нѣчто единое по Аристотелю, такъ какъ уже было доказано имъ, что только единое можетъ производить различеніе,—въ дѣйствительности-же, въ своемъ конкретномъ проявленіи, въ силу того, что проявлять свою дѣятельность этой различающей способности приходится на отдѣльныхъ ощущеніяхъ, которыя сами по себѣ совершенно далеки отъ такого единства, ей, такъ сказать, не удается обнаружить этого своего единства; такимъ образомъ и выходитъ, что эта различающая способность едина по существу, въ возможности, но раздѣльна въ дѣйствительности, въ способѣ своего конкретнаго существованія. Здѣсь, разъясняетъ Аристотель свои настоящія разсужденія примѣромъ, происходитъ тоже самое, что происходитъ съ точкою: точка, по существу, по понятію, также должна быть признана единою,—въ дѣйствительности-же, въ своемъ конкретномъ существованіи, она заключаетъ и множественность, двойственность. Такъ устраняетъ Аристотель указанное выше сомнѣніе, и очевидно, что при этомъ устраненіи онъ заканчиваетъ наконецъ и свои настоящія разсужденія, указываетъ—чѣмъ именно достигается настоящее различеніе. Въ самомъ дѣлѣ, различающая способность едина по понятію, по существу, въ возможности, но раздѣльна въ способѣ своего конкретнаго существо-

ванія, раздѣльна въ дѣйствительности—что́ значитъ это? Это значитъ, что прежде всего для этой различающей способности, для этого различенія вовсе не нужно искать какого-либо особаго органа, какого-либо особаго чувства, это различеніе происходитъ вмѣстѣ, по Аристотелю, съ обнаруженіемъ самыхъ собственныхъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, самыхъ ощущеній: въ дѣйствительности, говоритъ Аристотель, въ своемъ конкретномъ проявленіи различающая способность раздѣльна. Далѣе, обратимъ наше вниманіе на указанное тутъ единство—что́ можетъ значить здѣсь это единство? Это единство не можетъ означать здѣсь ничего другого, кромѣ того, что въ самыхъ отдѣльныхъ чувствахъ, какъ отдѣльныхъ—возьмемъ ли мы ихъ просто, съ общей точки зрѣнія, не различая въ нихъ отдѣльности, не разбивая ихъ какъ разъ на отдѣльныя, или-же мы будемъ допускать это различеніе, будемъ смотрѣть на нихъ именно какъ на отдѣльныя — всетаки не будетъ находиться основаній для различенія: различеніе будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда всѣ эти отдѣльныя чувства въ своихъ дѣятельностяхъ будутъ слиты, соединены, представятъ изъ себя нѣчто единое, сольются на нѣкоторомъ общемъ фонѣ. Вотъ, стало быть, пунктъ, которымъ Аристотель думаетъ объяснить настоящее различеніе, вотъ гдѣ слѣдуетъ искать, по Аристотелю, основаній для объясненія этого различенія: Аристотель очевидно желаетъ привлечь сюда тоже свое ученіе о нѣкоторомъ общемъ конечномъ единствѣ всѣхъ чувствъ, о нѣкоторомъ общемъ конечномъ фонѣ ихъ, ученіе, съ которымъ мы встрѣчались и ранѣе, въ предыдущихъ мѣстахъ, въ предыдущихъ отрывкахъ, и этимъ ученіемъ онъ и хочетъ объяснить настоящее различеніе. Единое различаетъ, говоритъ Аристотель, отдѣльныя собственныя чувственныя познанія, отдѣльныя ощущенія, но это единство въ дѣйствительности, съ конкретной точки зрѣнія трудно уловить, этому единству въ дѣйствительности приходится быть какъ-бы раздѣльнымъ, — это значитъ конечно, что и здѣсь Аристотель предлагаетъ тоже самое ученіе о конечномъ единствѣ всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ, о конечномъ, какъ мы говорили, общемъ фонѣ ихъ, о необходимости различать въ чувственномъ познаніи кромѣ отдѣльныхъ ощущеній еще нѣкоторое единеніе ощущеній, и съ точки зрѣнія этого-то единенія онъ и думаетъ объяснить настоящее раз-

личеніе. Трудно уловить это единство,—но это потому, что оно является какъ-бы дополненіемъ къ собственнымъ чувственнымъ познаніямъ; собственными-же чувственными познаніями будутъ только ощущенія, чувственныя познанія, вырабатываемыя отдѣльными внѣшними чувствами. Такова будетъ общая сущность мыслей Аристотеля въ оставшейся у насъ части настоящаго конца этой 2-ой главы, таковъ будетъ общій ходъ изложенія Аристотеля въ этой части,—теперь посмотримъ, какъ выразилась у Аристотеля эта сущность въ подлинникѣ, какой видъ принялъ подлинный ходъ изложенія Аристотеля въ этой части. Возраженіе, которое, какъ кажется Аристотелю, могутъ сдѣлать ему, онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Но невозможно-же, могутъ сказать, чтобы одно и тоже» (это единое), «поскольку оно является недѣлимымъ и дѣйствующимъ въ недѣлимое время, двигалась бы одновременно противоположными движеніями. Ибо въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ сладкое, то оно будетъ двигать чувство или мысль извѣстнымъ образомъ» (будетъ производить на познающій субъектъ извѣстное впечатлѣніе), «горькое-же будетъ двигать противоположнымъ образомъ» (произведетъ другое, прямо противоположное впечатлѣніе), «а бѣлое подѣйствуетъ еще иначе» (произведетъ еще иное, уже совершенно отличное отъ тѣхъ двухъ, впечатлѣніе). Далѣе идетъ устраненіе Аристотелемъ этого возраженія. «Такимъ образомъ нельзя-ли принять», спрашиваетъ далѣе Аристотель, «что эта судящая, различающая способность одновременно — и едина, и недѣлима по числу» (по понятію, по идеѣ), «по способу-же своего существованія» (въ конкретномъ своемъ обнаруженіи) «дѣлима? Вѣдь на самомъ дѣлѣ она» (эта судящая, различающая способность) «съ одной стороны нѣкоторымъ образомъ ощущаетъ отдѣльные предметы» (даетъ различеніе отдѣльныхъ ощущеній, отдѣльныхъ чувственныхъ познаній), «именно какъ дѣлимая, съ другой-же стороны и какъ недѣлимая: это ей свойственно потому, что по способу своего существованія» (въ конкретномъ своемъ проявленіи, обнаруженіи) «она дѣлима, по мѣсту-же и по числу» (по мѣсту, откуда исходитъ ея дѣятельность,—вообще по понятію, по идеѣ) «она недѣлима. Или это невозможно?» спрашиваетъ еще Аристотель, — и этимъ вопросомъ онъ переходитъ къ новому устраненію указаннаго возраженія, къ устра-

ненію указаннаго возраженія посредствомъ примѣненія къ этой различающей способности понятій возможности и дѣйствительности. «Вѣдь въ возможности одинъ и тотъ-же предметъ, и притомъ недѣлимый, можетъ представлять собою совершенно противоположныя вещи» (можетъ заключать въ себѣ совершенно противоположныя свойства), «въ своемъ-же опредѣленномъ» (конкретномъ) «существованіи онъ не можетъ представлять этого, но въ дѣйствительности онъ дѣлимъ, и невозможно одновременно въ дѣйствительности одному и тому-же предмету быть и бѣлымъ и чернымъ, Но если невозможно одновременно въ дѣйствительности одному и тому-же предмету быть и бѣлымъ и чернымъ, то отсюда слѣдуетъ, что невозможно и испытывать формы этихъ качествъ» (получать самыя познанія бѣлаго и чернаго, ибо познанія по Аристотелю въ концѣ обозначаются именно какъ формы) «одновременно въ дѣйствительности и какъ бѣлую и какъ черную, если только чувственное познаніе и мышленіе» (вообще познаніе) «является такимъ именно испытываніемъ» (если только чувственное познаніе и мышленіе—вообще познаніе можно опредѣлить какъ такое испытываніе, полученіе формъ дѣйствительно существующихъ предметовъ). Наконецъ Аристотель переходитъ къ своему послѣднему сравненію, къ своей иллюстраціи настоящихъ разсужденій примѣромъ точки. «Но здѣсь», указываетъ Аристотель далѣе, «дѣло обстоитъ совершенно также, какъ съ тѣмъ, что нѣкоторые называютъ точкою, — точка можетъ быть и едина» (недѣлима), «и можетъ заключать въ себѣ и два» (можетъ заключать и нѣкоторую множественность); «и именно постольку, поскольку она будетъ заключать въ себѣ два, она будетъ дѣлимою. Такимъ-же образомъ», продолжаетъ Аристотель, «и судящая, различающая способность—поскольку она недѣлима, она представляетъ собою нѣчто единое и дѣйствующее въ полномъ смыслѣ слова одновременно, поскольку-же она является какъ дѣлимая, она дважды совмѣстно» (въ два совпадающихъ момента времени—стало быть, хотя и одновременно, но не въ полномъ смыслѣ слова одновременно) «пользуется однимъ и тѣмъ-же пунктомъ». И далѣе: «Отсюда, поскольку эта судящая, различающая способность пользуется этимъ однимъ и тѣмъ-же пунктомъ дважды, какъ двумя, она различаетъ два предмета, два состоянія» (два ощущенія), «и эти предметы

являются отдѣльными, и существующими какъ-бы благодаря отдѣльной» (дѣлимой) «способности, — поскольку-же она едина» (недѣлима), «она различаетъ всетаки однимъ актомъ и въ полномъ смыслѣ слова одновременно» (въ полномъ смыслѣ слова въ одинъ и тотъ-же моментъ времени) [1]).

Таковъ этотъ конецъ настоящей 2-ой главы. Выше мы говорили, что этотъ конецъ уже и съ внѣшней стороны представляетъ болѣе связи съ приведенными и разобранными вы-

---

[1]) Ibidem, 426 b. 8—427 a. 14. *Ἑκάστη μὲν οὖν αἴσθησις τοῦ ὑποκειμένου αἰσθητοῦ ἐστίν, ὑπάρχουσα ἐν τῷ αἰσθητηρίῳ ἡ αἰσθητήριον, καὶ κρίνει τὰς τοῦ ὑποκειμένου αἰσθητοῦ διαφοράς, οἷον λευκὸν μὲν καὶ μέλαν ὄψις, γλυκὺ δὲ καὶ πικρὸν γεῦσις. ὁμοίως δ' ἔχει τοῦτο καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων. ἐπεὶ δὲ καὶ τὸ λευκὸν καὶ τὸ γλυκὺ καὶ ἕκαστον τῶν αἰσθητῶν πρὸς ἕκαστον κρίνομεν, τίνι καὶ αἰσθανόμεθα ὅτι διαφέρει. ἀνάγκη δὴ αἰσθήσει· αἰσθητά γάρ ἐστιν. ᾗ καὶ δῆλον ὅτι ἡ σὰρξ οὐκ ἔστι τὸ ἔσχατον αἰσθητήριον· ἀνάγκη γὰρ ἦν ἁπτόμενον αὐτοῦ κρίνειν τὸ κρῖνον. οὔτε δὴ κεχωρισμένοις ἐνδέχεται κρίνειν ὅτι ἕτερον τὸ γλυκὺ τοῦ λευκοῦ, ἀλλα δεῖ ἑνί τινι ἄμφω δῆλα εἶναι. οὕτω μὲν γὰρ κἂν εἰ τοῦ μὲν ἐγὼ τοῦ δὲ σὺ αἰσθοιο, δῆλον ἂν εἴη ὅτι ἕτερα ἀλλήλων. δεῖ δὲ τὸ ἐν λέγειν ὅτι ἕτερον· ἕτερον γὰρ τὸ γλυκὺ τοῦ λευκοῦ. λέγει ἄρα τὸ αὐτό. ὥστε ὡς λέγει, οὕτω καὶ νοεῖ καὶ αἰσθάνεται. ὅτι μὲν οὖν οὐχ οἷόν τε κεχωρισμένοις κρίνειν τὰ κεχωρισμένα δῆλον· ὅτι δ' οὐδ' ἐν κεχωρισμένῳ χρόνῳ, ἐντεῦθεν. ὥσπερ γὰρ τὸ αὐτὸ λέγει ὅτι ἕτερον τὸ ἀγαθὸν καὶ τὸ κακόν, οὕτω καὶ ὅτε θάτερον λέγει ὅτι ἕτερον, καὶ θάτερον, οὐ κατὰ συμβεβηκὸς τὸ ὅτε· λέγω δ', οἷον νῦν λέγω ὅτι ἕτερον, οὐ μέντοι ὅτι νῦν ἕτερον. ἀλλ' οὕτω λέγει, καὶ νῦν, καὶ ὅτι νῦν· ἅμα ἄρα. ὥστε ἀχώριστον καὶ ἐν ἀχωρίστῳ χρόνῳ. ἀλλὰ μὴν ἀδύνατον ἅμα τὰς ἐναντίας κινήσεις κινεῖσθαι τὸ αὐτὸ ἢ ἀδιαίρετον καὶ ἐν ἀδιαιρέτῳ χρόνῳ. εἰ γὰρ τὸ γλυκύ, ὡδὶ κινεῖ τὴν αἴσθησιν ἢ τὴν νόησιν, τὸ δὲ πικρὸν ἐναντίως, καὶ τὸ λευκὸν ἑτέρως, ἆρ' οὖν ἅμα μὲν καὶ ἀριθμῷ ἀδιαίρετον καὶ ἀχώριστον τὸ κρῖνον, τῷ εἶναι δὲ κεχωρισμένον; ἔστι δή πως ὡς τὸ διαιρετὸν τῶν διῃρημένων αἰσθάνεται, ἔστι δ' ὡς ᾗ ἀδιαίρετον· τῷ εἶναι μὲν γὰρ διαιρετόν, τόπῳ δὲ καὶ ἀριθμῷ ἀδιαίρετον. ἢ οὐχ οἷόν τε; δυνάμει μὲν γὰρ τὸ αὐτὸ καὶ ἀδιαίρετον ταναντία, τὸ δ' εἶναι οὔ, ἀλλὰ τῷ ἐνεργεῖσθαι διαιρετόν, καὶ οὐχ οἷόν τε ἅμα λευκὸν καὶ μέλαν εἶναι. ὥστ' οὐδὲ τὰ εἴδη πάσχειν αὐτῶν, εἰ τοιοῦτον ἡ αἴσθησις καὶ ἡ νόησις. ἀλλ' ὥσπερ ἦν καλοῦσί τινες στιγμήν, ᾗ μία καὶ ᾗ δύο, ταύτῃ καὶ διαιρετή. ᾗ μὲν οὖν ἀδιαίρετον, ἓν τὸ κρῖνόν ἐστι καὶ ἅμα, ᾗ δὲ διαιρετὸν ὑπάρχει, δὶς τῷ αὐτῷ χρῆται σημείῳ ἅμα. ᾗ μὲν οὖν δυσὶ χρῆται τῷ πέρατι, δύο κρίνει καὶ κεχωρισμένα ἔστιν ὡς κεχωρισμένῳ· ᾗ δ' ἕν, ἑνὶ καὶ ἅμα.* И этому отрывку, этому концу настоящей 2-ой главы также посчастливилось въ комментаріяхъ—объясненіяхъ и разъясненіяхъ; совершенно также, какъ и два предыдущіе, разобранные нами выше, отрывка, и этотъ отрывокъ также имѣетъ цѣлую литературу объясненій къ себѣ. Вотъ наиболѣе обстоятель-

ше мѣстами, именно мы указывали, что въ немъ замѣчается довольно ясная внѣшняя связь со второю половиною 1-ой главы III-ей книги,—въ настоящее время, послѣ самаго разсмотрѣнія его, мы можемъ утверждать это, указывать на эту связь съ еще бо́льшею опредѣленностью. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ собственно трактуетъ настоящее мѣсто? Совершенно очевидно, что если Аристотель разбираетъ здѣсь вопросъ о различеніи чувствующимъ существомъ своихъ ощущеній, то онъ

ныя изъ существующихъ разъясненій нашего отрывка: у Trendelenburg'а въ его Коммент. стр. 360—366; у Torstrik'а, стр. 169—171; у Wallace'а, стр. 257—259; у Zahlfleisch'а въ его статьѣ, стр. 20—21; далѣе,—у Baeumker'а въ цитированномъ выше сочиненіи, стр. 66—72; у Neuhauser'а, стр. 81—82 и стр. 36—47; у Kampe, стр. 92—94 и примѣч. 3 къ 92-ой стр., и стр. 107—108; у Brentano, во всемъ вообще отдѣлѣ, озаглавленномъ—Von dem Sinne der Sensation, стр. 85—98; у Schell'я, особенно стр. 172—189; у Siebeck'а, прим. 15 въ концѣ книги стр. 482—483; у Дембовскаго, стр. 43—48. Стало быть и здѣсь, въ настоящемъ примѣчаніи, придется слѣдовать порядку, принятому въ предыдущихъ примѣчаніяхъ; и здѣсь придется только, такъ сказать, помочь переводу и объясненіямъ, предложеннымъ въ текстѣ. Именно, съ одной стороны нужно будетъ установить самый греческій текстъ, къ которому примыкаетъ предложенный переводъ, нужно будетъ показать, по како́му именно греческому тексту сдѣланъ нашъ переводъ,—ибо и самый греческій текстъ въ настоящемъ отрывкѣ такъ-же не установленъ, какъ онъ былъ, или по крайней мѣрѣ казался не установленнымъ во 2-ой половинѣ 1-ой главы той-же III-ей книги De anima; съ другой-же стороны нужно будетъ разъяснить и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, быть можетъ, оставшіяся не вполнѣ ясными послѣ перевода и разъясненій, находящихся въ текстѣ. Прежде всего со стороны самаго греческаго текста обратимъ наше вниманіе на мѣстоименіе *τίνι* во фразѣ *τίνι καὶ αἰσθανόμεθα ὅτι διαφέρει*. У Bekker'а это мѣстоимѣніе читается не какъ вопросительное, а какъ неопредѣленное, и вся фраза имѣетъ такой видъ—*τινὶ καὶ αἰσθανόμεθα ὅτι διαφέρει*. Однако, какъ замѣчаетъ Trendelenburg, такое чтеніе совершенно не можетъ быть допущено ни съ чисто грамматической стороны, ни со стороны общаго смысла всего настоящаго періода: и грамматическая сторона дѣла (рѣдкость употребленія неопредѣленнаго мѣстоимѣнія, да притомъ еще энклитики, вначалѣ фразы), и самый общій смыслъ всего настоящаго періода, говоритъ Trendelenburg, положительно требуютъ исправленія,—и самъ Trendelenburg исправляетъ это *τινὶ* на *τίνι*. Согласно этому исправленію Trendelenburg'а и я читаю это слово именно какъ *τίνι*, какъ вопросительное мѣстоимѣніе. И за вѣрность этого чтенія, этого исправленія, какъ мнѣ

разбираетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія нѣкотораго единства, замѣчаемаго, по его мнѣнію, во всѣхъ чувствахъ. Именно только единое, утверждаетъ Аристотель, можетъ различать отдѣльныя собственныя чувственныя познанія, отдѣльныя ощущенія, именно только для единаго отдѣльныя ощущенія могутъ быть дѣйствительно отдѣльными,—и этимъ утвержденіемъ Аристотель очевидно главнымъ образомъ какъ-бы выдвигаетъ тотъ фактъ, что отдѣльными чувствами какъ отдѣльными нель-

---

кажется, говоритъ то обстоятельство, что положительно всѣ остальные комментаторы и ученые принимаютъ его: ни одинъ изъ комментаторовъ и ученыхъ, занимавшихся вообще нашимъ мѣстомъ, не держится въ настоящемъ случаѣ Bekker'a. Далѣе разъясненія требуетъ (хотя уже не со стороны своего греческаго текста) несомнѣнно фраза—*ἀνάγκη γὰρ ἦν ἁπτόμενον αὐτοῦ κρίνειν τὸ κρῖνον*. Какъ прежде всего передать, перевести эту фразу буквально, грамматически, и какъ затѣмъ понять ея общій смыслъ, ея общее значеніе,—значеніе по связи со всѣмъ періодомъ, начинающимся словами *ἢ καὶ δῆλον ὅτι ἡ σάρξ* и т. д. и кончающимся словами *οὔτε δὴ κεχωρισμένοις ἐνδέχεται κρίνειν ὅτι ἕτερον τὸ γλυκὺ τοῦ λευκοῦ*? Какъ въ буквальномъ, грамматическомъ переводѣ этой фразы, такъ и въ разъясненіи ея общаго значенія, значенія по связи съ непосредственно предшествующими и непосредственно послѣдующими фразами, я старался слѣдовать разъясненіямъ Дембовскаго. Именно Дембовскій первый, какъ мнѣ кажется, вполнѣ удачно разъяснилъ буквальную грамматическую связь слова *αὐτοῦ* (чего до него никто не сдѣлалъ—Trendelenburg напр. даже прямо отказался отъ возможности какого-либо, сколько нибудь удачнаго грамматическаго объясненія этого слова), и именно Дембовскій-же подалъ мнѣ поводъ указать, что во всемъ настоящемъ періодѣ Аристотель признаетъ невозможность для различающей способности быть вообще въ чувствахъ, въ чувственныхъ органахъ. Но здѣсь можетъ остаться нѣкоторая неясность, по прочтеніи перевода и разъясненій, предложенныхъ въ нашемъ текстѣ, быть можетъ, будетъ всетаки непонятнымъ—что́ значатъ здѣсь эти чувства вообще, какáя связь, по Аристотелю, у невозможности для различающей способности быть въ чувствахъ вообще съ дальнѣйшею невозможностью для этой-же способности быть въ отдѣльныхъ чувствахъ? Все, что хотѣлъ сказать Аристотель введеніемъ настоящаго періода, періода, начинающагося словами *ἢ καὶ δῆλον ὅτι ἡ σάρξ* и т. д., заключалось, какъ мнѣ кажется, въ нѣкоторомъ предварительномъ отвѣтѣ на вопросъ, нѣкоторомъ общемъ указаніи. Именно, установивъ, что различеніе отдѣльныхъ чувственныхъ познаній—ощущеній должно происходить благодаря самому-же чувственному познанію, Аристотель совершенно естественно желаетъ заняться разсмотрѣніемъ—нельзя ли привлечь сюда, къ объ-

зя удовольствоваться, что за отдѣльными чувствами въ концѣ концовъ должно стоять нѣкоторое единеніе ихъ, нѣкоторое единство. Такимъ образомъ совершенно очевидно, что во всемъ этомъ мѣстѣ, во всемъ этомъ концѣ 2-ой главы главнымъ ученіемъ Аристотеля будетъ ученіе какъ разъ о единствѣ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, объ общей конечной связи ихъ. Но вѣдь то-же ученіе заключалось, какъ мы видѣли, и въ предыдущей второй половинѣ 1-ой главы. Правда, въ той второй половинѣ это

ясненію этого различенія, самыя-же чувства. Болѣе подробно, болѣе обстоятельно Аристотель и занимается этимъ разсмотрѣніемъ далѣе, но предварительно онъ отвѣчаетъ на тотъ-же вопросъ общимъ образомъ. Вообще отдѣльныя чувства не могутъ быть привлечены къ объясненію указаннаго различенія, говоритъ Аристотель, ибо въ такомъ случаѣ чувственное познаніе вообще ограничивалось-бы только участіемъ тѣла чувствующаго существа, самое указанное различеніе происходило бы только въ тѣлѣ чувствующаго существа,—это значитъ конечно, что съ самой общей точки зрѣнія, не входя ни въ какія частности, подробности, не различая отдѣльныхъ чувствъ какъ отдѣльныхъ, нельзя всетаки приписать имъ по Аристотелю указанной способности различенія. Вотъ что, какъ мнѣ кажется, хотѣлъ Аристотель сказать настоящимъ періодомъ,—и поводъ къ такому объясненію всего этого періода далъ мнѣ именно Дембовскій. Самъ Дембовскій, правда, во всѣхъ частностяхъ не даетъ вполнѣ такого объясненія, — тѣмъ не менѣе какъ разъ по прочтеніи разъясненій Дембовскаго я и пришелъ къ мысли о возможности объяснить нашъ періодъ такимъ именно образомъ. Затѣмъ слѣдующія фразы, до самаго сравненія Аристотелемъ указанной различающей способности съ точкою, могутъ быть оставлены безъ особыхъ замѣчаній. Конечно и здѣсь можно было бы сказать кое-что, можно было бы напр. указать на слишкомъ большую краткость этихъ фразъ, на то, что при переводѣ пришлось дополнять ихъ, пришлось вводить то, чего собственно нѣтъ въ греческомъ текстѣ, далѣе можно бы было привести нѣкоторыя конъектуры, нѣкоторыя исправленія Bekker'овскаго текста въ этихъ фразахъ, предложенныя Torstrik'омъ, и привести разсужденія Torstrik'а по этому поводу,—но все это уже были бы частности. Разъясненія, находящіяся въ самомъ нашемъ текстѣ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ уясняютъ, какъ я понимаю эти фразы, съ другой стороны Bekker'овскій текстъ этихъ фразъ въ общемъ совершенно удовлетворителенъ, не вызываетъ никакихъ особыхъ затрудненій: все это и даетъ намъ возможность оставить настоящія фразы безъ особыхъ замѣчаній. Послѣднюю же часть настоящаго отрывка—сравненіе указанной различающей способности съ точкою мы не оставимъ безъ особаго разсмотрѣнія,—и не оставимъ какъ въ виду несомнѣнной неудовлетворительности Bekker'овскаго текста

ученіе какъ будто не сразу бросалось въ глаза, — тѣмъ не менѣе не остановить ся на немъ нельзя было, нельзя было не указать на него, какъ на наиболѣе существенное и, такъ сказать, центральное во всей этой второй половинѣ; и во всякомъ случаѣ, и тамъ Аристотель совершенно опредѣленно и совершенно точно высказывалъ, что отдѣльныя чувственныя познанія, отдѣльныя ощущенія въ концѣ концовъ какъ-бы сливаются въ чемъ-то единомъ, становятся единымъ чувственнымъ познаніемъ.

этой части, такъ и изъ желанія еще болѣе уяснать то, что было сказано по поводу этой части, этого сравненія въ нашемъ текстѣ; какъ мнѣ кажется, послѣ разъясненій, предложенныхъ въ текстѣ, еще могутъ остаться нѣкоторыя сомнѣнія, недоумѣнія,—и вотъ эти-то сомнѣнія мы и постараемся устранить теперь, въ настоящихъ замѣчаніяхъ. Сначала остановимся на греческомъ текстѣ настоящаго сравненія. У Bekker'а все это сравненіе находится въ самой тѣсной связи съ непосредственно предшествующимъ, передъ *ἀλλ' ὥσπερ* Bekker ставитъ не точку, а запятую. Но не ясно-ли уже и послѣ самаго поверхностнаго разсмотрѣнія, что такой тѣсной связи здѣсь быть не можетъ, что какъ непосредственно предшествующая фраза, такъ и періодъ, начинающійся словами *ἀλλ' ὥσπερ*, трактуютъ совершенно о различномъ? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было бы въ переводѣ связать непосредственно предшествующую фразу и весь настоящій періодъ? Въ виду этой ясности и я, при своемъ чтеніи и переводѣ настоящаго сравненія, послѣдовалъ примѣру большинства комментаторовъ и исправилъ Bekker'овскую запятую на точку (первымъ, сдѣлавшимъ это исправленіе, былъ Trendelenburg). Затѣмъ второе уклоненіе отъ Bekker'овскаго текста, которое пришлось сдѣлать, касалось также интерпункціи, именно оно касалось интерпункціи во фразѣ *ἦ μὲν οὖν δυσὶ χρῆται τῷ πέρατι, δύο κρίνει.* Bekker ставитъ запятую здѣсь не послѣ *πέρατι*, а послѣ *χρῆται*, онъ читаетъ настоящую фразу такъ—*ἦ μὲν οὖν δυσὶ χρῆται, τῷ πέρατι δύο κρίνει.* Однако, куда бы мы отнесли при такомъ чтеніи слово *τῷ πέρατι*, какъ бы мы поняли и перевели это слово? Такимъ образомъ и здѣсь пришлось уклониться отъ Bekker'а, и здѣсь, слѣдуя большинству комментаторовъ и ученыхъ, занимавшихся нашимъ мѣстомъ и въ частности настоящимъ сравненіемъ, пришлось, вмѣстѣ съ Trendelenburg'омъ, перенести запятую. Наконецъ послѣднее уклоненіе отъ Bekker'а заключалось въ исправленіи Bekker'овскаго чтенія *κεχωρισμένων* въ дальнѣйшемъ продолженіи этой-же послѣдней фразы на *κεχωρισμένῳ*. Опять таки тотъ-же Trendelenburg замѣтилъ неудобство Bekker'овскаго чтенія и предложилъ исправить этотъ род. падежъ множ. числа на дат. единственнаго. И дѣйствительно, при чтеніи *κεχωρισμένῳ* вся фраза даетъ вполнѣ удовлетворительный и ясный смыслъ, между тѣмъ добиться удовле-

Такимъ-то образомъ и можно сказать, что и съ внѣшней стороны эти два мѣста—конецъ 2-ой главы и вторая половина 1-ой довольно близки другъ къ другу. Если относительно внѣшней связи со всѣмъ настоящимъ ученіемъ предыдущаго мѣста—начала 2-ой главы возможны сомнѣнія (ибо и самаго термина—единство Аристотель не употреблялъ тамъ), то тутъ эти сомнѣнія не могутъ имѣть мѣста: этотъ конецъ 2-ой главы и та вторая половина 1-ой и съ внѣшней стороны вполнѣ подходятъ другъ къ другу.

Теперь, чтобы во всемъ настоящемъ Аристотелевскомъ ученіи, въ ученіи о «собственно центральной, внутренней способ-

---

творительности при чтеніи *κεχωρισμένων* было бы трудно.§Таковы исправленія собственно Bekker'овскаго текста въ настоящемъ сравненіи, таковъ греческій текстъ, сообразно которому сдѣланъ переводъ, предложенный выше, въ нашемъ текстѣ. Что-же касается до дополненій, которыя слѣдовало сдѣлать къ тѣмъ разъясненіямъ, что касается до неясностей, которыя могли быть послѣ тѣхъ разъясненій, то, какъ мнѣ кажется, эти неясности могли остаться по поводу собственно пониманія Аристотелемъ точки въ настоящемъ случаѣ. Именно, въ разъясненіяхъ, находящихся въ нашемъ текстѣ, мы обратили наше главное вниманіе на различающую способность, мы старались объяснить, какимъ образомъ различающая способность можетъ быть и единою и дѣлимою; что-же касается до того, почему тутъ можетъ помочь точка, почему точка можетъ быть понята и какъ дѣлимая-двойственная, и какъ единая,—этого мы не объясняли, и это-то, быть можетъ, и требуетъ дополнительныхъ разъясненій. Въ этомъ отношеніи, опираясь на мнѣніе большинства комментаторовъ и ученыхъ, занимавшихся настоящимъ сравненіемъ (особенно тутъ цѣнны разъясненія Neuhaeuser'а), укажемъ теперь, что Аристотель понимаетъ здѣсь точку, какъ нѣкоторый предѣлъ, нѣкоторую границу, нѣкоторую остановку въ какой-либо линіи—пространственной-ли, геометрической, или же временной. Такая точка, какъ точка, сама по себѣ будетъ конечно едина, но какъ остановка, какъ предѣлъ (какъ конецъ одной линіи, одного ряда и какъ начало другой линіи, другого ряда) она будетъ и двойственна. Вотъ въ какомъ отношеніи могла помочь въ настоящемъ случаѣ Аристотелю точка, вотъ какъ онъ понималъ ее здѣсь,—и отсюда понятно (какъ между прочимъ замѣчаетъ Neuhaeuser), почему Аристотель употребилъ въ началѣ настоящаго сравненія выраженіе—«что́ нѣкоторые называютъ точкою». Дѣйствительно, всѣ знаютъ и всѣ понимаютъ обыкновенную точку, точку единую, но не всѣ различаютъ въ ней двойственность, не всѣ смотрятъ на нее какъ на предѣлъ или на остановку въ линіи,—между тѣмъ какъ разъ такъ именно и желаетъ Аристотель смотрѣть на точку здѣсь.

ности чувственнаго познанія», покончить съ главнымъ психологическимъ сочиненіемъ Аристотеля, съ мѣстами изъ De anima, разсмотримъ еще послѣднее мѣсто, разсмотримъ еще указанный выше одинъ параграфъ изъ 7-ой главы той-же III-ей книги. Въ этой 7-ой главѣ, представляющей собою, вмѣстѣ съ слѣдующей, 8-ою, какъ-бы заключеніе ко всему ученію Аристотеля о собственно разумномъ познаніи, и въ частности заключающей нѣкоторый переходъ къ слѣдующему ученію Аристотеля, къ ученію о волѣ или о практической сторонѣ разума, и притомъ главѣ, съ нѣкоторыми фразами изъ начала которой мы уже знакомы, такъ какъ мы разбирали ихъ (см. въ нашемъ изложеніи 1-го отдѣла этой-же I-ой главы стр. 44—46), Аристотель говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Душа никогда не мыслитъ, не разсуждаетъ безъ образовъ, — хотя дѣло обстоитъ здѣсь совершенно такъ-же, какъ при зрительномъ чувственномъ познаніи воздухъ видоизмѣняетъ извѣстнымъ образомъ органъ зрѣнія, но самъ органъ остается всетаки при этомъ отличнымъ отъ воздуха, и совершенно тоже и при чувствѣ слуха; послѣднее-же познающее есть нѣчто единое и нѣкоторый единый центръ,—только виды обнаруженія этого послѣдняго познающаго» (способы конкретнаго его проявленія) «различны». Съ перваго взгляда представляется какъ будто бы непонятнымъ, какóе отношеніе можетъ имѣть эта первая фраза, а стало быть и все послѣдующее къ нашему ученію, вѣдь Аристотель, повидимому, собирается говорить здѣсь о природѣ разумной души, о природѣ разумнаго познанія, а не о природѣ чувственнаго,—тѣмъ не менѣе если вдуматься въ эту фразу, если разсмотрѣть ее тщательнѣе, то уже и на основаніи только ея можно будетъ согласиться признать, что и въ этихъ разсужденіяхъ Аристотеля можетъ встрѣтиться кое-что существенное для настоящаго ученія. Разберемъ самый внѣшній видъ этой фразы, самую послѣдовательность отдѣльныхъ выраженій въ ней. Дѣйствительно Аристотель какъ будто говоритъ здѣсь о природѣ разумнаго знанія,—но какъ говоритъ онъ объ этой природѣ? Уже изъ самаго начала ясно, что онъ говоритъ объ этой природѣ посредствомъ нѣкотораго сравненія, именно сравненія разумнаго познанія съ чувственнымъ; порукою намъ въ этомъ служитъ выраженіе «хотя дѣло обстоитъ здѣсь совершенно такъ-же» и т. д. Это выраженіе конечно не можетъ

означать ничего другого кромѣ того, что хотя природа разумнаго познанія и состоитъ между прочимъ въ нѣкоторомъ пользованіи образами, но образы играютъ тутъ только вспомогательную роль, они играютъ ту-же роль, какую играетъ при зрительныхъ и слуховыхъ ощущеніяхъ воздухъ, стало быть ту-же роль, какую играетъ вообще при ощущеніяхъ среда: среда совершенно необходима для образованія ощущеній, но ею вовсе не объясняется все это образованіе, чувственный органъ остается всетаки не тождественнымъ со средою,—тоже самое, утверждаетъ Аристотель, и по отношенію къ образамъ для разумнаго познанія. Итакъ, уже и изъ самаго начала настоящей фразы ясно, что если Аристотель какъ будто и говоритъ здѣсь о природѣ разумнаго познанія, но говоритъ онъ съ точки зрѣнія сравненія разумнаго познанія съ чувственнымъ, имѣя въ виду и чувственное познаніе. Что же могло выйти изъ такого пріема, изъ такого сопоставленія? Изъ такого сопоставленія могло выйти, что далѣе Аристотель могъ перейти и къ разсужденіямъ относительно познанія вообще, а затѣмъ—разъ онъ исходилъ изъ сравненія—онъ могъ бы заговорить и исключительно о чувственномъ познаніи. Положимъ, что связь была бы довольно внѣшняя, но, принимая во вниманіе вообще способъ изложенія Аристотеля въ его сочиненіяхъ, вполнѣ можно ожидать такой связи, вполнѣ можно ожидать, что Аристотель могъ бы поступить такимъ именно образомъ. И дѣйствительно первая половина указаннаго предположенія вполнѣ осуществляется, и осуществляется уже въ этой-же первой фразѣ: въ этой-же первой фразѣ Аристотель заговорилъ далѣе и о познаніи вообще. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно бы было понять послѣднее выраженіе, выраженіе «послѣднее-же познающее есть нѣчто единое» и т. д. иначе? какое другое значеніе можно было бы придать этому послѣднему выраженію кромѣ того, что здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду уже не только разумное познаніе, а познаніе вообще? Такимъ-то образомъ и на основаніи настоящей первой фразы, если только разсмотрѣть ее тщательно, если потщательнѣе вдуматься въ каждое отдѣльное ея выраженіе, можно прійти къ заключенію, что и въ этихъ разсужденіяхъ Аристотеля можетъ встрѣтиться что-либо интересное для нашего ученія. Но пойдемъ далѣе. Аристотель продолжаетъ: «Чѣмъ различаетъ душа различіе сладкаго отъ теплаго—объ этомъ

было уже сказано и прежде» (очевидно въ только что разобранномъ нами мѣстѣ 2-ой главы той-же III-ей книги), «но можно сказать еще и слѣдующимъ образомъ». Это—уже совершенно несомнѣнно имѣетъ отношеніе только къ чувственному познанію, и притомъ къ той сторонѣ чувственнаго познанія, которая какъ разъ интересуетъ насъ въ настоящее время: Аристотель совершенно несомнѣнно собирается говорить здѣсь о томъ-же различеніи чувствующимъ существомъ своихъ ощущеній, о которомъ онъ говорилъ въ предыдущемъ мѣстѣ, въ концѣ 2-ой главы. Такимъ образомъ теперь и вторая половина нашего предположенія осуществляется, и въ тоже время становится совершенно яснымъ, совершенно несомнѣннымъ, что это разсужденія Аристотеля какъ разъ имѣютъ весьма существенное значеніе для интересующаго насъ въ настоящее время ученія. Какимъ-же другимъ образомъ хочетъ Аристотель объяснить теперь различеніе чувствующимъ существомъ своихъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній? «Существуетъ», говоритъ Аристотель далѣе, «нѣчто единое» (нѣкоторое единое чувственно познающее), «и это единое существуетъ какъ предѣлъ, какъ граница» (конечно какъ граница въ какой-либо линіи, въ какомъ-либо рядѣ—какъ конецъ одной линіи, одного ряда, и какъ начало другой линіи, другого ряда, —это ясно изъ предыдущаго мѣста, изъ послѣдняго сравненія, находящагося въ концѣ 2-ой главы той-же III-ей книги De anima). «И эти качества» (сладкое и теплое) «при своемъ познаніи представляютъ единое съ точки зрѣнія пропорціальности и численнаго отношенія, которое они имѣютъ другъ къ другу, совершенно такъ-же, какъ единое-же въ этихъ отношеніяхъ другъ къ другу представляютъ и соотвѣтствующія имъ качества» (самыя объективныя качества сладкаго и теплаго—такъ сказать, реальное сладкое и теплое, помимо ихъ познанія). «И какая можетъ быть разница въ рѣшеніи вопроса, какъ различаетъ это единое качества неоднородныя» (собственно познаваемыя различными отдѣльными чувствами, вродѣ качествъ сладкаго и теплаго), «отъ рѣшенія вопроса, какъ различаетъ оно качества прямо противоположныя» (познаваемыя однимъ и тѣмъ-же чувствомъ), «какъ напримѣръ бѣлое и черное? Дѣло здѣсь обстоитъ слѣдующимъ образомъ: какъ А—бѣлое» (реальное бѣлое—бѣлое помимо его познанія) «относится

въ B—черному» (реальному черному—черному помимо его познанія),—«совершенно такъ-же, какъ относятся тѣ другъ къ другу, и C» (познаваемое бѣлое—собственно ощущеніе бѣлаго) «относится къ D» (познаваемому черному—ощущенію чернаго); «и тоже самое и попеременно» (т. е. тоже самое, если сопоставить A съ C и B съ D: A—реальное бѣлое будетъ относиться къ C—познаваемому бѣлому, ощущенію бѣлаго, какъ B—реальное черное будетъ относиться къ D—познаваемому черному, ощущенію чернаго). «Теперь, если C и D будутъ находится въ единомъ познающемъ, то слѣдовательно» (на основаніи этой пропорціи) «эти CD будутъ существовать совершенно въ такомъ-же видѣ, какъ и AB,—они будутъ представлять собою одно и тоже и единое, но способъ ихъ существованія будетъ не одинъ и тотъ-же» (въ своемъ конкретномъ обнаруженіи, проявленіи они будутъ различны); «и такой-же видъ будетъ имѣть и самое это единое. Тоже слѣдуетъ сказать», прибавляетъ Аристотель въ объясненіе своего предыдущаго вопроса, «и относительно того, когда бы A было сладкое, а B бѣлое». Т. е. этимъ другимъ образомъ Аристотель хочетъ теперь объяснить различеніе чувствующимъ существомъ своихъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній въ томъ смыслѣ, что исходитъ при этомъ объясненіи главнымъ образомъ изъ нѣкотораго сравненія самаго процесса познанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній съ предметами, объектами отдѣльныхъ ощущеній. Предметы, объекты отдѣльныхъ ощущеній—чувственныя качества, говоритъ Аристотель, представляютъ собою нѣчто единое, ибо всѣ они подходятъ подъ единое-же понятіе—чувственно познаваемаго, всѣ они въ концѣ концовъ остаются чувственно-же познаваемыми,—совершенно тоже, такое-же единство должно быть и при процессѣ познанія чувствующимъ существомъ этихъ отдѣльныхъ ощущеній. Какъ реальныя, объективныя качества бѣлаго и чернаго, или еще,—какъ реальныя, объективныя качества сладкаго и бѣлаго или сладкаго и теплаго относятся другъ къ другу, такъ-же относятся эти качества и въ своемъ познаваемомъ субъективномъ видѣ по Аристотелю: это значитъ, что какъ тамъ существуетъ единство, какъ всѣ тѣ качества подходятъ подъ единое-же понятіе—чувственно познаваемаго, такъ такое-же единство должно существовать и здѣсь, и здѣсь познавать эти различныя,

отдѣльныя качества должно и можетъ только единое. И это сравненіе у Аристотеля въ настоящемъ случаѣ не ограничивается только общею стороною, не ограничивается только единствомъ, но оно идетъ и далѣе. Какъ тамъ, указываетъ еще Аристотель, въ самомъ объективномъ существованіи этихъ качествъ, помимо ихъ общаго единства, помимо ихъ единства съ точки зрѣнія понятія, въ ихъ конкретномъ существованіи замѣчается раздѣльность, конкретно, реально всѣ эти качества раздѣльны,—такая-же раздѣльность должна быть и при познаніи этихъ качествъ, и познаются эти качества единымъ и благодаря единому, но познаются всетаки какъ раздѣльныя [1]).

Вотъ это послѣднее мѣсто изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля по интересующему насъ ученію, вотъ

---

[1]) De anima III, 7. 431 a. 17—b. 1. *Οὐδέποτε νοεῖ ἄνευ φαντάσματος ἡ ψυχή, ὥσπερ δὲ ὁ ἀὴρ τὴν κόρην τοιανδὶ ἐποίησεν, αὐτὴ δ' ἕτερον, καὶ ἡ ἀκοὴ ὡσαύτως· τὸ δὲ ἔσχατον ἕν, καὶ μία μεσότης· τὸ δ' εἶναι αὐτῇ πλείω. τίνι δ' ἐπικρίνει τί διαφέρει γλυκὺ καὶ θερμόν, εἴρηται μὲν καὶ πρότερον, λεκτέον δὲ καὶ ὧδε. ἔστι γὰρ ἓν' τι, οὕτω δὲ καὶ ὡς ὅρος. καὶ ταῦτα ἓν τῷ ἀνάλογον καὶ τῷ ἀριθμῷ ὂν ἔχει πρὸς ἑκάτερον, ὡς ἐκεῖνα πρὸς ἄλληλα. τί γὰρ διαφέρει τὸ ἀπορεῖν πῶς τὰ μὴ ὁμογενῆ κρίνει ἢ τἀναντία, οἷον λευκὸν καὶ μέλαν; ἔστω δὴ ὡς τὸ Α τὸ λευκὸν πρὸς τὸ Β τὸ μέλαν, τὸ Γ πρὸς τὸ Δ ὡς ἐκεῖνα πρὸς ἄλληλα· ὥστε καὶ ἐναλλάξ. εἰ δὴ τὰ ΓΔ ἐνὶ εἴη ὑπάρχοντα, οὕτως ἕξει ὥσπερ καὶ τὰ ΑΒ, τὸ αὐτὸ μὲν καὶ ἕν, τὸ δ' εἶναι οὐ τὸ αὐτό, κἀκεῖνο ὁμοίως. ὁ δ' αὐτὸς λόγος καὶ εἰ τὸ μὲν Α τὸ γλυκὺ εἴη, τὸ δὲ Β τὸ λευκόν.* Слѣдуетъ указать, что въ pendant ко всѣмъ предыдущимъ мѣстомъ изъ De anima, имѣющимъ по общему признанію отношеніе къ разбираемому нами въ настоящее время ученію, къ ученію о собственно центральной, внутренней способности, чувственнаго познанія, и это послѣднее мѣсто, этотъ параграфъ 7-ой главы III-ей книги того-же сочиненія также имѣетъ весьма много разъясненій къ себѣ. Вотъ наиболѣе обширныя разъясненія этого параграфа: разъясненія Trendelenburg'a въ его Комментаріяхъ, стр. 426—432 (Trendelenburg въ настоящемъ случаѣ приводитъ довольно много дословныхъ разъясненій изъ Симплиція и Филопона); Torstrik'a, стр. 199—201; Wallace'a стр. 279—282; Zahlfleisch'a стр. 28—30; затѣмъ настоящаго-же мѣста касаются въ цитированныхъ выше сочиненіяхъ—Baeumker, стр. 73—75; особенно Neuhaeuser, стр. 51—60; Brentano, стр. 94—95 примѣч. 49, 50, 51; Kampe, стр. 108 прим. 3; Schell, стр. 183 прим. 3; далѣе, —J. Freudenthal въ своихъ разъясненіяхъ *parva naturalia* Аристотеля (Zur Kritik und Exegese von Aristoteles' *parva naturalia*—Rheinisches Mus. für Philolog. Jahrg. XXIV. 1869), стр. 397 примѣч. 10; A. Bullinger въ своемъ переводѣ нѣкоторыхъ главъ изъ III-ей книги De anima и замѣчаніяхъ къ

этотъ параграфъ изъ 7-ой главы той-же III-ей книги De anima, и въ настоящее время конечно уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что параграфъ этотъ вполнѣ имѣетъ отношеніе къ этому ученію. Даже мало сказать просто, что онъ имѣетъ отношеніе, но онъ находится по своему содержанію въ самой тѣсной связи съ предыдущимъ мѣстомъ, съ концомъ 2-ой главы: и въ этомъ параграфѣ Аристотель очевидно трактуетъ о томъ-же различеніи чувствующимъ существомъ сво-

---

этому переводу (Aristoteles' Nus—Lehre [De an. III, c. 4—8 incl.] interpet. von A. Bullinger. Programm der k. Studien — Anstalten zu Dillingen für 1881/82), стр. 14—15, и примѣчанія 33—40 въ концѣ книги, стр. 56—67. И, пожалуй, настоящій параграфъ имѣетъ, такъ сказать, еще болѣе права на такое вниманіе къ себѣ, чѣмъ тѣ, предыдущія мѣста: дѣйствительно, если и въ тѣхъ мѣстахъ было много неясностей, то настоящій параграфъ, со стороны своего пониманія, несомнѣнно требуетъ еще болѣе усилій; по отношенію ко многимъ выраженіямъ настоящаго параграфа приходится не просто переводить греческій текстъ, а только догадываться на основаніи греческаго текста, что̀ именно хотѣлъ сказать въ этихъ выраженіяхъ Аристотель. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ примѣчаніи я послѣдую тому-же порядку, которому я слѣдовалъ въ непосредственно предыдущихъ примѣчаніяхъ,—я постараюсь быть сравнительно кратокъ. Слѣдить за всѣми указанными разъясненіями было бы конечно невозможно, этого не позволило бы ни мѣсто, ни время,—въ виду этой невозможности и въ настоящемъ примѣчаніи я постараюсь только дополнить переводъ и объясненія, находящіяся въ моемъ текстѣ. Остановлюсь прежде всего на уклоненіяхъ, которыя мнѣ пришлось сдѣлать въ моемъ чтеніи и переводѣ настоящаго параграфа, сравнительно съ Bekker'омъ. Уклоненій этихъ два, и касаются они—одно интерпункціи, перемѣны знака препинанія, въ другомъ-же случаѣ пришлось сдѣлать и болѣе существенное уклоненіе, пришлось вставить лишнее слово. Послѣ выраженія *ὡς ἐκεῖνα πρὸς ἄλληλα* Bekker ставитъ полуточіе, послѣдующій вопросъ онъ сопоставляетъ, стало быть, со всею предыдущею фразою, съ фразою *καὶ ταῦτα ἓν τῷ ἀνάλογον* и т. д. Но какимъ образомъ можно сдѣлать такое сопоставленіе? не ясно-ли уже и при поверхностномъ разсмотрѣніи всего нашего параграфа, что этотъ вопросъ скорѣе долженъ относиться не къ предыдущему, а къ послѣдующему?—онъ находится въ довольно ясной непосредственной связи съ самою послѣднею фразою настоящаго параграфа, съ фразою *ὁ δ' αὐτὸς λόγος* и т. д. Если же такъ, если признать такую связь, то конечно передъ этимъ вопросомъ придется поставить какой-либо знакъ, имѣющій болѣе существенное значеніе, чѣмъ полуточіе, придется поставить точку. Въ силу этихъ соображеній я и измѣнилъ въ

ихъ отдѣльныхъ ощущеній, и трактуетъ онъ объ этомъ различеніи съ точки зрѣнія того-же единства, замѣчаемаго, по его мнѣнію, во всѣхъ чувствахъ. Аристотель, правда, указалъ вначалѣ, что онъ будетъ разбирать здѣсь этотъ вопросъ о различеніи не совсѣмъ такъ, какъ онъ разбиралъ его выше, въ концѣ 2-ой главы, — это и было, но это отличіе, какъ мы можемъ судить въ настоящее время, послѣ самаго разсмотрѣнія настоящаго параграфа, въ существѣ дѣла, осталось

настоящемъ мѣстѣ интерпункцію Bekker'а и поставилъ (между прочимъ вмѣстѣ съ Bullinger'омъ) вмѣсто Bekker'овскаго полуточія точку. Далѣе, болѣе существеннымъ образомъ измѣнить текстъ Bekker'а, сдѣлать вставку слова въ текстъ Bekker'а, пришлось въ самомъ этомъ вопросѣ, въ самой этой непосредственно слѣдующей фразѣ. Выраженіе *τὰ μὴ ὁμογενῆ* въ этомъ вопросѣ Bekker читаетъ безъ *μή*, онъ читаетъ просто *τὰ ὁμογενῆ*, —и слѣдуетъ прибавить, что и Trendelenburg присоединяется къ этому чтенію. Однако, какóй сколько-нибудь удовлетворительный смыслъ по связи всей фразы можно придать выраженію *τὰ ὁμογενῆ*, кáкъ можно передать это *τὰ ὁμογενῆ* сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ? Самъ Trendelenburg, повидимому, отказывается отъ такой удовлетворительной передачи, ибо у него нигдѣ нѣтъ разъясненія этого выраженія, — и такимъ-то образомъ и пришлось въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Torstrik'а, пришлось читать—не *τὰ ὁμογενῆ*, а *τὰ μὴ ὁμογενῆ*. Исправленіе Torstrik'а несомнѣнно имѣетъ за себя всѣ основанія, ибо почти всѣ послѣдующіе толкователи вообще настоящаго мѣста (всѣ за исключеніемъ только Zahlfleisch'а—но Zahlfleisch толкуетъ нашъ параграфъ уже совершенно особымъ образомъ) приняли это исправленіе. Итакъ, вотъ уклоненія, которыя мнѣ пришлось сдѣлать сравнительно съ текстомъ Bekker'а, вотъ, слѣдовательно, греческій текстъ, котораго я держусь по отношенію ко всѣму нашему параграфу. Затѣмъ, какóе-же, такъ сказать, употребленіе можно было сдѣлать изъ этого греческаго текста? какъ можно было передать и истолковать его? Что касается до первой части настоящаго параграфа, до части, оканчивающейся словами *λεκτέον δὲ καὶ ᾗδε*, то эту часть въ настоящемъ примѣчаніи я оставлю, о ней я говорить не буду: для уясненія моего пониманія этой части, какъ мнѣ кажется, совершенно достаточно того, что находится выше, въ самомъ моемъ текстѣ при переводѣ. Безъ дополнительныхъ разъясненій еще нельзя будетъ оставить второй части, и нельзя будетъ оставить потому, что если вѣрно предшествующее замѣчаніе относительно вообще трудности всего настоящаго параграфа, то это замѣчаніе главнымъ образомъ имѣетъ значеніе для этой второй части. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ указанные толкователи и ученые—положительно всѣ

отличіемъ чисто внѣшнимъ; то обстоятельство, что Аристотель говорилъ въ этомъ параграфѣ о настоящемъ различеніи—какъ онъ выражался — нѣсколько инымъ образомъ, нисколько не помѣшало общему совпаденію ученій, находящихся въ этихъ двухъ мѣстахъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля. Съ общей точки зрѣнія оба эти ученія конечно совпадали, основныя мысли въ обоихъ этихъ разсужденіяхъ, несмотря на нѣсколько иной порядокъ ихъ развитія, ихъ из-

---

преимущественно занимались этою второю частью, объясняли ее,—и тѣмъ не менѣе къ вполнѣ яснымъ и къ вполнѣ исключающимъ всякія сомнѣнія результатамъ они не пришли; что́ именно хотѣлъ сказать Аристотель въ этой второй части, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ ея—остается всетаки не вполнѣ опредѣленнымъ. Въ виду такого положенія дѣла для этой второй части и требуются дополнительныя замѣчанія, ибо если, быть можетъ, и ясно изъ самаго перевода и разъясненій при переводѣ мое пониманіе этой второй части, то этого недостаточно: въ виду совершенной неясности самаго греческаго текста необходимо еще указать основанія для такого пониманія. Итакъ, какъ же можно было передать и истолковать эту вторую часть? Первыя фразы до фразы *καὶ ταῦτα ἓν τῷ ἀνάλογον* и т. д. еще не представляютъ особыхъ затрудненій—это, какъ я и указывалъ при переводѣ, очевидно только выдержки, такъ сказать, цитаты Аристотеля изъ предыдущаго мѣста, изъ конца 2-ой главы; затрудненія начинаются только съ самой фразы *καὶ ταῦτα ἓν τῷ ἀνάλογον καὶ τῷ ἀριθμῷ ὂν ἔχει πρὸς ἑκάτερον, ὡς ἐκεῖνα πρὸς ἄλληλα*. Какъ, дѣйствительно, понять и объяснить эту фразу,—въ частности выраженія *ταῦτα* и *ἐκεῖνα*? При своемъ переводѣ я исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. Опираясь на мнѣніе почти всѣхъ толкователей, да принимая во вниманіе и самый греческій текстъ, вполнѣ можно было сопоставить *ταῦτα* съ предыдущимъ *γλυκὺ καὶ θερμόν*,—при такомъ сопоставленіи *ταῦτα* очевидно будетъ означать «чувственныя качества именно какъ познаваемыя», «качества сладкаго и теплаго именно при ихъ познаніи»; *ἐκεῖνα* же въ такомъ случаѣ можно было понять какъ «тѣже чувственныя качества, но только уже помимо ихъ познанія», стало быть, какъ, такъ сказать, «объективныя, реальныя чувственныя качества сладкаго и теплаго». Положимъ, что и такое объясненіе, такое пониманіе въ сущности есть ничто иное какъ догадка, греческій текстъ вовсе не даетъ какихъ-либо несомнѣнныхъ правъ на такое пониманіе,—тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что это пониманіе будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, наиболѣе подходящимъ. Съ другой стороны, такое объясненіе наиболѣе подходитъ и къ существующимъ объясненіямъ: дѣйствительно, въ общемъ оно вполнѣ подходитъ къ объясненіямъ Baeumker'a, Kampe, Schell'я; да и сами Neuhaeuser и Bullinger,

ложенія, были конечно совершенно тѣ-же самыя. Такимъ образомъ дѣйствительно—въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ насъ самое разсмотрѣніе настоящаго параграфа—тѣсная связь этого параграфа съ предыдущимъ мѣстомъ, съ концомъ 2-ой главы, не подлежитъ сомнѣнію. Но если не подлежитъ сомнѣнію эта связь, то, стало быть, не подлежитъ сомнѣнію также и отношеніе нашего параграфа ко всему настоящему, интересующему насъ въ настоящее время ученію. Уже выше мы указали, какъ близко и съ внѣшней стороны подходятъ другъ къ другу разобранные нами въ этомъ-же ученіи—конецъ 2-ой главы III-ей книги De anima и вся вторая половина 1-ой главы той-же книги того-же сочиненія,—отсюда, разъ мы констатируемъ общее совпаденіе настоящаго мѣста, настоящаго параграфа съ

хотя и тотъ и другой и противопоставляютъ свои мнѣнія всѣмъ другимъ мнѣніямъ относительно этой-же фразы,—въ сущности, по поводу этихъ выраженій, говорятъ тоже самое. Такъ понялъ и объяснилъ я эту первую трудную фразу настоящей второй части,—въ частности эти два особенно трудныхъ выраженія (относительно другихъ, также до нѣкоторой степени трудныхъ, выраженій этой фразы, на трудности которыхъ особенно настаиваютъ тѣ-же Neuhaeuser и Bullinger—относительно выраженій *τῷ ἀνάλογον* и *τῷ ἀριθμῷ* я говорить не буду: мнѣ кажется, что хотя эти выраженія и представляютъ собою несомнѣнно трудности, но эти трудности всетаки должны быть отнесены уже къ частностямъ). Затѣмъ, разъ была понята и объяснена эта первая фраза,—все остальное во второй части, какъ замѣчаетъ между прочимъ и Neuhaeuser, должно было быть понятно. Если вѣрно, что *ταῦτα* и *ἐκεῖνα* означаютъ собою—чувственныя качества при познаніи и чувственныя качества помимо познанія, то стало быть вѣрно, что здѣсь Аристотель говоритъ о нѣкоторомъ сравненіи самаго процесса познанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній съ предметами, объектами отдѣльныхъ ощущеній. Но для какой цѣли говоритъ онъ здѣсь объ этомъ сравненіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ — послѣдняя фраза первой части (*τίνι δ' ἐπικρίνει* и т. д.) и первыя фразы этой-же второй части (*ἔστι γὰρ ἓν τι* и т. д.): Аристотель очевидно говоритъ объ этомъ сравненіи для того, чтобы разъяснить нѣсколько инымъ образомъ тоже, что было указано имъ въ концѣ 2-ой главы той-же III-ей книги, тоже различеніе чувствующимъ существомъ своихъ отдѣльныхъ ощущеній. Отдѣльныя неясности при пониманіи могли встрѣчаться, но эти неясности были уже частностями,—для общаго же пониманія всей второй части совершенно было достаточно объясненія и истолкованія этой первой фразы.

концомъ этой 2-ой главы, мы въ тоже время констатируемъ и несомнѣнное отношеніе этого параграфа ко всему настоящему ученію. Этотъ параграфъ совершенно очевидно долженъ былъ быть разсмотрѣнъ въ связи съ настоящимъ ученіемъ.

Таковы, стало быть, всѣ эти, указанныя выше, мѣста изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, таковы эти мѣста изъ De anima, которыя мы перечислили выше, какъ касающіяся, по нашему мнѣнію, интересующаго насъ въ настоящее время ученія Аристотеля. Какъ-же теперь свести, сопоставить всѣ эти мѣста? Не трудно согласиться, что хотя во всѣхъ этихъ мѣстахъ и есть какъ будто нѣчто общее, что хотя, когда читаешь ихъ, чувствуешь, что Аристотель вездѣ тутъ какъ будто говоритъ объ одномъ и томъ-же, тѣмъ не менѣе общность эта не бросается сразу въ глаза, отдѣльныя части всѣхъ этихъ мѣстъ у самого Аристотеля остаются не строго сопоставленными другъ съ другомъ. Если попытаться свести всѣ эти мѣста по ихъ содержанію къ нѣкоторому единству, если попытаться формулировать то, что говоритъ Аристотель во всѣхъ этихъ мѣстахъ, нѣкоторымъ общимъ, и притомъ наиболѣе краткимъ, образомъ, то такая формулировка, какъ мнѣ кажется, будетъ слѣдующая. Прежде всего совершенно несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Аристотель говоритъ о невозможности при объясненіи вообще чувственныхъ познаній удовольствоваться объясненіемъ дѣятельности только отдѣльныхъ, только внѣшнихъ чувствъ, онъ говоритъ о необходимости какъ-бы поставить за дѣятельностью отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ какъ отдѣльныхъ нѣкоторую другую дѣятельность, но дѣятельность, также относящуюся къ области чувственнаго познанія, также дающую въ результатѣ чувственныя познанія. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить иначе самое то обстоятельство, что Аристотель поднялъ всѣ эти вопросы—вопросъ о познаніи чувствующимъ существомъ общихъ чувственныхъ качествъ, свойственныхъ не какому-либо отдѣльному чувству, а всѣмъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ отдѣльнымъ чувствамъ, далѣе вопросъ о признаніи чувствующимъ существомъ чувственныхъ познаній, ощущеній за свои, и наконецъ вопросъ о различеніи отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, отдѣльныхъ ощущеній? Аристотелю очевидно ясно было, что всѣ эти факты—и фактъ этого познанія,

и фактъ признанія, и наконецъ фактъ различенія относятся къ тому-же чувственному познанію, что далѣе всѣ они очень близки къ отдѣльнымъ ощущеніямъ, составляютъ какъ-бы нѣкоторое продолженіе отдѣльныхъ ощущеній, но въ тоже время не могутъ быть объяснены только тѣми факторами, которыми объясняются отдѣльныя ощущенія, не могутъ быть объяснены дѣятельностью только отдѣльныхъ чувствъ какъ отдѣльныхъ,—и вотъ, помимо того, что онъ объяснилъ дѣятельность отдѣльныхъ чувствъ, помимо того, что онъ объяснилъ образованіе отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній, онъ начинаетъ объяснять теперь и эти факты. Первое звено, такимъ образомъ, связующее всѣ эти мѣста, первое общее, что можно извлечь изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, можетъ быть формулировано такъ: во всѣхъ этихъ мѣстахъ Аристотель говоритъ о томъ-же чувственномъ познаніи, и притомъ о, такъ сказать, практической сторонѣ чувственнаго познанія, о тѣхъ фактахъ, которые весьма близки къ отдѣльнымъ ощущеніямъ, но въ тоже время для своего объясненія требуютъ чего-то бо́льшаго, чего-то, что уже выходитъ изъ компетенціи отдѣльныхъ чувствъ какъ отдѣльныхъ. Затѣмъ далѣе найдется и еще общее, найдутся и еще пункты соприкосновенія. Припомнимъ прежде всего тотъ выводъ, то заключеніе, къ которому мы пришли на основаніи перваго мѣста—всей 2-ой половины 1-ой главы, далѣе припомнимъ, ка́къ можно было объяснить наиболѣе существенныя выраженія во второмъ мѣстѣ—въ началѣ 2-ой главы, и наконецъ обратимъ наше вниманіе на самый способъ изложенія Аристотеля въ 3-мъ и 4-мъ мѣстахъ, на то—ка́къ, съ како́й точки зрѣнія Аристотель трактовалъ о самомъ фактѣ различенія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній. Уже и всѣ разсужденія Аристотеля во второй половинѣ 1-ой главы въ общемъ можно было охарактеризовать какъ ученіе о нѣкоторомъ единствѣ, нѣкоторой общей конечной связи всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, далѣе это-же единство съ весьма большою вѣроятностью можно было привлечь и къ объясненію наиболѣе существенныхъ выраженій въ началѣ 2-ой главы, наконецъ въ послѣднихъ разсмотрѣнныхъ нами мѣстахъ—въ концѣ 2-ой главы и въ 7-ой главѣ тоже единство Аристотель поставилъ, такъ сказать, центромъ своего изложенія, съ точки зрѣнія того-же единства онъ и разсматривалъ

самый, указанный имъ, третій фактъ, самое различеніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній. Но что можетъ значить все это, къ чему могутъ привести всѣ эти указанія? Всѣ эти указанія очевидно не могутъ не навести на мысль, что существуетъ и еще общее во всѣхъ этихъ мѣстахъ: помимо того, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Аристотель занимается частными, спеціальными темами, помимо того, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ собственно разбираетъ, разсматриваетъ указанные выше факты, онъ проводитъ еще тутъ, и проводитъ съ весьма большою настойчивостью и ученіе о нѣкоторомъ единствѣ, о нѣкоторомъ единеніи всѣхъ чувствъ, о томъ, что результаты дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ —всѣ отдѣльныя чувственныя познанія, отдѣльныя ощущенія въ концѣ концовъ отражаются какъ-бы на нѣкоторомъ единомъ фонѣ, являются единымъ-же чувственнымъ познаніемъ. Итакъ, вотъ два пункта, такъ сказать, связующіе всѣ эти мѣста, вотъ два пункта, къ которымъ могутъ быть сведены эти мѣста изъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля по ихъ содержанію. Далѣе, нельзя-ли продолжить это сведеніе еще болѣе, нельзя-ли какъ нибудь еще болѣе сблизить и самые эти два пункта? Почему, въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ при разборѣ указанныхъ выше фактовъ Аристотель говоритъ еще и объ этомъ единствѣ, единеніи всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ? Совершенно очевидно, что эти два пункта должны стоять между собою въ самой тѣсной, самой близкой внутренней связи: если Аристотель именно при разборѣ этихъ, указанныхъ выше, фактовъ, относящихся также къ чувственному познанію, учитъ и объ единствѣ всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ, то такое ученіе не можетъ быть здѣсь случайнымъ, — такое ученіе конечно должно имѣть здѣсь тотъ смыслъ, что этимъ-то единствомъ и слѣдуетъ, по мнѣнію Аристотеля, объяснять указанные факты. И что это дѣйствительно такъ,—отчасти это можно видѣть на самыхъ же этихъ мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, третій изъ указанныхъ фактовъ, различеніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, отдѣльныхъ ощущеній, какъ мы говоримъ, Аристотель разсматриваетъ именно съ точки зрѣнія единства всѣхъ чувствъ,—и какъ мы видѣли выше, при самомъ разсмотрѣніи относящихся сюда мѣстъ, это значило, что Аристотель дѣйствительно совершенно

несомнѣнно въ основу пониманія, объясненія этого третьяго факта, этого различенія, положилъ какъ разъ указанное единство: такимъ образомъ, по отношенію къ третьему факту эта болѣе внутренняя, болѣе глубокая связь настоящихъ двухъ пунктовъ видна и теперь, на самыхъ же этихъ мѣстахъ. Но по отношенію къ двумъ предыдущимъ, двумъ первымъ фактамъ такой ясности не было: по отношенію къ тѣмъ двумъ фактамъ на основаніи настоящихъ мѣстъ можно было—правда, съ большою вѣроятностью, но всеже съ вѣроятностью—только предположить, что это единство можетъ имѣть для нихъ значеніе,—дойти-же въ этомъ случаѣ до несомнѣнности здѣсь, въ этихъ мѣстахъ было трудно. Этою трудностью и опредѣляется порядокъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія всего настоящаго ученія. Если на основаніи настоящихъ, уже разобранныхъ нами, мѣстъ трудно прійти къ заключенію о несомнѣнности полной связи этихъ двухъ пунктовъ, если на основаніи настоящихъ мѣстъ существенная связь между двумя первыми указанными фактами и единствомъ всѣхъ чувствъ остается только вѣроятною (хотя и весьма вѣроятною), то въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи слѣдуетъ попытаться усилить эту вѣроятность, слѣдуетъ попытаться перевести ее какъ разъ въ несомнѣнность. Полная связь между двумя указанными пунктами повидимому должна существовать у Аристотеля, но пока ея нѣтъ,—слѣдовательно нужно устроить такъ, чтобы она дѣйствительно была, нужно изъ всего настоящаго ученія устранить только вѣроятность, и замѣнить ее несомнѣнностью. И такому дальнѣйшему развитію всего этого ученія помогутъ слѣдующія изъ указанныхъ выше мѣстъ, мѣста изъ болѣе мелкихъ психологическихъ сочиненій Аристотеля; къ разсмотрѣнію этихъ мѣстъ мы и обратимся.

Начнемъ съ разсмотрѣнія наиболѣе существеннаго въ настоящемъ случаѣ мѣста, съ разсмотрѣнія мѣста изъ сочиненія Аристотеля «о состояніи во время сна и во время бодрствованія». Послѣ того какъ въ 1-ой главѣ этого сочиненія Аристотель сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ и самыхъ общихъ указаній относительно природы сна и бодрствованія, указалъ самымъ общимъ образомъ, что̀ такое эти два состоянія (онъ указалъ, что и сонъ и бодрствованіе, такъ или иначе, должны быть поставлены въ связь съ чувствительностью, съ спо-

собностью живыхъ существъ чувствовать), во 2-ой главѣ онъ переходитъ затѣмъ къ болѣе подробнымъ разъясненіямъ. Именно, здѣсь, въ этой 2-ой главѣ, онъ прежде всего занимается разборомъ, съ какимъ чувствомъ или съ какими чувствами вообще слѣдуетъ поставить въ тѣсную связь эти два состоянія, состояніе сна и состояніе бодрствованія,—и въ этомъ-то разборѣ и заключается мѣсто, на которое мы хотимъ обратить наше вниманіе. «Такъ какъ», говоритъ Аристотель почти въ самомъ началѣ этой 2-ой главы, «въ каждомъ отдѣльномъ чувствѣ съ одной стороны существуетъ нѣчто спеціальное, свойственное только отдѣльному чувству» (нѣкоторая спеціальная дѣятельность только даннаго отдѣльнаго чувства), «съ другой-же стороны нѣчто общее» (дѣятельность, свойственная всѣмъ вообще отдѣльнымъ чувствамъ), «—при этомъ спеціальное будетъ то, что напримѣръ при чувствѣ зрѣнія будетъ видѣніемъ, при чувствѣ слуха слышаніемъ, и при другихъ чувствахъ совершенно такимъ-же образомъ; существуетъ же еще и нѣкоторая общая способность, сопровождающая всѣ отдѣльныя чувства, которою чувствующее существо собственно и чувствуетъ, что оно видитъ и слышитъ [вѣдь въ самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ, «не собственно чувствомъ зрѣнія» (не чувствомъ зрѣнія какъ чувствомъ зрѣнія) «чувствующее существо видитъ, что оно видитъ, и точно также и судитъ вообще, и можетъ судить чувствующее существо, что различны сладкія вещи отъ бѣлыхъ, не чувствомъ вкуса, и не чувствомъ зрѣнія, и не обоими, но нѣкоторою общею частью всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ, чувственныхъ органовъ: ибо на самомъ дѣлѣ способность чувства одна» (вообще чувственное познаніе одно) «и главное чувствилище одно,—только виды проявленія» (конкретныя обнаруженія дѣятельности) «этой одной способности различны для каждаго отдѣльнаго рода чувственнаго познанія, какъ напр. различенъ шумъ» (результатъ дѣятельности собственно чувства слуха) «отъ цвѣта» (результата дѣятельности чувства зрѣнія)], — «и такъ какъ далѣе это послѣднее» (это общее) «по преимуществу связано съ осязающею частью чувствующаго существа» (съ чувствомъ осязанія) «[именно чувство осязанія», прибавляетъ Аристотель опять какъ-бы въ скобкахъ, «отдѣляется, можетъ существовать отдѣльно отъ другихъ чувствъ, отъ

другихъ чувственныхъ органовъ, тогда какъ всѣ остальныя чувства не могутъ быть отдѣлены, не могутъ существовать отдѣльно отъ чувства осязанія,—какъ между прочимъ объ этомъ и говорится въ изслѣдованіяхъ о душѣ],————въ виду всѣхъ этихъ соображеній», заключаетъ Аристотель, «ясно, что состояніе бодрствованія и состояніе сна являются состояніями этого именно чувства» (чувства осязанія—являются по преимуществу связанными съ чувствомъ осязанія). Т. е. по первому, по непосредственному смыслу всего этого періода Аристотель очевидно хочетъ разъяснить здѣсь, что сонъ и бодрствованіе должны быть поставлены въ самую тѣсную связь съ чувствомъ осязанія. Чувство осязанія, говоритъ Аристотель ссылаясь на свои изслѣдованія о душѣ (конечно на тоже, хорошо знакомое намъ, сочиненіе De anima), можетъ существовать отдѣльно, независимо отъ всѣхъ другихъ чувствъ, оно, такимъ образомъ, является, такъ сказать, по преимуществу чувствомъ,—слѣдовательно съ чувствомъ осязанія прежде всего и слѣдуетъ поставить въ связь сонъ и бодрствованіе, если уже выше было указано, что эти два состоянія имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ способности живыхъ существъ вообще чувствовать [1]).

---

[1]) De somno et vigil. 2. 455 a. 12—26. *Ἐπεὶ δ' ὑπάρχει καθ' ἑκάστην αἴσθησιν τὸ μέν τι ἴδιον τὸ δέ τι κοινόν, ἴδιον μέν οἷον τῇ ὄψει τὸ ὁρᾶν, τῇ δ' ἀκοῇ τὸ ἀκούειν, ταῖς δ' ἄλλαις κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον, ἔστι δέ τις καὶ κοινὴ δύναμις ἀκολουθοῦσα πάσαις, ᾗ καὶ ὅτι ὁρᾷ καὶ ἀκούει αἰσθάνεται (οὐ γὰρ δὴ τῇ γε ὄψει ὁρᾷ ὅτι ὁρᾷ, καὶ κρίνει δὴ καὶ δύναται κρίνειν ὅτι ἕτερα τὰ γλυκέα τῶν λευκῶν οὔτε γεύσει οὔτε ὄψει οὔτ' ἀμφοῖν, ἀλλά τινι κοινῷ μορίῳ τῶν αἰσθητηρίων ἁπάντων· ἔστι μὲν γὰρ μία αἴσθησις, καὶ τὸ κύριον αἰσθητήριον ἕν, τὸ δ' εἶναι αἰσθήσει τοῦ γένους ἑκάστου ἕτερον, οἷον ψόφου καὶ χρώματος), τοῦτο δ' ἅμα τῷ ἁπτικῷ μάλιστ' ὑπάρχει (τοῦτο μὲν γὰρ χωρίζεται τῶν ἄλλων αἰσθητηρίων, τὰ δ' ἄλλα τούτου ἀχώριστα, εἴρηται δὲ περὶ αὐτῶν ἐν τοῖς περὶ ψυχῆς θεωρήμασιν)· φανερὸν τοίνυν ὅτι τούτου ἐστὶ πάθος ἡ ἐγρήγορσις καὶ ὁ ὕπνος.* Несогласно съ обыкновеннымъ, принятымъ мною въ большинствѣ случаевъ при цитированіи подлинныхъ мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля, порядкомъ, настоящее мѣсто изъ De somno et vigilia я привожу не по Bekker'овскому тексту, а читаю его такъ, какъ оно читается и вообще приведено у Bonitz'a въ его Aristotelische Studien (см. Bonitz. Aristot. Stud. II u. III стр. 72—73). Но дѣло въ томъ, что уклоненія Bonitz'a отъ Bekker'a не такъ уже существенны, они касаются главнымъ образомъ только интерпункціи, перемѣны знаковъ пре-

Вотъ это первое мѣсто изъ болѣе [illegible] психологическихъ сочиненій Аристотеля, также касающееся [illegible] нія. Мы назвали его наиболѣе существеннымъ въ настоящемъ случаѣ,—и теперь мы можемъ подтвердить это положеніе съ бо́льшею основательностью. Въ самомъ дѣлѣ, оставимъ непосредственный, буквальный смыслъ этого періода, посмотримъ что говорится въ немъ по существу. Что собственно утверждаетъ здѣсь Аристотель, како́е ученіе предлагаетъ онъ здѣсь? Какъ мнѣ кажется, совершенно очевидно, что во всемъ этомъ мѣстѣ по существу Аристотель толкуетъ вообще о чувственной дѣятельности, о той дѣятельности живыхъ существъ, результатомъ которой являются чувственныя познанія. Какъ-же говоритъ онъ объ этой дѣятельности? Прежде всего Аристотель и здѣсь относитъ эту дѣятельность къ тѣмъ же отдѣльнымъ чувствамъ, къ тѣмъ-же психическимъ дѣятелямъ, которые выработываютъ собственно ощущенія, но только въ дѣятельности отдѣльныхъ чувствъ, онъ различаетъ здѣсь, въ настоящемъ мѣстѣ, двѣ стороны: одну, болѣе спеціальную, результатомъ которой и являются собственно ощущенія, и другую болѣе общую, причемъ и здѣсь эта вторая сторона, эта общность обусловливается для него тѣмъ обстоятельствомъ,

---

нинанія, сравнительно съ Bekker'омъ (только одинъ разъ Bonitz дѣлаетъ и болѣе важное уклоненіе—онъ выпускаетъ союзъ *καὶ* въ выраженіи *ἢ καὶ ὅτι ὁρᾷ καὶ ἀκούει αἰσθάνεται*, что̀ совершенно несомнѣнно улучшаетъ смыслъ этого выраженія),—между тѣмъ для уясненія общей послѣдовательности мыслей Аристотеля во всемъ этомъ мѣстѣ, для самаго перевода всего этого мѣста чтеніе Bonitz'а безспорно будетъ гораздо удобнѣе: перевести вполнѣ гладко и вполнѣ послѣдовательно все наше мѣсто, имѣя въ виду исключительно только Bekker'овскій текстъ, во всякомъ случаѣ было.бы трудно, да даже пожалуй и совершенно невозможно. Въ виду такой трудности и я рѣшился при приведеніи настоящаго мѣста уклониться отъ обыкновеннаго порядка, и рѣшился не только попытаться сопоставить текстъ Bekker'а съ исправленіями Bonitz'а, но прямо читать по Bonitz'у,—тѣмъ болѣе, что, какъ я говорю, уклоненія Bonitz'а вовсе уже не такъ существенны: общій смыслъ нашего мѣста конечно и по Bonitz'у и по Bekker'у, въ существѣ дѣла, будетъ однимъ и тѣмъ же. Затѣмъ, что касается самаго перевода и разъясненій нашего мѣста, предложенныхъ въ нашемъ текстѣ, ср. что говоритъ Siebeck по поводу этого-же мѣста (Siebeck въ Philologus XL, стр 352—353 и тоже въ Untersuch. zur Philos. der Griech. стр. 158—159).

что всѣ отдѣльныя чувственныя познанія въ концѣ концовъ должны составлять одно и тоже чувственное познаніе, что способность чувства (самъ чувствующій субъектъ) въ концѣ концовъ должна быть одна. Далѣе, какія функціи приписываетъ Аристотель этой общей сторонѣ всѣхъ чувствъ, въ чемъ собственно онъ заставляетъ эту общую сторону, такъ сказать, проявлять свое существованіе? По данному мѣсту у Аристотеля этою общею стороною всѣхъ чувствъ чувствующее существо прежде всего какъ-бы видитъ, что оно видитъ, слѣд. относитъ отдѣльныя ощущенія къ себѣ, признаетъ ихъ своими, а затѣмъ и различаетъ, что напр. различны сладкія вещи отъ бѣлыхъ. Вотъ собственно ученіе, которое предлагается здѣсь Аристотелемъ. Не трудно согласиться, что это ученіе въ сущности тоже, что и ученіе, находившееся въ предыдущихъ, уже разобранныхъ нами, мѣстахъ,—и здѣсь находятся тѣ-же два пункта, но только здѣсь они являются гораздо болѣе сближенными. Дѣйствительно, здѣсь Аристотель не только въ объясненіе указаннаго третьяго факта—различенія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній кладетъ единство, единеніе отдѣльныхъ чувствъ, но онъ привлекаетъ тоже единство и къ объясненію наиболѣе сомнительнаго по предыдущимъ мѣстамъ второго факта—признанія чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои: Аристотель теперь, въ настоящемъ мѣстѣ, это признаніе какъ-бы ставитъ совершенно рядомъ съ различеніемъ, и объясняетъ его совершенно такимъ-же, какъ и различеніе, образомъ. Но все это какъ разъ и нужно было намъ для дальнѣйшаго развитія настоящаго ученія,—отсюда-то настоящее мѣсто и можно было назвать какъ разъ наиболѣе существеннымъ въ настоящемъ случаѣ. То обстоятельство, что теперь и второй фактъ—и признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои поставленъ совершенно рядомъ, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ сопоставленъ съ третьимъ фактомъ—съ различеніемъ, конечно совершенно очевидно какъ-бы дополняетъ остававшееся въ предыдущихъ мѣстахъ недополненнымъ, даетъ намъ ту несомнѣнность, которой не было въ мѣстахъ изъ De anima.

Теперь намъ остается только сблизить по возможности несомнѣннымъ образомъ первый фактъ—познаніе чувствующимъ существомъ общихъ свойствъ съ указаннымъ единствомъ.

Послѣ того какъ мы разсмотрѣли предыдущее, только что приведенное, мѣсто, послѣ того какъ и второй вопросъ—признаніе чувствующимъ существомъ своихъ ощущеній сталъ рядомъ съ третьимъ, также нашелъ себѣ объясненіе въ томъ-же единствѣ,—сдѣлать это будетъ не трудно, и сдѣлать это можно будетъ на основаніи другого, указаннаго выше, мѣста изъ болѣе мелкихъ психологическихъ сочиненій Аристотеля, именно на основаніи мѣста изъ трактата его «о памяти и о воспоминаніи». Въ 1-ой главѣ этого трактата Аристотель между прочимъ интересуется разрѣшеніемъ вопроса—съ какóю болѣе общею, болѣе важною психическою способностью нужно поставить въ связь эти двѣ менѣе важныя психическія способности, кудá, къ какой части души, какъ выражается подлинно Аристотель, (къ чувствующей-ли, или къ разумной) нужно отнести память и воспоминаніе? Вспоминается или припоминается, говоритъ Аристотель, только прошедшее: память, стало быть, прежде всего, такъ или иначе, связана съ воспріятіемъ времени. Съ другой стороны, продолжаетъ Аристотель, эта способность имѣетъ отношеніе также и къ воспріятію величинъ и вмѣстѣ съ этимъ и къ познанію образовъ, представленій. Вспоминать, по Аристотелю, можно также и то, что мыслилось ранѣе, но мыслить, какъ мы уже видѣли между прочимъ изъ разобраннаго нами параграфа 7-ой главы III-ей книги De anima, нельзя безъ образовъ, представленій,—это значитъ, что память, по мнѣнію Аристотеля, должна имѣть отношеніе и къ познанію образовъ, представленій. Но если память имѣетъ отношеніе къ познанію образовъ, то это въ свою очередь указываетъ, что она имѣетъ отношеніе и къ познанію величинъ, ибо всякій образъ, всякое представленіе, именно потому, что оно есть представленіе, конечно заключаетъ въ себѣ и воспріятіе какой-либо величины, конечно представляетъ собою какую-либо величину. Такимъ-то образомъ для того, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ о томъ, кудá, къ какóй болѣе важной психической способности слѣдуетъ отнести память вообще, Аристотелю предварительно приходится высказать свое мнѣніе о способѣ познанія времени, величинъ и образовъ,—и фразами, заключающими въ себѣ это мнѣніе, мы и воспользуемся въ настоящемъ случаѣ. Аристотель говоритъ очень опредѣленно: «Величина и движеніе необходимо познаются тою

же самою способностью, такою и время; и образъ» (представленіе) «есть нѣкоторое обнаруженіе» (нѣкоторое слѣдствіе) «общей чувственной способности. Такъ что ясно», заключаетъ Аристотель, «что познаніе всѣхъ этихъ вещей» (и величины, и движенія, и времени, и образовъ) «совершается посредствомъ первоначальной чувственной способности» [1]),—и далѣе Аристотель выводитъ отсюда, что, стало быть, и память главнымъ образомъ должна быть поставлена въ связь съ этою-же первоначальною чувственною способностью; если память и имѣетъ отношеніе еще и къ разумной способности, къ разумному познанію, то только косвенно, случайно, только постольку, поскольку разумное познаніе, мышленіе не можетъ обойтись безъ

---

[1]) De mem. 1. 450 a. 9—12. *Μέγεθος δ' ἀναγκαῖον γνωρίζειν καὶ κίνησιν ᾧ καὶ χρόνον, καὶ τὸ φάντασμα τῆς κοινῆς αἰσθήσεως πάθος ἐστίν. ὥστε φανερὸν ὅτι τῷ πρώτῳ αἰσθητικῷ τούτων ἡ γνῶσίς ἐστιν.* Zeller въ своемъ курсѣ (Zeller. Die Philos. der Griech II, 2. 3 te Auflage, стр. 548 прим. 2 и стр. 401 прим. 4) по поводу этихъ строкъ замѣчаетъ, что онѣ несовсѣмъ согласны съ другими мѣстами изъ сочиненій Аристотеля, напр. съ мѣстомъ изъ Физики (Phys. IV, 14. 223 a. 25 и слѣд.) и съ мѣстомъ изъ De anima (De anima III, 10. 433 b 5 и слѣд.): по настоящимъ строкамъ выходитъ, что познаніе времени по Аристотелю совершается чувствомъ, чувственною способностью, между тѣмъ указанныя мѣста какъ будто ставятъ это-же познаніе въ связь скорѣе съ разумомъ. Дѣйствительно, на первый взглядъ нѣкоторое противорѣчіе какъ будто есть,—но быть можетъ его можно устранить такъ, какъ между прочимъ устраняетъ Kampe (Kampe. Die Erkenntniss-theor. des Arist. стр. 102 прим. 4). У Kampe чувству по Аристотелю принадлежитъ познаніе только неизмѣреннаго времени, стало быть самое общее представленіе времени; разъ же время приметъ болѣе опредѣленныя формы,—для познанія такихъ болѣе опредѣленныхъ временныхъ формъ потребуется, говоритъ Kampe, по мнѣнію Аристотеля, участіе и разума. Такое объясненіе дѣйствительно, какъ мнѣ кажется, можетъ имѣть значеніе, ибо при немъ дѣйствительно не будетъ никакого особеннаго противорѣчія. Затѣмъ, настоящія же фразы разъясняетъ еще J. Freudenthal (въ цитированной выше статьѣ Zur Krit. und Exegese von Arist. parva naturalia. Rhein. Mus. für Phil. XXIV, стр. 396—397,—эти разъясненія Freudenthal'я приводитъ и до нѣкоторой степени полемизируетъ съ ними тотъ же Kampe въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, стр. 105 прим. 2) и J. Ziaja (въ своей статьѣ о памяти по Аристотелю въ Jahresbericht über das Königliche katholische Gymnasium zu Leobschütz. 1879. Progr. стр. 8—9).

образовъ. Въ этихъ приведенныхъ подлинныхъ фразахъ Аристотель очень точно указываетъ, что и движеніе, и величина, и время—стало быть вообще наши общія чувственныя свойства познаются первоначальною чувственною способностью,— и остается вопросомъ только, что́ это за первоначальная чувственная способность. По связи второй фразы съ первою очевидно, что эта первоначальная чувственная способность есть тоже, что и общая чувственная способность. Общая же чувственная способность, какъ было видно изъ предыдущаго мѣста, есть ничто иное какъ тоже конечное единство всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ, какъ тотъ-же общій фонъ всѣхъ ихъ, — и отсюда-то настоящія фразы, настоящее мѣсто изъ трактата Аристотеля «о памяти и воспоминаніи» черезъ предыдущее, черезъ мѣсто изъ трактата «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», дѣйствительно и сближаетъ этотъ первый фактъ, это познаніе общихъ чувственныхъ свойствъ съ указаннымъ вторымъ пунктомъ. И этотъ первый фактъ, и это познаніе общихъ чувственныхъ свойствъ, какъ оказывается теперь, дѣйствительно обусловливается тѣмъ-же самымъ единствомъ.

Итакъ, въ настоящее время мы окончательно сопоставили два указанные выше пункта въ настоящемъ ученіи Аристотеля, пункта, связь которыхъ послѣ разсмотрѣнія мѣстъ только изъ De anima оставалось неясною; въ настоящее время мы дѣйствительно, съ весьма большою достовѣрностью можемъ уяснить себѣ, почему́ Аристотель, когда толкуетъ объ этихъ новыхъ, замѣченныхъ имъ, въ области чувственнаго познанія фактахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ тоже самое время можетъ развивать и вышеуказанное ученіе о единствѣ всѣхъ отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ. Теперь, чтобы, такъ сказать, окончательно дорисовать всю эту картину настоящаго ученія, ка́къ эта картина представлялась самому Аристотелю, приведемъ еще одно мѣсто изъ болѣе мелкаго психологическаго сочиненія Аристотеля, приведемъ одно мѣсто изъ указанной выше 7-ой главы трактата Аристотеля «о чувственной способности и чувственныхъ предметахъ». Собственно, какъ мы и говорили ранѣе, вначалѣ настоящаго 3-го отдѣла нашей настоящей I-ой главы, при разсмотрѣніи того ученія Аристотеля, которое мы излагаемъ теперь, можно было бы имѣть въ виду

а всю вообще 7-ую главу этого болѣе мелкаго психологическаго трактата Аристотеля; но, чтобы не затягивать и безъ того растянувшагося нашего изложенія, этого мы не сдѣлаемъ. Тѣмъ не менѣе есть одно мѣсто въ этой 7-ой главѣ этого трактата, которое, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, такъ сказать, бросаетъ окончательный свѣтъ на все настоящее ученіе Аристотеля,—это-то мѣсто мы и приведемъ еще. Послѣ того какъ вначалѣ 7-ой главы указаннаго трактата Аристотель поставилъ вопросъ о томъ, какимъ именно образомъ совершается процессъ чувственнаго познанія нѣсколькихъ чувственныхъ впечатлѣній вмѣстѣ и одновременно, и послѣ того, какъ впродолженіе всей этой 7-ой главы онъ старался показать, какія трудности связаны съ разрѣшеніемъ этого вопроса, какъ дѣйствительно трудно вполнѣ точно и вполнѣ опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ, въ концѣ главы онъ повидимому находитъ разрѣшеніе и тутъ онъ говоритъ слѣдующее. «Такимъ образомъ» (т. е. взвѣсивъ всѣ обстоятельства, находящіяся въ связи съ разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса), говоритъ Аристотель въ данномъ мѣстѣ, «необходимо, чтобы въ душѣ было нѣчто единое, чѣмъ именно она и ощущаетъ все, какъ это было сказано и ранѣе» (очевидно въ уже знакомыхъ намъ мѣстахъ изъ De anima); «какой-же либо частный родъ чувственнаго познанія душа получаетъ и черезъ частный чувственный органъ» (черезъ частное отдѣльное чувство). «И нельзя-ли отсюда», спрашиваетъ Аристотель далѣе, «понять это утвержденіе такъ, что поскольку тутъ въ дѣйствительности замѣшано единство» (недѣлимость), «постольку способность, чувствующая сладкое и бѣлое, есть нѣчто единое» (недѣлимое),—«когда же и ощущаемое» (чувствуемое) «въ дѣйствительности является дѣлимымъ—и чувствующая способность есть нѣчто различное? —вѣдь какъ дѣло обстоитъ по отношенію къ самымъ вещамъ, которыя чувствуются» (по отношенію къ самымъ объектамъ чувственнаго познанія), «такъ-же оно должно обстоять и по отношенію къ» (чувствующей) «душѣ». Т. е. Аристотель здѣсь, какъ и въ разсмотрѣнномъ нами ранѣе мѣстѣ изъ 7-ой главы III-ей книги De anima, для объясненія конечнаго единства всѣхъ чувствъ и для объясненія отношенія этого единства къ отдѣльнымъ внѣшнимъ чувствамъ опять таки (хотя нѣсколько иначе) дѣлаетъ нѣкоторую ссылку на самые внѣшніе, чувственно по-

знаваемые предметы, на то, какими являются эти внѣшніе предметы вообще съ точки зрѣнія ихъ чувственнаго познанія. Какими же являются эти внѣшніе предметы съ этой точки зрѣнія? «Бѣлое и сладкое», говоритъ Аристотель далѣе, «по числу» (по понятію, по идеѣ) «бываютъ тѣмъ-же и единымъ» (качества бѣлаго и сладкаго вполнѣ могутъ принадлежать какой-либо одной вещи—это нисколько не разрушитъ понятія единства этой одной вещи), «и совершенно также и многія другія качества, если только качества эти не являются уже совершенно отдѣльными другъ отъ друга» (если только самымъ своимъ существованіемъ въ какой-либо вещи они не исключаютъ другъ друга),—«но по способу своего существованія» (въ конкретномъ своемъ обнаруженіи) «каждое изъ этихъ качествъ будетъ нѣчто отличное отъ каждаго другого. Отсюда», противопоставляетъ Аристотель, «совершенно также слѣдуетъ установить и относительно» (чувствующей) «души—по числу способность чувствующая все» (всѣ чувственныя качества) «есть одно и тоже и единое, по способу же своего существованія она есть нѣчто совершенно отличное, отличное какъ по роду ощущаемыхъ качествъ» (въ томъ смыслѣ, что конкретно она можетъ ощущать разнородныя ощущаемыя качества), «такъ и по виду этихъ качествъ» (по тому, что одна и таже чувствующая способность можетъ ощущать различные, прямо противоположные виды какого-либо одного рода чувственныхъ качествъ: одна и таже чувствующая способность одинъ разъ можетъ ощущать бѣлое—одинъ видъ вообще зрительнаго рода чувственныхъ качествъ, другой-же разъ черное—другой и прямо противоположный предыдущему видъ того-же рода. Замѣтимъ кстати, что это послѣднее положеніе Аристотеля не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его сопоставленію чувствующей способности съ внѣшними чувственно познаваемыми предметами, ибо именно внѣшніе чувственно познаваемые предметы, разъ въ нихъ существовали бы такіе различные, прямо противоположные виды какого-либо рода чувственныхъ качествъ, конечно уже не могли бы считаться едиными. Такимъ образомъ въ этомъ сопоставленіи есть нѣкоторая невыдержанность у Аристотеля; хотя слѣдуетъ прибавить, что это невыдержанность нисколько не мѣшаетъ общей ясности того, что хотѣлъ тутъ сказать Аристотель,—общія мысли Аристотеля во всемъ настоящемъ мѣстѣ остаются

конечно совершенно ясными). «Такъ что», заключаетъ Аристотель все настоящее мѣсто, «чувственное познаніе какъ-бы совершается въ одно и тоже время одною и тою-же и единою чувственною способностью, но только не одно и тоже окончательное опредѣленіе» (окончательный видъ существованія) «этой одной и той-же способности» [1]). Вотъ это мѣсто изъ 7-ой главы трактата Аристотеля «о чувственной способности и чувственныхъ предметахъ». Я обратилъ на него особенное вниманіе потому, что, какъ мнѣ кажется, оно очень рельефно передаетъ окончательную сущность мыслей Аристотеля по вопросу объ отношеніи этого единства всѣхъ чувствъ, этой чувствующей души къ самимъ отдѣльнымъ чувствамъ. Какъ мы видимъ теперь, въ этомъ мѣстѣ собственно нѣтъ ни-

---

[1]) De sensu et sens. 7. 449 a. 8—20. *Ἀνάγκη ἄρα ἓν τι εἶναι τῆς ψυχῆς, ᾧ ἅπαντα αἰσθάνεται, καθάπερ εἴρηται πρότερον, ἄλλο δὲ γένος δι' ἄλλου. ἀρ' οὖν ἢ μὲν ἀδιαίρετόν ἐστι κατ' ἐνέργειαν, ἕν τί ἐστι τὸ αἰσθητικὸν γλυκέος καὶ λευκοῦ, ὅταν δὲ διαιρετὸν γένηται κατ' ἐνέργειαν, ἕτερον; ἢ ὥσπερ ἐπὶ τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐνδέχεται, οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς ψυχῆς. τὸ γὰρ αὐτὸ καὶ ἓν ἀριθμῷ λευκὸν καὶ γλυκύ ἐστι, καὶ ἄλλα πολλά, εἰ μὴ χωριστὰ τὰ πάθη ἀλλήλων, ἀλλὰ τὸ εἶναι ἕτερον ἑκάστῳ. ὁμοίως τοίνυν θετέον καὶ ἐπὶ τῆς ψυχῆς τὸ αὐτὸ καὶ ἓν εἶναι ἀριθμῷ τὸ αἰσθητικὸν πάντων, τῷ μέντοι εἶναι ἕτερον καὶ ἕτερον τῶν μὲν γένει τῶν δὲ εἴδει. ὥστε καὶ αἰσθάνοιτ' ἂν ἅμα τῷ αὐτῷ καὶ ἑνὶ, λόγῳ δ' οὐ τῷ αὐτῷ.* Особенное вниманіе настоящему мѣсту изъ всѣхъ вообще занимавшихся ученіемъ Аристотеля о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія посвящаютъ Schell и Neuhaeuser въ цитированныхъ выше сочиненіяхъ (см. у Schell'я въ Die Einh. des Seelenl. стр. 193—198 и у Neuhaeuser'a въ Arist. Lehre von dem Sinnl. Erkenntnissverm. стр. 47—51), причемъ и тотъ и другой ученые разсматриваютъ это мѣсто въ связи съ концомъ 2-ой главы и съ мѣстомъ изъ 7-ой главы III-ей книги De anima,—они, стало быть, смотрятъ на это мѣсто, не какъ на относящееся вообще ко всему указанному ученію, а главнымъ образомъ какъ на тѣ-же разсужденія Аристотеля объ одной изъ функцій такъ называемаго внутренняго чувства—о томъ-же различеніи чувствующимъ существомъ своихъ отдѣльныхъ ощущеній. Однако мнѣ кажется, что на это мѣсто слѣдуетъ смотрѣть шире. Конечно (особенно на первый взглядъ) нельзя не прійти къ заключенію, что тутъ Аристотель говоритъ только какъ будто о томъ-же различеніи, но обратимъ вниманіе на то, какъ тѣсно связано у Аристотеля это различеніе съ другими фактами—съ признаніемъ чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои и съ познаніемъ общихъ чувственныхъ свойствъ, обратимъ вниманіе, что по Аристотелю всѣ эти факты обу-

чего особенно новаго, никакой особенно новой точки зрѣнія, съ которой Аристотель разсматривалъ бы указанный вопросъ, но съ другой стороны эти тѣ-же мысли Аристотеля, пожалуй болѣе полно развитыя имъ ранѣе, здѣсь выражены въ очень точной и отчетливой формѣ. Но эти-то точность и отчетливость и являются весьма важными въ настоящемъ случаѣ: благодаря такой формѣ изложенія Аристотеля въ настоящемъ мѣстѣ настоящее мѣсто является отличнымъ заключеніемъ ко всему излагаемому нами частному ученію Аристотеля.

Таково это слѣдующее частное ученіе Аристотеля, также входящее въ область вообще ученія его о чувственномъ позна-

---

словливаются одною и тою-же причиною, однимъ и тѣмъ-же единствомъ всѣхъ чувствъ,—и мы согласимся, что хотя повидимому Аристотель говоритъ тутъ только о различеніи, но на самомъ дѣлѣ онъ могъ имѣть въ виду здѣсь и вообще все это единство. Разъ же стать на такую точку зрѣнія, разъ стать на ту точку зрѣнія, что здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду вообще это единство, вообще все свое, излагаемое въ настоящее время, ученіе, нельзя будетъ не признать особенныхъ точности и отчетливости въ изложеніи настоящаго мѣста,—качествъ, которыя я и отмѣтилъ выше, въ самомъ моемъ текстѣ. Всѣ эти соображенія и побудили меня придать настоящему мѣсту то значеніе, которое я придалъ ему въ моемъ текстѣ, въ частности они же дали мнѣ поводъ изложить настоящее мѣсто въ видѣ заключенія ко всему настоящему ученію. Это—относительно общаго смысла, общаго значенія всего этого мѣста. Что-же касается до отдѣльныхъ несовсѣмъ ясныхъ выраженій нашего мѣста, то тутъ остановлюсь на послѣднемъ выраженіи, на выраженіи *λόγῳ δ' οὐ τῷ αὐτῷ*. Schell переводитъ терминъ *λόγῳ* черезъ «понятіе»,—мнѣ же, когда я уже ранѣе включилъ смыслъ слова «понятіе» въ *ἀριθμῷ*, перевести такъ конечно было неудобно. Но какъ-же въ такомъ случаѣ слѣдовало перевести это *λόγῳ*, какъ можно было устроить такъ, чтобы переводъ этого слова не противорѣчилъ бы приведенному выше переводу и значенію слова *ἀριθμῷ*. Въ своемъ переводѣ настоящаго слова я воспользовался переводомъ Neuhaeuser'a. Neuhaeuser по отношенію къ переводу термина *λόγῳ* употребляетъ нѣмецкія выраженія — «Bestimmungen» и «Vermögen», — и именно первое изъ этихъ выраженій и дало мнѣ поводъ перевести наше слово такъ, какъ я перевелъ его въ текстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, *λόγος* конечно можетъ обозначать не только «понятіе», но и «опредѣленіе»,—и это-то послѣднее значеніе нашего слова, какъ мнѣ казалось и какъ я это старался показать въ моемъ текстѣ, и подходитъ наиболѣе удобно къ тому смыслу, который требуется въ настоящемъ случаѣ.

нiи, такого это ученiе Аристотеля, которое можно назвать ученiемъ «о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанiя». Такимъ образомъ теперь, a posteriori, послѣ самаго разсмотрѣнiя мѣстъ изъ сочиненiй Аристотеля, наиболѣе несомнѣнно трактующихъ объ этомъ ученiи, мы можемъ убѣдиться въ справедливости нашего предварительнаго замѣчанiя, можемъ убѣдиться въ справедливости того, что никоимъ образомъ, имѣя въ виду подлинные взгляды Аристотеля, не слѣдуетъ настаивать на какомъ-то особенномъ отдѣленiи этой внутренней способности отъ внѣшнихъ чувствъ, не слѣдуетъ особенно противопоставлять внѣшнимъ чувствамъ эту внутренную чувственную способность. Такъ называемая внутренняя способность у Аристотеля, какъ мы видимъ въ настоящее время, въ сущности есть тѣ-же внѣшнiя чувства, представляетъ простое продолженiе и, такъ сказать, концентрацiю тѣхъ-же отдѣльныхъ внѣшнихъ чувствъ,—и если уже стараться какъ-либо противопоставить эту внутреннюю чувственную способность внѣшнимъ чувствамъ, то слѣдуетъ признать, что это противопоставленiе вовсе не основывается на терминахъ «внѣшнiй» и «внутренiй». Пользуясь выраженiемъ того-же Siebeck'a, на котораго мы уже ссылались вначалѣ нашего настоящаго отдѣла, можно сказать, что противоположность обусловливается тутъ не противоположностью «внѣшняго» и «внутренняго», а противоположностью «единаго по числу» и «различнаго по способу существованiя» [1]). Вообще чувствующая способность (чувствующiй субъектъ) должна быть одна,— это доказывается существованiемъ такихъ фактовъ въ чувственномъ познанiи, которые не могли бы быть объяснены безъ этого единства; съ другой стороны конкретныя проявленiя, конкретные способы существованiя этой одной способности—самыя отдѣльныя внѣшнiя чувства различны: вотъ въ наиболѣе краткихъ словахъ вся сущность ученiя Аристотеля объ этой «собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанiя» и вотъ сущность ея отношенiя къ внѣшнимъ отдѣльнымъ чувствамъ. Но тутъ можетъ возник-

[1]) См. у Siebeck'a въ томъ-же мѣстѣ его книги (Siebeck. Gesch. der Psych. I, 2, примѣч. 16-ое въ концѣ кн. стр. 483).

нуть нѣкоторый вопросъ, можно спросить—откуда-же получилось такое противопоставленіе, чѣмъ обусловливалось такое отдѣленіе этихъ якобы двухъ чувствующихъ способностей? Мнѣ кажется, что это случилось слѣдующимъ образомъ. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, напр. въ сочиненіи «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», въ сочиненіяхъ «о частяхъ животныхъ» и «о происхожденіи животныхъ», особенно въ сочиненіи «о молодости и старости», и другихъ [1]), Аристотель очень часто высказываетъ положеніе, что сердце есть, такъ сказать, принципъ всѣхъ чувственныхъ познаній, какъ бы главное чувствилище, что всѣ отдѣльныя ощущенія, чувственныя познанія какъ-бы сходятся въ сердцѣ. Сердце есть несомнѣнно часть тѣла чувствующаго существа, подобно напр. глазу или уху,—отсюда на него также можно смотрѣть какъ на нѣкоторый органъ чувственнаго познанія; и такъ какъ, какъ мы уже знаемъ изъ всего предыдущаго отдѣла настоящей-же I-ой главы, на долю дѣятельности внѣшнихъ чувственныхъ органовъ Аристотелемъ было отнесено произведеніе собственно внѣшнихъ чувственныхъ познаній—ощущеній, то не оставалось ничего другого, какъ отнести на долю дѣятельности сердца какъ чувственнаго органа произведеніе разсмотрѣнныхъ нами въ настоящемъ отдѣлѣ чувственныхъ фактовъ, другими словами не оставалось ничего другого, какъ признать сердце по Аристотелю также особеннымъ чувственнымъ, только внутреннимъ, органомъ, и приписать исключительно дѣятельности этого внутренняго чувственнаго органа съ точки зрѣнія Аристотеля и познаніе вышеуказанныхъ общихъ чувственныхъ свойствъ, и признаніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній за свои, и наконецъ различеніе чувствующимъ существомъ отдѣльныхъ ощущеній. Такъ объяснялись всѣ эти указанныя мѣста, и такое объясненіе можетъ пожалуй показаться довольно правдоподобнымъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи принять такое объясненіе все-таки будетъ совершенно невозможно. Что, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ сказать Ари-

[1]) Ср. De somno et vigil. 2, 456 a. 3 и слѣд.; De part. anim. II, 1. 647 a. 24—31; 10. 656 a. 27—28; III, 4. 666 a. 11 и слѣд.; De gen. anim. II, 6. 743 b. 25—26; V, 2. 781 a. 20—23; De juvent. et senect. вся 3-я глава и т. д.

стотель всѣми этими положеніями, что хочетъ сказать онъ положеніемъ, что сердце есть принципъ всѣхъ чувственныхъ познаній? Какъ бы мы ни старались, мы, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, всетаки не выжмемъ изъ всѣхъ этихъ мѣстъ и изъ даннаго положенія ничего кромѣ того, что сердце есть, такъ сказать, необходимое условіе чувственныхъ познаній, что безъ сердца и безъ органическихъ продуктовъ, связанныхъ съ сердцемъ (безъ крови, безъ особаго теплаго вещества—*σύμφυτον θερμόν*, которое также по Аристотелю связано съ дѣятельностью сердца [1]), никакое чувствующее существо не можетъ быть собственно чувствующимъ, никакое живое существо не получитъ никакихъ чувственныхъ познаній. Но именно—никакихъ, оно не получитъ также и, такъ называемыхъ, внѣшнихъ чувственныхъ познаній, внѣшнихъ ощущеній,—какъ же можно въ такомъ случаѣ отдѣлять особеннымъ образомъ дѣятельность сердца вообще въ чувственномъ познаніи отъ дѣятельности собственно внѣшнихъ чувствъ, внѣшнихъ чувственныхъ органовъ, и основывать на этомъ отдѣленіи различеніе между двумя, какъ-бы совершенно особыми, чувственными способностями? Можно конечно съ весьма большою вѣроятностью предположить — хотя нужно помнить всетаки, что это будетъ только предположеніе, ибо нигдѣ Аристотель не говоритъ объ этомъ съ совершенною опредѣленностью—, что именно съ дѣятельностью сердца, такъ или иначе, связано, по Аристотелю, полученіе разсмотрѣнныхъ нами въ настоящемъ отдѣлѣ чувственныхъ фактовъ, такъ какъ именно сердце, по ученію Аристотеля, лежитъ за всѣми отдѣльными чувственными органами, и стало быть именно сердцу всего скорѣе, съ точки зрѣнія Аристотеля, свойственно требующееся въ настоящемъ случаѣ единство,—но эта дѣятельность сердца вовсе не будетъ какою-либо специфически отличною отъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, это будетъ одно и тоже чувственное познаніе. Такимъ-то образомъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи

[1]) Объ этомъ тепломъ веществѣ—*σύμφυτον θερμόν* или *σύμφυτον πνεῦμα* и о связи его съ сердцемъ см. у Аристотеля особенно въ сочиненіи De vita et morte, всю 4-ую главу; ср. также разсужденія Дембовскаго по этому поводу въ его диссертаціи, стр. 49—66.

всѣхъ этихъ мѣстъ, нельзя будетъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, не прійти къ заключенію, что и эти мѣста вовсе не даютъ основаній для какого-то особаго отдѣленія сердца, какъ чувствующаго органа, отъ внѣшнихъ чувственныхъ органовъ,—и такое заключеніе, по вышеуказанному, окончательно подрываетъ справедливость настоящаго противоположенія, настоящаго отдѣленія. И эти мѣста, казалось бы, долженствовавшія дать совершенно противоположный выводъ, на самомъ дѣлѣ въ концѣ концовъ подтверждаютъ тоже, приведенное выше, положеніе: центральная способность чувственнаго познанія у Аристотеля также остается направленною на тоже чувственное познаніе, на какое направлены и отдѣльныя внѣшнія чувства, и все отличіе этой центральной, такъ называемой, внутренней способности отъ внѣшнихъ чувствъ заключается только въ томъ, что въ ней эти внѣшнія чувства, по мнѣнію Аристотеля, являются какъ-бы слитыми, соединенными, едиными.

Теперь, послѣ изложенія всего настоящаго ученія [1]), мы можемъ высказать наше окончательное сужденіе объ ученіи

---

[1]) Соотвѣтственно замѣчанію, сдѣланному мною послѣ изложенія 1-го отдѣла настоящей главы, послѣ изложенія общаго опредѣленія Аристотелемъ чувственнаго познанія, укажу, что и при изложеніи двухъ послѣднихъ отдѣловъ, при изложеніи ученія Аристотеля объ отдѣльныхъ видахъ чувственнаго познанія—объ ощущеніяхъ и ученія Аристотеля «о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія», у меня была та-же самая общая цѣль, тоже самое общее желаніе: и тутъ я точно также старался изложить подлинныя мысли Аристотеля, касающіяся этихъ ученій, въ возможно ясной, систематичной и послѣдовательной формѣ. Такимъ образомъ, если бы возникъ вопросъ объ отношеніи написаннаго мною въ настоящее время въ этихъ послѣднихъ отдѣлахъ ко всему написанному по тому-же поводу другими, — и здѣсь это отношеніе опредѣляется тою-же самою этою цѣлью, тѣмъ-же самымъ этимъ желаніемъ. Но есть и еще обстоятельство, нѣсколько ближе опредѣляющее мое изложеніе въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ. Обыкновенно названныя ученія Аристотеля скорѣе излагаютъ общимъ образомъ, при изложеніи этихъ ученій не имѣютъ въ виду оттѣнить, уяснить какіе-либо спеціальные взгляды Аристотеля,— я же именно старался о такомъ уясненіи, оба эти ученія я старался представить постольку, поскольку ими выясняется собственно взглядъ Аристотеля на участіе опыта при чувственномъ познаніи. Но при такихъ условіяхъ естественно пришлось уклониться отъ принятого въ большинствѣ случаевъ порядка изложенія настоящихъ ученій: пришлось болѣе

Аристотеля о роли, объ участіи опыта при чувственномъ познаніи. Что́ же, восполнилъ-ли Аристотель въ настоящемъ частномъ ученіи тотъ пробѣлъ, который, какъ мы видѣли, оставался у него послѣ предыдущаго частнаго ученія, послѣ ученія собственно объ ощущеніяхъ, уничтожилъ-ли онъ неясности, недоумѣнія, остававшіяся тамъ, поставилъ-ли въ болѣе ясную связь чувствующую душу съ чувствующимъ тѣломъ? Мнѣ кажется, что на всѣ эти вопросы и послѣ изложенія настоящаго ученія придется отвѣтить только отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно охарактеризовать настоящее ученіе? Несомнѣнно, что вообще, съ общей точки зрѣнія, его можно охарактеризовать какъ субъективное, какъ относящееся къ субъекту,—но въ самомъ субъектѣ имѣетъ-ли оно дѣло и съ тѣломъ чувствующаго существа, или только съ душею его? Если бы вѣрно было только что приведенное мнѣніе, если бы вѣрно было, что, по мнѣнію Аристотеля, полученіе всѣхъ разсмотрѣнныхъ въ настоящемъ ученіи чувственныхъ фактовъ можно было приписать дѣятельности особаго тѣлеснаго органа —сердца, и если бы далѣе Аристотель поставилъ въ связь такую дѣятельность сердца съ дѣятельностью отдѣльныхъ чувственныхъ органовъ, обратилъ бы вниманіе на то, ка́къ связаны между собою эти дѣятельности отдѣльныхъ внѣшнихъ чувственныхъ органовъ и дѣятельность сердца, ка́къ доходятъ до сердца эти грубыя матеріальныя движенія, происходящія собственно во внѣшнихъ чувственныхъ органахъ, и произво-

---

останавливаться на однихъ сторонахъ, и проходить сравнительно менѣе подробно другія стороны,—однимъ словомъ, пришлось именно излагать настоящія ученія не совсѣмъ такъ, какъ они излагаются обыкновенно. Однако, какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ и здѣсь, и въ изложеніи этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ, я конечно далекъ отъ мысли видѣть въ написанномъ мною что-либо болѣе простого отраженія написаннаго другими, предшествующими изслѣдователями (въ болѣе ясныхъ случаяхъ и здѣсь я вездѣ старался выставить эту мою зависимость). И то замѣчаніе, замѣчаніе послѣ 1-го отдѣла, я закончилъ указаніемъ на невозможность самаго появленія моего изложенія въ томъ видѣ, какой оно приняло, безъ написаннаго ранѣе по тому-же предмету,—тоже самое повторю и въ настоящее время: и мое изложеніе въ этихъ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ настоящей I-ой главы конечно вполнѣ обязано тому, что, такъ или иначе, было написано ранѣе по тому-же поводу.

дятъ тамъ разсмотрѣнные указанные факты,—въ такомъ случаѣ можно было бы сказать относительно настоящаго ученія, что оно имѣетъ въ виду и тѣло чувствующаго субъекта; такъ-же, какъ обстоитъ все это дѣло въ настоящее время у Аристотеля, очевидно, что все это ученіе относится только къ душѣ. Положимъ, что, когда Аристотель говоритъ о сердцѣ, какъ о принципѣ чувственныхъ познаній, онъ очень часто какъ будто указываетъ и на нѣкоторую связь между сердцемъ и внѣшними чувственными органами, онъ говоритъ напр. о *πόροι*, о нѣкоторыхъ проходахъ, которые идутъ отъ внѣшнихъ чувственныхъ органовъ и, такъ или иначе, оканчиваются въ сердцѣ [1]),—но вѣдь все это не съ точки зрѣнія совершенно ясно поставленнаго положенія о передачѣ отдѣльныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній сердцу. Сердце, какъ мы видѣли, какимъ-то образомъ принимаетъ участіе и въ полученіи чувствующимъ существомъ собственно отдѣльныхъ внѣшнихъ ощущеній, по всей вѣроятности поэтому Аристотель и говоритъ объ этой связи,—но это вовсе не значитъ, чтобы въ ученіи объ этой связи у Аристотеля заключались-бы какія-либо опредѣленныя указанія на участіе сердца, собственно какъ тѣлеснаго чувственнаго органа, въ чувственномъ познаніи. Съ другой стороны, такъ сказать, субъективность настоящаго ученія въ томъ смыслѣ, что оно относится только къ чувствующей душѣ, доказывается еще и всѣмъ нашимъ предыдущимъ отдѣломъ, всѣмъ ученіемъ Аристотеля о процессѣ образованія отдѣльныхъ ощущеній. Уже образованіе отдѣльныхъ внѣшнихъ ощущеній оканчивалось участіемъ души, — отсюда все, что лежитъ за отдѣльными внѣшними ощущеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ также входитъ въ область чувственнаго познанія— особенно если при этомъ нѣтъ никакихъ, сколько-нибудь опредѣленныхъ, указаній на тѣлесный коррелятъ — конечно также должно быть отнесено собственно къ душѣ. Итакъ, не будетъ кажется особенною натяжкою, если мы придемъ къ за-

[1]) Ср., напр., что говоритъ Аристотель въ продолженіи нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше мѣстъ изъ сочиненій «о частяхъ животныхъ» и «о происхожденіи животныхъ», а отчасти и въ самыхъ этихъ мѣстахъ (De part. anim. II, 6. особенно 656 b. 16 и слѣд.; De gen. anim. II, 6. 743 b. 35 и слѣд., и все вообще начало 2-ой главы V-ой книги того-же сочиненія)

ключенію, что все настоящее ученіе по преимуществу имѣетъ въ виду чувствующую душу. Но это-то заключеніе и будетъ рѣшающимъ въ отвѣтахъ на предложенные выше вопросы, оно-то и заставитъ насъ отвѣтить на эти вопросы отрицательно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ Аристотель въ настоящемъ частномъ ученіи уничтожить остававшіяся у него неясности, какъ могъ онъ поставить въ болѣе ясную связь чувствующую душу съ чувствующимъ тѣломъ, когда собственно о чувствующимъ тѣлѣ онъ и не говоритъ здѣсь?—очевидно, что о всѣхъ такихъ исправленіяхъ здѣсь не могло быть и рѣчи. Но если въ настоящемъ ученіи не можетъ быть и рѣчи о всѣхъ такихъ исправленіяхъ, то, на основаніи того, что мы говорили въ концѣ предыдущаго отдѣла, придется — теперь уже окончательно и положительно—охарактеризовать все ученіе Аристотеля о роли, объ участіи опыта при чувственномъ познаніи, какъ это участіе выражается, по мнѣнію Аристотеля, на практикѣ, въ частностяхъ, какъ неудовлетворительное, какъ оставляющее послѣ себя много сомнѣній и недоумѣній. Именно настоящее ученіе еще могло удержать насъ отъ такой окончательной характеристики, — если же, какъ выходитъ теперь, и оно оказывается безсильнымъ въ этомъ отношеніи, то не остается ничего иного, какъ вполнѣ принять ту характеристику. Аристотель въ своемъ общемъ ученіи о чувственномъ познаніи, въ своемъ общемъ опредѣленіи чувственнаго познанія, безъ сомнѣнія, представилъ замѣчательную теорію, высказалъ много замѣчательныхъ мыслей, мыслей, въ силу которыхъ онъ, казалось, совершенно правильно и опредѣленно смотритъ на участіе опыта при чувственномъ познаніи,—и между тѣмъ на практикѣ, въ частностяхъ, тамъ, гдѣ ему пришлось проводить эту общую теорію на самомъ дѣлѣ, этой опредѣленности не замѣчается. Дѣло здѣсь не въ томъ, чтобы разъяснить, какъ самые, такъ сказать, опытные предметы переходятъ въ чувственное познаніе, не въ томъ, чтобы все, такъ сказать, безъ остатка чувственное познаніе свести только къ дѣйствію опытныхъ же предметовъ—это конечно не въ состояніи сдѣлать и современная психологія, ибо это вообще невозможно, да это противорѣчило бы и общимъ взглядамъ Аристотеля, выраженнымъ имъ въ общемъ опредѣленіи чувственнаго познанія—, но дѣло въ томъ, чтобы установить

всеже нѣкоторое общее отношеніе собственно опыта къ психологическому факту познанія, въ данномъ случаѣ къ факту чувственнаго познанія, а этой-то общности у Аристотеля, какъ это видно изъ его частныхъ, практическихъ ученій о чувственномъ познаніи, какъ разъ и нѣтъ. При общемъ опредѣленіи, при общемъ ученіи о чувственномъ познаніи достаточно было сказать, что душа при чувственномъ познаніи тотчасъ-же и одновременно реагируетъ на грубыя матеріальныя, тѣлесныя движенія, видоизмѣненія, но въ частныхъ ученіяхъ нужно было развить это положеніе о реакціи болѣе подробно, болѣе обстоятельно,—между тѣмъ въ этихъ частныхъ ученіяхъ у Аристотеля не только нѣтъ такой обстоятельности и подробности, но и самыя точки зрѣнія, съ которыхъ онъ смотритъ на эти матеріальныя, тѣлесныя движенія, видоизмѣненія, и на собственно психическую, познавательную дѣятельность, совершенно различны. Невольно въ концѣ концовъ приходятъ въ голову вопросы: дѣйствительно-ли по Аристотелю на долю опыта выпадаетъ такое существенное участіе при чувственномъ познаніи, дѣйствительно-ли при чувственномъ познаніи роль опыта является совершенно равноправною другому элементу—собственно субъекту, тому, что самъ Аристотель называетъ чувствующею душею? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ намъ дастъ наше послѣдующее изложеніе.

ГЛАВА II.

Познаніе, являющееся результатомъ дѣятельности способности φαντασία, по ученію Аристотеля [1]).

Въ томъ-же самомъ мѣстѣ своихъ сочиненій, съ разсмотренія нѣкоторыхъ фразъ котораго мы начали нашу предшествующую, I-ую главу, въ той-же самой 19-ой главѣ 2-ой книги Второй Аналитики, гдѣ, какъ мы видѣли, Аристотелемъ подвергнуто изслѣдованію вообще происхожденіе нашего знанія, Аристотель, установивъ, что основаніе всѣхъ видовъ, всѣхъ порядковъ знанія составляютъ чувственныя знанія, что знанія вообще ведутъ свое начало отъ чувственныхъ знаній, продолжаетъ:—«При такомъ же необходимомъ существованіи чувственнаго познанія у всѣхъ животныхъ, у однихъ животныхъ существуетъ нѣкоторая остановка, нѣкоторая задержка чувственно познаваемаго, — у другихъ же такой задержки не существуетъ. У тѣхъ-же, у которыхъ не существуетъ этой задержки, — или вообще, или относительно тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ не существуетъ

---

[1]) Относительно сочиненій, которыми пришлось пользоваться при составленіи этой, II-ой главы, прежде всего укажу на тѣ-же, уже приведенныя выше, вначалѣ I-ой главы, сочиненія: почти всѣ тѣ сочиненія (за весьма немногими исключеніями, вродѣ напр. сочиненія Gratacap'a), такъ или иначе, имѣютъ отношеніе и къ настоящей, разбираемой нами, темѣ, — отсюда, при общемъ указаніи пособій къ настоящей, II-ой главѣ, мнѣ прежде всего приходится сослаться на тѣ-же сочиненія. Затѣмъ, въ дополненіе къ тѣмъ сочиненіямъ, приведу еще: *J. Frohschammer.* «Über die Principien der Aristotelischen Philosophie und die Bedeutung der Phantasie in derselben». München. 1881; и *J. Freudenthal.* «Ueber den Begriff des Wortes *φαντασία* bei Aristoteles». Göttingen. 1863 (съ послѣднею брошюрою мы уже знакомы, ибо намъ приходилось ссылаться

такой задержки, не бываетъ и никакихъ познаній помимо собственныхъ чувственныхъ познаній, помимо ощущеній: тѣмъ-же животнымъ, у которыхъ существуетъ такая задержка, возможно—когда они вообще чувственно познаютъ, ощущаютъ, имѣть и еще нѣчто въ душѣ» (имѣть еще нѣкоторыя познанія). «Когда же образуется много такихъ остановокъ, задержекъ, тогда образуется уже нѣкоторая» (очевидно болѣе существенная) «разница» (между животными): «такъ, у нѣкоторыхъ животныхъ бываетъ понятіе при помощи остановки всѣхъ такихъ собственныхъ чувственныхъ познаній, ощущеній,—у другихъ же не бываетъ» [1]). Такъ продолжаетъ Ари-

---

на нее еще въ 1-омъ отдѣлѣ предыдущей, I-ой главы). Особенное значеніе для настоящаго ученія, для ученія Аристотеля о *φαντασία*, имѣетъ, какъ кажется, послѣдняя брошюра, брошюра Freudenthal'я. По крайней мѣрѣ, почти всѣ, писавшіе о *φαντασία* по Аристотелю послѣ Freudenthal'я, обыкновенно или прямо примыкаютъ къ взглядамъ, выраженнымъ въ этой брошюрѣ, или же считаютъ нужнымъ считаться съ этими взглядами,—это конечно показываетъ, что брошюра эта, несмотря на свой небольшой объемъ и несмотря на то, что написана она сравнительно давно, и до сихъ поръ всетаки должна считаться имѣющею весьма существенное значеніе по настоящему вопросу.

[1]) Anal. post. II, 19. 99 b.—100 a. 3. *ξενούσης δ' αἰσθήσεως τοῖς μὲν τῶν ζῴων ἐγγίνεται μονὴ τοῦ αἰσθήματος, τοῖς δ' οὐκ ἐγγίνεται. ὅσοις μὲν οὖν μὴ ἐγγίνεται, ἢ ὅλως ἢ περὶ ἃ μὴ ἐγγίνεται, οὐκ ἔστι τούτοις γνῶσις ἔξω τοῦ αἰσθάνεσθαι· ἐν οἷς δ', ἔνεστιν αἰσθανομένοις ἔχειν ἔτι ἐν τῇ ψυχῇ. πολλῶν δὲ τοιούτων γινομένων ἤδη διαφορά τις γίνεται, ὥστε τοῖς μὲν γίνεσθαι λόγον ἐκ τῆς τῶν τοιούτων μονῆς, τοῖς δὲ μή.* Совершенно непреодолимыя трудности, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, представляетъ для своего перевода и пониманія фраза *ἐν οἷς δ', ἔνεστιν αἰσθανομένοις ἔχειν ἔτι ἐν τῇ ψυχῇ*,—какъ, въ самомъ дѣлѣ, оставаясь при настоящемъ, Bekker'овскомъ текстѣ, передать и объяснить эту фразу такъ, чтобы не было, такъ сказать, никакого насилія греческому тексту? Trendelenburg въ своихъ Elementa logices Aristoteleae (см. въ указанномъ сочиненіи—7-ое изданіе, стр. 162) совершенно отказался отъ такой передачи и объясненія, опираясь до нѣкоторой степени на авторитетъ одной рукописи, онъ считаетъ возможнымъ и даже необходимымъ вставить частицу *μή* послѣ слова *ἔνεστιν*, — и слѣдуетъ признать, что такая вставка кажется въ высшей степени заманчивой. Однако и въ настоящемъ случаѣ я нашелъ возможнымъ остаться вѣрнымъ своему общему принципу, и въ настоящемъ случаѣ я нашелъ возможнымъ остаться вѣрнымъ тому принципу, что по возможности слѣдуетъ держаться Bekker'а;

стотель свое изслѣдованіе вообще происхожденія знанія. Что же это за остановка, что это за задержка собственно чувственно познаваемаго?—очевидно, что Аристотель имѣетъ тутъ въ виду совершенно особый психическій фактъ, фактъ, весьма близко примыкающій, правда, къ собственному чувственному познанію, ощущенію, но до нѣкоторой степени и отличающійся отъ простого чувственнаго познанія, до нѣкоторой степени относящійся уже къ разумному познанію, или, лучше сказать, нѣкоторымъ образомъ подготовляющій дорогу къ пониманію процесса разумнаго познанія. Если мы припомнимъ нѣкоторыя изъ встрѣчавшихся уже намъ выраженій Аристотеля, напр. выраженіе изъ 7-ой главы III-ей книги De anima—«что душа никогда не мыслитъ, не разсуждаетъ безъ образовъ», если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что въ непосредственно слѣдующей за уже разобранными нами въ настоящее время главами изъ того-же главнаго психологическаго своего сочиненія, именно въ 3-ей главѣ III-ей книги, главѣ, и представляющей собою переходъ отъ ученія Аристотеля о собственно чувственномъ познаніи къ ученію о познаніи разумномъ, Аристотель подвергаетъ спеціальному разсмотрѣнію дѣятельность, такъ называемой имъ, способности *φαντασία* и знаніе, являющееся результатомъ дѣятельности этой способности, то мы поймемъ, о какомъ психическомъ фактѣ тутъ идетъ рѣчь. Это—очевидно то, что самъ Аристо-

---

и помогли мнѣ указанія Waitz'a. Именно Waitz замѣчаніями въ своемъ изданіи Organon'a Аристотеля (т. II. стр. 429—430) навелъ меня на мысль, что въ настоящей фразѣ слово *αἰσθανομένοις* можно дополнить словомъ *νῦν*, причемъ далѣе можно имѣть въ виду и соотвѣтствующее *ὕστερον*,—разъ же такая мысль возникла, уже можно было перевести настоящую фразу, оставаясь и при Bekker'овскомъ текстѣ. Укажу еще, что эту-же фразу исправляетъ Ueberweg въ своей логикѣ—онъ вмѣсто *αἰσθανομένοις* читаетъ *αἰσθομένοις* (F. Ueberweg. System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. 5-te Auflage bearb. u. herausg. von J. Bona Meyer. Bonn. 1882. стр. 139), но, какъ замѣчаетъ и Trendelenburg, это исправленіе едва-ли можетъ считаться особенно удачнымъ. Главнымъ образомъ его трудно было бы принять потому, что оно, какъ кажется, совершенно не сходится съ существующими разночтеніями въ различныхъ рукописяхъ,—съ другой стороны, едва-ли имъ достигается и какое-либо особенное улучшеніе въ смыслѣ сравнительно съ чтеніемъ *αἰσθανομένοις*.

тель называетъ *φαντάσματα*, и что мы въ настоящее время назвали бы образами, представленіями — бо́льшія или ме́ньшія обобщенія простыхъ чувственныхъ познаній, ощущеній, психическіе факты, благодаря такой своей обобщенности являющіеся, и по мнѣнію Аристотеля, необходимыми дѣятелями при собственно разумномъ познаніи, при образованіи понятій. Такимъ образомъ, послѣ того какъ мы теперь разсмотрѣли сущность и образованіе собственно простыхъ чувственныхъ познаній, ощущеній, намъ совершенно естественно остановить наше вниманіе и на этой промежуточной ступени, — именно разсмотрѣніе ученія Аристотеля объ этихъ *φαντάσματα*, образахъ или представленіяхъ, объ этихъ знаніяхъ, являющихся результатомъ дѣятельности способности *φαντασία*, съ одной стороны какъ-бы окончательно закончитъ наше разсмотрѣніе ученія Аристотеля вообще о чувственномъ познаніи, съ другой-же стороны и вполнѣ подготовитъ насъ къ пониманію природы образованія разумныхъ познаній по Аристотелю, однимъ словомъ, оно внесетъ вообще въ познавательныя ученія Аристотеля необходимую стройность и послѣдовательность.

Остановимся прежде всего на сравнительно подробномъ и сравнительно обстоятельномъ анализѣ названной главы сочиненія De anima. Уже во всей предыдущей нашей главѣ мы имѣли случай не разъ убѣждаться, насколько въ этомъ главномъ своемъ психологическомъ сочиненіи Аристотель—особенно когда онъ собирается говорить о какомъ-нибудь психологическомъ вопросѣ болѣе спеціально—умѣетъ выставить свои наиболѣе существенные и наиболѣе важные взгляды на данный вопросъ,—отсюда вполнѣ можно ожидать, что тоже самое будетъ по отношенію къ настоящему вопросу и въ 3-ей главѣ III-ей книги этого-же сочиненія. Именно въ этой 3-ей главѣ Аристотель спеціально разсматриваетъ дѣятельность способности *φαντασία* и знанія, являющіяся результатами этой дѣятельности,—стало быть, именно въ этой главѣ мы и найдемъ, такъ сказать, общую и наиболѣе существенную схему взглядовъ Аристотеля на эту дѣятельность и на эти знанія. Затѣмъ, когда эта схема будетъ такимъ образомъ установлена, намъ нужно будетъ сдѣлать и нѣкоторыя добавленія. При нашей спеціальной темѣ, при той задачѣ, которую мы вообще преслѣдуемъ во всемъ настоящемъ сочиненіи, намъ и

въ настоящемъ случаѣ невозможно будетъ удовольствоваться разсмотрѣніемъ только указанной главы: придется обратить вниманіе и еще на мѣста изъ сочиненій Аристотеля, — главнымъ образомъ это будутъ мѣста изъ болѣе мелкихъ психологическихъ трактатовъ Аристотеля, изъ трактата «о памяти и воспоминаніи» и изъ трактата «о сновидѣніяхъ». Но все это уже позднѣе: прежде же всего существенное значеніе для насъ будетъ имѣть разборъ и анализъ названной 3-ей главы III-ей книги De anima.

Аристотель начинаетъ эту главу слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ душу главнымъ образомъ опредѣляютъ» (очевидно опредѣляютъ другіе, болѣе ранніе, нежели Аристотель, изслѣдователи) «двумя различіями» (двумя существенными признаками) «—съ одной стороны движеніемъ въ томъ, что касается мѣста» (произвольнымъ движеніемъ), «съ другой-же стороны мышленіемъ, сужденіемъ» (различеніемъ), «ощущеніемъ» (чувственнымъ познаніемъ), «то» (имѣя въ виду этотъ второй признакъ) «мышленіе и разсужденіе» (вообще разумная дѣятельность) «кажутся какъ-бы чѣмъ-то вродѣ чувственнаго познанія» (нѣкоторымъ видомъ чувственнаго познанія): «вѣдь въ самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ Аристотель какъ-бы въ оправданіе этого мнѣнія, «въ обоихъ этихъ познавательныхъ состояніяхъ душа различаетъ и познаетъ нѣчто изъ существующаго» (вообще существующія вещи), «и такимъ-то образомъ древніе мыслители и утверждаютъ, что разсужденіе и ощущеніе есть одно и тоже»,—и далѣе Аристотель приводитъ въ доказательство такого отождествленія подлинныя фразы нѣкоторыхъ изъ этихъ древнихъ мыслителей, кажущіяся ему наиболѣе подходящими въ настоящемъ случаѣ, именно онъ приводитъ подлинныя фразы Эмпедокла и Гомера. «Всѣ такіе мыслители», какъ-бы формулируетъ болѣе точно свою настоящую мысль, настоящее отождествленіе этихъ болѣе раннихъ изслѣдователей, Аристотель далѣе, «считаютъ мышленіе чѣмъ-то тѣлеснымъ» (чѣмъ-то связаннымъ съ тѣломъ), «совершенно какъ ощущеніе» (чувственное познаніе), «—и думаютъ, что, какъ въ ощущеніи, такъ и въ разсужденіи, подобное познается подобнымъ, какъ это мы установили и въ началѣ настоящаго изслѣдованія». Т. е. Аристотель хочетъ сказать здѣсь, что если опредѣлять дѣятельность души только двумя признаками—про-

извольнымъ движеніемъ и познаніемъ вообще, то въ такомъ случаѣ очень легко будетъ прійти къ слишкомъ широкому обобщенію познанія, очень легко будетъ не замѣтить весьма существенныхъ частныхъ различій въ познаніи, различій между собственно мышленіемъ, разсужденіемъ, и ощущеніемъ. Такъ именно, указываетъ Аристотель далѣе, дѣйствительно и случилось: существуютъ мыслители, которые дѣйствительно не различаютъ между собственно мышленіемъ и ощущеніемъ,—и если бы требовалось болѣе точно опредѣлить это ихъ ученіе, если бы требовалось указать тотъ, такъ сказать, научный принципъ, которымъ они объясняютъ настоящее отождествленіе, то принципъ этотъ будетъ такой — мышленіе есть такой-же тѣлесный, матеріальный процессъ, какъ и ощущеніе, и вообще можно познавать только подобное подобнымъ (мышленіе въ концѣ концовъ направлено на тотъ-же матеріальный, тѣлесный міръ, отсюда и объекты мышленія должны также подходить къ субъектамъ, быть какъ-бы подобными имъ,—слѣд. и мышленіе, какъ и ощущеніе, должно быть такимъ-же тѣлеснымъ, матеріальнымъ процессомъ). Это — весьма распространенная, весьма популярная во время Аристотеля познавательная теорія, съ критикою Аристотеля этой теоріи по отношенію собственно къ чувственному познанію мы уже встрѣчались еще въ нашей I-ой главѣ, именно въ самомъ началѣ,при анализѣ 5-ой главы II-ой книги De anima, — теперь-же Аристотель высказываетъ и дальнѣйшее развитіе этой теоріи, высказываетъ, какъ эта теорія примѣнялась и къ мышленію; и это-то развитіе, это примѣненіе онъ, повидимому, собирается разобрать и опровергнуть въ настоящемъ случаѣ. Какъ-же опровергаетъ Аристотель эту теорію, это отождествленіе? Прежде всего онъ указываетъ на то обстоятельство, что при такомъ отождествленіи очень трудно было бы дать сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе ошибкамъ,—а между тѣмъ ошибки играютъ безспорно весьма важную роль вообще въ жизни живыхъ познающихъ существъ. «Однако», продолжаетъ Аристотель, «слѣдовало бы, чтобы эти мыслители, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ они говорятъ о настоящемъ отождествленіи, сказали бы и о томъ, что случается обманываться» (что возможны ошибки при познаніи), —«вѣдь это» (ошибки) «есть нѣчто весьма свойственное живымъ» (познающимъ) «существамъ» (познавательной природѣ

живыхъ существъ), «и весьма значительную часть времени душа какъ-бы пребываетъ въ этомъ»,—т. е. этимъ вышеуказаннымъ мыслителямъ, прежде ихъ отождествленія, слѣдовало бы подумать о томъ, какъ они будутъ въ состояніи съ точки зрѣнія такой своей теоріи объяснить возможность ошибокъ. «При этихъ-же обстоятельствахъ» (т. е. при такомъ отождествленіи), говоритъ Аристотель далѣе, «необходимо» (этимъ мыслителямъ) «утверждать—или, какъ утверждаютъ нѣкоторые» (изъ нихъ), «что все являющееся» (всѣ собственно сообщенія чувствъ) «истинно» (что, стало быть, вообще нѣтъ ошибокъ), «или же, что ошибка» (обманъ) «происходитъ отъ соприкосновенія» (вліянія) «несходнаго, такъ какъ именно такое познаніе» (познаніе несходнаго) «какъ разъ противоположно познанію подобнаго подобнымъ; однако кажется», тотчасъ-же противопоставляетъ Аристотель послѣднему положенію нѣкоторое возраженіе, «относительно познанія несходнаго, противоположнаго, и ошибка и истинное знаніе одно и тоже» (т. е. и при этомъ второмъ положеніи всетаки не объясняется вомножность ошибки какъ ошибки: пусть, какъ-бы говоритъ Аристотель, ошибка происходила бы отъ вліянія несходнаго, противоположнаго, но вѣдь ошибка одинъ разъ можетъ быть дѣйствительно ошибкою, ошибочное можетъ дѣйствительно приниматься за истину, въ другой-же разъ можно какъ разъ видѣть, что ошибаешься, можно принимать ошибку за то, что она есть на самомъ дѣлѣ; между тѣмъ процессъ — это соприкосновеніе, вліяніе несходнаго—въ обоихъ этихъ случаяхъ остается совершенно тождественнымъ,—и такимъ-то образомъ самое возникновеніе ошибки какъ ошибки и при этомъ второмъ положеніи остается невыясненнымъ по Аристотелю). Такимъ образомъ, прежде всего, пе́рвое сомнѣніе, которое возникаетъ у Аристотеля по поводу указанной теоріи, указаннаго отождествленія, заключается какъ разъ въ невозможности сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія съ точки зрѣнія этой теоріи самаго возникновенія, самого происхожденія ошибокъ при познаніи. Это сомнѣніе Аристотель выставляетъ далѣе какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ аргументовъ общей несостоятельности этой теоріи. Могутъ быть и общія основанія, какъ-бы говоритъ Аристотель въ непосредственно дальнѣйшемъ, противъ указаннаго отождествленія,—но, въ свою очередь, это

выставленное сомнѣніе какъ-бы окончательно добиваетъ его; только отвергнувши это отождествленіе, только принявши, что разумъ есть нѣчто совершенно отличное отъ чувствъ, можно понять, какъ могутъ происходить ошибки при познаніи. Подлинно Аристотель выражаетъ всѣ эти мысли, дѣлаетъ заключеніе ко всему этому началу настоящей 3-ей главы III-ей книги De anima, такъ: «Итакъ, что не одно и тоже ощущеніе» (вообще чувственное познаніе) «и разсужденіе» (мышленіе),— «это ясно; ибо одно» (ощущеніе) «свойственно всѣмъ живымъ» (познающимъ) «существамъ» (всѣ живыя познающія существа не могутъ обойтись безъ ощущенія, безъ чувственнаго познанія,—иначе они уже не будутъ живыми познающими существами: это очевидно—какъ мы говорили, общія основанія несостоятельности указанной теоріи, указаннаго отождествленія),—«другое-же» (разсужденіе, мышленіе) «—только немногимъ изъ нихъ. Но и самый процессъ, которымъ совершается мышленіе», продолжаетъ Аристотель, «процессъ, въ которомъ возможны правильность и неправильность—правильнымъ процессомъ мышленія обусловливаются», прибавляетъ Аристотель, «разсужденіе, истинное научное знаніе и правильное мнѣніе, неправильнымъ же—противоположныя имъ вещи— самый этотъ процессъ не тождественъ съ процессомъ ощущенія, чувственнаго познанія: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, чувственное познаніе качествъ, познаваемыхъ какимъ-либо отдѣльнымъ чувствомъ, свойственныхъ какому-либо отдѣльному чувству, всегда истинно и присуще всѣмъ живымъ» (познающимъ) «существамъ,—мыслить же возможно и ложно, и никакому живому существу не присуща эта способность мышленія, которое не обладаетъ и разумомъ». Т. е. въ этой второй половинѣ своего настоящаго заключенія Аристотель какъ разъ выставляетъ указанное выше сомнѣніе въ качествѣ наиболѣе существеннаго аргумента противъ приведеннаго отождествленія. Не только общія основанія, не только общая природа разума и общая природа чувствъ, говоритъ Аристотель, противорѣчатъ отождествленію этихъ двухъ психическихъ способностей, но противорѣчатъ и самые процессы разумнаго и съ другой стороны чувственнаго познанія. Процессъ, происходящій при чувственномъ познаніи, всегда правиленъ, онъ всегда даетъ правильные, истинные результаты, по крайней мѣрѣ если дѣло идетъ о дѣятель-

ности отдѣльныхъ чувствъ, о познаніи чувственныхъ качествъ, познаніе которыхъ свойственно отдѣльнымъ чувствамъ, — но не то по отношенію къ процессу разумнаго познанія; процессъ собственно разумнаго познанія можетъ совершаться и неправильно, онъ можетъ въ концѣ концовъ давать и ошибки, заблужденія. Но именно это-то обстоятельство, именно то обстоятельство, что ошибки обусловливаются какъ разъ процессомъ разумнаго познанія, что, стало быть, онѣ связаны съ разумомъ, —именно оно и опровергаетъ наиболѣе существеннымъ образомъ приведенную теорію, приведенное отождествленіе. Нельзя, не принявши разума, какъ довольно самостоятельной сравнительно съ чувствами психической способности, понять сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ самую возможность ошибокъ вообще при познаніи,—это значитъ, что теперь еще болѣе ясна несостоятельность приведенной теоріи, это значитъ, что теперь еще скорѣе слѣдуетъ согласиться смотрѣть на разумъ, какъ на психическую способность, въ значительной степени отличную отъ чувствъ [1]).

---

[1]) De anima III, 3. 427 a. 17—b. 14. *Ἐπεὶ δὲ δύο διαφοραῖς ὁρίζονται μάλιστα τὴν ψυχήν, κινήσει τε τῇ κατὰ τόπον καὶ τῷ νοεῖν καὶ τῷ κρίνειν καὶ αἰσθάνεσθαι, δοκεῖ δὲ καὶ τὸ νοεῖν καὶ τὸ φρονεῖν ὥσπερ αἰσθάνεσθαί τι εἶναι· ἐν ἀμφοτέροις γὰρ τούτοις κρίνει τι ἡ ψυχὴ καὶ γνωρίζει τῶν ὄντων, καὶ οἳ γε ἀρχαῖοι τὸ φρονεῖν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι ταὐτὸν εἶναί φασιν..... πάντες γὰρ οὗτοι τὸ νοεῖν σωματικὸν ὥσπερ τὸ αἰσθάνεσθαι ὑπολαμβάνουσιν, καὶ αἰσθάνεσθαί τε καὶ φρονεῖν τῷ ὁμοίῳ τὸ ὅμοιον, ὥσπερ καὶ ἐν τοῖς κατ' ἀρχὰς λόγοις διωρίσαμεν. καίτοι ἔδει ἅμα καὶ περὶ τοῦ ἠπατῆσθαι αὐτοὺς λέγειν· οἰκειότερον γὰρ τοῖς ζῴοις, καὶ πλείω χρόνον ἐν τούτῳ διατελεῖ ἡ ψυχή. διὸ ἀνάγκη ἤτοι ὥσπερ ἔνιοι λέγουσι, πάντα τὰ φαινόμενα εἶναι ἀληθῆ, ἢ τὴν τοῦ ἀνομοίου ἁφὴν ἀπάτην εἶναι· τοῦτο γὰρ ἐναντίον τῷ τῷ ὁμοίῳ τὸ ὅμοιον γνωρίζειν· δοκεῖ δὲ καὶ ἡ ἀπάτη καὶ ἡ ἐπιστήμη τῶν ἐναντίων ἡ αὐτὴ εἶναι· ὅτι μὲν οὖν οὐ ταὐτόν ἐστι τὸ αἰσθάνεσθαι καὶ τὸ φρονεῖν, φανερόν· τοῦ μὲν γὰρ πᾶσι μέτεστι, τοῦ δὲ ὀλίγοις τῶν ζῴων· ἀλλ' οὐδὲ τὸ νοεῖν, ἐν ᾧ ἐστὶ τὸ ὀρθῶς καὶ τὸ μὴ ὀρθῶς, τὸ μὲν ὀρθῶς φρόνησις καὶ ἐπιστήμη καὶ δόξα ἀληθής, τὸ δὲ μὴ ὀρθῶς τἀναντία τούτων· οὐδὲ τοῦτο δ' ἐστὶ ταὐτὸ τῷ αἰσθάνεσθαι· ἡ μὲν γὰρ αἴσθησις τῶν ἰδίων ἀεὶ ἀληθής, καὶ πᾶσιν ὑπάρχει τοῖς ζῴοις, διανοεῖσθαι δ' ἐνδέχεται καὶ ψευδῶς, καὶ οὐδενὶ ὑπάρχει ᾧ μὴ καὶ λογος.* Большое затрудненіе для переводчиковъ, комментаторовъ и вообще всѣхъ занимавшихся настоящимъ мѣстомъ представляютъ первыя строки этого мѣста, и въ частности самое первое слово—союзъ *ἐπεί*,—какъ, сколько-нибудь удовлетворительно, понять и объяснить это слово? Союзомъ

Такъ начинаетъ Аристотель настоящую главу, такъ начинаетъ онъ эту 3-ю главу III-ей книги De anima. Что же собственно говорится въ этомъ началѣ? Совершенно очевидно, что здѣсь Аристотель главнымъ образомъ занятъ установленіемъ по возможности правильнаго отношенія между

ἐπεί конечно долженъ начинаться причинный періодъ, первыя строки настоящаго мѣста, стало быть, представляютъ собою protasis причиннаго періода,—но гдѣ же apodosis къ этому protasis'у? Между прочимъ Torstrik въ своемъ изданіи De anima (см. критич. замѣчанія къ настоящей главѣ Torstrik'а въ его изданіи, стр. 171) приходитъ къ заключенію, что при настоящемъ, Bekker'овскомъ текстѣ нашего мѣста этотъ apodosis найти невозможно: отсюда, опираясь на указанія, сдѣланныя Аргиропиломъ въ его латинскомъ переводѣ (см. переводъ Аргиропила въ томъ-же Берлинскомъ изданіи т. III, 222 a. 18—19) Torstrik дѣлаетъ нѣкоторую вставку въ Bekker'овскій текстъ,—послѣ *αἰσθάνεσθαι* и передъ *δοκεῖ δέ* онъ вставляетъ—*σκεπτέον εἴ τι διαφέρει τὸ νοεῖν τοῦ αἰσθάνεσθαι*. Однако, какъ совершенно резонно замѣчаетъ Torstrik'у Bonitz (Bonitz. Aristotel. Studien II u. III стр. 131—133), при такой вставкѣ необходимо было бы еще по крайней мѣрѣ измѣнить въ непосредственно послѣдующемъ *δέ* на *δή* (если не совсѣмъ перемѣнить все непосредственно послѣдующее выраженіе *δοκεῖ δέ*),—и въ виду этого самъ Bonitz, въ свою очередь, предлагаетъ искать apodosis совершенно въ другомъ мѣстѣ. Основываясь на авторитетѣ другихъ, также болѣе древнихъ, комментаторовъ (Плутарха и Симплиція—указанія на мнѣнія этихъ комментаторовъ находятся у Trendelenburg'а въ его изданіи De anima стр. 370), самъ Bonitz старается показать, что apodosis всего настоящаго причиннаго періода долженъ находиться сравнительно въ концѣ всего нашего мѣста, во фразѣ *ὅτι μὲν οὖν οὐ ταὐτόν ἐστι τὸ αἰσθάνεσθαι καὶ τὸ φρονεῖν*; хотя въ концѣ всего своего объясненія самъ-же Bonitz не можетъ не признать, что принять вполнѣ это объясненіе все-таки было бы трудно (при такомъ объясненіи пришлось бы весьма много изъ предшествующаго послѣдней фразѣ, фразѣ *ὅτι μὲν οὖν* и т. д., заключить въ скобки,—а такое заключеніе, какъ не можетъ не согласиться и Bonitz, противорѣчило бы обыкновенной манерѣ Аристотеля выражаться). Какъ-же все-таки объяснить это *ἐπεί* въ настоящемъ періодѣ, какъ справиться со всѣми этими затрудненіями? Въ переводѣ и объясненіяхъ, предложенныхъ выше, въ моемъ текстѣ, я воспользовался главнымъ образомъ указаніями одного изъ болѣе позднихъ издателей De anima—Wallace'а (см. въ изданіи Wallace'а крит. замѣчанія, стр. 260—261). Правда, Wallace даетъ не совсѣмъ такой-же переводъ и не совсѣмъ такія-же объясненія, но именно онъ указываетъ, что apodosis къ данному періоду можетъ заключаться въ самыхъ словахъ *δοκεῖ δὲ καὶ τὸ νοεῖν καὶ τὸ φρονεῖν ὥσπερ αἰσθάνεσθαί τι εἶναι*,—и это-то указаніе я, такъ сказать,

чувствами и разумомъ какъ психическими способностями: всѣ разсмотрѣнныя разсужденія Аристотеля, все это опроверженіе и вся эта критика приведенной теоріи, приведеннаго отождествленія разума и чувствъ, конечно не имѣютъ никакой другой цѣли, другой задачи. Но для чего онъ говоритъ о всемъ

и положилъ въ основу предложеннаго перевода. И мнѣ кажется, что такое пониманіе вполнѣ можетъ быть принято: во 1-хъ, при немъ не приходится какъ-либо особенно видоизмѣнять Bekker'овскій текстъ, Bekker'овскій текстъ остается совершенно нетронутымъ, съ другой же стороны, и послѣдовательность мыслей Аристотеля, какъ эта послѣдовательность выражена именно у Bekker'а, является совершенно ясною, понятною. Это—собственно первое замѣчаніе, которое, какъ мнѣ казалось, слѣдовало сдѣлать въ отношеніи ко всему настоящему мѣсту. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ все другое, на что можно было бы обратить вниманіе въ настоящемъ мѣстѣ, такъ какъ это другое, въ сущности, касалось-бы уже мелочей, частностей, скажу еще нѣсколько словъ въ объясненіе своего пониманія выраженія *δοκεῖ δὲ καὶ ἡ ἀπάτη καὶ ἡ ἐπιστήμη τῶν ἐναντίων ἡ αὐτὴ εἶναι* и въ объясненіе пониманія самаго послѣдняго слова, слова *λόγος*. Выраженіе *δοκεῖ δὲ καὶ ἡ ἀπάτη* и т. д. представляется не совсѣмъ яснымъ, не совсѣмъ понятно, что именно хотѣлъ тутъ сказать Аристотель; и что это дѣйствительно такъ, что неясность тутъ существуетъ—это доказывается сравнительно многочисленными объясненіями настоящаго выраженія (ср. объясненія этого выраженія у Trendelenburg'а, стр. 370–371; у Zahlfleisch'а въ его статьѣ, стр. 22; у Wallace'а, стр. 261; наконецъ у Kirchmann'а въ его переводѣ De anima, стр. 148 прим. 217 и 218). Однако, ни одно изъ этихъ объясненій не казалось мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ, ни одно не казалось не оставляющимъ послѣ себя никакихъ сомнѣній,—и вотъ причина, почему я въ своемъ переводѣ и въ приложенномъ къ переводу объясненіи настоящаго выраженія не послѣдовалъ за какимъ-либо изъ этихъ объясненій вполнѣ. Въ своемъ пониманіи настоящаго выраженія я старался провести мысль, что здѣсь Аристотель просто становится на точку зрѣнія указаннаго отождествленія чувственной способности съ разумною, и съ точки зрѣнія этого отождествленія онъ объясняетъ возможность ошибокъ при познаніи вліяніемъ несходнаго. Но это вліяніе не можетъ имѣть здѣсь значенія по Аристотелю, ибо ошибка не всегда познается какъ ошибка,—и такимъ-то образомъ въ концѣ концовъ Аристотель и выставляетъ возможность ошибокъ вообще при познаніи въ качествѣ одного изъ наиболѣе существенныхъ аргументовъ противъ указаннаго отождествленія. Наконецъ послѣднее слово въ настоящемъ мѣстѣ, слово *λόγος*, я, въ соотвѣтствіе съ своимъ пониманіемъ вообще всей послѣдней части настоящаго мѣста, понялъ именно—какъ разумъ. Между прочимъ Wallace въ

этомъ, для чего онъ занимается такимъ установленіемъ, и съ другой стороны, какóе отношеніе имѣетъ это установленіе, всѣ эти разсужденія къ спеціальной темѣ настоящей главы—къ объясненію знанія, являющагося результатомъ дѣятельности собственно способности *φαντασία*? Что Аристотель вообще старается установить правильныя отношенія между разумомъ и чувствами въ настоящемъ мѣстѣ — это понятно: именно въ данномъ мѣстѣ, въ этой 3-ей главѣ III-ей книги своего главнаго психологическаго сочиненія онъ какъ разъ только что покончилъ съ своимъ ученіемъ о чувствахъ, о чувственномъ познаніи, и собирается перейти далѣе къ ученію собственно о разумномъ познаніи, — отсюда совершенно естественно ему, прежде чѣмъ спеціально говорить о разумномъ познаніи, дать нѣкоторое предварительное опредѣленіе разумнаго познанія, опредѣлить сначала его отношеніе къ чувственному познанію. Такимъ образомъ, съ общей точки зрѣнія приведенныя разсужденія Аристотеля вполнѣ умѣстны; но и по отношенію къ частной, спеціальной темѣ настоящей главы они также могутъ имѣть значеніе. Обратимъ вниманіе на то, что мы говорили вначалѣ нашей настоящей главы, обратимъ вниманіе, что по всей видимости знанію, соотвѣтствующему дѣятельности способности *φαντασία*, суждено по Аристотелю играть роль нѣкоторой промежуточной ступени между собственно чувственнымъ и собственно разумнымъ познаніями, что эти образы, представленія, вырабатываемые способностью *φαντασία*, съ одной стороны должны, по мнѣнію Аристотеля, какъ бы завершать чувственныя познанія, съ другой-же стороны должны и какъ-бы открывать дорогу къ пониманію процесса разумнаго по-

своемъ объясненіи этого слова (см. у Wallace'a стр. 262) очень сильно настаиваетъ на томъ, что *λόγος* тутъ должно означать не разумъ, а способность рѣчи,—мнѣ же такое значеніе казалось здѣсь менѣе удобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я только что указалъ, Аристотель во всей этой послѣдней части настоящаго мѣста старается доказать невозможность указаннаго отождествленія разума съ чувствами съ точки зрѣнія существованія ошибокъ: именно существованіе ошибокъ при познаніи, по его мнѣнію, вполнѣ говоритъ за то, что разумъ есть способность въ значительной степени самостоятельная по отношенію къ чувствамъ;—все это, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, и уполномочиваетъ насъ дать нашему послѣднему слову *λόγος* значеніе просто разума.

знанія, обратимъ вниманіе на все это,—и мы согласимся, что Аристотель вполнѣ могъ привести всѣ указанныя разсужденія именно въ качествѣ введенія къ своему спеціальному настоящему ученію. Устанавливая правильныя отношенія разума къ чувствамъ, указывая, что разумъ никоимъ образомъ не можетъ быть отождествляемъ съ чувствами, Аристотель конечно долженъ былъ коснуться и этихъ образовъ, представленій—долженъ былъ коснуться потому, что вообще ранѣе онъ уже упоминалъ объ образахъ, какъ о совершенно особомъ видѣ знаній (съ такимъ упоминаніемъ пришлось встрѣчаться и намъ въ нашемъ изложеніи — ср., напр., въ нашемъ изложеніи стр. 194, гдѣ Аристотель въ концѣ своего разсужденія о необходимости чувствующему существу признавать еще отдѣльныя ощущенія своими, относить ихъ къ себѣ, какъ разъ указываетъ на существованіе образовъ, какъ знаній до нѣкоторой степени отличныхъ отъ другихъ знаній) — но онъ долженъ былъ касаться образовъ только съ точки зрѣнія рѣшенія главнаго въ настоящемъ случаѣ вопроса, для доказательства тогоже, сравнительно самостоятельнаго въ отношеніи къ чувствамъ, существованія разума. Тѣмъ не менѣе, эти знанія, являющіяся результатомъ дѣятельности способности *φαντασία*, должны были быть затронуты Аристотелемъ, первое, предварительное опредѣленіе этихъ знаній должно было быть дано,—и оно должно было быть дано въ нѣсколько особой обстановкѣ, оно должно было быть дано тамъ, гдѣ Аристотель говоритъ и о чувствахъ и о разумѣ, гдѣ именно онъ выясняетъ взаимныя отношенія этихъ двухъ психическихъ способностей. Но эта-то особая обстановка и является особенно существенною въ настоящемъ случаѣ, благодаря этой-то особой обстановкѣ сразу выясняется Аристотелевская точка зрѣнія на интересующія насъ въ настоящее время знанія; эти образы, представленія, эти знанія, вырабатываемыя способностью *φαντασία*, съ самаго перваго раза, когда Аристотель говоритъ о нихъ болѣе подробно, болѣе спеціально, оказываются нѣкоторою промежуточною ступенью, чѣмъ-то промежуточнымъ между собственно чувственными и разумными знаніями,—и такимъ-то образомъ и можно согласиться, что именно въ качествѣ введенія къ своему спеціальному настоящему ученію, именно въ качествѣ введенія къ своей спеціальной настоящей темѣ Ари-

стотель вполнѣ могъ привести указанныя выше разсужденія. Какъ разъ при указанныхъ выше разсужденіяхъ необходимо должно было выйти, что эти образы, представленія, по мнѣнію Аристотеля, на самомъ дѣлѣ съ одной стороны какъ-бы окончательно заключаютъ область собственно чувственныхъ познаній, слѣд. всетаки какъ-бы относятся къ чувственнымъ познаніямъ, съ другой-же стороны открываютъ и область разумныхъ познаній. И что все это дѣйствительно такъ, что такое толкованіе дѣйствительно можно дать всей настоящей части, всему настоящему отдѣлу этой 3-ей главы III-ей книги De anima—это доказывается и самыми непосредственно слѣдующими подлинными фразами Аристотеля. Тотчасъ-же, въ непосредственной связи съ уже разобранными нами выраженіями, Аристотель начинаетъ говорить и о знаніи, соотвѣтствующемъ дѣятельности способности *φαντασία* (это непосредственное продолженіе своего изложенія Аристотель даже не отдѣляетъ отъ предыдущаго какимъ-либо болѣе существеннымъ знакомъ препинанія: онъ просто ставитъ полуточіе передъ этими непосредственно слѣдующими фразами), — но говоритъ онъ объ этомъ знаніи такъ, какъ будто ссылкою на это знаніе должна только подтвердиться занимающая его въ данное время мысль, должна подтвердиться та-же самостоятельность въ отношеніи чувствъ знанія. Однако какъ бы то ни было, этою самою ссылкою Аристотель уже даетъ нѣкоторое предварительное опредѣленіе образовъ, представленій, онъ уже показываетъ въ общихъ чертахъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ съ общей точки зрѣнія смотрѣть на эти знанія, — и отсюда мы совершенно подготовлены къ дальнѣйшему, болѣе подробному объясненію Аристотеля этихъ знаній. Самъ Аристотель подлинно продолжаетъ: «а что касается до способности *φαντασία*, то эта способность есть нѣчто отличное и отъ чувственной способности, и отъ способности мыслительной, разумной: сама эта способность не бываетъ» (не можетъ функціонировать) «безъ чувственнаго познанія» (безъ способности чувственнаго познанія), «и безъ нея, въ свою очередь, не возможно составленіе никакого мнѣнія, никакого сужденія» (невозможенъ даже самый, такъ сказать, нисшій видъ разумнаго знанія). «И что эта способность *φαντασία* въ своей дѣятельности не является такимъ-же видомъ мышленія вообще, какъ только что приве-

денное составленіе мнѣнія, сужденія» (какъ только что приведенный низшій видъ разумнаго знанія), «—это ясно. Это» (дѣятельность способности *φαντασία*) «есть состояніе, зависящее отъ насъ» (находящееся въ нашей власти), «когда именно мы пожелаемъ вызвать его [ибо въ самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ, «возможно при этомъ какъ-бы положить какой-либо предметъ передъ глазами, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ занимающіеся мнемоникою» (искуствомъ воспроизведенія, припоминанія) «и вообще способные творить» (вызывать въ памяти) «образы, представленія» (очевидно нужные въ данномъ случаѣ образы, представленія — образы, представленія, которые легко помогутъ припомнить что-либо)], «—составленіе же мнѣнія, сужденія не зависитъ отъ насъ» (не находится въ нашей власти): «въ послѣднемъ случаѣ мы необходимо или ошибаемся, или судимъ истинно, вѣрно» (т. е. въ послѣднемъ случаѣ наши знанія являются болѣе существенными, такъ сказать, налагающими на насъ бо́льшія обязанности: образы, представленія являются чѣмъ-то совершенно мимолетнымъ, они совершенно не обязываютъ насъ ни къ чему,—разумныя же знанія, хотя бы и въ самой нисшей своей формѣ, въ формѣ только составленія мнѣнія, нѣкотораго сужденія, всеже заключаютъ въ себѣ и еще нѣчто, они заключаютъ въ себѣ необходимость нѣкоторой вѣры, вѣры въ то, что то, что познается ими, на самомъ дѣлѣ существуетъ такимъ, какимъ познается). «Еще же—когда мы составили мнѣніе о чемъ-либо страшномъ или опасномъ, то мы тотчасъ-же вмѣстѣ съ тѣмъ испытываемъ и соотвѣтственное чувство, и совершенно тоже—и когда мы составили мнѣніе о чемъ-либо, внушающемъ довѣріе,—при дѣятельности же собственно *φαντασία*» (при образахъ, представленіяхъ) «мы находимся въ такомъ-же состояніи, въ какомъ находятся видящіе на картинѣ ужасныя или вполнѣ безопасныя вещи» (это — конечно только болѣе подробное повтореніе предыдущаго, только болѣе подробное разъясненіе необходимости ошибки или правильнаго, истиннаго сужденія при составленіи мнѣнія, сужденія). «И въ самомъ этомъ составленіи мнѣнія, сужденія существуютъ разницы — существуетъ истинное» (научное) «знаніе, мнѣніе, разсужденіе, и существуютъ вещи имъ противоположныя; о всѣхъ этихъ различіяхъ

рѣчь пусть будетъ въ другомъ мѣстѣ» (т. е. эта собственно низшая форма разумнаго познанія, это составленіе мнѣнія или сужденія является какъ-бы нѣкоторою общею формою, общимъ родомъ разумнаго познанія, ибо именно отъ него, какъ отъ такой низшей формы, всѣ другія, различныя и болѣе высшія формы всеже должны вести свое начало; о всѣхъ этихъ различіяхъ, о всѣхъ этихъ различныхъ формахъ разумнаго познанія Аристотель собирается сказать въ другомъ мѣстѣ). «Что-же касается собственно мышленія, то такъ какъ оно кажется» (очевидно кажется на основаніи настоящихъ разсужденій), «чѣмъ-то отличнымъ отъ ощущенія, чувственнаго познанія, и такъ какъ кажется еще» (также кажется на основаніи настоящихъ же разсужденій), «что въ немъ съ одной стороны какъ-бы заключается *φαντασία*» (какъ познавательная способность), «съ другой-же стороны—составленіе мнѣнія, сужденія вообще» (низшая, но, по только что приведенному, общая форма вообще разумнаго познанія), «то именно тогда, когда будетъ разсмотрѣна дѣятельность *φαντασία* какъ познавательной способности, именно тогда нужно будетъ сказать и о другомъ» (объ этомъ составленіи мнѣнія, сужденія,—стало быть вообще о разумномъ познаніи, о мышленіи)[1]).

---

[1]) Ibidem, 427 b. 14—29. *φαντασία γὰρ ἕτερον καὶ αἰσθήσεως καὶ διανοίας· αὐτή τε οὐ γίγνεται ἄνευ αἰσθήσεως, καὶ ἄνευ ταύτης οὐκ ἔστιν ὑπόληψις. ὅτι δ' οὐκ ἔστιν ἡ αὐτὴ νόησις καὶ ὑπόληψις, φανερόν. τοῦτο μὲν γὰρ τὸ πάθος ἐφ' ἡμῖν ἐστίν, ὅταν βουλώμεθα (πρὸ ὀμμάτων γὰρ ἔστι ποιήσασθαι, ὥσπερ οἱ ἐν τοῖς μνημονικοῖς τιθέμενοι καὶ εἰδωλοποιοῦντες), δοξάζειν δ' οὐκ ἐφ' ἡμῖν· ἀνάγκη γὰρ ἢ ψεύδεσθαι ἢ ἀληθεύειν. ἔτι δὲ ὅταν μὲν δοξάσωμεν δεινόν τι ἢ φοβερόν, εὐθὺς συμπάσχομεν, ὁμοίως δὲ κἂν θαρραλέον· κατὰ δὲ τὴν φαντασίαν ὡσαύτως ἔχομεν ὥσπερ ἂν οἱ θεώμενοι ἐν γραφῇ τὰ δεινὰ ἢ θαρραλέα. εἰσὶ δὲ καὶ αὐτῆς τῆς ὑπολήψεως διαφοραί, ἐπιστήμη καὶ δόξα καὶ φρόνησις καὶ τἀναντία τούτων, περὶ ὧν τῆς διαφορᾶς ἕτερος ἔστω λόγος. περὶ δὲ τοῦ νοεῖν, ἐπεὶ ἕτερον τοῦ αἰσθάνεσθαι, τούτοῦ δὲ τὸ μὲν φαντασία δοκεῖ εἶναι τὸ δὲ ὑπόληψις, περὶ φαντασίας διορίσαντας οὕτω περὶ θατέρου λεκτέον.* Совершенно такъ-же, какъ въ предыдущемъ, уже разобранномъ нами, мѣстѣ, и въ этомъ настоящемъ—и также въ самомъ началѣ — есть своя особенная трудность, повергающая въ большое смущеніе всѣхъ комментаторовъ вообще сочиненія De anima. Трудность эта заключается въ томъ—какъ объяснить союзъ *γάρ* въ самомъ первомъ выраженіи, въ выраженіи *φαντασία γὰρ ἕτερον* и т. д., что именно изъ непосредственно предшествующаго поставить въ прямую связь съ этимъ

Такъ продолжаетъ самъ Аристотель эти свои, приведенныя выше, разсужденія, такое непосредственное продолженіе даетъ онъ самъ своему, разобранному нами выше, началу настоящей 3-ей главы III-ей книги De anima. Что это въ сущности, какъ не тоже доказательство совершенной самостоятельности въ отношеніи къ чувствамъ разума?—даже заключеніе, къ которому приходитъ Аристотель, очевидно имѣетъ въ виду подтвержденіе той-же самостоятельности. У Аристотеля выходитъ въ этомъ заключеніи, что о разумномъ познаніи слѣдутъ трактовать только уже тогда, когда будетъ разсмотрѣна дѣятельность *φαντασία* какъ познавательной способности, слѣд. тогда, когда уже будетъ разсмотрѣно положительно все, имѣющее хотя бы какое-нибудь отношеніе къ чувствамъ, чувственному познанію,—это значитъ конечно, что разумъ, какъ психическая, познавательная способность, есть нѣчто совершенно самостоятельное, совершенно независимое отъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе, Аристотель затрогиваетъ тутъ и дѣятельность способности *φαντασία* какъ познавательной способности, и хотя онъ затрогиваетъ эту дѣятельность только, такъ сказать, косвенно, не столько ради нея самой,—но эта-то косвенность и имѣетъ особенное значеніе въ настоящемъ случаѣ. Какъ бы то ни

союзомъ? Существуетъ много объясненій этой трудности, болѣе близкаго значенія этого союза въ настоящемъ случаѣ, какъ со стороны болѣе древнихъ, такъ и со стороны позднѣйшихъ комментаторовъ (изъ объясненій позднѣйшихъ комментаторовъ укажу на объясненія Trendelenburg'a въ его изданіи, стр. 372; на объясненія Freudenthal'я въ указанной выше его брошюрѣ, стр. 8—10; и на объясненія Wallace'a въ его изданіи De anima, стр. 262;—всѣ эти комментаторы въ своихъ объясненіяхъ приводятъ и объясненія болѣе раннихъ толкователей: Пація, Ѳемистія и др.)—но, строго говоря, ни одно изъ этихъ объясненій не является дающимъ что-либо несомнѣнное, ни одно изъ этихъ объясненій не уничтожаетъ всѣхъ сомнѣній и недоумѣній; да, по большей части, и сами эти комментаторы, высказавши свое объясненіе, нерѣдко прибавляютъ, что все-таки дѣло остается здѣсь не совсѣмъ яснымъ. Что-же дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? какъ же все-таки быть съ этимъ союзомъ *γάρ*? Въ своемъ переводѣ я исходилъ изъ того соображенія, что въ греческой частицѣ *γάρ* вовсе не должно, какъ кажется, такъ сказать, на первомъ планѣ стоять только причинное значеніе; частица *γάρ* вообще можетъ имѣть значеніе поясняющей частицы. Это-то общее значеніе имѣетъ эта частица и въ настоящемъ случаѣ,—и такимъ-то

было, но мы теперь же, изъ самаго этого введенія, видимъ, какъ слѣдуетъ, по мнѣнію Аристотеля, смотрѣть на дѣятельность познавательной способности *φαντασία* и на самыя знанія, являющіяся результатомъ этой дѣятельности. Совершенно очевидно—это вполнѣ доказывается настоящимъ введеніемъ—, что Аристотель, хотя бы и желалъ, но, такъ сказать, не мо-

---

образомъ ее, быть можетъ, и можно перевести по русски не выраженіемъ «ибо», а выраженіемъ «что-же касается до». Дѣло въ томъ, что какъ я указываю и въ самомъ моемъ текстѣ, Аристотель въ своихъ настоящихъ разсужденіяхъ, при своемъ разборѣ приведеннаго отождествленія разума съ чувствами, повидимому, какъ-бы припоминаетъ, что есть и еще психическіе факты, факты познаній, кромѣ собственно чувственныхъ и разумныхъ познаній, факты о которыхъ ранѣе ему уже приходилось упоминать—это образы, представленія, познанія, вырабатываемыя способностью *φαντασία*; эти-то факты онъ и хочетъ привлечь къ настоящимъ разсужденіямъ, ими-то онъ и хочетъ пояснить ту-же основную свою въ данныхъ разсужденіяхъ мысль—невозможность приведеннаго отождествленія. Но въ такомъ случаѣ частица *γάρ* должна имѣть здѣсь именно общее поясняющее значеніе,—и отсюда ее вполнѣ возможно, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, передать указаннымъ выраженіемъ—«что-же касается до» (съ такимъ переводомъ ср. нѣмецкій переводъ Kirchmann'a De anima, стр. 148). Это—первое, какъ я говорю, особенное затрудненіе, касающееся собственно перевода греческаго текста всего настоящаго мѣста. Далѣе, весьма часто указываютъ и еще на затрудненіе, также касающееся такого-же перевода, именно указываютъ на трудность передать вполнѣ точно и вполнѣ ясно фразу—*ἔτι δ' οὐκ ἔστιν ἡ αὐτὴ νόησις καὶ ὑπόληψις, φανερόν* (особенно на этой трудности настаиваетъ Trendelenburg—см. въ изданіи Trendelenburg'a De anima, ту-же 372-ю и далѣе 373-ю стр.),—однако, послѣ разъясненій Freudenthal'я (см. примѣч. Freudenthal'я на той-же 10-ой стр. въ его брошюрѣ), эта послѣдняя трудность, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, можетъ считаться устраненною. Именно Freudenthal сдѣлалъ весьма удачное указаніе, что *τόησις* въ этой фразѣ слѣдуетъ принять не за субъектъ, а за предикатъ,—если-же принять это указаніе, то всякое затрудненіе исчезнетъ и настоящая фраза станетъ вполнѣ ясною. Таковы частныя, отдѣльныя трудности въ настоящемъ мѣстѣ, которыхъ, какъ мнѣ казалось, нельзя было не коснуться въ настоящемъ примѣчаніи въ дополненіе къ разъясненіямъ, сдѣланнымъ мною уже выше, въ самомъ моемъ текстѣ. Затѣмъ остановлюсь еще на общемъ значеніи, на общемъ смыслѣ этого мѣста, на той связи, которую, по мыслямъ самого Аристотеля, должно имѣть настоящее мѣсто какъ съ непосредственно предшествующимъ, такъ и съ непосредственно послѣдующимъ. Нужно при-

жетъ отдѣлить эту способность и эти знанія отъ чувствъ и отъ чувственныхъ знаній,—и тоже самое и въ отношеніяхъ этой способности къ разуму. Но если такъ, если *φαντασία* какъ познавательная способность и на основаніи настоящаго введенія дѣйствительно оказывается какъ-бы чѣмъ-то до нѣкоторой степени промежуточнымъ между чувствами и разу-

---

знать, что это общее значеніе, эта связь въ самомъ Аристотелевскомъ текстѣ въ достаточной степени неясны (быть можетъ, эта неясность отразилась и на самомъ нашемъ изложеніи; и въ нашемъ изложеніи въ текстѣ, весьма возможно, осталась замѣтною нѣкоторая, такъ сказать, шероховатость). Въ виду такой неясности нѣкоторые изъ указанныхъ выше комментаторовъ, какъ напр. Freudenthal, рѣшаютъ, такъ сказать, совершенно вычеркнуть большую часть нашего мѣста собственно изъ сочиненій Аристотеля: «приведенные доводы», говоритъ Freudenthal въ продолженіи указанныхъ выше страницъ своей брошюры (см. брошюру Freudenthal'я, стр. 11), «въ достаточной степени доказываютъ, что самъ Аристотель этотъ періодъ, начиная со словъ *φαντασία γὰρ* и оканчивая словами *διαμαλέα* (427 b. 14—24), написать не могъ», — и такимъ заявленіемъ онъ дѣйствительно какъ-бы уничтожаетъ подлинность бо́льшей части этого мѣста. Однако, мнѣ казалось, что едва ли возможны такія рѣшительныя мѣры,—и я съ своей стороны постарался перевести и объяснить все это мѣсто такъ, какъ будто бы не было никакого сомнѣнія, что оно должно принадлежать самому Аристотелю. Положимъ, что, какъ я только что указалъ, и при моемъ переводѣ и объясненіяхъ нѣкоторая шероховатость могла быть замѣтною,—но, можетъ быть, возможно будетъ признать, что эта шероховатость у Аристотеля вполнѣ естественна въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь здѣсь—старался я показать—Аристотель даетъ предварительное опредѣленіе образамъ, представленіямъ, познаніямъ, которыя для него самого не достаточно опредѣленны, ясны (именно, для Аристотеля не достаточно ясно отношеніе образовъ, представленій съ одной стороны къ чувственнымъ, – съ другой же къ разумнымъ познаніямъ),—какъ же могло его изложеніе, имѣя такой предварительный характеръ, при такой неопредѣленности, неясности его мыслей, быть вполнѣ гладкимъ? — очевидно, что тутъ могли быть какъ будто нѣкоторыя противорѣчія, несоотвѣтствія съ дальнѣйшимъ. Но какъ бы то ни было, всѣ эти шероховатости все-таки не настолько велики, чтобы дать поводъ заподозривать настоящее мѣсто въ подлинности,—и между прочимъ самъ-же Freudenthal далѣе нѣсколько смягчаетъ свое первоначальное рѣшеніе: самъ-же Freudenthal, только нѣсколькими строками ниже, заявляетъ, что способъ выраженія въ этомъ, забракованномъ имъ, мѣстѣ все-таки совершенно Аристотелевскій.

момъ, какъ-бы всеже входящимъ по своей дѣятельности въ область дѣятельности чувствъ и въ области дѣятельности разума, то въ такомъ случаѣ совершенно ясенъ порядокъ дальнѣйшаго, собственнаго изложенія Аристотеля ученія объ этой способности. Совершенно ясно, что въ изложеніи собственнаго ученія объ этой способности сначала Аристотель можетъ идти только отрицательнымъ путемъ: если *φαντασία* по своей познавательной дѣятельности есть нѣчто не вполнѣ отдѣлимое ни отъ чувствъ, ни отъ разума, то прежде всего можно говорить о ней только съ точки зрѣнія ея отношеній къ этимъ двумъ болѣе опредѣленнымъ психическимъ способностямъ. Только тогда, когда эти отношенія будутъ выяснены, и теперь уже выяснены болѣе обстоятельно,—только тогда Аристотелю и будетъ возможно еще взглянуть на настоящее ученіе и съ болѣе положительной стороны, указать, чѣмъ-же будутъ наконецъ эти образы, представленія, эти знанія, соотвѣтствующія дѣятельности способности *φαντασία*, сами по себѣ.

Итакъ, въ настоящее время мы, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени выяснили значеніе этого начала и для частной, спеціальной темы настоящей главы, въ достаточной степени выяснили, что именно когда Аристотель собирался говорить объ образахъ, представленіяхъ, объ этихъ знаніяхъ, соотвѣтствующихъ познавательной дѣятельности способности *φαντασία*, онъ вполнѣ могъ начать съ разсужденій, устанавливающихъ правильныя, по его мнѣнію, отношенія между чувствами и разумомъ какъ психическими способностями. Такія разсужденія сразу должны были установить подлинные, нужно сознаться не совсѣмъ опредѣленные, взгляды Аристотеля на эти, спеціально разбираемыя имъ въ настоящей главѣ, познанія, и такимъ образомъ это начало совершенно естественно должно было подготовить читателя De anima къ дальнѣйшему, должно было подготовить къ тому, что этимъ образамъ, представленіямъ Аристотель предварительно дастъ скорѣе отрицательныя опредѣленія. Далѣе, у самого Аристотеля находится нѣкоторый переходъ къ такимъ отрицательнымъ опредѣленіямъ. «Такимъ образомъ», говоритъ Аристотель далѣе, «если *φαντασία* есть способность, въ силу которой, какъ мы говоримъ, у насъ образуется какой-либо образъ, представленіе» (извѣстный психическій фактъ, извѣстное познаніе) «а не что-либо, чему мы

даемъ такое названіе» (названіе *φαντασία*) «только метафорически,—то въ такомъ случаѣ ее слѣдуетъ признать одною изъ тѣхъ способностей или состояній, благодаря которымъ мы вообще судимъ» (различаемъ), «и судимъ истинно, или же ошибаемся. Такія-же способности проявляются—въ ощущеніи» (чувственномъ познаніи), «въ мнѣніи, въ научномъ» (наиболѣе высшемъ) «знаніи, въ дѣятельности разума»,—и отъ всѣхъ этихъ перечисленныхъ познавательныхъ фактовъ Аристотель и старается затѣмъ отдѣлить дѣятельность собственно способности *φαντασία*, старается показать, что ни съ однимъ изъ этихъ фактовъ знанія, вырабатываемыя способностью *φαντασία*, никоимъ образомъ совпадать не могутъ. Начинаетъ Аристотель такое отрицательное опредѣленіе дѣятельности нашей способности съ сравненія этой дѣятельности съ дѣятельностью собственно чувствъ. «Что дѣятельность способности *φαντασία*», продолжаетъ Аристотель, «не тождественна съ чувственнымъ познаніемъ,—ясно на основаніи слѣдующихъ соображеній. Чувственное познаніе можно опредѣлить—или какъ чувственное познаніе въ возможности, или же какъ чувственное познаніе въ дѣйствительности, какъ напр, можетъ быть способность зрѣнія и дѣйствительное» (реальное) «видѣніе,—вырабатывается же какой-либо образъ» (кажется же что-либо—выражается подлинно Аристотель) «и при отсутствіи всякаго намека на существованіе того или другого состоянія, какъ это бываетъ во снѣ» (т. е. когда живое чувствующее существо спитъ, оно, по Аристотелю, совершенно не пользуется способностью чувственнаго познанія, о спящемъ чувствующемъ существѣ слѣдуетъ сказать, говоритъ Аристотель, что оно какъ-бы совсѣмъ неспособно къ чувственному познанію, не способно—ни въ возможности, ни въ дѣйствительности; между тѣмъ такое-же спящее существо продолжаетъ пользоваться дѣятельностью способности *φαντασία*, ему вполнѣ возможно и во время сна имѣть образы, представленія: это-то различіе, проявляющееся именно во снѣ, и должно, по мнѣнію Аристотеля, служить однимъ изъ доказательствъ вообще невозможности отождествленія дѣятельности способности *φαντασία* съ дѣятельностью чувствъ). «Затѣмъ», продолжаетъ Аристотель, «чувственное познаніе есть нѣчто постоянно присущее, нѣчто постоянно готовое проявиться» (живое существо, вообще способное къ чувственному познанію, постоянно мо-

жетъ получать чувственныя познанія,—лишь бы только предметы, вызывающіе эти познанія, находились на лицо), «—о дѣятельности же способности *φαντασία* нельзя сказать того-же» (о дѣятельности же способности *φαντασία* нельзя сказать, чтобы она была постоянно готова къ такому проявленію). «Да и если бы», замѣчаетъ тутъ еще Аристотель, «эти дѣятельности двухъ познавательныхъ способностей въ своемъ дѣйствительномъ» (окончательномъ) «проявленіи были однимъ и тѣмъ-же» (такъ сказать, исходили бы изъ одного и того-же источника), «то относительно всѣхъ животныхъ» (относительно всѣхъ животныхъ, которыя необходимо, по Аристотелю, обладаютъ способностью чувственнаго познанія) «нужно было бы признать, что у нихъ можетъ существовать еще и способность *φαντασία*, —но это, какъ кажется, не такъ, какъ это видно на примѣрѣ муравья, пчелы, червя» (не у всѣхъ этихъ живыхъ существъ существуетъ, по мнѣнію Аристотеля, способность *φαντασία*,— но у однихъ существуетъ, у другихъ же нѣтъ). «Далѣе, одни» (чувственныя познанія) «всегда истинны,—проявленія же дѣятельности способности *φαντασία*» (образы, представленія) «бываютъ, и бываютъ въ большинствѣ случаевъ, ложны. Да наконецъ», заключаетъ Аристотель настоящее отграниченіе образовъ, представленій отъ собственно чувственныхъ познаній, «мы даже и не говоримъ, когда правильно дѣйствуемъ нашими чувствами по отношенію къ какому-либо чувственному предмету, что такой-то предметъ *кажется*, *представляется* намъ человѣкомъ; но мы можемъ говорить такъ, скорѣе когда мы не ясно что-либо ощущаемъ, — тогда именно можетъ возникнуть вопросъ о истинности или о ложности» (тогда именно какой-либо предметъ можетъ только *казаться*, *представляться* такимъ именно предметомъ); «и, какъ мы говорили это и раньше, *кажется* что-либо и тѣмъ, у кого закрыты глаза» (т. е. и самый способъ выраженія указываетъ, по Аристотелю, на ту-же невозможность считать образы, представленія знаніями, вполнѣ совпадающими съ чувственными познаніями. Когда мы чувственно познаемъ какой-либо предметъ, напр. когда мы чувственно познаемъ человѣка, никогда, говоритъ Аристотель, мы не говоримъ, что этотъ чувственно познаваемый предметъ «кажется» намъ человѣкомъ, — наоборотъ, мы говоримъ, что это—и «есть» человѣкъ. Терминъ-же—«казаться», продолжаетъ

Аристотель, терминъ, которымъ, по вышеуказанному, собственно и обозначаются образы, представленія, можетъ примѣняться только къ неяснымъ, неотчетливымъ чувственнымъ познаніямъ; «кажется» что-либо, какъ только нѣсколькими строками ранѣе замѣтилъ Аристотель, и во снѣ, когда закрыты глаза, когда уже и никакой рѣчи не можетъ быть о собственно чувственномъ познаніи;—все это и доказываетъ, по мнѣнію Аристотеля, что дѣйствительно и въ самомъ способѣ выраженія невозможность полнаго отождествленія образовъ, представленій съ чувственными познаніями уже отмѣчена) [1].

---

[1]) Ibidem, 428 a. 1—16. *Εἰ δή ἐστιν ἡ φαντασία καθ' ἣν λέγομεν φάντασμά τι ἡμῖν γίγνεσθαι καὶ μὴ εἰ τι κατὰ μεταφορὰν λέγομεν, μία τίς ἐστι τούτων δύναμις ἢ ἕξις, καθ' ἣν κρίνομεν καὶ ἀληθεύομεν ἢ ψευδόμεθα. τοιαῦται δ' εἰσὶν αἴσθησις, δόξα, ἐπιστήμη, νοῦς. ὅτι μὲν οὖν οὐκ ἔστιν αἴσθησις, δῆλον ἐκ τῶνδε. αἴσθησις μὲν γὰρ ἤτοι δύναμις ἢ ἐνέργεια, οἷον ὄψις καὶ ὅρασις, φαίνεται δέ τι καὶ μηδετέρου ὑπάρχοντος τούτων, οἷον τὰ ἐν τοῖς ὕπνοις. εἶτα αἴσθησις μὲν ἀεὶ πάρεστι, φαντασία δ' οὔ. εἰ δὲ τῇ ἐνεργείᾳ τὸ αὐτό, πᾶσιν ἂν ἐνδέχοιτο τοῖς θηρίοις φαντασίαν ὑπάρχειν· δοκεῖ δ' οὔ, οἷον μύρμηκι ἢ μελίττῃ ἢ σκώληκι. εἶτα αἱ μὲν ἀληθεῖς ἀεί, αἱ δὲ φαντασίαι γίνονται αἱ πλείους ψευδεῖς. ἔπειτ' οὐδὲ λέγομεν, ὅταν ἐνεργῶμεν ἀκριβῶς περὶ τὸ αἰσθητόν, ὅτι φαίνεται τοῦτο ἡμῖν ἄνθρωπος· ἀλλὰ μᾶλλον ὅταν μὴ ἐναργῶς αἰσθανώμεθα, τότε ἢ ἀληθὴς ἢ ψευδής. καὶ ἅπερ δὲ ἐλέγομεν πρότερον, φαίνεται καὶ μύουσιν δράματα.* Bekker'овскій текстъ выраженія *μία τίς ἐστι τούτων δύναμις ἢ ἕξις, καθ' ἣν κρίνομεν καὶ ἀληθεύομεν ἢ ψευδόμεθα* въ первой фразѣ Trendelenburg находитъ совершенно неподходящимъ къ общему смыслу всей этой фразы: въ виду этого Trendelenburg предлагаетъ нѣкоторыя исправленія,—онъ предлагаетъ—или вмѣсто *μία* читать *οὐδεμία*, или же поставить вопросительный знакъ послѣ всего этого выраженія (см. въ критич. замѣчаніяхъ у Trendelenburg'а къ его изданію, стр. 375—376). Однако, какъ хорошо разъясняетъ Freudenthal (въ своей брошюрѣ, стр. 17—19), эти исправленія Trendelenburg'а совершенно не могутъ быть приняты. Дѣло здѣсь—выходитъ у Freudenthal'я—рѣшается между прочимъ тѣмъ, какъ понимать въ предшествующей половинѣ настоящей фразы Аристотелевское выраженіе *φαντασία κατὰ μεταφοράν*. Если понимать это послѣднее выраженіе такъ, какъ понимаетъ Trendelenburg, если придавать этому выраженію значеніе всетаки нѣкотораго познавательнаго факта, то въ такомъ случаѣ исправленія Trendelenburg'а покажутся какъ будто имѣющими нѣкоторое значеніе,—но только, можно-ли въ пониманіи этого выраженія слѣдовать Trendelenburg'у? По Freudenthal'ю это совершенно невозможно, самъ Freudenthal понимаетъ это выраженіе, какъ «то, что вполнѣ, по Аристотелю, носитъ названіе *φαντασία* только метафорически» (въ

Вотъ собственно первое, болѣе обстоятельное, болѣе подробное отрицательное опредѣленіе Аристотеля знаній, вырабатываемыхъ способностью *φαντασία*, вотъ первое указаніе Аристотеля, отъ чего́ слѣдуетъ отдѣлить образы, представленія: представленія или образы, несмотря на свое видимое близкое родство съ ощущеніями, чувственными познаніями, всетаки не должны считаться, по мнѣнію Аристотеля, вполнѣ совпадающими съ ощущеніями, на представленія или образы всетаки слѣдуетъ смотрѣть, какъ на знанія, до нѣкоторой степени отличныя отъ собственныхъ чувственныхъ познаній. Слѣдуя

объясненіе такого только метафорическаго значенія термина *φαντασία* здѣсь, Freudenthal приводитъ могущія соотвѣтствовать этому термину нѣмецкія выраженія—«Schein», далѣе «Prunk», «Spukerscheinung»), — а если такъ, то и нѣтъ никакой надобности заподозривать настоящій, Bekker'овскій текстъ указаннаго выраженія. Дѣйствительно, нельзя, какъ мнѣ кажется, не согласиться съ этими разсужденіями Freudenthal'я: въ переводѣ и объясненіяхъ всей этой первой фразы, предложенныхъ выше, въ моемъ текстѣ, я слѣдовалъ именно этимъ разсужденіямъ, я придерживался какъ разъ Bekker'овскаго текста, — и, тѣмъ не менѣе, никакой неясности, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, не было; смыслъ того, что хотѣлъ сказать Аристотель во всей первой фразѣ, и въ частности въ этомъ, заподозрѣнномъ Trendelenburg'омъ, выраженіи, оставался совершенно ясенъ и послѣдователенъ. Таково первое возраженіе, которое вообще дѣлается противъ приведеннаго выше, собственно Bekker'овскаго текста всего настоящаго мѣста. Затѣмъ далѣе мнѣ придется защищать Bekker'овскій текстъ нашего мѣста уже противъ Freudenthal'я. Именно, Freudenthal находитъ неудобнымъ Bekker'овское чтеніе въ одномъ изъ слѣдующихъ выраженій, въ выраженіи *εἶτα αἴσθησις μὲν ἀεὶ πάρεστι, φαντασία δ' οὔ*, онъ предлагаетъ терминъ *ἀεί* замѣнить терминомъ *πᾶσι* (см. брош. Freudenthal'я, стр. 12),—я же, съ своей стороны, думаю, что и здѣсь это чтеніе вполнѣ возможно. Freudenthal, какъ мнѣ кажется, желаетъ понимать здѣсь терминъ *ἀεί*, такъ сказать, слишкомъ абсолютно, —а, можетъ быть, Аристотель употребилъ этотъ терминъ только относительно, только въ отношеніи къ послѣдующему *φαντασία δ' οὔ*. Дѣятельность способности *αἴσθησις* конечно, по Аристотелю, такъ сказать, болѣе готова проявиться, чѣмъ дѣятельность способности *φαντασία*, — эту-то только бо́льшую готовность Аристотель и могъ имѣть въ виду, употребляя терминъ *ἀεί*. Наконецъ, скажу еще нѣсколько словъ въ защиту Bekker'овскаго чтенія фразы *δοκεῖ δ' οὔ, οἷον μύρμηκι ἢ μελίττῃ ἢ σκώληκι*. Здѣсь уже всѣ комментаторы и издатели несогласны съ Bekker'омъ: начиная съ Torstrik'а (см. у Torstrik'а въ крит. замѣчаніяхъ въ его изданіи De anima, стр. 171—173),

своей, указанной выше, таблицѣ, Аристотель продолжаетъ теперь этотъ отрицательный путь, продолжаетъ это отграниченіе образовъ или представленій отъ другихъ, поименованныхъ имъ, познавательныхъ фактовъ. Выше онъ назвалъ: ощущеніе, мнѣніе, научное знаніе и собственно дѣятельность разума — все вообще разумныя познанія, — и теперь прежде всего онъ отдѣляетъ еще образы или представленія отъ научнаго знанія и дѣятельности разума. Дѣлаетъ онъ это по всей вѣроятности потому, что научное знаніе и собственно дѣятель-

---

положительно всѣ послѣдующіе издатели читаютъ—*δοκεῖ δ' οὔ, οἷον μύρμηκι μὲν ἢ μελίττῃ, σκώληκι δ' οὔ*, т. е. главнымъ образомъ вставляютъ совершенно не находящееся у Bekker'а отрицаніе *οὔ*. Вставка на первый взглядъ кажется весьма заманчивой, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, я и здѣсь рѣшился остаться вѣрнымъ Bekker'у. Въ самомъ дѣлѣ, чего собственно достигаемъ мы этою вставкою, чего достигаемъ мы всѣми этими измѣненіями? Мы достигаемъ, такъ сказать, бо́льшей наглядности въ смыслѣ всей настоящей фразы, но мы вовсе не получаемъ чего-либо такого, что уже не находилось бы и при Bekker'овскомъ текстѣ этой фразы. Torstrik, при своемъ исправленіи, исходилъ между прочимъ изъ того соображенія, что Bekker'овскій текстъ этой фразы будто бы противорѣчитъ утвержденіямъ Аристотеля въ другихъ мѣстахъ его сочиненій, онъ будто бы ставитъ на одну доску и муравья, и пчелу, и червя, одинаково отнимаетъ у всѣхъ этихъ животныхъ способность *φαντασία*,—но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется —и это я старался показать при самомъ моемъ переводѣ и при объясненіяхъ къ этому переводу—, что это не такъ, что и при Bekker'овскомъ чтеніи нашей фразы различіе между названными животными, возможность существованія у нѣкоторыхъ изъ нихъ способности *φαντασία* вполнѣ допустимы. Если же такъ, если никакого существеннаго улучшенія черезъ предложенныя исправленія мы не получаемъ (да такого улучшенія, строго говоря, и не требовалось),—то зачѣмъ же мы будемъ принимать эти исправленія? Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я и рѣшился остаться при Bekker'овскомъ чтеніи настоящей фразы. Вотъ собственно замѣчанія, которыя мнѣ казалось нужнымъ привести еще въ объясненіе настоящаго мѣста. Я остановился на этихъ замѣчаніяхъ во 1-хъ потому, что они оправдываютъ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ Bekker'овскій текстъ этого мѣста, текстъ, который я и положилъ въ основу своего пониманія, съ другой-же стороны потому, что этими-же замѣчаніями, быть можетъ, устраняются нѣкоторыя частныя неясности въ переводѣ. При предложенномъ выше переводѣ могло кое-что остаться еще не совсѣмъ яснымъ,—эти-то неясности теперь, послѣ настоящаго замѣчанія, можетъ быть, будутъ устранены.

ность разума, дѣятельность разума, преимущественно выражающаяся въ научномъ знаніи, стоятъ, такъ сказать, на вершинѣ вообще разумнаго познанія, эти знанія, стало быть, и съ внѣшней стороны какъ будто наиболѣе удалены отъ образовъ, представленій,—слѣд. и вообще отдѣлить образы, представленія отъ научнаго знанія и такой собственной дѣятельности разума будетъ совершенно легко. «Но способность φαντασία», продолжаетъ Аристотель, «не будетъ тождественною и съ ни одною изъ способностей, всегда вырабатывающихъ, дающихъ въ результатѣ истину, какими можно назвать способность, дающую научное знаніе, или вообще специфическую, собственную способность разума: ибо дѣятельность способности φαντασία можетъ быть настолько же истинною, насколько и ложною» (настолько же можетъ давать въ результатѣ истинныя, насколько и ложныя знанія). Другими словами, достаточно, по Аристотелю, обратить только самое поверхностное вниманіе на научныя знанія и на дѣятельность разума, связанную съ этими научными знаніями, съ одной стороны, и на образы или представленія съ другой,—чтобы отбросить всякую мысль о возможности какого-либо совпаденія между этими двумя родами знаній вообще: сущность научныхъ знаній, говоритъ Аристотель, какъ-бы въ томъ и состоитъ, что они всегда истинны,—этотъ признакъ конечно совершенно отдѣляетъ научныя знанія отъ образовъ или представленій. Такимъ образомъ дѣйствительно, нѣтъ никакого особаго затрудненія для Аристотеля отграничить образы или представленія отъ научныхъ знаній, показать, что съ научными знаніями эти знанія, вырабатываемыя способностью φαντασία, уже положительно ничего общаго имѣть не могутъ,—и потому-то онъ и дѣлаетъ это прежде всего, и дѣлаетъ такъ сравнительно быстро. Но остается еще познавательный фактъ—мнѣніе, фактъ наиболѣе сомнительный въ настоящемъ случаѣ, ибо онъ какъ разъ наоборотъ стоитъ въ основаніи всѣхъ вообще разумныхъ знаній, онъ, стало быть, какъ разъ наиболѣе близко соприкасается съ образами или представленіями. Въ виду такой близости, отграниченіе образовъ или представленій отъ мнѣній должно было потребовать бо́льшей обстоятельности,—и дѣйствительно Аристотель занимается этимъ слѣдующимъ отграниченіемъ, этимъ слѣдующимъ отрицательнымъ опредѣленіемъ знаній, со-

отвѣтствующихъ дѣятельности способности *φαντασία*, болѣе подробно. «Остается еще», говоритъ Аристотель далѣе, «посмотрѣть, не есть ли мнѣніе нѣчто тождественное съ образами, представленіями,—ибо вѣдь и мнѣніе бываетъ и истинно и ложно. Но за мнѣніемъ», тотчасъ-же возражаетъ Аристотель противъ приведеннаго предположенія, «слѣдуетъ вѣра—ибо невозможно допустить, чтобы кто-либо имѣлъ какія-либо мнѣнія, которымъ, какъ кажется, не вѣритъ—, изъ животныхъ же вообще ни одному не свойственна вѣра, тогда какъ способность *φαντασία*—многимъ. Еще же», продолжаетъ Аристотель это-же самое возраженіе, «всякое мнѣніе сопровождается вѣрою, вѣра же—убѣжденіемъ, а убѣжденіе уже связано съ разумомъ, — у нѣкоторыхъ же животныхъ способность *φαντασία* дѣйствительно существуетъ, но разумъ—никогда». Т. е., по Аристотелю, нельзя отождествить образы или представленія съ мнѣніями прежде всего потому, что мнѣнія, такъ или иначе, обусловливаются разумомъ, требуютъ для своего обнаруженія присутствія и разума,—наблюденія же показываютъ, что существованіе способности *φαντασία* вовсе не сопровождается непремѣнно существованіемъ и разума. У нѣкоторыхъ живыхъ познающихъ существъ, утверждаетъ Аристотель, наблюдается *φαντασία*, но совершенно не наблюдается разума,—это и значитъ, что нельзя отождествлять образы или представленія съ мнѣніями. Но если нельзя вообще отождествлять образы или представленія съ мнѣніями, то, принимая во вниманіе предыдущее отрицательное опредѣленіе образовъ—указаніе, что образы не могутъ быть отождествляемы и съ чувственными познаніями, нельзя, говоритъ далѣе Аристотель, и смотрѣть на образы или представленія, какъ на нѣкоторыя комбинаціи тѣхъ-же мнѣній съ чувственными знаніями; противъ всѣхъ такихъ опредѣленій образовъ или представленій говорили бы и эти, уже приведенные, аргументы, — съ другой стороны такимъ опредѣленіямъ противорѣчили бы и нѣкоторые, такъ сказать, совершенно наглядные факты. «Слѣдовательно очевидно», продолжаетъ Аристотель, «что дѣятельность способности *φαντασία* нельзя считать совпадающею—ни съ мнѣніемъ, сопровождающимъ чувственное познаніе, ни съ мнѣніемъ, вытекающимъ изъ чувственнаго познанія, ни съ смѣшеніемъ мнѣнія и чувственнаго познанія, и изъ приведенныхъ же фактовъ ясно еще» (это—

уже начинаются указанія Аристотеля на упомянутые наглядные противорѣчащіе факты), «что мнѣніе» (мнѣніе — конечно при данныхъ, приведенныхъ опредѣленіяхъ) «относится ни къ чему иному, но именно къ тому, къ чему относится и чувственное познаніе; я говорю», разъясняетъ свою послѣднюю фразу Аристотель, «что именно смѣшеніемъ мнѣнія о бѣломъ и чувственнаго познанія» (ощущенія) «бѣлаго является въ такомъ случаѣ дѣятельность способности *φαντασία*» (образъ, представленіе), «—ибо вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не составится же при всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ образъ или представленіе изъ мнѣнія о добромъ и изъ ощущенія о бѣломъ. Такъ что», резюмируетъ Аристотель всю свою настоящую мысль, «имѣть образы, представленія» (казаться—по подлинному выраженію Аристотеля) «значитъ» (очевидно при указанныхъ же опредѣленіяхъ) «—имѣть мнѣніе именно о томъ, что» (въ тоже время) «и ощущается» (чувственно познается) «прямо, непосредственно». Но тутъ-то сейчасъ и возникаетъ сомнѣніе у Аристотеля, тутъ-то ему и приходятъ въ голову нѣкоторые противорѣчащіе, и въ тоже время совершенно наглядные, совершенно ясные факты. «Однако», замѣчаетъ Аристотель далѣе, «кажется иногда нѣчто ложное» (составляется иногда и ложное представленіе о чемъ-либо), «и тѣмъ не менѣе, тотъ, кто имѣетъ это ложное представленіе, мнѣніе объ этомъ-же предметѣ въ тоже самое время имѣетъ правильное, какъ напр. кажется солнце имѣющимъ только футъ въ діаметрѣ, признается же» (признается тѣмъ-же самымъ наблюдателемъ, который имѣетъ только что упомянутое ложное представленіе) «больше всей земли; въ такомъ случаѣ» продолжаетъ Аристотель, «приходится» (такому, имѣющему ложное представленіе, наблюдателю) «—или какъ-бы отбрасывать свое правильное мнѣніе, которое онъ имѣлъ, не забывши и не видоизмѣнивши его, причемъ и самый предметъ остается такимъ-же, какимъ онъ былъ,—или же, если онъ и не отбрасываетъ этого правильнаго мнѣнія, необходимо, чтобы одно и тоже мнѣніе было и истинно и ложно. Но», прибавляетъ еще Аристотель, «мнѣніе могло сдѣлаться ложнымъ, когда незамѣтно видоизмѣнился самой предметъ». Т. е. невозможность опредѣленія образовъ или представленій какъ нѣкоторыхъ комбинацій мнѣній съ чувственными знаніями (это опредѣленіе—замѣтимъ кстати—особенно поддерживалось, какъ

можно думать, Платономъ, — и вотъ между прочимъ почему Аристотель и останавливается здѣсь на немъ и разбираетъ его такъ сравнительно подробно) обусловливается по Аристотелю тѣмъ совершенно нагляднымъ и въ тоже время совершенно противорѣчащимъ фактомъ, что очень часто представленіе о какомъ-либо предметѣ можетъ быть неправильнымъ, ложнымъ, тогда какъ мнѣніе объ этомъ-же предметѣ можетъ быть и правильнымъ. Какъ-же быть, какъ-бы спрашиваетъ Аристотель, при такомъ фактѣ съ приведеннымъ опредѣленіемъ?—вѣдь при приведенномъ опредѣленіи во всякомъ случаѣ объ одномъ и томъ-же предметѣ, въ одно и тоже время, и вообще при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ выйдутъ два совершенно различныя мнѣнія. Но иначе обстояло бы дѣло, не можетъ не замѣтить вскользь Аристотель, если бы предметъ успѣлъ какъ-либо видоизмѣниться, причемъ это видоизмѣненіе осталось незамѣтнымъ для наблюдателя,—тогда по крайней мѣрѣ не было бы никакого особеннаго неудобства въ существованіи различныхъ мнѣній. Такимъ-то образомъ на основаніи этого нагляднаго факта Аристотель и опровергаетъ приведенное опредѣленіе образовъ или представленій какъ комбинацій мнѣній съ чувственными познаніями. Затѣмъ онъ дѣлаетъ общее заключеніе ко всему настоящему отдѣлу. «Такимъ образомъ», говоритъ Аристотель далѣе, «способность *φαντασία* не есть ни одна» (не можетъ быть признана тождественною ни съ одной) «изъ этихъ» (вообще перечисленныхъ — какъ чувственной, такъ и разумныхъ способностей), «и не является результатомъ совокупной» (смѣшанной) «дѣятельности этихъ способностей» [1]).

---

[1]) Ibidem, 428 a. 17—b. 9. *Ἀλλὰ μὴν οὐδὲ τῶν ἀεὶ ἀληθευόντων οὐδεμία ἔσται, οἷον ἐπιστήμη ἢ νοῦς· ἔστι γὰρ φαντασία καὶ ψευδής. λείπεται ἄρα ἰδεῖν εἰ δόξα· γίνεται γὰρ δόξα καὶ ἀληθὴς καὶ ψευδής. ἀλλὰ δόξῃ μὲν ἕπεται πίστις (οὐκ ἐνδέχεται γὰρ δοξάζοντα οἷς δοκεῖ μὴ πιστεύειν), τῶν δὲ θηρίων οὐθενὶ ὑπάρχει πίστις, φαντασία δὲ πολλοῖς. ἔτι πάσῃ μὲν δόξῃ ἀκολουθεῖ πίστις, πίστει δὲ τὸ πεπεῖσθαι, πειθοῖ δὲ λόγος· τῶν δὲ θηρίων ἐνίοις φαντασία μὲν ὑπάρχει, λόγος δ' οὔ. φανερὸν τοίνυν ὅτι οὐδὲ δόξα μετ' αἰσθήσεως, οὐδὲ δι' αἰσθήσεως, οὐδὲ συμπλοκὴ δόξης καὶ αἰσθήσεως φαντασία ἂν εἴη, διά τε ταῦτα καὶ δῆλον ὅτι οὐκ ἄλλου τινός ἐστιν ἡ δόξα, ἀλλ' ἐκείνου ἐστὶν οὗ καὶ αἴσθησις· λέγω δ', ἐκ τῆς τοῦ λευκοῦ δόξης καὶ αἰσθήσεως; ἡ συμπλοκὴ φαντασία ἐστίν· οὐ γὰρ δὴ ἐκ τῆς δόξης μὲν*

Итакъ, и ни съ однимъ изъ собственно разумныхъ знаній Аристотель не находитъ возможнымъ отождествить образы или представленія; при ближайшемъ разсмотрѣніи онъ считаетъ нужнымъ отдѣлить способность *φαντασία* и отъ разумной способности, совершенно также, какъ онъ отдѣлилъ ее ранѣе отъ чувственной способности. Но вѣдь чувственною и разумною способностями исчерпываются по Аристотелю, какъ можно было видѣть и изъ начала настоящей 3-ей главы III-ей

τῆς τοῦ ἀγαθοῦ, αἰσθήσεως δὲ τῆς τοῦ λευκοῦ. τὸ οὖν φαίνεσθαί ἐστι τὸ δοξάζειν ὅπερ αἰσθάνεται μὴ κατὰ συμβεβηκός. φαίνεται δὲ καὶ ψευδῆ, περὶ ὧν ἅμα ὑπόληψιν ἀληθῆ ἔχει, οἷον φαίνεται μὲν ὁ ἥλιος ποδιαῖος, πεπίστευται δ' εἶναι μείζων τῆς οἰκουμένης· συμβαίνει οὖν ἤτοι ἀποβεβληκέναι τὴν ἑαυτοῦ ἀληθῆ δόξαν, ἣν εἶχε, σωζομένου τοῦ πράγματος, μὴ ἐπιλαθόμενον μηδὲ μεταπεισθέντα, ἢ εἰ ἔτι ἔχει, ἀνάγκη τὴν αὐτὴν ἀληθῆ εἶναι καὶ ψευδῆ. ἀλλὰ ψευδὴς ἐγένετο, ὅτε λάθοι μεταπεσὸν τὸ πρᾶγμα. οὔτ' ἄρα ἓν τι τούτων ἐστὶν οὔτ' ἐκ τούτων ἡ φαντασία. Фразу *λέγω δ', ἐκ τῆς τοῦ λευκοῦ δόξης καὶ αἰσθήσεως ἡ συμπλοκὴ φαντασία ἐστίν* (которая такъ именно читается у Bekker'a) Trendelenburg находитъ не совсѣмъ подходящею въ настоящемъ случаѣ. Именно, Trendelenburg указываетъ, что во всемъ этомъ мѣстѣ, во всемъ этомъ приводимомъ опредѣленіи способности *φαντασία* Аристотель разсуждаетъ только предположительно, только гипотетически, это опредѣленіе онъ приводитъ въ сущности только затѣмъ, чтобы далѣе опровергнуть его,—между тѣмъ этой-то гипотетичности въ самомъ Аристотелевскомъ текстѣ (какъ этотъ текстъ изложенъ у Bekker'a) и не замѣчается. Въ виду этого обстоятельства — чтобы, такъ сказать, нѣсколько поправить дѣло, Trendelenburg и предлагаетъ видоизмѣнить въ указанной фразѣ предлогъ *ἐκ* на союзъ *εἰ*, и затѣмъ въ связи съ этимъ онъ предлагаетъ еще въ слѣдующей фразѣ, во фразѣ *τὸ οὖν φαίνεσθαί ἐστι τὸ δοξάζειν* и т. д., перемѣнить *ἐστι* на *ἔσται* (см. у Trendelenburg'a въ его критическихъ замѣчаніяхъ въ изданіи De anima стр. 377 — 378). Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ Trendelenburg'омъ, что все это мѣсто, все это приведенное опредѣленіе съ внѣшней стороны изложено въ Bekker'овскомъ текстѣ не совсѣмъ гладко, — но только, уничтожится ли сколько-нибудь этотъ недостатокъ при исправленіяхъ Trendelenburg'а? Мнѣ казалось, что и при исправленіяхъ Trendelenburg'а изложеніе остается совершенно такимъ-же, что оно вовсе не становится болѣе гладкимъ,—и вотъ причина, почему я въ моемъ текстѣ, въ переводѣ и разъясненіяхъ всего этого опредѣленія, и въ частности въ переводѣ и разъясненіяхъ указанной фразы, послѣдовалъ примѣру другихъ комментаторовъ (главнымъ образомъ Wallace'а—см. въ его изданіи стр. 264, и Zahlfleisch'а—стр. 22), и постарался остаться вѣрнымъ Bekker'у. Затѣмъ, другое исправленіе, которое

книги De anima, вообще всѣ преимущественно самостоятельныя познавательныя способности,—это значитъ, что, заканчивая теперь это отграниченіе способности *φαντασία* отъ разумной способности, Аристотель въ тоже самое время заканчиваетъ и вообще отрицательныя опредѣленія способности *φαντασία* и знаній, вырабатываемыхъ этой способностью. И дѣйствительно, слѣдующій, остающійся еще отрывокъ этой-же 3-ей главы посвященъ у Аристотеля наконецъ и положитель-

---

предлагается во всемъ настоящемъ отрывкѣ сравнительно съ Bekker'омъ, касается слова *πεπίστευται* въ выраженіи *οἷον φαίνεται μὲν ὁ ἥλιος ποδιαῖος, πεπίστευται δ' εἶναι μείζων τῆς οἰκουμένης*. Слѣдуя примѣру Torstrik'а, который первый обратилъ вниманіе на нѣкоторую будто бы неумѣстность этого слова (см. у Torstrik'а въ изданіи De anima въ крит. замѣч. стр. 173), нѣкоторые другіе издатели (напр. Wallace), опираясь, правда, на чтеніе одной рукописи, предлагаютъ читать не *πεπίστευται*, а *πέπεισται*. Однако и здѣсь мнѣ казалось, что какого-либо существеннаго улучшенія благодаря такой перемѣнѣ мы вовсе не получимъ. Въ самомъ дѣлѣ, самъ-же Torstrik вначалѣ своего разъясненія неумѣстности настоящаго слова и вообще вначалѣ разъясненія приведенной фразы всетаки замѣчаетъ, что сама по себѣ эта фраза не возбуждаетъ никакого особеннаго подозрѣнія,—это-то замѣчаніе Torstrik'а, какъ мнѣ кажется, и показываетъ, что въ существѣ дѣла пожалуй и онъ самъ не сталъ бы особенно стоять за свое исправленіе. Наконецъ въ 3-хъ, особенному подозрѣнію со стороны своего текста подвергается предпослѣдняя Bekker'овская фраза, фраза *ἀλλὰ ψευδὴς ἐγένετο, ὅτε λάθοι μεταπεσὸν τὰ πρᾶγμα*. Здѣсь уже почти всѣ издатели считаютъ нужнымъ какъ-либо видоизмѣнить ее. Trendelenburg въ первомъ изданіи своихъ комментарій предлагалъ выпустить совсѣмъ *ἀλλά* вмѣстѣ съ непосредственно предшествующими словами *ἀνάγκη τὴν αὐτὴν ἀληθῆ εἶναι καὶ ψευδῆ*, непосредственно послѣ *ἢ ἔτι ἔχει* онъ предлагалъ читать *ψευδὴς ἐγένετο ὅτε λάθοι μεταπεσὸν τὸ πρᾶγμα*,—во второмъ же изданіи, не дѣлая столь значительнаго выпуска, онъ всетаки предлагалъ видоизмѣнить *ἀλλά* на *οὐ γάρ* (см. у Trendelenburg'а въ его Коммент. во 2-мъ изд. стр. 378—379 и прим. 1); затѣмъ Torstrik, не посвящая особеннаго примѣчанія нашей фразѣ, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ въ текстѣ, что фраза эта возбуждаетъ подозрѣніе (см. въ текстѣ De anima у Torstrik'а, стр. 87, — Torstrik видоизмѣняетъ еще *ἐγένετο* на *ἐγίνετο*); и наконецъ Wallace ставитъ всю эту фразу въ скобки (въ текстѣ у Wallace'а, стр. 150). Исправленія Trendelenburg'а и замѣчаніе Torstrik'а очевидно обусловливаются главнымъ образомъ желаніемъ поставить нашу фразу въ болѣе тѣсную связь съ непосредственно предшествующимъ,—но нужна ли здѣсь такая связь? Мнѣ казалось—и такъ именно я и перевелъ настоящую

ному опредѣленію способности *φαντασία* и самыхъ образовъ или представленій; тутъ наконецъ Аристотель показываетъ—что́ же та̀кое будутъ сами по себѣ эти образы или представленія, и благодаря како́й именно дѣятельности способности *φαντασία* они вырабатываются. «Но такъ какъ», говоритъ Аристотель въ этомъ оставшемся отдѣлѣ нашей главы, «когда какой-либо данный предметъ приведенъ въ движеніе, приводится въ движеніе и другой имъ, а дѣятельность способности *φαντασία* кажется нѣкоторымъ движеніемъ и безъ чувственнаго познанія кажется не бываетъ, но бываетъ у чувственно познаю-

---

фразу въ моемъ текстѣ—, что эта связь тутъ вовсе не такъ необходима, что Аристотель высказалъ настоящую фразу просто, такъ сказать, вскользь, мимоходомъ. При такомъ же пониманіи этой фразы и Bekker'овскій текстъ оставался вполнѣ умѣстнымъ, онъ не возбуждалъ никакихъ подозрѣній, и такимъ образомъ исправленія Trendelenburg'а оказывались ненужными. Скорѣе еще можно было принять исправленіе Wallace'а—скобки, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, и это едва ли могло быть какимъ-либо существеннымъ улучшеніемъ. Таковы, какъ мнѣ кажется, наиболѣе существенныя исправленія въ текстѣ настоящаго отрывка, которыя дѣлаются сравнительно съ собственно Bekker'овскимъ текстомъ. Кромѣ нихъ можно было бы привести еще нѣкоторыя исправленія, предлагаемыя Torstrik'омъ,—но въ виду того, что эти исправленія менѣе важны, и въ виду того, что они защищаются преимущественно только самимъ же Torstrik'омъ, на нихъ останавливаться я не буду. Затѣмъ, скажу относительно общаго значенія приводимаго и разбираемаго здѣсь Аристотелемъ опредѣленія знаній, вырабатываемыхъ способностью *φαντασία*, какъ комбинацій мнѣній съ чувственными знаніями. Уже при самомъ переводѣ этого опредѣленія какъ-бы бросалась въ глаза нѣкоторая странность того обстоятельства, что Аристотель приводитъ это опредѣленіе, и, главное, что онъ разбираетъ его такъ подробно,—и на эту странность я намекнулъ и при самомъ переводѣ. Въ дополненіе къ тому замѣчанію прибавлю теперь, что, какъ указываютъ и нѣкоторые комментаторы (напр. Wallace въ своихъ комментар. — см. у Wallace'а стр. 263, Wallace ссылается въ этомъ случаѣ на Thompson'а; ср. еще указанія Freudenthal'я въ его брошюрѣ, стр. 57 прим. 2), Аристотель дѣйствительно имѣлъ въ виду въ настоящемъ случаѣ опредѣленія образовъ, представленій Платономъ,—и въ частности онъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду мѣсто изъ діалога Платона «Софистъ» (по изданію Стефана это будетъ—264 B). Сопоставленіемъ настоящаго опредѣленія съ этимъ мѣстомъ изъ «Софиста» въ самомъ дѣлѣ могутъ быть до нѣкоторой степени объяснены и частныя, отдѣльныя выраженія Аристотеля.

щихъ и у тѣхъ, кому вообще присуще чувственное познаніе, и такъ какъ далѣе возможно вообще, что вслѣдствіе активнаго, дѣйствительнаго чувственнаго познанія произошло бы движеніе, и это движеніе необходимо было бы сходно съ» (этимъ активнымъ, дѣйствительнымъ) «чувственнымъ познаніемъ,—то въ такомъ случаѣ можно смотрѣть на дѣятельность способности *φαντασία* какъ на движеніе—движеніе, которое не могло бы появиться безъ чувственнаго познанія и которое у существъ, не обладающихъ способностью чувственнаго познанія, и не могло бы существовать; и существо, обладающее такимъ движеніемъ» (такою способностью), «во многихъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія этого движенія являлось бы и дѣйствующимъ и страдающимъ, и само такое движеніе было бы и истиннымъ и ложнымъ» (давало бы въ результатѣ какъ истинныя, такъ и ложныя знанія). «Послѣднее же случается», продолжаетъ Аристотель, «благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Чувственное познаніе отдѣльныхъ» (спеціально познаваемыхъ какимъ-либо отдѣльнымъ чувствомъ) «чувственныхъ качествъ истинно, или, по крайней мѣрѣ, подвержено ложности въ самой незначительной степени. Но во вторыхъ, существуетъ чувственное познаніе того, что случайно сопровождаетъ эти отдѣльныя чувственныя качества» (вообще случайное чувственно познаваемое по терминологіи Аристотеля — объ этомъ случайномъ чувственно познаваемомъ намъ уже нѣсколько разъ приходилось говорить раньше, въ предыдущей главѣ), «—и тутъ уже возможно ошибаться: въ томъ, что данный предметъ бѣлъ—чувство не ошибается, но есть ли бѣлое этотъ предметъ, или какой-либо другой—въ этомъ возможно ошибиться. Въ третьихъ», указываетъ еще Аристотель, «существуетъ чувственное познаніе еще общихъ чувственныхъ свойствъ и свойствъ, сопровождающихъ случайное чувственно познаваемое, то чувственно познаваемое, къ которому и относятъ отдѣльныя чувственныя качества: я говорю», разъясняетъ этотъ третій родъ Аристотель, «напримѣръ о движеніи и величинѣ, о свойствахъ, познаваемыхъ при собственно чувственно познаваемомъ» (при отдѣльныхъ чувственныхъ качествахъ), «—и относительно этихъ свойствъ» (относительно этихъ свойствъ поскольку они связаны съ случайнымъ чувственно познаваемымъ) «уже по преимуществу возможны ошибки при чувственномъ

познаніи. Движеніе же, являющееся слѣдствіемъ активнаго, дѣйствительнаго чувственнаго познанія», выводитъ Аристотель изъ всѣхъ этихъ опредѣленій, «чувственнаго познанія въ этихъ трехъ видахъ, будетъ различно. И движеніе въ первомъ видѣ, такъ какъ тутъ находится на лицо самое чувственное познаніе» (специфическое чувственное познаніе), «будетъ истинно, два же остальныя движенія, и въ присутствіи и въ отсутствіи самаго чувственнаго познанія, могутъ быть ложны,—особенно когда чувственно познаваемый предметъ находится далеко» (очевидно—далеко отъ самаго чувственнаго органа). Это—собственно первое, такъ сказать, болѣе широкое, положительное опредѣленіе дѣятельности способности *φαντασία*—самыхъ знаній, вырабатываемыхъ способностью *φαντασία*, образовъ, представленій. Но вотъ и болѣе точное, болѣе сконцентрированное такое-же опредѣленіе, и вотъ нѣкоторые выводы изъ такого болѣе точнаго опредѣленія. «Итакъ», продолжаетъ Аристотель, «если все сказанное не можетъ относиться ни къ чему другому, кромѣ какъ къ способности *φαντασία*, и она есть какъ разъ то, что сказано, то въ такомъ случаѣ способность *φαντασία* будетъ движеніемъ—движеніемъ, являющимся слѣдствіемъ дѣйствительнаго, активнаго чувственнаго познанія. И такъ какъ зрѣніе по преимуществу является чувственнымъ познаніемъ» (зрѣніе есть какъ-бы первое, наиболѣе важное изъ чувствъ), «то и названіе свое» (*φαντασία*) «она получила отъ свѣта» (отъ *φῶς*), «—именно потому, что безъ свѣта невозможно видѣть». И далѣе: «И вслѣдствіе того, что образы, вырабатываемые способностью *φαντασία*, какъ-бы остаются» (въ познающемъ существѣ) «и вообще сходны съ самыми чувственными познаніями, живыя существа во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ сообразно съ ними,—одни вслѣдствіе того, что вообще не имѣютъ ума, каковы наприм. животныя, другія же—вслѣдствіе того, что ихъ умъ какъ-бы затемняется иногда страстью ли, или болѣзнями, или сномъ, какъ это бываетъ у людей» [1]).

---

[1]) Ibidem, 428 b. 10–429 a. 8. *Ἀλλ' ἐπειδή ἐστι κινηθέντος τουδὶ κινεῖσθαι ἕτερον ὑπὸ τούτου, ἡ δὲ φαντασία κίνησίς τις δοκεῖ εἶναι καὶ οὐκ ἄνευ αἰσθήσεως γίγνεσθαι ἀλλ' αἰσθανομένοις καὶ ὧν αἴσθησις ἐστίν, ἔστι δὲ γίνεσθαι κίνησιν ὑπὸ τῆς ἐνεργείας τῆς αἰσθήσεως, καὶ ταύτην ὁμοίαν ἀνάγκη εἶναι τῇ αἰσθήσει, εἴη ἂν αὕτη ἡ κίνησις οὔτε ἄνευ αἰσθήσεως ἐνδεχομένη οὔτε μὴ αἰσθανο-*

Вотъ собственно подлинныя, непосредственныя разсужденія Аристотеля въ 3-ей главѣ III-ей книги De anima, вотъ подлинный ходъ развитія мыслей Аристотеля въ этомъ мѣстѣ его сочиненій, гдѣ, какъ мы указывали, онъ спеціально разсматриваетъ дѣятельность способности *φαντασία* и знанія, являющіяся результатами этой дѣятельности—образы, представленія. Такимъ образомъ, то, что мы только еще ожидали вначалѣ нашей настоящей главы, то, что мы высказывали только предположительно, въ настоящее время получаетъ несомнѣнныя подтвержденія. Именно, еще вначалѣ настоящей главы мы высказали, что дѣятельность способности *φαντασία* съ одной стороны, и знанія, вырабатываемыя дѣятельностью этой способности, съ другой, по всей видимости должны, по мнѣнію Аристотеля, занимать какъ-бы нѣкоторое среднее, промежуточное положеніе между собственно чувствомъ, чувственными знаніями и разумомъ, вообще разумными знаніями,—это несомнѣнно подтверждается настоящими подлинными разсужденіями Аристотеля. Самый ходъ внѣшняго изложенія Аристотеля, то, какъ Аристотель начинаетъ, и далѣе къ чему онъ постепенно переходитъ въ этой 3-ей главѣ, спеціально посвященной имъ анализу указанныхъ знаній, — все это конечно имѣетъ въ виду такое среднее положеніе, все это, какъ мы видѣли, даже и понять иначе, помимо такого средняго, промежуточнаго положенія, было бы трудно. Съ другой стороны, въ томъ-же началѣ нашей главы мы высказали еще, что, приписывая разбираемымъ нами въ данное время знаніямъ такое среднее положеніе, Аристотель въ тоже самое время ближе сопоставляетъ ихъ съ чувственными знаніями; образы или представленія, говорили мы, всетаки свое происхожденіе, по Аристотелю, должны вести отъ чувственныхъ знаній, и разсмотрѣніе ученія Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ должно какъ-бы закончить разсмотрѣніе вообще его ученія о чувственномъ познаніи; — и это положеніе точно также находитъ теперь свое оправданіе. Тамъ

μένοις ὑπάρχειν, καὶ πολλὰ κατ' αὐτὴν καὶ ποιεῖν καὶ πάσχειν τὸ ἔχον, καὶ εἶναι καὶ ἀληθῆ καὶ ψευδῆ. τοῦτο δὲ συμβαίνει διὰ τάδε. ἡ αἴσθησις τῶν μὲν ἰδίων ἀληθής ἐστιν ἢ ὅτι ὀλίγιστον ἔχουσα τὸ ψεῦδος. δεύτερον δὲ τοῦ συμβεβηκέναι ταῦτα· καὶ ἐνταῦθα ἤδη ἐνδέχεται διαψεύδεσθαι· ὅτι μὲν γὰρ λευκόν, οὐ ψεύδεται, εἰ δὲ τοῦτο τὸ λευκὸν ἢ ἄλλο τι, ψεύδεται. τρίτον δὲ τῶν κοινῶν καὶ ἑπομένων

въ этой 3-ей главѣ, гдѣ Аристотелю удается наконецъ коснуться образовъ или представленій и съ положительной стороны,—онъ дѣлаетъ это положительное опредѣленіе, какъ мы видѣли, именно исходя отъ чувственныхъ познаній. Образы или представленія, по своему существу, являются движеніями у Аристотеля, вызываемыми въ концѣ, такъ или иначе, дѣйствительными, активными чувственными познаніями. Итакъ, эта 3-я глава, анализъ этой 3-ей главы III-ей книги главнаго психо-

---

τοῖς συμβεβηκόσιν, οἷς ὑπάρχει τὰ ἴδια· λέγω δ' οἷον κίνησις καὶ μέγεθος, ἃ συμβέβηκε τοῖς αἰσθητοῖς, περὶ ἃ μάλιστα ἤδη ἔστιν ἀπατηθῆναι κατὰ τὴν αἴσθησιν, ἡ δὲ κίνησις ἡ ὑπὸ τῆς ἐνεργείας γινομένη διοίσει τῆς αἰσθήσεως τῆς ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων. καὶ ἡ μὲν πρώτη παρούσης τῆς αἰσθήσεως ἀληθής, αἱ δ' ἕτεραι καὶ παρούσης καὶ ἀπούσης εἶεν ἂν ψευδεῖς, καὶ μάλιστα ὅταν πόρρω τὸ αἰσθητὸν ᾖ. εἰ οὖν μηθὲν μὲν ἄλλο ἔχει τὰ εἰρημένα ἢ μὴ φαντασίαν, τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ λεχθέν, ἡ φαντασία ἂν εἴη κίνησις ὑπὸ τῆς αἰσθήσεως τῆς κατ' ἐνέργειαν γιγνομένης. ἐπεὶ δ' ἡ ὄψις μάλιστα αἴσθησίς ἐστι, καὶ τὸ ὄνομα ἀπὸ τοῦ φάους εἴληφεν, ὅτι ἄνευ φωτὸς οὐκ ἔστιν ἰδεῖν. καὶ διὰ τὸ ἐμμένειν καὶ ὁμοίως εἶναι ταῖς αἰσθήσεσι, πολλὰ κατ' αὐτὰς πράττει τὰ ζῷα, τὰ μὲν διὰ τὸ μὴ ἔχειν νοῦν, οἷον τὰ θηρία, τὰ δὲ διὰ τὸ ἐπικαλύπτεσθαι τὸν νοῦν ἐνίοτε πάθει ἢ νόσοις ἢ ὕπνῳ, οἷον οἱ ἄνθρωποι. Совершенно также какъ и въ предыдущемъ, и въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ настоящей 3-ей главы III-ей книги De anima также предлагаются нѣкоторыя исправленія собственно Bekker'овскаго текста, исправленія, заслуживающія, какъ мнѣ кажется, упоминанія. Заслуживаютъ они упоминанія не потому, чтобы я съ своей стороны считалъ ихъ вполнѣ удачными (наоборотъ, и здѣсь я считаю совершенно возможнымъ остаться вѣрнымъ Bekker'у), но они помогутъ, такъ сказать, точности нашего перевода Нашъ переводъ, предложенный выше, могъ показаться не всегда вполнѣ точнымъ, не всегда, быть можетъ, было вполнѣ ясно соотвѣтствіе переводныхъ фразъ съ приведеннымъ греческимъ текстомъ,—вотъ ради установленія этой-то точности я и займусь еще этими исправленіями; я, стало быть, приведу эти исправленія, чтобы еще болѣе уяснить и, такъ сказать, оправдать предложенный выше переводъ. Такимъ образомъ, остановимся прежде всего на выраженіи *τοῦ συμβεβηκέναι* во фразѣ *δεύτερον δὲ τοῦ συμβεβηκέναι ταῦτα* и т. д. Это выраженіе (въ такомъ Bekker'овскомъ чтеніи) вызвало подозрѣнія еще у Trendelenburg'а: не подвергая его видоизмѣненію въ текстѣ, въ комментаріяхъ Trendelenburg замѣчаетъ, что удобнѣе было бы пожалуй другое существующее чтеніе—чтеніе *δεύτερον δὲ τοῦ ᾧ συμβέβηκε καὶ ταῦτα*. или еще удобнѣе (хотя менѣе возможно, ибо такого чтенія уже совсѣмъ не существуетъ въ кодексахъ) было бы читать—*τοῦ ᾧ συμβεβηκέναι ταῦτα* (см. у Trendelenburg'а въ его Коммент. стр. 381). Съ другой стороны, Torstrik

логическаго сочиненія Аристотеля дѣйствительно является для насъ весьма существеннымъ, этотъ анализъ дѣйствительно даетъ намъ—какъ мы и ожидали — общую и наиболѣе существенную схему взглядовъ Аристотеля на интересующія насъ въ настоящее время знанія.

Однако, какъ мы и замѣтили въ томъ-же самомъ началѣ, при нашей общей задачѣ, преслѣдуемой нами въ настоящемъ сочиненіи вообще, такой схемы, хотя въ общемъ она была

въ концѣ своего разсужденія по поводу правильности чтенія этого выраженія приходитъ къ заключенію, что самъ Аристотель долженъ былъ бы написать—*δεύτερον δὲ τοῦ ὃ συμβέβηκε τούτοις* (см. у Torstrik'a въ крит. замѣч. въ его изданіи стр. 176;—это чтеніе также собственно не оправдывается ни однимъ изъ кодексовъ). Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что эти исправленія—особенно исправленіе Torstrik'a—помогаютъ, такъ сказать, простотѣ греческаго текста (это, между прочимъ, по поводу чтенія *δεύτερον δὲ τοῦ ᾧ συμβέβηκε καὶ ταῦτα* замѣчаетъ и Wallace; см. у Wallace'a, стр. 264),—но даютъ ли они какой-либо особый оттѣнокъ ясности, дѣлаютъ ли они самый Bekker'овскій текстъ яснѣе? Мнѣ казалось, что собственно и Bekker'овскій текстъ настоящаго выраженія и настоящей фразы даетъ совершенно хорошій и, въ существѣ дѣла, достаточно ясный смыслъ (здѣсь слѣдуетъ только передъ *τοῦ συμβεβηκέναι* дополнить *ἔστι ἡ αἴσθησις*—но это дополненіе совершено легко можно сдѣлать изъ всего предыдущаго),—и такимъ-то образомъ я и остался при томъ-же Bekker'овскомъ чтеніи. Далѣе, что касается выраженія *ἃ συμβέβηκε τοῖς αἰσθητοῖς* въ слѣдующемъ періодѣ, выраженія, которое Torstrik считаетъ непринадлежащимъ перу самого Аристотеля, и которое онъ поэтому выпускаетъ (см. у Torstrik'a въ его критич. замѣчаніяхъ, стр. 175),—я оставилъ это выраженіе вмѣстѣ съ Wallace'омъ (см. прим. Wallace'a на той-же 264-ой стр.). Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе это находится у Аристотеля въ совершенномъ соотвѣтствіи съ его выраженіемъ еще въ 1-ой главѣ той-же III-ей книги De anima, съ выраженіемъ *κατὰ συμβεβηκός* (см. нашъ переводъ этой 1-ой главы и примѣч. къ этому переводу—въ 3-емъ отдѣлѣ предыдущей I-ой главы, особенно стр. 174 и примѣч. стр. 182—183),—отсюда, разъ я тамъ перевелъ это *κατὰ συμβεβηκός* извѣстнымъ образомъ, также слѣдуетъ перевести *ἃ συμβέβηκε* и здѣсь. И дѣйствительно, предлогомъ «при» отлично переводится греч. глаголъ *συμβέβηκε* и въ настоящемъ случаѣ,—и такимъ образомъ и это Bekker'овское выраженіе остается здѣсь вполнѣ умѣстнымъ. Въ 3-хъ, особенному нападенію—и именно со стороны Torstrik'a—подвергается Bekker'овская фраза *ἡ δὲ κίνησις ἡ ὑπὸ τῆς ἐνεργείας γινομένη διοίσει τῆς αἰσθήσεως τῆς ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων*, и въ частности слова *τῆς αἰσθήσεως* и слова *τῆς ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων* (слова *τῆς*

бы существенна, хотя въ общемъ она совершенно вѣрно передавала бы взгляды Аристотеля на эти знанія,—всетаки было бы недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что въ настоящее время мы знаемъ, какъ смотрѣлъ вообще Аристотель на образы или представленія, положимъ, что мы знаемъ даже, какъ смотрѣлъ Аристотель, съ общей же точки зрѣнія, и на проис-

---

αἰσθήσεως Torstrik предлагаетъ выпустить, вмѣсто выраженія же *τῆς ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων* онъ читаетъ *ἡ ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων*;—см. у Torstrik'a въ текстѣ его изданія стр. 87—88, и въ критич. замѣчаніяхъ стр. 176—178). Torstrik доходитъ даже до того, что считаетъ Bekker'овское чтеніе всей приведенной фразы измышленіемъ самаго Bekker'a; по нѣкоторомъ подробномъ разсмотрѣніи онъ приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ существующихъ кодексовъ, строго говоря, не оправдываетъ этого Bekker'овскаго чтенія. Не входя въ разсмотрѣніе такого спеціальнаго вопроса (ибо это завело бы меня слишкомъ далеко, да у меня нѣтъ и средствъ для такого разсмотрѣнія), тѣмъ не менѣе укажу, что очевидно къ такому заключенію Torstrik пришелъ въ силу того обстоятельства, что Bekker'овское чтеніе показалось ему уже совершенно не имѣющимъ никакого смысла. Но тутъ-то и можно было бы спросить у Torstrik'a — дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли Bekker'овское чтеніе нашей фразы уже такъ безсмысленно? Torstrik'у кажется неудобнымъ, что при Bekker'овскомъ чтеніи слова *τῆς αἰσθήσεως* приходится непремѣнно относить къ *διοίσει*,—но почему не поставить слова *τῆς αἰσθήσεως* и дальнѣйшія *τῆς ἀπὸ τούτων τῶν τριῶν αἰσθήσεων* въ связь съ предыдущими *ὑπὸ τῆς ἐνεργείας*, и почему не принять, что *διοίσει* стоитъ здѣсь совершенно самостоятельно, безъ всякаго дополненія? На это Torstrik возражаетъ, что въ такомъ случаѣ порядокъ словъ долженъ бы былъ быть другой,—но добиваться еще правильнаго порядка словъ при состояніи нашего Аристотелевскаго текста было бы вообще, какъ мнѣ кажется, уже тонкостью. Такимъ-то образомъ я и придалъ этому *διοίσει* совершенно самостоятельное значеніе, — и при такомъ пониманіи смыслъ настоящей фразы и при Bekker'овскомъ чтеніи, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ казалось, былъ совершенно ясенъ и вообще не представлялъ никакихъ затрудненій. Далѣе, въ 4-хъ, тотъ-же Torstrik нападаетъ еще на чтеніе Bekker'a выраженія—*εἰ οὖν μηθὲν μὲν ἄλλο ἔχει τὰ εἰρημένα ἢ μὴ φαντασίαν, τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ λεχθέν*. Если придерживаться, говоритъ Torstrik, вообще существующихъ чтеній, если придерживаться авторитета кодексовъ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ читать это выраженіе—*εἰ οὖν μηθὲν μὲν ἄλλο ἔχει τὰ εἰρημένα ἢ ἡ φαντασία* и т. д.,—самъ-же Аристотель, строго говоря, долженъ былъ написать, по Torstrik'у,—*εἰ οὖν μηθὲν μὲν ἄλλο ἔχει τὰ εἰρημένα, τοῦτο δ' ἔχει, ἡ φαντασία ἂν εἴη* и т. д. (см. у Torstrik'a въ критич. замѣ-

хожденіе образовъ или представленій,—но вѣдь для того, чтобы точно установить взгляды Аристотеля на значеніе собственно опыта при происхожденіи образовъ или представленій, необходимы еще какъ разъ и частныя ученія Аристотеля объ этихъ знаніяхъ. Именно частныя ученія Аристотеля объ отдѣльныхъ видахъ знаній—въ этомъ, какъ мнѣ кажется, можно было совершенно убѣдиться изъ всей предыдущей нашей

чаніяхъ стр. 179;—первое исправленіе Torstrik'а принимаетъ и Wallace—у Wallace'а въ текстѣ его изданія, стр. 152). По поводу этихъ исправленій замѣчу тоже самое, что я замѣтилъ по поводу первыхъ, отнесенныхъ мною въ первую рубрику, исправленій. Нельзя не согласиться, что эти исправленія какъ будто дѣлаютъ греческій текстъ проще,—особенно это слѣдуетъ указать по поводу перваго, какъ болѣе вѣроятнаго, исправленія (какъ это между прочимъ и указываетъ опять таки тотъ-же Wallace—см. у Wallace'а въ его замѣчаніяхъ, стр. 265), — но съ другой стороны нельзя точно также и не признать, что какъ-либо особенно Bekker'овскій текстъ они не видоизмѣняютъ, какого-либо существеннаго улучшенія сравнительно съ Bekker'овскимъ текстомъ они вовсе не даютъ. Вся разница, какъ говоритъ между прочимъ Wallace, дѣйствительно заключается только въ томъ, что при Bekker'овскомъ чтеніи слѣдуетъ взять за субъектъ *τὰ εἰρημένα*, при исправленіяхъ же Torstrik'а, и въ частности при первомъ исправленіи, субъектомъ будетъ *ἄλλο*, и приложеніемъ къ нему *ἡ φαντασία*, — но само собою разумѣется, что и при Bekker'овскомъ чтеніи чего-либо безсмысленнаго совершенно не будетъ. Наконецъ, въ 5-хъ, остается еще сказать нѣсколько словъ въ защиту Bekker'овскаго чтенія слова *γιγνομένης* въ непосредственномъ продолженіи той-же самой фразы *εἰ οὖν μηθὲν μὲν ἄλλο ἔχει τὰ εἰρημένα* и т. д. Начиная съ Trendelenburg'а, и Torstrika, за нимъ и Wallace—стало быть почти положительно всѣ, послѣдующіе за Bekker'омъ, издатели предлагаютъ читать не *γιγνομένης*, а *γιγνομένη* (см. въ изданіяхъ всѣхъ этихъ издателей въ критич. замѣчаніяхъ тѣ-же цитированныя страницы). Однако по ближайшемъ разсмотрѣніи, и здѣсь мнѣ казалось очевидною, такъ сказать, совершенная несущественность этого исправленія. Въ самомъ дѣлѣ, не ясно ли, что и *γιγνομένης* можетъ быть оставлено, и не ясно ли кромѣ того, что примемъ ли мы *γιγνομένης* или *γιγνομένη*, общій смыслъ останется совершенно тождественнымъ, такъ сказать, ни на волосъ не измѣнится? Вотъ главныя, наиболѣе существенныя изъ вообще существующихъ, исправленія собственно Bekker'овскаго текста настоящаго послѣдняго отрывка 3-ей главы III-ей книги De anima, исправленія, упомянуть о которыхъ мнѣ казалось нужнымъ въ настоящемъ примѣчаніи въ виду указанныхъ выше причинъ.

главы, изъ всего изложенія ученія Аристотеля собственно о чувственныхъ знаніяхъ—даютъ особенно хорошій матеріалъ для такого болѣе точнаго установленія искомыхъ нами въ настоящемъ сочиненіи его взглядовъ, — отсюда, попытаться поискать такихъ частныхъ ученій Аристотеля и относительно образовъ или представленій, и далѣе изложить ихъ также въ подлинникѣ—совершенно необходимо. Это мы и сдѣлаемъ въ нашемъ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи. Мы уже говорили, что въ добавленіе собственно къ 3-ей главѣ III-ей книги De anima намъ придется еще разсмотрѣть нѣкоторыя мѣста изъ трактата Аристотеля «о памяти и воспоминаніи» и изъ трактата «о сновидѣніяхъ»,—въ настоящее время мы можемъ указать, что такія мѣста въ первомъ трактатѣ будутъ относиться главнымъ образомъ къ 1-ой главѣ, во второмъ-же трактатѣ — къ 3-ей. Итакъ, проанализируемъ же эти мѣста, и начнемъ этотъ анализъ съ мѣстъ изъ 1-ой главы трактата «о памяти».

Уже въ нашей предыдущей главѣ, именно въ 3-мъ отдѣлѣ, въ нашемъ изложеніи ученія Аристотеля «о собственно центральной, внутренней способности чувственнаго познанія», мы имѣли случай встрѣтиться съ нѣкоторыми мыслями Аристотеля, заключающимися въ этой 1-ой главѣ интересующаго насъ трактата (см. наше изложеніе предыдущей главы, стр. 231—234): мы разсмотрѣли тамъ въ общихъ чертахъ въ сущности всю первую половину этой 1-ой главы, ту половину, гдѣ Аристотель доказывалъ, что память должна быть поставлена въ связь съ — названною имъ—«первоначальною» чувственною способностью,—и мы прослѣдили въ общихъ же чертахъ доказательства Аристотелемъ этого положенія. Собственно для той нашей цѣли (главнымъ образомъ для указанія, что, по Аристотелю, общія чувственныя свойства — и величина, и время познаются этой первоначальною чувственною способностью) приведенныхъ разсужденій Аристотеля было достаточно,—но въ настоящее время намъ нужно будетъ познакомиться съ изложеніемъ самого Аристотеля въ этой первой половинѣ этой главы болѣе обстоятельно. Совершенно вѣрно, что память Аристотель связываетъ вообще съ чувственною способностью,—но не принимаетъ ли тутъ какого-либо особеннаго участія и способность *φαντασία*? неужели же, въ самомъ дѣлѣ,

все отношеніе образовъ или представленій къ памяти обусловливается только тѣмъ, что вспоминается также и то, что мыслилось ранѣе—разумныя познанія? Болѣе же обстоятельное разсмотрѣніе и даетъ нѣсколько иные результаты: связь памяти съ чувственною способностью въ концѣ концовъ оказывается у Аристотеля именно связью памяти съ способностью, вырабатывающею образы или представленія, съ способностью *φαντασία*. Только нѣсколькими строками ниже тѣхъ фразъ, которыя мы приводили и разбирали въ подлинникѣ, мы встрѣчаемъ въ этой-же первой половинѣ 1-ой главы нашего трактата слѣдующую фразу, фразу, которая повидимому и должна служить какъ-бы заключеніемъ, какъ-бы общимъ резюме ко всему предыдущему. «Къ какой части души», говоритъ тутъ Аристотель, «относится память,—это ясно, и ясно, что она относится именно къ той части, которой свойственна и способность *φαντασία*; и вспоминаемые предметы», продолжаетъ Аристотель, «сами по себѣ суть тоже самое, что и представляемые предметы,—случайно же, косвенно эти вспоминаемые предметы могутъ быть и такими, появленіе которыхъ невозможно безъ нѣкотораго участія способности *φαντασία*» (т. е. случайно, косвенно память можетъ относиться и къ разумнымъ познаніямъ, къ дѣятельности собственно разумной способности) [1]). Затѣмъ, во второй половинѣ этой-же 1-ой главы, въ самомъ концѣ ея, стало быть въ видѣ заключенія уже ко всѣмъ вообще своимъ разсужденіямъ о памяти, Аристотель выражается такъ: «Итакъ, что̀ такое память, и что̀ значитъ вспоминать—сказано: именно память есть присутствіе представленія, какъ копіи того предмета, по отношенію къ которому оно является представленіемъ; и сказано далѣе, къ како́й изъ частей» (очевидно, такъ сказать, изъ познавательныхъ частей), «находящихся у насъ» (людей), «относится память,—она относится къ первоначальной чувственной способности, и къ той именно, которою мы познаемъ время» [2]). Оба эти мѣста несомнѣнно

---

[1]) De mem. 1 450 a. 22 — 25. *Τίνος μὲν οὖν τῶν τῆς ψυχῆς ἐστὶν ἡ μνήμη, φανερόν, ὅτι οὗπερ καὶ ἡ φαντασία· καὶ ἔστι μνημονευτὰ καθ' αὑτὰ μὲν ὅσα ἐστὶ φανταστά, κατὰ συμβεβηκὸς δὲ ὅσα μὴ ἄνευ φαντασίας.*

[2]) Ibidem, 451 a. 14 — 17. *Τί μὲν οὖν ἐστὶ μνήμη καὶ τὸ μνημονεύειν, εἴρηται, ὅτι φαντάσματος, ὡς εἰκόνος οὗ φάντασμα, ἕξις, καὶ τίνος μορίου τῶν ἐν ἡμῖν, ὅτι τοῦ πρώτου αἰσθητικοῦ, καὶ ᾧ χρόνου αἰσθανόμεθα.*

ставятъ въ болѣе близкую, болѣе тѣсную связь память съ способностью *φαντασία*. Образы или представленія, какъ мы уже знаемъ изъ всего нашего непосредственно предшествущаго анализа, изъ анализа 3-ей главы III-ей книги De anima, происхожденіе свое ведутъ всетаки отъ чувственныхъ познаній по мнѣнію Аристотеля; съ другой стороны въ процессъ воспоминанія какъ весьма существенный моментъ входитъ познаніе вообще времени—познавательнаго свойства, познать которое уже несомнѣнно можно только, по Аристотелю, чувствомъ;—съ такой только общей точки зрѣнія Аристотель и можетъ выражаться (какъ между прочимъ онъ опять таки выражается и во второмъ изъ приведенныхъ теперь мѣстъ), что память вообще находится въ связи съ чувственною способностью; въ существѣ же дѣла и при болѣе спеціальномъ разсмотрѣніи—это совершенно ясно показываютъ оба приведенныя мѣста—, память всего ближе связана, по мнѣнію Аристотеля, съ способностью *φαντασία*. Но почему слѣдуетъ настаивать на этомъ послѣднемъ положеніи, что̀ можетъ дать намъ въ настоящемъ случаѣ это новое положеніе Аристотеля? Мнѣ кажется, что важность этого новаго положенія Аристотеля для насъ въ настоящее время совершенно очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, если, по мнѣнію Аристотеля, память, въ существѣ дѣла, ближе связана съ дѣятельностью способности *φαντασία*, если самъ Аристотель подлинно выражается, что вспоминаемые предметы—воспоминанія, сами по себѣ, суть ничто иное, какъ представляемые предметы—образы или представленія, то это значитъ, что, такъ сказать, природа образованія воспоминаній съ одной стороны, и представленій съ другой, по мнѣнію Аристотеля, совершенно тождественна. Представленіе отличается отъ воспоминанія, по самому Аристотелю, только въ концѣ, только по тому, что представленіе въ своемъ окончательномъ результатѣ является познавательнымъ фактомъ совершенно безотносительнымъ,—воспоминаніе же необходимо должно имѣть еще отношеніе къ чему-либо реальному, къ чему-либо дѣйствительно бывшему; въ самой же своей природѣ, въ самомъ своемъ образованіи оно ничѣмъ не отличается отъ воспоминанія. Если же такъ, то въ такомъ случаѣ, стало быть, разсмотрѣніе Аристотелемъ образованія собственно воспоминаній дастъ намъ указанія и относительно образованія образовъ или предста-

вленій. Вѣдь процессъ образованія и тѣхъ и другихъ познавательныхъ фактовъ — одинъ и тотъ-же, природа ихъ, какъ мы говоримъ, одна,—отсюда, разсматривая ученія Аристотеля собственно объ образованіи воспоминаній, мы въ тоже время какъ разъ можемъ получить и нужныя для насъ въ настоящее время частныя ученія того-же Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ.

Такимъ-то образомъ и разсмотримъ теперь болѣе обстоятельно собственно вторую половину 1-ой же главы трактата «о памяти». Здѣсь съ внѣшней стороны Аристотель занимается разборомъ вопроса—какимъ образомъ, при отсутствіи самого предмета и при присутствіи только психическаго состоянія, вызваннаго этимъ предметомъ, можно вспоминать этотъ предметъ? другими словами, какъ можно вспоминать то, чего, строго говоря, нѣтъ на лицо? — по существу же, эти разсужденія Аристотеля направлены ни на что иное, какъ только на разъясненіе собственнаго процесса образованія воспоминаній. «Кто-либо сталъ бы недоумѣвать»,—такъ начинаетъ Аристотель эту вторую половину, — «какимъ это образомъ, при присутствіи только психическаго состоянія, при отсутствіи же самого» (познаваемаго) «предмета, вспоминается отсутствующее» (то, чего въ сущности нѣтъ на лицо). «Ясно», отвѣчаетъ Аристотель на это недоумѣніе, «что психическое состояніе такого рода, являющееся благодаря чувственному познанію въ душѣ и въ части тѣла, имѣющей чувственное познаніе, слѣдуетъ понимать какъ нѣкотораго рода картину,—и присутствіе этого-то состоянія мы и называемъ памятью; ибо происходящее» (при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи) «движеніе», разъясняетъ свое настоящее сравненіе Аристотель далѣе, «отпечатлѣваетъ какъ-бы нѣкоторый знакъ» (слѣдъ, отпечатокъ) «чувственно познаннаго предмета, — совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ печатающіе печатями. Поэтому-то», продолжаетъ Аристотель, «у тѣхъ, которые, благодаря ли страсти, или благодаря возрасту» (по всей вѣроятности юношескому возрасту), «находятся въ сильномъ» (слишкомъ большомъ) «движеніи» (стало быть, у слишкомъ, такъ сказать, ажитированныхъ натуръ), «и не бываетъ памяти, — какъ будто движеніе и печать попадаютъ тутъ въ текущую воду; наоборотъ, у другихъ, благодаря ихъ изношенности—они изноше-

ны, какъ старыя зданія—, и благодаря твердости той части, которая собственно принимаетъ указанное состояніе,--не можетъ получиться знака. Отсюда», заключаетъ Аристотель, «слишкомъ молодые и старики бываютъ безпамятны,—ибо одни какъ-бы текутъ благодаря своему развитію, другіе—благодаря тому, что ихъ развитіе идетъ на убыль. Совершенно также, и слишкомъ быстрые, и слишкомъ медленные—ни тѣ, ни другіе не кажутся памятливыми,—первые потому, что они болѣе влажны, чѣмъ слѣдуетъ» (болѣе, чѣмъ нужно, способны воспринимать движенія), «вторые же — потому, что они тверже» (суше); «у первыхъ представленіе не способно оставаться въ душѣ, — до души же вторыхъ оно и не доходитъ». Затѣмъ Аристотель переходитъ къ болѣе обстоятельному разъясненію выставленнаго имъ недоумѣнія. Пользуясь приведеннымъ сравненіемъ, онъ показываетъ—какъ дѣйствительно можно вспоминать то, чего въ сущности нѣтъ на лицо. «Но если такимъ образомъ таковъ именно процессъ того, что происходитъ при актѣ памяти», продолжаетъ свои разсужденія Аристотель, «то припоминаетъ ли память это именно» (психическое) «состояніе, или припоминаетъ она то, откуда начало свое ведетъ это» (психическое) «состояніе» (или припоминаетъ она самый, дѣйствительно, активно чувственно познанный, предметъ)? «Если она припоминаетъ это» (это психическое состояніе), «то мы совершенно не вспоминаемъ ни объ одномъ изъ отсутствующихъ предметовъ;—если же она припоминаетъ то» (самый чувственно познанный предметъ), «то какимъ образомъ, чувственно познавая это» (только психическое состояніе), «мы вспоминаемъ то, чего не познаемъ чувственно—самый отсутствующій предметъ? Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно существуетъ въ насъ нѣчто, что̀ походитъ какъ-бы на знакъ или картину, то въ силу какихъ причинъ чувственное познаніе этого самаго» (этого знака, этой картины) «было бы воспоминаніемъ о другомъ, а не воспоминаніемъ объ этомъ-же самомъ?—ибо вѣдь дѣйствительно, активно пользующійся своей памятью созерцаетъ именно это состояніе и ощущаетъ именно его. Какъ при такихъ обстоятельствахъ онъ вспоминаетъ объ отсутствующемъ? — вѣдь это значило бы и видѣть и слышать отсутствующее. Или можетъ быть», переходитъ наконецъ Аристотель къ разрѣшенію всѣхъ этихъ во-

просовъ, «существуетъ путь, которымъ все это возможно объяснить, и благодаря которому все это дѣйствительно и происходитъ? Какъ нарисованное на картинѣ», говоритъ Аристотель далѣе, «есть и живое существо и подобіе живого существа, и оба они представляютъ собою одно и тоже и единое, но только сущность у обоихъ не одна и та-же» (но только живое существо по своему существу не тождественно конечно всетаки съ своимъ подобіемъ на картинѣ), «и какъ возможно взирать на это нарисованное и какъ на живое существо и на подобіе живого существа,—совершенно также и относительно существующаго въ насъ представленія слѣдуетъ понимать, что съ одной стороны оно есть нѣкоторое, само по себѣ существующее, воззрѣніе, представленіе» (нѣкоторый довольно безотносительный психическій фактъ), «съ другой же стороны оно есть представленіе иного. И поскольку такимъ образомъ на него можно смотрѣть, какъ на само по себѣ—оно есть воззрѣніе или представленіе,—въ его же отношеніи къ иному—оно есть какъ-бы подобіе и то, что припоминается. Отсюда-то и когда движеніе представленія» (движеніе, которымъ въ концѣ концовъ обусловливается представленіе) «дѣйствительно происходитъ—въ томъ случаѣ если душа чувственно познаетъ представленіе само по себѣ—кажется, что является какъ-бы какая-либо мысль или представленіе» (собственное представленіе); «если же душа познаетъ это движеніе въ отношеніи къ иному,—она созерцаетъ какъ-бы подобіе на картинѣ и, не видя Кориска, принимаетъ его» (тѣмъ не менѣе) «за Кориска: тутъ результатъ этого» (послѣдняго) «созерцанія бываетъ иной, чѣмъ когда душа созерцаетъ какъ-бы нарисованное живое существо» (созерцаетъ просто, безотносительно),—«одинъ разъ въ душѣ образуется какъ-бы простая мысль» (простой, безотносительный познавательный фактъ), «другой же разъ, такъ какъ здѣсь является то, что будетъ подобіемъ, въ душѣ образуется воспоминаніе. И въ силу этихъ-же обстоятельствъ», прибавляетъ еще Аристотель, «иногда, когда у насъ въ душѣ замѣчаются такія движенія отъ предшествовавшаго чувственнаго познанія, мы не знаемъ — дѣйствительно ли это случается вслѣдствіе чувственнаго познанія» (дѣйствительно ли такія движенія суть результаты на самомъ дѣлѣ бывшаго чувственнаго познанія), «и сомнѣваемся — имѣемъ ли мы дѣло тутъ съ памятью,

или нѣтъ; и иногда случается замѣтить что-либо» (замѣтить именно какъ появляющееся въ первый разъ) «и въ тоже время припомнить, что нѣчто» (подобное) «мы уже и слышали ранѣе и видѣли. Это случается, когда кто-либо, созерцая представленіе само по себѣ, затѣмъ измѣняетъ свой взглядъ и созерцаетъ его въ отношеніи къ иному. Бываетъ же и противоположное, какъ имѣло мѣсто съ Антиферономъ изъ Орея и съ другими экстатиками: представленія» (собственно — въ строгомъ смыслѣ представленія, которымъ въ реальности ничего не соотвѣтствовало) «они считали дѣйствительно бывшими, и какъ-бы припоминали ихъ. Этотъ послѣдній фактъ, въ свою очередь, бываетъ, когда кто-либо взираетъ на то, что не есть подобіе» (на представленіе совершенно безотносительное), «какъ на подобіе. И упражненія», заключаетъ наконецъ Аристотель всѣ настоящія разсужденія, «сохраняютъ» (точнѣе — укрѣпляютъ) «память посредствомъ вспоминанія, — это-же» (вспоминаніе) «есть ничто иное, какъ созерцаніе представленія именно какъ подобія, а не какъ самого по себѣ» [1]).

---

[1]) Ibidem, 450 a. 25—451 a. 14. *Ἀπορήσειε δ' ἄν τις πῶς ποτὲ τοῦ μὲν πάθους παρόντος τοῦ δὲ πράγματος ἀπόντος μνημονεύεται τὸ μὴ παρόν. δῆλον γὰρ ὅτι δεῖ νοῆσαι τοιοῦτον τὸ γινόμενον διὰ τῆς αἰσθήσεως ἐν τῇ ψυχῇ καὶ τῷ μορίῳ τοῦ σώματος τῷ ἔχοντι αὐτήν, οἷον ζωγράφημά τι τὸ πάθος, οὗ φαμὲν τὴν ἕξιν μνήμην εἶναι· ἡ γὰρ γινομένη κίνησις ἐνσημαίνεται οἷον τύπον τινὰ τοῦ αἰσθήματος, καθάπερ οἱ σφραγιζόμενοι τοῖς δακτυλίοις. διὸ καὶ τοῖς μὲν ἐν κινήσει πολλῇ διὰ πάθος ἢ δι' ἡλικίαν οὐσιν οὐ γίνεται μνήμη, καθάπερ ἂν εἰς ὕδωρ ῥέον ἐμπιπτούσης τῆς κινήσεως καὶ τῆς σφραγῖδος· τοῖς δὲ διὰ τὸ ψήχεσθαι, καθάπερ τὰ παλαιὰ τῶν οἰκοδομημάτων, καὶ διὰ σκληρότητα τοῦ δεχομένου τὸ πάθος οὐκ ἐγγίνεται ὁ τύπος. διόπερ οἵ τε σφόδρα νέοι καὶ οἱ γέροντες ἀμνήμονές εἰσιν· ῥέουσι γὰρ οἱ μὲν διὰ τὴν αὔξησιν, οἱ δὲ διὰ τὴν φθίσιν. ὁμοίως δὲ καὶ οἱ λίαν ταχεῖς καὶ οἱ λίαν βραδεῖς οὐδέτεροι φαίνονται μνήμονες· οἱ μὲν γάρ εἰσιν ὑγρότεροι τοῦ δέοντος, οἱ δὲ σκληρότεροι· τοῖς μὲν οὖν οὐ μένει τὸ φάντασμα ἐν τῇ ψυχῇ, τῶν δ' οὐχ ἅπτεται. ἀλλ' εἰ δὴ τοιοῦτόν ἐστι τὸ συμβαῖνον περὶ τὴν μνήμην, πότερον τοῦτο μνημονεύει τὸ παθος, ἢ ἐκεῖνο ἀφ' οὗ ἐγένετο; εἰ μὲν γὰρ τοῦτο, τῶν ἀπόντων οὐδὲν ἂν μνημονεύοιμεν· εἰ δ' ἐκεῖνο, πῶς αἰσθανόμενοι τούτου μνημονεύομεν, οὗ μὴ αἰσθανόμεθα, τὸ ἀπόν; εἴτ' ἔστιν ὅμοιον ὥσπερ τύπος ἢ γραφὴ ἐν ἡμῖν, τούτου αὐτοῦ ἡ αἴσθησις διὰ τί ἂν εἴη μνήμη ἑτέρου, ἀλλ' οὐκ αὐτοῦ τούτου; ὁ γὰρ ἐνεργῶν τῇ μνήμῃ θεωρεῖ τὸ παθὸς τοῦτο καὶ αἰσθάνεται τούτου. πῶς οὖν τὸ μὴ παρὸν μνημονεύει; εἴη γὰρ ἂν καὶ ὁρᾶν τὸ μὴ παρὸν καὶ ἀκούειν. ἢ ἔστιν ὡς ἐνδέχεται καὶ συμβαίνει τοῦτο; οἷον γὰρ τὸ ἐν τῷ πίνακι γεγραμμένον καὶ*

Такими разсужденіями разрѣшаетъ Аристотель поставленный имъ въ настоящемъ мѣстѣ вопросъ, и такъ, въ сущности, собственно разъясняетъ онъ процессъ образованія воспоминаній. Прежде всего укажемъ, что въ настоящее время, послѣ разсмотрѣнія всего этого отрывка въ подлинникѣ, уже совершенно исчезаютъ всякія сомнѣнія относительно возможности дѣйствительнаго отождествленія, по Аристотелю, воспоминаній съ образами или представленіями. Весь ходъ изложенія, самыя отдѣльныя выраженія Аристотеля въ этой второй половинѣ 1-й главы нашего трактата — все это очевидно ставитъ уже внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что, по мнѣнію самого Аристотеля, природа образованія воспоминаній и природа образованія образовъ или представленій совершенно одна и та-же. Такимъ-то образомъ, замѣтимъ кстати, Аристотель и могъ въ непосредственной связи съ этими, разобранными нами теперь, разсужденіями поставить приведенное выше второе мѣсто изъ той-же второй половины той-же главы настоящаго трактата (ибо приведенное выше второе мѣсто какъ разъ непосред-

---

ζῷόν ἐστι καὶ εἰκών, καὶ τὸ αὐτὸ καὶ ἓν τοῦτ' ἐστὶν ἄμφω, τὸ μέντοι εἶναι οὐ ταὐτὸν ἀμφοῖν, καὶ ἔστι θεωρεῖν καὶ ὡς ζῷον καὶ ὡς εἰκόνα, οὕτω καὶ τὸ ἐν ἡμῖν φάντασμα δεῖ ὑπολαβεῖν καὶ αὐτό τι καθ' αὑτὸ εἶναι θεώρημα καὶ ἄλλου φάντασμα. ᾗ μὲν οὖν καθ' αὑτό, θεώρημα ἢ φάντασμά ἐστιν, ᾗ δ' ἄλλου, οἷον εἰκὼν καὶ μνημόνευμα. ὥστε καὶ ὅταν ἐνεργῇ ἡ κίνησις αὐτοῦ, ἂν μὲν ᾗ καθ' αὑτό ἐστι, ταύτῃ αἴσθηταί ἡ ψυχὴ αὐτοῦ, οἷον νόημά τι ἢ φάντασμα φαίνεται ἐπελθεῖν· ἂν δ' ᾗ ἄλλου, ὥσπερ ἐν τῇ γραφῇ ὡς εἰκόνα θεωρεῖ, καὶ μὴ ἑωρακὼς τὸν Κορίσκον ὡς Κορίσκου· ἐνταῦθά τε ἄλλο τὸ πάθος τῆς θεωρίας ταύτης καὶ ὅταν ὡς ζῷον γεγραμμένον θεωρῇ, ἔν τε τῇ ψυχῇ τὸ μὲν γίνεται ὥσπερ νόημα μόνον, τὸ δ' ὡς ἐκεῖ ὅτι εἰκών, μνημόνευμα. καὶ διὰ τοῦτο ἐνίοτ' οὐκ ἴσμεν, ἐγγινομένων ἡμῖν ἐν τῇ ψυχῇ τοιούτων κινήσεων ἀπὸ τοῦ αἰσθέσθαι πρότερον, εἰ κατὰ τὸ μνησθῆσθαι συμβαίνει, καὶ εἰ ἔστι μνήμη ἢ οὔ διστάζομεν· ὁτὲ δὲ συμβαίνει ἐννοῆσαι καὶ ἀναμνησθῆναι ὅτι ἠκούσαμέν τι πρότερον ἢ εἴδομεν. τοῦτο δὲ συμβαίνει, ὅταν θεωρῶν ὡς αὐτὸ μεταβάλλῃ καὶ θεωρῇ ὡς ἄλλου. γίνεται δὲ καὶ τοὐναντίον, οἷον συνέβη Ἀντιφέροντι τῷ Ὠρείτῃ καὶ ἄλλοις ἐξισταμένοις· τὰ γὰρ φαντάσματα ἔλεγον ὡς γενόμενα καὶ ὡς μνημονεύοντες. τοῦτο δὲ γίνεται, ὅταν τις τὴν μὴ εἰκόνα ὡς εἰκόνα θεωρῇ. αἱ δὲ μελέται τὴν μνήμην σώζουσι τῷ ἐπαναμιμνήσκειν· τοῦτο δ' ἐστὶν οὐδὲν ἕτερον ἢ τὸ θεωρεῖν πολλάκις ὡς εικόνα καὶ μὴ ὡς καθ' αὑτό. Freudenthal въ своей брошюрѣ (см. брошюру Freudenthal'я, напр. прим. 1 на 20-ой стр.) и въ своей цитированной выше статьѣ въ Rheinisches Museum (см. указанную уже статью Freudenthal'я въ этомъ журналѣ—Zur Krit. u. Exegese von

ственно слѣдуетъ за этими разсужденіями). Въ этомъ второмъ мѣстѣ Аристотель, какъ мы видѣли, хотя и дѣлаетъ общее заключеніе ко всѣмъ вообще своимъ разсужденіямъ о памяти, но начинаетъ онъ съ указанія — «что память есть присутствіе представленія, какъ копіи того предмета, по отношенію къ которому оно является представленіемъ». Сама по себѣ, на первый взглядъ, эта фраза могла, быть можетъ, оставить еще нѣкоторыя сомнѣнія, — но теперь мы уже совершенно ясно видимъ, что это — именно тоже, въ существѣ дѣла, отождествленіе воспоминаній какъ разъ съ образами или представленіями, и въ качествѣ вывода изъ раз-

---

Arist. parva naturalia, стр. 400—402) предлагаетъ нѣкоторыя исправленія этого (собственно Bekker'овскаго) текста настоящаго отрывка; съ другой стороны нѣкоторыя исправленія этого-же текста предлагаетъ и Ziaja (при переводѣ настоящаго Аристотелевскаго трактата, приложенномъ къ своей, также уже знакомой намъ, статьѣ о памяти по Аристотелю въ Jahresb. üb. das Kön. kath. Gymn. zu Leobschütz,—стр. 14). Однако, въ виду того, что всѣ эти исправленія не представляютъ собою какихъ-либо несомнѣнныхъ улучшеній (по большей части они касаются совершенныхъ частностей), и затѣмъ въ виду того, что приведенный (Bekker'овскій) текстъ, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени ясенъ и понятенъ,—этихъ исправленій касаться здѣсь я не буду. Въ настоящемъ примѣчаніи скажу только относительно общаго смысла наиболѣе существенной въ этомъ отрывкѣ части, скажу только относительно общаго смысла приводимаго здѣсь Аристотелемъ сравненія. Именно, мнѣ уже приходилось указывать (см. мое изложеніе еще въ 1-омъ отдѣлѣ предыдущей I-ой главы, примѣч. на стр. 54—56), что настоящее сравненіе иногда сопоставляютъ съ началомъ 12-ой главы II-ой книги De anima, и въ связи съ такимъ сопоставленіемъ на него смотрятъ, какъ на доказывающее собственно матеріалистическія воззрѣнія Аристотеля (это, какъ мы видѣли въ указанномъ мѣстѣ, дѣлаетъ между прочимъ B. Ritter въ своей диссертаціи), — вотъ по поводу этого-то сопоставленія и затѣмъ по поводу возможности сдѣлать изъ настоящаго сравненія такіе выводы я и считаю нужнымъ сказать теперь. Прежде всего замѣчу, что, строго говоря, настоящее сравненіе, по моему мнѣнію, вовсе не можетъ быть поставлено въ полную параллель съ началомъ 12-ой главы II-ой книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ началѣ Аристотель говорилъ о чувственномъ познаніи безотносительно, о чувственномъ познаніи какъ таковомъ,—здѣсь же онъ сравниваетъ результаты тѣлесныхъ движеній при активныхъ чувственныхъ познаніяхъ съ знаками или слѣдами, оставляемыми печатями, именно относительно, именно

смотрѣнныхъ нами разсужденій фраза эта была у Аристотеля совершенно умѣстною. Разъ же мы такимъ образомъ уже совершенно утвердимся въ нашемъ ожиданіи найти именно въ этихъ разсужденіяхъ нужныя для насъ частныя ученія Аристотеля объ образованіи образовъ или представленій, — мы дѣйствительно и найдемъ такія частныя ученія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ заключительнаго отдѣла 3-ей главы III-ей книги De anima мы узнали, что образы или представленія суть движенія, являющіяся слѣдствіемъ дѣйствительнаго, активнаго чувственнаго познанія,—но гдѣ искать этихъ движеній? Въ главномъ психологическомъ сочиненіи Аристотеля собственно о части познающаго существа, гдѣ происходятъ эти движенія,

---

имѣя въ виду образованіе дальнѣйшихъ познавательныхъ фактовъ—воспоминаній и образовъ или представленій. Но вѣдь сравненіе, которое могло быть вполнѣ удобно имѣя въ виду относительность, безъ этой относительности можетъ и потерять это удобство,—и такимъ-то образомъ, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, и слѣдуетъ согласиться, что настоящее сравненіе вовсе не вполнѣ подходитъ къ тому началу. Но согласимся даже, что возможно вообще сопоставить эти два Аристотелевскія мѣста,—что же выйдетъ тогда? Какъ я и указываю между прочимъ въ моемъ текстѣ при объясненіи настоящаго сравненія, Аристотель въ этомъ сравненіи дѣйствительно имѣетъ въ виду только тѣло познающаго существа,—но за тѣломъ конечно стоитъ и душа. Аристотель не говоритъ здѣсь ничего о душѣ,—но это вовсе не значитъ, что въ данномъ сравненіи онъ считаетъ возможнымъ удовольствоваться только участіемъ тѣла; напротивъ—это мнѣ кажется совершенно яснымъ — и въ данномъ сравненіи, и вообще во всемъ настоящемъ отрывкѣ онъ не говоритъ о душѣ потому, что говорилъ о ней раньше, въ другихъ мѣстахъ, потому, что участіе души здѣсь уже какъ-бы несомнѣнно подразумѣвается. Этого-же послѣдняго обстоятельства совершенно не хотятъ замѣчать иногда (на это обстоятельство не обращаетъ вниманія и B. Ritter въ своей диссертаціи),—и отсюда-то и выходитъ, что и настоящее сравненіе какъ будто доказываетъ матеріализмъ Аристотеля. Итакъ, даже если мы согласимся съ справедливостью сопоставленія настоящаго сравненія съ началомъ 12-ой главы II-ой книги De anima (хотя, повторяю, мнѣ лично это сопоставленіе всетаки кажется не совсѣмъ правильнымъ), — и въ такомъ случаѣ это сравненіе вовсе не дастъ того, что хотятъ получить на основаніи его. И въ такомъ случаѣ настоящее сравненіе — по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію—вовсе не оправдываетъ якобы матеріализма Аристотеля въ объясненіи имъ образованія вообще знаній, и въ частности чувственныхъ знаній.

ничего не говорится,—между тѣмъ изъ настоящихъ разсужденій мы видимъ, что движенія эти, по мнѣнію самого Аристотеля, происходятъ въ тѣлѣ. Повидимому дѣло обстоитъ здѣсь совершенно такъ-же, какъ и при чувственныхъ познаніяхъ: какъ въ произведеніи чувственнаго познанія участвовали, какъ мы видѣли, и тѣло и душа чувствующаго существа, и именно участіе тѣла выражалось въ томъ, что въ немъ происходили движенія,—совершенно тоже происходитъ и при образованіи образовъ или представленій. Правда, въ одной фразѣ Аристотель какъ будто говоритъ нѣсколько иное, въ одной фразѣ онъ говоритъ—«иногда, когда у насъ въ душѣ замѣчаются такія движенія отъ предшествовавшаго чувственнаго познанія, мы не знаемъ» и т. д., онъ, стало быть, какъ будто приписываетъ эти движенія душѣ,—но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, конечно нельзя будетъ не прійти къ заключенію, что это—только не совсѣмъ точное выраженіе. Если мы сравнимъ приведенную фразу со всѣми другими выраженіями Аристотеля въ этомъ-же отрывкѣ, если мы, главнымъ образомъ, сравнимъ ее съ тѣмъ, что Аристотель говоритъ въ началѣ этихъ-же разсужденій, то, разумѣется, намъ станетъ совершенно ясно, что по собственнымъ возрѣніямъ Аристотеля происходящія здѣсь движенія должны быть отнесены именно къ тѣлу познающаго существа. Это—первое частное указаніе Аристотеля относительно интересующихъ насъ въ настоящее время знаній, которое можно извлечь изъ приведенныхъ разсужденій. Затѣмъ второе частное указаніе, находящееся въ самой близкой связи съ первымъ, касается формы этихъ тѣлесныхъ движеній, происходящихъ при образованіи образовъ или представленій. Основною, такъ сказать, центральною частью всего настоящаго отрывка будетъ безъ сомнѣнія сравненіе Аристотелемъ результатовъ тѣлесныхъ движеній, имѣющихъ мѣсто при дѣйствительномъ, активномъ чувственномъ познаніи, съ знаками или съ слѣдами, оставляемыми печатями. На этомъ сравненіи Аристотель очевидно и основываетъ всѣ свои настоящія разсужденія, — но какое общее значеніе для всего настоящаго мѣста имѣетъ это сравненіе? Мнѣ кажется, что съ точки зрѣнія общаго для всего настоящаго мѣста значенія сравненіе это показываетъ, по мнѣнію Аристотеля, необходимость присутствія въ образахъ или представленіяхъ тѣхъ самыхъ тѣлесныхъ движеній, которыя

имѣли мѣсто при прежде бывшихъ дѣйствительныхъ, активныхъ чувственныхъ познаніяхъ, со всѣми ихъ результатами. Вотъ, стало быть, первое, еще самое общее, указаніе относительно формы этихъ тѣлесныхъ движеній при образахъ или представленіяхъ: въ эти тѣлесныя движенія прежде всего необходимо должны, такъ сказать, входить тѣ-же тѣлесныя движенія, которыя имѣли мѣсто и при болѣе раннихъ активныхъ чувственныхъ познаніяхъ. Съ этой-то точки зрѣнія Аристотель и можетъ утверждать, что образы или представленія суть движенія, являющіяся слѣдствіями активныхъ чувственныхъ познаній,—это значитъ, что тѣлесныя движенія, происходящія при представленіяхъ, прежде всего, такъ сказать, совершенно немыслимы безъ тѣлесныхъ же движеній, бывшихъ при какихъ-либо болѣе раннихъ активныхъ чувственныхъ познаніяхъ. Итакъ, эти, разобранныя нами въ настоящее время, разсужденія Аристотеля—вся эта вторая половина 1-ой главы трактата «о памяти» совершенно несомнѣнно до нѣкоторой степени содержитъ въ себѣ нужныя для насъ частныя ученія.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію другого, указаннаго выше, мѣста, обратимся къ разсмотрѣнію 3-ей главы трактата Аристотеля «о сновидѣніяхъ». Въ объясненіе умѣстности пользованія въ настоящемъ случаѣ этимъ трактатомъ и вообще въ объясненіе того, что и сновидѣнія, по Аристотелю, могутъ и даже должны стоять близко къ образамъ или представленіямъ, замѣтимъ слѣдующее. Уже изъ всего предыдущаго, въ частности изъ непосредственно предыдущихъ разсужденій Аристотеля мы могли убѣдиться, что образы или представленія, по мнѣнію самого Аристотеля, не должны непремѣнно представлять собою полное воспроизведеніе, полное повтореніе прежде бывшихъ дѣйствительныхъ чувственныхъ познаній, воспроизведеніе дѣйствительныхъ чувственныхъ познаній и, такъ сказать, въ ихъ окончательныхъ дѣйствительно бывшихъ комбинаціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы образомъ въ такомъ случаѣ Аристотель могъ провести границу между воспоминаніями и собственно образами или представленіями?—въ такомъ случаѣ всякія представленія въ тоже самое время были бы и воспоминаніями. Если же Аристотель проводитъ эту границу, то, стало быть, и по его мнѣнію, представленія не суть только воспроизводительные познавательные факты, но могутъ

быть также и производительными. Когда Аристотель съ одной стороны проводитъ границу между воспоминаніями и собственными представленіями, съ другой-же стороны образованіе и воспоминаній и собственныхъ представленій ставитъ въ тѣсную связь съ прежде бывшими дѣйствительными чувственными познаніями, то этимъ онъ хочетъ сказать, что при образованіи вообще представленій весьма существенную роль играютъ дѣйствительно бывшія чувственныя познанія, что никакое представленіе вообще не можетъ не опираться на что-либо активно, реально чувственно познанное, но этимъ же онъ хочетъ сказать еще, что представленія вообще не суть непремѣнно только буквальныя, совершенно точныя возстановленія какихъ либо реальныхъ чувственныхъ познаній во всей ихъ дѣйствительно бывшей обстановкѣ. Итакъ, уже и на основаніи только что разобранныхъ нами разсужденій Аристотеля въ достаточной степени ясно, что въ понятіе вообще представленій могутъ входить, по мнѣнію Аристотеля, и, такъ сказать, болѣе или менѣе фантастичныя представленія, такія представленія, которымъ повидимому въ реальности, въ окружающей человѣка дѣйствительности трудно подыскать что-либо, на самомъ дѣлѣ соотвѣтствующее. Но вѣдь и по общему признанію такія фантастичныя представленія по преимуществу имѣютъ мѣсто во снѣ, именно въ сновидѣніяхъ представленія спящаго существа повидимому очень часто уклоняются отъ того, что бываетъ въ дѣйствительности,—и такимъ-то образомъ, уже a priori, даже если-бы мы не имѣли никакихъ подлинныхъ указаній самого Аристотеля на этотъ счетъ, мы могли бы привлечь его разсужденія въ трактатѣ «о сновидѣніяхъ» къ настоящему изложенію. Но въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ и подлинныя указанія самого Аристотеля. Въ концѣ 1 ой главы трактата «о сновидѣніяхъ», тамъ, гдѣ Аристотель между прочимъ разрѣшаетъ окончательно—какимъ же образомъ и въ силу дѣятельности какой именно познавательной способности могутъ вообще происходить сновидѣнія, онъ говоритъ слѣдующее: «Но какъ» (какъ вообще) «и какимъ именно образомъ» (какъ въ частности) «происходятъ сновидѣнія—это слѣдуетъ разсмотрѣть. Пусть же будетъ установлено — какъ это и ясно» (на первый взглядъ) «—что это состояніе есть состояніе, свойственное вообще чувственной способности, если чувственной способности свойственъ

и сонъ: ибо вѣдь не какому-нибудь одному изъ живыхъ существъ», разъясняетъ Аристотель, «присуща способность сна, другому же—способность видѣть сны, но обѣ эти способности присущи одному и тому-же живому существу». Т. е. на первый вопросъ, на вопросъ о томъ, съ какою вообще чувственною способностью должно быть поставлено въ связь образованіе сновидѣній, Аристотель отвѣчаетъ — что вообще образованіе сновидѣній должно быть поставлено въ связь съ чувственною способностью, съ тою способностью, съ которою стоитъ въ связи и самый сонъ. Но какъ же въ частности опредѣлить происхожденіе сновидѣній, съ какою способностью ближе сопоставить эти психическіе факты? Аристотель продолжаетъ: «Но такъ какъ уже было сказано въ трактатѣ о душѣ относительно способности *φαντασία*, и было сказано, что способность *φαντασία* есть нѣчто тождественное съ чувственною способностью» (нѣчто вполнѣ зависящее отъ чувственной способности), «но только способы проявленія у способности *φαντασία* и у чувственной способности различны,—именно, дѣятельность способности *φαντασία* есть движеніе, являющееся результатомъ дѣйствительнаго, активнаго чувственнаго познанія,—и такъ какъ съ другой стороны сновидѣніе кажется нѣкоторымъ видомъ представленія [ибо именно представленіе во снѣ», замѣчаетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ, «мы называемъ сновидѣніемъ,—произойдетъ ли оно просто» (какъ представленіе), «или какимъ-либо» (специфически свойственнымъ сну) «образомъ], то ясно, что видѣть сны присуще чувственной способности, и чувственной способности постольку, поскольку она является способностью *φαντασία*» (поскольку она обусловливаетъ собою, входитъ въ эту способность) [1]). Это—уже совершенно очевид-

---

[1]) De insomn. 1. 459 a. 11—22. *Ἀλλὰ πῶς δὴ καὶ τίνα τρόπον, ἐπισκεπτέον. ὑποκείσθω δ', ὅπερ ἐστὶ καὶ φανερόν, ὅτι τοῦ αἰσθητικοῦ τὸ πάθος, εἴπερ καὶ ὁ ὕπνος· οὐ γὰρ ἄλλῳ μέν τινι τῶν ζῴων ὑπάρχει ὁ ὕπνος, ἄλλῳ δὲ τὸ ἐνυπνιάζειν, ἀλλὰ τῷ αὐτῷ. ἐπεὶ δὲ περὶ φαντασίας ἐν τοῖς περὶ ψυχῆς εἴρηται, καὶ ἔστι μὲν τὸ αὐτὸ τῷ αἰσθητικῷ τὸ φανταστικόν, τὸ δ' εἶναι φανταστικῷ καὶ αἰσθητικῷ ἕτερον, ἔστι δὲ φαντασία ἡ ὑπὸ τῆς κατ' ἐνέργειαν αἰσθήσεως γινομένη κίνησις, τὸ δ' ἐνύπνιον φάντασμά τι φαίνεται εἶναι (τὸ γὰρ ἐν ὕπνῳ φάντασμα ἐνύπνιον λέγομεν, εἴθ' ἁπλῶς εἴτε τρόπον τινὰ γινόμενον), φανερὸν ὅτι τοῦ αἰσθητικοῦ μέν ἐστι τὸ ἐνυπνιάζειν, τούτου δ' ᾗ τὸ φανταστικόν.*

ное подтвержденіе самимъ Аристотелемъ возможности пользованія при разсмотрѣніи образованія собственно образовъ или представленій также и ученіемъ о сновидѣніяхъ. Если самъ Аристотель подлинно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ставитъ происхожденіе сновидѣній въ такую тѣсную связь съ дѣятельностью именно способности *φαντασία*, то это показываетъ конечно, что и для самаго него, и притомъ по собственному же его признанію, сновидѣнія въ сущности суть тѣ-же образы или представленія.

Послѣ этого предварительнаго замѣчанія займемся самымъ анализомъ названной выше 3-ей главы настоящаго трактата. Во 2-ой главѣ этого трактата Аристотель особенно настаиваетъ на томъ положеніи, что реальныя чувственныя познанія не утрачиваютъ своего значенія для познающаго существа даже и по своемъ прекращеніи. Всякое дѣйствительно бывшее чувственное познаніе, утверждаетъ здѣсь Аристотель, оставляетъ послѣ себя слѣдъ, слѣдъ, который, такъ или иначе, бываетъ замѣтнымъ, ощутимымъ. Что же выходитъ изъ этого? Исходя изъ этого положенія, въ 3-ей главѣ Аристотель продолжаетъ: «Итакъ, изъ этихъ приведенныхъ фактовъ ясно, что не только въ то время, когда бодрствуютъ» (живыя существа), «чувствуются движенія, вызываемыя чувственно познаннымъ» (дѣйствительно чувственно познаннымъ), «чувственно познаннымъ извнѣ ли, или отъ» (самаго) «тѣла» (чувствующаго существа), «—но такія движенія чувствуются и тогда, когда имѣетъ мѣсто состояніе, называемое сномъ; и въ послѣднемъ случаѣ эти движенія особенно проявляются. Ибо во время дня» (въ бодрственномъ состояніи), объясняетъ Аристотель, «движенія эти задерживаются и благодаря тому, что чувства въ это время дѣйствительно дѣйствуютъ и благодаря дѣйствительной дѣятельности вообще разумной способности, и исчезаютъ эти движенія какъ передъ большимъ огнемъ мѣньшій и малыя страданія и удовольствія передъ большими, между тѣмъ какъ при» (сравнительномъ) «спокойствіи и малыя вещи выплываютъ на поверхность,—ночью же, благодаря бездѣятельности частныхъ чувствъ и благодаря невозможности имъ дѣйствительно дѣйствовать, эти движенія, въ силу отлива теплаго вещества отъ внѣшнихъ частей внутрь, уносятся къ началу вообще чувственнаго познанія и становятся ясными»

(становятся совершенно замѣтными) «вслѣдствіе прекращенія» (такъ сказать, бодрственнаго) «волненія. Слѣдутъ представить», продолжаетъ эти разъясненія Аристотель, «что какъ малые круговороты, происходящіе въ рѣкахъ», (водяные круги на поверхности рѣкъ),—«совершенно также и каждое такое движеніе происходитъ непрерывно — часто сходно» (съ движеніемъ, бывшимъ при раннемъ, дѣйствительно имѣвшемъ мѣсто чувственномъ познаніи), «часто же эти движенія, вслѣдствіе» (встрѣчаемаго) «сопротивленія, разрѣшаются въ другія формы» (принимаютъ нѣсколько иной видъ). «Поэтому-то», выводитъ Аристотель изъ всѣхъ настоящихъ разсужденій, и въ частности изъ разсужденія, заключающагося во второй фразѣ, «послѣ принятія пищи и у слишкомъ молодыхъ, какъ напр. у малыхъ дѣтей, не бываетъ сновидѣній: ибо здѣсь слишкомъ сильно движеніе, вызываемое теплотою пищи» (т. е. благодаря теплотѣ пищи въ тѣлѣ существа происходитъ слишкомъ сильное движеніе—волненіе, — и это то волненіе и препятствуетъ этимъ движеніямъ какъ-бы выплывать, обнаруживаться). «Такимъ образомъ», разъясняетъ еще Аристотель, «какъ въ какой-либо влажной средѣ, если бы кто-либо сталъ слишкомъ двигать» (слишкомъ возмущать) «эту среду, иногда не проявилось бы никакого изображенія, иногда же хотя проявилось бы, но совершенно искаженное—такъ что показалось бы вѣчто иное, чѣмъ что существуетъ на самомъ дѣлѣ» (такъ что изображеніе и не напоминало бы того, чему оно является изображеніемъ), «а по успокоеніи среды изображенія являлись бы чистыми и отчетливыми, — совершенно также и во снѣ представленія и оставшіеся движенія—движенія, имѣющія мѣсто именно благодаря дѣйствительно чувственно познанному, иногда, вслѣдствіе того, что указанное движеніе слишкомъ сильно, совершенно исчезаютъ» (какъ-бы совершенно уничтожаются, становятся незамѣтными), «иногда же видѣнія кажутся превратными» (собственно смущенными, видоизмѣненными) «и чудовищными, и сновидѣнія не бываютъ правильными, какъ это бываетъ у меланхоликовъ, у страдающихъ лихорадкою и у напившихся виномъ: ибо всѣ такія состоянія, будучи состояніями, вызывающими пары, производятъ большое движеніе и волненіе. Когда же кровь у существъ, обладающихъ кровью, успокоивается и въ ней происходитъ отдѣленіе» (это отдѣленіе, какъ между про-

чимъ можно видѣть изъ конца 3-ей главы трактата «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», связано съ отливомъ теплаго вещества отъ внѣшнихъ частей внутрь во время сна), «движеніе, остающееся отъ чувственно познаннаго каждымъ изъ отдѣльныхъ чувствъ» (остающееся какъ результатъ отъ дѣйствительно бывшихъ чувственныхъ познаній), «и дѣлаетъ сновидѣнія правильными, и заставляетъ казаться и думать, что, благодаря уносимому отъ» (собственно) «чувства зрѣнія, видишь что-либо, благодаря же уносимому отъ чувства слуха — слышишь. Совершенно тоже — и благодаря уносимому отъ другихъ органовъ отдѣльныхъ чувствъ, — ибо именно въ силу того, что движеніе оттуда» (отъ этихъ отдѣльныхъ органовъ) «доходитъ до начала» (вообще чувственнаго познанія), «и можетъ случиться, что существо, и въ бодрственномъ состояніи, думаетъ, что видитъ и слышитъ и» (вообще) «чувствуетъ; благодаря тому обстоятельству, что чувство» (органъ) «зрѣнія кажется движущимся, на самомъ дѣлѣ не двигаясь, мы и говоримъ, что видимъ, и благодаря тому обстоятельству, что чувство осязанія сообщаетъ о двухъ движеніяхъ, одно признается двумя. Ибо начало» (чувственнаго познанія—это конечно сама чувствующая душа) «вообще уносимое отъ каждаго» (отдѣльнаго) «чувства признаетъ» (за дѣйствительное чувственное познаніе), «если только этому не будетъ противорѣчить какая-либо другая, болѣе высшая познавательная способность» (напр. разумъ). «Отсюда видимость постоянно бываетъ, но не все видимое постоянно признается» (чѣмъ-либо, болѣе или менѣе реальнымъ), «—но оно признается, если это рѣшающее начало» (напр. разумъ) «какъ-бы задержано и не движится собственнымъ движеніемъ» (т. е. не исполняетъ своихъ функцій вполнѣ правильно, вполнѣ какъ слѣдуетъ). «И какъ мы говорили, что различные люди легко попадаютъ въ обманъ подъ вліяніемъ различныхъ состояній» (собственно различныхъ страстей—объ этомъ Аристотель говоритъ выше, еще въ концѣ предыдущей, 2-ой главы настоящаго же трактата), «такъ и спящій легко обманывается благодаря сну, именно благодаря движеніямъ чувственныхъ органовъ и благодаря другимъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ дѣйствительное чувственное познаніе» (и очевидно — оставляющимъ слѣдъ послѣ дѣйствительнаго чувственнаго по-

знанія), «—такъ что и то, что имѣетъ малое сходство, кажется тѣмъ самымъ» (съ чѣмъ оно, повидимому, имѣетъ сходство). «Ибо въ самомъ дѣлѣ, когда живое существо спитъ, съ отливомъ крови въ наибольшемъ количествѣ къ началу» (чувственнаго познанія) «уносятся вмѣстѣ и находящіяся» (въ чувственныхъ органахъ) «движенія, движенія, изъ которыхъ одни будутъ въ состояніи возможности» (т. е. вполнѣ готовыя осуществиться—сдѣлаться дѣйствительными чувственными познаніями, но всетаки еще не осуществившіяся на самомъ дѣлѣ, движенія), «другія же будутъ въ состояніи дѣйствительности» (другія же будутъ какъ разъ осуществившимися, уже вызвавшими въ чувствующей душѣ свое признаніе именно какъ чувственныхъ познаній, движеніями). «И эти движенія находятся въ такомъ состояніи, что во время самаго этого отлива извѣстное движеніе выплываетъ на верхъ изъ этой массы,—если же это» (первое) «исчезнетъ, выплываетъ другое. Эти движенія относятся другъ къ другу какъ искусственно сдѣланныя» (изъ пробки ли, или вообще изъ коры какого-либо дерева) «лягушки, которыя выплываютъ наверхъ» (наверхъ поверхности воды, куда онѣ посажены) «когда растапливается соль» (которою они были начинены). «Такъ и эти движенія существуютъ» (въ этой массѣ) «въ возможности, но, по устраненіи препятствующаго, они дѣйствительно проявляются и, какъ-бы разрѣшившись въ томъ небольшомъ количествѣ крови, которое остается въ чувственныхъ органахъ, дѣйствительно движутся» (движутся такъ, какъ это бываетъ при активныхъ чувственныхъ познаніяхъ), «имѣя сходство при этомъ» (съ реальнымъ чувственно познаваемымъ, съ чувственно познаваемымъ при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ) «съ кажущимся на облакахъ; облака, при своемъ быстромъ видоизмѣненіи» (быстромъ перемѣщеніи), «даютъ поводъ для сравненія ихъ и съ людьми и съ кентаврами» (къ такимъ же различнымъ уподобленіямъ приводятъ и эти движенія) [1]).

---

[1]) De insomn. 3. 460 b. 28—462 b. 20. *Ἐκ δὴ τούτων φανερὸν ὅτι οὐ μόνον ἐγρηγορότων αἱ κινήσεις αἱ ἀπὸ τῶν αἰσθημάτων γινόμεναι τῶν τε θύραθεν καὶ τῶν ἐκ τοῦ σώματος ἐνυπαρχουσῶν, ἀλλὰ καὶ ὅταν γένηται τὸ πάθος τοῦτο ὃ καλεῖται ὕπνος, καὶ μᾶλλον τότε φαίνονται. μεθ' ἡμέραν μὲν γὰρ ἐκκρούονται ἐνεργουσῶν τῶν αἰσθήσεων καὶ τῆς διανοίας, καὶ ἀφανίζονται ὥσπερ παρὰ πολὺ πῦρ*

Вотъ собственно что выходитъ у Аристотеля изъ того положенія, которое, какъ мы говоримъ, онъ защищаетъ во 2-ой главѣ этого-же трактата, вотъ дальнѣйшія слѣдствія, которыя Аристотель считаетъ возможнымъ вывести изъ того своего

ἔλαττον καὶ λῦπαι καὶ ἡδοναὶ μικραὶ παρὰ μεγάλας, παυσαμένων δ' ἐπιπολάζει καὶ τὰ μικρά· νύκτωρ δὲ δι' ὀργίαν τῶν κατὰ μόριον αἰσθήσεων καὶ ἀδυναμίαν τοῦ ἐνεργεῖν, διὰ τὸ ἐκ τῶν ἔξω εἰς τὸ ἐντὸς γίνεσθαι τὴν τοῦ θερμοῦ παλίρροιαν, ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τῆς αἰσθήσεως καταφέρονται καὶ γίνονται φανεραὶ καθισταμένης τῆς ταραχῆς. δεῖ δ' ὑπολαβεῖν ὥσπερ τὰς μικρὰς δίνας τὰς ἐν τοῖς ποταμοῖς γινομένας, οὕτω τὴν κίνησιν ἑκάστην γίνεσθαι συνεχῶς, πολλάκις μὲν ὁμοίως, πολλάκις δὲ διαλυομένας εἰς ἄλλα σχήματα διὰ τὴν ἀκτίκρουσιν. διὸ καὶ μετὰ τὴν τροφὴν καὶ πάμπαν νέοις οὖσιν, οἷον τοῖς παιδίοις, οὐ γίνεται ἐνύπνια· πολλὴ γὰρ ἡ κίνησις διὰ τὴν ἀπὸ τῆς τροφῆς θερμότητα. ὥστε καθάπερ ἐν ὑγρῷ, ἐὰν σφόδρα κινῇ τις, ὁτὲ μὲν οὐδὲν φαίνεται εἴδωλον ὁτὲ δὲ φαίνεται μὲν διεστραμμένον δὲ πάμπαν, ὥστε φαίνεσθαι ἀλλοῖον ἢ οἷόν ἐστιν, ἠρεμήσαντος δὲ καθαρὰ καὶ φανερά, οὕτω καὶ ἐν τῷ καθεύδειν τὰ φαντάσματα καὶ αἱ ὑπόλοιποι κινήσεις αἱ συμβαίνουσαι ἀπὸ τῶν αἰσθημάτων ὁτὲ μὲν ὑπὸ μείζονος οὔσης τῆς εἰρημένης κινήσεως ἀφανίζονται πάμπαν, ὁτὲ δὲ τεταραγμέναι φαίνονται αἱ ὄψεις καὶ τερατώδεις καὶ οὐκ ἐρρωμένα τὰ ἐνύπνια, οἷον τοῖς μελαγχολικοῖς καὶ πυρέττουσι καὶ οἰνωμένοις πάντα γὰρ τὰ τοιαῦτα πάθη πνευματώδη ὄντα πολλὴν ποιεῖ κίνησιν καὶ ταραχήν. καθισταμένου δὲ καὶ διακρινομένου τοῦ αἵματος ἐν τοῖς ἐναίμοις, σωζομένη τῶν αἰσθημάτων ἡ κίνησις ἀφ' ἑκάστου τῶν αἰσθητηρίων ἐρρωμένα τε ποιεῖ τὰ ἐνύπνια, καὶ φαίνεσθαί τι καὶ δοκεῖν διὰ μὲν τὰ ἀπὸ τῆς ὄψεως καταφερόμενα ὁρᾶν, διά τε τὰ ἀπὸ τῆς ἀκοῆς ἀκούειν. ὁμοιοτρόπως δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ἄλλων αἰσθητηρίων· τῷ μὲν γὰρ ἐκεῖθεν ἀφικνεῖσθαι τὴν κίνησιν πρὸς τὴν ἀρχὴν καὶ ἐγρηγορὼς δοκεῖ ὁρᾶν καὶ ἀκούειν καὶ αἰσθάνεσθαι, καὶ διὰ τὸ τὴν ὄψιν ἐνίοτε κινεῖσθαι δοκεῖν οὐ κινουμένην ὁρᾶν φαμέν, καὶ τῷ τὴν ἀφὴν δύο κινήσεις εἰσαγγέλλειν τὸ ἓν δύο δοκεῖν. ὅλως γὰρ τὸ ἀφ' ἑκάστης αἰσθήσεώς φησιν ἡ ἀρχή, ἐὰν μὴ ἑτέρα κυριωτέρα ἀντιφῇ. φαίνεται μὲν οὖν πάντως, δοκεῖ δὲ οὐ πάντως τὸ φαινόμενον, ἀλλ' ἐὰν τὸ ἐπικρῖνον κατέχηται ἢ μὴ κινῆται τὴν οἰκείαν κίνησιν. ὥσπερ δ' εἴπομεν ὅτι ἄλλοι δι' ἄλλο πάθος εὐαπάτητοι, οὕτως ὁ καθεύδων διὰ τὸν ὕπνον καὶ τὸ κινεῖσθαι τὰ αἰσθητήρια καὶ τἆλλα τὰ συμβαίνοντα περὶ τὴν αἴσθησιν, ὥστε τὸ μικρὰν ἔχον ὁμοιότητα φαίνεται ἐκεῖνο. ὅταν γὰρ καθεύδῃ, κατιόντος τοῦ πλείστου αἵματος ἐπὶ τὴν ἀρχὴν συγκατέρχονται αἱ ἐνοῦσαι κινήσεις, αἱ μὲν δυνάμει αἱ δὲ ἐνεργείᾳ. οὕτω δ' ἔχουσιν ὥστε ἐν τῇ κινήσει τηδὶ ἥδε ἐπιπολάσει ἐξ αὐτοῦ ἡ κίνησις, ἂν δ' αὕτη φθαρῇ, ἥδε. καὶ πρὸς ἀλλήλας δ' ἔχουσιν ὥσπερ οἱ πεπλασμένοι βάτραχοι οἱ ἀνιόντες ἐν τῷ ὕδατι τηκομένου τοῦ ἁλός. οὕτως ἔνεισι δυνάμει, ἀνειμένου δὲ τοῦ κωλύοντος ἐνεργοῦσιν· καὶ λυόμεναι ἐν ὀλίγῳ τῷ λοιπῷ αἵματι τῷ ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις κινοῦνται, ἔχουσαι ὁμοιότητα ὥσπερ τὰ ἐν τοῖς νέφεσιν, ἃ παρεικάζουσιν ἀνθρώποις καὶ κενταύροις ταχέως μεταβάλλοντα. Настоящій от-

утвержденія, что никакое, дѣйствительно бывшее, чувственное познаніе не пропадаетъ, такъ сказать, безслѣдно. Далѣе, въ слѣдующемъ отдѣлѣ этой-же 3-ей главы, Аристотель какъ-бы формулируетъ болѣе точно эти свои разсужденія, показываетъ—

рывокъ, какъ это можно было видѣть уже и изъ самаго перевода и разъясненій, предложенныхъ въ текстѣ, заключаетъ въ себѣ довольно много неясностей въ своихъ отдѣльныхъ выраженіяхъ и фразахъ для пониманія, неясностей, которыя конечно совершенно не устраняются только разъясненіями, приложенными къ самому переводу. Съ другой стороны, по отношенію къ этому отрывку существуютъ и нѣкоторыя спеціальныя объясненія (такія спеціальныя объясненія особенно находятся въ уже нѣсколько разъ цитированныхъ нами сочиненіяхъ Baeumker'a, Neuhaeuser'a и затѣмъ Дембовскаго—см. у Baeumker'a стр. 89, 91, у Neuhaeuser'a стр. 65 и стр. 128—132, у Дембовскаго стр. 52 — 53 и стр. 58—60), причемъ объясненія эти иногда расходятся другъ съ другомъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ настоящемъ примѣчаніи я прежде всего, въ дополненіе къ разъясненіямъ, которыя мнѣ уже пришлось сдѣлать выше, сдѣлаю еще нѣсколько объясненій нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ по моему мнѣнію для пониманія всего настоящаго отрывка, выраженій. Затѣмъ, когда мое собственное пониманіе настоящаго отрывка будетъ такимъ образомъ вполнѣ установлено, я коснусь и указанныхъ спеціальныхъ объясненій — мнѣній въ отношеніи къ пониманію всего нашего отрывка Baeumker'a, Neuhaeuser'a и Дембовскаго. Дѣло въ томъ, что хотя, какъ я говорю, объясненія указанныхъ ученыхъ иногда и не сходятся другъ съ другомъ, но это—собственно только въ частностяхъ, въ общемъ же взглядѣ на весь настоящій отрывокъ объясненія эти согласны; по поводу этого-то общаго взгляда я и скажу далѣе. Такимъ образомъ, постараемся прежде всего разъяснить наиболѣе точно—что̀ слѣдуетъ понимать, съ точки зрѣнія самого Аристотеля, подъ этою *παλίρροια τοῦ θερμοῦ ἐκ τῶν ἔξω εἰς τὸ ἐντός* подъ этимъ отливомъ теплаго вещества отъ внѣшнихъ частей внутрь, отливомъ, имѣющимъ мѣсто притомъ ночью, во время сна? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ весь предыдущій болѣе мелкій психологическій трактатъ Аристотеля, именно трактатъ «о состояніи во время сна и во время бодрствованія», въ частности 3-я глава этого трактата (особенно начиная съ 457 a. 34—и до конца главы). По теоріи Аристотеля происхожденіе сна и собственно условія его наступленія, какъ кажется, стоятъ въ связи съ принятіемъ живымъ существомъ пищи. Именно, когда живое существо приметъ пищу, тотчасъ же происходитъ какъ-бы нѣкоторое сосредоточеніе теплаго вещества; при этомъ это теплое вещество тотчасъ-же отливаетъ внутрь, къ центральнымъ частямъ. Далѣе отъ центральныхъ частей оно получаетъ новый толчекъ, но-

какіе именно элементы въ этомъ процессѣ образованія сновидѣній играютъ наиболѣе существенную роль, что́ именно, въ существѣ дѣла, въ концѣ концовъ и обусловливаетъ появленіе сновидѣній, какъ такихъ, совершенно фантастичныхъ пред-

---

вое отраженіе: отъ центральныхъ частей оно опускается внизъ (напр. къ ногамъ), а центральныя части начинаютъ охлаждаться. Всѣ эти обстоятельства собственно и обусловливаютъ собою сонъ, въ силу того, что эти обстоятельства имѣютъ мѣсто въ живомъ существѣ, живое существо и начинаетъ засыпать,—и такимъ-то образомъ и можно сказать, что наступленіе сна, по мнѣнію Аристотеля, въ концѣ связано съ принятіемъ пищи. Изъ этой теоріи становится совершенно яснымъ, что́ именно разумѣетъ самъ Аристотель во всемъ нашемъ отрывкѣ подъ этою *παλίρροια τοῦ θερμοῦ* и почему онъ говоритъ здѣсь объ этой *παλίρροια*: эта *παλίρροια*—этотъ отливъ, очевидно, означаетъ собою нѣкоторое не совсѣмъ нормальное перемѣщеніе веществъ въ живомъ существѣ, перемѣщеніе, и обусловливающее собою собственно наступленіе сна,—и, такъ какъ (какъ мы уже отчасти указывали—см. наше излож. стр. 241 и прим.) это теплое вещество, какъ и кровь, также, по Аристотелю, связано съ дѣятельностью сердца, то это перемѣщеніе, по воззрѣніямъ Аристотеля, въ тоже самое время представляетъ собою и нѣкоторое не совсѣмъ нормальное кровообращеніе. Съ точки зрѣнія этой теоріи понятно также и дальнѣйшее въ настоящемъ отрывкѣ,—напр. указаніе Аристотеля, что тотчасъ послѣ принятія пищи и у слишкомъ молодыхъ не бываетъ правильныхъ сновидѣній, а также и дальнѣйшее сообщеніе, что правильныя сновидѣнія имѣютъ мѣсто, именно когда въ крови произойдетъ нѣкоторое отдѣленіе. Ненормальное перемѣщеніе веществъ въ существѣ, вызывающее сонъ, какъ можно видѣть изъ приведенной теоріи, должно всеже, по мнѣнію Аристотеля, имѣть нѣкоторый порядокъ. Правильный сонъ собственно получается тогда, когда не только произойдетъ первое перемѣщеніе (отливъ теплаго вещества къ центральнымъ частямъ), но когда и второе перемѣщеніе (дальнѣйшее отраженіе теплаго вещества) будетъ имѣть мѣсто. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ принятія пищи и у слишкомъ молодыхъ существъ второго перемѣщенія еще не бываетъ; самъ Аристотель говоритъ о, такъ сказать, физіологическомъ состояніи въ обоихъ этихъ случаяхъ, какъ о слишкомъ сильномъ движеніи (здѣсь дѣйствительно какъ будто слишкомъ сильно, чрезмѣрно сосредоточеніе теплаго вещества въ центральныхъ частяхъ—около сердца и въ головѣ);—и такимъ-то образомъ въ обоихъ этихъ случаяхъ, благодаря тому, что не всѣ физіологическія условія, по мнѣнію Аристотеля, соблюдены, и собственно психическіе факты—сновидѣнія не могутъ имѣть правильности. Наоборотъ, когда всѣ физіологическія условія, во всей ихъ приведенной послѣдовательности, будутъ доведены до конца, когда, по подлинному выраженію Аристотеля, «кровь успокоивается и въ ней происходитъ от-

ставленій. «Каждое же изъ этихъ» (разсматриваемыхъ въ настоящемъ случаѣ фактовъ — собственно движеній), продолжаетъ Аристотель, «какъ и указано, есть остатокъ чувственно познаннаго въ дѣйствительности и, по удаленіи дѣйствитель-

---

дѣленіе» (стало быть, именно когда теплое вещество начинаетъ отливать отъ центральныхъ частей, главнымъ образомъ отъ сердца),—тогда конечно и психическіе факты, сопровождающіе всѣ эти физіологическія условія—самыя сновидѣнія будутъ, по ученію Аристотеля, болѣе правильными. Это—собственно первое объясненіе, которое, какъ мнѣ казалось, слѣдовало привести въ дополненіе къ разъясненіямъ, уже находящимся въ самомъ моемъ текстѣ—при переводѣ. Затѣмъ второе затрудненіе заключается въ томъ — какъ понимать во всемъ настоящемъ отрывкѣ терминъ *ἀρχὴ τῆς αἰσθήσεως*, что именно долженъ былъ подразумѣвать самъ Аристотель подъ этимъ «началомъ чувственнаго познанія»? Мы имѣли уже случай указать (см. тѣ-же 240—242 стран. нашего изложенія), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Аристотель иногда называетъ, такъ сказать, принципомъ, началомъ всѣхъ чувственныхъ познаній—сердце,—отсюда, въ связи съ этимъ утвержденіемъ, и принимая во вниманіе, что вообще говоритъ Аристотель во всемъ настоящемъ отрывкѣ, совершенно можно было прійти къ заключенію, что въ большинствѣ случаевъ, говоря о началѣ чувственнаго познанія, Аристотель имѣетъ тутъ въ виду сердце. Однако въ одной фразѣ (именно во фразѣ *ὅλως γὰρ τὸ ἀφ' ἑκάστης αἰσθήσεώς φησιν ἡ ἀρχή, ἐὰν μὴ ἑτέρα κυριωτέρα ἀντιφῇ*) было довольно очевидно, что терминъ—сердце не можетъ соотвѣтствовать термину *ἀρχή*. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Аристотель и называетъ, какъ я говорю, иногда сердце принципомъ чувственнаго познанія, но онъ нигдѣ не высказываетъ, чтобы именно сердце, такъ сказать, произносило окончательное сужденіе о чувственномъ познаніи, признавало бы чувственное познаніе чувственнымъ познаніемъ; между тѣмъ по отношенію къ чувствующей душѣ, какъ мы видѣли еще изъ всего 1-го отдѣла нашей предыдущей I-ой главы, это признаніе какъ разъ имѣло мѣсто,—въ виду этихъ соображеній и пришлось въ указанной фразѣ придать термину *ἀρχή* значеніе—чувствующей души. И замѣчу, что и съ внѣшней стороны такой переводъ не можетъ представить никакихъ затрудненій. Дѣйствительно, хотя Аристотель и называетъ сердце принципомъ, началомъ чувственнаго познанія, — но онъ называетъ такъ этотъ органъ конечно съ тѣлесной, такъ сказать, физіологической точки зрѣнія. Но кромѣ такого физіологическаго принципа чувственнаго познанія долженъ быть еще и психическій,—и этимъ психическимъ принципомъ уже конечно безспорно будетъ чувствующая душа. Тѣмъ не менѣе, со стороны языка оба эти принципа, оба эти начала одинаково будутъ началами, одинаково будутъ обозначаться терминомъ *ἀρχὴ τῆς αἰσθήσεως*,—и такимъ

наго объекта чувственнаго познанія, остатокъ этотъ остается, и правильно было бы сказать, что этотъ остатокъ есть какъ-бы Корискъ, но онъ не даетъ знанія о самомъ Корискѣ. Когда же главное и рѣшающее начало» (въ соотвѣтствіи съ преды-

---

образомъ и съ внѣшней стороны вовсе не представляется затрудненій, что Аристотель такъ безразлично употребляетъ терминъ, дальнѣйшія значенія котораго оказываются до нѣкоторой степени различными. (Можно думать даже, замѣтимъ кстати, что вообще Аристотель, такъ сказать, преимущественнымъ мѣстопребываніемъ чувствующей души считалъ какъ разъ сердце). Далѣе, третье и четвертое объясненія уже будутъ имѣть менѣе существенное значеніе: они будутъ касаться сравнительно частностей. Именно, въ 3-хъ, постараемся разъяснить болѣе обстоятельно фразу, начинающуюся словами *ὥσπερ δ' εἴπομεν ὅτι ἄλλοι δι' ἄλλο πάθος εὐαπάτητοι* и т. д.,—въ 4-хъ же, постараемся разъяснить послѣднее сравненіе Аристотеля, сравненіе оставшихся отъ дѣйствительно бывшихъ чувственныхъ познаній движеній съ искусственно сдѣланными лягушками. По поводу первой фразы, по поводу фразы *ὥσπερ δ' εἴπομεν* и т. д. мы уже замѣтили при самомъ нашемъ переводѣ, что здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду конецъ предыдущей 2-ой главы этого-же трактата «о сновидѣніяхъ»,—и теперь прибавимъ, что, какъ кажется, это будетъ—начиная съ 460 a. 32 и до конца главы. Здѣсь Аристотель между прочимъ разъясняетъ—почему́ люди, находящіеся подъ вліяніемъ какихъ-либо страстей или страдающіе нѣкоторыми болѣзнями (напр. лихорадкою), наиболѣе склонны къ иллюзіямъ, наиболѣе склонны къ тому, чтобы свои, въ сущности фантастичныя, представленія считать за реальность,—и причину этого онъ главнымъ образомъ видитъ въ томъ, что «то, что произноситъ окончательное сужденіе» (относительно реальности или нереальности—«главное судящее» по терминологіи Аристотеля), «и способность, завѣдующая собственно произведеніемъ представленій» (какъ представленій), «дѣйствуютъ» (судятъ) не одинаково» (460 b. 16—17 *αἴτιον δὲ τοῦ συμβαίνειν ταῦτα τὸ μὴ κατὰ τὴν αὐτὴν δύναμιν κρίνειν τό τε κύριον καὶ ᾧ τὰ φαντάσματα γίνεται*). Это—конечно совершенно удачная иллюстрація къ настоящимъ разсужденіямъ, ибо и въ настоящихъ разсужденіяхъ Аристотель въ сущности говоритъ совершенно тоже самое. Что же касается до послѣдняго сравненія въ настоящемъ отрывкѣ Аристотеля, то для уясненія непосредственнаго смысла этого сравненія воспользуемся замѣчаніями Barthélemy Saint-Hilaire'a. B. S.-Hilaire въ своихъ замѣчаніяхъ къ переводу настоящаго сравненія (см. замѣчанія B. S.-Hilaire'a къ его переводу parva naturalia Аристотеля, стр. 199), ссылаясь на Михаила Ефесскаго и на другихъ комментаторовъ, указываетъ, что то, о чемъ говоритъ здѣсь Аристотель, состояло въ погруженіи въ воду пяти искуственныхъ (сдѣланныхъ изъ дерева или

дущимъ подъ этимъ главнымъ началомъ слѣдуетъ, какъ кажется, разумѣть разумъ) «чувственно познало бы» (этотъ остатокъ), «оно не сказало бы, что оно познало самого Кориска, но оно сказало бы, что благодаря этому» (остатку) «можно

изъ какого-либо вообще легкаго матеріала) лягушекъ, покрытыхъ притомъ солью. Эти лягушки, по мѣрѣ того какъ растапливается соль, конечно выплываютъ на поверхность воды,—и выплываютъ иногда не въ томъ порядкѣ, въ какомъ были посажены, т. е. можетъ случиться, что въ какой-либо лягушкѣ, хотя бы она была посажена и послѣ другихъ, соль растопится скорѣе и она выплыветъ сравнительно быстро. Такъ объясняется это послѣднее сравненіе Аристотеля, и конечно нельзя не согласиться, что послѣ этихъ замѣчаній собственно ближайшій, непосредственный смыслъ этого сравненія становится совершенно яснымъ. Этого и будетъ достаточно въ настоящемъ случаѣ, ибо, какъ кажется, и самъ Аристотель, приводя это сравненіе, вовсе не хотѣлъ дать имъ какого-либо существеннаго объясненія тѣмъ фактамъ, о которыхъ онъ собственно трактуетъ во всемъ данномъ отрывкѣ. Таковы эти дополнительныя объясненія, таково, стало быть, мое собственное пониманіе всего настоящаго отрывка. Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ относительно общаго значенія всего этого отрывка. Изъ перевода, предложеннаго выше, и далѣе изъ настоящихъ объясненій, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени выяснилось, что я собственно смотрю на настоящій отрывокъ, какъ на трактующій исключительно о сновидѣніяхъ—вообще объ образахъ, представленіяхъ. Между тѣмъ возможенъ и иной взглядъ, возможно стараться пользоваться нашимъ отрывкомъ для уясненія ученія Аристотеля о собственномъ чувственномъ познаніи, о чувственномъ познаніи какъ таковомъ—внѣ его отношенія къ образамъ или представленіямъ (такого именно взгляда и держатся всѣ поименованные выше ученые), —и является вопросъ—насколько этотъ послѣдній взглядъ будетъ имѣть за себя основаній? Конечно, если приступить къ нашему отрывку съ нѣкоторою предвзятою мыслью, если стараться во чтобы то ни стало и въ этомъ отрывкѣ найти подтвержденія какой-либо теоріи, касающейся спеціальнаго ученія Аристотеля о чувственномъ познаніи (у указанныхъ ученыхъ такія теоріи распредѣляются такъ: главнымъ образомъ Neuhaeuser старается найти въ нашемъ отрывкѣ подтвержденія тому мнѣнію, что чувственное познаніе, по Аристотелю, можетъ совершаться только въ сердцѣ, какъ главномъ физіологическомъ органѣ чувственнаго познанія; наоборотъ Дембовскій стоитъ за то, что и этотъ отрывокъ, по воззрѣніямъ самого Аристотеля, вовсе не противорѣчитъ возможности чувственнымъ познаніямъ совершаться и въ отдѣльныхъ чувственныхъ органахъ), то можно, пожалуй, найти такія подтвержденія, —но не будутъ ли всѣ такія пониманія нашего отрывка нѣкоторыми натяжка-

представить дѣйствительнаго Кориска» (оно сказало бы, что въ этомъ остаткѣ заключается какъ-бы нѣкоторый намекъ на дѣйствительнаго Кориска, нѣкоторая копія, такъ сказать, истиннаго Кориска). «Такимъ-то образомъ, это главное, рѣшающее начало, чувственно познавая то, относительно чего» (при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ) «оно высказываетъ только что упомянутое сужденіе,—въ томъ случаѣ когда не встрѣчается уже совершеннаго препятствія со стороны» (притока) «крови—такóго препятствія, что оно какъ-бы совсѣмъ не чувствуетъ этого происходящаго» (стало быть, когда нѣкоторыя условія нормальнаго чувственнаго познанія всетаки имѣются на лицо), «всеже затрогивается движеніями, находящимися въ чувственныхъ органахъ» (движеніями, такъ или иначе, ведущими свое начало отъ чувственныхъ органовъ). «Въ силу этого-то затрагиванія подобіе» (какой-либо вещи) «и признается за самую истину» (за самую эту истинную вещь). «И такова сила сна, что онъ позволяетъ всему этому оставаться скрытымъ» (именно сонъ производитъ то, что мы не замѣчаемъ всѣхъ этихъ ошибокъ при полученіи нами описанныхъ знаній). «Отсюда, совершенно такъ, какъ если бы кому-либо, незамѣтно для себя положившему палецъ на глазъ, не только показалось бы, но онъ получилъ бы и нѣкоторое убѣжденіе—что единое есть два» (у него произошло бы какъ-бы раздвоеніе въ зрѣніи),—«а если бы онъ сдѣлалъ это» (положилъ палецъ) «не незамѣтно—то только показалось бы, а убѣжденія

ми, будутъ ли они вполнѣ естественны? Мнѣ казалось, что они именно будутъ не вполнѣ естественны, что при простомъ, такъ сказать, безъискусственномъ отношеніи къ нашему отрывку нельзя не прійти къ заключенію, что отрывокъ этотъ, строго говоря, трактуетъ именно только о сновидѣніяхъ—стало быть объ образахъ, представленіяхъ,—и этотъ-то взглядъ я и положилъ въ основу всего настоящаго изложенія. И съ точки зрѣнія этого взгляда совершенно понятно, почему я, хотя и указалъ, что объясненія нашего отрывка названныхъ выше ученыхъ иногда расходятся другъ съ другомъ, тѣмъ не менѣе ни разу не воспользовался этими различіями, не привелъ ни одного изъ этихъ различныхъ объясненій. Всѣ эти различныя объясненія, какъ я уже и говорилъ, несмотря на свои различія, всетаки въ концѣ обусловливаются въ сущности тождественною основною мыслью,—принять же эту основную мысль—по крайней мѣрѣ для меня—было затруднительно, и отсюда всѣ эти спеціальныя объясненія нашего отрывка—и Baeumker'a, и Neuhaeuser'a, и Дембовскаго не могли представить никакого особеннаго интереса.

не было бы,—такъ и во снѣ, когда чувствующее существо чувствуетъ, что оно спитъ, и когда чувствующее существо чувствуетъ и это» (свое) «сонное» (свойственное именно сну) «состояніе, въ которомъ находится вообще его способность чувственнаго познанія» (до нѣкоторой степени сознаетъ, что его способность чувствовать какъ-бы скована, связана сномъ), «нѣчто какъ-бы говоритъ въ немъ» (въ чувствующемъ существѣ), «что хотя кажется что-то Корискомъ, но на самомъ дѣлѣ это не есть Коръскъ [ибо часто во время сна», прибавляетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ въ подтвержденіе своего послѣдняго утвержденія, «нѣчто въ душѣ именно какъ-бы говоритъ, что кажущееся есть собственно сновидѣніе» (не есть нѣчто реальное, а есть именно что-то фантастичное)]; «наоборотъ», заканчиваетъ Аристотель настоящее сравненіе, «если для чувствующаго существа незамѣтно, что оно спитъ» (если сонное состояніе чувствующаго существа остается для него самого скрытымъ), «то уже ничто не противорѣчитъ дѣятельности способности *φαντασία*» (ничто не противорѣчитъ тому, чтобы кажущееся—на самомъ дѣлѣ фантастичное вполнѣ признавалось бы за нѣчто реальное, нѣчто на самомъ дѣлѣ существующее). «И что мы говоримъ истину», прибавляетъ еще Аристотель, «и дѣйствительно бываютъ въ» (отдѣльныхъ чувственныхъ) «органахъ движенія, вызывающія какъ разъ образы или представленія,—это ясно, если кто-либо съ намѣреніемъ постарается припомнить, что̀ именно мы испытываемъ, когда находимся во снѣ и когда затѣмъ пробуждаемся; ибо именно пробуждающійся иногда то, что во время сна казалось ему видѣніями» (представленіями, имѣющими реальность), «какъ разъ признаётъ затѣмъ движеніями, происходящими въ» (отдѣльныхъ чувственныхъ) «органахъ,—и съ этой-то точки зрѣнія у нѣкоторыхъ изъ болѣе молодыхъ, даже когда они смотрятъ въ высшей степени пристально» (когда они находятся въ совершенно бодрственномъ состояніи), «въ случаѣ если бываетъ мракъ» (если они находятся въ темнотѣ), «является много видѣній, находящихся въ движеніи» (собственно движеній, которыя кажутся видѣніями), «такъ что часто, боясь» (этихъ видѣній), «они закрываются» (прячутся) [1]. Т. е. на-

[1]) Ibidem, 461 b. 21—462 a. 14. *Τούτων δὲ ἕκαστόν ἐστιν, ὥσπερ εἴρηται, ὑπόλειμμα τοῦ ἐν τῇ ἐνεργείᾳ αἰσθήματος· καὶ ἀπελθόντος τοῦ αἰσθήματος*

иболѣе существеннымъ элементомъ при образованіи сновидѣній, какъ такихъ, совершенно фантастичныхъ представленій, является, по мнѣнію Аристотеля, то состояніе, въ которомъ находится въ данное время разумъ. Именно, если разумъ въ данное время находится, такъ сказать, въ нормальномъ состояніи, если онъ исполняетъ свои функціи вполнѣ правильно, собственно такихъ—въ полномъ смыслѣ слова фантастичныхъ представленій быть не можетъ; только тогда, когда разумъ какъ-бы скованъ, связанъ, однимъ словомъ, когда онъ функціонируетъ не такъ какъ слѣдуетъ, — только тогда и можно ожидать появленія фантастичныхъ представленій. Такое состояніе разума особенно имѣетъ мѣсто во снѣ, отсюда сновидѣнія и оказываются по преимуществу видѣніями, совершенно фантастичными образами,—но и въ бодрственномъ состояніи, на яву, указываетъ еще Аристотель, можетъ быть тоже самое. Не совсѣмъ понятно, почему̀ сюда—въ область въ широкомъ смыслѣ чувственнаго познанія Аристотель допускаетъ еще и разумъ; это допущеніе можетъ показаться какъ-бы колебаніемъ вообще въ ученіи Аристотеля;—и однако, слѣдуетъ замѣтить, это колебаніе вовсе не является чѣмъ-либо неожиданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ начало 2-го отдѣла

τοῦ ἀληθοῦς ἔνεστι, καὶ ἀληθὲς εἰπεῖν ὅτι τοιοῦτον οἷον Κορίσκος, ἀλλ' οὐ Κορίσκος. ὅτε δ' ᾠσθάνετο, οὐκ ἔλεγε Κορίσκον τὸ κύριον καὶ τὸ ἐπικρῖνον, ἀλλὰ διὰ τοῦτο ἐκεῖνον Κορίσκον τὸν ἀληθινόν. οὗ δὴ καὶ αἰσθανόμενον λέγει τοῦτο, ἐὰν μὴ παντελῶς κατέχηται ὑπὸ τοῦ αἵματος, ὥσπερ μὴ αἰσθανόμενον τοῦτο, κινεῖται ὑπὸ τῶν κινήσεων τῶν ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις. καὶ δοκεῖ τὸ ὅμοιον αὐτὸ εἶναι ἀληθές. καὶ τοσαύτη τοῦ ὕπνου ἡ δύναμις ὥστε ποιεῖν τοῦτο λανθάνειν. ὥσπερ οὖν εἴ τινα λανθάνοι ὑποβαλλόμενος ὁ δάκτυλος τῷ ὀφθαλμῷ, οὐ μόνον φανεῖται ἀλλὰ καὶ δόξει εἶναι δύο τὸ ἕν, ἂν δὲ μὴ λανθάνῃ, φανεῖται μὲν οὐ δόξει δέ, οὕτω καὶ ἐν τοῖς ὕπνοις, ἐὰν μὲν αἰσθάνηται ὅτι καθεύδει, καὶ τοῦ πάθους ἓν ᾧ ἡ αἴσθησις τοῦ ὑπνωτικοῦ, φαίνεται μέν, λέγει δέ τι ἐν αὐτῷ ὅτι φαίνεται μὲν Κορίσκος, οὐκ ἔστι δὲ Κορίσκος (πολλάκις γὰρ καθεύδοντος λέγει τι ἐν τῇ ψυχῇ ὅτι ἐνύπνιον τὸ φαινόμενον)· ἐὰν δὲ λανθάνῃ ὅτι καθεύδει, οὐδὲν ἀντίφησι τῇ φαντασίᾳ. ὅτι δ' ἀληθῆ λέγομεν καὶ εἰσὶ κινήσεις φανταστικαὶ ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις, δῆλον, ἐάν τις προσέχων πειρᾶται μνημονεύειν ἃ πάσχομεν καταφερόμενοί τε καὶ ἐγειρόμενοι· ἐνίοτε γὰρ τὰ φαινόμενα εἴδωλα καθεύδοντι φωράσει ἐγειρόμενος κινήσεις οὔσας ἐν τοῖς αἰσθητηρίοις· ἐνίοις γὰρ τῶν νεωτέρων καὶ πάμπαν διαβλέπουσιν, ἐὰν ᾖ σκότος, φαίνεται εἴδωλα πολλὰ κινούμενα, ὥστ' ἐγκαλύπτεσθαι πολλάκις φοβουμένους.

нашей предыдущей I-ой главы, припомнимъ нашъ анализъ 6-ой главы II-ой книги De anima (см. въ нашемъ изложеніи стр. 78—82): еще тамъ то, что Аристотель называлъ «случайнымъ чувственно познаваемымъ», причислялось имъ къ чувственно познаваемому только какъ-бы въ видѣ нѣкоторой уступки,— на самомъ же дѣлѣ онъ готовъ былъ отнести этотъ третій видъ чувственно познаваемаго къ другому—конечно разумному познанію. Та-же точка зрѣнія очевидно сохранена и здѣсь, —и такимъ-то образомъ Аристотель, говоря здѣсь о «главномъ, рѣшающемъ началѣ» какъ именно о разумѣ, и могъ употреблять по отношенію къ этому началу какъ будто не совсѣмъ точныя выраженія, и могъ выражаться, что «это главное, рѣшающее начало чувственно познаетъ». Очевидно разумъ долженъ принимать здѣсь нѣкоторое участіе по Аристотелю, но это участіе для самого Аристотеля не можетъ быть формулировано вполнѣ ясно,—благодаря этой-то неясности разумъ и оказывается здѣсь «чувственно познающимъ».

На этомъ мы покончимъ нашъ анализъ настоящей, 3-ей главы настоящаго трактата: то, что находится далѣе у Аристотеля въ этой-же 3-ей главѣ уже не представитъ для насъ особаго интереса. Съ одной стороны, въ дальнѣйшемъ изложеніи этой-же 3-ей главы Аристотель говоритъ о томъ, о чемъ, такъ или иначе, онъ говорилъ уже и ранѣе, — съ другой же стороны, онъ разбираетъ здѣсь факты, которые собственно къ нашему частному ученію, къ ученію объ образованіи сновидѣній какъ представленій, особенно близкаго отношенія не имѣютъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы и оставимъ эту послѣднюю часть настоящей главы настоящаго трактата, и теперь перейдемъ къ выводамъ, къ заключеніямъ, которыя можно сдѣлать изъ частей этой-же главы, разсмотрѣнныхъ нами. Какія же это будутъ заключенія? Мнѣ кажется, что всѣ эти части, все это мѣсто изъ 3-ей главы трактата «о сновидѣніяхъ» во 1-хъ заключаетъ въ себѣ какъ-бы подтвержденіе и бо́льшее уясненіе того, что уже заключалось во второй половинѣ 1-ой главы трактата «о памяти», и во 2-хъ оно заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое добавленіе къ положеніямъ, которыя могли быть извлечены оттуда. Въ самомъ дѣлѣ, первое положеніе, которое мы получили изъ второй половины 1-ой главы трактата «о памяти», содержало въ себѣ указаніе, что движенія,

имѣющія мѣсто, по мнѣнію Аристотеля, при образованіи образовъ или представленій, должны быть понимаемы именно какъ тѣлесныя движенія, какъ движенія происходящія въ тѣлѣ познающаго существа,—не ясно ли, что тоже самое, но только съ нѣкоторыми бо́льшими подробностями, утверждаетъ Аристотель и здѣсь? Дѣйствительно, вся первая часть настоящаго мѣста, всѣ эти слѣдствія, которыя Аристотель считаетъ возможнымъ вывести изъ того своего утвержденія, что никакое, дѣйствительно бывшее, чувственное познаніе не пропадаетъ безслѣдно,—все это очевидно не можетъ имѣть никакого другого общаго значенія, кромѣ того, что движенія, происходящія при представленіяхъ, происходятъ именно въ тѣлѣ познающаго существа. Аристотель высказываетъ тутъ, правда, нѣкоторыя подробности, онъ, правда, указываетъ здѣсь на участіе при образованіи образовъ или представленій нѣкоторыхъ спеціальныхъ, отдѣльныхъ частей тѣла, онъ указываетъ на участіе при образованіи настоящихъ знаній крови, сердца и т. д.,—но все это, за отсутствіемъ полной точности и полной опредѣленности, всетаки, какъ мнѣ кажется, является именно только подробностями, сущность же всей этой части, всѣхъ этихъ разсужденій остается, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, всетаки, тою-же, какъ и въ томъ первомъ положеніи. Затѣмъ, второе положеніе, полученное нами на основаніи подлиннаго изложенія Аристотеля въ той-же второй половинѣ 1-ой главы трактата «о памяти», касалось формы тѣлесныхъ движеній, происходящихъ при образованіи образовъ или представленій: въ образахъ или представленіяхъ,—такъ можно было формулировать, говорили мы, это второе положеніе, — необходимо должны присутствовать, по мнѣнію Аристотеля, тѣ-же самыя тѣлесныя движенія, которыя имѣли мѣсто и при прежде бывшихъ дѣйствительныхъ, активныхъ чувственныхъ познаніяхъ, со всѣми ихъ результатами. И эта мысль, и притомъ также съ бо́льшею обстоятельностью, подробностью, доказывается въ настоящемъ мѣстѣ. Бо́льшая обстоятельность настоящаго мѣста, мѣста изъ трактата «о сновидѣніяхъ», сравнительно съ мѣстомъ изъ трактата «о памяти», обусловливается какъ разъ объясненіемъ Аристотеля—ка́къ изъ прежде бывшихъ дѣйствительныхъ чувственныхъ познаній могутъ образоваться представленія, повидимому не имѣющія ничего общаго съ этими

чувственными познаніями, повидимому утратившія даже, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, связь съ реальностью? Въ трактатѣ «о памяти» Аристотель, какъ мы видѣли, въ сущности также не имѣлъ ничего противъ образованія такихъ (собственно фантастичныхъ) представленій, — но всетаки спеціальнаго вниманія на это образованіе онъ не обращалъ тамъ. Здѣсь же, въ трактатѣ «о сновидѣніяхъ», онъ какъ разъ, такъ сказать, спеціально и преимущественно занимается объясненіемъ образованія такихъ представленій,—и такимъ-то образомъ и можно сказать, что эти, разобранныя нами, части 3-ей главы трактата «о сновидѣніяхъ» и по отношенію къ этому второму положенію являются болѣе подтверждающими и, такъ сказать, болѣе уясняющими. Итакъ, несомнѣнно, какъ мнѣ кажется, что эти, разсмотрѣнныя нами, подлинныя разсужденія Аристотеля въ 3-ей главѣ его трактата «о сновидѣніяхъ» прежде всего дѣйствительно являются какъ-бы подтвержденіемъ, бо́льшимъ распространеніемъ того, что можно было извлечь уже и изъ предыдущаго мѣста, изъ второй половины 1-ой главы трактата «о памяти». Далѣе, что́ же новаго содержитъ въ себѣ настоящее мѣсто, како́е же добавленіе можно получить изъ него? Новое очевидно касается указанія Аристотеля на участіе въ образованіи образовъ или представленій разума. Положимъ, какъ мы только что замѣтили, допущеніе сюда разума, если смотрѣть на образы или представленія съ точки зрѣнія отношенія ихъ вообще къ чувственному познанію, является какъ будто не совсѣмъ умѣстнымъ, не совсѣмъ послѣдовательнымъ для Аристотеля,—но вѣдь это—именно если смотрѣть на образы или представленія имѣя въ виду ихъ отношеніе вообще къ чувственному познанію. Если же взять образы или представленія совершенно безотносительно, такъ сказать, сами по себѣ, то напротивъ, настоящее указаніе Аристотеля окажется вполнѣ умѣстнымъ и во всякомъ случаѣ весьма интереснымъ. Дѣйствительно, еще въ наиболѣе важномъ для ученія Аристотеля вообще объ образахъ или представленіяхъ мѣстѣ, еще въ 3-ей главѣ III-ей книги De anima промежуточное положеніе образовъ или представленій, участіе въ образованіи ихъ какъ чувствъ, такъ и разума, было очень твердо установлено; это промежуточное положеніе, это участіе разума слѣдовало отсюда какъ бы оттѣнить, слѣдовало посвятить ему и нѣсколь-

ко частныхъ замѣчаній;—такія-то частныя, хотя, правда, не доведенныя до полной обстоятельности, замѣчанія, — такъ по крайней мѣрѣ я думаю,—и находятся въ настоящемъ указаніи. Такимъ образомъ, въ концѣ нельзя, какъ мнѣ кажется, не согласиться, что и эти, разобранныя нами, части—все это мѣсто настоящей главы настоящаго трактата Аристотеля является также весьма существеннымъ для насъ въ настоящемъ случаѣ; и это мѣсто, какъ и предыдущее, мѣсто изъ трактата «о памяти», совершенно также несомнѣнно заключаетъ въ себѣ нужныя для насъ частныя ученія Аристотеля.

Теперь, послѣ этого изложенія [1]), въ заключеніе ко всей настоящей главѣ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній съ

---

[1]) Замѣчу, что кромѣ приведенныхъ и разобранныхъ мною въ настоящей главѣ мѣстъ изъ сочиненій Аристотеля очень часто приводятся и разбираются для рѣшенія вообще того-же вопроса, вопроса объ ученіи Аристотеля о знаніяхъ, соотвѣтствующихъ дѣятельности способности *φαντασία*, и еще мѣста: напр. приводится фраза изъ Реторики (по изданію Bekker'a это будетъ—1370 a. 28), и особенно приводится мѣсто изъ конца 10-ой и начала 11-ой главы III-ей книги De anima (у Bekker'a—433 b. 27—434 a. 10). Однако, мнѣ казалось, что во фразѣ изъ Реторики нѣтъ ничего особенно существеннаго, ничего такого, что не было бы развито, и притомъ развито гораздо полнѣе, Аристотелемъ уже и въ другихъ, приведенныхъ нами, мѣстахъ; что же касается до конца 10-ой и начала 11-ой главы III-ей книги De anima, то здѣсь, какъ я думаю, Аристотель говоритъ скорѣе о значеніи способности *φαντασία* при произвольныхъ движеніяхъ, о самомъ же существѣ знаній, соотвѣтствующихъ дѣятельности способности *φαντασία*, онъ не говоритъ. Послѣднее мѣсто, мѣсто изъ De anima, требуетъ еще нѣкоторыхъ замѣчаній. Именно, первый Freudenthal въ своей брошюрѣ (см. брошюру Freudenthal'я, стр. 30—31) высказалъ мнѣніе, что тутъ Аристотель между прочимъ совершенно опредѣленно различаетъ въ способности *φαντασία* два вида—*φαντασία* чувственную и *φαντασία* разумную (послѣднюю Аристотель называетъ далѣе въ томъ-же мѣстѣ, по Freudenthal'ю, еще *φαντασία* пожелательною, связанною съ хотѣніемъ), и это-же мнѣніе защищаетъ также особенно и Zeller (см. у Zeller'a въ его Die Philos. der Griech. II, 2. 3-tte Aufl., стр. 547—548 и прим. 3; ср. также и примѣчаніе Siebeck'a въ концѣ его Gesch. der Psych.—I, 2. стр. 485, прим. 18-ое): такимъ образомъ, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, хотя Аристотель въ общемъ трактуетъ здѣсь о значеніи способности *φαντασία* при произвольныхъ движеніяхъ, мимоходомъ онъ высказываетъ положенія, могущія имѣть отношеніе и къ существу знаній, вырабатываемыхъ дѣятельностью способности *φαντασία*. Дѣйствительно

точки зрѣнія искомыхъ нами въ настоящемъ сочиненіи взглядовъ Аристотеля, попытаемся, на основаніи добытаго нами въ настоящее время матеріала, установить—каково же было подлинное ученіе Аристотеля о роли, объ участіи опыта при образованіи собственно образовъ или представленій? Въ виду того, что въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, близость образовъ или представленій съ чувственными познаніями въ достаточной степени установлена, именно, въ достаточной степени установлено, что хотя образы или представленія занимаютъ, по воззрѣніямъ самого Аристотеля, нѣкоторое среднее, промежуточное положеніе между собственно разумными и чув-

---

Аристотель какъ будто высказываетъ въ настоящемъ мѣстѣ такое различеніе (подлинныя выраженія Аристотеля будутъ: 439 b. 29 *φαντασία δὲ πᾶσα ἢ λογιστικὴ ἢ αἰσθητική*),—но только, можно ли считать это различеніе особенно важнымъ вообще для ученія Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ, не является ли это различеніе скорѣе частностью? Мнѣ казалось, что это различеніе является именно частностью,—и вотъ причина, почему я въ моемъ изложеніи не воспользовался настоящимъ мѣстомъ даже имѣя въ въ виду и это различеніе. Въ самомъ дѣлѣ, по моему мнѣнію, сущность ученія Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ будетъ именно такою, какъ мы изложили ее,—это-же различеніе будетъ только подробностью, оно будетъ касаться того, что характеристичныя, выставленныя и нами, черты образовъ или представленій, по ученію Аристотеля, не вездѣ, не у всѣхъ познающихъ существъ проявляются въ одинаковой степени. Аристотель какъ будто хочетъ сказать этимъ различеніемъ, что участіе какъ разъ разума въ образованіи образовъ или представленій у различныхъ познающихъ существъ проявляется не одинаково: у однихъ познающихъ существъ (напр. у человѣка) оно проявляется въ бо́льшей степени, у другихъ—въ ме́ньшей. Далѣе, эта ме́ньшая степень можетъ такъ умалиться, что участія разума какъ будто и совсѣмъ не будетъ замѣтно въ образованіи образовъ или представленій у нѣкоторыхъ познающихъ существъ,—въ тако́мъ-то случаѣ, у таки́хъ познающихъ существъ способность *φαντασία* и будетъ какъ-бы только чувственною, только *αἰσθητική*. Только такое, какъ я говорю, неравномѣрное проявленіе различныхъ характеристичныхъ чертъ въ образованіи образовъ или представленій у различныхъ познающихъ существъ, — такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется,—Аристотель и имѣлъ въ виду, высказывая настоящее различеніе, ничего особенно существеннаго, дѣйствительно характеристичнаго для самыхъ образовъ или представленій онъ вовсе не хотѣлъ сказать этимъ различеніемъ,—и вотъ, повторяю, причина, почему я въ моемъ изложеніи

ственными знаніями, но въ томъ, что касается ихъ происхожденія, самаго процесса ихъ образованія, они всетаки, по воззрѣніямъ того-же Аристотеля, ближе примыкаютъ къ чувствен-

---

совершенно и не воспользовался всѣмъ настоящимъ мѣстомъ. Итакъ, вотъ одно, по первый разъ еще въ сущности довольно внѣшнее, уклоненіе въ моемъ изложеніи ученія Аристотеля о способности *φαντασία* отъ другихъ существующихъ изложеній того-же предмета. Затѣмъ есть и еще уклоненіе —уже болѣе существенное. Я называю его болѣе существеннымъ потому, что оно касается уже и основныхъ воззрѣній Аристотеля на настоящія знанія, оно касается того, какъ самъ Аристотель, именно по существу, смотрѣлъ на эти знанія. Опять таки тотъ же Freudenthal (а за нимъ и почти всѣ ученые, писавшіе о нашемъ предметѣ) проводитъ во всей своей брошюрѣ мысль, что ученіе Аристотеля о знаніяхъ, соотвѣтствующихъ дѣятельности способности *φαντασία*, весьма, такъ сказать, матеріалистично, что происхожденіе, образованіе образовъ или представленій самъ Аристотель объясняетъ совершенно матеріалистическимъ путемъ,—я же въ моемъ изложеніи — это, мнѣ кажется, въ настоящее время совершенно ясно — исхожу изъ другихъ основаній. Прійти къ заключенію—казалось мнѣ—что Аристотель въ своемъ ученіи объ образахъ или представленіяхъ является по преимуществу матеріалистомъ, можно, только отдѣливъ настоящее ученіе Аристотеля отъ другихъ его, родственныхъ ученій, напр. совершенно отдѣливъ это ученіе отъ ученія Аристотеля же вообще о чувственномъ познаніи. Если же не дѣлать такого отдѣленія, если наоборотъ, такъ сказать, сопоставить воззрѣнія самого Аристотеля на образы или представленія съ его-же воззрѣніями вообще на чувственныя познанія,—то въ такомъ случаѣ скорѣе придется замѣтить аналогичность настоящаго ученія Аристотеля съ его ученіемъ вообще о чувственномъ познаніи, скорѣе придется попытаться положить въ основаніе изложенія ученія Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ ту-же схему, какую можно было положить въ основаніе его же ученія вообще о чувственномъ познаніи. Это я и попытался сдѣлать, эту аналогичность я и попытался въ общемъ положить въ основаніе моего изложенія ученія Аристотеля о настоящихъ знаніяхъ,—и отсюда мое изложеніе дѣйствительно уже и болѣе существеннымъ образомъ уклонилось отъ изложенія моихъ предшественниковъ, напр. Freudenthal'я. Однако, прибавлю еще, констатируя всѣ эти уклоненія, констатируя и послѣднее —болѣе существенное уклоненіе, я всетаки въ концѣ не могу не выразить, такъ сказать, признательности ученымъ, писавшимъ о настоящихъ знаніяхъ по Аристотелю ранѣе. Не смотря на всѣ эти уклоненія, не смотря и на послѣднее, я всетаки не могу не замѣтить и послѣ собственнаго изложенія предмета настоящей главы, что я хорошо сознаю—насколько и въ этой главѣ я обязанъ работамъ моихъ предшественниковъ, въ частности тому-же Freudenthal'ю.

нымъ познаніямъ, — въ виду всего этого, эти замѣчанія не представятъ для насъ особаго затрудненія, не потребуютъ много времени; другими словами, вообще можно будетъ охарактеризовать ученіе Аристотеля о роли, объ участіи опыта при образованіи образовъ или представленій совершенно такъ-же, какъ мы охарактеризовали ученіе Аристотеля о такомъ-же участіи при образованіи чувственныхъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ, не ясна ли, на основаніи всего, находящагося въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, матеріала, нѣкоторая, и даже весьма большая, аналогичность, по ученію Аристотеля, образовъ или представленій съ чувственными познаніями? не ясно ли, что въ сущности и здѣсь съ одной стороны Аристотель какъ-бы представляетъ весьма интересную и повидимому весьма послѣдовательную общую теорію, теорію, по которой образованіе образовъ или представленій обусловливается двумя факторами—тѣлесными движеніями и участіемъ чувствующей души познающаго существа (причемъ нѣкоторое, не совсѣмъ опредѣленное, участіе принимаетъ тутъ еще и разумъ—разумная душа),—съ другой же стороны онъ какъ-бы развиваетъ эту общую теорію въ частностяхъ? Далѣе, не ясно ли, что общая теорія также и здѣсь дѣйствительно является какъ будто весьма замѣчательною, и во всякомъ случаѣ вполнѣ послѣдовательною,—частное же развитіе этой теоріи —довольно неудовлетворительнымъ? Что на послѣдній вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, — это хорошо доказывается всѣмъ разобраннымъ нами мѣстомъ изъ 3-ей главы трактата «о сновидѣніяхъ». Тотчасъ послѣ прочтенія этого мѣста можетъ показаться, что тутъ Аристотель именно и въ частностяхъ является болѣе послѣдовательнымъ, онъ какъ будто именно ближе и полнѣе старается опредѣлить природу этихъ тѣлесныхъ движеній—самый процессъ, которымъ происходятъ они, такъ что можно, пожалуй, ожидать, что сомнѣній, являвшихся послѣ разсмотрѣнія ученія Аристотеля вообще о чувственномъ познаніи, тутъ уже не будетъ,—и однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, какъ мы и замѣтили, такое ожиданіе не оправдалось, при ближайшемъ разсмотрѣніи всетаки нельзя было извлечь изъ всего этого мѣста ничего иного, кромѣ того, что Аристотель говоритъ тутъ только вообще объ участіи тѣлесныхъ движеній при образованіи образовъ или представле-

ній. Съ полною рѣшительностью можно утверждать, что Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду только одно это общее участіе, потому, что онъ совершенно, такъ сказать, не сопоставляетъ здѣсь движеній, происходящихъ собственно при образованіи образовъ или представленій, съ движеніями, происходившими при прежде бывшихъ дѣйствительныхъ, активныхъ чувственныхъ познаніяхъ, между тѣмъ указываетъ, что эти, относящіяся къ образамъ, представленіямъ, тѣлесныя движенія суть ничто иное, какъ результаты, продолженія тѣхъ чувственныхъ тѣлесныхъ движеній. Дѣйствительно, не кажется ли страннымъ и даже совершенно непонятнымъ — какимъ это образомъ тѣлесныя чувственныя движенія, объясненныя притомъ ранѣе, какъ мы видѣли, объективнымъ, даже грубо объективнымъ образомъ, теперь, въ дальнѣйшей познавательной стадіи, становятся совершенно субъективными, начинаютъ какъ-бы путешествовать въ крови познающаго существа? Да и въ самыхъ частностяхъ объясненія этого путешествія Аристотель опять таки склоняется къ той-же, какъ мы говоримъ, грубо объективной точкѣ зрѣнія, — доказательствомъ такого склоненія можетъ служить напр. сравненіе тѣлесныхъ движеній, имѣющихъ мѣсто при образованіи представленій, съ лягушками. Итакъ, аналогичность ученія Аристотеля объ образахъ или представленіяхъ съ его же ученіемъ о чувственныхъ познаніяхъ не можетъ, какъ кажется, подлежать сомнѣнію. Но если такимъ образомъ общая схема, самыя точки зрѣнія, по которымъ Аристотель ведетъ свое изложеніе, и въ ученіи объ образахъ или представленіяхъ и въ ученіи о чувственныхъ познаніяхъ въ сущности одни и тѣ-же, и если далѣе, и самое содержаніе этихъ точекъ зрѣнія также приблизительно одинаково (какъ оказывается, различія въ содержаніи будутъ только въ частностяхъ, подробностяхъ), то, стало быть, мы имѣемъ полное право сдѣлать тождественныя окончательныя заключенія въ отношеніи къ искомымъ нами въ настоящемъ сочиненіи взглядамъ Аристотеля, мы дѣйствительно можемъ охарактеризовать ученіе Аристотеля о роли, объ участіи опыта при образованіи образовъ или представленій совершенно такъ-же, какъ мы охарактеризовали ученіе Аристотеля о такомъ-же участіи при образованіи чувственныхъ познаній. Такимъ-то образомъ и здѣсь, въ ученіи Аристотеля о знаніяхъ, соотвѣт-

ствующихъ дѣятельности способности φαντασία, придется отмѣтить въ сущности тоже отсутствіе у нашего философа вполнѣ опредѣленныхъ и вполнѣ ясныхъ взглядовъ на участіе опыта при образованіи этихъ знаній,—и отсюда вопросы, поставленные нами въ концѣ нашей предыдущей главы, и по отношенію къ образамъ или представленіямъ могутъ сохранить свое значеніе. И настоящую главу мы также закончимъ вопросами: дѣйствительно ли и при образованіи образовъ или представленій опытъ, по подлинному мнѣнію Аристотеля, имѣетъ существенное значеніе? не слѣдуетъ ли искать, такъ сказать, центра тяжести тутъ въ чемъ-либо другомъ?

ГЛАВА III.

Разумное познаніе по Аристотелю [1]).

1. Общее опредѣленіе природы самаго органа разумнаго познанія—νοῦς'а у Аристотеля.

Все наше предшествующее изложеніе, въ частности непосредственно предшествующее, именно начало нашей предыдущей, II-ой главы, какъ мнѣ кажется, уже въ достаточной степени подготовило насъ къ тому, что какъ разъ теперь—за изложеніемъ ученія Аристотеля о знаніяхъ, соотвѣтствующихъ дѣятельности способности φαντασία, слѣдуетъ перейти по Аристотелю къ изложенію его же ученія о разумномъ знаніи. Въ виду этой подготовленности я уже не буду приводить какихъ-нибудь спеціальныхъ, подлинныхъ доказательствъ изъ самого Аристотеля умѣстности такого порядка,—я просто обращусь

---

[1]) Въ дополненіе къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя мнѣ приходилось указывать и ранѣе, и которыя почти всѣ (можно сказать, за самыми ничтожными исключеніями) имѣютъ отношеніе также и къ предмету настоящей главы, какъ на пособія собственно при составленіи настоящей главы укажу еще на слѣдующія, уже главнымъ образомъ спеціально трактующія о разумномъ познаніи по Аристотелю, сочиненія: Прежде всего *C. Prantl.* «Geschichte der Logik im Abendlande» I-ter Band. Lpz. 1855. (мнѣ важенъ былъ конечно только IV Abschnitt этого сочиненія—Aristoteles). Далѣе *L. Schneider.* «Unsterblichkeitslehre des Aristoteles». Passau 1867; *O. Weissenfels.* «Quae partes ab Aristotele τῷ νῷ tribuantur» (въ Programme d'invitation à l'examen public du collége royal français). Brl. 1870; *G. F. von Hertling.* «Materie und Form und die Definition der Seele bei Aristoteles». Bonn. 1871; *K. Schlottmann.* «Das Vergängliche und Unvergängliche in der menschlichen Seele nach Aristoteles» (Oster-Programm der Universität Halle-

къ самому изложенію ученія Аристотеля объ этомъ знаніи. Затѣмъ, въ самомъ этомъ изложеніи, въ самой внѣшней послѣдовательности этого изложенія я буду слѣдовать той внѣшней послѣдовательности, которая замѣчается у самого Аристотеля по отношенію къ настоящему предмету въ его главномъ психологическомъ сочиненіи, въ его сочиненіи De anima. Мнѣ кажется, что главы изъ De anima, относящіяся къ настоящему предмету, къ воззрѣніямъ Аристотеля на разумъ въ его преимущественно познавательной, такъ сказать, исключительно теоретической дѣятельности,—главы 4—8 III-ей книги De anima общимъ образомъ могутъ быть охарактеризованы такъ: сначала Аристотель даетъ общее опредѣленіе разума, затѣмъ онъ опредѣляетъ разумъ и нѣсколько ближе, спеціальнѣе (это въ частности—столь знаменитое, столь извѣстное ученіе Аристотеля о такъ называемыхъ *νοῦς ποιητικός* и *νοῦς παθητικός*), и наконецъ онъ дѣлаетъ указанія и относительно процесса образованія разумныхъ познаній. Эту-же общую характеристику положу и я въ основаніе внѣшняго порядка моего изложенія. Все изложеніе настоящаго предмета, всю настоящую главу я раздѣлю на три отдѣла. Прежде всего я попытаюсь изложить общее ученіе Аристотеля о природѣ самаго органа разумнаго познанія, *νοῦς*'а, — и это будетъ первымъ отдѣломъ; далѣе, во второмъ отдѣлѣ, я попытаюсь выяснить мое пониманіе ученія Аристотеля о такъ называемыхъ *νοῦς ποιητικός*

Wittenberg). Halle. 1873; *B. Weber.* «De *οὐσίας* apud Aristotelem notione ejusque cognoscendae ratione» (Dissertatio). Bonnae. 1887; *Michaelis.* «Zur aristotelischen Lehre vom *Noûs*» (Gymn-Progr.). Neu-Strelitz. 1888. Всѣ эти сочиненія, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, съ той или другой стороны, касаются именно главнымъ образомъ только разумнаго познанія по ученію Аристотеля,—и ихъ-то, такъ или иначе, я имѣлъ еще въ виду, когда составлялъ настоящую главу. Затѣмъ укажу еще, что въ отношеніи собственно текста Аристотеля и здѣсь мнѣ приходилось пользоваться различными изданіями и переводами различныхъ сочиненій Аристотеля, точно также какъ и отдѣльными, по преимуществу журнальными, статьями, касающимися тѣхъ или другихъ мѣстъ изъ этихъ сочиненій. Всѣ эти изданія, переводы и статьи въ большинствѣ случаевъ были тѣ-же самыя, съ которыми приходилось имѣть дѣло въ предшествующихъ главахъ,—тамъ же, гдѣ нужно было воспользоваться и чѣмъ-либо новымъ, я также дѣлаю указанія на это новое при самомъ нужномъ случаѣ.

и *νοῦς παθητικός*; наконецъ, третій мой отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ окончаніе всего этого ученія о разумномъ познаніи у Аристотеля,—онъ будетъ заключать въ себѣ изложеніе ученія Аристотеля какъ разъ о самомъ процессѣ образованія разумныхъ познаній. При этомъ, такъ какъ въ послѣднемъ отдѣлѣ дѣйствительно будетъ закончено все изложеніе ученія Аристотеля о настоящемъ знаніи, то въ этомъ-же отдѣлѣ удобно будетъ и оцѣнить все это изложеніе съ точки зрѣнія главнаго интересующаго насъ во всемъ нашемъ сочиненіи вопроса: послѣ собственнаго изложенія ученія Аристотеля о процессѣ образованія разумныхъ знаній, въ этомъ-же третьемъ отдѣлѣ удобно будетъ разсмотрѣть еще—какую же роль и въ разумныхъ познаніяхъ играетъ, по подлиннымъ воззрѣніямъ Аристотеля, опытъ, какъ именно и въ этихъ познаніяхъ можно охарактеризовать его участіе?

Итакъ, обратимся къ изложенію перваго отдѣла, къ общему опредѣленію самимъ Аристотелемъ природы *νοῦς*'а. Собственно главнымъ, наиболѣе существеннымъ мѣстомъ для такого опредѣленія будетъ какъ разъ слѣдующая за 3-ею, 4-ая глава III-ей книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, сочиненія De anima,—но имѣя въ виду обстоятельность нашего изложенія, предварительно мы обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя другія мѣста. Дѣло въ томъ, что въ 4-ой главѣ III-ей книги De anima Аристотель опредѣляетъ общимъ образомъ природу разума не въ первый разъ,—онъ дѣлаетъ указанія на такое опредѣленіе еще и ранѣе, въ различныхъ главахъ обоихъ предшествующихъ книгъ этого-же главнаго своего психологическаго сочиненія. Всѣ эти указанія мы и разсмотримъ предварительно, и они до нѣкоторой степени подготовятъ насъ ко всему непосредственно слѣдующему. Затѣмъ мы особенно обстоятельно разберемъ указанную 4-ую главу, и наконецъ, въ заключеніе къ изложенію настоящаго отдѣла, приведемъ еще мѣсто изъ 3-ей главы II-ой книги сочиненія Аристотеля «о происхожденіи животныхъ». Это послѣднее мѣсто также довольно извѣстно, оно также весьма часто приводится въ настоящемъ случаѣ,—и отсюда остановиться и на немъ при разсмотрѣніи общей природы разума по Аристотелю будетъ совершенно необходимо. Такъ собственно мы распланируемъ изложеніе нашего перваго отдѣла.

Такимъ образомъ, что же это будутъ за предварительныя указанія Аристотеля? Прочитывая двѣ первыя книги сочиненія Аристотеля De anima, и притомъ прочитывая съ желаніемъ найти именно какія-либо указанія Аристотеля на то, какъ самъ онъ вообще смотритъ на разумъ, мы прежде всего, такъ сказать, совершенно невольно остановимся уже на самой первой главѣ — на 1-ой главѣ I-ой книги. Въ этой главѣ Аристотель между прочимъ затрогиваетъ вопросъ, всѣ-ли психическія, душевныя состоянія общи какъ тѣлу, такъ и душѣ одушевленныхъ существъ,—и въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ онъ до нѣкоторой степени противопоставляетъ разумъ другимъ психическимъ способностямъ. Указавъ, что другія психическія состоянія, кромѣ разумныхъ знаній, повидимому именно общи и тѣлу и душѣ живыхъ, одушевленныхъ существъ, Аристотель продолжаетъ: «мышленіе же» (стало быть, какъ разъ психическое состояніе, вырабатываемое именно разумомъ), «какъ кажется, по преимуществу свойственно одной только душѣ; но такъ какъ и это» (и мышленіе) «въ нѣкоторой степени какъ-бы входитъ въ дѣятельность способности *φαντασία*, или не можетъ обойтись безъ дѣятельности этой способности, то нельзя, пожалуй, не принять, что и мышленіе не можетъ совершаться безъ тѣла» [1]). Т. е. въ этой фразѣ Аристотель въ сущности какъ будто скорѣе склоняется къ заключенію, что умъ долженъ быть какъ-бы отличенъ отъ другихъ психическихъ способностей (слѣд. и отъ разобранной уже нами въ настоящемъ сочиненіи также познавательной—чувственной способности),—тѣмъ не менѣе онъ высказываетъ это заключеніе какъ будто нерѣшительно, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, онъ какъ будто готовъ

---

[1]) De anima I, 1. 403 a. 8—9. *Μάλιστα δ' ἔοικεν ἴδιον τὸ νοεῖν· εἰ δ' ἐστι καὶ τοῦτο φαντασία τις ἢ μὴ ἄνευ φαντασίας, οὐκ ἐνδέχοιτ' ἂν οὐδὲ τοῦτ' ἄνευ σώματος εἶναι.* Замѣтимъ, что съ этимъ мѣстомъ, точнѣе, съ фразами, непосредственно предшествующими настоящей фразѣ, до нѣкоторой степени мы уже знакомы. Именно, еще въ 1-омъ отдѣлѣ нашей I-ой главы, когда мы доказывали, какъ мы говорили, совершенно равноправное участіе какъ души, такъ и тѣла въ чувственномъ познаніи по Аристотелю, мы какъ разъ привели и непосредственно предшествующія фразы,—хотя привели, правда, скорѣе въ качествѣ второстепеннаго источника (ср. въ нашемъ изложеніи примѣчаніе на стр. 34-ой).

даже сейчасъ же сдѣлать нѣкоторую уступку. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ 4-ой главѣ той-же I-ой книги. Здѣсь интересно, что, констатируя это свое, повидимому, колебательное отношеніе къ разуму, Аристотель сопоставляетъ разумъ какъ разъ по преимуществу съ тою способностью, которая намъ уже хорошо знакома — съ чувственною способностью. Высказавъ между прочимъ въ этой 4-ой главѣ нѣсколько соображеній относительно невозможности приписывать движеніе вообще душѣ (эти соображенія, замѣтимъ, мы уже знаемъ, ихъ, и притомъ во всей ихъ подробности, мы уже разбирали еще въ 1-омъ отдѣлѣ нашей первой главы—см. стр. 34—38 нашего изложенія), Аристотель (на что мы также уже указывали) переходитъ затѣмъ къ соображеніямъ относительно возможности приписывать еще движеніе (способность видоизмѣненія, способность испытывать перемѣны) уму,—и въ этихъ-то послѣднихъ соображеніяхъ и заключается интересное для насъ въ настоящемъ случаѣ мѣсто. Аристотель выражается здѣсь слѣдующимъ образомъ: «Что же касается до разума, то онъ, будучи нѣкоторою самостоятельною сущностью, какъ кажется, находится въ самой душѣ и не разрушается» (конечно не разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ). «Ибо въ противномъ случаѣ онъ по преимуществу разрушился бы вслѣдствіе наступающаго въ старости» (общаго) «ослабленія,—теперь же тутъ, можетъ быть, происходитъ то, что именно происходитъ и въ чувственныхъ органахъ» (вообще при чувственномъ познаніи): «въ самомъ дѣлѣ, если бы и старикъ получилъ такой именно» (какой нужно—вполнѣ приспособленный для правильнаго зрѣнія) «глазъ» (зрительный органъ), «онъ могъ бы видѣть такъ-же, какъ и молодой. Отсюда и старость опредѣляется не тѣмъ, что душа что-либо испытываетъ» (какъ-либо ослабляется, разрушается), «но тѣмъ, что испытываетъ нѣчто» (ослабляется, разрушается) «то, въ чемъ находится душа» (тѣло), «какъ это бываетъ и въ случаяхъ опьяненія и въ болѣзняхъ; такимъ-то образомъ и мышленіе и вообще теоретическая» (мыслительная) «дѣятельность ослабляются, когда разрушается нѣчто, находящееся внутри» (очевидно внутри тѣла же, стало быть, когда разрушается всетаки именно тѣло),—«само-же мышленіе» (самъ органъ мышленія)—«не подвержено страданію» (не подвержено никакимъ такимъ видоизмѣненіямъ, перемѣнамъ). «Разсужденіе же и любовь или ненависть»,

прибавляетъ еще сюда Аристотель, «не суть состоянія» (собственно) «ума,—но они суть состоянія того существа, которое обладаетъ этими психическими фактами, поскольку оно обладаетъ ими» (т. е. разсужденіе и любовь или ненависть, какъ и факты, указанные выше, въ непосредственно предшествующемъ, разобранномъ нами на только что цитированныхъ болѣе раннихъ страницахъ нашего изложенія, отрывкѣ, точно также не принадлежатъ какой-либо отдѣльной психической способности, душѣ—въ данномъ случаѣ разуму, разумной душѣ, но они скорѣе также принадлежатъ всему одушевленному существу). «Поэтому-то, когда это существо начинаетъ разрушаться, оно уже и не вспоминаетъ и не любитъ, ибо въ самомъ дѣлѣ эти состоянія принадлежали не уму, но тому общему, что погибаетъ; разумъ же, можетъ быть, есть нѣчто болѣе божественное и не подверженное страданію» (неподверженное перемѣнамъ) [1]). Во всемъ этомъ мѣстѣ у Аристотеля

---

[1]) Ibidem, 4. 408 b. 18—29. *Ὁ δὲ νοῦς ἔοικεν ἐγγίνεσθαι οὐσία τις οὖσα, καὶ οὐ φθείρεσθαι. μάλιστα γὰρ ἐφθείρετ' ἂν ὑπὸ τῆς ἐν τῷ γήρᾳ ἀμαυρώσεως, νῦν δ' ἴσως ὅπερ ἐπὶ τῶν αἰσθητηρίων συμβαίνει· εἰ γὰρ λάβοι ὁ πρεσβύτης ὄμμα τοιονδί, βλέποι ἂν ὥσπερ καὶ ὁ νέος. ὥστε τὸ γῆρας οὐ τῷ τὴν ψυχήν τι πεπονθέναι, ἀλλ' ἐν ᾧ, καθάπερ ἐν μέθαις καὶ νόσοις. καὶ τὸ νοεῖν δὴ καὶ τὸ θεωρεῖν μαραίνεται ἄλλου τινὸς ἔσω φθειρομένου, αὐτὸ δὲ ἀπαθές ἐστιν. τὸ δὲ διανοεῖσθαι καὶ φιλεῖν ἢ μισεῖν οὐκ ἔστιν ἐκείνου πάθη, ἀλλὰ τουδὶ τοῦ ἔχοντος ἐκεῖνο, ᾗ ἐκεῖνο ἔχει. διὸ καὶ τούτου φθειρομένου οὔτε μνημονεύει οὔτε φιλεῖ. οὐ γὰρ ἐκείνου ἦν, ἀλλὰ τοῦ κοινοῦ, ὃ ἀπόλωλεν· ὁ δὲ νοῦς ἴσως θειότερόν τι καὶ ἀπαθές ἐστιν.* Не совсѣмъ понятно, почему Аристотель называетъ здѣсь вначалѣ разумъ нѣкоторою сущностью, въ какомъ смыслѣ онъ примѣняетъ къ разуму эпитетъ *οὐσία τις*,—и однако, имѣя въ виду общій смыслъ всего настоящаго мѣста, не трудно устранить это недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что во всемъ этомъ мѣстѣ, какъ мы и указываемъ въ нашемъ текстѣ, Аристотель главнымъ образомъ желаетъ провести ту мысль, что разумъ есть нѣчто совершенно самостоятельное и ни отъ чего независимое (главнымъ образомъ независимое конечно отъ тѣла),—съ точки зрѣнія этого-то желанія и можно устранить настоящее недоумѣніе. Аристотель могъ далѣе высказать это желаніе въ нѣсколько смягченной формѣ, онъ могъ, какъ мы указываемъ, пойти какъ-бы на уступки, тѣмъ не менѣе желаніе все-таки оставалось желаніемъ, — и такимъ-то образомъ уже въ самыхъ первыхъ строкахъ Аристотель и назвалъ разумъ прямо нѣкоторою самостоятельною сущностью, чѣмъ-то совершенно независимымъ. Такъ, какъ мнѣ кажется, можно объяснить это первое недо-

очевидно опять таки очень сильно просвѣчиваетъ желаніе какъ-бы отдѣлить разумъ отъ другихъ психическихъ способностей, хотя это желаніе опять таки какъ будто нѣсколько стушевывается; какъ показываетъ сравненіе разума съ глазомъ, и затѣмъ какъ показываетъ вся вторая часть этого мѣста, Аристотель снова, высказавъ свою главную мысль, готовъ пойти на уступки. Однако здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, эта, какъ мы говоримъ, главная мысль всетаки выступаетъ у Аристотеля и съ чисто внѣшней стороны опредѣленнѣе: не даромъ здѣсь всетаки два раза Аристотель совершенно точно высказываетъ, что мышленіе и разумъ скорѣе не подвержены страданію, скорѣе не подвержены какимъ-либо перемѣнамъ. Наконецъ въ послѣднемъ изъ этихъ предварительныхъ указаній, уже во 2-ой главѣ II-ой книги того-же главнаго психологическаго сочиненія, подлинныя выраженія Аристотеля будутъ слѣдующія: «Относительно же ума и теоретической» (мыслительной) «способности» (относительно ума и мыслительной способности опять таки по сравненію съ другими психическимми способностями) «ничего не ясно въ такой сте-

---

умѣніе (съ этимъ объясненіемъ ср. замѣчанія Trendelenburg'a въ его Комментар. къ изданію De anima—у Trendelenburg'a стр. 223—224; и особенно замѣчанія Wallace'a—у Wallace'a въ его изданіи De anima стр. 220). Затѣмъ другое недоумѣніе можетъ возникнуть, пожалуй, относительно всей второй части настоящаго мѣста. Является нѣсколько страннымъ—какимъ образомъ въ непосредственную связь съ разумомъ ставятся Аристотелемъ любовь или ненависть? Здѣсь дѣло объясняется, какъ я думаю, тѣмъ обстоятельствомъ, что Аристотель, начавъ говорить о разумѣ по преимуществу теоретическомъ, довольно незамѣтно переходитъ затѣмъ къ разуму, который можно назвать по терминологіи Аристотеля же практическимъ. У Аристотеля функціи разума не ограничиваются только мышленіемъ, только познаніемъ, разумъ можетъ имѣть еще значеніе и въ практической жизни, онъ можетъ еще въ концѣ направлять и дѣйствія живыхъ, одушевленныхъ существъ. Эти функціи не являются отдѣленными другъ отъ друга, въ сущности это—тотъ-же самый разумъ,—и отсюда Аристотель и могъ, рядомъ съ «разсужденіемъ», поставить «любовь или ненависть», и могъ какъ-бы утверждать, что всѣ эти психическія состоянія, такъ или иначе, находятся въ связи собственно съ разумомъ. Съ другой стороны не забудемъ, что настоящее мѣсто является непосредственнымъ продолженіемъ тѣхъ разсужденій, которыя, какъ мы замѣтили теперь въ нашемъ текстѣ, мы разбирали еще ранѣе въ нашемъ сочиненіи. Уже тамъ Аристотель по преимуществу говорилъ о,

пени» (какъ это ясно въ другихъ психическихъ способностяхъ), «но кажется, что онъ является инымъ» (не такимъ какъ другія психическія способности) «родомъ души, и только одинъ этотъ родъ» (только разумъ) «допускаетъ отдѣленіе, какъ допускаетъ отдѣленіе вообще вѣчное отъ тлѣннаго» (преходящаго) [1]).

Вотъ эти предварительныя указанія Аристотеля, вотъ какъ смотритъ вообще, еще помимо какого-либо спеціальнаго изслѣдованія, Аристотель на общую природу разума. Теперь мы можемъ перейти и къ спеціальному изслѣдованію, къ обстоятельному, какъ мы говорили, разбору самой этой 4-ой главы III-ей книги De anima.

Если для Аристотеля, какъ оказывается, съ одной стороны было какъ будто желательно отдѣлить разумъ отъ другихъ психическихъ способностей, въ частности отъ подробно разобранной нами въ настоящемъ же сочиненіи чувственной способности, съ другой же стороны у него оставались и сомнѣнія по поводу этого отдѣленія, то совершенно естественно было

такъ сказать, эмоціональныхъ психическихъ состояніяхъ, о состояніяхъ, связанныхъ съ дѣйствіями живыхъ существъ, вродѣ психическихъ состояній гнѣва, боязни и т. д. (хотя и тамъ рядомъ съ такими эмоціональными состояніями точно также упоминалось и разсужденіе),—такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи къ тѣмъ разсужденіямъ, Аристотель и здѣсь могъ взглянуть на разумъ какъ разъ нѣсколько шире. Таковы сомнѣнія, могущія возникнуть еще, какъ мнѣ кажется, по поводу всего настоящаго мѣста, сомнѣнія, которыя мнѣ хотѣлось разрѣшить теперь, въ настоящемъ примѣчаніи. Далѣе, что касается попытки Bonitz'a исправить приведенный (собственно Bekker'овскій) текстъ настоящаго мѣста (именно, Bonitz во фразѣ, начинающейся словами *καὶ τὸ τοεῖν δὴ καὶ τὸ θεωρεῖν μαραίνεται* и т. д., выраженіе *εἴσω* предлагаетъ замѣнить выраженіемъ *ἐν ᾧ*—см. Aristotel. Studien Bonitz'a, II u. III, примѣч. на стр. 24-ой), замѣчу, что попытка эта не представляется мнѣ особенно существенною. И при настоящемъ (Bekker'овскомъ) текстѣ можно было получить довольно ясный и во всякомъ случаѣ вполнѣ удовлетворительный переводъ,—въ виду этого то обстоятельства эта поправка Bonitz'a—такъ по крайней мѣрѣ я думаю—не является особенно необходимою.

[1]) Ibidem, II. 2. 413 b. 24 — 27. *Περὶ δὲ τοῦ νοῦ καὶ τῆς θεωρητικῆς δυνάμεως οὐδέν πω φανερόν, ἀλλ' ἔοικε ψυχῆς γένος ἕτερον εἶναι, καὶ τοῦτο μόνον ἐνδέχεται χωρίζεσθαι, καθάπερ τὸ ἀΐδιον τοῦ φθαρτοῦ.*

ему вначалѣ своего спеціальнаго изслѣдованія общей природы разума именно попытаться установить что-либо болѣе твердое въ этомъ отношеніи, совершенно естественно было ему начать это изслѣдованіе именно съ постановки тѣхъ же самыхъ сомнѣній, и далѣе съ устраненія ихъ, но устраненія теперь уже, такъ сказать, болѣе опредѣленнаго Это Аристотель и дѣлаетъ вначалѣ указанной 4-ой главы,—и отсюда эта 4-ая глава III-ей книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля какъ разъ какъ-бы примыкаетъ ко всѣмъ только что приведеннымъ мѣстамъ, ко всѣмъ приведеннымъ предварительнымъ указаніямъ Аристотеля. «Относительно же части» (способности) «души, которою она познаетъ» (собственно познаетъ—мыслитъ) «и разсуждаетъ, отдѣлима ли она» (отъ другихъ психическихъ способностей, въ частности отъ чувственной способности), «или не отдѣлима въ дѣйствительности, а только въ отвлеченіи»,— такъ начинаетъ Аристотель настоящую главу,—«слѣдуетъ разсмотрѣть — именно слѣдуетъ разсмотрѣть, какая тутъ существуетъ разница» (въ частности съ чувственною способностью), «и какъ вообще, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, происходитъ мышленіе». Какая же существуетъ разница? «Если мышленіе», продолжаетъ Аристотель, «есть нѣчто подобное чувственному познанію» (если вообще принять аналогію мышленія съ чувственнымъ познаніемъ), «то пришлось бы принять, что оно есть или нѣкоторое страдательное состояніе подъ вліяніемъ мыслимаго предмета, или нѣчто другое совершенно въ такомъ-же родѣ. Въ такомъ случаѣ оно должно быть» (собственно) «не подверженнымъ страданію, способнымъ принимать форму» (только въ концѣ становиться самымъ разумнымъ познаніемъ, разумнымъ познаніемъ какъ таковымъ) «и быть таковою» (этою формою) «только въ возможности, но не вполнѣ совпадать съ нею» (т. е. и при разумномъ познаніи, какъ при чувственномъ, такъ сказать, для окончательнаго обнаруженія разумнаго познанія требовались бы, при указанной аналогіи, нѣкоторыя предварительныя, главнымъ образомъ тѣлесныя, условія),—«и вообще, въ какихъ отношеніяхъ чувственная способность стояла къ чувственнымъ предметамъ—совершенно въ такихъ-же отношеніяхъ долженъ стоять и разумъ къ мыслимымъ предметамъ». Но возможна ли вообще такая аналогія? Если она и невозможна въ подробности, во всѣхъ

частностяхъ, то въ общемъ ее слѣдуетъ всетаки имѣть въ виду, — и съ точки зрѣнія такого общаго отношенія къ этой аналогіи Аристотель и продолжаетъ свое изложеніе. «Такимъ-то образомъ», указываетъ Аристотель далѣе, «умъ, такъ какъ онъ все мыслитъ» (все способенъ обнять своею мыслительною дѣятельностью), «самъ необходимо долженъ быть несмѣшаннымъ ни съ чѣмъ» (свободнымъ отъ всего), «чтобы», приводитъ еще Аристотель въ подтвержденіе указаніе Анаксагора, «какъ говоритъ Анаксагоръ, онъ могъ бы господствовать надъ всѣмъ, то есть познавать все,—ибо, въ самомъ дѣлѣ, чуждое, являясь рядомъ съ нимъ, какъ-бы мѣшаетъ ему и загораживаетъ его» (чуждое, постороннее самой природѣ ума какъ ума какъ разъ мѣшало бы ему дѣлаться всѣмъ — познавать все); «такъ что», выводитъ Аристотель изъ всѣхъ этихъ соображеній, «природа ума не можетъ быть никакою иною, кромѣ этой» (кромѣ той, которая какъ-бы подсказывается всѣми этими соображеніями), «именно умъ есть нѣчто возможное. Такъ называемый умъ въ душѣ [я называю здѣсь умомъ», замѣчаетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ въ объясненіе этого своего послѣдняго эпитета, даннаго имъ уму, «то, чѣмъ именно мыслитъ душа, и чѣмъ она какъ-бы схватываетъ, составляетъ понятія] отсюда, прежде мышленія, въ дѣйствительности не можетъ быть ничѣмъ изъ существующаго» (дѣйствительное, реальное существованіе ума можетъ проявиться, стать замѣтнымъ только тогда, когда онъ дѣйствительно начинаетъ мыслить). Т. е. имѣя въ общемъ въ виду аналогію чувственнаго познанія съ разумнымъ, Аристотель какъ разъ опредѣляетъ теперь природу разума чертою, заимствованною отъ чувственнаго же познанія. Разумъ оказывается чѣмъ-то возможнымъ (очевидно возможнымъ по отношенію къ мыслимымъ предметамъ—разумъ, такъ сказать, является всѣми мыслимыми предметами въ возможности),—это значитъ конечно, что какъ разъ съ общей точки зрѣнія приведенная аналогія можетъ имѣть значеніе, ибо и чувственно познающее существо въ возможности также уже содержало въ себѣ все чувственно познаваемое. Но возможно ли продолжить эту аналогію и далѣе? возможно ли взять и еще черты, такъ или иначе имѣющія значеніе собственно при чувственномъ познаніи, и постараться отыскать эти черты и въ разумномъ познаніи, опредѣлить ими

и самую природу разума? Это—уже невозможно,—и эту невозможность Аристотель тотчасъ же и развиваетъ. «Поэтому» (т. е. имѣя въ виду только что приведенное опредѣленіе природы разума, но имѣя въ виду и высказанныя въ настоящихъ же разсужденіяхъ требованія, которымъ должна еще удовлетворять эта природа), продолжаетъ Аристотель, «неправдоподобно, невѣроятно, что разумъ соединенъ съ тѣломъ» (что разумъ тѣсно связанъ съ тѣломъ, точнѣе, съ какою-либо частью тѣла познающаго существа): «въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы какое-либо опредѣленное» (именно тѣлесное) «качество, былъ бы теплымъ или холоднымъ, или у него былъ бы и какой-либо» (тѣлесный) «органъ, какъ это именно бываетъ у чувственной способности, — въ данномъ же случаѣ» (по отношенію къ природѣ разума) «ничего подобнаго нѣтъ» (такихъ фактовъ не замѣчается). «И отсюда хорошо, правильно говорятъ утверждающіе, что душа есть мѣсто формъ» (самыхъ общихъ понятій — идей въ смыслѣ Платона), — «но только не вся душа, а мыслящая, разумная, и не въ дѣйствительности, а въ возможности она содержитъ въ себѣ формы». И далѣе, желая еще болѣе показать ту-же невозможность полной аналогіи между чувственнымъ познаніемъ и разумнымъ, между вообще чувственною способностью и разумомъ: «Что непричастность страданію чувственно познающей способности» (или вообще чувственно познающаго существа) «и способности мыслящей» (мыслящаго существа) «не одинакова,—это ясно на самыхъ» (отдѣльныхъ) «органахъ чувственнаго познанія и на процессѣ, которымъ происходитъ вообще чувственное познаніе. Чувственная способность, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ ощущать, чувственно познавать что-либо, слишкомъ сильно чувственно познаваемое, какъ напр. она не можетъ ощущать звука, идущаго отъ слишкомъ большихъ шумовъ, точно также не можетъ ни видѣть, ни обонять слишкомъ сильныхъ цвѣтовъ и запаховъ, — но умъ, когда онъ мыслитъ что-либо», (такъ сказать) «слишкомъ мыслимое, нисколько не менѣе при этомъ мыслитъ и то, что оказывается слабѣе» (что оказывается менѣе интензивнымъ въ мыслительномъ отношеніи); «и причина этого заключается въ томъ, что чувствующая способность не можетъ быть безъ тѣла» (необходимо связана съ тѣломъ, которое, при этомъ своемъ участіи въ чувственномъ по-

знаніи, ограничено извѣстными условіями) «разумъ же отдѣленъ» (отдѣленъ отъ тѣла). Заимствовавши, слѣдовательно, для общаго опредѣленія природы разума одну черту какъ разъ изъ чувственнаго познанія, теперь Аристотель уже окончательно отказывается отъ заимствованія еще чертъ, онъ окончательно отказывается отъ возможности дальнѣйшаго проведенія этой, выставленной имъ, аналогіи. Затѣмъ, въ заключеніе къ этимъ первымъ разсужденіямъ настоящей главы, Аристотель объясняетъ еще нѣсколько ближе, въ какóмъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать это его наиболѣе существенное по всему настоящему мѣсту, опредѣленіе природы разума, въ какóмъ именно смыслѣ разумъ по преимуществу есть нѣчто возможное. «Когда», говоритъ далѣе Аристотель, «разумъ сталъ бы каждымъ изъ своихъ объектовъ» (всѣми мыслимыми предметами) «въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о знающемъ дѣйствительно,—это же послѣднее», вставляетъ тутъ для разъясненія еще Аристотель, «имѣетъ мѣсто, когда этотъ дѣйствительно знающій дошелъ бы до возможности самъ собою дѣйствительно пользоваться своими» (въ сущности пріобрѣтенными, полученными черезъ обученіе и отыскиваніе) «знаніями,—и тогда онъ» (разумъ) «также является чѣмъ-то возможнымъ, хотя возможность здѣсь всетаки не та-же самая, какъ прежде обученія и» (вообще) «пріобрѣтенія знаній; и тогда» (въ сущности) умъ можетъ мыслить самого себя» (другими словами, умъ, какъ возможность мыслимыхъ предметовъ, бываетъ такою возможностью, по Аристотелю, съ одной стороны еще до какого-либо обученія или вообще пріобрѣтенія разумныхъ знаній, съ другой же стороны послѣ обученія или пріобрѣтенія—въ томъ смыслѣ, какъ-бы выражается Аристотель, въ какомъ человѣкъ дѣйствительно знающій, могущій пользоваться своими, въ сущности пріобрѣтенными, знаніями, дѣйствительно обладаетъ способностью пользоваться этими знаніями. Эта послѣдняя возможность кажется Аристотелю требующею нѣкоторыхъ разъясненій. Вѣдь и человѣкъ, выходитъ у Аристотеля, пріобрѣтшій какія-либо знанія, и затѣмъ впослѣдствіи пользующійся этимъ пріобрѣтеніемъ, въ тотъ моментъ, когда онъ пользуется, всетаки дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно, всетаки, такъ сказать, дѣйствуетъ черезъ себя, —отсюда и въ отношеніи этой второй возможности можно

сказать, что и тутъ въ сущности умъ можетъ мыслить самого себя) [1]).

Таковы эти первыя разсужденія Аристотеля въ настоящей, 4-ой главѣ III-ей книги его сочиненія De anima, таково

---

[1]) De anima III, 4. 429 a. 10—b. 9. *Περὶ δὲ τοῦ μορίου τοῦ τῆς ψυχῆς ᾧ γινώσκει τε ἡ ψυχὴ καὶ φρονεῖ, εἴτε χωριστοῦ ὄντος εἴτε καὶ μὴ χωριστοῦ κατὰ μέγεθος ἀλλὰ κατὰ λόγον, σκεπτέον τίν' ἔχει διαφοράν, καὶ πῶς ποτε γίνεται τὸ νοεῖν. εἰ δή ἐστι τὸ νοεῖν ὥσπερ τὸ αἰσθάνεσθαι, ἢ πάσχειν τι ἂν εἴη ὑπὸ τοῦ νοητοῦ ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον. ἀπαθὲς ἄρα δεῖ εἶναι, δεκτικὸν δὲ τοῦ εἴδους καὶ δυνάμει τοιοῦτον ἀλλὰ μὴ τοῦτο, καὶ ὁμοίως ἔχειν, ὥσπερ τὸ αἰσθητικὸν πρὸς τὰ αἰσθητά, οὕτω τὸν νοῦν πρὸς τὰ νοητά. ἀνάγκη ἄρα, ἐπεὶ πάντα νοεῖ, ἀμιγῆ εἶναι, ὥσπερ φησὶν Ἀναξαγόρας, ἵνα κρατῇ, τοῦτο δ' ἐστὶν ἵνα γνωρίζῃ· παρεμφαινόμενον γὰρ κωλύει τὸ ἀλλότριον καὶ ἀντιφράττει, ὥστε μηδ' αὐτοῦ εἶναι φύσιν μηδεμίαν ἀλλ' ἢ ταύτην, ὅτι δυναιόν. ὁ ἄρα καλούμενος τῆς ψυχῆς νοῦς (λέγω δὲ νοῦν ᾧ διανοεῖται καὶ ὑπολαμβάνει ἡ ψυχή) οὐθέν ἐστιν ἐνεργείᾳ τῶν ὄντων πρὶν νοεῖν. διὸ οὐδὲ μεμῖχθαι εὔλογον αὐτὸν τῷ σώματι· ποιός τις γὰρ ἂν γίγνοιτο, ψυχρὸς ἢ θερμός, ἢ κἂν ὄργανόν τι εἴη, ὥσπερ τῷ αἰσθητικῷ· νῦν δ' οὐθέν ἐστιν. καὶ εὖ δὴ οἱ λέγοντες τὴν ψυχὴν εἶναι τόπον εἰδῶν, πλὴν ὅτι οὔτε ὅλη ἀλλ' ἡ νοητική, οὔτε ἐντελεχείᾳ ἀλλὰ δυνάμει τὰ εἴδη. ὅτι δ' οὐχ ὁμοία ἡ ἀπάθεια τοῦ αἰσθητικοῦ καὶ τοῦ νοητικοῦ, φανερὸν ἐπὶ τῶν αἰσθητηρίων καὶ τῆς αἰσθήσεως. ἡ μὲν γὰρ αἴσθησις οὐ δύναται αἰσθάνεσθαι ἐκ τοῦ σφόδρα αἰσθητοῦ, οἷον ψόφου ἐκ τῶν μεγάλων ψόφων, οὐδ' ἐκ τῶν ἰσχυρῶν χρωμάτων καὶ ὀσμῶν οὔτε ὁρᾶν οὔτε ὀσμᾶσθαι· ἀλλ' ὁ νοῦς ὅταν τι νοήσῃ σφόδρα νοητόν, οὐχ ἧττον νοεῖ τὰ ὑποδεέστερα, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον· τὸ μὲν γὰρ αἰσθητικὸν οὐκ ἄνευ σώματος, ὁ δὲ χωριστός. ὅταν δ' οὕτως ἕκαστα γένηται ὡς ἐπιστήμων λέγεται ὁ κατ' ἐνέργειαν (τοῦτο δὲ συμβαίνει, ὅταν δύνηται ἐνεργεῖν δι' αὑτοῦ), ἔστι μὲν ὁμοίως καὶ τότε δυνάμει πως, οὐ μὴν ὁμοίως καὶ πρὶν μαθεῖν ἢ εὑρεῖν· καὶ αὐτὸς δὲ αὑτὸν τότε δύναται νοεῖν.* Прежде всего замѣчу, что вся эта 4-ая глава III-ей книги De anima, точно также какъ и слѣдующая, 5-ая, да, въ сущности, и всѣ главы этого главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, трактующія по преимуществу о разумномъ познаніи, относятся къ мѣстамъ изъ сочиненій Аристотеля, особенно обращавшимъ на себя вниманіе комментаторовъ и толкователей и вообще ученыхъ; всѣ эти главы, имѣютъ цѣлую массу различныхъ объясненій и толкованій къ себѣ. Причина этого, какъ можно видѣть между прочимъ и изъ только что предложеннаго перевода начала 4-ой главы, довольно понятна: уже и въ этомъ началѣ, какъ мнѣ кажется, довольно ясно, что мысли Аристотеля выражены здѣсь имъ далеко не точно и не опредѣленно: ради устраненія этихъ-то неточности и неопредѣленности и должны были явиться различныя объясненія. Какъ бы то ни было, но, какъ я говорю, всѣ эти главы, и въ частности настоящая, 4-ая, такъ

начало, какъ мы говорили, его спеціальнаго изслѣдованія объ общей природѣ разума,—и въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, совершенно очевидно, что эти первыя разсужденія дѣйствительно стоятъ въ весьма тѣсной связи съ приведенными

сказать, положительно завалены объясненіями. Не только у издателей De anima и спеціально объясняющихъ это Аристотелевское сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста изъ него (изъ сравнительно новыхъ издателей и комментаторовъ это будутъ тѣже, хорошо знакомые намъ, Trendelenburg, Torstrick, Wallace, Zahlfleisch, Bonitz — а также и Bullinger съ своимъ переводомъ, на нѣкоторыя мнѣнія котораго мы уже ссылались въ 3-емъ отдѣлѣ нашей I-ой главы, при разборѣ мѣста изъ 7-ой главы III-ей книги De anima), но также и у другихъ ученыхъ, интересовавшихся вообще ученіемъ Аристотеля о познаніи, и въ частности о разумномъ познаніи, мы встрѣтимъ много относящагося къ такому или иному пониманію этихъ главъ, къ такому или иному объясненію отдѣльныхъ выраженій въ нихъ. Почти всѣ сочиненія, приведенныя вначалѣ нашей настоящей главы, и нѣкоторыя изъ приведенныхъ ранѣе, вначалѣ другихъ главъ (изъ приведенныхъ ранѣе особенно отмѣчу—сочиненія Zeller'a, Brentano, Kampe, Teichmüller'a, Chaignet, Siebeck'a, а также и Frohschmmer'a), такъ или иначе, въ сплошномъ ли, болѣе непрерывномъ изложеніи, или и на отдѣльныхъ своихъ страницахъ (при томъ или другомъ удобномъ случаѣ), содержатъ въ себѣ цѣлую массу иногда очень подробныхъ указаній, очень подробныхъ объясненій къ настоящимъ главамъ. Это предварительное замѣчаніе я дѣлаю для того, чтобы теперь же, съ самаго начала, опредѣлить характеръ непосредственно слѣдующихъ моихъ, относящихся именно къ указаннымъ главамъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, примѣчаній. Очевидно, что быть, такъ сказать, вполнѣ добросовѣстнымъ, представить всѣ существующія въ отношеніи къ пониманію настоящихъ главъ мнѣнія, во всей ихъ подробности—совершенно невозможно: для такого представленія потребовалось бы слишкомъ много и времени и мѣста. Такимъ образомъ, въ этихъ моихъ непосредственно слѣдующихъ, относящихся именно къ настоящимъ главамъ De anima, примѣчаніяхъ, я буду держаться того-же порядка, котораго я держался и ранѣе, главнымъ образомъ когда мнѣ также приходилось дѣлать примѣчанія къ мѣстамъ, также, такъ сказать, богатымъ объясненіями (напр. когда мнѣ приходилось дѣлать примѣчанія къ мѣстамъ изъ De anima вначалѣ 3-его отдѣла моей I-ой главы). Возможно и слѣдуетъ имѣть всѣ эти объясненія въ виду, но совершенно невозможно представлять и разбирать ихъ всѣ, во всей ихъ совокупности, — слѣд. остается только, такъ или иначе, помогать предлагаемому переводу, оправдывать предлагаемый въ самомъ моемъ текстѣ переводъ мѣстъ изъ настоящихъ главъ и разъясненія къ этому пе-

предварительными указаніями; эти первыя разсужденія въ сущности дѣйствительно заключаютъ въ себѣ тѣ-же сомнѣнія, но эти сомнѣнія теперь разрѣшаются гораздо болѣе опредѣленнымъ образомъ. Аристотель все время сопоставляетъ тутъ ра-

---

реводу. Это я и буду стараться дѣлать. Въ непосредственно слѣдующихъ моихъ примѣчаніяхъ, относящихся къ переводу мѣстъ изъ указанныхъ главъ, я также съ одной стороны буду стараться оправдывать мой переводъ со стороны самаго греческаго текста, — съ другой-же стороны я буду дѣлать и дополненія къ разъясненіямъ, находящимся при самомъ переводѣ. Кое-что относительно самаго смысла Аристотелевскихъ выраженій, быть можетъ, останется (или только покажется оставшимся) невыясненнымъ, — эту-то неясность я и буду стараться устранить въ примѣчаніяхъ. При этомъ мнѣ, разумѣется, придется ссылаться и на указанныхъ выше коментаторовъ, толкователей и ученыхъ, мнѣ придется приводить нѣкоторыя отдѣльныя ихъ мнѣнія, толкованія и объясненія, но это именно будутъ только отдѣльныя мнѣнія, отдѣльныя объясненія,—обстоятельность же, желаніе дать болѣе или менѣе обстоятельное представленіе еще и вообще о существующей, такъ или иначе разъясняющей настоящія главы литературѣ, я оставлю.—Такимъ то образомъ, и по отношенію къ только что переведенному и до нѣкоторой степени разъясненному началу 4 ой главы III-ей книги De anima, —въ виду того, что греческій (собственно Bekker'овскій) текстъ здѣсь почти (за самыми немногими исключеніями) не подвергался сомнѣніямъ,—я сдѣлаю еще только нѣсколько дополнительныхъ разъясненій отдѣльныхъ Аристотелевскихъ выраженій. Остановлюсь прежде всего на собственномъ сопоставленіи Аристотеля разумнаго познанія съ чувственнымъ. Аристотель называетъ вначалѣ чувственное познаніе «нѣкоторымъ страдательнымъ состояніемъ» (*πάσχειν τι*), и затѣмъ въ связи съ этимъ опредѣленіемъ какъ-бы говоритъ, что если разумное познаніе похоже на чувственное, то въ такомъ случаѣ оно должно быть собственно (какъ прибавилъ я въ моемъ переводѣ) «не подверженнымъ страданію» (*ἀπαθές*), а далѣе онъ прямо даже по отношенію къ чувственной способности употребляетъ выраженіе «непричастность страданію» (*ἀπάθεια*), — нѣтъ ли тутъ, и во всякомъ случаѣ нѣтъ ли на первый взглядъ, нѣкотораго противорѣчія? На первый взглядъ противорѣчіе несомнѣнно существуетъ, — и однако вовсе не трудно будетъ устранить его, показать, что въ дѣйствительности оно только кажущееся, въ дѣйствительности его нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что съ настоящимъ началомъ этой 4-ой главы до нѣкоторой степени мы уже знакомы, что нѣкоторыя, и притомъ какъ разъ вызывающія и теперь сомнѣнія, выраженія этого начала мы уже разбирали и объясняли (см. въ нашемъ изложеніи 1-го отдѣла нашей I-ой главы стр. 42 — 43). Уже и тамъ при объясненіи этихъ

зумную способность, разумъ съ чувственною способностью,—но въ виду какóй цѣли дѣлаетъ онъ это сопоставленіе? Цѣль очевидно та, чтобы въ концѣ уже какъ слѣдуетъ отличить природу разума отъ природы чувственной способности вообще,

---

спорныхъ выраженій мы старались провести мысль, что когда Аристотель называетъ чувственное познаніе «страдательнымъ состояніемъ», онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду участіе при чувственномъ познаніи тѣла познающаго существа,—«неподверженность же страданію», «непричастность страданію» чувствующаго существа являются у Аристотеля именно тогда, когда это тѣлесное участіе онъ въ нѣкоторой степени какъ-бы выпускаетъ изъ виду, или, во всякомъ случаѣ, не обращаетъ на него исключительнаго вниманія. Ту-же точку зрѣнія я вполнѣ сохранилъ и въ настоящее время, —и отсюда-то—какъ разъ благодаря этой точкѣ зрѣнія устраняется, какъ мнѣ кажется, даже и видимость противорѣчія. Сохраняя именно эту-же точку зрѣнія, я и объяснилъ все, что выходитъ, по подлиннымъ выраженіямъ Аристотеля, при допущеніи этого сходства разумнаго познанія съ чувственнымъ—эту «способность разумнаго познанія принимать форму», «быть формою» и т. д.; всѣ эти подлинныя выраженія Аристотеля, какъ и вообще все это собственное сопоставленіе разумнаго познанія съ чувственнымъ, представлялись довольно понятными. Таково мое первое дополнительное разъясненіе, разъясненіе того, что, можетъ быть, оставалось еще сомнительнымъ послѣ прочтенія только перевода и разъясненій, находящихся при самомъ переводѣ (съ настоящими замѣчаніями ср. замѣчанія Trendelenburg'а въ его Коммент. къ изданію De anima—стр. 383—384 и особенно замѣчанія Wallace'а—стр. 265: хотя на первый взглядъ, быть можетъ, покажется, что эти замѣчанія Trendelenburg'а и Wallace'а не вполнѣ тождественны съ настоящими замѣчаніями,—однако въ существѣ дѣла—такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю — взгляды Trendelenburg'а и Wallace'а, выраженные въ ихъ замѣчаніяхъ, не особенно разнятся отъ заключающагося въ настоящихъ замѣчаніяхъ). Затѣмъ далѣе обращу вниманіе на выраженіе Аристотеля *παρεμφαινόμενον γὰρ κωλύει τὸ ἀλλότριον καὶ ἀντιφράττει*. Что́ собственно значитъ, отку́да вышло это утвержденіе Аристотеля, что «чуждое уму, являясь рядомъ съ нимъ, какъ-бы мѣшаетъ ему и загораживаетъ его»? Trendelenburg въ своихъ Комментаріяхъ (Комментаріи Trendelenburg'а стр. 385—386), далѣе Teichmüller въ Studien der Gesch. der Begriffe (стр. 333 примѣч.), и наконецъ Wallace (въ изданіи Wallace'а De anima стр. 266) между прочимъ указываютъ, что метафора заимствована здѣсь Аристотелемъ отъ, такъ сказать, загораживанія однихъ небесныхъ тѣлъ другими. Одно небесное тѣло, напр. луна, какъ-бы выходитъ у Аристотеля по объясненію этихъ комментаторовъ, загораживаетъ другое небесное тѣло—солнце, и результатомъ этого

показать, что если чувственная способность совершенно не можетъ существовать безъ тѣла, то наоборотъ разумъ есть нѣчто независимое отъ тѣла, неподверженное никакимъ перемѣнамъ, движеніямъ, скорѣе нѣчто божественное. Сомнѣнія,

---

загораживанія является затмѣніе, является то, что солнце не можетъ проявлять своей наиболѣе существенной и наиболѣе главной дѣятельности, не можетъ проливать свѣта на землю,—совершенно также и умъ, когда рядомъ съ нимъ явилось бы что-либо постороннее, чуждое его природѣ, не могъ бы проявлять своей истинной дѣятельности, не могъ бы познавать, мыслить все. Это свое указаніе названные ученые подтверждаютъ ссылками на нѣкоторыя фразы изъ другихъ сочиненій Аристотеля, ссылками, въ которыхъ Аристотель дѣйствительно говоритъ главнымъ образомъ о затмѣніяхъ и при этомъ дѣйствительно употребляетъ тѣ-же самые глаголы (особенно онъ употребляетъ тутъ глаголъ *ἀντιφράττειν*), и отсюда указаніе это дѣйствительно является весьма правдоподобнымъ. Такимъ образомъ, въ этомъ указаніи мы несомнѣнно имѣемъ и объясненіе болѣе близкаго, болѣе, такъ сказать, непосредственнаго смысла всей настоящей фразы, всего настоящаго выраженія. Въ 3-хъ скажу нѣсколько словъ относительно одного выраженія, находящагося въ фразѣ, которую Аристотель ставитъ, какъ мы говорили, какъ-бы въ скобкахъ, именно скажу нѣсколько словъ относительно выраженія *ὑπολαμβάνει ἡ ψυχή* во фразѣ *λέγω δὲ νοῦν ᾧ διανοεῖται καὶ ὑπολαμβάνει ἡ ψυχή*. Если мы припомнимъ, со значеніемъ глагола *ὑπολαμβάνειν*, именно со значеніемъ существительнаго *ὑπόληψις*, произведеннаго отъ этого глагола, мы уже встрѣчались при анализѣ 3-ей главы той-же III-ей книги De anima, и тамъ мы перевели это *ὑπόληψις* какъ—«составленіе мнѣнія, сужденія» (въ нашемъ изложеніи—стр. 260—262),—вполнѣ ли подойдетъ такое значеніе къ настоящему переводу, будетъ ли «составленіе мнѣнія, сужденія» соотвѣтствовать «схватыванію понятій»? Trendelenburg и Wallace (въ непосредственномъ продолженіи тѣхъ-же самыхъ, только что цитированныхъ, страницъ въ ихъ Комментаріяхъ), путемъ разсмотрѣнія вообще употребленія Аристотелемъ глагола *ὑπολαμβάνειν* и путемъ разсмотрѣнія также мнѣнія другихъ ученыхъ (напр. Bonitz'a, Waitz'a и др.) объ этотъ общемъ употребленіи, приходятъ къ заключенію, что *ὑπολαμβάνειν*, рядомъ съ *διανοεῖσθαι*, должно означать у Аристотеля скорѣе результатъ разумнаго познанія, мышленія: *διανοεῖσθαι*, говорятъ Trendelenburg и Wallace, означаетъ по Аристотелю скорѣе самый мыслительный процессъ, — *ὑπολαμβάνειν* же окончаніе, результатъ этого процесса. Принимая во вниманіе это заключеніе, конечно вполнѣ возможно было въ настоящемъ случаѣ перевести терминъ *ὑπολαμβάνειν* какъ разъ русскимъ выраженіемъ—«схватывать понятія», ибо это «схватываніе понятій» конечно скорѣе является также результатомъ собственно мыслительнаго процесса, процесса разумнаго познанія. Но можно далѣе, какъ

такимъ образомъ, рѣшаются именно въ пользу той главной мысли, которая весьма сильно сказывалась уже и въ приведенныхъ предварительныхъ указаніяхъ. Далѣе, нѣтъ ли чего-либо и болѣе положительнаго въ настоящихъ разсужденіяхъ для опредѣленія общей природы разума? — вѣдь то, что мы

мнѣ кажется, вполнѣ допустить и соотвѣтствіе такого настоящаго перевода съ тѣмъ переводомъ, приведеннымъ ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и тамъ, при анализѣ 3-ей главы III-ей книги нашего главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, мы опредѣлили «ὑπόληψις составленіе мнѣнія, сужденія» какъ именно нисшую, но въ тоже время самую общую, самую слѣд., такъ сказать, характеристичную форму разумнаго познанія вообще. Но что можетъ быть въ результатѣ вообще разумнаго познанія общѣе этого «схватыванія понятій»? это «схватываніе понятій» конечно также будетъ самое общее, самое характеристичное для результата вообще разумнаго познанія, — такимъ-то образомъ оба наши перевода, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, не будутъ противорѣчить другъ другу. Наконецъ, 4-ое и послѣднее мое дополнительное замѣчаніе будетъ касаться послѣдняго періода въ настоящемъ началѣ 4-ой главы, періода, начинающагося словами ὅταν δ' οὕτως ἕκαστα γένηται ὡς ἐπιστήμων λέγεται и т. д. Періодъ этотъ довольно труденъ для непосредственнаго пониманія, довольно трудно установить, что̀ именно непосредственно хочетъ сказать здѣсь Аристотель,—и отсюда нисколько неудивительно, что къ этому періоду существуютъ разъясненія (ср. напр. разъясненія того-же Wallace'a на стр. 267 въ его изданіи—Wallace главнымъ образомъ приводитъ въ переводѣ объясненія Филопона; ср. также и разъясненія Bullinger'a въ его переводѣ, стр. 21—22 пр. 4-ое). Однако эти разъясненія казались мнѣ не совсѣмъ удовлетворительными, ибо въ нихъ—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось—замѣчается стремленіе дать то, о чемъ Аристотель собственно не говоритъ здѣсь. Въ разъясненіяхъ (напр. у Wallace'a) замѣчается стремленіе объяснить также и конкретнымъ образомъ возможность самомышленія ума до обученія и пріобрѣтенія какихъ-бы то ни было знаній и возможность такого-же самомышленія ума послѣ обученія и пріобрѣтенія,—между тѣмъ такой конкретности Аристотель, какъ кажется, вовсе не касается здѣсь. Желаніемъ, такимъ образомъ, остаться возможно ближе къ подлиннымъ словамъ Аристотеля и обусловливался предложенный мною выше переводъ настоящаго періода. Аристотель, представлялось мнѣ, хотѣлъ просто указать здѣсь, что существуютъ двѣ возможности для ума быть мыслимыми предметами, далѣе онъ хотѣлъ нѣсколько разъяснить вторую изъ этихъ возможностей,—это-то простое указаніе и дальнѣйшее разъясненіе Аристотеля я и положилъ въ основу предложеннаго мною перевода этого періода, и разъясненій, находящихся при самомъ переводѣ.

только что указали, еще является скорѣе отрицательными опредѣленіями. Положительное несомнѣнно заключается въ опредѣленіи природы разума какъ возможности мыслимыхъ предметовъ,—и это положительное Аристотель получаетъ благодаря тому-же сопоставленію. Постоянно сопоставляя, какъ мы говоримъ, разумъ, разумное познаніе съ чувственнымъ, и сопоставляя, чтобы въ концѣ совершенно отдѣлить другъ отъ друга эти двѣ познавательныя способности, Аристотель, тѣмъ не менѣе, находитъ въ способности чувства, въ способности чувственнаго познанія такую черту, которая можетъ имѣть существенное, и даже весьма существенное, по его мнѣнію, значеніе и для опредѣленія разума: такимъ-то образомъ разумъ и оказывается возможностью разумныхъ, мыслимыхъ предметовъ, совершенно также какъ способность чувства—вообще чувственно познающее существо въ возможности заключало въ себѣ все чувственно познаваемое. Но конечно разумъ, какъ возможность разумнаго, мыслимаго, и чувственная способность, какъ возможность чувственно познаваемаго, совершенно не одно и тоже у Аристотеля: ближайшее опредѣленіе обѣихъ этихъ возможностей и служитъ средствомъ для Аристотеля окончательно отдѣлить разумъ, разумное познаніе отъ чувственнаго. Опредѣленіе Аристотеля разума какъ возможности мыслимыхъ предметовъ скорѣе слѣдуетъ понимать, какъ нѣкоторое приближеніе Аристотеля вообще къ философской, и въ частности къ познавательной, теоріи Платона: не даромъ Аристотель ссылается здѣсь между прочимъ на Платона,—ибо конечно похвала Аристотеля опредѣляющимъ разумную душу какъ мѣсто формъ, идей не можетъ имѣть въ виду никого другого, кромѣ Платона. Аристотель, правда, находитъ нужнымъ нѣсколько ограничить ученіе Платона, но это не такъ существенно: разъ онъ всетаки ссылается на Платона, и притомъ ссылается съ похвалою,—это значитъ, что именно въ сходствѣ его ученій съ ученіями Платона и слѣдуетъ, такъ сказать, искать ключа для пониманія его общаго опредѣленія природы разума, въ частности для его опредѣленія природы разума, какъ возможности разумныхъ, мыслимыхъ предметовъ.

Теперь будемъ продолжать нашъ анализъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ разсужденій, слѣдующаго отдѣла этой-же 4-ой главы. Здѣсь Аристотель какъ-бы продолжаетъ

тоже самое отдѣленіе разумной способности отъ чувственной: именно, онъ показываетъ, что и самые объекты, предметы, познаваемые обѣими этими способностями, различны,—если же предметы различны, то приходится признать, что и способности различны. Далѣе, и при этомъ сопоставленіи вообще разумнаго познанія съ чувственнымъ Аристотель опять таки находитъ черту, которая можетъ имѣть значеніе для самаго разумнаго познанія, для разумнаго познанія какъ такого: отношенія, особенно ярко бросающіяся въ глаза при чувственномъ познаніи, въ концѣ опять таки оказываются имѣющими значеніе и при разумномъ познаніи. «Такъ какъ», говоритъ Аристотель въ этихъ слѣдующихъ разсужденіяхъ, «иное есть величина и быть величиною» (самое понятіе величины), «вода и быть водою—тоже самое замѣчается», прибавляетъ сюда еще Аристотель, «и на многихъ другихъ предметахъ, хотя не на всѣхъ: для нѣкоторыхъ предметовъ это-одно и тоже» (такого различія не существуетъ)—, «то быть плотью, тѣломъ» (понятіе тѣла) «и самое тѣло» (тѣло, такъ сказать, какъ конкретный фактъ) «познающее существо различаетъ» (познаетъ) «или инымъ чѣмъ, или» (если и тѣмъ-же самымъ, то во всякомъ случаѣ, такъ сказать) «расположеннымъ иначе: вѣдь въ самомъ дѣлѣ, тѣло» (какъ конкретный фактъ), указываетъ въ подтвержденіе Аристотель, «не можетъ существовать безъ матеріи» (безъ вещества), «но, какъ курносость» (кривизна носа), «оно есть нѣчто опредѣленное въ другомъ, также опредѣленномъ» (т. е. курносость нельзя познать, представить себѣ, по Аристотелю, иначе какъ въ связи съ носомъ, тѣломъ, точнѣе частью тѣла какого-либо животнаго; познаніе, представленіе курносости неразрывно связано, по мнѣнію Аристотеля, съ познаніемъ, представленіемъ носа;—совершенно также, выходитъ у Аристотеля, и тѣло какъ конкретный фактъ неразрывно связано съ чѣмъ-то другимъ, оно связано съ матеріею, веществомъ вообще). «Такимъ-то образомъ», выводитъ Аристотель изъ этихъ предварительныхъ указаній, «чувственною способностью познающее существо различаетъ» (познаетъ) «теплое и холодное и тѣ качества, нѣкоторымъ сочетаніемъ» (связью) «которыхъ является тѣло» (какъ конкретный фактъ), «—другою же способностью, или совсѣмъ отдѣленною отъ чувственной способности, или стоящею къ ней въ такихъ-же отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ

ломаная линія къ себѣ самой, когда будетъ выпрямлена, познаетъ познающее существо быть тѣломъ» (понятіе, абстрактное понятіе тѣла). Т. е. Аристотель очевидно выходитъ здѣсь именно, какъ мы говорили, изъ различенія самыхъ познавательныхъ предметовъ, и приходитъ опять таки къ отдѣленію разумной способности отъ чувственной. Даже при простомъ, такъ сказать, довольно безъискуственномъ взглядѣ на предметы познанія какъ-бы не трудно не согласиться по Аристотелю, что эти предметы различны: что съ одной стороны существуютъ болѣе конкретные познавательные факты (то, что въ настоящее время мы назвали бы ощущеніями, затѣмъ представленіями), и съ другой стороны—болѣе отвлеченные, болѣе абстрактные (понятія). Но если легко замѣтить различіе въ самыхъ познавательныхъ фактахъ, то такъ-же легко сдѣлать и выводъ изъ этого различія, такъ-же легко прійти къ заключенію, что и способности, воспринимающія эти различные познавательные факты, также различны. Однако познаніе всетаки этихъ различныхъ познавательныхъ фактовъ происходитъ въ одномъ и томъ-же познающемъ существѣ, и эти болѣе конкретные и эти болѣе абстрактные, отвлеченные факты всетаки познаются однимъ познающимъ существомъ, однимъ субъектомъ,—имѣя въ виду такое единство Аристотель и сравниваетъ еще обѣ настоящія познавательныя способности съ ломаною линіею и съ тою-же линіею, когда она будетъ выпрямлена. И ломаная и выпрямленная линія будутъ всетаки линіями, — такое же единство въ концѣ остается и въ познающемъ существѣ, несмотря на это различіе главныхъ познавательныхъ способностей. Такова собственно будетъ въ подлинномъ изложеніи Аристотеля первая часть этого слѣдующаго отдѣла настоящей 4-ой главы. Далѣе мы указали, что Аристотель опять таки и тутъ находитъ черту, которая особенно ярко замѣчается при чувственномъ познаніи, но которая также можетъ имѣть значеніе и при разумномъ познаніи. Подлинныя выраженія Аристотеля въ этой второй части настоящихъ разсужденій будутъ слѣдующія. Въ непосредственной связи съ только что изложеннымъ Аристотель продолжаетъ: «Точно также и по отношенію къ предметамъ отвлеченнымъ» (собственнымъ понятіямъ) «прямое будетъ какъ-бы курносость» (нѣчто вродѣ курносости), «ибо прямое находится въ связи съ сплошнымъ» (прямое—

хотя бы и понятіе прямого всегда мыслится всетаки до нѣкоторой степени конкретнымъ образомъ, мыслится какъ нѣкоторое сплошное протяженіе—какъ занимающее извѣстное сплошное пространство,—стало быть, какъ и курносость, простое понятіе прямого всетаки до нѣкоторой степени какъ-бы связано съ матеріею, веществомъ), — «сущность же прямого» (наиболѣе отвлеченное, въ строгомъ смыслѣ отвлеченное понятіе прямого), «если въ самомъ дѣлѣ такая сущность прямого и прямое вообще различны, будетъ уже чѣмъ-то другимъ» (не курносостью —уже никоимъ образомъ не будетъ связана съ матеріею), «скорѣе она должна быть какъ-бы нѣкоторою двойственностью» (скорѣе въ этомъ наиболѣе отвлеченномъ понятіи прямого слѣдуетъ обращать вниманіе на двойственность прямого—на то, что прямое въ сущности соединяетъ два пункта, двѣ точки). «Сущность прямого слѣдовательно», выводитъ Аристотель, «познающее существо познаетъ или» (какъ-бы) «другою» (разумною) «способностью, или же» (этою же, разумною же, но какъ-бы) «расположенною иначе. И вообще», дѣлаетъ общее заключеніе Аристотель ко всей этой второй части, «какъ» (очевидно и при чувственномъ познаніи) «вещи отдѣлимы отъ матеріи» (какъ и при чувственномъ познаніи въ концѣ чувственныя познанія обнаруживаются, проявляются именно въ душѣ познающаго существа, причемъ тутъ уже какъ-бы нѣтъ ни малѣйшаго намека на матерію), «—совершенно тоже замѣчается и по отношенію къ разуму». Другими словами, и въ разумномъ познаніи Аристотель опять таки находитъ нѣчто общее съ чувственнымъ познаніемъ. Въ процессѣ чувственнаго познанія, какъ мы хорошо знаемъ, можно было различить двѣ стадіи: одну, такъ сказать, болѣе матеріальную, въ которой внѣшніе предметы по преимуществу принимали участіе,—и другую, менѣе матеріальную, гдѣ собственно участія внѣшнихъ предметовъ уже не было. Совершенно тоже обнаруживается теперь и въ разумномъ познаніи,—и разумное познаніе съ одной стороны имѣетъ дѣло съ болѣе конкретными (такъ сказать, болѣе матеріальными) фактами (понятіями), съ другой же стороны — съ болѣе отвлеченными. И конечно совершенно естественно какъ-бы выходитъ у Аристотеля, что эти послѣдніе факты (болѣе отвлеченныя понятія) должны быть отдѣлимы отъ матеріи, ибо съ матеріею они уже

дѣйствительно даже и съ внѣшней стороны ничего общаго не имѣютъ [1]).

Наконецъ въ послѣднихъ, остающихся разсужденіяхъ, въ послѣдней, остающейся части этой-же 4-ой главы Аристотель

---

[1]) Ibidem, 429 b. 10—22. *Ἐπεὶ δ' ἄλλο ἐστὶ τὸ μέγεθος καὶ τὸ μεγέθει εἶναι καὶ ὕδωρ καὶ ὕδατι εἶναι (οὕτω δὲ καὶ ἐφ' ἑτέρων πολλῶν, ἀλλ' οὐκ ἐπὶ πάντων· ἐπ' ἐνίων γὰρ ταὐτόν ἐστι), τὸ σαρκὶ εἶναι καὶ σάρκα ᾗ ἀλλῳ ᾗ ἄλλως ἔχοντι κρίνει· ἡ γὰρ σὰρξ οὐκ ἄνευ τῆς ὕλης, ἀλλ' ὥσπερ τὸ σιμὸν τόδε ἐν τῷδε. τῷ μὲν οὖν αἰσθητικῷ τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν κρίνει, καὶ ὧν λόγος τις ἡ σάρξ· ἄλλῳ δὲ ἤτοι χωριστῷ, ἢ ὡς ἡ κεκλασμένη ἔχει πρὸς αὐτὴν ὅταν ἐκταθῇ, τὸ σαρκὶ εἶναι κρίνει. πάλιν δ' ἐπὶ τῶν ἐν ἀφαιρέσει ὄντων τὸ εὐθὺ ὡς τὸ σιμόν· μετὰ συνεχοῦς γάρ· τὸ δὲ τί ἦν εἶναι, εἰ ἔστιν ἕτερον τὸ εὐθεῖ εἶναι καὶ τὸ εὐθύ, ἄλλο· ἔστω γὰρ δυάς. ἑτέρῳ ἄρα ἢ ἑτέρως ἔχοντι κρίνει. καὶ ὅλως ἄρα ὡς χωριστὰ τὰ πράγματα τῆς ὕλης, οὕτω καὶ τὰ περὶ τὸν νοῦν.* Въ настоящемъ отрывкѣ этой-же, 4-ой главы уже пришлось принять нѣсколько исправленій собственно Bekker'овскаго текста,—такимъ образомъ, настоящее примѣчаніе я начну съ оправданія моего перевода, какъ я говорилъ, со стороны самаго греческаго текста. Прежде всего пришлось измѣнить Bekker'у въ интерпункціи самаго перваго періода. У Bekker'а фраза *οὕτω δὲ καί ἐφ' ἑτέρων πολλῶν, ἀλλ' οὐκ ἐπὶ πάντων· ἐπ' ἐνίων γὰρ ταὐτόν ἐστι* не поставлена въ скобки, послѣднія слова этой фразы, слова *ἐπ' ἐνίων γὰρ ταὐτόν ἐστι*, Bekker даже не отдѣляетъ отъ непосредственно послѣдующаго *τὸ σαρκὶ εἶναι καὶ σάρκα* никакимъ знакомъ, онъ, стало быть, находитъ тутъ одно предложеніе, — и является вопросъ—какъ, сколько-нибудь удовлетворительно, понять это одно предложеніе, что именно должно означать оно? Разрѣшить этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ весьма трудно,—и такимъ-то образомъ и пришлось обратиться къ различнымъ предлагаемымъ объясненіямъ и конъектурамъ. Первымъ въ сущности предложившимъ принятой выше порядокъ интерпункціи былъ уже Trendelenburg: именно Trendelenburg первый указалъ, что слова *τὸ σαρκὶ εἶναι καὶ σάρκα* очевидно должны относиться къ *ᾗ ἄλλῳ ᾗ ἄλλως ἔχοντι κρίνει*, и въ связи съ такимъ указаніемъ Trendelenburg, такъ сказать, перенесъ полуточіе, вмѣсто того, чтобы оставить его послѣ *σάρκα*, онъ поставилъ его послѣ *ταὐτόν ἐστι* (см. въ изданіи Trendelenburg'а De anima—въ текстѣ стр. 81—82 и въ Комментар. стр. 390—391). Такой порядокъ въ сущности уже совершенно исправлялъ Bekker'овское чтеніе; не внося никакихъ особенно серіозныхъ измѣненій, онъ дѣлалъ Bekker'овское чтеніе вполнѣ удобопонятнымъ; — однако, казалось, нельзя ли тутъ сдѣлать еще кое-что? нельзя ли придать ясности съ внѣшней стороны настоящему періоду еще болѣе? Исходя изъ такого желанія сдѣлать этотъ первый періодъ съ внѣшней стороны еще яснѣе, Bonitz въ своихъ Aristotelische Studien (см. Aristotel. Studien Bonitz'а, IV, въ 52-омъ томѣ Sitzungsberichte der philosophisch—historischen Classe der Kaiserlich.

снова возвращается къ болѣе положительному опредѣленію природы разума. Изъ первыхъ разсужденій настоящей главы въ достаточной степени выяснилось, что Аристотель склоненъ смотрѣть на разумъ скорѣе какъ на нѣчто совершенно неза-

---

Akademie der Wissenschaften. Wien. 1866—примѣч. 10-ое на стр. 376), вмѣсто Trendelenburg'овскихъ полуточій послѣ *ὕδατι εἶναι* и *ταὐτόν ἐστι*, какъ разъ поставилъ всю эту фразу *οὕτω δὲ καὶ ἐφ' ἑτέρων πολλῶν* и т. д. въ скобки, и послѣ второй скобки поставилъ запятую. При такой интерпункціи внѣшній видъ настоящаго періода конечно выигралъ еще болѣе, — и эту-то интерпункцію, интерпункцію Bonitz'a, я и привелъ выше. Далѣе, авторитету того-же Bonitz'a я послѣдовалъ въ исправленіи Bekker'овскаго дат. падежа *ἄλλῳ* на имен. *ἄλλο*—во второй части настоящаго отрывка, послѣ словъ *εἰ ἔστιν ἕτερον τὸ εὐθεῖ εἶναι καὶ τό εὐθύ* (см. тоже, только что цитированное, примѣчаніе Bonitz'a, на той-же страницѣ). У Bekker'a стоитъ именно дат. падежъ,—но не ясно ли, что именительный здѣсь будетъ умѣстнѣе? Въ самомъ дѣлѣ, дат. падежъ, строго говоря, и объяснить было бы трудно (или его пришлось бы объяснять совершенно неподходящимъ къ общему смыслу всего настоящаго отрывка образомъ), между тѣмъ именительный очевидно находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ предшествующимъ *ὡς τὸ συμόν*. Такъ, въ сущности, разъясняетъ Bonitz это свое исправленіе, и эти разъясненія казались мнѣ вполнѣ убѣдительными (хотя замѣчу, что большинство издателей и комментаторовъ всетаки сохраняютъ Bekker'овскій дат. падежъ, но зато всѣ ставятъ запятую передъ этимъ дат. падежомъ, чего у Bekker'a опять таки нѣтъ). Это—относительно собственно внѣшняго вида, самаго греческаго текста настоящаго отрывка. Затѣмъ, что касается до другихъ дополнительныхъ замѣчаній, то тутъ нужно сказать нѣсколько словъ по поводу общаго пониманія всего этого отрывка. Дѣло въ томъ, что предложенное выше общее пониманіе не сходится ни съ однимъ изъ другихъ существующихъ пониманій нашего отрывка,—въ виду этого несходства и требуются нѣкоторыя разъясненія. Я въ своемъ пониманіи исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. Представлялся вопросъ—что̀ считать подлежащимъ во всей первой части? Большинство комментаторовъ и вообще ученыхъ, занимавшихся нашимъ отрывкомъ, принимаютъ за такое подлежащее—*νοῦς* (особенно настаиваетъ на такомъ принятіи Neuhaeuser—см. тоже, хорошо знакомое намъ, сочиненіе Neuhaeuser'a Aristoteles' Lehre von dem sinnlich. Erkenntnissverm. стр. 14 и слѣд.).—мнѣ же казалось, что подлежащее здѣсь должно быть общѣе; именно мнѣ казалось, что подлежащимъ здѣсь можно считать вообще—«познающее существо» (съ формальной стороны противъ принятія такого подлежащаго не можетъ быть никакихъ существенныхъ возраженій, ибо, при общей неточности Аристотелевскаго языка, вполнѣ возможно, какъ мнѣ кажется, дополнить сказуемое *κρίνει* просто причастіемъ *κρίνων* въ качествѣ подлежащаго). Но че-

висимое отъ внѣшнихъ предметовъ,—между тѣмъ изъ продолженія этой-же главы, изъ только что разсмотрѣнныхъ разсужденій, и въ частности изъ второй части этихъ разсужденій, было также какъ будто несомнѣнно, что внѣшніе предметы

го мы достигнемъ, если примемъ такое, болѣе общее подлежащее? Я полагаю, что если согласиться на такое подлежащее, то какъ-то невольно придешь къ тому общему пониманію всей первой части, которое предложено выше. Въ самомъ дѣлѣ, не станетъ ли яснымъ въ такомъ случаѣ, что здѣсь Аристотель именно говоритъ о различіи объектовъ и самыхъ способовъ познанія при чувственномъ и разумномъ познаніи, и говоритъ онъ затѣмъ, чтобы въ концѣ доказать тоже отличіе разумной способности отъ чувственной?—вся первая часть настоящаго отрывка приметъ вполнѣ ясный и опредѣленный смыслъ. Далѣе, и самыя трудныя выраженія Аристотеля въ этой первой части настоящаго отрывка — эти ломаная и выпрямленная линіи станутъ, быть можетъ, также яснѣе. Много остроумія потрачено было комментаторами на то, чтобы уяснить, что̀ именно по существу хотѣлъ сказать Аристотель, приведя эти линіи (ср. напр. весьма остроумныя разсужденія Teichmüller'a по этому поводу—Stud. zur Geschichte der Begriffe стр. 487—498),—между тѣмъ, можетъ быть, въ такомъ существенномъ уясненіи вовсе нѣтъ особенной нужды. Можетъ быть,—какъ я и старался показать въ моемъ переводѣ, — эти линіи представляютъ собою простое сравненіе, основывающееся на единствѣ линій какъ линій съ одной стороны и на единствѣ познающаго существа — съ другой, и никакого дальнѣйшаго смысла здѣсь и не заключается. Иное было бы дѣло, если подлежащимъ во всей первой части принять *νοῦς*, — тогда конечно скорѣе придется искать этого дальнѣйшаго смысла. Итакъ, вотъ основанія, изъ которыхъ я исходилъ при переводѣ и общемъ пониманіи первой части всего настоящаго отрывка. Затѣмъ, относительно общаго пониманія второй части этого-же отрывка соглашусь, что это послѣднее пониманіе можетъ показаться до нѣкоторой степени произвольнымъ, и во всякомъ случаѣ оно можетъ показаться гораздо произвольнѣе пониманія первой части. Однако, вѣдь и другія существующія пониманія этой второй части также произвольны. Языкъ Аристотеля въ этой второй части до такой степени неточенъ и неясенъ, что скорѣе приходится только догадываться относительно подлиннаго смысла Аристотелевскихъ выраженій здѣсь, чѣмъ установлять этотъ подлинный смыслъ съ полною опредѣленностью. Если же такъ, если повидимому вообще нельзя въ этой второй части избѣгнуть нѣкоторой произвольности, то въ такомъ случаѣ и приведенное выше общее пониманіе конечно можетъ имѣть значеніе; во всякомъ случаѣ оно можетъ, такъ сказать, имѣть такое же право на существованіе, какъ и другія существующія пониманія этой-же второй части.

при образованіи разумныхъ познаній должны принимать нѣкоторое участіе. Какъ же быть теперь съ этимъ противорѣчіемъ, какъ примирить его? Далѣе, какъ понять ближе, точнѣе, что разумъ въ сущности только мыслитъ самого себя? Разрѣ-

---

Таково то, что я хотѣлъ сказать по поводу предложеннаго выше общаго пониманія всего настоящаго отрывка. Наконецъ остается еще сдѣлать нѣсколько, уже въ полномъ смыслѣ дополнительныхъ, замѣчаній, остается разъяснить еще нѣкоторыя отдѣльныя Аристотелевскія выраженія въ этомъ отрывкѣ, которыя могли показаться не совсѣмъ ясными при переводѣ. Въ этомъ отношеніи остановлюсь на выраженіяхъ *τὸ μέγεθος καὶ τὸ μεγέθει εἶναι* и т. д. и въ связи съ этими выраженіями на дальнѣйшемъ выраженіи *τὸ τί ἦν εἶναι*, далѣе на выраженіи *ὥσπερ τὸ σιμόν*, и наконецъ скажу еще и относительно выраженія вначалѣ второй части—*πάλιν δ' ἐπὶ τῶν ἐν ἀφαιρέσει ὄντων*. Что касается до первыхъ выраженій, то, не входя въ подробности, сошлюсь на прекрасныя разъясненія по поводу этихъ выраженій Trendelenburg'а (см. въ Комментар. у Trendelenburg'а стр. 388—390; Trendelenburg указываетъ здѣсь другое свое, болѣе спеціальное, сочиненіе, именно онъ указываетъ статью въ Rheinisches Museum за 1828-ой годъ,—но и то, что находится въ Комментаріяхъ, является, какъ мнѣ кажется, вполнѣ достаточнымъ), Именно изъ этихъ разъясненій можно съ совершенною ясностью видѣть, что здѣсь Аристотель какъ разъ противопоставляетъ понятіямъ то, что въ настоящее время мы назвали бы ощущеніями, представленіями,—и съ другой стороны можно также видѣть, что этимъ-же понятіямъ Аристотель даетъ иногда аттрибутъ *τὸ τί ἦν εἶναι*. Далѣе, выраженіе *ὥσπερ τὸ σιμόν* или *ὡς τὸ σιμόν* можетъ показаться на первый взглядъ нѣсколько страннымъ: въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ познаніе тѣла какъ конкретнаго факта и затѣмъ познаніе простого понятія прямой линіи уподобляются курносости? Странность какъ будто есть,—однако, какъ указываетъ тотъ-же Trendelenburg (см. у Trendelenburg'а въ тѣхъ-же Коммент. стр. 395), это — постоянный примѣръ, постоянное сравненіе Аристотеля, когда ему приходится говорить о познаніи вещей, въ сущности неотдѣлимыхъ, по его мнѣнію, отъ матеріи, вещества. Дѣйствительно, можно привести цѣлую массу примѣровъ изъ другихъ сочиненій Аристотеля (напр. изъ Метафизики), гдѣ фигурируетъ та-же курносость, и притомъ фигурируетъ, такъ сказать, совершенно такимъ-же образомъ. Наконецъ, по поводу выраженія *πάλιν δ' ἐπὶ τῶν ἐν ἀφαιρέσει ὄντων*, и въ частности по поводу словъ *τὰ ἐν ἀφαιρέσει ὄντα*, замѣчу, что тотъ-же Trendelenburg (у Trendelenburg'а стр. 393—395), за нимъ Wallace (въ изданіи Wallace'а стр. 269), да въ сущности и всѣ комментаторы придаютъ этимъ словамъ болѣе спеціальное значеніе,—они указываютъ, что Аристотель спеціально имѣлъ здѣсь въ виду математику, область математическихъ

шеніемъ всѣхъ этихъ недоумѣній Аристотель и занимается въ послѣднихъ, остающихся разсужденіяхъ настоящей, 4-ой главы,—и разрѣшаетъ онъ ихъ съ точки зрѣнія того-же опредѣленія природы разума какъ возможности мыслимыхъ предметовъ; Аристотель отсюда въ этихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, дѣйствительно снова касается болѣе положительнаго опредѣленія природы разума, онъ опять таки возвращается къ тому-же самому первоначальному своему болѣе положительному опредѣленію. «Кто-либо сталъ бы недоумѣвать»,—такъ собственно выражается Аристотель подлинно вначалѣ этихъ послѣднихъ разсужденій, — «если умъ есть нѣчто простое, не подверженное страданію» (не подверженное никакимъ перемѣнамъ) «и ни съ чѣмъ» (очевидно изъ внѣшняго ему) «не имѣетъ ничего общаго какъ говоритъ Анаксагоръ,—какъ онъ будетъ мыслить, принимая въ соображеніе, что мышленіе есть до нѣкоторой степени страдательное состояніе» (принимая въ соображеніе, что по только что разсмотрѣннымъ предшествующимъ разсужденіямъ предметы, внѣшніе уму, всетаки какъ будто должны принимать участіе въ образованіи разумныхъ знаній); «вѣдь въ самомъ дѣлѣ, только постольку, поскольку между двумя предметами существуетъ нѣчто общее, — только постольку и кажется, что одинъ является» (по преимуществу) «дѣйствующимъ, другой же—страдающимъ» (другими словами—какъ примирить самостоятельность разума съ его зависимостью всетаки отъ внѣшнихъ предметовъ? не слѣдуетъ ли тутъ допустить нѣчто общее, нѣкоторый пунктъ соприкосновенія между разумомъ и внѣшними предметами?) И затѣмъ: «Еще же можетъ быть сомнѣніе, мыслимъ ли самъ умъ» (можетъ ли самъ умъ быть предметомъ мышленія, — другими словами, вѣрно ли то, что умъ въ сущности только мыслитъ самого себя). «Вѣдь въ самомъ дѣлѣ», продолжаетъ Аристотель, (имѣя въ виду только что высказанное предыдущее недоумѣніе) «нужно будетъ при-

---

знаній. Конечно возможно, что это и такъ (тѣмъ болѣе, что напр. Trendelenburg доказываетъ это свое положеніе многочисленными цитатами изъ Аристотеля),—но для моего перевода это не имѣло существеннаго значенія. Имѣлъ ли въ виду здѣсь Аристотель спеціально математику, всетаки съ общей точки зрѣнія это была область понятій—разумная область, а не чувственная,—только эту-то общую точку зрѣнія я и старался оттѣнить.

знать, что или умъ присущъ и другимъ» (внѣшнимъ его природѣ) «вещамъ, если онъ самъ дѣйствительно мыслимъ не благодаря чему-либо другому» (если дѣйствительно вѣрно, что процессъ его дѣятельности выражается только въ самомышленіи), «а объектъ» (предметъ) «мышленія долженъ быть одинъ по виду, — или же нужно будетъ признать, что онъ будетъ имѣть нѣчто примѣшанное» (къ своей природѣ), «что и дѣлаетъ его мыслимымъ какъ и все остальное» (или же нужно будетъ отказаться отъ того положенія, что умъ мыслитъ только самого себя: мышленіе, разумное познаніе будетъ не самомышленіемъ, не вполнѣ самостоятельною дѣятельностью ума какъ ума, а оно будетъ въ значительной степени обусловливаться и посторонними уму предметами). Выставивши эти сомнѣнія, далѣе Аристотель переходитъ къ разрѣшенію ихъ. «Или не вѣрно ли», высказываетъ Аристотель какъ-бы въ видѣ нѣкотораго предположенія, «что страдательное состояніе возможно всетаки съ точки зрѣнія нѣкотораго общаго элемента» (между дѣйствующимъ и страдающимъ). «Поэтому-то» (т. е. имѣя въ виду необходимость такого общаго элемента), продолжаетъ Аристотель, «и было сказано прежде, что умъ содержитъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ въ возможности мыслимые предметы, но въ дѣйствительности умъ есть ничто, прежде чѣмъ онъ начнетъ мыслить. Здѣсь должно быть такъ, какъ на письменной доскѣ» (на доскѣ, употребляющейся для писанія), «на которой въ дѣйствительности ничего не написано, — тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ уму». И далѣе: «И самъ умъ мыслимъ совершенно также, какъ и мыслимые предметы» (самомышленіе ума во всякомъ случаѣ, такъ сказать, остается). «Ибо въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ» (мыслимымъ) «предметамъ нематеріальнымъ» (совершенно не имѣющимъ никакого отношенія къ матеріи) «одно и тоже—и мыслящее и мыслимое, ибо отвлеченное познаніе» (отвлеченное мышленіе) «и такое-же» (отвлеченное) «познаваемое—одно и тоже, — такъ что здѣсь слѣдовало бы разыскать причину, почему не всегда мыслятъ» (такимъ отвлеченнымъ образомъ); «въ» (мыслимыхъ) «предметахъ же матеріальныхъ» (такъ сказать, снабженныхъ матеріею) «въ возможности уже заключается все мыслимое. Отсюда» (по отношенію къ этимъ послѣднимъ—матеріальнымъ мыслимымъ предметамъ) «въ самыхъ этихъ матеріальныхъ

предметахъ не будетъ ума,—умъ есть способность, не имѣющая ничего общаго съ матеріею такихъ матеріальныхъ предметовъ,—въ самомъ же умѣ будетъ находиться все мыслимое». Стало быть, Аристотель дѣйствительно устраняетъ выставленныя имъ недоумѣнія допущеніемъ нѣкотораго общаго элемента, нѣкотораго пункта соприкосновенія между мыслимыми предметами и разумомъ; если угодно, онъ допускаетъ нѣкоторое вліяніе мыслимыхъ предметовъ на разумъ. Но какого рода будетъ это вліяніе, будетъ ли оно напр. похоже на вліяніе, оказываемое чувственными предметами на чувства вообще? На этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, въ нематеріальныхъ, отвлеченныхъ мыслимыхъ предметахъ вліяніе это оказывается даже какъ будто незамѣтнымъ, ибо тутъ, строго говоря, нѣтъ разницы, по Аристотелю, между разумомъ, воспринимающимъ эти предметы, и самыми этими мыслимыми предметами; но и въ, такъ сказать, болѣе матеріальныхъ мыслимыхъ предметахъ вліяніе, оказываемое мыслимыми предметами, будетъ совершенно иного рода. Только въ умѣ, говоритъ Аристотель по отношенію къ этимъ послѣднимъ, матеріальнымъ мыслимымъ предметамъ, находится мыслимое, въ самыхъ же этихъ матеріальныхъ мыслимыхъ предметахъ такого мыслимаго нѣтъ, — это значитъ, что особенно существеннаго участія въ образованіи разумныхъ познаній внѣшніе мыслимые предметы во всякомъ случаѣ не принимаютъ. Внѣшніе мыслимые предметы, такъ сказать, затрогиваютъ разумъ, они какъ-бы даютъ поводъ проявить ему совершенно самостоятельно свою дѣятельность,—такимъ-то образомъ и по отношенію къ мыслимымъ предметамъ, въ полномъ смыслѣ внѣшнимъ, къ матеріальнымъ мыслимымъ предметамъ Аристотелевское самомышленіе разума остается въ полной своей силѣ. И это устраненіе выставленныхъ сомнѣній, недоумѣній, какъ мы видимъ въ настоящее время, на самомъ дѣлѣ совершается Аристотелемъ съ помощью первоначальнаго болѣе положительнаго опредѣленія природы разума, оно совершается съ помощью того-же опредѣленія природы разума какъ возможности мыслимыхъ предметовъ,—Аристотель такимъ образомъ дѣйствительно возвращается къ тому-же самому первоначальному своему болѣе положительному опредѣленію, онъ какъ-бы дополняетъ и развиваетъ его. Развитіе это между

прочимъ заключается въ томъ—какъ слѣдуетъ понимать самую эту возможность: въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, становится еще яснѣе, что эта возможность должна быть отличена отъ возможности, имѣющей мѣсто вообще при чувственномъ познаніи; ученіе о разумѣ, какъ возможности мыслимыхъ предметовъ, дѣйствительно скорѣе напоминаетъ тоже, видоизмѣненное только весьма несущественнымъ образомъ, философское, и въ частности познавательное ученіе Платона о идеяхъ [1]).

---

[1]) Ibidem, 429 b. 22—430 a. 9. *Ἀπορήσειε δ' ἄν τις, εἰ ὁ νοῦς ἁπλοῦν ἐστι καὶ ἀπαθὲς καὶ μηθενὶ μηθὲν ἔχει κοινόν, ὥσπερ φησὶν Ἀναξαγόρας, πῶς νοήσει, εἰ τὸ νοεῖν πάσχειν τί ἐστιν· ᾗ γάρ τι κοινὸν ἀμφοῖν ὑπάρχει, τὸ μὲν ποιεῖν δοκεῖ τὸ δὲ πάσχειν. ἔτι δ' εἰ νοητὸς καὶ αὐτός. ἢ γὰρ τοῖς ἄλλοις ὁ νοῦς ὑπάρξει, εἰ μὴ κατ' ἄλλο αὐτὸς νοητός, ἓν δέ τι τὸ νοητὸν εἴδει, ἢ μεμιγμένον τι ἕξει, ὃ ποιεῖ νοητὸν αὐτὸν ὥσπερ τἆλλα. ἢ τὸ μὲν πάσχειν κατὰ κοινόν τι. διὸ εἴρηται πρότερον, ὅτι δυνάμει πώς ἐστι τὰ νοητὰ ὁ νοῦς, ἀλλ' ἐντελεχείᾳ οὐδέν, πρὶν ἂν νοῇ. δεῖ δ' οὕτως ὥσπερ ἐν γραμματείῳ ᾧ μηθὲν ὑπάρχει ἐντελεχείᾳ γεγραμμένον ὅπερ συμβαίνει ἐπὶ τοῦ νοῦ. καὶ αὐτὸς δὲ νοητός ἐστιν ὥσπερ τὰ νοητά. ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν ἄνευ ὕλης τὸ αὐτό ἐστι τὸ νοοῦν καὶ τὸ νοούμενον· ἡ γὰρ ἐπιστήμη ἡ θεωρητικὴ καὶ τὸ οὕτως ἐπιστητὸν τὸ αὐτό ἐστιν· τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπτέον· ἐν δὲ τοῖς ἔχουσιν ὕλην δυνάμει ἕκαστόν ἐστι τῶν νοητῶν. ὥστ' ἐκείνοις μὲν οὐχ ὑπάρξει νοῦς (ἄνευ γὰρ ὕλης δύναμις ὁ νοῦς τῶν τοιούτων), ἐκείνῳ δὲ τὸ νοητὸν ὑπάρξει.* Первое, еще довольно незначительное уклоненіе отъ Bekker'a въ текстѣ настоящихъ, послѣднихъ разсужденій этой-же 4-ой главы пришлось сдѣлать еще въ самыхъ первыхъ строкахъ: именно, фразу *ᾗ γάρ τι κοινὸν ἀμφοῖν ὑπάρχει* и т. д. Bekker отдѣляетъ отъ предыдущей точкою,—я же, по примѣру Wallace'a (см. у Wallace'a въ текстѣ его изданія стр. 156) ставлю тутъ только полуточіе. Конечно возможно было бы пожалуй оставить здѣсь и точку, но въ виду того, что общій смыслъ этихъ двухъ фразъ въ высшей степени связенъ, что фраза *ᾗ γάρ τι κοινὸν ἀμφοῖν* и т. д. служитъ какъ разъ нѣкоторымъ разъясненіемъ предыдущей, я и нашелъ болѣе удобнымъ послѣдовать примѣру Wallace'a. Далѣе, второе, уже болѣе существенное уклоненіе отъ Bekker'a въ текстѣ настоящаго отрывка —и опять таки слѣдуя указаніямъ того-же Wallace'a — я сдѣлалъ во фразѣ *ἢ τὸ μὲν πάσχειν κατὰ κοινόν τι* и въ послѣдующихъ словахъ *διὸ εἴρηται πρότερον.* У Bekker'a эта фраза и эти послѣдующія слова соединены въ одно предложеніе, при этомъ слова *διὸ εἴρηται* читаются не такъ именно, не въ два слова, а въ одно—*διῄρηται*,—и все предложеніе имѣетъ такой видъ—*ἢ τὸ μὲν πάσχειν κατὰ κοινόν τι διῄρηται πρότερον, ὅτι δυνάμει πώς ἐστι τὰ νοητὰ ὁ νοῦς* и т. д. Такое чтеніе конечно даетъ нѣкоторый, и даже довольно удовлетворительный смыслъ, — но нельзя ли все-таки упростить, сдѣлать яснѣе

Теперь, по указанному нами выше порядку, чтобы покончить съ настоящимъ отдѣломъ, съ общимъ опредѣленіемъ Аристотеля природы разума, намъ осталось еще разсмотрѣть мѣсто изъ 3-ей главы II-ой книги его сочиненія «о происхожденіи животныхъ». Чтобы нѣсколько подготовиться къ подлин-

---

смыслъ настоящихъ словъ еще болѣе? Желая сдѣлать смыслъ настоящихъ словъ какъ разъ проще, тотъ-же Wallace, основываясь на авторитетѣ одной рукописи, предложилъ чтеніе, которое и я привелъ выше (см. у Wallace'а въ текстѣ его изданія стр. 158 и въ примѣчаніи стр. 270,—Wallace опирался на рукопись конечно только въ перемѣнѣ *διῄρηται* на *διὸ εἴρηται*, что же касается до интерпункціи, до раздѣленія этого Bekker'овскаго одного предложенія на два, онъ, разумѣется, дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно). Удобство порядка чтенія Wallace'а, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что здѣсь дѣйствительно можно получить полную ясность. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря отдѣленію словъ *ἢ τὸ μὲν πάσχειν κατὰ κοινόν τι* въ самостоятельную фразу и далѣе благодаря постановкѣ союза *διό* выходитъ, что Аристотель, при разрѣшеніи выставленныхъ имъ ранѣе недоумѣній, сначала разрѣшаетъ эти недоумѣнія какъ-бы предположительно, а затѣмъ даетъ этому предположенію и бо́льшую опредѣленность, отнимаетъ отъ него характеръ только предположенія; всѣ отдѣльныя выраженія Аристотеля во всемъ этомъ періодѣ оказываются вполнѣ послѣдовательными. Наконецъ, послѣднія мои, также не особенно значительныя, уклоненія отъ Bekker'овскаго текста настоящаго отрывка состояли въ томъ, что послѣ словъ *γεγραμμένον* и *ἐπισκεπτέον* я исправилъ Bekker'овскія точки на полуточія. Что касается до перваго исправленія, то оно обусловливалось самою тѣсною связью непосредственно слѣдующей за *γεγραμμένον* фразы, фразы *ὅπερ συμβαίνει ἐπὶ τοῦ νοῦ*, съ фразою *δεῖ δ' οὕτως ὥσπερ ἐν γραμματείῳ* и т. д.; эта-то тѣсная связь и требовала, какъ мнѣ казалось, такъ сказать, менѣе самостоятельнаго знака препинанія. Подобныя же въ сущности соображенія повліяли и на второе исправленіе. Совершенно очевидно, что предложеніе *τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπτέον* является до нѣкоторой степени вводнымъ, что то, что непосредственно слѣдуетъ за этимъ предложеніемъ, весьма тѣсно связано съ предшествующимъ ему. Въ виду этой очевидности всего лучше было бы поставить все это предложеніе *τοῦ δὲ μὴ ἀεί* и т. д. въ скобки, — если же не ставить скобокъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сохранить одинаковый знакъ какъ передъ этимъ предложеніемъ, такъ и послѣ него. Такимъ-то образомъ и въ этомъ второмъ случаѣ я измѣнилъ Bekker'овскую точку на полуточіе (замѣчу, что первое исправленіе дѣлаютъ почти всѣ, слѣдующіе за Bekker'омъ, издатели и комментаторы De anima; что же касается до втораго исправленія, то нѣкоторые ставятъ это предложеніе *τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπ-*

ному разсмотрѣнію этого мѣста, укажемъ, что здѣсь Аристотель собственно доказываетъ ту-же самую основную свою мысль, которую онъ доказывалъ и въ 4-ой главѣ III-ей книги De anima, но только доказываетъ съ нѣсколько иной стороны. Уже и въ 4-ой главѣ III-ей книги главнаго своего психологи-

---

τέον не въ полуточіяхъ, а въ точкахъ). Таковы собственно мои уклоненія отъ текста Bekker'a настоящихъ, послѣднихъ разужденій этой 4-ой главы, таковъ, стало быть, самый греческій текстъ, по которому сдѣланъ мой переводъ настоящаго отрывка. Затѣмъ, относительно моего общаго пониманія этого отрывка въ настоящемъ случаѣ я говорить не буду. Хотя это общее пониманіе также не вполнѣ, не во всѣхъ подробностяхъ сходится съ существующими другими общими пониманіями этого-же отрывка,—однако разница здѣсь все-таки не настолько существенна, чтобы тутъ нужны были какія-либо особыя разъясненія. Такимъ образомъ скажу только еще о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ настоящаго отрывка, которыя мнѣ не удалось разъяснить при самомъ моемъ переводѣ, именно, скажу еще о сравненіи Аристотелемъ здѣсь ума съ письменною доскою и о той-же вводной фразѣ *τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπτέον*. Что значитъ, что здѣсь Аристотель сравниваетъ разумъ съ письменною доскою? какъ слѣдуетъ понимать это сходство? Лучшее объясненіе далъ, какъ мнѣ кажется, этому сравненію Teichmüller. Именно Teichmüller въ своихъ Studien der Geschichte der Begriffe (см. Stud. der Gesch. der Begriffe Teichmüller'a стр. 477—479) хорошо разъяснилъ, что какого-либо особеннаго (напр. сенсуалистическаго) или вообще какихъ-либо особыхъ тонкостей въ этомъ сравненіи искать вовсе не слѣдуетъ. Всякій знаетъ, говоритъ Teichmüller, по собственному опыту письменныя доски, на которыхъ ничего не написано, до тѣхъ поръ пока кто-нибудь не напишетъ чего-нибудь на нихъ. Совершенно также и разумъ первоначально долженъ быть простою возможностью мыслей, пока, благодаря дѣйствительному мышленію, эти возможныя мысли не сдѣлаются дѣйствительными мыслями. Только это и находится, по Teichmüller'у, въ настоящемъ сравненіи. Дѣйствительно, такъ, какъ мнѣ кажется, и слѣдуетъ понимать это сравненіе, и такъ—по возможности просто, не придавая ему какого-либо особаго значенія—я и старался передать его въ самомъ моемъ переводѣ въ текстѣ. Не слѣдуетъ, какъ я думаю, искать чего-либо особеннаго и во вводномъ предложеніи *τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπτέον*. Предложеніе это на первый взглядъ кажется какъ будто нѣсколько страннымъ,—однако, посмотримъ ближе порядокъ изложенія, въ которомъ является оно. Аристотель говоритъ здѣсь о по преимуществу теоретическомъ, отвлеченномъ мышленіи, о такой мыслительной дѣятельности, въ которой познающее—разумъ и познаваемое въ сущности сливаются другъ съ другомъ, они находятся въ томъ-

ческаго сочиненія Аристотель, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ желалъ провести отличіе разумной способности отъ чувственной, желалъ показать, что природа разумной способности совершенно иная сравнительно съ природою чувственной,—но тамъ онъ скорѣе исходилъ изъ разсмотрѣнія, такъ сказать, вполнѣ сформировавшейся разумной способности, тамъ онъ исходилъ изъ разсмотрѣнія качествъ, которыя можно было наблюдать уже во вполнѣ готовомъ разумѣ. Однако, не можетъ ли здѣсь дать чего-либо разсмотрѣніе происхожденія, генезиса разума? не укажетъ ли и самый генезисъ разума на тоже отличіе его природы отъ природы чувственной способности? Этимъ то разсмотрѣніемъ происхожденія, генезиса разума Аристотель и занимается въ указанномъ мѣстѣ своего сочиненія «о происхожденіи животныхъ»,—и здѣсь онъ приходитъ къ тѣмъ-же самымъ результатамъ. Указавъ вначалѣ настоящей главы настоящаго сочиненія, что здѣсь между прочимъ вопросъ будетъ идти о томъ — когда́, ка́къ и отку́да появляются въ живомъ, одушевленномъ существѣ способности, какъ разъ характеризующія его одушевленность (души—по подлинной терминологіи Аристотеля), и отмѣтивъ трудность разрѣшенія этого вопроса именно по отношенію къ появленію разумной способности (разумной души),—далѣе Аристотель переходитъ къ самому разрѣшенію этого вопроса, и здѣсь относительно интересующихъ насъ—какъ разъ чувственной и разумной способностей подлинно онъ выражается слѣдующимъ образомъ. «Необходимо же, чтобы одушевленное существо имѣло всѣ души» (всѣ способности) «въ возможности прежде, чѣмъ оно будетъ имѣть ихъ въ дѣйствительности» (т. е. необходимо, чтобы одушевленное существо сначала было только способнымъ напр. чувственно познавать и разумно позна-

же умѣ. Если же они находятся въ томъ-же умѣ, то совершенно естественно является вопросъ—почему́ самый умъ, почему́ самое познающее существо не мыслитъ въ этомъ случаѣ постоянно? Этотъ вопросъ и задаетъ мимоходомъ Аристотель,—только такое, такъ сказать, мимоходное значеніе и имѣетъ настоящее вводное предложеніе. Съ этой точки зрѣнія вовсе не слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, особенно стараться узнать, что́ именно по существу значитъ это предложеніе и гдѣ искать отвѣта на него. Аристотель просто высказалъ настоящій вопросъ мимоходомъ, — и при такомъ мимоходномъ характерѣ предложеніе это—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется—оказывается совершенно на мѣстѣ.

вать, и только затѣмъ уже оно станетъ дѣйствительно пользоваться этими способностями). «И необходимо» (при такомъ предварительномъ существованіи душъ, способностей), продолжаетъ Аристотель, «чтобы онѣ» (эти души, эти способности) «всѣ или не существовали прежде и появлялись при самомъ рожденіи, или же существовали и прежде рожденія, или же чтобы однѣ изъ нихъ существовали до рожденія» (согласно съ дальнѣйшимъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть разумныя души, разумныя способности), «другія-же—нѣтъ» (души, за исключеніемъ разумной); «и появлялись бы при самомъ рожденіи эти души—или въ матеріи, въ веществѣ» (въ томъ, что дается женскимъ началомъ, что при рожденіи получается отъ матери), «не входя вмѣстѣ съ мужскимъ сѣменемъ, или входя туда» (въ матерію, въ вещество—въ даваемое при рожденіи матерью) «какъ разъ оттуда» (изъ мужскаго сѣмени — какъ разъ вмѣстѣ съ мужскимъ сѣменемъ); «и въ мужскомъ сѣмени необходимо, чтобы эти души появлялись извнѣ» (совершенно внѣшнимъ для самаго этого сѣмени образомъ)—«или всѣ, или ни одна, или нѣкоторыя появлялись бы такимъ внѣшнимъ образомъ, другія же—нѣтъ» (другими словами, формулируя всѣ эти Аристотелевскія предположенія наиболѣе краткимъ образомъ: необходимо, чтобы эти способности, характеризующія одушевленное существо, при такомъ своемъ предварительномъ существованіи, или существовали прежде — совершенно независимо отъ тѣла одушевленнаго существа и соединялись съ тѣломъ довольно внѣшнимъ, довольно механическимъ образомъ; или появленіе и развитіе этихъ способностей было бы весьма тѣсно связано съ рожденіемъ и развитіемъ тѣла одушевленнаго существа. Аристотель высказываетъ еще третье предположеніе, на которомъ, какъ мы отчасти уже и указали, онъ и остановится, — именно, онъ высказываетъ предположеніе, что, быть можетъ, однѣ изъ этихъ способностей являются по отношенію къ происхожденію тѣла одушевленнаго существа какъ разъ такими независимыми, другія-же—нѣтъ). Далѣе Аристотель переходитъ къ разбору всѣхъ этихъ предположеній. «Итакъ», указываетъ онъ далѣе, «что невозможно всѣмъ душамъ» (всѣмъ способностямъ) «существовать ранѣе» (совершенно независимымъ отъ тѣла одушевленнаго существа образомъ) «—это ясно изъ слѣдующаго. Относительно началъ,

осуществленіе дѣятельности которыхъ тѣлесно» (тѣсно связано съ тѣломъ), «ясно, что невозможно имъ существовать безъ тѣла, какъ напр. невозможно шагать безъ ногъ,—отсюда невозможно и всѣмъ душамъ входить» (въ одушевленное существо) «извнѣ. Ибо нельзя имъ» (душамъ) «входить извнѣ ни самимъ по себѣ» (совершенно самостоятельно, совершенно независимо отъ какого-либо тѣла), «такъ какъ онѣ» (по только что указанному) «неотдѣлимы» (очевидно отъ тѣла), «и нельзя имъ входить такимъ образомъ и въ какомъ-либо тѣлѣ: сѣмя» (мужское сѣмя, въ которомъ, по Аристотелю, и находятся начала одушевленности, начала различныхъ душъ, различныхъ способностей) «есть отбросъ измѣняющейся пищи» (т. е. хотя нѣкоторыя души и входятъ, по мнѣнію Аристотеля, въ зародышъ одушевленнаго существа вмѣстѣ съ мужскимъ сѣменемъ,—это вовсе не значитъ, что онѣ входятъ въ нѣкоторомъ тѣлѣ. Мужское сѣмя есть всетаки только отбросъ видоизмѣняющейся пищи, оно всетаки не можетъ быть названо вполнѣ самостоятельнымъ тѣломъ, — стало быть и относительно душъ, входящихъ въ зародышъ вмѣстѣ съ мужскимъ сѣменемъ, нельзя сказать, чтобы онѣ входили въ какомъ-либо совершенно самостоятельномъ опредѣленномъ тѣлѣ). Слѣдовательно, не всѣ души входятъ въ одушевленное существо, точнѣе въ зародышъ одушевленнаго существа такимъ внѣшнимъ, механическимъ образомъ. «Остается», продолжаетъ Аристотель, «чтобы только умъ входилъ извнѣ и имѣлъ божественную природу: ибо именно съ осуществленіемъ дѣятельности ума не имѣетъ, не должна имѣть ничего общаго тѣлесная дѣятельность» (дѣятельность тѣла),—и далѣе Аристотель развиваетъ подробнѣе, какимъ именно образомъ различныя души, различныя способности дѣйствительно входятъ въ зародышъ одушевленнаго существа вмѣстѣ съ мужскимъ сѣменемъ, что́ происходитъ при этомъ; и тутъ Аристотель опять таки, хотя вскользь, но всеже замѣчаетъ, что природа разума, разумной способности совершенно иная, разумъ соединяется съ зародышемъ, съ тѣломъ зародыша одушевленнаго существа совершенно внѣшнимъ, механическимъ образомъ [1]). Вотъ это послѣднее мѣсто,

[1]) De generat. animal. II, 3. 736 b. 15—29. *Πάσας γὰρ ἀναγκαῖον δυνάμει πρότερον ἔχειν ἢ ἐνεργείᾳ. ἀναγκαῖον δὲ ἤτοι μὴ οὔσας πρότερον ἐγγίνεσθαι*

мѣсто изъ сочиненія Аристотеля «о происхожденіи животныхъ», —и это мѣсто, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно доказываетъ тоже, что доказывалось и ранѣе, но доказываетъ нѣсколько съ иной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сравнительнаго разсмотрѣнія происхожденія различныхъ способностей, характеризующихъ одушевленное существо, Аристотель приходитъ теперь къ заключенію, что разумъ появляется въ одушевленномъ существѣ отличнымъ отъ другихъ способностей образомъ, —это значитъ конечно, что и съ точки зрѣнія происхожденія общая природа разума, по мнѣнію Аристотеля, совершенно иная сравнительно съ другими способностями, и въ частности съ чувственною способностью. Въ предыдущемъ, въ 4 ой главѣ III-ей книги De anima Аристотель ничего не говорилъ о происхожденіи разума, здѣсь же онъ какъ разъ вводитъ въ свои разсужденія и вопросъ объ этомъ происхожденіи. Эта-то

πάσας, ἢ πάσας προϋπαρχούσας, ἢ τὰς μὲν τὰς δὲ μή, καὶ ἐγγίνεσθαι ἢ ἐν τῇ ὕλῃ μὴ εἰσελθούσας ἐν τῷ τοῦ ἄρρενος σπέρματι, ἢ ἐνταῦθα μὲν ἐκεῖθεν ἐλθούσας, ἐν δὲ τῷ ἄρρενι ἢ θύραθεν ἐγγινομένας ἁπάσας ἢ μηδεμίαν ἢ τὰς μὲν τὰς δὲ μή. ὅτι μὲν τοίνυν οὐχ οἷόν τε πάσας προϋπάρχειν, φανερόν ἐστιν ἐκ τῶν τοιούτων. ὅσων γάρ ἐστιν ἀρχῶν ἡ ἐνέργεια σωματική, δῆλον ὅτι ταύτας ἄνευ σώματος ἀδύνατον ὑπάρχειν, οἷον βαδίζειν ἄνευ ποδῶν· ὥστε καὶ θύραθεν εἰσιέναι ἀδύνατον. οὔτε γὰρ αὐτὰς καθ' αὑτὰς εἰσιέναι οἷόν τε ἀχωρίστους οὔσας, οὔτ' ἐν σώματι εἰσιέναι· τὸ γὰρ σπέρμα περίττωμα μεταβαλλούσης τῆς τροφῆς ἐστίν. λείπεται δὲ τὸν νοῦν μόνον θύραθεν ἐπεισιέναι καὶ θεῖον εἶναι μόνον· οὐδὲν γὰρ αὐτοῦ τῇ ἐνεργείᾳ κοινωνεῖ σωματικὴ ἐνέργεια. Издатели и переводчики настоящаго сочиненія Аристотеля, Aubert и Wimmer, предлагаютъ нѣсколько исправленій по отношенію собственно къ греческому тексту настоящаго отрывка (см. въ изданіи De generatione animalium Aubert'a и Wimmer'a. Lpz. 1860, стр. 150—151 и примѣчанія),—однако, какъ указываютъ другіе ученые, занимавшіеся настоящимъ мѣстомъ (ср. напр. указанія Kampe въ его Die Erkenntnisstheor. des Aristot. прим. 1-е на стр. 9), исправленія эти не всегда оказываются вполнѣ необходимыми. Въ виду этого и я въ настоящемъ случаѣ не воспользовался ни однимъ изъ этихъ исправленій,—греческій текстъ настоящаго отрывка я привелъ, вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ придерживаясь Bekker'a. Далѣе, что касается смысла настоящаго отрывка, самаго предложеннаго перевода настоящаго мѣста, замѣчу, что здѣсь, какъ кажется, въ какихъ-либо дополнительныхъ замѣчаніяхъ особой нужды нѣтъ. Языкъ Аристотеля, правда, во всемъ этомъ отрывкѣ въ высшей степени неясенъ и неточенъ, распутать эту неясность отсюда требовало весьма большихъ усилій, —тѣмъ не менѣе, разъ переводъ сдѣланъ, вполнѣ можно понять, что̀ именно говоритъ здѣсь Аристотель; какихъ-либо отдѣльныхъ неясностей здѣсь нѣтъ.

новая черта, это введеніе вопроса о происхожденіи разума и является, какъ мнѣ кажется, особенно интереснымъ въ настоящемъ мѣстѣ: именно благодаря этому введенію настоящее мѣсто и оказывается какъ-бы дополненіемъ къ предыдущему, къ 4-ой главѣ III-ей книги главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля.

На этомъ мы можемъ уже окончательно покончить съ настоящимъ отдѣломъ: всѣ наиболѣе существенныя, наиболѣе важныя—по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію—мѣста для характеристики общаго пониманія самимъ Аристотелемъ природы разума въ настоящее время нами разсмотрѣны. Такимъ образомъ теперь мы оставимъ это общее опредѣленіе природы самаго органа разумнаго познанія у Аристотеля и перейдемъ къ дальнѣйшему. Мы перейдемъ къ разсмотрѣнію болѣе близкаго, болѣе спеціальнаго, какъ мы говорили, опредѣленія Ари-

---

Такимъ образомъ, въ настоящее время укажу еще, почему́ при пользованіи настоящимъ отрывкомъ я воспользовался именно только этимъ отрывкомъ, почему́ я не взялъ изъ этой-же 3-ей главы настоящаго сочиненія еще дальнѣйшаго. Дѣло въ томъ, что повидимому и въ непосредственно дальнѣйшемъ—почти во всей остающейся части этой-же главы этого-же сочиненія Аристотель говоритъ какъ будто совершенно о томъ-же самомъ; и нѣкоторые ученые (ср. напр. изложеніе Chaignet въ его Essai sur la psychologie d'Aristote, стр. 513—519; ср. также и изложеніе Brentano въ Die Psychologie des Aristot. стр. 200—202 и примѣч. 281), въ связи съ разсмотрѣніемъ приведеннаго отрывка, разсматриваютъ и это дальнѣйшее;—въ́ виду этого я и считаю нужнымъ въ настоящемъ примѣчаніи нѣсколько разъяснить, такъ сказать, мой образъ дѣйствія по отношенію къ приведенному отрывку. Я исходилъ изъ слѣдующихъ соображеній. Особенно важно для меня въ настоящемъ случаѣ было—показать, что, по мнѣнію Аристотеля, происхожденіе разумной души, разумной способности должно быть признано отличнымъ отъ происхожденія другихъ способностей, также характеризующихъ одушевленное существо. Но гдѣ сколько-нибудь опредѣленно говоритъ Аристотель о такомъ отличіи происхожденія разумной способности? Мнѣ казалось, что такая опредѣленность замѣчается именно только въ приведенной части, въ приведенномъ отрывкѣ,—и вотъ причина, почему я и удовольствовался только приведеннымъ отрывкомъ. Если бы для меня важно было разсмотрѣть подробно, каки́мъ образомъ вообще различныя души появляются въ зародышѣ одушевленнаго существа, я привелъ бы въ подлинникѣ и это дальнѣйшее, и слѣдующую часть настоящей главы, — въ настоящемъ же случаѣ я нашелъ возможнымъ ограничиться только приведенною частью. Но находя

стотелемъ разума,—именно къ разсмотрѣнію ученія Аристотеля о такъ называемыхъ *νοῦς ποιητικός* и *νοῦς παθητικός*.

2. *Νοῦς ποιητικός и νοῦς παθητικός по ученію Аристотеля* [1]).

Если бы мы въ настоящее время захотѣли свести къ немногимъ, наиболѣе общимъ положеніямъ то, что намъ удалось уже получить относительно вообще разумнаго познанія по Аристотелю, то эти, наиболѣе общія положенія, какъ мнѣ кажется, были бы слѣдующія. Аристотель до сихъ поръ несомнѣнно говорилъ о разумѣ съ общей стороны, онъ опредѣлялъ, такъ сказать, общую природу разума. Съ такой общей стороны Аристотель прежде всего находилъ въ разумѣ отличіе отъ чувствъ, отъ чувственной способности вообще: если о чувственной способности нельзя было и говорить, не имѣя въ виду тѣла познающаго существа, то разумъ оказывался совер-

---

такимъ образомъ, что въ этой слѣдующей, остающейся части настоящей главы ничего особенно существеннаго для развитія мнѣнія Аристотеля собственно о происхожденіи разума, разумной способности нѣтъ, я, тѣмъ не менѣе, совершенно не могу согласиться, чтобы въ этой слѣдующей части были какія-либо особыя трудности, какія-либо несоотвѣтствія съ остальнымъ содержаніемъ этой-же главы. Между прочимъ одинъ изъ только что названныхъ ученыхъ, Brentano, какъ разъ по отношенію къ тому мѣсту слѣдующей части настоящей же главы, въ которомъ, какъ я указываю въ текстѣ, Аристотель вскользь повторяетъ тоже мнѣніе объ отличномъ происхожденіи разумной способности, находитъ, что это мѣсто совершенно не соотвѣтствуетъ остальному содержанію этой-же главы,—и Brentano объявляетъ это мѣсто испорченнымъ и предлагаетъ въ греческомъ текстѣ его нѣкоторыя существенныя измѣненія. Воззрѣнія Brentano хорошо опровергаются Siebeck'омъ. Именно послѣ замѣчаній Siebeck'а (см. 24-ое примѣчаніе Siebeck'а въ концѣ его Gesch. der Psychol. I, 2—стр. 488—489) становится совершенно яснымъ, что никакой испорченности въ указанномъ мѣстѣ быть не можетъ,—указанное мѣсто вполнѣ сходится съ остальнымъ содержаніемъ этой-же главы этого-же сочиненія, и въ частности съ тою частью этой главы, которую я привелъ въ подлинникѣ и разобралъ теперь; это мѣсто на самомъ дѣлѣ оказывается повторяющимъ вскользь тоже мнѣніе Аристотеля объ особомъ, сравнительно съ другими способностями, происхожденіи разума.

[1]) Именно по отношенію къ изложенію ученія Аристотеля о *νοῦς ποιητικός* и *νοῦς παθητικός* мое предварительное замѣчаніе, которое я сдѣлалъ вначалѣ моихъ примѣчаній вообще къ главамъ изъ De anima, содержащимъ въ себѣ ученіе Аристотеля о разумномъ познаніи, имѣетъ особое значеніе:

шенно не связаннымъ съ тѣломъ. Разумъ не подверженъ никакимъ перемѣнамъ, видоизмѣненіямъ по Аристотелю—это и значило, что ему слѣдовало быть свободнымъ отъ тѣла. Далѣе Аристотель опредѣлялъ общимъ образомъ разумъ и съ болѣе положительной стороны: съ болѣе положительной стороны разумъ оказывался возможностью мыслимыхъ предметовъ. Это послѣднее опредѣленіе какъ будто сближало разумъ съ чувственною способностью, ибо и чувственная способность, самое чувственно познающее существо также содержало въ себѣ въ возможности чувственно познаваемое, — и однако, на самомъ дѣлѣ, и это опредѣленіе въ концѣ также служило къ тому-же совершенно особому положенію разумной способности. Нахожденіе чувственно познаваемаго въ возможности въ чувственной способности, въ самомъ чувственно познающемъ существѣ обусловливалось существеннымъ участіемъ въ чувственномъ познаніи того-же тѣла познающаго существа, оно обусловливалось непосредственнымъ вліяніемъ, оказываемымъ на тоже тѣло чувственно познающаго существа внѣшними чувственно

именно по отношенію къ этому спеціальному ученію Аристотеля существуетъ цѣлая литература различныхъ объясненій и толкованій, для добросовѣстнаго разсмотрѣнія которой потребовалось бы, быть можетъ, отдѣльное сочиненіе. Такимъ образомъ, въ настоящее время, приступая къ изложенію этого Аристотелевскаго ученія, я считаю вполнѣ умѣстнымъ опять таки повторить, что и здѣсь я буду слѣдовать тому-же порядку; и въ изложеніи этого ученія собственно существующую литературу объясненій я оставлю, и буду излагать настоящее ученіе, такъ сказать, довольно безотносительно. Однако, для желающихъ получить нѣкоторое представленіе и объ этой литературѣ замѣчу, что обозрѣніе существующихъ пониманій ученія Аристотеля о *νοῦς ποιητικός* и *νοῦς παθητικός* находится у Brentano (весь I Abschnitt въ Die Psych. des Aristot. стр. 1—36),—изъ сравнительно же новыхъ сочиненій—у Weber'a (въ De *οὐσίας* apud Aristotelem notione eiusque cognoscendae ratione—въ концѣ стр. 27—32). Точно также и Wallace (въ предисловіи къ своему изданію De anima—стр. CVII — CIX, и въ примѣчаніяхъ стр. 273) дѣлаетъ нѣсколько, правда въ высшей степени общихъ указаній на эту-же литературу. Затѣмъ укажу еще, что наиболѣе остроумными и вообще наиболѣе замѣчательными толкованіями настоящаго, дѣйствительно въ высшей степени труднаго ученія Аристотеля представлялись мнѣ толкованія того-же Wallace'a (см. въ томъ-же его предисловіи всю XI главу) и далѣе Siebeck'a (см. Gesch. der Psych. I, 2, стр. 63—72). Эти толкованія конечно не остались безъ вліянія и на все нижеслѣдующее, собственное мое изложеніе.

познаваемыми предметами, — между тѣмъ о подобномъ существенномъ участіи мыслимаго въ разумномъ познаніи, о подобномъ же непосредственномъ вліяніи мыслимаго на разумъ не могло быть и рѣчи; разумъ всетаки долженъ былъ оставаться довольно независимымъ по отношенію къ этому мыслимому. Однако послѣднее положеніе не могло не вызывать нѣкоторыхъ сомнѣній. Еще относительно наиболѣе отвлеченныхъ, наиболѣе абстрактныхъ понятій можно было допустить такую независимость разума, ибо такія наиболѣе отвлеченныя понятія дѣйствительно какъ будто находятся въ разумѣ и ранѣе, —но вѣдь разумъ вырабатываетъ не только такія наиболѣе отвлеченныя понятія, онъ можетъ мыслить и вообще окружающую дѣйствительность, а относительно, такъ сказать, элементовъ мышленія окружающей дѣйствительности конечно, повидимому, уже никоимъ образомъ нельзя утверждать, чтобы всѣ они находились въ самомъ разумѣ. Какъ же быть съ этимъ послѣднимъ затрудненіемъ, какъ же сохранить ту-же независимость, самостоятельность разума и по отношенію къ вырабатыванію разумомъ менѣе абстрактныхъ, болѣе конкретныхъ, болѣе, такъ сказать, матеріальныхъ понятій? Подобныя сомнѣнія появлялись у Аристотеля и ранѣе, и онъ, какъ мы видѣли, до нѣкоторой степени разрѣшалъ ихъ,—въ желаніи же разрѣшить тѣ-же самыя сомнѣнія и слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, искать ключа для пониманія ученія Аристотеля о такъ называемыхъ *νοῦς ποιητικός* и *νοῦς παθητικός*. Именно желаніемъ Аристотеля, какъ я думаю, показать еще яснѣе—какимъ образомъ можно принимать самостоятельность (самомышленіе по подлинной терминологіи Аристотеля) разума и въ тоже время признавать, что въ результатѣ дѣятельности разума какъ познавательной способности могутъ появляться такія болѣе матеріальныя понятія, понятія о вещахъ въ сущности внѣшнихъ для самого разума, и обусловливалось то, что къ непосредственно предыдущему, къ разсмотрѣнной уже нами 4-ой главѣ III-ей книги своего главнаго психологическаго сочиненія Аристотель прибавилъ еще 5-ую главу, прибавилъ главу, общее содержаніе которой обыкновенно характеризуется какъ ученіе Аристотеля о дѣятельномъ и страдательномъ разумѣ. Это ученіе отсюда не является чѣмъ-либо несвязаннымъ съ предыдущимъ,—оно оказывается только нѣкоторымъ развитіемъ непо-

средственно предыдущаго. Ученіе Аристотеля о дѣятельномъ и страдательномъ разумѣ дѣйствительно оказывается только болѣе частнымъ, болѣе спеціальнымъ опредѣленіемъ того-же самаго разума, природы того-же самаго разума, того-же *νοῦς*'а.

Разсмотримъ прежде всего самыя подлинныя разсужденія Аристотеля, касающіяся настоящаго ученія, разсмотримъ самыя подлинныя выраженія въ этой 5-ой главѣ III-ей книги De anima. «Такъ какъ», говоритъ подлинно Аристотель въ этой главѣ, «и во всей вообще природѣ существуетъ съ одной стороны матерія» (вещество) «для каждаго рода» (очевидно существующихъ предметовъ), — «и эта матерія», прибавляетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ, «есть то, что въ возможности содержитъ все то» (всѣ тѣ существующіе предметы),— «а съ другой стороны существуетъ причина и дѣятельный» (производящій) «принципъ для произведенія именно всего» (существующаго), «причемъ оба эти начала относятся другъ къ другу совершенно такъ-же, какъ напр. искусство производить» (какія-либо вещи) «относится къ самому матеріалу» (для произведенія этихъ вещей), «то необходимо, чтобы и въ душѣ» (конечно въ разумной душѣ) «существовали эти же различія. Такимъ-то образомъ и существуетъ съ одной стороны такой умъ, чтобы дѣлаться всѣмъ, съ другой же стороны—чтобы дѣлать» (производить) «все, какъ какая-либо» (положительная) «способность вродѣ свѣта,—ибо и свѣтъ», замѣчаетъ въ разъясненіе Аристотель, «нѣкоторымъ образомъ изъ цвѣтовъ, существующихъ въ возможности, дѣлаетъ дѣйствительные» (дѣйствительно познаваемые) «цвѣта. И этотъ» (послѣдній) «умъ», продолжаетъ Аристотель, «отдѣлимъ» (очевидно отъ тѣла), «безстрастенъ» (не подверженъ никакимъ перемѣнамъ, видоизмѣненіямъ) «и не смѣшанъ» (ни съ чѣмъ тѣлеснымъ же)—«находясь по своему существу въ постоянномъ осуществленіи своей дѣятельности. Ибо въ самомъ дѣлѣ», указываетъ здѣсь Аристотель, «всегда дѣятельное бываетъ почетнѣе» (стоитъ выше) «страдательнаго, и начало» (принципъ)—«почетнѣе матеріи» (вещества,—т. е. всѣ указанныя выше, еще въ предыдущей, 4-ой главѣ, такъ сказать, болѣе почетныя, сравнительно съ другими способностями, опредѣленія разума, разумной способности должны быть отнесены именно къ дѣятельному разуму, ибо, по общимъ воззрѣніямъ Аристотеля, дѣятельное

всегда должно быть поставлено выше страдательнаго). «Одно и тоже», развиваетъ Аристотель настоящее ученіе далѣе, «дѣйствительное знаніе съ своимъ объектомъ» (съ самымъ познаваемымъ предметомъ), «знаніе же въ возможности въ отдѣльномъ индивидуумѣ по времени прежде» (чѣмъ дѣйствительное знаніе), «вообще же» (не въ отдѣльномъ индивидуумѣ) «не прежде и по времени, но именно относительно вообще разума» (конечно относительно дѣятельнаго же разума, ибо рѣчь здѣсь идетъ всеже о дѣятельномъ разумѣ) «нельзя сказать, чтобы онъ въ одно время мыслилъ» (познавалъ), «въ другое же—нѣтъ» (дѣятельный разумъ по самому существу, по самому опредѣленію своему долженъ находиться въ постоянной дѣятельности, хотя эта постоянная дѣятельность въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, въ отдѣльныхъ людяхъ какъ будто не замѣтна; относительно отдѣльныхъ людей кажется, что они не постоянно дѣйствительно мыслятъ). «Только по отдѣленіи» (отъ тѣла), указываетъ еще Аристотель очевидно въ соотвѣтствіи съ только что высказаннымъ, «дѣятельный разумъ есть то именно, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, и это есть нѣчто безсмертное и вѣчное. Объ этомъ безсмертномъ и вѣчномъ мы и не вспоминаемъ, такъ какъ дѣятельный разумъ безстрастенъ» (не подверженъ никакимъ перемѣнамъ, вліяніямъ),—«страдательный же разумъ преходящъ и безъ дѣятельнаго ничего не можетъ мыслить» [1]).

---

[1]) De anima III, 5. 430 a. 10 — 25. *Ἐπεὶ δ' ὥσπερ ἐν ἁπάσῃ τῇ φύσει ἐστί τι τὸ μὲν ὕλη ἑκάστῳ γένει (τοῦτο δὲ ὃ πάντα δυνάμει ἐκεῖνα), ἕτερον δὲ τὸ αἴτιον καὶ ποιητικόν, τῷ ποιεῖν πάντα, οἷον ἡ τέχνη πρὸς τὴν ὕλην πέπονθεν, ἀνάγκη καὶ ἐν τῇ ψυχῇ ὑπάρχειν ταύτας τὰς διαφοράς. καὶ ἔστιν ὁ μὲν τοιοῦτος νοῦς τῷ πάντα γίνεσθαι, ὁ δὲ τῷ πάντα ποιεῖν, ὡς ἕξις τις, οἷον τὸ φῶς· τρόπον γάρ τινα καὶ τὸ φῶς ποιεῖ τὰ δυνάμει ὄντα χρώματα ἐνεργείᾳ χρώματα. καὶ οὗτος ὁ νοῦς χωριστὸς καὶ ἀπαθὴς καὶ ἀμιγὴς τῇ οὐσίᾳ ὢν ἐνεργείᾳ. ἀεὶ γὰρ τιμιώτερον τὸ ποιοῦν τοῦ πάσχοντος καὶ ἡ ἀρχὴ τῆς ὕλης. τὸ δ' αὐτό ἐστιν ἡ κατ' ἐνέργειαν ἐπιστήμη τῷ πράγματι· ἡ δὲ κατὰ δύναμιν χρόνῳ προτέρα ἐν τῷ ἑνί, ὅλως δὲ οὐ χρόνῳ· ἀλλ' οὐχ ὅτε μὲν νοεῖ ὅτε δ' οὐ νοεῖ. χωρισθεὶς δ' ἐστὶ μόνον τοῦθ' ὅπερ ἐστί, καὶ τοῦτο μόνον ἀθάνατον καὶ ἀΐδιον. οὐ μνημονεύομεν δέ, ὅτι τοῦτο μὲν ἀπαθές, ὁ δὲ παθητικὸς νοῦς φθαρτός, καὶ ἄνευ τούτου οὐθὲν νοεῖ.* Что касается собственно до греческаго текста настоящей главы, то этотъ текстъ я привожу, вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ придерживаясь Bekker'a; никакихъ.

Вотъ собственно подлинныя разсужденія Аристотеля въ этой 5-ой главѣ III-ей книги, вотъ какъ подлинно излагаетъ самъ Аристотель настоящее ученіе. Что же заключается въ этомъ ученіи по существу? ка́къ, такъ сказать, перевести всѣ эти подлинныя выраженія Аристотеля на болѣе общепонятный языкъ? Прежде всего совершенно очевидно, что здѣсь Аристотель дѣйствительно предлагаетъ до нѣкоторой степени новое, и притомъ болѣе спеціальное ученіе, ибо ни о какомъ дѣятельномъ и страдательномъ разумѣ ранѣе не было и помину; Ари-

---

даже несущественныхъ въ греческомъ текстѣ настоящей главы сравнительно съ Bekker'омъ измѣненій я не принимаю. Однако существуетъ одно исправленіе настоящаго Bekker'овскаго текста, предлагаемое Torstrik'омъ,—и въ виду того, что это исправленіе защищается многими весьма авторитетными учеными (можно сказать, что половина ученыхъ, занимавшихся вообще настоящею главою De anima, принимаютъ это исправленіе), я считаю нужнымъ сказать о немъ въ настоящемъ примѣчаніи нѣсколько словъ. Дѣло идетъ о томъ—ка́къ слѣдуетъ читать фразу *ἀλλ' οὐχ ὅτε μὲν νοεῖ ὅτε δ' οὐ νοεῖ*? Какъ разъ Torstrik предлагаетъ выпустить первое отрицаніе *οὐχ*, онъ предлагаетъ читать просто *ἀλλ' ὅτε μὲν νοεῖ* и т. д.,—и онъ основывается при такомъ исправленіи главнымъ образомъ на будто бы противорѣчіи Bekker'овскаго чтенія данной фразы съ фразою еще въ концѣ предыдущей, 4-ой главы, именно съ вводною, какъ мы ее назвали фразою—*τοῦ δὲ μὴ ἀεὶ νοεῖν τὸ αἴτιον ἐπισκεπτέον* (см. у Torstrik'а въ текстѣ его изданія стр. 92 и въ примѣч. стр. 184—190). По поводу этого соображенія Torstrik'а слѣдуетъ замѣтить, что конечно связь настоящей, 5-ой главы съ указанною вводною фразою изъ 4-ой совершенно несомнѣнна, даже болѣе того, какъ между прочимъ указываетъ Wallace (ср. примѣчанія Wallace'а въ его изданіи De anima стр. 272), настоящая 5-ая глава въ сущности содержитъ въ себѣ между прочимъ отвѣтъ на вопросъ, заключающійся въ указанной вводной фразѣ,—но все это, тѣмъ не менѣе, вовсе не даетъ никакихъ основаній видѣть въ Bekker'овскомъ чтеніи приведенной фразы указаннаго противорѣчія. Torstrik очевидно принимаетъ подлежащимъ въ нашей фразѣ главнымъ образомъ *νοῦς παθητικός*—страдательный, человѣческій разумъ,—но почему не принять за подлежащее исключительно дѣятельнаго разума? Если же мы примемъ за подлежащее исключительно дѣятельный разумъ (такъ собственно разъясняетъ Wallace, я такимъ образомъ въ чтеніи и пониманіи приведенной фразы вполнѣ слѣдую за Wallace'омъ—ср. тѣ-же, цитированныя выше, примѣчанія Wallace'а), то никакого даже и намека на противорѣчіе не будетъ, и съ другой стороны и все непосредственно слѣдующее окажется вполнѣ послѣдовательнымъ. Вотъ наиболѣе важное изъ существующихъ вообще исправленій собственно Bekker'овскаго греческаго текста настоящей главы,

стотель, стало быть, здѣсь дѣйствительно развиваетъ свое ученіе вообще о разумѣ, о разумномъ познаніи. Далѣе, какъ излагаетъ это свое ученіе Аристотель, какъ говоритъ онъ объ этихъ дѣятельномъ и страдательномъ разумахъ? Не менѣе очевидно, что главное вниманіе Аристотель обращаетъ на дѣятельный разумъ: дѣятельный разумъ онъ собственно и опредѣляетъ, относительно же страдательнаго разума онъ дѣлаетъ только нѣсколько самыхъ общихъ указаній, онъ указываетъ, что страдательный разумъ преходящъ—болѣе, такъ сказать,

---

и вотъ въ общихъ чертахъ основанія, по которымъ я всетаки и здѣсь не нашелъ возможнымъ уклониться отъ Bekker'a (замѣчу впрочемъ, что и при чтеніи Torstrik'a можно получить смыслъ и вообще переводъ, довольно близкій къ предложенному мною въ моемъ текстѣ: примѣръ такого перевода можно видѣть въ переводѣ настоящей же фразы Siebeck'a—ср. Gesch. der Psych, Siebeck'a I, 2, стр. 64). Далѣе, дѣлать какія-либо другія дополнительныя замѣчанія къ переводу настоящей главы я не буду. Уже при самомъ переводѣ я сдѣлалъ нѣсколько разъясненій, — эти разъясненія, какъ мнѣ кажется, совершенно уясняютъ какъ мое пониманіе общаго хода мыслей самого Аристотеля въ настоящемъ ученіи, такъ и мое пониманіе отдѣльныхъ выраженій въ настоящей главѣ. Единственное, что, быть можетъ, остается какъ будто несовсѣмъ яснымъ—по крайней мѣрѣ на первый взглядъ—это-сравненіе Аристотеля вначалѣ дѣятельнаго разума со свѣтомъ. Дѣйствительно на первый взглядъ можетъ показаться всетаки непонятнымъ—какимъ образомъ свѣтъ можно назвать положительною способностью, какая всетаки можетъ быть аналогія у свѣта съ дѣятельнымъ разумомъ? Такъ можетъ показаться на первый взглядъ,—и однако если мы припомнимъ подлинное ученіе Аристотеля о свѣтѣ какъ дѣятелѣ при познаніи цвѣтовъ, если мы припомнимъ наше изложеніе теоріи Аристотеля образованія зрительныхъ ощущеній (ср. въ нашемъ изложеніи 2-го отдѣла нашей I-ой главы особенно стр. 85—94), всѣ эти неясности должны будутъ исчезнуть. Вѣдь какъ бы то ни было, но свѣтъ всетаки былъ весьма существеннымъ, и притомъ именно положительнымъ дѣятелемъ при познаніи цвѣтовъ, безъ свѣта цвѣта всетаки не могли быть видимыми, дѣйствительно познаваемыми,—уже съ точки зрѣнія такого свойства свѣта Аристотель могъ привлечь его къ настоящему сравненію. И дѣятельный разумъ, утверждаетъ Аристотель, также принимаетъ весьма существенное участіе при образованіи вообще разумнаго познанія, и дѣятельный разумъ по отношенію къ образованію вообще разумнаго познанія во всякомъ случаѣ долженъ играть, такъ сказать, положительную роль: такимъ-то образомъ—даже только имѣя въ виду указанное свойство свѣта Аристотель и могъ сравнить дѣятельный разумъ со свѣтомъ.

связанъ съ природой человѣка вообще, и затѣмъ, что онъ вполнѣ зависитъ отъ дѣятельнаго. Между прочимъ это преимущественное вниманіе, оказываемое Аристотелемъ дѣятельному разуму, требуетъ того, чтобы на немъ остановиться. Въ самомъ дѣлѣ, почему Аристотель такъ настаиваетъ на дѣятельности разума? Особенно оттѣнять дѣятельность разума очевидно слѣдовало только въ томъ случаѣ, если этой дѣятельности что-либо угрожало,—такимъ-то образомъ, уже и на основаніи общаго хода изложенія Аристотеля въ настоящей главѣ, нельзя, какъ мнѣ кажется, не прійти къ заключенію, что здѣсь Аристотель старается выставить ту-же самостоятельность, тоже самомышленіе разума, и конечно старается выставить, имѣя въ виду могущія быть возраженія, имѣя въ виду вырабатываніе разумомъ болѣе матеріальныхъ, болѣе, повидимому, зависящихъ отъ собственно внѣшней разуму дѣйствительности понятій. Аристотель какъ будто видитъ, что самостоятельность разума, обнаруженіе въ немъ только дѣятельности уже не такъ ясны, что по поводу этой самостоятельности въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ возникнуть сомнѣнія,—имѣя въ виду такія сомнѣнія, онъ и старается оттѣнить здѣсь дѣятельность разума, и говоритъ главнымъ образомъ о дѣятельномъ разумѣ. Разъ же мы станемъ на такую общую точку зрѣнія, разъ мы согласимся, что съ общей точки зрѣнія Аристотель на самомъ дѣлѣ главнымъ образомъ защищаетъ здѣсь ту-же самостоятельность, тоже самомышленіе разума,—и самая частная послѣдовательность мыслей Аристотеля въ настоящей главѣ его главнаго психологическаго сочиненія станетъ для насъ совершенно ясною. Дѣйствительно, такъ сказать, картина, которую рисуетъ здѣсь Аристотель, будетъ слѣдующая. Путемъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній, путемъ соображеній о существованіи вообще въ природѣ, въ существующихъ вещахъ дѣятельнаго и страдательнаго принциповъ, Аристотель приходитъ къ такой характеристикѣ вообще разума и въ частности человѣческаго разума. Собственно разумъ, разумъ въ своей истинной сущности, какъ-бы говоритъ Аристотель, есть нѣчто божественное, нѣчто превосходящее человѣческую природу; это превосходство разума главнымъ образомъ выражается въ томъ, что истинный разумъ находится въ постоянной дѣятельности, относительно истиннаго разума нельзя сказать, чтобы онъ въ

одно время мыслилъ, въ другое-же — нѣтъ, но онъ постоянно мыслитъ. Въ отношеніи же къ человѣческому существу, къ отдѣльному человѣку, продолжаетъ Аристотель, эта чистота разума уже не можетъ сохраниться, по отношенію къ отдѣльному человѣку его разумъ является нѣсколько въ иномъ видѣ. Въ отдѣльномъ человѣкѣ уже замѣчаются перерывы мыслительной дѣятельности, въ отдѣльномъ человѣкѣ уже можно различить возможность мышленія и самое дѣйствительное мышленіе,—это показываетъ, что въ отдѣльномъ человѣкѣ разумъ не будетъ только дѣятельнымъ, но онъ будетъ и страдательнымъ. Но что значитъ, можно спросить теперь, эта страдательность человѣческаго разума? значитъ ли это, что человѣческій разумъ есть нѣчто отличное отъ того истиннаго, дѣятельнаго разума? На эти вопросы Аристотель отвѣчаетъ утвержденіемъ полной связи между указанными дѣятельнымъ и страдательнымъ разумами; даже болѣе того — онъ отвѣчаетъ утвержденіемъ, что и въ страдательномъ разумѣ собственно дѣйствуетъ тотъ-же истинный, дѣятельный разумъ. Хотя человѣческій, скорѣе страдательный разумъ, говоритъ Аристотель, преходящъ, хотя мы, люди, въ нашей человѣческой жизни даже не имѣемъ никакого представленія (не вспоминаемъ—какъ подлинно выражается Аристотель) о постоянной мыслительной дѣятельности истиннаго, дѣятельнаго разума,—тѣмъ не менѣе, разъ даже и страдательный разумъ начнетъ мыслить, въ немъ мыслитъ, дѣйствуетъ тотъ-же дѣятельный разумъ (безъ дѣятельнаго страдательный разумъ ничего не можетъ мыслить—говоритъ подлинно Аристотель). Все, стало быть, что ни мыслитъ человѣкъ, онъ мыслитъ тѣмъ-же дѣятельнымъ, истиннымъ разумомъ,—и самостоятельность, самомышленіе разума остается въ полной своей силѣ. Такъ можно истолковать частную послѣдовательность мыслей Аристотеля въ настоящемъ ученіи, имѣя въ виду вышеуказанную общую точку зрѣнія,—и не трудно согласиться, что эта частная послѣдовательность на самомъ дѣлѣ является совершенно ясною, отдѣльныя фразы Аристотеля въ настоящей главѣ оказываются дѣйствительно вполнѣ послѣдовательными. Въ концѣ опять таки приходится повторить, что Аристотель главнымъ образомъ имѣетъ здѣсь въ виду еще яснѣе установить ту-же, сравнительную съ другими познавательными способностями самостоятельность разу-

ма; страдательный разумъ оказывается такимъ же сравнительно самостоятельнымъ познавательнымъ органомъ, онъ оказывается только менѣе совершенною, болѣе человѣческою стороною того-же истиннаго, въ полномъ смыслѣ слова дѣятельнаго разума.

Этимъ мы и ограничимся въ изложеніи настоящаго спеціальнаго ученія Аристотеля, также касающагося природы разума. Собственно въ психологическомъ сочиненіи нашего автора, въ сочиненіи De anima, мы не найдемъ ничего болѣе, что, такъ сказать, формально трактовало бы относительно дѣятельнаго и страдательнаго разумовъ,—это и позволяетъ намъ въ настоящемъ случаѣ удовольствоваться только разсмотрѣннымъ. Теперь пойдемъ далѣе.

3. Ученіе Аристотеля о самомъ процессѣ образованія разумныхъ познаній.

Въ настоящее время мы вполнѣ познакомились съ опредѣленіемъ самого Аристотеля, такъ сказать, общей сущности разума, мы вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ познакомились съ тѣмъ, какъ понимаетъ самъ Аристотель разумъ какъ общую познавательную способность. Однако разсмотрѣнныхъ ученій, какъ это можно видѣть и при довольно поверхностномъ взглядѣ, всетаки еще далеко недостаточно. Положимъ, что мы знаемъ въ настоящее время, что̀ такое разумъ вообще по Аристотелю, положимъ, что мы знаемъ, также въ общихъ чертахъ, и какъ совершается мышленіе, разумное познаніе, — но мы совершенно не знаемъ другой стороны, между тѣмъ знать эту другую сторону — это ясно именно и при поверхностномъ взглядѣ—совершенно необходимо. Все, что мы знаемъ относительно разума по Аристотелю, касается какъ разъ, такъ сказать, внутренней стороны, но мы не имѣемъ никакого понятія о сторонѣ конкретной, мы не имѣемъ никакого понятія о томъ —какъ же съ чисто внѣшней, именно конкретной стороны происходитъ въ человѣкѣ мышленіе, какъ съ этой внѣшней стороны въ немъ образуются разумныя познанія? Разсмотрѣніемъ этихъ-то конкретныхъ ученій Аристотеля, касающихся образованія разумныхъ познаній, мы и займемся теперь: это я и озаглавливаю какъ «ученіе Аристотеля о самомъ процессѣ образованія разумныхъ познаній». При этомъ, какъ я уже

отчасти и указалъ вначалѣ настоящей III-ей главы, указанія на такую конкретную сторону, на самый процессъ образованія разумныхъ познаній находятся въ слѣдующихъ, остающихся главахъ главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля, также касающихся воззрѣній Аристотеля на разумъ въ его по преимуществу теоретической дѣятельности, въ главахъ 6—8 III-ей книги этого сочиненія: мы, такимъ образомъ, прежде всего разсмотримъ въ подлинникѣ наиболѣе существенныя мѣста изъ этихъ остающихся главъ. Затѣмъ, къ этому разсмотрѣнію мы прибавимъ еще разсмотрѣніе всей второй части 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики. Дѣло въ томъ, что въ названныхъ главахъ De anima Аристотель трактуетъ о разумномъ познаніи главнымъ образомъ съ точки зрѣнія разумнаго же познанія; отношеній разума какъ познавательной способности къ другимъ познавательнымъ способностямъ, и въ частности къ чувственной здѣсь онъ мало еще касается;— наоборотъ, въ указанномъ мѣстѣ Второй Аналитики мы какъ разъ найдемъ и такія отношенія. Вообще съ 19-ою главою 2-ой книги Второй Аналитики мы уже знакомы, съ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ фразъ изъ первой части этой главы мы начали наши предшествующія I-ую и II-ую главы, и мы видѣли, что общимъ образомъ содержаніе этой главы можно было охарактеризовать какъ нѣкоторое изображеніе Аристотелемъ картины происхожденія вообще нашихъ, человѣческихъ знаній, — это-то общее содержаніе и показываетъ, что и во второй части этой главы, гдѣ Аристотель преимущественно говоритъ о разумѣ, связь разума съ другими познавательными способностями и связь разумныхъ знаній съ другими знаніями будутъ вполнѣ явственны. Разсмотрѣніе указаннаго мѣста изъ Второй Аналитики въ данной послѣдовательности— какъ разъ въ концѣ разсмотрѣнія ученія Аристотеля вообще о разумномъ познаніи, а, стало быть, и въ концѣ разсмотрѣнія всѣхъ его собственно познавательныхъ ученій, будетъ удобно для насъ еще и въ другомъ, скорѣе, такъ сказать, внѣшнемъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, собственно съ разсмотрѣнія первой части названной 19-ой главы мы, какъ мы говоримъ, начали наши предыдущія главы, — изложеніе предыдущихъ главъ, предыдущее наше изложеніе слѣд. мы вели, именно исходя изъ этой 19-ой главы 2-ой кни-

ги Второй Аналитики. Отсюда, если мы привлечемъ эту-же 19-ую главу и къ концу, къ концу изложенія собственно познавательныхъ ученій Аристотеля,—это конечно будетъ вполнѣ умѣстно; отъ такого привлеченія внѣшность нашего изложенія конечно безспорно выиграетъ. Итакъ, начнемъ съ разсмотрѣнія остающихся главъ изъ De anima, и прежде всего съ разсмотрѣнія непосредственно слѣдующей, 6-ой главы III-ей книги этого сочиненія.

О чемъ же собственно трактуетъ эта глава? какъ въ общихъ чертахъ можно охарактеризовать частныя ученія Аристотеля, заключающіяся въ этой главѣ? Разрѣшенію этихъ вопросовъ поможетъ разсмотрѣніе самыхъ первыхъ строкъ настоящей главы, такъ сказать, введенія въ эту главу. Именно когда мы познакомимся съ этими первыми строками,—намъ станетъ совершенно ясно, какія какъ разъ конкретныя ученія, касающіяся вообще разумныхъ познаній, предлагаетъ во всей настоящей главѣ Аристотель. «Мышленіе о недѣлимомъ» (вообще единичномъ), говоритъ въ этихъ первыхъ строкахъ Аристотель, «вращается въ такой сферѣ, гдѣ не можетъ быть ошибки, — гдѣ же», продолжаетъ Аристотель, «встрѣчается и ошибка и истинное, тамъ уже существуетъ нѣкоторое соединеніе понятій, какъ будто бы они были нѣчто единое, какъ говорилъ и Эмпедоклъ — головы многихъ выросли безъ шей» (это — подлинныя слова Эмпедокла), «затѣмъ онѣ соединяются» (очевидно съ шеями) «благодаря дѣйствію любви» (любовь, какъ извѣстно, играетъ роль одного изъ, такъ сказать, наиболѣе существенныхъ мірообразующихъ принциповъ у Эмпедокла). «Такимъ-же образомъ», пользуется Аристотель приведеннымъ сравненіемъ, «и эти понятія, будучи» (сначала) «раздѣлены», (затѣмъ) «соединяются, какъ это напр. имѣетъ мѣсто съ понятіемъ несоизмѣримаго и понятіемъ діагонали» (діагональ извѣстнаго параллелограмма, именно квадрата, хочетъ сказать здѣсь Аристотель, несоизмѣрима, очевидно несоизмѣрима съ самымъ квадратомъ, точнѣе, съ сторономъ квадрата; понятія несоизмѣримаго и діагонали отсюда, строго говоря, дѣйствительно раздѣльны другъ съ другомъ;—тѣмъ не менѣе, мы всетаки можемъ сказать, что «діагональ несоизмѣрима», мы, стало быть, впослѣдствіи всетаки соединяемъ эти два въ сущности отдѣльныхъ понятія). «Если же», продол-

жаетъ Аристотель, «мышленіе будетъ касаться понятій прошедшихъ или имѣющихъ произойти, тотъ, кто мыслитъ эти понятія, примысливаетъ и время, и такимъ образомъ составляетъ соединеніе. Ошибка», повторяетъ Аристотель, «именно имѣетъ мѣсто въ соединеніи: ибо въ самомъ дѣлѣ, и тотъ, кто называетъ бѣлое небѣлымъ, присоединяетъ понятіе небѣлаго къ бѣлому. Можно же», замѣчаетъ тутъ еще Аристотель, «назвать все это» (всѣ указанныя комбинаціи — собственно указанные виды соединенія) «и раздѣленіемъ» (соединеніе и раздѣленіе представляютъ собою два совершенно дополняющихъ другъ друга, два совершенно коррелятивныхъ понятія: эта-то коррелятивность этихъ двухъ понятій и даетъ Аристотелю поводъ сдѣлать еще настоящее замѣчаніе). Но какъ бы то ни было», какъ-бы резюмируетъ Аристотель все непосредственно предшествующее, «всетаки слѣдуетъ, что ошибка или истина будетъ заключаться не только въ томъ» (не въ такомъ только соединеніи), «что» (напр.) «Клеонъ бѣлъ, но и въ томъ, что онъ былъ или будетъ бѣлъ. А то, что дѣлаетъ все это единымъ» (въ силу чего въ концѣ концовъ и производятся всѣ эти виды соединенія), «—это во всякомъ случаѣ есть умъ» [1]).

---

[1]) De anima III, 6. 430 a. 26—b. 5. *Ἡ μὲν οὖν τῶν ἀδιαιρέτων νόησις ἐν τούτοις, περὶ ἃ οὐκ ἔστι τὸ ψεῦδος· ἐν οἷς δὲ καὶ τὸ ψεῦδος καὶ τὸ ἀληθές, σύνθεσίς τις ἤδη νοημάτων ὥσπερ ἓν ὄντων, καθάπερ Ἐμπεδοκλῆς ἔφη «ᾗ πολλῶν μὲν κόρσαι ἀναύχενες ἐβλάστησαν», ἔπειτα συντίθεσθαι τῇ φιλίᾳ. οὕτω καὶ ταῦτα κεχωρισμένα συντίθεται, οἷον τὸ ἀσύμμετρον καὶ ἡ διάμετρος. ἂν δὲ γενομένων ἢ ἐσομένων, τὸν χρόνον προσεννοῶν καὶ συντιθείς. τὸ γὰρ ψεῦδος ἐν συνθέσει ἀεί· καὶ γὰρ ἂν τὸ λευκὸν μὴ λευκόν, τὸ μὴ λευκὸν συνέθηκεν. ἐνδέχεται δὲ καὶ διαίρεσιν φάναι πάντα. ἀλλ' οὖν ἔστι γε οὐ μόνον τὸ ψεῦδος ἢ ἀληθές, ὅτι λευκὸς Κλέων ἐστίν, ἀλλὰ καὶ ὅτι ἦν ἢ ἔσται. τὸ δὲ ἓν ποιοῦν, τοῦτο ὁ νοῦς ἕκαστον.* Особенно много исправленій сравнительно съ приведеннымъ (собственно Bekker'овскимъ) греческимъ текстомъ настоящаго отрывка предлагаетъ Torstrik (см. въ изданіи Torstrik'a De anima все начало его комментарій къ настоящей 6-ой главѣ III-ей книги—стр. 190—192),—однако, какъ указываетъ Vahlen въ своей статьѣ, именно направленной противъ разсужденій Torstrik'a по поводу настоящаго отрывка (см. статью Vahlen'a «Ueber eine Stelle in Aristoteles' Schrift von der Seele» въ 71-мъ томѣ Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlich. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1872.—стр. 419 — 433), исправленія эти, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не такъ уже необходимы; и самъ Vahlen устраняетъ почти всѣ ихъ.

Вотъ первыя строки настоящей, 6-ой главы, вотъ, какъ мы говоримъ, введеніе въ эту главу, и, несмотря на нѣкоторую отрывочность и какъ будто несвязность подлинныхъ Аристотелевскихъ фразъ въ этомъ введеніи, всетаки непосредственный смыслъ этихъ фразъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее содержаніе настоящей главы, какъ мнѣ кажется, уже и въ настоящее время дѣйствительно совершенно ясны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно передать болѣе связнымъ образомъ непосредственный смыслъ приведенныхъ первыхъ строкъ? Мнѣ кажется, такой непосредственный смыслъ этихъ первыхъ строкъ будетъ слѣдующій. Въ настоящемъ введеніи Аристотель оче-

---

Единственное исправленіе Torstrik'a въ обыкновенномъ (собственно Bekker'овскомъ) греческомъ текстѣ настоящаго отрывка, которое принимается Vahlen'омъ и которое, между прочимъ, приведено и мною выше, заключается въ перемѣнѣ настоящаго причастія *γινομένων* на прошедшее *γενομένων* во фразѣ *ἂν δὲ γενομένων ἢ ἐσομένων, τὸν χρόνον προσεννοῶν καὶ συντιθείς*: тутъ, какъ въ сущности указываетъ Vahlen, прошедшее время дѣйствительно умѣстнѣе, ибо вся фраза направлена на указаніе особаго вида соединенія, обусловливающагося временемъ, а такое, такъ сказать, временное соединеніе конечно не можетъ быть особенно замѣтно въ настоящемъ времени. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, уже въ достаточной степени ясно, чьимъ именно указаніямъ я слѣдовалъ въ чтеніи и вообще распланировкѣ собственно греческаго текста настоящаго начала этой 6-ой главы,—это очевидно главнымъ образомъ были указанія Vahlen'а; статьѣ Vahlen'а я весьма много обязанъ какъ въ чтеніи, такъ и въ самомъ пониманіи настоящаго начала. Однако, указывая такую свою зависимость отъ Vahlen'а, я, тѣмъ не менѣе, не могу всетаки не замѣтить, что принять вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ его разсужденія я всетаки не могъ. Уже не говоря о нѣкоторыхъ, менѣе существенныхъ видоизмѣненіяхъ, которыя всетаки предлагаются и Vahlen'омъ (сравнительно съ обыкновеннымъ, Bekker'овскимъ текстомъ Vahlen очень часто видоизмѣняетъ интерпункцію, знаки препинанія),—есть еще одно мѣсто, въ самомъ чтеніи котораго я совершенно не могу согласиться съ Vahlen'омъ. Именно, Vahlen, исходя изъ того положенія (которое онъ между прочимъ высказываетъ противъ Trendelenburg'а), что во фразѣ *καὶ γὰρ ἂν τὸ λευκὸν μὴ λευκόν, τὸ μὴ λευκὸν συνέθηκεν* слѣдуетъ не вычеркивать какія-либо слова, а наоборотъ вставлять, читаетъ эту фразу такъ —*καὶ γὰρ ἂν τὸ λευκὸν μὴ λευκὸν καὶ λευκὸν* (эти слова *καὶ λευκὸν* очевидно вставлены) *τὸ μὴ λευκόν, συνέθηκεν*,—я же, слѣдуя Wallace'у (ср. въ примѣчаніяхъ Wallace'а въ его изданіи стр. 275), остаюсь при обыкновенномъ, Bekker'овскомъ чтеніи. Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ и Wallace, положи-

видно дѣйствительно переходитъ къ болѣе конкретнымъ ученіямъ, касающимся разумныхъ познаній, и, переходя къ такимъ ученіямъ, онъ прежде всего указываетъ, что разумное познаніе, мышленіе съ конкретной стороны можетъ быть—или мышленіемъ недѣлимаго, единичнаго, собственно понятіемъ, или же, кромѣ того, оно можетъ быть и нѣкоторою комбинаціею, нѣкоторымъ соединеніемъ отдѣльныхъ, единичныхъ понятій. Относительно второго изъ этихъ указанныхъ видовъ можетъ какъ-бы явиться вопросъ, почему̀ слѣдуетъ допустить еще этотъ второй видъ, — и Аристотель очевидно исходитъ при

тельно нѣтъ никакихъ основаній видоизмѣнять обыкновенный, Bekker'овскій текстъ. Vahlen'у очевидно очень хочется совершенно отдѣлить отъ всего предыдущаго глаголъ *συνέθηκεν* и придать этому глаголу вполнѣ самостоятельный смыслъ,—если же соединить *συνέθηκεν* съ *τὸ μὴ λευκόν*, и если затѣмъ *καὶ γὰρ ἂν τὸ λευκὸν μὴ λευκόν* дополнить легко дополнимыми *λέγῃ* или *νοῇ*—такъ между прочимъ и разъясняетъ Wallace—, то именно не останется никакихъ даже поводовъ къ необходимости дополненій, и все будетъ совершенно ясно. Таково то, что мнѣ хотѣлось сказать вообще въ объясненіе и, такъ сказать, въ оправданіе приведеннаго мною греческаго текста настоящаго отрывка: въ концѣ оказывается, что и здѣсь, и въ текстѣ этого отрывка собственно я остаюсь вѣрнымъ Bekker'у; въ полномъ смыслѣ единственное уклоненіе мое въ чтеніи греческаго текста настоящаго отрывка отъ Bekker'а заключается только въ указанной выше перемѣнѣ *γινομένων* на *γενομένων*. Что же касается затѣмъ до другихъ замѣчаній, до замѣчаній, имѣющихъ цѣлью разъяснить отдѣльныя, быть можетъ оставшіяся не совсѣмъ ясными, выраженія, то здѣсь остановлюсь на разъясненіи еще выраженія *οἷον τὸ ἀσύμμετρον καὶ ἡ διάμετρος*. Въ самомъ дѣлѣ, почему можно было придать этому выраженію такой смыслъ, какой я придалъ ему въ моемъ текстѣ? почему можно было перевести *ἡ διάμετρος* словомъ—діагональ, и почему можно было, такъ сказать, признать этотъ примѣръ относящимся къ квадрату? Въ оправданіе моего перевода и вообще пониманія сошлюсь на Trendelenburg'а (см. въ Комментар. Trendelenburg'а въ его изданіи De anima стр. 431—432). Именно Trendelenburg, опираясь на толкованія болѣе раннихъ комментаторовъ De anima (Симплиція, Ѳемистія, Филопона), затѣмъ опираясь также и на указанія Bonitz'а (въ его Index Aristotelicus), хорошо, какъ мнѣ кажется, показываетъ: во 1-хъ, что греческій терминъ *ἡ διάμετρος* есть здѣсь именно не діаметръ круга, а діагональ параллелограмма, и во 2-хъ, что этотъ примѣръ Аристотеля, по его собственному мнѣнію, скорѣе всего долженъ быть отнесенъ какъ разъ къ извѣстному виду параллелограмма вообще — къ квадрату. Изъ этихъ разсужденій Trendelenburg'а я и исходилъ въ своемъ переводѣ и далѣе въ разъясненіяхъ настоящаго выраженія.

этомъ допущеніи изъ того, что уже приходилось говорить ему и ранѣе. Если мы припомнимъ, въ одной изъ предыдущихъ главъ De anima, именно въ 3-ей главѣ той-же III-ей книги, Аристотель вначалѣ также уже характеризовалъ вообще разумныя познанія, и характеризовалъ также какъ разъ скорѣе съ конкретной стороны,—между прочимъ тамъ онъ высказалъ положеніе, что самая возможность ошибокъ необходимо обусловливается существованіемъ разума какъ особой, совершенно самостоятельной познавательной способности (ср. въ нашемъ изложеніи начало нашей II-ой главы, и въ частности начало нашего анализа 3-ей главы III-ей книги De anima—особенно стр. 254—255). Это положеніе Аристотель очевидно и привлекаетъ теперь, такимъ образомъ у него и выходитъ, что безъ указаннаго второго рода — какъ разъ безъ соединенія отдѣльныхъ понятій не можетъ имѣть мѣсто ошибка, т. е. не можетъ имѣть мѣсто то, что необходимо должно входить въ область вообще разумнаго познанія. Но этимъ въ характеристикѣ указаннаго второго рода Аристотель еще не довольствуется. Хотя онъ и повторяетъ нѣсколько разъ, и притомъ повторяетъ весьма настойчиво, что только какъ-бы ради ошибокъ онъ допускаетъ этотъ второй родъ, что именно только въ соединеніи имѣетъ мѣсто ошибка, тѣмъ не менѣе далѣе оказывается, что допущеніе указаннаго второго рода можетъ обусловливаться еще и другою причиною. Можно, какъ-бы говоритъ далѣе Аристотель, мыслить понятія и временныхъ отношеніяхъ, здѣсь, стало быть, примысливается время,—это также будетъ соединеніемъ. Далѣе—по поводу того же соединенія—нельзя ли дать этому термину-соединеніе еще другого названія? Всякое соединеніе, какъ-бы разсуждаетъ Аристотель, есть конечно соединеніе раздѣленнаго, понятіе раздѣленія отсюда какъ будто покрываетъ понятіе соединенія, —слѣд., выходитъ у Аристотеля и это заключеніе онъ и высказываетъ, всѣ указанныя комбинаціи, всѣ указанные виды собственно соединенія можно обозначить еще терминомъ—раздѣленіе. Таковъ будетъ болѣе связный непосредственный смыслъ бо́льшей части, почти всего настоящаго введенія. Затѣмъ Аристотель обращаетъ вниманіе еще на одно обстоятельство, и въ разъясненіи этого обстоятельства находится наиболѣе существенное для всего настоящаго введенія: въ разъясненіи

этого обстоятельства Аристотель съ одной стороны какъ-бы резюмируетъ все это введеніе,—съ другой стороны въ этомъ же разъясненіи заключаются и указанія на общее содержаніе настоящей главы, на то, что будетъ слѣдовать въ непосредственно дальнѣйшемъ. Именно, въ концѣ Аристотелю какъ-бы приходитъ въ голову вопросъ—какъ же ближе охарактеризовать участіе собственно разума въ этихъ двухъ родахъ разумнаго познанія, какую-же роль въ обоихъ этихъ родахъ играетъ собственно разумъ? На этотъ вопросъ Аристотель отвѣчаетъ, что собственно разумъ во всякомъ случаѣ и объединяетъ оба эти рода. Мышленіе недѣлимаго, единичнаго, собственно понятіе конечно есть нѣчто единое, указанные виды соединенія, въ свою очередь, точно также предполагаютъ нѣкоторую единящую силу, — эта-то единящая сила и есть разумъ. Такимъ образомъ, въ непосредственно дальнѣйшемъ изложеніи этой-же 6-ой главы Аристотелю остается разсмотрѣть ближе эту объединяющую работу разума, ему остается разсмотрѣть ближе, какимъ именно образомъ разумъ мыслитъ различные роды единаго.

Въ недѣлимомъ, единомъ вообще Аристотель различаетъ слѣдующіе роды: недѣлимое въ количественномъ отношеніи, т. е. то, что мыслится какъ единое съ количественной стороны (напр. понятіе какой-либо опредѣленной количественной величины), далѣе недѣлимое не въ количественномъ отношеніи, но по существу (самъ Аристотель называетъ этотъ родъ недѣлимаго—*ἀδιαίρετον εἴδει*), и наконецъ недѣлимое, познаніе котораго получается черезъ отрицаніе (напр. черезъ отрицаніе дѣлимости, какъ получается понятіе точки). Собственно дѣятельность разума при познаніи каждаго изъ этихъ родовъ недѣлимаго Аристотель и разсматриваетъ далѣе,—а затѣмъ онъ представляетъ нѣсколько общихъ соображеній, которыя являются какъ-бы нѣкоторымъ заключеніемъ по отношенію къ настоящему изложенію. «Такъ какъ», говоритъ Аристотель далѣе, «недѣлимое вообще можетъ имѣть два смысла — можетъ быть недѣлимое въ возможности и недѣлимое въ дѣйствительности, то ничто не препятствуетъ мыслить недѣлимое, когда мыслятъ» (извѣстную, опредѣленную) «количественную величину; въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности такая величина мыслится какъ недѣлимое и въ недѣлимое время; ибо и время въ этомъ слу-

чаѣ, одинаково съ величиною», замѣчаетъ еще Аристотель, «будетъ и дѣлимымъ и недѣлимымъ. Отсюда слѣдуетъ», продолжаетъ Аристотель, «что нельзя сказать, что́ именно познается» (что́ именно познаетъ разумъ) «при познаніи каждой изъ половинъ» (данной) «величины: ибо половинъ не существуетъ, пока величина не будетъ раздѣлена» (разумомъ),— «онѣ существуютъ только въ возможности. Когда же», указываетъ далѣе Аристотель, «мыслятъ каждую изъ половинъ» (разумъ мыслитъ каждую изъ половинъ) «отдѣльно, раздѣляютъ» (разумъ раздѣляетъ) «вмѣстѣ съ тѣмъ и время; тогда эти половины» (сами) «являются какъ» (извѣстныя, опредѣленныя) «величины. А если» (данная) «величина является состоящею какъ-бы изъ двухъ» (половинъ), «то и мыслится она во время, также раздѣленное на два» (на двѣ половины). Т. е. при объясненіи познанія разумомъ какой-либо извѣстной, опредѣленной количественной величины, какъ чего-то единаго, недѣлимаго, Аристотель очевидно исходитъ изъ того положенія, что недѣлимое вообще можетъ быть недѣлимымъ въ дѣйствительности и недѣлимымъ въ возможности. При познаніи опредѣленной количественной величины, какъ-бы выходитъ у Аристотеля, могутъ быть два случая: разумъ познаетъ величину, главнымъ образомъ имѣя въ виду ея цѣлость, единство, и разумъ познаетъ величину, различая въ ней ея количественныя части, напр. различая въ ней ея половины. Что касается до перваго случая, то здѣсь не можетъ быть никакихъ особыхъ затрудненій по Аристотелю, здѣсь въ концѣ дѣйствительно получается познаніе единаго, недѣлимое здѣсь мыслится именно какъ недѣлимое въ дѣйствительности,—но не то по отношенію ко второму случаю. Во второмъ случаѣ какъ будто нѣтъ единаго, ибо фактически разумъ дѣлитъ здѣсь данную величину напр. на двѣ половины, затѣмъ и время, въ которое происходитъ познаніе, сообразно этому дѣленію также раздѣляется. Но тутъ-то — какъ разъ при этомъ второмъ случаѣ и помогаетъ Аристотелю выставленное имъ ранѣе положеніе: если нѣтъ при второмъ случаѣ единаго въ дѣйствительности, то оно всетаки существуетъ въ возможности,— стало быть и здѣсь въ концѣ разумъ всетаки познаетъ, мыслитъ единое. Такъ разъясняетъ Аристотель познаніе разумомъ опредѣленныхъ количественныхъ величинъ, такъ сказать, количественнаго еди-

наго, недѣлимаго. Далѣе идетъ второй родъ недѣлимаго—недѣлимое по существу (то, что мыслится единымъ уже никоимъ образомъ не съ количественной стороны, въ чемъ никакъ нельзя найти частей—напр. понятіе человѣка). «Недѣлимое же не по количеству, но по существу», продолжаетъ Аристотель, «мыслятъ въ недѣлимое» (въ полномъ смыслѣ слова недѣлимое) «время и недѣлимою» (въ полномъ смыслѣ слова недѣлимою) «частью души; и мыслятъ случайно» (безъ возможности какихъ-либо болѣе подробныхъ разъясненій), «и не постольку, поскольку дѣлимо то, чѣмъ мыслятъ, и время, въ которое мыслятъ, но» (именно) «поскольку они недѣлимы; ибо», прибавляетъ Аристотель, «и при этихъ случаяхъ» (при познаніи какъ разъ этого рода недѣлимаго) «существуетъ нѣчто недѣлимое, но можетъ быть» (именно) «неотдѣлимое недѣлимое» (недѣлимое, такъ сказать, проявляющееся только при самомъ актѣ такого познанія, неотдѣлимое отъ самаго акта такого познанія), «что и дѣлаетъ единымъ» (въ силу чего и можно понять какъ единое) «время» (въ которое совершается это познаніе) «и величину» (такъ сказать, внѣшнюю форму познаваемаго). «И это» (это недѣлимое), заключаетъ Аристотель, «одинаково проявляется во всемъ сплошномъ по времени и по величинѣ» (такое именно недѣлимое является характеристичною чертою всего дѣйствительно сплошнаго по времени и по величинѣ—всего, что познается какъ недѣлимое по существу). Другими словами, при познаніи этого второго рода недѣлимаго не можетъ быть, по Аристотелю, даже и никакого намека на дѣлимость. Если при познаніи перваго рода дѣлимость могла имѣть нѣкоторое значеніе, если объясненіе познанія этого перваго рода до нѣкоторой степени имѣло въ виду и дѣлимость (ибо конечно недѣлимое въ возможности и недѣлимое въ дѣйствительности при познаніи перваго рода какъ разъ было приведено Аристотелемъ именно въ виду, такъ сказать, существовавшей тамъ дѣлимости), то тутъ всякій разговоръ о дѣлимости совершенно долженъ быть оставленъ. Этимъ совершеннымъ отсутствіемъ дѣлимости и обусловливаются всѣ разсужденія Аристотеля при объясненіи познанія этого второго рода. Аристотель въ сущности только повторяетъ здѣсь, что именно познается недѣлимое, отъ какихъ-либо болѣе подробныхъ разъясненій онъ отка-

зывается, — это онъ дѣлаетъ потому, что здѣсь, строго говоря, нечего разъяснять, нечего примирять, здѣсь есть только и въ полномъ смыслѣ слова недѣлимое. Затѣмъ, подлинныя выраженія Аристотеля относительно познанія разумомъ третьяго рода недѣлимаго будутъ слѣдующія. «Точка же и всякій предѣлъ» (всякое отдѣленіе, ограниченіе), «какъ и вообще недѣлимое такъ именно» (на подобіе точки), «обнаруживается» (познается) «какъ-бы въ видѣ отрицанія. И совершенно тоже самое по отношенію къ другимъ» (подобнымъ же) «случаямъ, какъ наприм. по отношенію къ тому, какъ познаютъ дурное или черное,—познаютъ ихъ какимъ-то образомъ въ силу противоположнаго» (дурное познается какъ противоположность хорошему, черное — какъ противоположность бѣлому, совершенно такъ-же, какъ ранѣе точка познавалась какъ противоположность дѣлимости, какъ ограниченіе, предѣлъ). «И слѣдуетъ», замѣчаетъ тутъ Аристотель, «чтобы познающее было въ возможности этими противоположностями, и въ немъ», (въ познающемъ) «было» (тѣмъ не менѣе) «единое». Т. е. при объясненіи познанія этого третьяго рода недѣлимаго Аристотель опять таки допускаетъ разъясненія. Здѣсь при этомъ познаніи, необходимость полученія только недѣлимаго не такъ уже очевидна,—это и позволяетъ Аристотелю дать нѣкоторыя разъясненія. Разъясненія эти у Аристотеля, такъ сказать, сосредоточиваются около отрицанія, около существованія у нѣкоторыхъ понятій понятій противоположныхъ имъ. Познающее, говоритъ Аристотель, при познаніи этого третьяго рода недѣлимаго въ возможности содержитъ въ себѣ двѣ противоположности, но въ тоже самое время въ немъ есть и нѣчто единое; это-то единое обусловливаетъ и здѣсь познаніе единаго же, недѣлимаго, — ибо въ самомъ дѣлѣ, фактически и здѣсь въ концѣ познается только какая-нибудь одна изъ противоположностей. Но тутъ у Аристотеля является какъ-бы нѣкоторое недоумѣніе. Аристотелю какъ-бы приходитъ въ голову, что вѣдь на основаніи его болѣе раннихъ разсужденій, между прочимъ на основаніи разсужденій, находившихся въ предыдущей, 5-ой главѣ, истинная сущность разума состоитъ въ постоянной, такъ сказать, спокойной, непрерывной дѣятельности,— эти же противоположности, выборъ между ними, должны были бы нарушать такую постоянную, непрерывную дѣятельность. Имѣя

какъ будто въ виду это недоумѣніе Аристотель прибавляетъ еще: «Если же у какого-либо изъ принциповъ, началъ» (на основаніи непосредственнаго продолженія этой-же фразы очевидно, что подъ этимъ «какимъ-либо изъ принциповъ, началъ» разумѣется какъ разъ разумъ въ своей истинной сущности) «не будетъ противоположнаго, то такое начало познаетъ само себя, есть нѣчто, находящееся въ полной дѣятельности, и отдѣленное» (очевидно отдѣленное отъ того, что могло бы противостоять ему, что мѣшало бы его постоянной дѣятельности, — эти послѣднія выраженія какъ разъ употреблялись Аристотелемъ выше по отношенію вообще къ разуму, и въ частности по отношенію къ разуму въ его истинной сущности, къ дѣятельному разуму, они-то и показываютъ съ очевидностью, что здѣсь дѣло идетъ дѣйствительно о такой истинной сущности разума). Разумъ, стало быть, въ своей истинной сущности не долженъ имѣть ничего общаго съ такими противоположностями: истинная природа разума въ томъ и состоитъ, чтобы только познавать самого себя и находиться въ постоянной совершенной дѣятельности (самодѣятельности),—а существованіе противоположностей было бы не согласно съ этими функціями. Наконецъ Аристотель дѣлаетъ общее заключеніе ко всему настоящему изложенію. Отъ настоящихъ общихъ разсужденій относительно единящей работы разума, относительно познанія разумомъ различныхъ родовъ единаго, недѣлимаго Аристотель переходитъ опять къ частностямъ, онъ переходитъ опять къ выставленному имъ во введеніи дѣленію вообще разумнаго познанія, мышленія съ конкретной стороны на мышленіе единаго, на понятіе, и на мышленіе соединенія отдѣльныхъ понятій. На основаніи всего предыдущаго изложенія, и въ частности, какъ можно думать, въ связи съ непосредственно предыдущимъ—съ этимъ, только что разсмотрѣннымъ нами, прибавленіемъ, Аристотель показываетъ, гдѣ, въ какóй дѣятельности разума никоимъ образомъ не слѣдуетъ искать этихъ соединеній, съ какóй стороны разумъ оказывается всегда истиннымъ, всегда дающимъ одну только истину. «Предложеніе же» (соединеніе отдѣльныхъ понятій), указываетъ далѣе Аристотель, «какъ напр. утвердительное предложеніе, есть нѣчто о чемъ-нибудь» (высказываетъ нѣчто о чемъ-нибудь), «и бываетъ во всякомъ случаѣ или истинно или ложно,—разумъ же не всегда бываетъ

истиненъ или ложенъ, но разумъ, имѣющій дѣло съ познаніемъ сущности вещей на основаніи ихъ дѣйствительной» (внутренней) «сущности», (всегда) «истиненъ и не есть» (только) «нѣчто о чемъ-нибудь» (не высказываетъ только нѣчто о чемъ-нибудь, — такое высказываніе могло бы быть и ложнымъ); «какъ», прибавляетъ еще въ разъясненіе Аристотель, «видѣніе какого-либо спеціальнаго для чувства зрѣнія предмета всегда истинно, а рѣшеніе вопроса, есть ли данное бѣлое человѣкъ или нѣтъ—не всегда, — совершенно такъ-же обстоитъ дѣло и по отношенію къ познаваемому безъ матеріи» (по отношенію къ тому, въ чемъ участіе матеріи не такъ замѣтно, гдѣ оно какъ будто отступаетъ, — такое познаніе — а это и есть познаніе какъ разъ внутренней, дѣйствительной сущности вещей—такъ-же всегда истинно по Аристотелю). Слѣдовательно, не слѣдуетъ искать, по мнѣнію Аристотеля, соединенія отдѣльныхъ понятій, возможности ошибокъ въ той дѣятельности разума, которая направлена на познаніе истинной, внутренней сущности вещей. Какъ познаніе какимъ-либо отдѣльнымъ чувствомъ, говоритъ Аристотель, всегда бываетъ въ полномъ смыслѣ слова истинно, такъ-же вполнѣ истинно бываетъ и познаніе разумомъ дѣйствительной сущности вещей. Но гдѣ возможна такая дѣятельность разума, гдѣ, такъ сказать, проявляется она? По связи съ непосредственно предыдущимъ, съ этимъ только что разсмотрѣннымъ нами, какъ мы говорили, прибавленіемъ можно думать, что такая дѣятельность преимущественно проявляется въ истинномъ, дѣятельномъ, скорѣе, стало быть, божественномъ разумѣ, по Аристотелю,— но и въ человѣческомъ разумѣ проявленія ея могутъ быть до нѣкоторой степени замѣтны. И человѣческій разумъ, какъ-бы говоритъ Аристотель, можетъ мыслить какъ будто безъ участія матеріи, это-то и есть собственно мышленіе, познаніе истинной сущности вещей,—такимъ-то образомъ и въ человѣческомъ разумѣ возможна такая дѣятельность. Вотъ, стало быть, къ чему приводитъ Аристотель все настоящее изложеніе, вотъ результатъ этой, болѣе обширной части настоящей 6-ой главы. Все настоящее изложеніе, всѣ эти различные роды единаго, недѣлимаго имѣли дѣло съ, такъ сказать, матеріальнымъ познаніемъ, мышленіемъ, съ мышленіемъ, такъ или иначе связаннымъ съ матеріею,—это мышленіе, эта дѣятель-

ность разума, слѣд., не была застрахована отъ ошибокъ, здѣсь какъ разъ была область и для указанныхъ выше соединеній. Аристотель, такимъ образомъ, въ этомъ общемъ заключеніи какъ-бы подтверждаетъ законность всего настоящаго изложенія, этого изслѣдованія о познаніи различныхъ родовъ единаго, недѣлимаго какъ разъ въ данномъ мѣстѣ, при данныхъ условіяхъ [1]).

Таковы подлинныя разсужденія Аристотеля въ этой первой изъ остающихся еще у насъ главъ его главнаго психологическаго сочиненія, такъ можно понять и объяснить эту 6-ую

---

[1]) Ibidem, 430 b. 6—31. *Τὸ δ' ἀδιαίρετον ἐπεὶ διχῶς, ἢ δυνάμει ἢ ἐνεργείᾳ, οὐδὲν κωλύει νοεῖν τὸ ἀδιαίρετον, ὅταν νοῇ τὸ μῆκος· ἀδιαίρετον γὰρ ἐνεργείᾳ καὶ ἐν χρόνῳ ἀδιαιρέτῳ· ὁμοίως γὰρ ὁ χρόνος διαιρετὸς καὶ ἀδιαίρετος τῷ μήκει. οὐκουν ἔστιν εἰπεῖν ἐν τῷ ἡμίσει τί ἐννοεῖ ἑκατέρῳ· οὐ γάρ ἐστιν, ἂν μὴ διαιρεθῇ, ἀλλ' ἢ δυνάμει. χωρὶς δ' ἑκάτερον νοῶν τῶν ἡμίσεων διαιρεῖ καὶ τὸν χρόνον ἅμα· τότε δ' οἱονεὶ μῆκη. εἰ δ' ὡς ἐξ ἀμφοῖν, καὶ ἐν τῷ χρόνῳ τῷ ἐπ' ἀμφοῖν. τὸ δὲ μὴ κατὰ ποσὸν ἀδιαίρετον ἀλλὰ τῷ εἴδει νοεῖ ἐν ἀδιαιρέτῳ χρόνῳ καὶ ἀδιαιρέτῳ τῆς ψυχῆς· κατὰ συμβεβηκὸς δέ, καὶ οὐχ ᾗ ἐκεῖνα διαιρετά, ᾧ νοεῖ καὶ ἐν ᾧ χρόνῳ, ἀλλ' ᾗ ἀδιαίρετα· ἔνεστι γὰρ κἀν τούτοις τι ἀδιαίρετον, ἀλλ' ἴσως οὐ χωριστόν, ὃ ποιεῖ ἕνα τὸν χρόνον καὶ τὸ μῆκος. καὶ τοῦθ' ὁμοίως ἐν ἅπαντί ἐστι τῷ συνεχεῖ καὶ χρόνῳ καὶ μήκει. ἡ δὲ στιγμὴ καὶ πᾶσα διαίρεσις, καὶ τὸ οὕτως ἀδιαίρετον, δηλοῦται ὥσπερ ἡ στέρησις. καὶ ὅμοιος ὁ λόγος ἐπὶ τῶν ἄλλων, οἷον πῶς τὸ κακὸν γνωρίζει ἢ τὸ μέλαν· τῷ ἐναντίῳ γάρ πως γνωρίζει. δεῖ δὲ δυνάμει εἶναι τὸ γνωρίζον καὶ ἓν εἶναι ἐν αὐτῷ. εἰ δέ τινι μή ἐστιν ἐναντίον τῶν αἰτίων, αὐτὸ ἑαυτὸ γινώσκει καὶ ἐνεργείᾳ ἐστὶ καὶ χωριστόν. ἔστι δ' ἡ μὲν φάσις τι κατά τινος, ὥσπερ ἡ κατάφασις, καὶ ἀληθὴς ἢ ψευδὴς πᾶσα· ὁ δὲ νοῦς οὐ πᾶς, ἀλλ' ὁ τοῦ τί ἐστι κατὰ τὸ τί ἦν εἶναι ἀληθής, καὶ οὐ τι κατὰ τινός· ἀλλ' ὥσπερ τὸ ὁρᾶν τοῦ ἰδίου ἀληθές, εἰ δ' ἄνθρωπος τὸ λευκὸν ἢ μή, οὐκ ἀληθὲς ἀεί, οὕτως ἔχει ὅσα ἄνευ ὕλης.* Совершенно также какъ въ предыдущемъ началѣ, и въ этомъ продолженіи настоящей 6-ой главы особенно много исправленій сравнительно съ обыкновеннымъ (Bekker'овскимъ) текстомъ предлагаетъ тотъ-же Torstrik (см. все продолженіе комментарій Torstrik'a къ этой-же 6-ой главѣ III-ей книги—стр. 192—198). Но хотя въ настоящемъ случаѣ и нѣтъ статьи, спеціально направленной противъ этихъ нововведеній Torstrik'a, вродѣ статьи Vahlen'a,—тѣмъ не менѣе общіе комментаторы De anima (особенно здѣсь слѣдуетъ упомянуть о Wallace'ѣ—см. въ Комментаріяхъ Wallace'a стр. 276—278 и о Bullinger'ѣ—примѣчанія Bullinger'a стр. 47—52) въ достаточной степени разбиваютъ разсужденія Torstrik'a; отсюда и здѣсь эти Torstrik'овскія исправленія точно также во всякомъ случаѣ не кажутся необходимыми. Такимъ образомъ собственно въ чтеніи греческаго текста и настоящаго продолженія этой главы главнымъ образомъ я старался держаться Bekker'a, я старался даже придерживаться и Bekker'овской интерпунктіи. Единственное мое укло-

главу III-ей книги De anima въ подлинникѣ. Такимъ образомъ, если бы въ заключеніе къ настоящему разсмотрѣнію требовалось самымъ общимъ образомъ опредѣлить мѣсто и, такъ сказать, значеніе настоящей главы, то такое опредѣленіе, какъ мнѣ кажется, не могло бы быть инымъ кромѣ того, что здѣсь Аристотель дѣйствительно какъ-бы открываетъ свои болѣе конкретныя ученія, касающіяся также разумнаго познанія. Настоящая 6-ая глава дѣйствительно представляетъ собою у Аристотеля какъ-бы переходъ къ этимъ конкретнымъ ученіямъ и, въ качествѣ перехода, она содержитъ въ себѣ самыя общія, собственно предварительныя указанія по поводу этихъ конкретныхъ ученій, она содержитъ въ себѣ указанія относительно того, чѣмъ именно какъ разъ съ конкретной стороны

неніе отъ Bekker'а, которое я сдѣлалъ, слѣдуя указаніямъ тѣхъ-же Wallace'а и Bullinger'а, состояло въ раздѣленіи Bekker'овскаго одного выраженія *ἐνεῖναι* (замѣчу, что Bekker'овскаго чтенія въ этомъ случаѣ придерживается и Trendelenburg—ср. у Trendelenburg'а въ текстѣ его изданія стр. 85 и въ Комментаріяхъ стр. 418) во фразѣ—*δεῖ δὲ δυνάμει εἶναι τὸ γνωρίζον καὶ ἓν εἶναι ἐν αὐτῷ* какъ разъ на два выраженія—*ἓν εἶναι*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ между прочимъ и Bullinger, не будетъ ли при чтеніи *ἐνεῖναι* нѣкоторой тавтологіи въ смыслѣ этого выраженія сравнительно съ непосредственно предыдущимъ? Имѣя въ виду возможность полученія такой тавтологіи, я и послѣдовалъ указаніямъ Wallace'а и Bullinger'а. И при такомъ чтеніи дѣйствительно являлось возможнымъ передать всѣ эти разсужденія Аристотеля относительно познанія разумомъ третьяго рода недѣлимаго вполнѣ связнымъ образомъ: всѣ отдѣльныя выраженія, отдѣльныя фразы Аристотеля въ этихъ разсужденіяхъ, какъ мнѣ кажется, оказывались совершенно послѣдовательными. Это — что касается внѣшняго вида, самаго греческаго текста настоящаго продолженія этой 6 ой главы. Затѣмъ въ дополнительныхъ замѣчаніяхъ, имѣющихъ цѣлью разъяснить еще какія-либо отдѣльныя выраженія Аристотеля въ настоящемъ продолженіи, какъ мнѣ кажется, нѣтъ надобности: при самомъ переводѣ я привелъ много замѣчаній, разъясненій, —эти-то разъясненія и дѣлаютъ ненужными еще добавочныя замѣчанія теперь; относительно того, что именно по моему мнѣнію непосредственно хотѣлъ сказать Аристотель въ каждомъ изъ отдѣльныхъ выраженій настоящаго продолженія, не представляется, какъ я думаю, никакихъ сомнѣній. Быть можетъ, нужно еще сказать только относительно общаго пониманія настоящаго продолженія, такъ сказать, общей распланировки по смыслу всей этой части 6-ой главы. Въ этомъ отношеніи скажу приблизительно тоже, что мнѣ приходилось говорить и ранѣе, напр. пришлось сказать по поводу общаго

бываютъ вообще разумныя познанія. Въ самомъ дѣлѣ, и эти послѣдующія разсужденія Аристотеля, казавшіяся на первый взглядъ, быть можетъ, не совсѣмъ подходящими къ началу, эти разсужденія относительно познанія разумомъ различныхъ родовъ единаго, недѣлимаго въ концѣ оказались вполнѣ связанными съ началомъ, они также оказались, такъ сказать, оттѣняющими и разъясняющими съ общей стороны тоже общее конкретное дѣленіе вообще разумныхъ познаній, — это вполнѣ говоритъ въ пользу полной возможности приведеннаго толкованія и объясненія. Настоящая 6-ая глава, повторимъ еще разъ, дѣйствительно какъ-бы открываетъ дорогу послѣдующимъ ученіямъ Аристотеля, какъ разъ разъясняющимъ разумное познаніе съ болѣе конкретной стороны.

пониманія второй части второго изъ приведенныхъ мною отрывковъ одной изъ предшествующихъ, именно 4-ой главы III-ей книги того-же сочиненія Аристотеля De anima (ср. въ моемъ изложеніи примѣчаніе на стр. 344,—главнымъ образомъ ср. то, что говорится въ этомъ примѣчаніи на стр. 346). Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ приведенное мною общее пониманіе настоящаго продолженія 6-ой главы не сходится ни съ однимъ изъ существующихъ такихъ-же общихъ пониманій другихъ толкователей,—но сходятся ли вполнѣ между собою эти другія общія пониманія? Что напр. Torstrik въ своемъ общемъ пониманіи очевидно долженъ былъ расходиться съ другими толкователями—объ этомъ говорить не приходится, это конечно уже ясно и изъ всего настоящаго примѣчанія (относительно общаго пониманія Torstrik'омъ настоящей части 6-ой главы, кромѣ указанныхъ страницъ въ его комментаріяхъ, ср. еще стр. 204, гдѣ именно указывается между прочимъ и ходъ мыслей Аристотеля во всей 6-ой главѣ), —но и другіе объяснители, напр Wallace, къ мнѣніямъ котораго я вообще стою ближе, точно также иногда высказываютъ нѣчто такое, на что едва-ли согласились бы ихъ сотоварищи (ср. напр. у Wallace'а замѣчаніе, начинающееся на концѣ стр. 277-ой и кончающееся вначалѣ 278-ой стр.—замѣчаніе, въ которомъ Wallace какъ разъ высказываетъ свое общее пониманіе всей этой 6-ой главы). При такомъ положеніи дѣла вполнѣ будетъ возможно, какъ мнѣ кажется, признать, что и въ данномъ случаѣ мое общее пониманіе можетъ имѣть значеніе, и можетъ имѣть значеніе наравнѣ съ общими пониманіями другихъ толкователей. Когда греческій текстъ такъ неясенъ и неточенъ, какъ это именно замѣчается у Аристотеля въ текстѣ настоящаго мѣста—совершенно нельзя обойтись безъ разногласій въ общемъ пониманіи этого текста, и нельзя обойтись даже и безъ нѣкоторой, если угодно, произвольности.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію другихъ, слѣдующихъ, 7-ой и 8-ой главъ той-же III-ей книги того-же главнаго психологическаго сочиненія Аристотеля. Прежде всего замѣтимъ, что какъ съ общимъ содержаніемъ, такъ и съ нѣкоторыми мѣстами изъ этихъ главъ мы уже знакомы (относительно 7-ой главы см. стр. 44—46 и 214—224 нашего изложенія,—относительно же 8-ой главы—стр. 47—50). Дѣло въ томъ, что обѣ эти главы, представляя какъ-бы заключеніе ко всему ученію Аристотеля о собственно разумномъ познаніи и заключая нѣкоторый переходъ къ слѣдующему ученію Аристотеля, къ ученію о волѣ или вообще о практической психической дѣятельности, въ тоже самое время представляютъ и заключеніе къ ученію Аристотеля о чувственномъ познаніи, такъ какъ о чувственномъ познаніи, какъ мы хорошо знаемъ въ настоящее время, Аристотель трактовалъ непосредственно передъ разумнымъ познаніемъ и въ полной связи съ нимъ; обѣ эти главы въ сущности представляютъ собою заключеніе къ вообще собственно познавательнымъ ученіямъ Аристотеля. Это обстоятельство позволяло и самому Аристотелю въ настоящихъ главахъ легко переходить къ чувственному познанію,—это же обстоятельство ставило и насъ въ необходимость, при разрѣшеніи нѣкоторыхъ, и даже весьма важныхъ вопросовъ, касающихся исключительно только чувственнаго познанія, пользоваться какъ разъ мѣстами изъ настоящихъ же главъ. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ намъ уже не придется разбирать обѣ эти главы цѣликомъ, вполнѣ, — намъ придется разсмотрѣть только оставшіяся части. Затѣмъ, что касается содержанія этихъ оставшихся частей, то здѣсь Аристотель продолжаетъ начатое имъ въ предыдущей главѣ. Если мы въ настоящее время знаемъ, чѣмъ именно съ конкретной стороны, какими конкретными видами можетъ быть вообще разумное познаніе, далѣе если мы знаемъ точно также, и гдѣ, въ какой общей дѣятельности разума, такъ сказать, проявляются эти виды, то теперь совершенно естественно возникаютъ вопросы—каковъ же собственно процессъ образованія этихъ видовъ въ частностяхъ, какую напр. роль при этомъ образованіи играетъ та-же чувственная способность? Первыя указанія къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и заключаются въ оставшихся частяхъ настоящихъ главъ. Не то чтобы Аристотель пред-

ставлялъ здѣсь полную, вполнѣ законченную картину процесса образованія разумныхъ познаній,—но онъ во всякомъ случаѣ до нѣкоторой степени какъ бы подготовляетъ эту картину.

Во второй части 7-ой главы, именно начиная съ 5-го параграфа, подлинно Аристотель выражается слѣдующимъ образомъ. «Формы» (общія идеи, понятія) «мыслящее существо мыслитъ въ образахъ» (представленіяхъ), «и такъ какъ въ нихъ» (образахъ) «уже опредѣляется для него, къ чему слѣдуетъ стремиться и чего слѣдуетъ избѣгать, то и помимо дѣйствительнаго ощущенія» (какихъ-либо предметовъ), «когда именно оно находится при образахъ» (когда оно имѣетъ дѣло только съ образами), «оно» (тѣмъ не менѣе) «приводится въ движеніе; такъ напр.», разъясняетъ Аристотель, «кто-либо, чувственно познавая» (только) «сигналъ» (зажженую кучу хвороста, служащую сигналомъ), «и чувственно познавая, что это—огонь» (что эта куча есть нѣчто горящее), «въ силу дѣятельности вообще чувства видя двигающимся этотъ сигналъ, признаетъ» (приближеніе) «непріятеля» (собственно непріятеля такой человѣкъ не видитъ, онъ видитъ только сигналъ, точнѣе нѣчто горящее, зажженое; тѣмъ не менѣе, въ силу движенія этого зажженаго, онъ получаетъ представленіе о непріятелѣ и, сообразно этому представленію, самъ можетъ производить движенія, можетъ напр. бѣжать;—фактически, стало быть, такой человѣкъ имѣетъ дѣло исключительно только съ представленіемъ, съ образомъ, и между тѣмъ онъ можетъ поступать такъ, какъ будто бы это былъ не образъ только, а самый предметъ). «Иногда», продолжаетъ Аристотель, «мыслящее существо, на основаніи находящихся въ душѣ представленій или понятій, какъ-бы видя будущее въ его отношеніи къ настоящему, разсуждаетъ и рѣшается; и когда оно какъ-бы скажетъ» (себѣ), «что тамъ» (въ будущемъ) «находится пріятное или непріятное, здѣсь оно или избѣгаетъ» (конечно непріятнаго) «или старается достигнуть» (послѣднее по отношенію къ пріятному), «и вообще поступаетъ такъ» (собственно) «въ практической дѣятельности. Но и то, что независимо отъ практической дѣятельности—истина и ложь», указываетъ далѣе Аристотель, «относится къ тому-же самому роду, какъ и добро и зло: они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что истина и ложь бываютъ такими» (истиною и ложью) «абсолют-

но,—добро же и зло имѣютъ отношеніе къ чему-либо» (бываютъ добромъ и зломъ для какого-либо лица или предмета). «То же, что считается познаваемымъ въ отвлеченіи» (вообще отвлеченное) «мыслящее существо мыслитъ такъ, какъ оно мыслило бы курносость: въ самомъ дѣлѣ, поскольку курносость является именно курносостью» (связанною съ носомъ, частью тѣла), «мыслящее существо не можетъ мыслить ее отдѣльно» (очевидно отдѣльно отъ матеріи, вещества, тѣла), «—поскольку же курносость является пустотою, если кто-либо въ дѣйствительности могъ бы мыслить курносость» (только) «какъ пустоту» (какъ нѣчто впалое—безъ отношенія къ существованію этого впалаго именно въ носѣ, въ тѣлѣ) «—такой человѣкъ мыслилъ бы эту пустоту безъ тѣла, въ которомъ она находится. Такъ», переходитъ Аристотель отъ настоящаго сравненія собственно къ познанію отвлеченнаго, «математическіе предметы, хотя они и не отдѣлены» (отъ матеріи, вещества) «мыслящее существо мыслитъ какъ отдѣленные, когда именно оно мыслитъ ихъ. Вообще же», замѣчаетъ еще Аристотель, «умъ есть то, что въ дѣйствительности мыслитъ» (познаетъ) «предметы» (что во всякомъ случаѣ познаетъ реальные, дѣйствительно существующіе предметы). «Возможно ли, чтобы умъ, будучи неотдѣлимымъ отъ величины» (непремѣнно находясь всетаки въ самомъ познающемъ существѣ, въ тѣлесномъ же познающемъ существѣ), «мыслилъ что-либо и отдѣленное» (въ полномъ смыслѣ слова отдѣленное, отвлеченное), «или нѣтъ, — это слѣдуетъ разсмотрѣть позже» (вопросъ о познаніи вообще разумомъ въ полномъ смыслѣ слова отвлеченнаго, совершенно не связаннаго съ матеріею Аристотель откладываетъ до другого случая, до другого своего сочиненія,—по всей вѣроятности онъ имѣетъ здѣсь въ виду Метафизику) [1].

---

[1]) De anima III, 7. 431 b. 2—19. *Τὰ μὲν οὖν εἴδη τὸ νοητικὸν ἐν τοῖς φαντάσμασι νοεῖ, καὶ ὡς ἐν ἐκείνοις ὥρισται αὐτῷ τὸ διωκτὸν καὶ φευκτόν, καὶ ἐκτὸς τῆς αἰσθήσεως, ὅταν ἐπὶ τῶν φαντασμάτων ᾖ, κινεῖται, οἷον αἰσθανόμενος τὸν φρυκτὸν ὅτι πῦρ, τῇ κοινῇ γνωρίζει, ὁρῶν κινούμενον, ὅτι πολέμιος. ὁτὲ δὲ τοῖς ἐν τῇ ψυχῇ φαντάσμασιν ἢ νοήμασιν ὥσπερ ὁρῶν λογίζεται καὶ βουλεύεται τὰ μέλλοντα πρὸς τὰ παρόντα· καὶ ὅταν εἴπῃ ὡς ἐκεῖ τὸ ἡδὺ ἢ λυπηρόν, ἐνταῦθα φεύγει ἢ διώκει, καὶ ὅλως ἐν πράξει. καὶ τὸ ἄνευ δὲ πράξεως, τὸ ἀληθὲς καὶ τὸ ψεῦδος ἐν τῷ αὐτῷ*

Такъ выражается Аристотель подлинно во второй части 7-ой главы. Если мы, такъ сказать, до нѣкоторой степени очистимъ это мѣсто, если мы оставимъ все, что прямое отношеніе имѣетъ уже къ практической психической дѣятельности, и если мы сконцентрируемъ наше вниманіе только на могущемъ интересовать насъ въ настоящее время—на указаніяхъ относительно собственно теоретической познавательной дѣятельности разума, то мы, какъ мнѣ кажется, несомнѣнно увидимъ, что съ этой стороны во всемъ этомъ мѣстѣ Аристотель доказываетъ совершенную необходимость участія въ образованіи разумныхъ познаній образовъ или представленій. Если мы припомнимъ, еще въ первой части этой-же 7-ой главы Аристотель утверждалъ, что «душа никогда не мыслитъ, не разсуждаетъ безъ образовъ» (ср. въ нашемъ изложеніи стр. 214),—это-же положеніе онъ развиваетъ и теперь, но развиваетъ болѣе обстоятельно, болѣе подробно. Но какóе значеніе можетъ имѣть это положеніе, въ виду чего Аристотель такъ настаиваетъ на участіи при разумномъ познаніи образовъ? Образы, представленія, какъ мы хорошо знаемъ въ настоящее время, въ сущности относятся, по Аристотелю, къ области чувственнаго познанія, къ той области, гдѣ познаніе необходимо обусловливается и участіемъ внѣшнихъ, матеріальныхъ предметовъ,—стало быть, здѣсь, точно также какъ и въ предыдущей главѣ, Аристотель имѣетъ въ виду ту-же, собственно матеріальную область разумнаго познанія. Вотъ, между прочимъ, почему можно было поставить въ самую тѣсную связь это мѣсто изъ 7-ой главы съ непосредственно предшествующею, 6-ою главою, вотъ почему можно было сказать, что въ этомъ мѣстѣ Аристотель продолжаетъ начатое имъ въ той, предыдущей главѣ. И, въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ той-же 6-ой главы, эту матеріальную область Аристотель понимаетъ и здѣсь

γένει ἐστί, τῷ ἀγαθῷ καὶ κακῷ· ἀλλὰ τῷ γε ἁπλῶς διαφέρει καὶ τινί. τὰ δὲ ἐν ἀφαιρέσει λεγόμενα νοεῖ ὥσπερ ἂν εἰ τὸ σιμόν, ᾗ μὲν σιμόν, οὐ κεχωρισμένως, ᾗ δὲ κοῖλον, εἴ τις ἐνόει ἐνεργείᾳ, ἄνευ τῆς σαρκὸς ἀν ἐνόει ἐν ᾧ τὸ κοῖλον. οὕτω τὰ μαθηματικὰ οὐ κεχωρισμένα ὡς κεχωρισμένα νοεῖ, ὅταν νοῇ ἐκεῖνα. ἅλως δὲ ὁ νοῦς ἐστὶν ὁ κατ' ἐνέργειαν τὰ πράγματα νοῶν. ἆρα δ' ἐνδέχεται τῶν κεχωρισμένων τι νοεῖν ὄντα αὐτὸν μὴ κεχωρισμένον μεγέθους, ἢ οὔ, σκεπτέον ὕστερον. И въ этой части настоящей 7-ой главы особенно много исправленій сравнительно

довольно широко, онъ понимаетъ ее во всякомъ случаѣ шире, чѣмъ можно было бы думать на первый взглядъ: по настоящему мѣсту также выходитъ, что къ этой-же, матеріальной области разумнаго познанія должно быть причислено и разумное познаніе казалось бы по преимуществу отвлеченныхъ, напр. математическихъ предметовъ. Въ сущности оказывается, что познаніе даже повидимому наиболѣе отвлеченныхъ предметовъ, именно вообще математическихъ, всетаки, строго го-

---

съ Bekker'овскимъ текстомъ дѣлаетъ опять таки тотъ же Torstrik (см. у Torstrik'а въ его комментаріяхъ стр. 202—204 и затѣмъ стр. 208—212); и опять таки общіе комментаторы De anima (ср. замѣчанія тѣхъ же Wallace'а и Bullinger'а—у Wallace'а стр. 282—283 и у Bullinger'а стр. 67—69) въ значительной степени устраняютъ эти исправленія. Затѣмъ нѣсколько сомнѣній по поводу того-же Bekker'овскаго текста настоящей части (хотя, нужно замѣтить, гораздо менѣе Torstrik'а) высказываетъ и Trendelenburg (см. въ Комментаріяхъ Trendelenburg'а въ его изданіи замѣчанія на стр. 434, 435, 436); почти всѣ эти сомнѣнія, такъ или иначе, опровергаются Zahlfleisch'емъ (статья Zahlfleisch'а стр. 30). При такихъ обстоятельствахъ, и въ настоящемъ случаѣ я нашелъ наиболѣе удобнымъ снова остаться вѣрнымъ Bekker'у: предложенный выше переводъ настоящей части я сдѣлалъ, вполнѣ, даже во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ придерживаясь греческаго текста Bekker'а. И дѣйствительно, переводъ, какъ мнѣ кажется, вышелъ вполнѣ яснымъ, понятнымъ и послѣдовательнымъ,—это-то и показываетъ, что греческій текстъ Bekker'а могъ быть вполнѣ удобенъ. Далѣе, переходя къ другимъ замѣчаніямъ, относительно общей распланировки по смыслу всей настоящей части этой 7-ой главы укажу, что предложенная мною общая распланировка не особенно отличается отъ другихъ существующихъ такихъ-же общихъ распланировокъ; вообще въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ значительныхъ разногласій (исключеніе представляютъ собою, какъ это отчасти можно видѣть и изъ только что высказаннаго, только мнѣнія Torstrik'а,—но Torstrik со своими мнѣніями—это опять таки до нѣкоторой степени ясно—стоитъ довольно одиноко). Что же касается до замѣчаній, имѣющихъ цѣлью разъяснить отдѣльныя, оставшіяся, быть можетъ, не совсѣмъ ясными, выраженія Аристотеля въ настоящей части, то тутъ сдѣлаю нѣкоторыя добавленія къ примѣру Аристотеля, касающемуся приближенія непріятеля, и затѣмъ особенно постараюсь разъяснить (собственно оправдать) мое пониманіе самой послѣдней фразы,—фразы *ἆρα δ' ἐνδέχεται τῶν κεχωρισμένων τι νοεῖν ὄντα αὐτὸν μὴ κεχωρισμένον* и т. д. Собственно примѣръ Аристотеля довольно понятенъ—остается добавить только, что, какъ указываютъ почти всѣ комментаторы даннаго мѣста De anima, ссылаясь главнымъ образомъ на Θукиди-

воря, никоимъ образомъ какъ-бы не можетъ обойтись безъ нѣкотораго участія матеріи, вещества. Далѣе въ концѣ Аристотель упоминаетъ и о другой области разумнаго познанія, объ области нематеріальной, хотя именно только упоминаетъ,—отъ подробнаго разрѣшенія вопроса объ образованіи такихъ нематеріальныхъ разумныхъ познаній здѣсь онъ отказывается. Это—совершенно понятно, и это опять таки находится въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ предыдущимъ, и въ частности съ

да (особенно подробныя цитаты изъ Θукидида дѣлаетъ между прочимъ Torstrik—въ комментар. у Torstrik'a стр. 209), зажженая куча хвороста, когда она именно находилась въ движеніи, служила сигналомъ приближенія непріятеля,—когда же она находилась въ покоѣ, въ спокойномъ состояніи—она давала знать о близости союзниковъ, друзей. При такомъ добавленіи становится понятнымъ, почему́ Аристотель во всемъ этомъ примѣрѣ какъ разъ говоритъ о движеніи, и почему́ онъ именно долженъ былъ употребить здѣсь между прочимъ выраженіе *κοινῇ* (это *κοινῇ* очевидно слѣдуетъ дополнить выраженіемъ—*αἰσθήσει*). Какъ мы уже знаемъ изъ нашего предыдущаго изложенія, именно изъ всего 3-го отдѣла нашей I-ой главы, движеніе, по Аристотелю, познается не какимъ-либо отдѣльнымъ чувствомъ, а именно вообще чувствомъ,—съ этой точки зрѣнія Аристотель и могъ сказать *τῇ κοινῇ γνωρίζει ὁρῶν κινούμενον*, полная умѣстность даннаго выраженія *κοινῇ* въ настоящемъ примѣрѣ вполнѣ очевидна (замѣчу, что на это *κοινῇ* особенно нападалъ Torstrik, онъ даже предлагалъ замѣнить его словомъ *κινήσει*). Далѣе, почему́ можно было передать фразу *ἆρα δ' ἐνδέχεται τῶν κεχωρισμένων τι νοεῖν* и т. д. такъ, какъ я ее передалъ, почему́ можно было утверждать, что въ этой фразѣ Аристотель имѣлъ въ виду Метафизику? Въ своемъ переводѣ и объясненіи я слѣдовалъ главнымъ образомъ указаніямъ Bullinger'a (особенно ср. конецъ 44-го замѣчанія Bullinger'a на 69-ой стр.). Хотя другіе комментаторы (именно Trendelenburg, а за нимъ и Torstrik) положительно отказываются вообще въ сочиненіяхъ Аристотеля найти что-либо, куда можно бы было отнести выраженіе *ὕστερον* въ данной фразѣ,—тѣмъ не менѣе—какъ и разъясняетъ Bullinger—всетаки скорѣе всего и, такъ сказать, вѣроятнѣе всего слѣдуетъ связать это *ὕστερον* съ Метафизикою. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно въ Метафизикѣ у Аристотеля и трактуется о природѣ и дѣятельности божества,—въ виду этого совершенно естественно, что тамъ-же онъ долженъ былъ подробно разобрать и настоящій вопросъ, касающійся, какъ это видно изъ предыдущихъ главъ, и въ частности изъ непосредственно предыдущей, 6-ой главы той-же III-ей книги De anima, дѣятельности скорѣе божественнаго же разума. Положимъ, дѣло здѣсь нѣсколько затрудняется тѣмъ, что этотъ божественный разумъ въ данномъ случаѣ является въ соединеніи, такъ сказать,

тою-же 6-ою главою. Въ самомъ дѣлѣ, между прочимъ и въ 6-ой главѣ Аристотель, какъ мы видѣли, намекнулъ, что полученіе такихъ нематеріальныхъ разумныхъ познаній принадлежитъ въ полномъ смыслѣ слова дѣятельному, скорѣе божественному разуму. Но разсмотрѣніе дѣятельности, вообще природы божества конечно не входитъ, съ точки зрѣнія Аристотеля, въ его психологическія, скорѣе чисто человѣческія теоретико-познавательныя ученія,—отсюда совершенно естественно, что въ данномъ случаѣ Аристотель не разбираетъ настоящаго вопроса, и совершенно естественно, что отвѣта на настоящій вопросъ мы должны ожидать скорѣе именно въ общихъ философскихъ ученіяхъ Аристотеля — какъ разъ въ его Метафизикѣ.

Итакъ, главная мысль, доказываемая Аристотелемъ въ этомъ мѣстѣ 7-ой главы, состоитъ въ томъ, что обыкновенное, человѣческое мышленіе, человѣческое разумное познаніе никоимъ образомъ не можетъ обойтись безъ участія образовъ или представленій. Ту-же мысль Аристотель развиваетъ еще и въ остающейся у насъ части слѣдующей, 8-ой главы. Здѣсь только Аристотель старается по преимуществу точнѣе оттѣнить различіе образовъ или представленій отъ первыхъ понятій, получающихся при помощи образовъ: онъ старается преимущественно показать, это хотя первыя понятія и не могутъ получиться безъ образовъ, но они всетаки вовсе не должны быть смѣшиваемы съ образами. «Такъ какъ», говоритъ Аристотель въ этой остающейся части, «повидимому»

съ человѣчествомъ, что здѣсь собственно говорится о дѣятельности божественнаго разума, «неотдѣлимаго отъ величины», находящагося въ познающемъ существѣ, въ тѣлесномъ познающемъ существѣ,—но такъ какъ центръ тяжести лежитъ тутъ всетаки въ такой божественной дѣятельности разума, то это затрудненіе не можетъ имѣть особаго значенія. Такимъ-то образомъ я и рѣшился послѣдовать указаніямъ Bullinger'a. Въ дошедшей до насъ Метафизикѣ, кажется мнѣ, можетъ и не быть подробнаго разрѣшенія настоящаго вопроса,—но то вѣрно, что Аристотель намѣревался разрѣшить подробно этотъ вопросъ именно въ Метафизикѣ, и нигдѣ какъ въ Метафизикѣ онъ и не могъ рѣшить его (съ указаннымъ замѣчаніемъ Bullinger'a и съ настоящими соображеніями ср. еще 109-е примѣчаніе Brentano въ его Die Psych. des Arist.—стр. 151).

(по общему мнѣнію), «не существуетъ никакого предмета отдѣленнаго, стоящаго рядомъ» (такъ сказать, на совершенно равныхъ правахъ) «съ чувственно познаваемыми величинами» (съ тѣлесными, протяженными предметами), «то мыслимое» (разумное вообще) «находится» (должно находиться) «въ чувственно познаваемыхъ формахъ — какъ то мыслимое, которое называется отвлеченнымъ, такъ и то, которое представляетъ собою опредѣленіе состояній и свойствъ чувственно познаваемаго» (которое уже совершенно очевидно и по общему мнѣнію находится въ связи съ чувственно познаваемымъ). «И вслѣдствіе этого-то», выводитъ Аристотель отсюда, «съ одной стороны человѣкъ, не познающій чувственно ничего» (неспособный вообще къ чувственному познанію), «и не научится ничему, не пойметъ ничего» (вообще не будетъ въ состояніи разумно познавать, мыслить), «—съ другой же стороны, когда кто-либо мысленно созерцаетъ» (разумно познаетъ), «необходимо ему созерцать» (вообще имѣть) «въ тоже самое время и какой-либо образъ, представленіе; ибо образы, представленія», прибавляетъ опять таки Аристотель, «суть какъ-бы чувственно познаваемые предметы» (какъ-бы играютъ при разумномъ познаніи ту-же роль, какую при чувственномъ познаніи играютъ самые чувственно познаваемые предметы), «за исключеніемъ того, что они» (образы) «не матеріальны» (уже не воплощены, такъ сказать, въ матерію, въ тѣло). «Сама же способность представленій» (способность *φαντασία*), указываетъ далѣе Аристотеля, «есть нѣчто отличное отъ утвержденія и отрицанія» (собственно нѣчто отличное отъ дающаго въ результатѣ утвержденіе и отрицаніе), «—такъ какъ истина или ложь есть нѣкоторое соединеніе понятій» (утвержденіе и отрицаніе заключаютъ въ себѣ истину или ложь по Аристотелю, а истина или ложь, какъ уже намъ извѣстно въ настоящее время, имѣютъ мѣсто, по мнѣнію Аристотеля, необходимо только при соединеніяхъ понятій,—это-то обстоятельство—такъ сказать, обнаруженіе истины или лжи только въ соединеніяхъ понятій и даетъ Аристотелю основаніе отличить способность *φαντασία*, точнѣе то, что вырабатывается способностью *φαντασία*, образы, представленія отъ утвержденія и отрицанія, ибо образы, представленія уже совершенно не являются соединеніями). «Но первыя» (возникающія прежде всѣхъ) «понятія», спраши-

ваетъ Аристотель въ соотвѣтствіи съ только что высказаннымъ, «что̀ будутъ имѣть въ себѣ отличнаго, почему они не могутъ быть» (простыми) «образами, представленіями? Или можетъ быть», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Аристотель, «и всѣ другія разумныя познанія» (всѣ другія понятія—не только первыя, возникающія прежде всѣхъ) «сами не суть» (просто) «образы, представленія,—но безъ представленій не могутъ возникнуть» [1]). Т. е. въ этой остающейся части 8-ой главы Аристотель, высказавши ту-же самую мысль, которую онъ выска-

---

[1]) De anima III. 8. 432 a. 3—14. *Ἐπεὶ δὲ οὐδὲ πρᾶγμα οὐθέν ἐστι παρὰ τὰ μεγέθη, ὡς δοκεῖ, τὰ αἰσθητὰ κεχωρισμένον, ἐν τοῖς εἴδεσι τοῖς αἰσθητοῖς τὰ νοητά ἐστι, τά τε ἐν ἀφαιρέσει λεγόμενα, καὶ ὅσα τῶν αἰσθητῶν ἕξεις καὶ πάθη. καὶ διὰ τοῦτο οὔτε μὴ αἰσθανόμενος μηθὲν οὐθὲν ἂν μάθοι οὐδὲ ξυνείη· ὅταν τε θεωρῇ, ἀνάγκη ἅμα φάντασμά τι θεωρεῖν· τὰ γὰρ φαντάσματα ὥσπερ αἰσθήματά ἐστι, πλὴν ἄνευ ὕλης. ἔστι δ' ἡ φαντασία ἕτερον φάσεως καὶ ἀποφάσεως· συμπλοκὴ γὰρ νοημάτων ἐστὶ τὸ ἀληθὲς ἢ ψεῦδος. τὰ δὲ πρῶτα νοήματα τίνι διοίσει τοῦ μὴ φαντάσματα εἶναι; ἢ οὐδὲ τἄλλα φαντάσματα, ἀλλ' οὐκ ἄνευ φαντασμάτων.* Въ противоположность Trendelenburg'у (см. въ Комментар. Trendelenburg'а въ его изданіи De anima—стр. 439) слово *ξυνείη* во фразѣ *καὶ διὰ τοῦτο* и т. д. я читаю именно какъ *ξυνείη*; такъ оно читается у Bekker'а. Trendelenburg, правда, на основаніи рукописей, приводимыхъ самимъ же Bekker'омъ, приходитъ къ заключенію, что правильнѣе было бы *ξυνίοι*, — но всеже аористъ здѣсь будетъ умѣстнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, правильность, указываемая Trendelenburg'омъ, въ сущности, такъ сказать, довольно мелочна, — между тѣмъ *ξυνείη* будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ непосредственно предшествующимъ *μάθοι*. Далѣе, слѣдующій вопросъ, относящійся уже не столько къ чтенію, сколько къ пониманію настоящей же части этой 8-ой главы, заключался въ томъ—какъ слѣдуетъ понимать выраженіе *τὰ πρῶτα νοήματα* въ предпослѣдней фразѣ *τὰ δὲ πρῶτα νοήματα* и т. д.? Существуютъ два мнѣнія, встрѣчающіяся еще даже у самыхъ раннихъ комментаторовъ De anima: по одному *πρῶτα νοήματα* означаетъ здѣсь наиболѣе высшія, наиболѣе абстрактныя понятія,—по другому же *πρῶτα* означаетъ здѣсь просто —первыя въ смыслѣ времени, и *πρῶτα νοήματα*, стало быть ,будутъ—«первыми, получающимися ранѣе всѣхъ другихъ» понятіями; и слѣдуетъ замѣтить, что какъ у перваго, такъ и у второго мнѣнія есть многіе, и весьма авторитетные защитники. Какъ же всетаки слѣдовало понять и передать это спорное выраженіе при такихъ обстоятельствахъ? Въ своемъ переводѣ и пониманіи я слѣдовалъ главнымъ образомъ указаніямъ Wallace'а (см. въ примѣч. у Wallace'а стр. 284),—и мнѣ кажется, что мой переводъ вышелъ вполнѣ подходящимъ ко всему настоящему мѣсту и вообще вполнѣ послѣдовательнымъ. Я только не могу

зывалъ и въ только что разобранномъ нами мѣстѣ 7-ой главы, именно высказавши мысль о необходимости участія вообще въ разумномъ познаніи образовъ или представленій, затѣмъ дѣйствительно главное вниманіе обращаетъ на то, чтобы отдѣлить представленія отъ понятій, и въ частности отъ первыхъ понятій. Что представленія не могутъ быть смѣшиваемы съ результатами той дѣятельности разума, которая вырабатываетъ утвержденія и отрицанія, вообще предложенія—это понятно, ибо предложенія, по Аристотелю, суть соединенія понятій, пред-

---

согласиться съ Wallace'омъ, будто при его общемъ пониманіи Torstrik'овское чтеніе *ταῦτα* вмѣсто *τἆλλα* въ послѣдней фразѣ, во фразѣ *ἢ οὐδὲ τἆλλα φαντάσματα, ἀλλ' οὐκ ἄνευ φαντασμάτων* будетъ какъ будто, пожалуй, удобнѣе (слѣдуетъ указать, что Torstrik въ общемъ держится того-же общаго пониманія настоящаго спорнаго выраженія *τὰ πρῶτα νοήματα* какъ и Wallace, и вотъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ общимъ пониманіемъ, онъ находитъ болѣе умѣстнымъ чтеніе *ταῦτα* вмѣсто *τἆλλα* въ послѣдней фразѣ—ср. у Torstrik'а въ его комментар. стр. 213–214),—мнѣ наоборотъ кажется—и это я и старался показать въ моемъ объясненіи—и чтеніе *τἆλλα* будетъ совершенно удобно.—Таковы мои замѣчанія, относящіяся собственно къ этой приводимой и разбираемой въ настоящее время части 8-ой главы. Затѣмъ, въ дополненіе къ главной мысли, развиваемой Аристотелемъ какъ во всемъ этомъ мѣстѣ 8-ой главы, такъ и въ только что разобранномъ мѣстѣ предыдущей, 7-ой, именно въ дополненіе къ мысли Аристотеля о необходимости участія образовъ или представленій при образованіи вообще разумныхъ познаній, приведу, по примѣру нѣкоторыхъ комментаторовъ, еще мѣсто изъ 1-ой главы трактата Аристотеля «о памяти и воспоминаніи». Въ 1-ой главѣ этого трактата Аристотель между прочимъ говоритъ слѣдующее (De mem. 1. 449 b. 30—450 a. 7): *Ἐπεὶ δὲ περὶ φαντασίας εἴρηται πρότερον ἐν τοῖς περὶ ψυχῆς, καὶ νοεῖν οὐκ ἔστιν ἄνευ φαντάσματος· συμβαίνει γὰρ το αὐτὸ πάθος ἐν τῷ νοεῖν ὅπερ καὶ ἐν τῷ διαγράφειν· ἐκεῖ τε γὰρ οὐθὲν προσχρώμενοι τῷ τὸ ποσὸν ὡρισμένον εἶναι τὸ τριγώνου, ὅμως γράφομεν ὡρισμένον κατὰ τὸ ποσόν· καὶ ὁ νοῶν ὡσαύτως, κἂν μὴ ποσὸν νοῇ, τίθεται πρὸ ὀμμάτων ποσόν, νοεῖ δ' οὐχ ᾗ ποσόν. ἂν δ' ἡ φύσις ᾖ τῶν ποσῶν, ἀόριστον δέ, τίθεται μὲν ποσὸν ὡρισμένον, νοεῖ δ' ᾗ ποσὸν μόνον.* Это мѣсто очевидно представляетъ собою какъ-бы дополненіе къ тѣмъ двумъ. Особенно новаго, строго говоря, въ немъ ничего нѣтъ, Аристотель ссылается здѣсь на тоже сочиненіе De anima (между прочимъ въ виду отсутствія этой особой новизны я и не привелъ настоящаго мѣста въ моемъ текстѣ и не подвергнулъ его подробному разсмотрѣнію), — тѣмъ не менѣе, какъ подтвержденіе еще разъ той-же самой мысли, мѣсто это во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть указаннымъ.

ставленіе же никоимъ образомъ не есть соединеніе, а есть нѣчто единичное, — но сомнѣнія тутъ могутъ быть иного рода. Можно спросить — чѣмъ же будутъ отличаться представленія отъ такихъ единичныхъ понятій, чѣмъ напр. будутъ отличаться представленія отъ первыхъ, возникающихъ прежде всѣхъ понятій? Это сомнѣніе Аристотель разрѣшаетъ такъ. Положимъ, какъ-бы говоритъ онъ, что дѣйствительно повидимому представленія и возникающія прежде всѣхъ понятія какъ будто весьма близки другъ къ другу, — но вѣдь и въ другихъ, такъ сказать, дальнѣйшихъ понятіяхъ представленія также принимаютъ участіе, и притомъ принимаютъ совершенно такое-же участіе. По отношенію же къ такимъ дальнѣйшимъ понятіямъ нѣтъ даже и видимости тождества, нѣтъ никакихъ поводовъ къ смѣшенію, — это и показываетъ, что и первыя, нисшія, возникающія прежде всѣхъ понятія не должны быть смѣшиваемы съ представленіями.

Таково будетъ содержаніе этихъ остающихся еще у насъ мѣстъ изъ 7-ой и 8-ой главъ III-ей книги De anima, такъ, какъ мы говоримъ, Аристотель подготовляетъ картину процесса образованія разумныхъ познаній. Теперь, чтобы вполнѣ познакомиться съ этою картиною и въ тоже время чтобы окончательно покончить вообще съ познавательными ученіями Аристотеля, намъ остается еще, что̀ мы также указывали, разсмотрѣть вторую половину 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики. Въ непосредственной связи съ уже разсмотрѣннымъ нами изъ этой 19-ой главы вначалѣ нашихъ I-ой и II-ой главъ, и въ частности, какъ непосредственное продолженіе приведеннаго какъ разъ въ началѣ II-ой главы, Аристотель говоритъ слѣдующее. «Такимъ образомъ, изъ чувственнаго познанія образуется, какъ мы говоримъ, память, изъ памяти же, когда память часто бываетъ объ одномъ и томъ-же» (когда часто повторяется одно и тоже) «—образуется опытъ, — ибо много воспоминаній по числу и составляютъ собою одинъ опытъ. Изъ опыта же», продолжаетъ Аристотель, «или изъ всякаго общаго» (такъ сказать) «остановившагося въ душѣ—того единаго рядомъ со многимъ, что̀ существуетъ какъ одно и тоже во всемъ томъ» (во всѣхъ тѣхъ, въ сущности относящихся къ единичному, познавательныхъ состояніяхъ), «образуется начало искусства и науки» (образуется вообще искусство и на-

ука), «—именно, когда дѣло идетъ о происхожденіи» (вообще существующихъ вещей) «—образуется начало искусства, когда же дѣло идетъ о дѣйствительномъ» (неизмѣнномъ, такъ сказить, твердомъ) «существованіи—начало науки». Затѣмъ Аристотель возвращается къ началу всего этого періода, онъ старается болѣе подробно и болѣе точно разъяснить ту мысль, которую онъ высказалъ еще вначалѣ всей этой части 19-ой главы, и которую, строго говоря, онъ имѣлъ въ виду и все время, именно онъ возвращается къ мысли о, такъ сказать, первенствѣ сравнительно со всѣми другими познавательными способностями чувственно познавательной способности,—и тутъ между прочимъ онъ высказываетъ фразу, которую мы уже привели вначалѣ нашей I-ой главы. «Слѣдовательно», указываетъ далѣе Аристотель, «познавательныя способности не существуютъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга» (совершенно несвязанно другъ съ другомъ), «съ другой стороны онѣ и не обусловливаются какими-либо болѣе высшими» (чѣмъ онѣ сами) «способностями, — познавательныя способности ведутъ свое начало отъ чувственной способности» (какъ разъ всю эту фразу мы и привели между прочимъ вначалѣ нашей I-ой главы), «какъ напр. въ битвѣ, когда произойдетъ бѣгство—при остановкѣ одного, останавливается и другой, за нимъ еще другой, пока не будетъ возстановленъ первоначальный порядокъ. Душа же», какъ-бы доканчиваетъ Аристотель только что приведенное сравненіе, «такого и существуетъ, чтобы быть въ состояніи испытывать все это». Но это указанное сравненіе Аристотеля не совсѣмъ понятно, не совсѣмъ понятно, какую аналогію можетъ имѣть эта картина прекращенія бѣгства въ битвѣ съ первенствомъ, съ нѣкоторымъ повидимому существеннымъ участіемъ вообще въ познаніи чувственнаго познанія, — въ виду этого Аристотель продолжаетъ еще: «Обо всемъ этомъ было сказано и прежде» (т. е. и изъ сказаннаго уже ранѣе, по всей вѣроятности въ той-же Аналитикѣ, въ тѣхъ-же логическихъ сочиненіяхъ Аристотеля, собственно уже можно понять, какую аналогію съ образованіемъ вообще познаній можетъ имѣть только что приведенное сравненіе), «но было сказано не ясно, — скажемъ же снова. Когда въ душѣ» (очевидно уже благодаря чувственному познанію) «установится» (образуется) «нѣчто неспособное къ различенію» (нѣчто болѣе

или менѣе общее) «—въ ней уже образуется первое общее,—ибо въ самомъ дѣлѣ», вставляетъ Аристотель какъ-бы въ скобкахъ, «чувственно познается, правда, частный, отдѣльный предметъ, но чувственное познаніе всетаки есть чувственное познаніе и общаго, какъ напр. существуетъ чувственное познаніе и вообще человѣка, но не» (только) «Калліаса человѣка,—затѣмъ въ этихъ образовавшихся общихъ познаніяхъ устанавливается еще общее, пока не установятся дѣйствительно лишенныя всякихъ частей и дѣйствительно общія познанія, какъ напр. устанавливается понятіе такого именно животнаго» (извѣстнаго вида животнаго), «до тѣхъ поръ пока не установится понятіе вообще животнаго» (рода животнаго), «и въ этомъ» (послѣднемъ) «понятіи устанавливаются такимъ же образомъ и дальнѣйшія понятія» (т. е. возможность аналогіи у только что приведеннаго сравненія со всѣмъ настоящимъ ученіемъ подтверждается для Аристотеля тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ въ битвѣ порядокъ, нарушенный бѣгствомъ, возстановляется постепенною остановкою бѣгущихъ, такъ и болѣе высшія, болѣе общія познанія получаются благодаря остановкѣ же, задержкѣ менѣе высшихъ—собственно чувственныхъ познаній. Совершенно такъ, какъ благодаря остановкѣ бѣгущихъ въ битвѣ возстановляются первоначальныя, такъ сказать, болѣе крупныя единицы въ войскѣ, напр. отдѣльные отряды, отдѣльныя части, —совершенно такъ-же и при задержкѣ собственно чувственныхъ познаній образуются болѣе или менѣе общія познанія, понятія—сначала менѣе общія понятія, но постепенно и болѣе общія). Далѣе Аристотель переходитъ къ тому положенію, изъ котораго въ сущности онъ исходилъ во всей настоящей, 19-ой главѣ. Какъ мы уже знаемъ изъ начала нашей I-ой главы, хотя Аристотель въ настоящей 19-ой главѣ, строго говоря, представилъ вообще картину происхожденія нашихъ, человѣческихъ знаній, но съ формальной стороны представилъ онъ эту картину какъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, какова сущность началъ, на которыя опираются доказательства, пріобрѣтаются ли человѣкомъ эти начала, — собственно къ отвѣту на этотъ вопросъ, и теперь уже въ связи съ только что изложеннымъ, Аристотель и переходитъ въ непосредственно дальнѣйшемъ. «Ясно отсюда», говоритъ Аристотель далѣе, «что первыя» (возникающія ранѣе другихъ) «понятія» (первое общее) «не-

обходимо намъ различать» (познавать) «посредствомъ индукціи, наведенія» (такъ или иначе необходимо познавать при участіи чувственныхъ же познаній),—«ибо въ самомъ дѣлѣ, именно способность чувственнаго познанія такимъ путемъ» (какой только что указанъ) «и ведетъ насъ къ общему. Но такъ какъ», продолжаетъ Аристотель, «изъ способностей, относящихся вообще къ мышленію, благодаря которымъ мы и можемъ получать истину, однѣ всегда дѣйствительно истинны» (всегда даютъ въ результатѣ одну только истину), «другія же допускаютъ и ложь каковы мнѣніе и разсужденіе» (нужно замѣтить — разсужденіе, относящееся скорѣе къ практической дѣятельности),—«истинными же» (дающими только истину), вставляетъ еще Аристотель, «являются всегда наука и разумъ, —и такъ какъ никакой родъ знанія не является точнѣе» (собственно безгрѣшнѣе, истиннѣе) «ума» (никакой родъ знанія не является точнѣе знанія, даваемаго умомъ), «а начала» (на которыя опираются доказательства) «должны быть извѣстнѣе» (тверже, истиннѣе) «самихъ доказательствъ и въ тоже время всякое знаніе опирается на логическое основаніе» (всякое знаніе опирается на эти-же доказательства), «—въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ знаніе» (хотя бы и знаніе, даваемое умомъ—наука) «не можетъ имѣть своимъ предметомъ полученія этихъ началъ: въ самомъ дѣлѣ», какъ-бы разъясняетъ Аристотель еще, «такъ какъ нельзя принять, чтобы что-либо превосходило по своей истинности науку кромѣ разума, то разумъ и будетъ находиться въ самой близкой связи съ этими началами, и тѣмъ, которые разсматриваютъ дѣло съ точки зрѣнія приведенныхъ соображеній, ясно также, что и доказательство» (само) «не можетъ быть началомъ доказательства» (доказательство не можетъ быть началомъ себя), «такъ что и наука не будетъ началомъ науки. Такимъ образомъ», заключаетъ Аристотель, «если мы не имѣемъ никакого другого дѣйствительно истиннаго познавательнаго рода» (никакого другого дѣйствительно истиннаго рода знанія), «кромѣ науки, то умъ будетъ началомъ науки. И это начало» (умъ) «будетъ началомъ начала» (началомъ начала, собственно на которое, по всему предыдущему, опирается какое-либо доказательство), «—всякое же другое начало» (одно изъ началъ, о которыхъ и идетъ здѣсь рѣчь, какое-либо изъ началъ доказательствъ) «бу-

детъ относиться совершенно такимъ же образомъ но всякой другой вещи» (познаніе всякой другой вещи будетъ имѣть своимъ основаніемъ это какое-либо изъ началъ доказательствъ, совершенно такъ, какъ само такое начало будетъ имѣть свое основаніе въ умѣ,—Аристотель, стало быть, въ концѣ опять таки склоняется къ тому, что начала доказательствъ скорѣе не могутъ быть пріобрѣтаемы человѣкомъ вполнѣ извнѣ: умъ собственно есть начало этихъ началъ, говоритъ Аристотель, умъ, слѣд., нѣкоторымъ образомъ уже содержитъ въ себѣ эти начала—это и показываетъ, что утверждать, по Аристотелю, полную пріобрѣтаемость этихъ началъ было бы трудно) [1]).

---

[1]) Anal. post. II, 19. 100 a. 3—b. 17. *Ἐκ μὲν οὖν αἰσθήσεως γίνεται μνήμη, ὥσπερ λέγομεν, ἐκ δὲ μνήμης πολλάκις τοῦ αὐτοῦ γινομένης ἐμπειρία· αἱ γὰρ πολλαὶ μνῆμαι τῷ ἀριθμῷ ἐμπειρία μία ἐστίν. ἐκ δ' ἐμπειρίας ἢ ἐκ παντὸς ἠρεμήσαντος τοῦ καθόλου ἐν τῇ ψυχῇ, τοῦ ἑνὸς παρὰ τὰ πολλά, ὃ ἂν ἐν ἅπασιν ἓν ἐνῇ ἐκείνοις τὸ αὐτό, τέχνης ἀρχὴ καὶ ἐπιστήμης, ἐὰν μὲν περὶ γένεσιν, τέχνης, ἐὰν δὲ περὶ τὸ ὄν, ἐπιστήμης. οὔτε δὴ ἐννυπάρχουσιν ἀφωρισμέναι αἱ ἕξεις, οὔτ' ἀπ' ἄλλων ἕξεων γίνονται γνωστικωτέρων, ἀλλ' ἀπὸ αἰσθήσεως, οἷον ἐν μάχῃ τροπῆς γενομένης ἑνὸς στάντος ἕτερος ἔστη, εἶθ' ἕτερος, ἕως ἐπὶ ἀρχὴν ἦλθεν. ἡ δὲ ψυχὴ ὑπάρχει τοιαύτη οὖσα οἷα δύνασθαι πάσχειν τοῦτο. ὃ δ' ἐλέχθη μὲν πάλαι, οὐ σαφῶς δὲ ἐλέχθη, πάλιν εἴπωμεν. στάντος γὰρ τῶν ἀδιαφόρων ἑνός, πρῶτον μὲν ἐν τῇ ψυχῇ καθόλου (καὶ γὰρ αἰσθάνεται μὲν τὸ καθ' ἕκαστον, ἡ δ' αἴσθησις τοῦ καθόλου ἐστίν, οἷον ἀνθρώπου, ἀλλ' οὐ Καλλίου ἀνθρώπου) πάλιν ἐν τούτοις ἵσταται, ἕως ἂν τὰ ἀμερῆ στῇ καὶ τὰ καθόλου, οἷον τοιονδὶ ζῷον, ἕως ζῷον· καὶ ἐν τούτῳ ὡσαύτως. δῆλον δὴ ὅτι ἡμῖν τὰ πρῶτα ἐπαγωγῇ γνωρίζειν ἀναγκαῖον· καὶ γὰρ καὶ αἴσθησις οὕτω τὸ καθόλου ἐμποιεῖ. ἐπεὶ δὲ τῶν περὶ τὴν διάνοιαν ἕξεων, αἷς ἀληθεύομεν, αἱ μὲν ἀεὶ ἀληθεῖς εἰσίν, αἱ δὲ ἐπιδέχονται τὸ ψεῦδος, οἷον δόξα καὶ λογισμός, ἀληθῆ δ' ἀεὶ ἐπιστήμη καὶ νοῦς, καὶ οὐδὲν ἐπιστήμης ἀκριβέστερον ἄλλο γένος ἢ νοῦς, αἱ δ' ἀρχαὶ τῶν ἀποδείξεων γνωριμώτεραι, ἐπιστήμη δ' ἅπασα μετὰ λόγου ἐστί, τῶν ἀρχῶν ἐπιστήμη μὲν οὐκ ἂν εἴη, ἐπεὶ δ' οὐδέν ἀληθέστερον ἐνδέχεται εἶναι ἐπιστήμης ἢ νοῦν, νοῦς ἂν εἴη τῶν ἀρχῶν, ἔκ τε τούτων σποποῦσι καὶ ὅτι ἀποδείξεως ἀρχὴ οὐκ ἀπόδειξις, ὥστ' οὐδ' ἐπιστήμης ἐπιστήμη. εἰ οὖν μηδὲν ἄλλο παρ' ἐπιστήμην γένος ἔχομεν ἀληθές, νοῦς ἂν εἴη ἐπιστήμης ἀρχή. καὶ ἡ μὲν ἀρχὴ τῆς ἀρχῆς εἴη ἄν, ἡ δὲ πᾶσα ὁμοίως ἔχει πρὸς τὸ ἅπαν πρᾶγμα.* Trendelenburg въ своихъ Elementa logices Aristoteleae (см. въ этомъ сочиненіи — 7-ое изданіе стр. 165—166) предлагаетъ нѣкоторое исправленіе приведеннаго (собственно Bekker'овскаго) греческаго текста всего настоящаго мѣста, именно въ выраженіи *πάλιν ἐν τούτοις ἵσταται* (это выраженіе стоитъ у Bekker'а непосредственно послѣ скобокъ) онъ послѣ слова *πάλιν* и передъ *ἐν* предлагаетъ вставить частицу *δέ*,—однако, какъ замѣчаетъ Waitz въ своемъ изданіи Organon'а Аристотеля (II, стр. 432), и

Вотъ что говоритъ Аристотель въ этой второй половинѣ 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики. Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь Аристотель дѣйствительно трактуетъ о разумномъ познаніи не съ точки зрѣнія только разумнаго познанія, здѣсь на самомъ дѣлѣ разумное познаніе переплетается съ другими, главнымъ образомъ конечно чувственными познаніями. Строго говоря, можно сказать, что въ настоящемъ мѣстѣ Аристотель дѣйствительно рисуетъ картину образованія вообще познаній во взросломъ, зрѣломъ человѣкѣ. Конечно, и

самъ Trendelenburg въ сущности соглашается, что это исправленіе вовсе не такъ уже необходимо. Это исправленіе—по крайней мѣрѣ насколько мнѣ извѣстно—единственное въ чтеніи всей этой второй половины настоящей 19-ой главы сравнительно съ Bekker'омъ: обыкновенно же всю эту половину читаютъ, вполнѣ, во всѣхъ частностяхъ придерживаясь Bekker'a. Далѣе, въ разъясненіи какихъ-либо отдѣльныхъ выраженій всего настоящаго же мѣста особой нужды, какъ мнѣ кажется, нѣтъ. Языкъ Аристотеля во всемъ этомъ мѣстѣ дѣйствительно довольно неясенъ и теменъ, но неясность эта вовсе не обусловливается неясностью какихъ-либо отдѣльныхъ выраженій. Неясность здѣсь зависитъ отъ того или другого общаго пониманія всего настоящаго отрывка,—разъяснить же еще какія-либо отдѣльныя выраженія конечно можно, но это въ сущности уже будутъ мелочи. Такимъ образомъ, какъ бы самъ собою является вопросъ—почему́ я понялъ общимъ образомъ весь нашъ отрывокъ такъ, какъ понялъ, чѣмъ обусловливалось мое общее толкованіе нашего отрывка? Въ этомъ отношеніи укажу, что главнымъ образомъ я слѣдовалъ разъясненіямъ Siebeck'a (см. замѣчанія Siebeck'a по поводу всего нашего мѣста въ Philologus XL, стр. 353—356, тѣ-же замѣчанія Siebeck впослѣдствіи перепечаталъ и въ своихъ «Untersuchungen zur Philosophie der Griechen»—2-ое изданіе стр. 159—162). Именно Siebeck, какъ мнѣ кажется, вполнѣ ясно, вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, и въ тоже время совершенно кратко, совершенно точно, не вдаваясь въ какія-либо не особенно существенныя подробности общимъ образомъ разъяснилъ все наше мѣсто. Эти-то разъясненія Siebeck'a изъ всѣхъ вообще существующихъ общихъ объясненій 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики (замѣчу, что кромѣ цитированныхъ уже въ настоящемъ примѣчаніи Trendelenburg'a и Waitz'a общимъ образомъ эту 19-ую главу еще объясняютъ—Kampe въ Die Erkenntnissth. des Arist. стр. 140 и слѣд., Prantl. въ Gesch. der Logik I. стр. 105 и слѣд., Teichmüller въ различныхъ мѣстахъ главы Platon und Aristoteles своихъ Stud. zur Gesch. der Begriffe, Wallace въ своемъ изданіи De anima въ предисловіи стр. CX и слѣд., и другіе) я и положилъ въ основу предложеннаго мною перевода и общаго толкованія настоящаго мѣста.

по мнѣнію Аристотеля, во взросломъ, зрѣломъ человѣкѣ фактически очень трудно отдѣлить разумное познаніе отъ чувственнаго, фактически оба эти познанія постоянно смѣшиваются другъ съ другомъ и какъ-бы дополняютъ другъ друга,— какъ разъ этотъ моментъ Аристотель и захватываетъ въ настоящемъ мѣстѣ. Съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ замѣтить кстати, настоящее мѣсто можетъ помочь намъ разрѣшить нѣкоторыя сомнѣнія, остававшіяся у насъ еще во всемъ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи. Напр. во всемъ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи было неясно—какую собственно роль играетъ всетаки, по Аристотелю, и разумъ вообще въ чувственныхъ познаніяхъ, и особенно въ познаніяхъ, являющихся результатомъ дѣятельности способности φαντασία, въ образахъ, представленіяхъ, почему Аристотель находитъ возможнымъ всеже допустить особенно въ послѣднихъ познаніяхъ участіе, и даже повидимому довольно существенное участіе и разума? Если мы станемъ на точку зрѣнія настоящаго мѣста, если мы станемъ на точку зрѣнія, такъ сказать, фактической неотдѣлимости и по мнѣнію Аристотеля во вполнѣ сформировавшемся человѣкѣ области собственно чувственнаго познанія отъ области разумнаго познанія, то мы поймемъ, въ чемъ тутъ дѣло: дѣло тутъ въ томъ, что и Аристотель, какъ мы говоримъ, не можетъ строго разграничить эти двѣ наиболѣе важныя области вообще познанія, дѣло въ томъ, что и по Аристотелю въ зрѣломъ человѣкѣ фактически разумъ не можетъ, такъ сказать, не вмѣшиваться собственно въ чуждую ему область, не можетъ не оказывать своего вліянія и на области чувственнаго познанія. Вотъ, можетъ быть, почему у Аристотеля во всякомъ случаѣ и обнаруживалось какъ-бы колебаніе по этому вопросу объ участіи разума вообще въ чувственномъ знаніи, и въ частности въ образованіи образовъ, представленій, — и вотъ почему въ концѣ, какъ мы видѣли, Аристотель высказался всетаки скорѣе за болѣе существенное участіе разума собственно въ образованіи образовъ или представленій, хотя высказался — это мы также замѣтили — далеко не съ полною обстоятельностью. Далѣе, переходя къ собственному нашему вопросу, къ вопросу, какъ разъ интересующему насъ въ настоящее время, именно, переходя къ вопросу объ участіи тѣхъ-же чувственныхъ познаній, и въ

частности тѣхъ-же образовъ или представленій уже въ самомъ разумномъ познаніи, въ разумномъ познаніи какъ такомъ, строго отдѣленномъ отъ всякихъ другихъ познаній, укажемъ, что и въ этомъ отношеніи настоящее мѣсто, вся эта вторая половина 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики несомнѣнно также даетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько давали только что разсмотрѣнныя нами мѣста изъ De anima: въ настоящемъ мѣстѣ Аристотель несомнѣнно какъ-бы дорисовываетъ картину процесса образованія разумныхъ познаній, относительно участія образовъ или представленій въ собственныхъ разумныхъ познаніяхъ здѣсь не только отмѣчается, что образы или представленія должны участвовать въ этихъ познаніяхъ, но изъ настоящаго же мѣста можно извлечь и кое-что положительное по отношенію къ этому участію, можно до нѣкоторой степени разъяснить, какъ именно фактически въ частностяхъ проявляется это участіе. И что же, можно ли на основаніи настоящаго мѣста утверждать, что чувственныя знанія, и въ частности образы, представленія являются по ученію Аристотеля дѣйствительно положительными, дѣйствительно дѣятельными факторами при образованіи собственныхъ разумныхъ знаній, можно ли приписывать Аристотелю то положеніе, которое часто приписывается ему (и между прочимъ какъ разъ на основаніи нашего же мѣста), именно можно ли утверждать, что уже и Аристотель училъ, будто — nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu? На этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ отвѣтить вполнѣ отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ въ настоящемъ мѣстѣ указанія, сколько-нибудь точно свидѣтельствующія о такомъ дѣятельномъ участіи въ образованіи собственныхъ разумныхъ знаній знаній чувственныхъ, гдѣ сколько-нибудь точныя свидѣтельства въ пользу дѣйствительной возможности приписать Аристотелю вышеприведенное положеніе? Если мы примемъ во вниманіе только что разъясненный общій характеръ всего нашего мѣста, это фактическое сліяніе въ нашемъ мѣстѣ и разума какъ познавательной способности и чувствъ, и если съ точки зрѣнія этого общаго характера мы вглядимся ближе въ отдѣльныя выраженія, мы согласимся, что такихъ указаній въ нашемъ мѣстѣ нѣтъ и въ сущности и быть не можетъ, что хотя на первый взглядъ на основаніи какъ разъ

настоящаго мѣста и можно считать Аристотеля какъ будто проповѣдникомъ и во всякомъ случаѣ защитникомъ приведеннаго положенія, но по ближайшемъ разсмотрѣніи даже и эта видимость должна будетъ быть оставлена. Умъ есть начало началъ доказательствъ, говоритъ, какъ мы видѣли, въ концѣ Аристотель, умъ, стало быть, что̀ мы также замѣтили, нѣкоторымъ образомъ уже содержитъ въ себѣ эти начала, уже содержитъ въ себѣ собственныя разумныя знанія,—это будетъ довольно точнымъ указаніемъ Аристотеля, но это указаніе конечно не будетъ въ пользу упомянутаго положенія. Единственное, что дѣйствительно еще можно допустить и на основаніи настоящаго мѣста—это то, что умъ, по мнѣнію Аристотеля, когда ему приходится имѣть дѣло съ разумными познаніями, такъ сказать, матеріальными, исходящими изъ окружающей дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ долженъ до нѣкоторой степени опираться на эту же дѣйствительность, на эту же матерію, долженъ, такъ сказать, имѣть подъ рукою чувственныя знанія вообще, въ которыхъ прежде всего, непосредственно и познается окружающая дѣйствительность,—утверждать же, что въ настоящемъ мѣстѣ Аристотель доказываетъ, будто одно только накопленіе чувственныхъ знаній главнымъ образомъ въ состояніи дать разумныя познанія, что хотя разумъ и играетъ тутъ нѣкоторую роль, но эта роль будетъ сравнительно незначительная, она далеко не будетъ самодѣятельностью, самостоятельною дѣятельностью разума—по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, совершенно невозможно. Такимъ образомъ и въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, касающемся конкретныхъ, какъ мы ихъ назвали, ученій Аристотеля о разумномъ познаніи, и въ этомъ заключеніи къ ученію Аристотеля о самомъ процессѣ образованія разумныхъ знаній мы приходимъ къ тому-же самому положенію, которое проходило черезъ все наше изложеніе его предыдущаго ученія, черезъ все опредѣленіе Аристотеля общей сущности разума: разумъ въ своей познавательной дѣятельности остается, по ученію Аристотеля, вполнѣ самостоятельнымъ, вполнѣ независимымъ органомъ,—и даже когда разуму приходится имѣть дѣло съ матеріальною дѣйствительностью, когда разуму приходится образовывать разумныя познанія, такъ или иначе исходящія отъ матеріальныхъ вещей, все вліяніе на него матеріальныхъ вещей ограничивается, такъ

сказать, затрогиваніемъ его, даваніемъ ему повода самостоятельно проявить свою дѣятельность; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, стало быть, и по настоящему мѣсту самомышленіе разума также сохраняется Аристотелемъ.

Разсмотрѣніемъ настоящаго мѣста, этой второй половины 19-ой главы 2-ой книги Второй Аналитики, мы заканчиваемъ разсмотрѣніе ученія Аристотеля о самомъ процессѣ образованія разумныхъ познаній, и въ тоже время заканчиваемъ и разсмотрѣніе вообще ученія Аристотеля о разумномъ познаніи [1]). Теперь, согласно нашему указанію еще вначалѣ настоящей, III-ей главы, намъ слѣдуетъ подвести итоги всему этому разсмотрѣнію, именно теперь вполнѣ удобно будетъ намъ отвѣтить на главный интересующій насъ во всемъ нашемъ сочиненіи вопросъ и по отношенію къ разумнымъ познаніямъ по Аристотелю, удобно будетъ отвѣтить на вопросъ о роли, объ участіи опыта, по подлиннымъ воззрѣніямъ Аристотеля,

---

[1]) По принятому мною порядку, какъ разъ въ настоящее время, въ заключеніе къ настоящему изложенію мнѣ слѣдуетъ сказать еще по поводу частнаго, обнаружившагося въ самомъ моемъ изложеніи отношенія моего къ вообще существующей, разъясняющей разумное познаніе по Аристотелю, литературѣ. Въ этомъ отношеніи укажу, что эта сторона въ достаточной степени, какъ мнѣ кажется, уже выяснилась изъ моихъ непосредственно предшествовавшихъ примѣчаній, — въ частности она выяснилась изъ примѣчаній, приведенныхъ мною въ началѣ настоящей, III-ей главы. Въ виду обширности, и главное, въ виду, такъ сказать, разнорѣчія литературы, касающейся объясненія и пониманія Аристотелевскаго ученія вообще о разумномъ познаніи, невозможно было особенно слѣдить за этою литературою, — такимъ образомъ пришлось преимущественно сосредоточиться на подлинныхъ выраженіяхъ самого Аристотеля. Но это, строго говоря, замѣчу теперь, не особенно разнится отъ способа изложенія, принятого мною въ предыдущихъ главахъ, при изложеніи предыдущихъ познавательныхъ ученій Аристотеля, ибо и тамъ, въ сущности, я также старался излагать по большей части словами самого же Аристотеля. Разница заключается только въ томъ, что тамъ, благодаря отсутствію такихъ значительныхъ разногласій у толкователей, можно было все-таки дать какъ будто сравнительно бо́льшее понятіе и о существующей литературѣ толкованій соотвѣтствующихъ ученій самого Аристотеля,—здѣсь же это было возможно сдѣлать даже еще въ гораздо мéньшей степени. Но выставляя на видъ такое свое, какъ будто нѣсколько отрицательное отно-

и собственно въ разумныхъ познаніяхъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ для насъ не труденъ, онъ не потребуетъ много времени. Если вѣрно только что высказанное положеніе, положеніе, но только что указанному, прошедшее черезъ все наше настоящее разсмотрѣніе, ести вѣрно то положеніе, что разумъ въ своей познавательной дѣятельности, по подлинному мнѣнію Аристотеля, въ сущности самостоятеленъ, независимъ отъ чувственныхъ познаній, отъ матеріи вообще, то вѣрно, что хотя можно повидимому допустить нѣкоторое участіе и опыта въ разумныхъ познаніяхъ, но участіе это будетъ самое незначительное, оно сведется почти къ нулю. Если предыдущія наши главы, изложеніе предыдущихъ познавательныхъ ученій Аристотеля, ученій Аристотеля о чувственныхъ познаніяхъ и о познаніяхъ, являющихся результатомъ дѣятельности способности *φαντασία*, мы закончили выставленіемъ нѣкотораго сомнѣнія по поводу дѣйствительно существеннаго значенія опыта при образованіи всѣхъ этихъ знаній, то теперь, по отношенію ко всему ученію Аристотеля о разумныхъ познаніяхъ, придется отнять у этого сомнѣнія характеръ сомнѣнія, придется высказать его уже какъ нѣчто несомнѣнное, нѣчто опредѣленное. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду приведенное положеніе—не ясно ли, что центръ тяжести въ образованіи разумныхъ познаній дѣйствительно, по подлиннымъ воззрѣніямъ Аристотеля, находится не въ опытѣ, онъ лежитъ въ самомъ разумѣ, въ самодѣятельности, самомышленіи разума?—это, какъ

шеніе къ вообще существующей литературѣ, разъясняющей разумное познаніе по Аристотелю, я конечно и здѣсь, и въ настоящемъ случаѣ также хорошо сознаю, насколько я обязанъ этой-же самой литературѣ. Насколько я считаю себя обязаннымъ этой-же литературѣ въ пониманіи отдѣльныхъ выраженій Аристотеля—это, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени выяснялось уже и въ моихъ непосредственно предшествующихъ примѣчаніяхъ, —но и самая моя общая концепція, самая общая схема моего изложенія ученія Аристотеля о разумномъ познаніи конечно могла явиться только при существованіи этой-же литературы. И мою общую схему въ настоящемъ случаѣ я также не могу не признать какъ-бы отраженіемъ работъ моихъ предшественниковъ, — отраженіемъ въ томъ смыслѣ, что такъ или иначе— но безъ тщательнаго изученія всѣхъ этихъ работъ эта схема, разумѣется, не могла бы принять своего настоящаго вида.

мнѣ кажется, съ точки зрѣнія приведеннаго положенія можно утверждать уже съ полною несомнѣнностью. Если же такъ, то этимъ самымъ и рѣшается настоящій интересующій насъ вопросъ по отношенію собственно къ разумнымъ познаніямъ по Аристотелю: на вопросъ о дѣйствительно существенномъ значеніи опыта при образованіи разумныхъ знаній, по подлинному мнѣнію Аристотеля, очевидно приходится отвѣчать отрицательно. Такіе итоги можно подвести настоящему разсмотрѣнію, такъ можно разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ,—и разрѣшеніе это, какъ мы видимъ, дѣйствительно не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій. Однако, можно спросить далѣе, можно ли вообще въ нашемъ изложеніи удовольствоваться этимъ отвѣтомъ? можно ли, послѣ полученія такого отвѣта, такъ сказать, поставить точку вообще въ нашемъ сочиненіи? Чѣмъ же обусловливалось это наше предыдущее сомнѣніе, почему мы могли прійти къ нему? И слѣдуетъ замѣтить, что это сомнѣніе, такъ сказать, выступало у насъ довольно ярко: въ началѣ изложенія нашей I-ой главы, въ началѣ нашего изложенія ученій Аристотеля собственно о чувственномъ познаніи могло казаться, что никакого сомнѣнія не будетъ, что Аристотель наоборотъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ чувственному познанію, опредѣленно выскажется за дѣйствительно существенное участіе и опыта. Чтобы уничтожить всѣ эти недоумѣнія, чтобы привести все наше изложеніе, все наше сочиненіе къ вполнѣ ясному и точному концу намъ очевидно къ настоящимъ тремъ главамъ нужно будетъ прибавить еще IV-ую, по объему теперь уже самую небольшую, намъ нужно будетъ сдѣлать общее заключеніе. Въ этой заключительной главѣ мы прежде всего сопоставимъ добытыя нами въ настоящее время собственно познавательныя ученія Аристотеля съ его общими философскими, изложенными по преимуществу въ Метафизикѣ взглядами,—и это сопоставленіе, какъ мнѣ кажется, уничтожитъ эти недоумѣнія, покажетъ что у Аристотеля дѣйствительно могло быть какъ-бы нѣкоторое колебаніе въ его собственно познавательныхъ ученіяхъ, и въ тоже время покажетъ, въ какую сторону окончательно слѣдуетъ разрѣшить это колебаніе. Затѣмъ, при этомъ же сопоставленіи, получится, быть можетъ, кое-что и для самыхъ общихъ философскихъ, взглядовъ Аристотеля. Хотя изложенные въ Метафизи-

кѣ взгляды Аристотеля, какъ мы говоримъ, окончательно объяснятъ его познавательныя ученія, хотя эти метафизическіе взгляды у Аристотеля собственно должны давать тонъ всѣмъ остальнымъ его ученіямъ, но у такого систематическаго философа, какимъ былъ Аристотель, все должно быть въ связи, все должно дополнять одно другое, — отсюда и собственно познавательныя ученія Аристотеля, въ свою очередь, быть можетъ, дадутъ нѣкоторую иллюстрацію тѣхъ-же его метафизическихъ взглядовъ.

ГЛАВА IV.

Общее заключеніе относительно собственно познавательныхъ ученій Аристотеля.

Въ 9-ой главѣ XIII-ой книги своей Метафизики, въ концѣ Аристотель начинаетъ между прочимъ критиковать идеологію, философское ученіе Платона, и въ этой критикѣ онъ высказываетъ слѣдующее. «Это» (т. е. это философское ученіе, какъ разъ идеологію) «вызвалъ, какъ мы говорили раньше» (конечно говорили въ той-же Метафизикѣ—можно напр. имѣть здѣсь въ виду 6-ую главу I-ой книги той-же Метафизики), «Сократъ своими опредѣленіями» (опредѣленіями понятій), «—но онъ именно не отдѣлилъ отъ частныхъ, индивидуальныхъ вещей» (очевидно общаго); «и въ этомъ случаѣ, не отдѣливши, онъ пришелъ къ правильному заключенію. Правильность эта обнаруживается на самыхъ фактахъ: въ самомъ дѣлѣ, невозможно получить знанія» (конечно истиннаго знанія) «безъ общаго, отдѣленіе же общаго и является причиною затрудненій, связанныхъ съ ученіемъ о идеяхъ» (связанныхъ съ принятіемъ идеологіи). «Защитники же идеологіи, какъ будто, если будутъ существовать какія-либо сущности помимо чувственныхъ и находящихся въ постоянномъ измѣненіи, необходимо имъ быть отдѣленными, иныхъ сущностей и не признавали,— эти же, называемыя общими сущностями, особенно выставили» (только ихъ дѣйствительно признали сущностями, и притомъ сущностями, проявляющимися въ томъ-же чувственномъ и постоянно измѣняющемся); «такъ что у нихъ» (фактически) «почти случается, что одна и та-же природа и у общаго, и у частнаго, единичнаго» (у нихъ общія сущности, строго говоря, фактически почти не отличаются отъ единичныхъ, общее какъ-бы тождественно съ единичнымъ — результатъ, который

противорѣчитъ отдѣленности идей, но который необходимо долженъ получиться, по Аристотелю, при признаніи идей сущностями единичныхъ вещей; дѣйствительно, какъ-бы выходитъ у Аристотеля, фактически идеи, въ качествѣ сущностей единичныхъ вещей, въ концѣ непремѣнно сольются съ единичными вещами, даже опредѣлять ихъ, устанавливать ихъ природу приходится чертами, заимствованными отъ тѣхъ-же единичныхъ вещей — это и показываетъ, по мнѣнію Аристотеля, что отдѣлять идеи невозможно). «И это-то само по себѣ» (уже одно это) «и будетъ нѣкоторымъ» (существеннымъ) «затрудненіемъ въ указанномъ» (въ указанной теоріи, въ идеологіи) [1]). Затѣмъ, какъ-бы въ дополненіе къ этому, въ 11-ой главѣ I-ой книги Второй Аналитики Аристотель выражается уже гораздо положительнѣе. Желая повидимому толковать здѣсь объ общихъ принципахъ въ наукахъ, вообще объ общемъ въ наукахъ, о томъ, чѣмъ отдѣльныя науки объединяются, въ силу чего онѣ подходятъ подъ понятіе науки, — Аристотель начинаетъ эту главу такъ. «Если существуетъ доказательство, то изъ этого вовсе не необходимо слѣдуетъ, чтобы существовали идеи» (*εἴδη*—я перевожу этотъ терминъ какъ разъ «идеями», ибо и Платонъ, въ сущности, для обозначенія своихъ «идей» постоянно пользуется этимъ-же самымъ терминомъ) «или нѣчто единое помимо многаго» (помимо отдѣльныхъ, единичныхъ вещей), «—но при существованіи доказательства дѣйствительно необходимо будетъ истинно сказать, что существуетъ единое во многомъ» (что существуютъ тѣ-же идеи въ самыхъ отдѣльныхъ, единичныхъ вещахъ, въ каждой изъ отдѣльныхъ, единичныхъ вещей): въ самомъ дѣлѣ», разъясняетъ свою настоящую мысль Аристотель далѣе, «если этого не

---

[1]) Metaphys. XIII, 9. 1086 b. 2—13. *Τοῦτο δ', ὥσπερ ἐν τοῖς ἔμπροσθεν ἐλέγομεν, ἐκίνησε μὲν Σωκράτης διὰ τοὺς ὁρισμούς, οὐ μὴν ἐχώρισέ γε τῶν καθ' ἑκάστων· καὶ τοῦτο ὀρθῶς ἐνόησεν οὐ χωρίσας. δηλοῖ δὲ ἐκ τῶν ἔργων· ἄνευ μὲν γὰρ τοῦ καθόλου οὐκ ἔστιν ἐπιστήμην λαβεῖν, τὸ δὲ χωρίζειν αἴτιον τῶν συμβαινόντων δυσχερῶν περὶ τὰς ἰδέας ἐστίν. οἱ δ' ὡς ἀναγκαῖον, εἴπερ ἔσονταί τινες οὐσίαι παρὰ τὰς αἰσθητὰς καὶ ῥευσούσας, χωριστὰς εἶναι, ἄλλας μὲν οὐκ εἶχον, ταύτας δὲ τὰς καθόλου λεγομένας ἐξέθεσαν, ὥστε συμβαίνειν σχεδὸν τὰς αὐτὰς φύσεις εἶναι τὰς καθόλου καὶ τὰς καθ' ἕκαστον. αὕτη μὲν οὖν αὐτὴ καθ' αὐτὴν εἴη τις ἂν δυσχέρεια τῶν εἰρημένων.*

будетъ» (если не будетъ такого именно, какое только что указано, существованія идей), «то не будетъ и общаго, а если не будетъ общаго, то не будетъ и средняго термина» (средняго понятія, какъ разъ нужнаго для доказательства), «—стало быть, не будетъ и» (самого) «доказательства. Слѣдуетъ, такимъ образомъ», заключаетъ Аристотель, «чтобы существовало нѣчто единое и тождественное въ сравнительно многомъ» (въ сравнительно многихъ вещахъ, въ каждой изъ многихъ вещей), «и чтобы это единое было тождественнымъ» (въ каждой изъ этихъ вещей) «не» (только) «по имени» (чтобы оно на самомъ дѣлѣ, а не въ обозначеніи только было единымъ) [1]).

Такъ, между прочимъ, высказываетъ Аристотель свои общіе философскіе взгляды. Я говорю—общіе философскіе, ибо повидимому здѣсь дѣйствительно дѣло идетъ объ общихъ, послѣднихъ основаніяхъ существующаго, здѣсь на самомъ дѣлѣ какъ-бы трактуется о нѣкоторыхъ, такъ сказать, послѣднихъ общихъ объясненіяхъ, которыя можно дать вообще этому существующему,—такія же разсужденія, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, по преимуществу должны будутъ быть названы общими философскими. Что же можно вывести для такихъ общихъ философскихъ взглядовъ изъ этихъ двухъ приведенныхъ мѣстъ Аристотеля? Имѣя въ виду, что здѣсь какъ разъ будутъ два мѣста, одно болѣе отрицательное, другое же болѣе положительное, и притомъ имѣя въ виду, что въ отрицательномъ мѣстѣ Аристотель нападаетъ на Платона, нельзя, какъ я думаю, не прійти къ заключенію, что съ формальной стороны Аристотель дѣйствительно какъ будто расходится съ Платономъ въ этихъ общихъ объясненіяхъ, по существу же разница вовсе не будетъ особенно значительна. Въ самомъ дѣлѣ, что особенно не нравится Аристотелю у Платона? Какъ можно видѣть изъ нашихъ обоихъ мѣстъ, Аристотель особенно несогласенъ съ Платоновскою отдѣленностью идей, съ существо-

---

[1]) Anal. poster. I, 11. 77 a. 5—11. *Εἴδη μὲν οὖν εἶναι ἢ ἕν τι παρὰ τὰ πολλὰ οὐκ ἀνάγκη, εἰ ἀπόδειξις ἔσται, εἶναι μέντοι ἓν κατὰ πολλῶν ἀληθὲς εἰπεῖν ἀνάγκη· οὐ γὰρ ἔσται τὸ καθόλου, ἂν μὴ τοῦτο ᾖ· ἐὰν δὲ τὸ καθόλου μὴ ᾖ, τὸ μέσον οὐκ ἔσται, ὥστ' οὐδ' ἀπόδειξις. δεῖ ἄρα τι ἓν καὶ τὸ αὐτὸ ἐπὶ πλειόνων εἶναι μὴ ὁμώνυμον.*

ваніемъ идей, общаго у Платона вполнѣ отдѣльно отъ единичныхъ, реальныхъ вещей,—но онъ вовсе не противъ общаго, какъ послѣдняго объясненія единичныхъ, реальныхъ вещей, онъ только желаетъ помѣстить это общее въ самыхъ этихъ единичныхъ вещахъ, въ каждой изъ единичныхъ вещей. Если же такъ, то это и показываетъ, насколько Аристотель въ своихъ общихъ философскихъ взглядахъ былъ тѣмъ-же платоникомъ. Разница между Платономъ и Аристотелемъ вообще дѣйствительно будетъ, быть можетъ, заключаться только въ томъ, что, какъ часто говорилось и говорится, Платонъ скорѣе былъ человѣкомъ увлекающимся, въ философіи онъ былъ болѣе поэтомъ, — Аристотель же, какъ бы мы сказали въ настоящее время, былъ болѣе человѣкомъ положительнымъ. Аристотеля, такимъ образомъ, вообще можно бы было назвать, пожалуй, философомъ дѣйствительности;—но то во всякомъ случаѣ вѣрно — и это какъ разъ подтверждается и обоими нашими мѣстами—, что съ точки зрѣнія своихъ общихъ философскихъ объясненій существующаго Аристотель вполнѣ усвоилъ элементы философіи Сократа и Платона; по своимъ послѣднимъ, наиболѣе общимъ объясненіямъ, даваемымъ имъ единичнымъ, реальнымъ вещамъ, Аристотель вполнѣ принадлежитъ къ тому-же направленію древней греческой философіи, начало которому собственно положилъ Сократъ.

Теперь обратимся къ нашему сопоставленію, съ приведенными собственно общими философскими ученіями Аристотеля постараемся сопоставить добытыя нами во всемъ нашемъ сочиненіи его познавательныя ученія. Итакъ, Аристотель, какъ мы говоримъ, совершенно также какъ и Платонъ, вполнѣ согласенъ, что въ основаніе вообще существующаго, единичныхъ, реальныхъ вещей слѣдуетъ положить нѣкоторыя общія сущности, вообще общее. Но что̀ такое это общее? Общее, какъ мнѣ кажется, нельзя опредѣлить иначе, какъ то, что по преимуществу принадлежитъ, по преимуществу исходитъ изъ разума; общее есть главнымъ образомъ—обобщенія разума. Теперь, если мы примемъ во вниманіе помѣщеніе Аристотелемъ этихъ общихъ сущностей, этого общаго какъ разъ въ самыхъ отдѣльныхъ, единичныхъ вещахъ, въ каждой изъ единичныхъ вещей, то намъ станетъ совершенно ясно, что Аристотель долженъ былъ обратить особенное вниманіе на

объясненіе познанія отдѣльныхъ, единичныхъ вещей; такое познаніе должно было быть, такъ сказать, предварительнымъ и совершенно необходимымъ. При тщательномъ же объясненіи познанія отдѣльныхъ, единичныхъ вещей конечно не могло укрыться—особенно отъ такого положительнаго, трезваго человѣка, какимъ былъ, какъ мы указали, Аристотель, и въ то время, когда уже существовали указанія какъ разъ такого рода и у другихъ, болѣе раннихъ, нежели Аристотель, греческихъ философовъ—и существенное участіе въ такомъ познаніи опыта,—такимъ-то образомъ Аристотель и началъ съ того, что прежде всего представилъ дѣйствительно какъ будто замѣчательную, дѣйствительно какъ будто вполнѣ стройную и гармоничную общую теорію вообще чувственнаго познанія, того познанія, въ которомъ и познаются отдѣльныя, единичныя, собственно кажущіяся реальными вещи; въ этой общей теоріи Аристотель повидимому и удѣлилъ вполнѣ законное вниманіе опыту, за опытомъ, вліяніемъ собственно объекта онъ повидимому призналъ совершенно такое же существенное значеніе, какъ и за другимъ факторомъ, за собственно субъектомъ. Но могъ ли Аристотель, такъ сказать, выдержать до конца такіе взгляды, можно ли думать, что эти взгляды и должны были быть подлинными Аристотелевскими взглядами? Не забудемъ, что основаніе всего существующаго, всѣхъ единичныхъ вещей Аристотель полагаетъ хотя и въ помѣщенномъ въ тѣхъ-же единичныхъ вещахъ, но всетаки въ общемъ; общее же, какъ мы только что указали, есть преимущественная принадлежность разума, самаго познающаго, того, что главнымъ образомъ можно назвать субъектомъ;—уже отсюда ясно, что выдержать до конца эти взгляды Аристотель не могъ. И дѣйствительно, уже въ дальнѣйшемъ развитіи того-же ученія вообще о чувственномъ познаніи, въ развитіи этого ученія въ частностяхъ, подробностяхъ Аристотель, какъ мы имѣли случай убѣдиться изъ нашего изложенія, до нѣкоторой степени измѣняетъ этимъ взглядамъ: видимость существеннаго участія опыта вообще въ чувственномъ познаніи, правда, остается,—но она остается именно только видимостью, на самомъ же дѣлѣ центръ тяжести какъ будто перемѣщается болѣе на субъектъ. И это совершенно понятно, совершенно естественно: общее, повторимъ еще разъ, есть преимущественное достояніе только субъекта,

—поэтому всѣ разсужденія Аристотеля объ участіи даже и въ чувственномъ познаніи опыта, о вліяніи при образованіи даже и чувственныхъ познаній объекта по необходимости въ концѣ концовъ не могли оказаться вполнѣ обстоятельными. Затѣмъ, когда Аристотель дошелъ наконецъ до разумныхъ познаній, до тѣхъ познаній, которыя и въ дѣйствительности какъ-бы по преимуществу имѣютъ дѣло съ этими послѣдними основаніями, съ общимъ — тутъ даже и видимость сколько-нибудь дѣйствительно существеннаго участія опыта должна была исчезнуть. Такъ какъ по Аристотелю общее всетаки находится въ единичныхъ вещахъ, въ каждой изъ единичныхъ вещей, то и при разумныхъ познаніяхъ должны были, такъ сказать, находиться на лицо эти единичныя вещи, и при разумныхъ познаніяхъ должны были быть подъ рукою и чувственныя познанія вообще,—но на самомъ дѣлѣ факторомъ, дѣйствительнымъ дѣятелемъ при образованіи разумныхъ познаній уже вполнѣ являлся только разумъ, только собственно субъектъ.

Вотъ какъ можно сопоставить добытыя нами во всемъ нашемъ изслѣдованіи собственно познавательныя ученія Аристотеля съ его послѣдними, наиболѣе общими объясненіями, даваемыми имъ вообще существующему, — и это сопоставленіе, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно уничтожаетъ остававшіяся недоумѣнія, оно дѣйствительно какъ-бы придаетъ всему нашему изслѣдованію вполнѣ законченный видъ. Въ настоящее время мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ у Аристотеля могло быть колебаніе въ его собственно познавательныхъ ученіяхъ, видимъ, почему́ могло быть это колебаніе, и въ какую́ сторону окончательно оно должно было разрѣшиться. Общая теорія вообще чувственнаго познанія дѣйствительно могла быть у Аристотеля замѣчательною, но эта замѣчательность ея не была чѣмъ-либо вполнѣ сознательнымъ: замѣчательность эта, въ сущности, оказывается, такъ сказать, довольно случайною. Если разсматривать только одну общую теорію чувственнаго познанія вообще, если изолировать общее опредѣленіе вообще чувственнаго познанія у Аристотеля отъ всѣхъ дальнѣйшихъ его собственно познавательныхъ ученій, то вполнѣ законно можно будетъ прійти къ заключенію, что Аристотель держится, такъ сказать, здравой теоріи познанія, но если какъ разъ ввести сюда и разсмотрѣніе дальнѣйшихъ собственно познаватель-

ныхъ Аристотелевскихъ ученій—придется отказаться отъ такого заключенія,—это и показываетъ, какъ мы говоримъ, случайность названной теоріи. И въ настоящее же время мы получаемъ наконецъ отвѣтъ на нашъ основной, главный вопросъ, на вопросъ, ради рѣшенія котораго, какъ мы указали это въ нашемъ предисловіи, и было предпринято все настоящее изслѣдованіе, — именно мы получаемъ отвѣтъ на вопросъ объ эмпиризмѣ Аристотеля съ точки зрѣнія его познавательныхъ ученій. Если, опять таки, имѣть въ виду только общее опредѣленіе Аристотеля чувственнаго познанія вообще, совершенно отдѣльно и независимо отъ другихъ его познавательныхъ же ученій, правильно будетъ, пожалуй, назвать Аристотеля эмпирикомъ,—но послѣ разсмотрѣнія всѣхъ познавательныхъ ученій Аристотеля, во всей ихъ совокупности и послѣдовательности, придется, разумѣется, скорѣе отказаться отъ такого утвержденія. Да и какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно здѣсь толковать объ эмпиризмѣ, когда послѣднія основанія существующаго, послѣднюю, конечную, стало быть, цѣль знанія Аристотель полагаетъ всеже въ общемъ, въ общемъ, логически отдѣленномъ отъ единичныхъ вещей, поставленномъ прежде ихъ, какъ разъ въ основаніи ихъ, въ общемъ въ такóмъ видѣ, который дѣйствительно, въ сущности, долженъ быть весьма тѣсно связанъ съ дѣятельностью собственно субъекта, собственно познающаго?—истинный эмпиризмъ, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, не можетъ такъ склоняться въ сторону только субъекта. Истинный эмпиризмъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, дѣйствительно признаéтъ совершенно равноправное участіе въ образованіи познаній какъ за субъектомъ, такъ и за объектомъ; истинный эмпирикъ не станетъ высказывать въ одной части своихъ познавательныхъ ученій мнѣній, которыя только могутъ быть истолкованы въ пользу повидимому существеннаго участія и опыта, объекта, а въ дальнѣйшемъ проповѣдывать ученія, несогласныя съ такими мнѣніями, — истинный эмпирикъ постарается вполнѣ сознательно и вполнѣ опредѣленно вездѣ въ познавательныхъ ученіяхъ дѣйствительно провести совершенную равноправность этихъ двухъ факторовъ. Вѣдь все дѣло науки, истиннаго научнаго эмпиризма по отношенію къ познанію въ томъ и состоитъ, какъ мнѣ кажется, чтобы вполнѣ сознательно и опре-

дѣленно задаться цѣлью постараться отвѣтить на вопросъ, что́ именно, какія черты въ познаніи должны быть, такъ сказать, отнесены на счетъ окружающей человѣка дѣйствительности,— а у Аристотеля такой сознательной и опредѣленной постановки нигдѣ нѣтъ; въ ученіи о чувственныхъ познаніяхъ эта постановка именно какъ будто безсознательна, а въ ученіи о разумныхъ знаніяхъ этотъ вопросъ не ставится, да даже и не можетъ ставиться по самымъ общимъ его философскимъ воззрѣніямъ.

Имѣя въ виду это-же сопоставленіе, именно, имѣя въ виду, что съ одной стороны послѣднія, наиболѣе общія объясненія, даваемыя Аристотелемъ вообще существующему, будутъ какъ разъ таковы, ка́къ мы ихъ только что изложили, и съ другой стороны что и собственно познавательныя ученія Аристотеля переданы нами согласно съ дѣйствительностью, имѣя все это въ виду, мы можемъ, укажемъ еще, получить кое-что и для тѣхъ-же общихъ философскихъ воззрѣній Аристотеля, для тѣхъ-же его наиболѣе общихъ объясненій. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ въ настоящей главѣ мы шли отъ общихъ философскихъ воззрѣній Аристотеля,—но обратимъ наше вниманіе теперь исключительно только на собственно познавательныя ученія Аристотеля. Что заключается въ этихъ познавательныхъ ученіяхъ? На этотъ вопросъ въ настоящее время, какъ кажется, можно съ полною опредѣленностью отвѣтить, что съ одной стороны здѣсь находятся нѣкоторыя указанія на дѣйствительно эмпирическую теорію познанія, съ другой же стороны всѣ эти познавательныя ученія, взятыя въ ихъ совокупности и послѣдовательности, содержатъ въ себѣ отрицаніе этой теоріи; во всякомъ случаѣ познавательныя ученія Аристотеля содержатъ въ себѣ нѣчто какъ будто не совсѣмъ согласимое, не совсѣмъ примиримое. Но не тоже ли самое и въ приведенныхъ общихъ философскихъ воззрѣніяхъ Аристотеля, не замѣчается ли такая-же какъ будто нѣкоторая непримиримость и въ положеніи, что основанія единичныхъ, отдѣльныхъ, кажущихся дѣйствительно существующими вещей заключаются въ общемъ, но общее это находится въ самыхъ же этихъ единичныхъ вещахъ, въ каждой изъ единичныхъ вещей? Такимъ образомъ, если общіе философскіе взгляды Аристотеля въ концѣ концовъ объясняютъ намъ его

познавательныя ученія, то и познавательныя ученія, въ свою очередь, какъ-бы подготовляютъ или иллюстрируютъ эти же общіе философскіе взгляды; на основаніи однихъ только познавательныхъ ученій Аристотеля мы уже вполнѣ могли бы ожидать, что онъ придетъ къ подобнымъ взглядамъ. И эта непримиримость, это отсутствіе полной и ясной послѣдовательности, замѣтимъ въ заключеніе, и является, такъ сказать, чѣмъ-то роковымъ для вообще пониманія и оцѣнки философіи Аристотеля: вотъ почему, какъ мы высказали въ нашемъ предисловіи, до сихъ поръ такъ и расходятся въ сужденіяхъ объ Аристотелѣ, какъ о философѣ. Аристотель, какъ мы намекнули вначалѣ настоящей главы, былъ болѣе человѣкомъ трезвымъ, положительнымъ, онъ былъ, такъ сказать, философомъ дѣйствительности, ибо онъ придавалъ весьма большое значеніе обыкновенной дѣйствительности, обыкновеннымъ, кажущимся дѣйствительно существующими вещамъ,—но онъ въ тоже время съ точки зрѣнія своихъ общихъ философскихъ воззрѣній усвоилъ элементы философіи Сократа и Платона, лучше сказать Платона, ибо только Платонъ конечно былъ полнымъ завершителемъ начинаній Сократа. Но принять элементы философіи Платона значило отвергнуть дѣйствительность, философія Платона, въ сущности, есть ничто иное какъ полнѣйшее отрицаніе обыкновенной нормальной дѣйствительности (недаромъ обыкновенную дѣйствительность, обыкновенныя существующія вещи Платонъ, какъ извѣстно, постоянно называетъ небытіемъ, несуществующимъ—*μὴ ὄν*),—такимъ-то образомъ въ вообще философскихъ ученіяхъ Аристотеля и должно было явиться нѣкоторое колебаніе, отсутствіе полной послѣдовательности. Аристотель, какъ мы также говорили, дѣйствительно былъ систематичнымъ философомъ, но эта его систематичность проявлялась всетаки по преимуществу въ его дальнѣйшихъ ученіяхъ, въ дальнѣйшемъ примѣненіи и развитіи имъ его основныхъ положеній,—самыя же основныя философскія положенія Аристотеля въ послѣдовательности и, такъ сказать, законченности уступаютъ такимъ-же положеніямъ Платона.

Указатель приведенныхъ въ подлинникѣ и подвергнутыхъ болѣе спеціальному разбору мѣстъ изъ различныхъ сочиненій Аристотеля.

Anal. post. I, 11. 77 a. 5—11 . . . . . стр. 408—409.
» » II, 19. 99 b. 30 и слѣд. . . . . » 2—3.
» » II, 19. 99 b. 36—100 a. 3 . . . . . » 247—249.
» » II, 19. 100 a. 3—b. 17. . . . . » 394—402.
De anima I, 1. 403 a. 8—9 . . . . . » 325.
» » I, 4. 408 a. 34—b. 18 и b. 30 . . . . . » 34—38.
» » I, 4. 408 b. 18—29. . . . . » 326—328.
» » II, 2. 413 b. 24—27 . . . . . » 328—329.
» » II, 5. 416 b. 33—35 . . . . . » 4.
» » II, 5. 417 a. 6—7. . . . . » 5—6.
» » II, 5. 417 a. 9—14 . . . . . » 6—7.
» » II, 5. 417 a. 14—21 . . . . . » 8—9.
» » II, 5. 417 a. 21—b. 7 и b. 12—16. . . . . » 10—13.
» » II, 5. 417 b. 17—26 . . . . . » 14—16.
» » II, 5. 417 b. 28—418 a. 6. . . . . » 16—18.
» » II, 6. 418 a. 7—25. . . . . » 78—82.
» » II, 7. 418 a. 26—b. 3. . . . . » 84—85.
» » II, 7. 418 b. 4—20. . . . . » 85—89.
» » II, 7. 418 b. 26—419 a. 23. . . . . » 89—93.
» » II, 8. 419 b. 5—25 . . . . . » 100—103.
» » II, 8. 419 b. 33—420 a. 19. . . . . » 103—110.
» » II, 10. 422 a. 8—19 . . . . . » 126—128.
» » II, 10. 422 a. 34—b. 10. . . . . » 137—146.
» » II, 11 422 b. 17—33 . . . . . » 142—146.
» » II, 11. 422 b. 34—423 a. 21. . . . . » 148—152.
» » II, 11. 423 b. 12—17 и b. 20—26. . . . . » 155—160.
» » II, 11. 423 b. 17—19 . . прим. на стр. 136 и прим. на стр. 158—159.
» » II, 11. 423 b. 26—29 . . . . . » 146—147.
» » II, 11. 424 a. 2—10 . . . . . » 163—167.
» » II, 12. 424 a. 17—27 . . . . . » 50—57.
» » II, 12. 424 a. 28—32 . . . . . » 58—59.
» » II, 12. 424 a. 33—b. 18. . . . . » 62—69.

De anima III, 1. 425 a. 13—b. 11. . . . . стр. 173—190.
» » III, 2. 425 b. 12—25. . . . . » 191—199.
» » III, 2. 425 b. 25—426 a. 19 . . . . . » 20—24.
» » III, 2. 426 a. 19—26 . . . . . » 25—27.
» » III, 2. 426 a. 27—b. 7. . . . . » 59—62.
» » III, 2. 426 b. 8—427 a. 14. . . . . » 200—214.
» » III, 3. 427 a. 17—22 и a. 26—b. 14 . . . . . » 251—260.
» » III, 3. 427 b. 14—29 . . . . . » 260—266.
» » III, 3. 428 a. 1—16. . . . . » 266—270.
» » III, 3. 428 a. 17—b. 9 . . . . . » 271—276.
» » III, 3. 428 b. 10—429 a. 8. . . . . » 277—280.
» » III, 4. 429 a. 13—15 и a. 29—31. . . . . » 42—43.
» » III, 4. 429 a. 10—b. 9. . . . . » 329—340.
» » III, 4. 429 b. 10—22 . . . . . » 340—344.
» » III, 4. 429 b. 22—430 a. 9. . . . . » 344—351.
» » III, 5. 430 a. 10—25. . . . . » 362—368.
» » III, 6. 430 a. 26—b. 5. . . . . » 370—375.
» » III, 6. 430 b. 6—31. . . . . » 375—383.
» » III, 7. 431 a. 4—7. . . . . » 44—46.
» » III, 7. 431 a. 17—b. 1. . . . . » 214—224.
» » III, 7. 431 b. 2—19. . . . . » 385—390.
» » III, 8. 431 b. 20—432 a. 3. . . . . » 47—50.
» » III. 8. 432 a. 3—14 . . . . . » 390—394.
De gener. anim. II, 3. 736 b. 15—29. . . . . » 352—358.
De insomn. 1. 459 a. 11—22. . . . . » 298—300.
» » 3. 460 b. 28—461 b. 20 . . . . . » 300—304.
» » 3. 461 b. 21—462 a. 14. . . . . » 305—313.
De memor. 1. 450 a. 9—12 . . . . . » 232—234.
» » 1. 450 a. 22—25 и 451 a. 14—17. . . . . » 287—288.
» » 1. 450 a. 25—451 a. 14. . . . . » 289—297.
Metaphys. XIII, 9. 1086 b. 2—13. . . . . » 407—408.
Phys. VII, 2. 244 b. 5—12. . . . . » 39—41.
De sensu 1. 436 a. 6—11 и b. 1—8 . . . . . » 30—31.
» » 2. 438 a. 12—25 и b. 2—16. . . . . » 95—98.
» » 2. 438 b. 19—20 и b. 27—30 . . . . . » 98.
» » 4. 441 a. 20—23 a. 27—b. 10 и b. 12—21. . . . . » 129—135.
» » 5. 442 b. 26—443 a. 8 и 443 b. 3—16. . . . . » 112—118.
» » 5. 444 a. 8—15 и a. 19—b. 2. . . . . » 120—125.
» » 5. 444 b. 21—23. . . . . » 123.
» » 7. 449 a. 8—20. . . . . » 234—238.
De somn. et vig. 1. 454 a. 7—11 . . . . . » 32—33.
» » » 2. 455 a. 12—26. . . . . » 227—231.

Поправки, дополненія и опечатки.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3	3 сверху	И кажется,	И ясно же,
24	2 снизу	*ἄκουσις*	*ἡ ἄκουσις*
»	1 »	*ἀνώ,*	*ἀνώ·*
26	7 »	*οἰ*	*οἷ*
34	17 »	выраженіе *φαίνεται*;	выраженіе *φαίνεται* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ;
36	6 сверху	доходитъ	доходятъ
44	9 »	«Кажется»,	«Ясно»,
60	4 снизу	*η*	*ἡ*
62	22 »	*συμφονία*	*συμφωνία*
66	12 »	*τὴν ὄσφρησιν ποιεῖ*	*τὴν ὄσφρησιν ἡ ὀσμὴ ποιεῖ*
69	24 »	*οἷον ἀήρ.*	*οἷον ἀήρ·*
76	6 »	внѣшніе, чувственные предметы	внѣшніе, чувственные предметы, по подлинному мнѣнію Аристотеля,
»	4 »	что собственно субъектъ	что собственно субъектъ, по Аристотелю,
77	16 »	обусловливается, и	обусловливается и
91	15 сверху	*ὅτε μὲν σκότος ὅτε*	*ὁτὲ μὲν σκότος ὁτὲ*
98	13 снизу	*ὕδατος.*	*ὕδατος·*
100	13 »	«На слухъ»,	«На звукъ»,
»	5 »	этимъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ дѣятельности слуха.	этимъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ.
105	2 »	*κινηθῆ*	*κινηθῇ*
108	16 сверху	*ὡρισμένον*	*ὡρισμένον*
127	20 »	*ουδὲ*	*οὐδὲ*
133	7 »	(т. д.	(т. е.
»	15 »	De sensu et sens. 5.	De sensu et sens. 4.
»	13 снизу	*οὐδ' ἄλλο οὐδέν.*	*οὐδ' ἄλλο οὐδέν·*
145	11 сверху	*ἐπὶ τών*	*ἐπὶ τῶν*
156	19 снизу	*θείη τὸ ἔσχατον·*	*θείη τὸ ἔσχατον.*

186	2 снизу	я и нахожу возможность	я и нахожу возможнымъ
205	7 сверху	ощущенія, представляютъ	ощущенія представляютъ
»	8 »	движенія происходящія	движенія, происходящія
208	10 »	и бѣлымъ и чернымъ,	и бѣлымъ и чернымъ.
209	7 снизу	ἦ	ἦ
219	14 »	способности, чувственнаго познанія,	способности чувственнаго познанія,
234	16 »	оставалось	оставалась
239	1 сверху	такого	таково
248	19 снизу	99 Ь.—100 а. 3.	99 Ь. 36—100 а. 3.
»	7 »	и объясненія,	и объясненія;
»	5 »	послѣ слова ἔνεστιν,	послѣ слова ἔνεστιν;
254	7 сверху	что не одно и тоже ощущеніе	что не одно и тоже—ощущеніе
255	18 снизу	τῶν ὄντων,	τῶν ὄντων,
»	10 »	ἡ αὐτὴ εἶναι·	ἡ αὐτὴ εἶναι.
»	9 »	τῶν ζῳῶν·	τῶν ζῳῶν.
260	17 »	въ отношеніи чувствъ знанія.	въ отношеніи чувствъ разума.
266	9 »	читатель	читателя
267	20 сверху	можетъ быть способность зрѣнія и	можетъ быть способность видѣть что-либо» (опредѣленное) «и
»	25—32 »	когда живое чувствующее существо спитъ, оно, по Аристотелю, совершенно не пользуется способностью чувственнаго познанія, о спящемъ чувствующемъ существѣ слѣдуетъ сказать, говоритъ Аристотель, что оно какъ-бы совсѣмъ неспособно къ чувственному познанію, не способно—ни въ возможности, ни въ дѣйствительности; между тѣмъ такоеже спящее существо продолжаетъ пользоваться дѣятельностью способности *фантазία*, ему вполнѣ возможно и во время сна имѣть образы, представленія:	когда живое чувствующее существо спитъ, оно, по Аристотелю, совершенно не пользуется способностью реальнаго, дѣйствительнаго чувственнаго познанія, о спящемъ чувствующемъ существѣ слѣдуетъ сказать, говоритъ Аристотель, что оно какъ-бы совсѣмъ неспособно къ дѣйствительному чувственному познанію, неспособно—ни въ возможности, ни въ дѣйствительности; между тѣмъ такоеже спящее существо продолжаетъ пользоваться дѣятельностью способности *фантазία*, ему вполнѣ возможно и во время сна имѣть дѣйствительные образы, представленія:
274	3 »	«относится ни къ чему иному	«относится не къ чему иному
285	14 снизу	и Torstrika, за нимъ	и Torstrik, а за нимъ
288	9 сверху	уже несомнѣнно можно только,	уже несомнѣно можно преимущественно,
289	16 »	направлены ни на что иное	направлены не на что иное
300	7 »	самаго	самого
301	12 снизу	оставшіеся	оставшіяся

303	5 снизу	462 b. 20.	461 b. 20.
304	21 »	*οἰνωμένοις*	*οἰνωμένοις·*
307	11 »	какъ разъ имѣло мѣсго,	какъ разъ имѣло мѣсто;
316	5 »	прим. 18-ое:	прим. 18-ое):
327	16 »	*οὔτε φιλεῖ.*	*οὔτε φιλεῖ·*
335	22 »	Froschmmer'a	Froschammer'a
351	17 сверху	*γεγραμμένον*	*γεγραμμένον·*
363	5 снизу и далѣе во всемъ примѣчаніи	*ὅτε μὲν νοεῖ ὅτε δ' οὐ νοεῖ*	*ὁτὲ μὲν νοεῖ ὁτὲ δ' οὐ νοεῖ*
381	16 снизу	*κατὰ τινός*	*κατὰ τινός·*
395	15 »	такого	такою